This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

P 5140 475.65

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

НАБЛЮДАТЕЛЬ

ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ПОЛИТИЧЕСКІЙ И УЧЕНЫЙ,

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

А. П. ПЯТКОВСКАГО.

ГОДЪ XIV. ФЕВРАЛЬ. 1895 ГОДЪ.

СОДЕРЖАНІЕ:

СТРАН.

I. Изъ разсказовъ: «Концы и начала». («Дэнди».) **А. Михайлова.** (*А. К. Шеллера*) 11
II. Жизнь. Стихотвореніе **М. М. Гербановскаго** 27
III. Новыя умственныя теченія въ современной Германіи. **А. С. Трачевскаго.** 28
IV. Амурскіе лихачи. (Изъ воспоминаній туриста). **С. Ф. Годлевскаго.** 54
V. Мери. Стихотвореніе **К. Бальмонта** 55
VI. Современный анархизмъ и его теоретики. **В. В. Чуйко** . . 75
VII. Свѣту больше! Историческій романъ. **Д. Л. Мордовцева** . 99
VIII. Наша періодическая печать и сельское хозяйство. **Д. Райскаго** 146
IX. Встрѣча. Стихотвореніе **Л. Афанасьева.** 165
X. Расплата. Романъ **В. Свѣтлова** 166
XI. Венеціанки. Романъ **миссъ Брэддонъ.** 217
XII. Эпоха увлеченій. (Изъ воспоминаній русскаго гарибальдійца). **Н. А. Попова** 249
XIII. Спутникъ человѣка. Стихотвореніе **В. К. Булгакова.** . . 282
XIV. Наша журналистика. **К—скаго** 284
XV. Изъ американской жизни. (Путевыя впечатлѣнія). **В. Святловскаго** 301
XVI. Въ желѣзнодорожномъ мірѣ. (Очерки и картинки). **С. Васюкова.** 318
XVII. Вздохъ. Стихотвореніе **А. Мейснера.** 338
XVIII. Правда и ложь о еврейскомъ землевладѣніи. **А. Н. Котельникова.** 340
XIX. Господинъ министръ. Романъ **Кларети** 350
XX. Элегія. Стихотвореніе **В. Кобзаренко** 398

(См. на оборотѣ).

Digitized by Google

№ 2 «Наблюдателя» вышелъ 1-го февраля 1895 года.

Современное обозрѣніе.

СТРАН.

XXI. Политическая хроника. 1

Сюрпризъ, поднесенный Франціею въ Новый годъ.—Новый президентъ республики.—Исторія переворота и паденія правительства.—Выборы въ Версали.—Случайный президентъ и скандалъ соціалистовъ.—Подвиги анархистовъ.—Критическое положеніе Франціи.—Рѣчь Вильгельма II при открытіи прусскаго сейма.—Имперія и соціализмъ.—Англійская дружба, оказывающаяся пуфомъ.—Переходъ отъ словъ къ дѣлу.—Итальянскія побѣды, прикрывающія финансовый крахъ.—Положеніе Сѣверной Америки.—Японско-китайская война.

XXII. Новыя книги. 1) **Ежегодникъ императорскихъ театровъ.** Сезонъ 1893—94 г.; 2) *А. Я. Максимовъ.* **Наши задачи на Тихомъ океанѣ.** 1895 г.; 3) **Басни Крылова.** Полное собраніе, съ біографіей. 1895 г.; 4) **Фабрика. Что она даетъ населенію и что она у него беретъ?** *Е. М. Дементьева*; 5) **Русскіе символисты.** Выпускъ 1-й и 2-й. Москва. 1894 г.; 6) **Лирика и антологія русскихъ поэтовъ.** Сборникъ стихотвореній. Изданіе *П. Порфирова.* Спб. 1895 г.; 7) *М. Молло.* **Правила адвокатской профессіи во Франціи.** Изданіе Н. П. Шубинскаго. Москва, 1894 г. . 10

XXIII. Наши внутреннія дѣла 21

Тяжелыя условія, при которыхъ началось царствованіе Александра III.—Враги Россіи—анархизмъ и реакція.—Какъ воспользовалась реакціонная печать катастрофой 1 марта?—Россія на пути спокойнаго развитія.—Нужды Россіи и отношеніе къ нимъ правительственной власти.—Государственная роспись доходовъ и расходовъ на 1895 годъ и общіе взгляды министра финансовъ на экономическое состояніе страны въ теченіе послѣднихъ 13 лѣтъ.—Мысль министра финансовъ о разительныхъ успѣхахъ Россіи во всѣхъ областяхъ ея внутренней жизни.—Ошибки нашей экономической и финансовой политики въ прошломъ.—Какія причины привели насъ къ современному земледѣльческому кризису?—Правильно ли распредѣлены различныя государственныя задачи между нашими министерствами?—Какія послѣдствія даетъ неправильное опредѣленіе компетенціи отдѣльныхъ министерствъ?—Основная задача министерства финансовъ—уравненіе податной тяжести между различными классами.—Подоходный налогъ и его исторія въ Россіи.

XXIV. Фонографъ. (Фельетонъ **«Наблюдателя»**). 1) **«И смѣхъ, и горе».** (Литературныя и общественныя замѣтки). Проснувшіяся вожделѣнія «гонимаго племени».—Усиленная агитація противъ «черты еврейской осѣдлости».—Справка о пользѣ еврейской равноправности на западѣ Европы.—Антисемитизмъ во Франціи и его представители изъ разныхъ слоевъ общества.—Сарсэ, Андріё, Дрюмонъ и Рошфоръ.—Современные храмы «Золотаго Тельца».—Ихъ жрецы и поклонники.—Парижскій биржевой соборъ на Place de la Bourse.—Наше маленькое капище на Васильевскомъ островѣ.—Игра на «повышеніе» и «пониженіе» дивидендныхъ бумагъ.—Биржевые «зайцы» и «пижоны».—Предостереженіе министерства финансовъ.—Попытка отличить биржевой азартъ отъ нормальнаго повышенія цѣнъ. **Ефима Простосердова** . 37

2) Стихотворенія: **Стараго Поэта** 49

Google

НАБЛЮДАТЕЛЬ

ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ПОЛИТИЧЕСКІЙ И УЧЕНЫЙ,

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

А. П. ПЯТКОВСКАГО.

ГОДЪ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ.

№ 2. ФЕВРАЛЬ.

HARVARD UNIVERSITY
LIBRARY
FEB 15 1974
74*2

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Редакція и главная контора помѣщаются въ Пушкинской улицѣ (близъ Невскаго просп.) № д. 11.
1895.

ТИПОГРАФІЯ ГЛАВНАГО УПРАВЛЕНІЯ УДѢЛОВЪ, МОХОВАЯ, 40

Digitized by Google

PSlav 475,65 (No. 2 1895)

Печатаются и въ непродолжительномъ времени поступятъ въ продажу изданія редакціи:

I.

Князь В. Ѳ. ОДОЕВСКІЙ

Литературно-біографическій очеркъ въ связи съ личными воспоминаніями. *А. П. Пятковскаго.* Изданіе второе, съ приложеніемъ портрета кн. Одоевскаго и писемъ къ автору отъ современниковъ князя: *барона А. Г. Жомини* и *княгини М. А. Вяземской.*

HARVARD UNIVERSITY LIBRARY FEB 15 1974

Первое изданіе внесено въ «Каталогъ ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній Министерства народнаго просвѣщенія». (Спб. 1889 г., № 1974).

74K II 2

ПО ОБЩЕСТВЕННЫМЪ ВОПРОСАМЪ

Сборникъ публицистическихъ статей и этюдовъ. *Его же.* (Сюда войдутъ нѣкоторыя статьи изъ книги: «Живые вопросы», уже давно не имѣющейся въ продажѣ).

HARVARD UNIVERSITY LIBRARY FEB 15 1974

III.

ИВАНЪ ИВАНОВИЧЪ БЕЦКІЙ И ЕГО ВРЕМЯ

Историческая монографія въ двухъ частяхъ: 1) Біографическій очеркъ Бецкаго, съ изложеніемъ его педагогической системы; 2) С.-Петербургскій Воспитательный Домъ подъ управленіемъ И. И. Бецкаго (по документамъ нѣсколькихъ казенныхъ архивовъ вѣдомства Собственной Е. И. В. Канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы Маріи). *Его же.* Къ книгѣ будетъ приложенъ портретъ Бецкаго.

При выпискѣ этихъ книгъ изъ Главной Конторы, подписчики «Наблюдателя» будутъ пользоваться значительною уступкою.

88510

ГОСУДАРСТВЕННАЯ РЕСПУБЛИКАНСКАЯ Кирг... ЧЕРНЫШЕВСКОГО

HARVARD UNIVERSITY LIBRARY FEB 15 1974

Digitized by Google

ОБЪ ИЗДАНІИ ВЪ 1895 Г. ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКАГО ЖУРНАЛА

ГОДЪ XIV „НАБЛЮДАТЕЛЬ“ ГОДЪ XIV

Выходитъ ежемѣсячно 1-го числа, безъ предварительной цензуры, книгами отъ 25 до 30 печатныхъ листовъ, въ объемѣ и форматѣ самыхъ большихъ ежемѣсячныхъ журналовъ.

Вступивъ **въ 14-й годъ** изданія нашего журнала, мы будемъ вести его въ томъ же твердо установившемся направленіи, съ которымъ хорошо знакомы наши постоянные читатели. «**НАБЛЮДАТЕЛЬ**», прежде всего, стремился быть журналомъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ понимали это слово лучшіе дѣятели нашей журналистики, и рядъ статей, въ немъ появлявшихся, не представляетъ собою сброда разныхъ направленій, пріютившихся подъ одною обложкою, *но проникнутъ и связанъ общностью одного опредѣленнаго міросозерцанія* [1]). Общее же направленіе нашего журнала,—насколько намъ удалось выдержать его по всѣмъ выдающимся вопросамъ внутренней и внѣшней политики,—мы имѣемъ право назвать *прогрессивно-національнымъ*. Всегда и во всемъ, въ предѣлахъ, указанныхъ для русской свободной печати, мы стояли *за прогрессивное движеніе нашей государственной и общественной жизни—въ сторону свѣта, правды, нравственнаго и экономическаго благосостоянія*—съ сохраненіемъ, притомъ, всѣхъ заслуживающихъ уваженія историческихъ основъ нашего національнаго быта. Мы отрицали и аракчеевщину, идущую сверху, и пугачевщину, поднимающуюся снизу. Слѣдуя этому пути, мы отходили оди-

[1]) «Указатель» статей, напечатанныхъ въ нашемъ журналѣ за двѣнадцать лѣтъ (съ 1882 до 1894 года) приложенъ къ декабрьской книгѣ прошлаго года.

Digitized by Google

наково-далеко и отъ дикаго обскурантизма нашей якобы «консервативной» прессы, и отъ буржуазно-космополитическаго «либерализма», весьма преклоннаго къ еврейству и защищающаго, главнымъ образомъ, его интересы. Изъ нашей прогрессивной программы мы навсегда и рѣшительно исключили фальшиво-гуманныя еврейскія симпатіи, которыя вторгнулись въ русскую прессу 60-хъ годовъ подъ либеральнымъ флагомъ «религіозной терпимости», благодаря тогдашнему полному невѣжеству относительно настоящаго — антисоціальнаго, а вовсе не религіознаго—смысла еврейскаго ученія; теперь же поддерживаются у насъ однимъ давленіемъ еврейскаго капитала. Разъясненію подлиннаго смысла талмуда и шулханъ-аруха—этихъ *гражданскихъ* и *политическихъ* кодексовъ еврейства—мы посвятили цѣлый рядъ изслѣдованій и этюдовъ: проф. *Ѳ. И. Леонтовича*, *А. П. Пятковскаго*, *М. В. Неручева*, *А. А. Быкова*, *А. Н. Котельникова*, *Н. Тембе*, *С. Трушко* и др. Своими документальными—историческими и статистическими—данными эти изслѣдованія значительно разогнали напущенный евреями туманъ и поставили, такъ называемый, «еврейскій вопросъ» на принадлежащую ему политико-экономическую почву [1]).

Этого *прогрессивно-національнаго направленія* мы намѣрены держаться неуклонно и на будущее время, не смотря на все тайное и явное противодѣйствіе небезкорыстныхъ служителей якобы «гонимаго племени».

Въ 1894 г., въ журналѣ были напечатаны: 1) **Горный ручей**, романъ *І. І. Ясинскаго*; 2) **Желѣзомъ и кровью**, историческій романъ изъ временъ завоеванія Кавказа при Ермоловѣ, *Д. Л. Мордовцева;* 3) **Съ добрымъ сердцемъ**, повѣсть *А. А. Виницкой*; 4) **Весною**, очерки *Ф. Д. Нефедова*; 5) **Неудача генерала Постромкова**, повѣсть *Н. Д. Маслова* (автора романа: «Изъяны воли»); 6) **Золоченая богема**, романъ *В. Свѣтлова*; 7) **Жизнь съизнова**, романъ *Н. Ѳ. Бажина;* 8) **Жертва иллюзіи**, романъ *К. В. Назарьевой*; 9) **Свѣтъ клиномъ сошелся**, повѣсть *В. А. Рышкова;* 10) **Очерки иностранной литературы**, *В. Р. Зотова;* 11) **Повѣсть честнаго гражданина** (по поводу «Дневника» Никитенка) *К. П. Медвѣдскаго*; 12) **Памиры и памирскій вопросъ**, *В. Острогорова*; 13) **Военное воздухоплаваніе**, *М. И. Венюкова*; 14) **Крестьянское хозяйство и народное продовольствіе**, *И. О. Фесенко*; 15) **О задачахъ городскаго самоуправленія**, *А. Н. Котельникова*; 16) **Древніе адвокаты и наши присяжные цицероны**, *В. В. Птицына*; 17) **Казенный раввинатъ**, *Н. Тембе*; 18) **За-**

[1]) См. «*Наблюдатель*» 1882 г. №№ 2, 5 и 6; 1883 г. № 9; 1891 г. №№ 4, 5 и 6; 1892 г. №№ 2, 5 и 11; 1893 г. №№ 5 и 11; 1894 г. №№ 1 и 2; 1895 г. № 1.

Digitized by Google

дачи женскаго образованія, *Н. Цакни*; 19) **Къ вопросу о народной переписи**, *Статистика;* 20) **Падшіе ангелы** (изъ жизни «отдаленныхъ мѣстъ») *С. Ф. Годлевскаго*; 21) **Изъ американской жизни**, *В. Святловскаго*; 22) **Кавказскія минеральныя воды въ 1893 г.**, *Н. Щирскаго;* 23) **Законность управленія и кодификація права**, *Н. П. Дружинина*; 24) **Д. В. Григоровичъ**, *К. Говорова*; 25) **Чехи на Волыни**, *А. П. Липранди*; 26) **Работа, какъ наказаніе**, *А. О. Дукмасова*; 27) **Наша драматическая труппа**, *В. Свѣтлова*; 28) **На трехъ выставкахъ**, *И—а*; 29) **Первые шаги въ устройствѣ русской церкви въ Прагѣ**, *гр. П. А. Кутузова*; 30) **Наша журналистика**, *К—скаго*; 31) **Министерство земледѣлія**, *В. Г. Швецова*; 32) **Теорія Броунъ-Секара и ея примѣненіе**, *Его же;* 33) **Двѣ системы средняго образованія**, *Одного изъ родителей*; 34) **Путь къ Берлинскому трактату**, *Б. К. П.*; 35) **Наша музыкальная жизнь**, *В. С. Баскина;* 36) **Юліанъ Отступникъ**, историч. романъ *Феликса Дана*; 37) **Рабъ свѣта**, политическій романъ (съ англ.) *Генри Сетона Мерримена*; 38) **Лурдъ**, романъ *Эмиля Золя*; 39) **Заслуженный успѣхъ** (по поводу книги Дминскаго: «Евреи и ихъ вѣроученіе») *А. П. Пятковскаго*; 40) **И смѣхъ, и горе**, фельетоны *Ефима Простосердова* и пр., и пр.

Въ 1895 г., кромѣ вышепоименованныхъ беллетристовъ, въ журналѣ снова примутъ участіе: **А. К. Шеллеръ, Вас. И. Немировичъ-Данченко, Д. И. Стахѣевъ, В. Л. Марковъ, И. Д. Ахшарумовъ** и мн. др.

Воспоминанія **А. П. ПЯТКОВСКАГО** (**«Изъ моего прошлаго»**), обѣщанныя читателямъ въ прошломъ году, отложены, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, до 1895 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ.	На полгода.	На три мѣс.
Безъ доставки	12 р.	6 р.—к.	3 р.—к.
Съ доставкою въ С.-Петербургѣ	13 »	6 » 50 »	3 » 50 »
» пересылкою въ другія мѣста Россіи . . .	14 »	7 » — »	3 » 50 »
» » за границу	17 »	9 » — »	5 » — »

Полугодовая и трехмѣсячная подписка, съ доставкой и пересылкой внутри Россіи, разсчитана въ равныхъ доляхъ съ годовой, безъ надбавки.

Digitized by Google

Всѣ подписчики „НАБЛЮДАТЕЛЯ“ (годовые, полугодовые и трехмѣсячные), желающіе получить ВТОРОЕ, дополненное, изданіе монографій А. П. Пятковскаго въ 2-хъ частяхъ: «ИЗЪ ИСТОРІИ НАШЕГО ЛИТЕРАТУРНАГО И ОБЩЕСТВЕННАГО РАЗВИТІЯ», приплачиваютъ къ подписной цѣнѣ 2 р. Къ оставшимся, въ небольшомъ количествѣ, экземплярамъ приложенъ портретъ автора.

Книгопродавцамъ — 50 коп. уступки съ годоваго экземпляра. Гг. служащимъ—разсрочка (мѣсячная или по третямъ) за поручительствомъ гг. казначеевъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ С.-Петербургѣ, въ Главной Конторѣ редакціи (Пушкинская ул., близъ Невскаго пр., № 11), въ конторѣ «Новаго Времени» (Невскій пр., № 38), а также во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ; въ Москвѣ,—въ конторѣ Печковской (Петровскія линіи) и въ книжномъ магазинѣ Карбасникова (Моховая, противъ Университета). Редакція принимаетъ на себя отвѣтственность только за подписку, принятую въ Главной Конторѣ журнала.

Digitized by Google

Отъ главной конторы „Наблюдателя".

Въ Главной Конторѣ, изъ всѣхъ прежнихъ годовъ изданія «Наблюдателя», полные экземпляры журнала имѣются въ небольшомъ количествѣ только за 1893 и 1892 г.г.

Содержаніе журнала за 1893 г.

1) **Совѣсть зазрила,** романъ *А. Михайлова*; 2) **Лицемѣры,** романъ *І. І. Ясинскаго*; 3) **Ночь,** романъ *Н. Ѳ. Бажина*; 4) **Волчья яма,** романъ *П. Лѣтнева*; 5) **Надорванныя силы,** романъ *К. В. Назарьевой*; 6) **Къ чему?** романъ *И. Д. Ахшарумова*; 7) **Призраки минувшаго,** романъ *В. Свѣтлова*; 8) **Изъ любопытства,** разсказъ *А. А. Виницкой*; 9) **Что дѣлается въ деревнѣ?** разсказы *В. А. Рышкова*; 10) **Изъ воспоминаній,** *В. Р. Зотова*; 11) **Очерки иностранной литературы,** *Его же*; 12) **Борьба съ холерою,** *Н. П. Дружинина;* 13) **Эрнестъ Ренанъ** (по поводу его смерти) *В. В. Чуйко*; 14) **Неурожаи прошлаго вѣка** (по архивнымъ матеріаламъ) *П. В. Безобразова*; 15) **Артемій Петровичъ Волынскій,** историческая характеристика, *К. В. Ярошa*; 16) **Къ вопросу о преобразованіи государственнаго банка,** *Л. Н. Нисселовича*; 17) **О задачахъ искусства,** *К. Говорова.* 18) **Послѣдній могиканъ идейной поэзіи** (по поводу «Стихотвореній А. М. Жемчужникова») *Его же*; 19) **А. Н. Энгельгардтъ и его значеніе для русской культуры и науки,** *С. Ѳ. Шарапова*; 20) **Глинка и его Русланъ,** *В. С. Баскина*; 21) **Гуно и Чайковскій,** *Его же*; 22) **Иллинойсъ и Чикаго,** *М. И. Венюкова*; 23) **Ирландія въ 1893 г.** *Его же*; 24) **Народъ по еврейскому законодательству, древнему и новому,** *Н. Тембе*; 25) **Галаха и Агада** (къ еврейскому вопросу) *Его же*; 26) **Уѣздныя письма,** *Ѳ. Э. Ромера;* 27) **Изъ жизни французскаго резервиста,** *Ж. де-Кервильи;* 28) **Парижскія письма,** *Его же;* 29) **Условія правильнаго классическаго воспитанія и его нынѣшняя постановка,** *Одного изъ родителей;* 30) **Панамскій каналъ и его исторія,** *И. П.;* 31) **Философія права, какъ самостоятельный предметъ юридическаго факультета,** *А. Н. Котельникова;* 32) **Тяжелый годъ** (по поводу голодовки) *В. Бирюковича*; 33) **Тамбовскій оригиналъ и полемистъ** (по архивнымъ источникамъ) *И. И. Дубасова*; 34) **Школа жизни,** *М. Слобожанина;* 35) **Наша драматическая сцена подъ новымъ управленіемъ,** *В. Свѣтлова*; 36) **Михайловскій театръ,** *В. И.*; 37) **Бетховенъ, какъ человѣкъ и музыкантъ,** *В. Е. Чешихина;* 38) **Судъ и жизнь,** *А. О. Дукмасова;* 39) **Земельная неурядица въ Уфимской губерніи,** *А. Якимова*; 40) **По дорогѣ въ Корсику и на островѣ,** *М. В.;* 41) **Наташа** (былъ изъ станичной жизни) *Н. Затонскаго*;

Digitized by Google

42) **Наша журналистика**, *К-скаго;* 43) **Изнанка сцены** (театральный очеркъ) *В. Свѣтлова;* 44) **Студенческіе годы**, *Бывшаго студента;* 45) **Общественные идеалы Фридриха Нитцше**, *В. В. Чуйко;* 46) **Нужды нашего сельскаго хозяйства**, *В. Бирюковича;* 47) **Изъ жизни въ деревнѣ**, *И. Васина;* 48) **По цѣлебному предгорью Кавказа**, *М. Слобожанина;* 49) **Гимнъ торжествующей толпы** (произведенія гр. Л. Н. Толстаго) *К. П. Медвѣдскаго;* 50) **Докторъ Паскаль**, романъ *Эмиля Золя;* 51) **Партизаны**, романъ *Ганса Гофмана;* 52) **Американскій претендентъ**, романъ *Марка Твена* (съ англ.); 53) **Призракъ**, повѣсть *Перѣса Гальдоса* (съ испанскаго); 54) **Бѣлое братство**, романъ *А. Конанъ-Дойля* (съ англ.); 55) **Новая система**, комедія въ 5-ти дѣйствіяхъ, *Бьёрнстерна-Бьёрнсона* (съ норвежск.); 56) **Разсказы Матильды Серао** (съ итальянск.) переводъ *П. Лѣтнева;* 57) **Мой пріятель Мюссаръ**, разсказъ *Л. Галеви* и пр., и пр.

Фельетоны *Ефима Простосердова*: «**И смѣхъ, и горе**» помѣщались въ каждой книгѣ журнала, кромѣ лѣтнихъ мѣсяцевъ.

Цѣна годоваго экземпляра **10** р. съ перес.; за полгода—**5** р. Библіотеки, выписывающія сразу не менѣе 5-ти экземпляровъ, пользуются уступкою 20%.

Содержаніе журнала за 1892 г.

1) **Изъ трясины на дорогу**, романъ *А. Михайлова (А. К. Шеллера);* 2) **Петербургскіе туманы**, романъ *І. І. Ясинскаго;* 3) **Итоги**, романъ *Н. Ѳ. Бажина;* 4) **Священный огонь**, романъ *Г. Таранскаго;* 5) **Вмѣсто хлѣба—камень**, романъ *П. Лѣтнева;* 6) **Ораторы**, романъ *К. В. Назарьевой;* 7) **По призванію**, романъ *В. Свѣтлова;* 8) **Лукавый попуталъ**, разсказъ *Ф. Д. Нефедова;* 9) **Карьера**, разсказъ *І. І. Ясинскаго;* 10) **Событіе** (картины изъ обыденной жизни) *А. А. Виницкой;* 11) **За что погибъ человѣкъ?** разсказъ *П. Добротворскаго;* 12) **Безъ цѣли**, повѣсть *кн. Б. А. Щетинина;* 13) **Желѣзнодорожный царекъ**, разсказъ *А. Молотова;* 14) **Что дѣлается въ деревнѣ?** *В. Рышкова;* 15) **Голодовки и способы ихъ предупрежденія**, *М. И. Венюкова;* 16) **Эволюція въ исторіи уголовнаго права**, проф. *Бѣлогриць-Котляревскаго;* 17) **Послѣднія произведенія гр. Толстаго**, *В. В. Чуйко;* 18) **Крестьянскій судъ въ его послѣднемъ фазисѣ**, *Н. П. Дружинина;* 19) **Очерки иностранной литературы**, *В. Р. Зотова;* 20) **Тамбовскіе дипломаты XVIII вѣка**, *И. И. Дубасова;* 21) **Художественныя выставки Рѣпина и Шишкина**, *В. В. Чуйко;* 22) **Любовь въ мірѣ животныхъ**, *П. В. Безобразова;* 23) **Религіозное движеніе въ Англіи**, *В. Флурансова;* 24) **Евреи въ Одессѣ**, *Л. М.;* 25) **Евреи вокругъ Одессы**, *В. Трушко;* 26) **Четырехсотлѣтіе открытія Америки**, *М. И. Венюкова;* 27) **Первая выставка народныхъ картинъ въ Петербургѣ**, *В. П. Воленса;* 28) **Можно ли поднять нашу земледѣльческую промышленность?** *А. К. Гриневскаго;* 29) **Очеркъ этическихъ ученій въ современномъ обществѣ**, *В. В. Чуйко;* 30) **Колумбовская всемірная выставка**, *М. И. Венюкова;* 31) **Научныя новости**, *Его же;* 32) **Наши театры**, *В. В. Чуйко;* 33) **Альфредъ Теннисонъ** (литер.-біографич. очеркъ) *Его же;* 34) **Шелли** (опытъ литературной характеристики) *Его же;* 35) **Оклеветанный геній** (А. С. Пушкинъ) *К. Го-*

Digitized by Google

ворова; 36) **Торжествующій разночинецъ,** *Его же*; 37) **Англійскій публицистъ XVII в.** (Даніэль Дефоэ) *А. С. Залшупина*; 38) **Генрихъ Гейне,** *В. В. Чуйко*; 39) **Опытъ литературной фальсификаціи** (по поводу книги г. Песковскаго: «Роковое недоразумѣніе») *А. П. Пятковскаго;* 40) **Какою должна быть крестьянская школа?** *Г. Яковлева;* 41) **Современное русское міросозерцаніе и его отраженіе въ литературѣ,** *К. П. Медвѣдскаго*; 42) **Профессіональные союзы во Франціи,** *Г.;* 43) **Позитивизмъ передъ судомъ научной критики,** *В. В. Чуйко*; 44) **О международномъ правительствѣ,** *В. А. Бѣлинскаго;* 45) **Курьезы талмудической мудрости,** *Н. Тембе;* 46) **Музыкальне-театральная выставка въ Вѣнѣ,** *В. С. Баскина;* 47) **Наши театры,** *В. В. Чуйко;* 48) **Парижскія письма,** *Ж. де-Кервильи;* 49) **Разгромъ,** романъ *Эмиля Золя*; 50) **По тернистой дорогѣ,** романъ *Георга Эберса;* 51) **Ксантиппа,** историческій романъ *Франца Маутнера*; 52) **Народный учитель,** повѣсть *Эдмонда де-Амичиса;* 53) **Отверженный,** разсказъ *Матильды Серао*; 54) **Наша журналистика,** *К—скаго* и пр.

Фельетоны **Ефима Простосердова: «И смѣхъ, и горе»** помѣщались въ каждой книгѣ журнала, кромѣ лѣтнихъ мѣсяцевъ.

Цѣна годоваго экземпляра съ пересылкою: **8** р.; за полгода—**4** р. Библіотеки, выписывающія сразу не менѣе 5-ти экземпляровъ, пользуются уступкою 20%.

КРОМѢ ТОГО, ВЪ ГЛАВНОЙ КОНТОРѢ ИМѢЮТСЯ ВЪ ПРОДАЖѢ:

I.

„Изъ исторіи нашего литературнаго и общественнаго развитія",

монографіи и критическія статьи **А. П. Пятковскаго,** въ 2-хъ частяхъ, *второе*, дополненное, изданіе. СПб., 1888 г. (около 40 печатн. листовъ).

Содержаніе 1-й части: 1) О жизни и сочиненіяхъ Фонъ-Визина; 2) Осьмнадцатый вѣкъ въ русской исторіи; 3) Наши классики въ характеристикахъ г. Галахова; 4) О новѣйшемъ преподаваніи русской литературы и другихъ предметовъ; 5) Новая передѣлка карамзинской теоріи; 6) Опытъ философской разработки русской исторіи; 7) Идея гражданскаго брака въ русскомъ расколѣ; 8) Цензурный проэктъ Магницкаго; 9) Пушкинскій праздникъ въ Москвѣ.

Содержаніе 2-й части: 1) Очерки изъ исторіи русской журналистики (отъ Петра I до Александра I-го); 2) Журнальный тріумвиратъ (изъ исторіи русской журналистики 30-хъ годовъ: Сенковскій, Гречъ и Булгаринъ); 3) Князь В. Ѳ. Одоевскій. Литературно-біографическій очеркъ, въ связи съ личными воспоминаніями; 4) О жизни и сочиненіяхъ Д. В. Веневитинова.

Отзывы объ обоихъ изданіяхъ: въ «Голосѣ», «Вѣстникѣ Европы», «Дѣлѣ», «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ», «Недѣлѣ», «Историческомъ Вѣстникѣ», «Русской Старинѣ», «Правительственномъ Вѣстникѣ», «Живописномъ Обозрѣніи», «Всемірной Иллюстраціи» и пр.

Digitized by Google

Къ оставшимся экземплярамъ втораго изданія приложенъ портретъ автора. **Цѣна 3 р. съ перес.** *Подписчики «Наблюдателя» (годовые, полугодовые и разсроченные) приплачиваютъ къ подписной цѣнѣ 2 р.*

II.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ Д. В. ВЕНЕВИТИНОВА.

изданіе (3-е) подъ редакціею **А. П. Пятковскаго.** Съ приложеніемъ портрета автора, факсимиле и статьи о его жизни и сочиненіяхъ.

С.-Петербургъ. 1862 г.

Цѣна **1** р. **25** к. съ пересылкою.

Изданіе одобрено ученымъ комитетомъ Министерства народнаго просвѣщенія, Главнымъ управленіемъ военно-учебныхъ заведеній и бывшимъ IV-мъ Отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи.

Во избѣжаніе излишней переписки и возвращенія денегъ, Главная Контора считаетъ необходимымъ предупредить, что изданные редакціею въ разное время: 1) **Сборникъ иностранныхъ романовъ**; 2) **Сераписъ**, историческій романъ *Георга Эберса*; 3) **Гансъ-Филинъ**, романъ *Шпильгагена*; 4) **Князь В. Ѳ. Одоевскій**, литературно-біографическій очеркъ, *А. П. Пятковскаго*; 5) **Живые вопросы**, критическіе очерки и этюды изъ современной жизни, *Его-же*, 6) **Утѣха жизни**, романъ *Эмиля Золя* и 7) **Гражданскіе мотивы**, сборникъ стихотвореній—уже распроданы.

Digitized by Google

Изъ разсказовъ: „Концы и начала".

II.

„ДЭНДИ".

I.

Я служилъ чиновникомъ особыхъ порученій...

Въ числѣ различныхъ, поступавшихъ въ наше вѣдомство, прошеній о разводахъ мужей и женъ; о взысканіяхъ съ какихъ-то кулаковъ за захватъ ими чужой собственности; о выдачѣ невыслуженныхъ пенсій; о пожалованіи какихъ-то экстренныхъ пособій и тому подобныхъ вспомоществованіяхъ,—въ мои руки попало, между прочимъ, и прошеніе Василія Павловича Мурина.

Муринъ жаловался въ своемъ прошеніи на разныхъ лицъ и на разныя учрежденія за то, что они отказывали ему въ помощи, и излагалъ всякія свои заслуги, дававшія ему, — какъ онъ писалъ, — полное право получать пенсію и въ качествѣ профессора, и въ качествѣ чиновника, и въ качествѣ писателя-ученаго. Все это излагалось имъ въ просьбѣ развязнымъ, почти наглымъ тономъ. Въ его словахъ слышался не проситель, а возмущенный несправедливостями, озлобленный человѣкъ, требующій должнаго! И, дѣйствительно, какихъ-какихъ заслугъ не было за нимъ: гдѣ-то въ высшемъ учебномъ заведеніи онъ читалъ русскую исторію, гдѣ-то преподавалъ политическую экономію, гдѣ-то былъ чиновникомъ особыхъ порученій и куда-то посылался драгоманомъ.

— Старый пьяница и кляузникъ!—сквозь зубы, раздражительнымъ тономъ, отозвался мой ближайшій начальникъ, пробѣжавъ глазами его просьбу.—Весь вѣкъ свой билъ баклуши,

Digitized by Google

бѣгалъ за женскими юбками, а теперь... Да вы, вѣроятно, помните его: онъ надѣлалъ шуму, пройдя на пари нагишемъ по улицамъ въ Неаполѣ; его присудили тамъ къ какому-то штрафу или наказанію, но пари онъ все же выигралъ... Правда, это было въ тѣ дни, когда онъ уже опустился окончательно и состоялъ шутомъ при какомъ-то купцѣ-самодурѣ Дудоровѣ, переставъ играть роль великосвѣтскаго дэнди...

Ни прошеніе Мурина, ни разсказы о его пьянствѣ и шутовствѣ не пробудили въ моей памяти никакихъ воспоминаній о немъ. Ихъ пробудило одно слово: «дэнди». Муринъ—дэнди! Какъ же я-то могъ забыть его?

Въ моей головѣ разомъ воскресли воспоминанія.

Я былъ почти мальчикомъ, въ томъ возрастѣ, когда непремѣнно хочется казаться старше своихъ лѣтъ, покручивать пальцами на томъ мѣстѣ, гдѣ должны вырости въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ усы, и непремѣнно мечтать объ интрижкѣ, изъ желанія не отстать отъ успѣвшихъ уже «просвѣтиться» товарищей. Мальчики въ этомъ возрастѣ почти всегда жалки и смѣшны, и похожи на длинноногихъ глупомордыхъ лягавыхъ щенковъ,—я же, вдобавокъ къ обычнымъ недостаткамъ этого возраста, былъ по натурѣ неловкимъ, неуклюжимъ, застѣнчивымъ, вслѣдствіе сознанія своихъ физическихъ недохватокъ и некрасивости. Въ эту-то пору я впервые услышалъ о томъ, что Василій Павловичъ Муринъ—«настоящій дэнди». Это мнѣ сказала одна женщина «бальзаковскаго возраста», передъ которой я тогда млѣлъ,—вѣроятно, потому что былъ почти мальчикомъ, а она переживала бальзаковскій возрастъ — была почти старухой и стремилась казаться еще молодой, какъ я старался казаться взрослымъ человѣкомъ. И какъ было высказано ею это мнѣніе о дэндизмѣ Мурина, съ какимъ презрѣніемъ ко мнѣ! Этими словами говорилось мнѣ: «оставь всякую надежду». И зато съ какой безконечной ненавистью я встрѣтилъ впервые этого дэнди Мурина, когда мнѣ пришлось столкнуться съ нимъ у нея. Элегантный, развязный, ловкій, одѣтый по послѣдней модѣ, съ моноклемъ въ глазу, смотрящій на все и всѣхъ сверху внизъ, съ полнымъ сознаніемъ, что никто изъ окружающихъ не стоитъ его вниманія, онъ, кажется, даже не замѣтилъ моего присутствія въ этомъ домѣ. При встрѣчѣ со мною, онъ, правда, трях-

Digitized by Google

нулъ головой, но, кажется, не для того, чтобы поклониться мнѣ, а только для того, чтобы ловко выбросить изъ глаза стеклышко. Онъ сразу заговорилъ и приковалъ къ себѣ вниманіе всего дамскаго общества, находившагося въ гостинной. Говорилъ онъ небрежно, немного носовымъ голосомъ, съ легкой ироніей, со способностью переходить отъ темы къ темѣ, не запинаясь и не смолкая. Имъ восторгались тутъ же, при немъ, называя его удивительнымъ ораторомъ, нашимъ Мирабо по краснорѣчію, — и я поспѣшилъ стушеваться изъ этой гостинной, гдѣ хозяйка чуть не молилась на этого дэнди, блиставшаго одеждой, свѣтскими связями, умѣньемъ говорить обо всемъ, а болѣе всего—самымъ беззастѣнчивымъ сердцеѣдствомъ. Какъ настоящій мальчикъ, я отплатилъ своимъ врагамъ тѣмъ, что «надулся» и прекратилъ знакомство съ обожаемой мною дамой бальзаковскаго возраста. Это было какъ разъ кстати, потому что у меня наступали послѣдніе гимназическіе экзамены, приготовленія къ которымъ я, было, запустилъ порядкомъ, таскаясь въ роли тѣлохранителя дамы моего сердца по театрамъ и концертамъ. Потомъ пришло тревожное время экзаменовъ, лѣтній отдыхъ, и я уже никогда не встрѣчался ни съ нею, ни съ Муринымъ-дэнди.

Это былъ мой первый жизненный романъ съ оборваннымъ конномъ...

Прошли годы, явились болѣе серьезныя привязанности, болѣе осмысленныя и поэтическія отношенія, и о моей первой любви осталось только одно воспоминаніе: что и я мальчикомъ былъ влюбленъ въ какую-то молодящуюся старушку и что отъ этой старушки меня спасъ какой-то великосвѣтскій дэнди...

— Но все же надо бы какъ нибудь ему помочь, — замѣтилъ я говорившему со мной начальнику.

— Кому это? Мурину?—съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ переспросилъ онъ, просматривая уже другія просьбы, и презрительно пожалъ плечами.—Его и безъ того разбилъ параличъ отъ пьянства и разгула. Не давать же ему еще денегъ на кабаки! А вотъ что надо сдѣлать, такъ это какъ нибудь выпроводить его отсюда, когда онъ явится за отвѣтомъ.

Мой начальникъ немного нахмурился и досадливо забарабанилъ пальцами по столу, не отрывая глазъ отъ бумагъ.

Digitized by Google

— Но онъ же имѣетъ какія нибудь права на пособіе или пенсію,—прибавилъ я, мысленно перечисляя всѣ мѣста службы, которыя,—какъ говорилось въ прошеніи Мурина, — когда-то занималъ этотъ господинъ.

— Никакихъ! Вездѣ служилъ безъ году недѣлю... и то по недоразумѣнію,—отрывисто и досадливо отозвался мой начальникъ и совсѣмъ сухо добавилъ:—Передайте ему отказъ, когда онъ явится за отвѣтомъ, и скажите, что меня лично нельзя видѣть... Я вовсе не желаю встрѣчаться съ этимъ падшимъ созданіемъ... Пожалуйста, не забудьте этого: лично меня нельзя видѣть!

И затѣмъ, съ особенной поспѣшностью оборвавъ разговоръ о Муринѣ, мой начальникъ заговорилъ о другомъ предметѣ, а потомъ обратился ко мнѣ съ обычнымъ вопросомъ:

— Еще просьбы есть?

— Нѣтъ!

— Ну, и слава богу, а то просто одолѣли...

Онъ посмотрѣлъ на часы, покачалъ головой, всталъ, распрямилъ спину и направился къ дверямъ.

— А Мурину, когда бы ни явился, такъ и скажите, что меня *лично* видѣть нельзя,—повторилъ онъ, оборачиваясь ко мнѣ, уже съ порога кабинета.

Онъ по обыкновенію торопился, кончивъ дѣла, уйти со службы, такъ какъ ему, члену разныхъ «обществъ», «собраній» и «клубовъ», и нынче, какъ всегда, было «некогда».

Вопросъ о Муринѣ для моего начальника былъ очевидно исчерпанъ. Но онъ не былъ исчерпанъ для меня. Мнѣ хотѣлось увидѣть Василія Павловича Мурина именно теперь, узнать что нибудь о его судьбѣ. Во мнѣ проснулись не чувство человѣколюбія, толкающее насъ подать руку помощи страдающему, не взирая на его прошлое; не пошлое желаніе увидѣть падшаго врага, чтобы бросить ему въ лицо еще одно оскорбленіе; но явилась чисто писательская непреодолимая жажда увидать «человѣка со странными превратностями судьбы». Великосвѣтскій дэнди, блестящій краснобай, покоритель женскихъ сердецъ, человѣкъ, котораго совали на десятокъ мѣстъ его вліятельные друзья, когда голодали другіе,—онъ-то теперь въ роли подателя прошенія о пенсіи или пособій, которыя нужны ему для куска насущнаго хлѣба! Въ просьбѣ

Digitized by Google

Мурина такъ и говорилось: «не издыхать же мнѣ съ голоду на улицѣ». Да, я не могъ успокоиться, не повидавъ его. Эта жажда знакома медикамъ, идущимъ посмотрѣть «на пацієнта съ интересною болѣзнью», какъ бы ни былъ онъ отвратителенъ или жалокъ.

Я зналъ, что этотъ человѣкъ долженъ прійти за справкой по поводу своего прошенія, и ждалъ съ нетерпѣніемъ этого визита.

II.

Въ одинъ изъ слѣдующихъ пріемныхъ дней, когда на мнѣ лежала обязанность принимать просителей и давать имъ тѣ или другія нужныя справки, я увидѣлъ входящаго въ пріемную комнату хромоногаго господина въ неряшливой одеждѣ. Онъ, опираясь лѣвой рукой на палку, волочилъ парализованную правую ногу и видимо плохо управлялъ правой рукой, которая неуклюже висѣла вдоль его тѣла, какъ плеть. Протащившись по комнатѣ и окинувъ меня черезъ очки, съ ногъ до головы, рѣзко смотрѣвшими глазами, онъ заговорилъ гнусоватымъ голосомъ:

— Вы чиновникъ здѣшній будете?

— Да,—отвѣтилъ я.

— А я проситель, такъ вы мнѣ вотъ и дайте справку. Только я сяду. Я стоять не могу. Вы стойте, пожалуй, а я сяду.

Онъ говорилъ скоро, безъ передышки. Подвинувъ себѣ первый попавшійся стулъ и усѣвшись на него, онъ спросилъ:

— Шанька-то вашъ, вѣрно, сегодня самъ не принимаетъ!

— Какой Шанька?—переспросилъ я въ недоумѣніи.

— А такой... Его превосходительство Александръ Ивановичъ Хребтовъ... Для васъ онъ — превосходительство, а для меня—Шанька... Шанькой я его звалъ, когда уши ему диралъ... Я вѣдь Василій Павловъ Муринъ... Муринъ, Василій Павловъ... Слышали, можетъ быть?.. Шанька вашъ теперь отъ меня прячется, какъ отъ огня, а когда онъ еще школьникомъ-разбойникомъ былъ — въ отпуски ко мнѣ ходилъ... На одной постели спали... у меня и съ первой мамзелью познакомился

Digitized by Google

— Его превосходительства сегодня нѣтъ, — перебилъ я Мурина, не слушая его, и только тутъ понялъ, почему Хребтовъ такъ сильно хлопоталъ именно въ этотъ пріемный день о томъ, чтобы къ нему никого—рѣшительно никого не допускали.

— Прячется,—хладнокровно рѣшилъ Муринъ. — Боится меня, каналья Шанька!.. Ну, да прячься не прячься, а я подстерегу его и осрамлю на дорогѣ... на Невскомъ осрамлю. Ему же хуже будетъ...

Онъ говорилъ со спокойнымъ, развязнымъ цинизмомъ, словно смѣялся надо всѣмъ и всѣми, не боясь ничего, не стѣсняясь ничѣмъ, настойчиво и упорно повторяя слово: «Шанька» въ разговорѣ о Хребтовѣ, котораго немало побаивались у насъ всѣ, начиная съ разныхъ «сверхштатныхъ» канцеляристовъ, еще порхающихъ съ мѣста на мѣсто, и кончая разными «штатными» совѣтниками, уже успѣвшими просидѣть не одинъ стулъ. Передавъ Мурину, что ему отказано въ просьбѣ, я отошелъ къ другимъ посѣтителямъ; Муринъ же сталъ развязно бесѣдовать съ нѣкоторыми изъ нихъ, подробно сообщая, какимъ прохвостомъ сталъ Шанька, котораго онъ, Муринъ, зналъ еще мальчишкой.

— Изъ одного и того же привилегированнаго питомника вышли... Только разныхъ выпусковъ. Я на пять лѣтъ его старше. Совсѣмъ соплякомъ его зналъ... Помню, какъ и пьянствовать онъ началъ, какъ и за дѣвчонками сталъ бѣгать,— разсказывалъ Василій Петровичъ и вдругъ очень громко обратился ко мнѣ съ вопросомъ:—Теперь онъ у васъ балетчицу держитъ на содержаніи или «француженку»? Прежде француженокъ больше любилъ. Бѣлье, говорилъ, тонкое носятъ.

Меня, чиновника особыхъ порученій при его превосходительствѣ, начиналъ смущать этотъ «не служебный» разговоръ въ пріемной залѣ «присутственнаго мѣста». Я уже чувствовалъ, что изо всего этого выдетъ какой нибудь скандалъ, такъ какъ остальные просители тоже ужь робко переглядывались между собою, какъ бы спрашивая другъ друга: «что же это значитъ? почему не выведутъ этого сумашедшаго или пьянаго»? Я сухо замѣтилъ Мурину, что у меня нѣтъ времени для бесѣды съ нимъ, да что и его дѣло здѣсь кончено.

— То есть «пшелъ, убирайся отсюда вонъ»?—сказалъ онъ

Digitized by Google

съ насмѣшкой своимъ гнусавымъ, дѣйствовавшимъ на нервы, голосомъ.—Ахъ, молодой человѣкъ, молодой человѣкъ, сколь вы боитесь своего статскаго генерала! А, поди-ка, сами радехоньки были бы узнать всю его подноготную...

— Извините, мнѣ, право, некогда!—какъ истый чиновникъ, оборвалъ я его.—Я попрошу...

— А у меня и время есть, и идти я не могу, потому что усталъ очень, а денегъ нѣтъ ни на извощика, ни на закусончикъ,—объяснилъ онъ хладнокровно.—Надѣялся на Шаньку, думалъ: «авось, бестія, дастъ хоть ради избѣжанія скандала»... Нѣтъ, не далъ, ну, что жь—скандалить буду... Tu l'as voulu, George Dandin, tu l'as voulu...

Я начиналъ, дѣйствительно, бояться скандала, когда меня шопотомъ окликнулъ курьеръ и тайкомъ, съ таинственными знаками, сообщилъ мнѣ, что меня проситъ къ себѣ его превосходительство.

— Муринъ еще здѣсь?—спросилъ меня тревожно начальникъ, когда я вошелъ въ его кабинетъ.

— Здѣсь и, кажется, намѣренъ скандалить!—отвѣтилъ я.

— Знаю... знаю...—перебилъ меня въ необычайномъ волненіи Хребтовъ.—И какъ это я не сообразилъ тогда, не предусмотрѣлъ?.. Надо было послать что нибудь— заткнуть ему ротъ, откупиться...

Онъ придвинулся ко мнѣ и ласково-фамильярно сказалъ:

— Знаете, что, милѣйшій?.. предложите ему рублей пять... будто бы, знаете, какъ нибудь отъ себя... и уведите куда угодно. Такъ онъ не уйдетъ... Его непремѣнно надо увести... Господи, это просто bête noire для всѣхъ насъ... кто имѣлъ несчастіе учиться и воспитываться въ одномъ заведеніи съ нимъ. Онъ вѣдь на наши праздники пріѣзжаетъ, со всѣми на «ты»...

Хребтовъ далъ мнѣ пять рублей и дружескимъ тономъ, какимъ онъ никогда не говорилъ съ подчиненными, жалобно попросилъ меня:

— Вы ужь какъ нибудь, голубчикъ, выпроводите его... только бы безъ скандала, знаете... А то тутъ публика, просители... И очень онъ ругается?—закончилъ онъ наивнымъ вопросомъ.

Я не могъ не улыбнуться и отвѣтилъ:

88510

ГОСУДАРСТВЕННАЯ РЕСПУБЛИКАНСКАЯ
...ТЕКА
...ЧЕВСКОГО

— Порядочно таки!

— Ну да, ну да, я такъ и зналъ,—заволновался Хребтовъ.—Такъ уводите, уводите его скорѣй!

III.

Черезъ полчаса, я сидѣлъ съ Василіемъ Павловичемъ Муринымъ въ отдѣльномъ кабинетѣ, въ Маломъ Ярославцѣ, за завтракомъ. Сидѣть съ нимъ, не компрометируя себя и не нарываясь на скандалъ, въ общей столовой не было никакой возможности. Въ Маломъ Ярославцѣ, какъ и во множествѣ другихъ крупныхъ и мелкихъ «трактировъ», «ресторановъ», «поплавковъ» и «буфетовъ», его знали всѣ буфетчики, всѣ слуги, всѣ постоянные посѣтители. Всѣ побаивались этого, едва державшагося на ногахъ и едва владѣвшаго правой рукой, человѣка, точно его появленіе напоминало страшныя слова: «скандалъ», «протоколъ», «судъ», «помѣщеніе на Казачьемъ плацу». Онъ безцеремонно насмѣхался надо всѣми, громко, въ глаза, прикидываясь вполнѣ невмѣняемымъ вслѣдствіе паралича, и дѣлалъ дерзости всѣмъ, постоянно играя роль человѣка, который самъ не вѣдаетъ, что творитъ. Отличить, насколько въ его поведеніи было притворства и насколько невмѣняемости, было довольно трудно даже для опытнаго въ дѣлѣ наблюденій человѣка. Граница между напускной и настоящей невмѣняемостью была почти неуловима. Онъ походилъ на захмѣлѣвшаго человѣка, играющаго роль мертвецки-пьянаго субъекта. Своими безцеремонными шутками и своими откровенными наглостями онъ могъ раздражить чьи угодно нервы и, какъ настоящій психически-больной человѣкъ, не обращалъ никакого вниманія на то, что довелъ уже собесѣдника, что называется, до бѣлаго каленія. Вы могли ругать его, кричать на него,—онъ оставался невозмутимо-спокойнымъ, точно дѣло касалось не его.

Какъ только я пригласилъ его «закусить» и сказалъ, что могу дать ему отъ себя рублей пять,—такъ тотчасъ же онъ повлекъ меня въ Малый Ярославецъ, говоря, что у Доминика кормятъ «дохлятиной» и «кониной», и по приходѣ въ трактиръ сталъ распоряжаться заказомъ: закусками, завтракомъ и виномъ, какъ будто за все долженъ былъ платить онъ, а не я. Когда

Digitized by Google

мы проходили по общей залѣ, Муринъ поздоровался съ нѣсколькими личностями и тотчасъ же сталъ мнѣ сообщать о нихъ разныя біографическія подробности: одинъ воръ, другой съ женой дерется, третій въ картахъ передергиваетъ, четвертый слыветъ художникомъ, а все его «художество» состоитъ только въ обкрадываніи академіи художествъ. Муринъ зналъ чуть не половину Петербурга и былъ, какъ оказывалось, замѣчательнымъ сплетникомъ. Во времена его великосвѣтскаго дэндизма, и это знакомство со всѣмъ Петербургомъ, и эта способность ловить, запоминать и сообщать всѣмъ пикантныя новости дѣлали его необыкновенно «интереснымъ собесѣдникомъ».

— Вы этого дурака Сироткина-то знаете?—спросилъ онъ меня, отходя отъ одного толстяка.

— Какого Сироткина?—переспросилъ я.

— Да вотъ того угреватаго, что со мной здоровался... Литераторъ тоже! Ученые трактаты пишетъ объ ассирійскихъ древностяхъ. Жена у него—ассирійская древность, такъ вотъ онъ этимъ предметомъ и занялся!.. Кузьминъ ихъ семью хорошо тоже описалъ, и его, дурака безглазаго, и жену его, гулящую рухлядь, и сынковъ ихъ, уродившихся во всѣхъ проѣзжихъ молодцовъ... Я у нихъ на дняхъ ужиналъ на журфиксѣ и спрашиваю: «это васъ отщелкалъ Кузьминъ въ газетѣ «Пономарь»? Притворились, что не читали,—при гостяхъ-то совѣстно сознаться!.. А я и говорю: «У меня съ собой этотъ нумеръ «Пономаря»—я вамъ прочту»... Сконфузились, замина-ютъ этотъ разговоръ: «погода, молъ, хороша, а у Мазини голосъ сталъ пропадать»... Нѣтъ, шалишь;—мнѣ этимъ зубы не заговоришь!.. Я вотъ взялъ да и прочелъ пасквиль-то, весь прочелъ до послѣдней строки, какъ ни старались замять. «Это,—говорю Сироткину,—тебя Кузьминъ дуракомъ, ничего не знающимъ, описываетъ, а это про васъ,—говорю Сироткиной,—пишетъ онъ, что вы румянитесь и бѣлитесь, прельщая безусыхъ студентиковъ»? Пронялъ ихъ: сынковъ изъ-за стола выслали, мнѣ жалкія слова говорить стали... А на другой день повстрѣчалъ я Кузьмина,—говорю: «Что вы къ Сироткинымъ не сходите, пеняютъ, что васъ долго не было».—«Я, говоритъ, немного стѣсняюсь».—«Это,—говорю,—насчетъ «Пономаря»? Такъ они вовсе и не читали статьи»... Такъ и стравилъ ихъ... Разодрались, говорятъ. Я потомъ Кузьмина спра-

Digitized by Google

шивалъ: «Вы какъ Сироткина били? А онъ васъ какъ колотилъ? По зубамъ или въ шею»?.. Прохвосты!

Онъ началъ распространяться о Сироткинѣ и перешелъ къ сплетнямъ о разныхъ профессорахъ. Онъ ихъ зналъ всѣхъ по своему, т. е. съ изнанки.

— Вы сами... политическую экономію изучали?—спросилъ я, перебивая его.

— Чего тутъ изучать? Я просто читалъ ее въ либеральное время,—отвѣтилъ онъ.—Тогда вѣдь и привилегированные, и непривилегированные—всѣ либеральничали...

— Я васъ не понимаю,—проговорилъ я, недоумѣвая.

— Чего тутъ не понимать?—цинично отвѣтилъ онъ.—Оказалъ мнѣ протекцію одинъ изъ однокашниковъ: читай, молъ, лекціи. Ну, и сталъ я читать. Не боги тоже горшки обжигаютъ. Да и либеральное время, говорю, было тогда: придумаешь, бывало, разныя тамъ цифры и дѣлаешь выводы и насчетъ пауперизма, и насчетъ разныхъ налоговъ. Только бы позабористѣе выходило. Аплодировали, бывало, юнцы разные. Потомъ скоро выгнали...

Спокойствіе и холодность тона, цинизмъ объясненій и признаній, все было тутъ непередаваемо. Также непередаваемъ былъ смѣхъ Мурина, когда намъ подали счетъ въ двадцать рублей.

— Вкатали же они васъ,—хохоталъ онъ, смотря на счетъ:—Молодцы! Ей богу, молодцы!

Я чувствовалъ, что «вкатали» меня не они, то есть не завѣдующіе ресторанамъ, а онъ, Муринъ, насмѣхающійся теперь надо мною, какъ надъ глупцомъ.

IV.

— У меня есть къ вамъ просьба,—обратился ко мнѣ какъ-то, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, Александръ Ивановичъ Хребтовъ.—Вы, можетъ быть, помните этого несчастнаго... Мурина... Помните, приходилъ сюда какъ-то...

Я невольно поморщился. Не могъ же я его забыть!

— Да, помню,—отвѣтилъ я.

— Такъ вотъ съѣздите къ нему въ богадѣльню... Я его тамъ пристроилъ; только меня извѣстили, что онъ что-то тамъ

Digitized by Google

накуролесилъ... избилъ кого-то или его избили, право, не знаю... Ахъ, Боже мой, что за человѣкъ, что за человѣкъ!.. Это наказаніе божеское для всѣхъ насъ, воспитывавшихся въ одномъ и томъ же учебномъ заведеніи...

Онъ вздохнулъ.

— Вездѣ скандалитъ, скандалитъ... Вотъ теперь что-то накуролесилъ. Не знаю что̀, но накуролесилъ... Гнать его хотятъ... вы уладьте все какъ нибудь.

Я поѣхалъ въ богадѣльню, гдѣ поселили Мурина. Разыскавъ помѣщеніе богадѣленскаго «правленія», я обратился къ какому-то писцу съ вопросомъ, къ кому я долженъ обратиться по интересующему меня дѣлу. Писецъ позвалъ завѣдующаго. Ко мнѣ вышелъ какой-то невысокаго роста человѣчекъ, изъ числа тѣхъ, которые изъ шестисотъ рублей годоваго жалованья даютъ балы на сотни приглашенныхъ, проигрываютъ въ карты по сту рублей въ вечеръ, держатъ собственныхъ лошадей и экипажи, покупаютъ дорогія картины и породистыхъ собакъ. Я сердечно люблю подобныхъ субъектовъ съ откровеннымъ направленіемъ. Съ ними особенно пріятно дѣлать дѣло на чистоту, когда, поговоривъ съ ними по душѣ, можешь бросить одинъ или два десятка рублей. Все обдѣлывается тутъ скоро и просто, къ обоюдному удовольствію обѣихъ сторонъ, безъ подвоха и безъ обмана: «Возьмите столько-то».—«Не могу; накиньте еще хоть немного».—«Душой бы радъ, но не въ силахъ».—«Экій вы упрямый! Ну, да ужь Богъ съ вами! Давайте, сколько можете»... Именно такъ уладилъ и я дѣло Мурина: онъ, какъ оказалось, избилъ палкой помѣщавшагося съ нимъ въ одной комнатѣ бывшаго выѣзднаго лакея какой-то богатой купчихи; враждовали они уже давно въ пьяномъ видѣ изъ-за какой-то шестидесятилѣтней богадѣленки, и Василій Павловичъ, наконецъ, ухитрился подстеречь лакея утромъ спящимъ и избить его палкой, когда тотъ былъ еще въ одномъ бѣльѣ.

— Впрочемъ, я понимаю-съ ихъ,—ласково объяснилъ маленькій человѣчекъ, имѣвшій большія потребности и малое жалованье.—Человѣкъ образованный, изъ такого слоя общества,—и вдругъ приходится жить въ одной комнатѣ съ лакеемъ какой-то купчихи, да еще просто выѣзднымъ, значитъ, безъ всякаго лоску... Вѣдь Василій Павловичъ, какъ я слы-

Digitized by Google

шалъ, съ высокопоставленными лицами былъ на «ты»—шутка ли!.. Имъ графъ Трескинъ-Трещеткинъ, говорятъ, предлагалъ въ его имѣніи жить на всемъ готовомъ, только бы они не срамили своихъ знакомыхъ и товарищей, такъ какъ въ пьяномъ видѣ они ужь очень азартны,—такъ нѣтъ, не поѣхали... «Я, говорятъ, съ волками не привыкъ жить, мнѣ цивилизованное общество нужно»... Извѣстно, по Парижамъ ѣздили!.. Купецъ Дудоровъ, говорятъ, ихъ ради образованности ихней по всѣмъ заграницамъ возилъ, потому всякіе обычаи знаютъ, гдѣ, какъ и что̀ принято... Тоже насчетъ образованія: всѣ языки знаютъ, гдѣ же имъ съ какимъ нибудь выѣзднымъ лакеемъ жить?

Мой собесѣдникъ понизилъ тонъ, точно собрался говорить о государственной тайнѣ.

— А, правда,—спросилъ онъ меня,—я слышалъ, что само высшее начальство имъ давало деньги, когда они въ Америку идти собирались, чтобы союзъ съ ней заключить противъ англичанки?.. Говорятъ, будто бы пятнадцать тысячъ дадено было, только они замотались тогда... Такъ и не попали въ Америку.

— Я, право, не знаю,—сказалъ я.

— Да ужь это вѣрно-съ,—подтвердилъ мой собесѣдникъ.—Пятнадцать тысячъ! Шутки ли какія деньги? Такъ, зря, этакихъ денегъ человѣку не дадутъ.

Маленькій человѣчекъ съ большимъ апетитомъ очевидно проникался уваженіемъ къ прошлымъ связямъ и заслугамъ Василія Павловича, а болѣе всего къ полученнымъ отъ меня въ настоящемъ доказательствамъ того, что и теперь о Василіѣ Павловичѣ заботятся, что и теперь его не бросаютъ.

Простившись съ нимъ, я зашелъ къ Мурину. Онъ былъ неузнаваемъ: похудѣлъ, пожелтѣлъ, посѣдѣлъ, волочилъ еще съ бо̀льшимъ трудомъ правую ногу... Отъ человѣка осталась жалкая развалина, некрасивая, неряшливая, отталкивающая. Трудно было повѣрить, что когда-то онъ былъ блестящимъ сердцеѣдомъ и великосвѣтскимъ хлыщемъ, красивымъ, заносчивымъ, смѣлымъ до наглости. Онъ заговорилъ неразборчиво, шамкая ввалившимися губами:

— Вы понимаете, что̀ я говорю? — спросилъ онъ, кривя губы усмѣшкой.—А то я зубы вставлю, если не понимаете... вонъ они тамъ въ стаканѣ у меня лежатъ...

Digitized by Google

Онъ указалъ на ночной столикъ. Дѣйствительно, его почернѣвшія вставныя челюсти лежали въ стаканѣ въ мутной водѣ, точно настоенной на нюхательномъ табакѣ. Меня покоробило при мысли о томъ, что изъ этой грязи онъ вставляетъ въ свой ротъ зубы.

— Я изъ-за нихъ, главнымъ образомъ, и побилъ Митрошку,—заговорилъ съ ироніей Муринъ.—Сталъ онъ увѣрять, что у меня отъ покойника взяты челюсти, что потому онѣ и черныя, что покойникъ за ними придетъ и меня утащитъ въ адъ... Матренѣ тоже сказывалъ, чтобъ отбить ее у меня. Я и побилъ его... Даромъ что не владѣю правой ногой и правой рукой, а вздулъ таки—поднялъ рубаху и вздулъ, пока онъ просыпался!..

— Да, но васъ за это чуть не исключили изъ богадѣльни,—сказалъ я, считая своимъ долгомъ прочесть ему наставленіе.

Онъ, однако, перебилъ меня:

— А пусть исключаютъ,—я скандалить начну... меня исключатъ, а я скандалить стану. Шанька... да и не онъ одинъ, и графъ Трескинъ-Трещеткинъ, и всѣ они тамъ побоятся скандаловъ. Трусы тоже!

— Вы можете ошибиться въ разсчетѣ,—замѣтилъ я сухо.

— Что вы думаете, вышлютъ они меня, что ли? больнаго-то, калѣку-то, бывшаго своего однокашника и собутыльника? письма отберутъ, ихъ же компрометирующія? Нѣтъ, шалишь! Я и то хочу написать свои воспоминанія...

Онъ началъ говорить о своихъ бывшихъ пріятеляхъ, товарищахъ и однокашникахъ, мѣшая ихъ съ грязью и угрожая имъ вывести на свѣтъ божій разныя ихъ продѣлки. Онъ говорилъ о своей роли шантажиста также спокойно и невозмутимо, какъ говорятъ о самыхъ обыденныхъ вещахъ.

— Они еще должны благодарить меня, что я богадѣльней довольствуюсь, бо́льшаго не требую... тутъ мнѣ каша и разварная говядина по зубамъ, а то я не того бы потребовалъ... все дали бы...

Его и здѣсь не покидала привычка къ хвастовству и бахвальству.

— А все же я вамъ не совѣтую больше буянить: на этотъ разъ я уладилъ дѣло, а за другой не ручаюсь,—сказалъ я и тотчасъ же раскаялся въ своей опрометчивости.

Digitized by Google

— Вы? вы?—съ наглой насмѣшкой передразнилъ онъ меня и даже приподнялся на локтѣ на кровати, на которой лежалъ.—А что вы за птица? А? Шанька приказалъ вамъ уладить—и уладили! Прикажетъ еще уладить и еще уладите! Не великая тоже птица. Чиновникъ особыхъ приключеній!.. Ха, ха, ха!.. Я васъ еще помню, когда у васъ на старушку божію слюнки текли, да...

Я поспѣшилъ уйти отъ этого бывшаго дэнди, рѣшившись никогда болѣе не встрѣчаться съ нимъ.

V.

Однако, мнѣ пришлось увидѣть его еще разъ...

Маленькій человѣчекъ съ большими потребностями и маленькимъ содержаніемъ разыскалъ меня, мѣсяца черезъ два послѣ моего посѣщенія богадѣльни. Онъ пришелъ сообщить мнѣ о смерти Василія Павловича Мурина.

— Приказали долго жить... Извѣстно, человѣкъ больной были, а не береглись тоже,—пояснилъ онъ, дѣлая печальное лицо.

— У него, конечно, не осталось ничего?—спросилъ я.

— Какъ есть ни гроша. Потому-то я и поспѣшилъ извѣстить... насчетъ распоряженій...

Вопросъ шелъ о томъ, какъ хоронить Мурина. Я сказалъ, что извѣщу его бывшихъ друзей и товарищей, а, между тѣмъ, мелькомъ замѣтилъ, что похороны, вѣроятно, будутъ сдѣланы приличныя.

— Всѣ, конечно, будутъ рады, что отдѣлались отъ него,— не безъ горечи пошутилъ я.

— Я-съ берусь все прилично устроить рублей на сто,— сказалъ маленькій человѣчекъ съ большимъ апетитомъ.

— Такъ дешево?

— Да-съ, у насъ все свое: пѣвчіе, гробовщики...

— Хорошо, устраивайте. За сто рублей я ручаюсь...

Маленькій человѣчекъ захлопоталъ.

Я между тѣмъ сообщилъ о смерти Мурина Александру Ивановичу Хребтову.

— Уфъ, слава тебѣ, Господи! какъ гора съ плечъ свалилась!—вздохнулъ онъ и перекрестился.

Digitized by Google

— Я думаю, надо написать его прежнимъ пріятелямъ и знакомымъ,—сказалъ я.

— Это зачѣмъ? Ну, умеръ и слава богу!—рѣшилъ Хребтовъ, изумленный моимъ предложеніемъ.

— Надо сборъ сдѣлать на похороны,—пояснилъ я.

— А богадѣльня-то на что?—похоронятъ. У нихъ тамъ на это есть особыя средства.

— Но все же...—началъ я и не кончилъ.

— Милѣйшій мой, думать надо о живыхъ; о живыхъ, вотъ о комъ заботиться нужно,—наставительно перебилъ меня Хребтовъ.—Ни у кого нѣтъ лишнихъ денегъ, чтобы хоронить тамъ какихъ-то Муриныхъ, Мазуриныхъ: успокоился, ну, и конецъ, и похоронятъ безъ насъ... И въ евангеліи сказано: «довлѣетъ дневи»...

Онъ поморщился и запнулся, повертѣлъ рукой въ воздухѣ и закончилъ съ легкой, какъ бы конфузливой, улыбкой:

— Нѣтъ, конечно, это не то... совсѣмъ не то. О мертвыхъ вообще что-то тамъ сказано такое... помните?.. мертвые пускай хоронятъ мертвыхъ...

Я, не смотря на это, все же написалъ друзьямъ и знакомымъ Василія Павловича Мурина извѣщенія о его смерти и замѣтилъ кстати о сборѣ на его похороны. Отвѣта не получалось ни отъ кого. Всѣ точно воды въ ротъ набрали. Живой, онъ могъ скандалить и пугать скандалами; мертваго его никто не боялся. Мнѣ пришлось, такимъ образомъ, волей-неволей дать свои сто рублей на похороны Мурина маленькому человѣчку съ большимъ апетитомъ. Онъ немного поморщился и объявилъ мнѣ, переминаясь съ ноги на ногу:

— На могилку немного не хватитъ. Я, знаете, купилъ покуда только временную...

— Какъ временную?—переспросилъ я.

— Такъ-съ, временную, — не моргнувъ глазомъ, пояснилъ онъ. — Потомъ, лѣтъ черезъ шесть, это мѣсто захоронятъ... Еще бы рублей двадцать надо добавить. Тоже на памятничекъ бы надо... Все же былъ такой человѣкъ образованный и лица высокопоставленныя тоже...

— Я васъ просилъ разсчитывать только на сто рублей,— сухо перебилъ я его разсужденія, чувствуя, что у маленькаго человѣка разыгрывается все большій и большій апетитъ.

Digitized by Google

Въ день похоронъ, въ церковь пріѣхалъ какой-то худенькій, какъ щепка, длинный, какъ веха, генералъ. Онъ разыскалъ меня и, пожимая мнѣ руку своей костлявой рукой, поблагодарилъ, что я, въ числѣ другихъ знакомыхъ Мурина, извѣстилъ и его.

— Чудакъ-покойникъ... меня больше всѣхъ преслѣдовалъ... — пояснилъ генералъ.—А даже и воспитывались не въ одномъ съ нимъ заведеніи: я въ корпусѣ, онъ въ гражданскомъ училищѣ... Просто гдѣ-то, знаете, въ молодости брудершафтъ выпили... потомъ хороводились гдѣ-то въ провинціи съ полгода. И вотъ всю жизнь преслѣдовалъ. Это, знаете, удивительно...

Онъ покачалъ головой.

— Я даже не повѣрилъ, получивъ отъ васъ письмо...— добавилъ онъ, помолчавъ.—Думаю: онъ ли еще это? взглянуть надо! Мало ли тоже Муриныхъ на свѣтѣ...

— Теперь, надѣюсь, удостовѣрились?—съ усмѣшкой сказалъ я.

— Да, да, какъ же... онъ, онъ точно... Ахъ, чудакъ, чудакъ!..

Я мелькомъ замѣтилъ генералу, что на похороны не достало двадцати рублей, что куплена только временная могила.

— Да, да, что дѣлать... временная... Все временно на свѣтѣ, все! — глубокомысленно произнесъ генералъ и, протянувъ мнѣ два пальца, со вздохомъ вышелъ изъ церкви.

А. Михайловъ.

(Продолженіе будетъ).

Digitized by Google

Жизнь.

Мнѣ кажется жизнь необъятной пустыней,
Безбрежной равниной сыпучихъ песковъ,
А жалкіе люди съ безумной гордыней—
Толпами отважныхъ слѣпыхъ муравьевъ!

Слѣпцы!.. Имъ не видно, что въ мертвомъ просторѣ—
Ни зелени рощъ, ни прохлады рѣки,
И только какъ море, какъ сѣрое море,
Таинственно шепчутся съ вѣтромъ пески.

Ихъ полчища вѣтеръ тлетворнымъ порывомъ
Сметаетъ безслѣдно—но все нипочемъ...
Нѣтъ отдыха гордымъ въ трудѣ терпѣливомъ,
Преграды—ничто предъ упорнымъ трудомъ!

Все дальше, все дальше, толпа за толпою,
Ведутъ они вдаль легіоны свои...
И вѣришь невольно:—съ отвагой такою
Безбрежность пустыни пройдутъ муравьи!

Мих. Гербановскій.

Digitized by Google

НОВЫЯ УМСТВЕННЫЯ ТЕЧЕНІЯ ВЪ СОВРЕМЕННОЙ ГЕРМАНІИ.

I.

Характеръ «конца вѣка».

Словно для удобства историковъ, послѣднее десятилѣтіе,—этотъ пресловутый «конецъ вѣка»,—выдѣляется тѣми особыми чертами, которыя образуютъ собою «эпохи» въ жизни человѣчества.

На памяти еще не вымершаго поколѣнія, 60-е годы были высшею точкой новѣйшаго порыва впередъ. Затѣмъ настало обычное стремленіе къ отдыху и обдумыванію пережитаго, чѣмъ всегда пользуются неунывающіе пережитки старины, которые все мечтаютъ возвратить человѣчество вспять. 70-е годы начались неожиданнымъ воскресеніемъ ученія о «крови и желѣзѣ», господствомъ фельдфебеля у трона, этого «желѣзнаго канцлера», котораго назвали «эпоху дѣлающимъ геніемъ». Среди непрерывнаго, хотя и слегка замедленнаго развитія культуры, Европа, въ общественномъ дѣлѣ, словно уперлась лбомъ въ такія древнія прелести, какъ «вооруженная лига мира». А когда не замедлилъ обнаружиться результатъ такой реставраціи—всеобщее обнищаніе,—то попятились ко временамъ короля-солнца: схватились за протекціонизмъ, т. е. внесли войну и въ хозяйственный бытъ народовъ. Этого не избѣжали даже «піонеры цивилизаціи»: благодаря своему Макъ-Кинлею, янки даже стали было учителями Европы въ экономической археологіи.

Но одинъ изъ признаковъ прогресса состоитъ въ томъ, что теперь исторія быстро дѣлаетъ провѣрку заблужденіямъ, съ помощью ихъ немедленныхъ послѣдствій. Подъ вліяніемъ знаменитой «тройственницы» мира, въ вооруженіяхъ дошли до неосуществимыхъ далѣе нелѣпостей [1]), въ финансахъ—до невообразимыхъ долговъ и

[1]) Въ 1892 г., по поводу новаго военнаго закона въ Пруссіи, явилось много любопытныхъ сочиненій по этому предмету. Преподаватель сенъ-сирской школы, капитанъ *Моларъ*, доказалъ офиціальными цифрами, что съ 1870 г. численность армій въ Европѣ больше чѣмъ удвоилась: тогда было менѣе 7 милл. подъ ружьемъ, теперь около 13, а по новымъ законамъ будетъ 22 милл. Швейцарія тратила на армію, въ 1869 г., 2½ милл. фр., теперь тратитъ 45. Вся

Digitized by Google

краховъ, какъ общихъ, такъ и частныхъ; въ народномъ хозяйствѣ— до новаго класса «безработныхъ» и анархистовъ, въ управленіи— до быстрыхъ смѣнъ театра маріонетокъ, причемъ, напр., французскіе министры чуть не ежедневно ставятъ вопросъ о довѣріи и радуются побѣдамъ въ 5 голосовъ; а въ нравственности спустились до «панамъ» большихъ и малыхъ.

Въ послѣднее время, никто не обрисовалъ современнаго положенія съ такою сгущенностью красокъ и горячностью юноши, какъ одинъ старецъ науки, много пытавшій природу, много и испытавшій въ жизни. Въ концѣ 1892 г., берлинскій «Союзъ для землевладѣльческой реформы» пригласилъ знаменитаго профессора Людвига *Бюхнера* высказаться по вопросу объ «общественной реформѣ и о соціаль-демократіи». Ветеранъ-мыслитель смотритъ шире этой демократіи: онъ видитъ зло всюду, ибо нѣтъ нигдѣ соотвѣтствія между трудомъ и вознагражденіемъ. Съ цифрами въ рукахъ, онъ указываетъ на массы невинныхъ жертвъ общественной неискладицы, гибнущихъ на зарѣ ихъ крошечной жизни, и на истребленіе нуждой геніевъ изъ народа. По его мнѣнію, жестокая борьба за существованіе ведетъ къ побѣдѣ вовсе не достойнѣйшихъ. «Въ борьбѣ съ природой достигнуты неимовѣрные успѣхи; но въ борьбѣ человѣка съ человѣкомъ господствуетъ отчаянная, яростная схватка всѣхъ противъ всѣхъ. Безъ жалости ведется эта жесточайшая борьба, которая оставляетъ въ самомъ воителѣ чувство омерзенія. Безъ друзей, безъ радости въ жизни! Никто не живетъ для другихъ: нѣтъ, всякій строитъ свое благополучіе на развалинахъ счастья ближняго. Офицеръ радуется смертельной войнѣ, врачъ—болѣзнямъ. Получаютъ наслѣдства, благодаря смерти самыхъ любимыхъ людей; опустошительное бѣдствіе приноситъ пользу зодчему, преступники обезпечиваютъ заработокъ судей, пьяницы—доходъ кабачика и т. д. Почти никто не работаетъ по охотѣ: только нужда, голодъ, который стоитъ за плечами каждаго и машетъ своею грозной плетью, побуждаетъ къ труду».

Вопль заслуженнаго старца науки имѣетъ особенное значеніе: радикалъ въ политикѣ и философіи, творецъ пресловутой книги «Stoff und Kraft», онъ вовсе не соціаль-демократъ. Напротивъ, онъ, подобно вождю нѣмецкихъ прогрессистовъ, Евгенію Рихтеру, видитъ въ побѣдѣ этой партіи побѣду невѣжества надъ просвѣщеніемъ. А между тѣмъ, Бюхнеръ самъ высказался за соціализмъ,

---

Европа расходуетъ въ настоящее время на военныя потребности 5 милліардовъ фр.! Въ другихъ сочиненіяхъ военные авторитеты описывали небывалые ужасы каннибальства, которыми предстоитъ насладиться человѣчеству въ ближайшихъ войнахъ.

Digitized by Google

только *государственный*. Рекомендуя методъ естествознанія, которое замѣняетъ разумомъ дикую силу природы, онъ требуетъ, чтобы общество покинуло негодное ученіе «laisser faire, laisser aller», чтобы оно обуздывало, съ помощью государства, неумолимые законы соціологіи. Онъ даже предлагаетъ три средства превратить борьбу личностей въ другую—*въ борьбу всѣхъ противъ несчастія и бѣдности*: земля должна сдѣлаться собственностью государства; наслѣдственное право должно быть ограничено въ пользу государства; государственная страховка должна обезпечить всѣхъ отъ всякихъ несчастій.

Общая точка зрѣнія Бюхнера принадлежитъ не ему. Это — сознаніе «конца вѣка», дѣйствительно дѣлающее эпоху. Историки уже начинаютъ называть 1890-й годъ, когда кончилась эпоха бисмаркизма, *эрой господства общественно-экономическаго интереса*, который выдвигался постепенно съ середины вѣка. Это господство— плодъ правильнаго развитія тѣхъ общественныхъ превращеній, которыя начались сто лѣтъ тому назадъ. Тогда, на смѣну клира и аристократіи, этихъ пережитковъ феодализма, выступилъ «третій чинъ», буржуазія. Но когда онъ самъ сталъ тяжелою для народа привилегіей,—началъ подвигаться «четвертый» государственный чинъ, рабочій классъ. Приблизительно въ 40 лѣтъ онъ сложился: у него образовались матеріальныя и умственныя средства, возникла сплоченность (солидарность), образцомъ которой служитъ англійскій тредъ-уніонизмъ или рабочіе союзы. Явились и вожди, которые уже засѣдаютъ въ парламентахъ и даже занимаютъ министерскія мѣста.

Около 1890 г. жизнь Европы явственно приняла новый отпечатокъ. Шумная воинствующая «политика» стала такимъ же пережиткомъ, какъ метафизика старыхъ историковъ, съ ихъ «міровымъ духомъ, народнымъ характеромъ и историческимъ призваніемъ». Стачки, сходки, съѣзды рабочихъ да «соціальныя реформы», взывающія къ миру, правдѣ и наукѣ, овладѣли вниманіемъ министровъ, парламентовъ и публицистовъ. Всѣ, не исключая Бисмарка и папы, заговорили объ экономическихъ системахъ. Правители возвѣстили устами Флокэ и «лейтенанта» Гладстона, Гаркорта: «теперь мы всѣ—соціалисты», т. е. изслѣдователи общественнаго вопроса. И въ Брюсселѣ организуется Institut de sociologie; а въ Парижѣ, въ 1893 г., начались частные курсы по общественному вопросу, за которыми послѣдовали и лекціи въ Faculté des lettres. Тамъ же образовалось общество соціологовъ, которое издаетъ свою «Revue internationale de sociologie» и недавно устроило первый съѣздъ соціологовъ.

Digitized by Google

Уже истекаетъ пятилѣтіе 90-хъ годовъ. Нелегко обозрѣть ту массу однихъ крупныхъ явленій, которую породилъ, за это время, общественный вопросъ и въ жизни, и въ теоріи. Она тѣмъ болѣе мудрена и любопытна, что задача не только не рѣшена, но, напротивъ, спутывается въ огромный клубокъ мѣропріятій и замысловъ: такъ сложенъ этотъ великій вопросъ, столько затрогиваетъ онъ жизненныхъ интересовъ, и такъ запоздало его роковое рѣшеніе. Со всѣхъ сторонъ сыплются, какъ изъ рога изобилія, проэкты и совѣты, критикуется прошлое, изобрѣтаются «системы» настоящаго, сочиняются «романы будущаго». Просвѣщенное человѣчество приходитъ къ сознанію, что предшествующая эпоха, полная мучительной борьбы изъ-за политическаго вопроса, была сравнительно легка и болѣе озарялась надеждами...

Впрочемъ, при всей разноголосицѣ мнѣній и сумятицѣ дѣйствій, есть общія черты, по которымъ можно обрисовать обличіе конца вѣка. Въ жизни замѣчается сближеніе между правительствами и обществомъ,—по крайней мѣрѣ, въ главномъ. Наверху и внизу проклинаютъ войну и прославляютъ успѣхи культуры, съ наукой во главѣ. Всюду развиваются торговые договоры, эти «сѣмена международной федераціи», по словамъ Леруа-Больё. А они убиваютъ «бациллу тревоги» (слова Каприви) и самый протекціонизмъ,—это «орудіе насилія и обмана» (слова Гладстона). Въ 1892 г., президентомъ Соединенныхъ Штатовъ сталъ Кливелендъ, врагъ Макъ-Кинлея. Сближеніе между правителями и обществомъ особенно замѣчается на болѣе развитомъ политически, крайнемъ западѣ. Въ Англіи, въ этой странѣ аристократизма и историческихъ преданій, даже консерваторы маркиза Салисбюри подъ конецъ хватались, для своего спасенія, за общественныя задачи. А съ 1892 г., возобладало гладстонство, которое называютъ то «новымъ прогрессизмомъ», то «раціональнымъ радикализмомъ», а больше «нео-уніонизмомъ»,—новое словечко, въ отличіе отъ стараго тредъ-уніонизма, который опирался на индивидуализмъ Стюарта Милля. Это—мудреныя клички все того же простаго явленія, которое называется на материкѣ государственнымъ соціализмомъ. Гладстонцы овладѣли и самоуправленіемъ лондонскаго графства, гдѣ завели «муниципальный соціализмъ»: они ввели 8-часовой рабочій день и объявили войну крупнымъ земельнымъ владѣльцамъ.

Во Франціи, Бельгіи и Швейцаріи правительства одушевлены тѣмъ же стремленіемъ къ общественнымъ преобразованіямъ: ихъ парламенты почти только и занимались соціальными мѣрами, да такими, тѣсно связанными съ ними, вопросами, какъ всеобщее голосованіе, опросъ народа (referendum) и пропорціональное представительство.

Digitized by Google

Конечно, такая политическая постановка въ значительной степени объясняетъ тотъ любопытный фактъ, что на крайнемъ западѣ, гдѣ наиболѣе развита промышленность, гдѣ слѣдовало бы ожидать наиболѣе шумной борьбы капитала съ трудомъ, нищеты съ богатствомъ, эти контрасты менѣе даютъ себя чувствовать, чѣмъ въ центрѣ Европы. Анархизмъ—явленіе всесвѣтное. И его новая вспышка служитъ толчкомъ къ соціальному движенію среди правительствъ крайняго запада.

Не то чувствуешь, вступая въ область «тройственницы». Здѣсь еще много пережитковъ знаменитой «политики», съ ея громомъ оружія, съ ея Макіавелями и Лойолами, а въ Австріи—даже съ племеннымъ вопросомъ. Здѣсь въ основаніи «конституцій» видна еще циклопическая закладка стараго режима. И здѣсь-то царитъ возрастающее обнищаніе массъ, которое недавно привело Италію къ маленькой революціи, а въ Вѣнѣ и Берлинѣ выставляетъ все новыя арміи «безработныхъ», которые величаютъ себя «пятымъ» чиномъ.

II.

Общественность Германіи. Жилищный вопросъ и безработица.

Особенно много шума, безпокойства и самыхъ любопытныхъ движеній представляетъ общественный вопросъ въ Германіи, которая такъ отстала въ развитіи капитализма отъ Англіи, Франціи и Америки. Здѣсь наверху господствуетъ опасная шаткость. Казалось бы, именно въ «странѣ побѣдителей», которые обнищали послѣ своихъ побѣдъ, возродившихъ Францію, должны были возникнуть великіе государственные мужи. Новые люди и схватились было за благородную и славную задачу. «Желѣзный канцлеръ» исчезъ; и нѣтъ ему теперь, въ самой Германіи, другаго имени, какъ «отставной геній». Его преемники взяли «новый курсъ». Вильгельмъ II началъ съ международной конференціи по рабочему вопросу, а Каприви открылъ «эру торговыхъ договоровъ», т. е. искорененія милитаризма и господства феодаловъ. Но уже въ 1892 г. сбились съ «новаго курса». Четвертый чинъ показался почему-то «неблагодарнымъ». Сначала, вздумали перевоспитать его школьнымъ закономъ Цейдлица, этимъ допотопнымъ порожденіемъ клерикаловъ и эксъ-помѣщиковъ. Затѣмъ, лѣтомъ 1893 г., возникли военная и финансовая «реформы», т. е. новое увеличеніе арміи и налоговъ. Результатъ—«столпотвореніе», какъ сами нѣмцы назвали всеобщій протестъ, вызвавшій даже признаки сепаратизма въ южной Германіи. Ему

Digitized by Google

сопутствовали опасныя для монархіи волненія «лохмотниковъ», какъ назвали безработныхъ въ Берлинѣ.

Прямымъ послѣдствіемъ новѣйшихъ «реформъ» было только то, что въ Германіи никогда еще общественный вопросъ не выступалъ впередъ такъ повелительно. За исключеніемъ завзятыхъ ретроградовъ, всѣ партіи признали, что фатерландъ вступилъ въ «созвѣздіе Рака», какъ выразился одинъ ораторъ въ рейхстагѣ. Почти вся печать напала, съ краснорѣчивыми цифрами въ рукахъ, на «Молоха»,—какъ стали называть милитаризмъ,—который уже заставляетъ страну науки экономничать на счетъ университетовъ и музеевъ. Она доказала, что въ Германіи не было экономическихъ бѣдствій только до тѣхъ поръ, пока Молохъ кормился французской контрибуціей. Съ 1879 г. началось безконечное возвышеніе налоговъ и пошлинъ, и именно въ соотвѣтствіи съ увеличеніемъ вооруженій. Газеты приводили таблички изъ года въ годъ. Подсчитывая итоги, находимъ, что въ 1880—1893 гг. налоги и пошлины возросли почти до той суммы, которую поглощали военные расходы: послѣднихъ оказалось на 1.630 милл. марокъ, причемъ они доходили иногда до 318 мил. въ годъ. Въ то же время тяжелые имперскіе займы дошли до 2 милліардовъ. Но и этого мало.

Въ послѣднее время, правительство еще разъ потрясло все хозяйство страны въ угоду «создавшимъ величіе» Пруссіи юнкерамъ, принявшимъ, впрочемъ, новую кличку *аграріевъ* (землевладѣльцевъ), такъ какъ отъ ихъ стараго имени слишкомъ отдавало духомъ феодализма и крѣпостничества. Для обогащенія этой горсти офицеровъ, которая принята въ Потсдамѣ и считаетъ своимъ вождемъ Бисмарка, выдвинуты боевыя пошлины противъ русскаго хлѣба. Россія отвѣчала тѣмъ же относительно произведеній нѣмецкой промышленности. Отсюда крайнее вздорожаніе жизни въ Германіи и промышленные крахи, губившіе массы рабочихъ. Отсюда же всевозможныя попытки, со стороны общества и правительства, помочь рабочему. Укажемъ только на любопытный рядъ системъ постройки дешевыхъ жилищъ. Съ 1860-хъ гг., образовалась значительная литература «жилищнаго вопроса» (Wohnungsfrage). Въ послѣднее время она обогатилась брошюрой извѣстнаго Шеффле [1]), который совѣтуетъ строить дома для бѣдныхъ съ помощью государства: «кассы сельскихъ построекъ» должны возводить «національныя» жилища. Либералы изъ «Kölnische Zeitung» возражали на это, что теперь-де имѣется «избытокъ» такихъ жилищъ, только они никуда не годятся, да и государственная «централизація» опасна въ такомъ дѣлѣ.

[1]) *Schäffle*: Wohnungsfrage. Berlin. 1893.

Digitized by Google

А рядомъ растетъ иной вопросъ—вопросъ о «безработицѣ» (Arbeitslosigkeit). Нищета поднялась блѣднымъ призракомъ изо всѣхъ угловъ Германіи. «Безработные» появились даже въ благодатныхъ краяхъ—по Рейну, въ Баденѣ и Майнцѣ. «Общество соціальной политики» выставило неопровержимыя цифры о пролетаріатѣ не только городскомъ, но и сельскомъ. Крестьяне бѣгутъ въ города отъ тягости налоговъ, отъ дороговизны жизни, отъ недостатка земли. Нищіе ходятъ всюду толпами.

Выступилъ, съ небывалою силой и во всей своей наготѣ, вопросъ о бродяжничествѣ. Именно послѣ побѣдъ надъ французами, съ конца 1870-хъ годовъ, съ нимъ не могли уже справиться прежнія благотворительныя общества, связанныя съ церковными приходами. Съ 1880 г. на помощь къ нимъ пришли «станціи продовольствія» (Naturalverpflegungs stationen), которыя доставляли несчастнымъ пищу, а иногда и одежду, и пріискивали имъ работу. Тутъ общество дѣйствовало заодно съ полиціей. Сначала эти станціи, раскинутыя по всей Германіи, считались лучшимъ средствомъ противъ бѣдствія. Но теперь и онѣ допѣваютъ свою пѣсню: ихъ руководители сознаются въ своемъ безсиліи бороться съ быстро развивающимся зломъ. Въ настоящую минуту стали возлагать надежды на «рабочія или земледѣльческія колоніи», которыя возникли съ 1882 г., съ цѣлью давать собственную работу нищимъ до пріисканія имъ прочныхъ мѣстъ. Ихъ теперь до 25 въ разныхъ частяхъ страны. Съ 1886 г. къ нимъ присоединились «родныя колоніи» (Heimatkolonien), гдѣ поселяются лучшіе изъ членовъ землевладѣльческихъ колоній.

Въ то же время росла новая отрасль экономической литературы. Въ печати сыпались совѣты и планы, если не для искорененія, то хоть для облегченія новой общественной язвы и новой бациллы тревоги. Недавно вышла самая свѣжая и интересная работа, которая знакомитъ насъ съ современнымъ положеніемъ печальнаго дѣла. Это—вступительная лекція, прочитанная въ базельскомъ университетѣ Адлеромъ, извѣстнымъ изслѣдователемъ по рабочему вопросу [1]).

Авторъ считаетъ искорененіе бѣдности основною задачей и политической экономіи, и общества, и государства. Теперь государство уже не можетъ ограничиваться страдательною ролью,—одною охраной свободы и права. Въ средніе вѣка, при натуральномъ хозяйствѣ и при избыткѣ пустой земли, можно было смотрѣть на безработнаго, какъ на лѣнтяя. Тогда были только случайные кризи-

[1]) *Adler*: Ueber die Aufgaben des Staates angesichts der Arbeitslosigkeit. Tübingen. 1894.

Digitized by Google

сы; и они легко устранялись передвиженіемъ голодающихъ на свѣжину. Но въ наше время индивидуализмъ и индустріализмъ создали хроническую, настоящую безработицу. Она родилась въ Англіи. Тамъ, съ конца среднихъ вѣковъ, возникъ процессъ превращенія пашенъ въ луга (выдвинулось шерстяное производство),—и крестьяне массами бросились въ города, гдѣ они превращались частью въ фабричныхъ, частью въ нищихъ. Затѣмъ открылась другая главная причина безработицы—кризисы сбыта, особенно когда стали производить для міроваго рынка, т. е. для неизвѣстнаго покупателя, наугадъ разсчитывая количество потребнаго товара.

Болѣзнь дошла до такого развитія, что тутъ оказываются плохи всѣ—и государство, и общество. Про полицію и говорить нечего. Довольно одного громкаго примѣра. Наполеонъ I возмечталъ: «въ одинъ мѣсяцъ искоренить нищенство!»—и явился пресловутый указъ о «депо нищихъ» (1808). Но вскорѣ въ одномъ Парижѣ оказалось 22,000 голодающихъ безработныхъ. Съ своей стороны, общественныя усилія ничего не могутъ подѣлать въ борьбѣ съ такимъ врагомъ особаго рода. А имъ нельзя отказать ни въ искренности, ни даже въ изобрѣтательности: не далѣе, какъ съ эпохи просвѣщенія, на знамени которой было написано и словечко: «филантропія», сколько было предложено, а отчасти и испытано плановъ, начиная съ возрождающагося теперь вопроса о сельскихъ колоніяхъ!

Тутъ никто не можетъ похвалиться удачей. Манчестерская школа отчасти даже сама подрывала свои благородныя усилія: на ея приверженцевъ не могъ не дѣйствовать охладительно такой догматъ, что нищета—представляетъ какъ бы физическое бѣдствіе, естественное зло, ибо все на землѣ несовершенно. Оттого они ограничивались обычнымъ благотвореніемъ, пригоднымъ развѣ для среднихъ вѣковъ, а больше сваливали тяжесть борьбы на «самопомощь», т. е. на самихъ бѣдствующихъ. Но благотвореніе, мало помогая съ одного конца, даже портило съ другаго: милостыня унижаетъ бѣдняка и ослабляетъ его энергію. А самопомощь оказалась не подъ силу слабосильнымъ: теперь рабочіе союзы теряютъ свое обаяніе въ этомъ смыслѣ даже въ Англіи, гдѣ они, дѣйствительно, величественны.

У соціалистовъ есть свой догматъ, подрывающій ихъ силы: вѣдь безработица—основа теоріи Маркса о необходимомъ крушеніи современнаго строя. Неудачны планы и другихъ реформаторовъ, съ Каутскимъ во главѣ. Они стараются снять бремя съ рабочихъ и взвалить его на плечи государства. Не говоря уже о томъ, что тутъ являются рабочія заведенія, смахивающія на смирительные дома,—нѣтъ физической возможности, чтобы государство исполнило

Digitized by Google

эту задачу. Вѣдь эта задача обостряется именно во время кризисовъ, которые теперь и безъ того переживаются съ трудомъ: стало быть, подобные планы прямо ведутъ къ государственному банкротству.

Соціалисты выдвигаютъ еще «право на трудъ». Но это ученіе уже подверглось горькому опыту въ лицѣ Фурье, вѣрнѣе—фурьеристовъ, въ благопріятную для него минуту, когда за него стоялъ и любимецъ богачей, Ламартинъ, и вождь радикальной мелкой буржуазіи, Ледрю-Ролленъ, а исполнителями были такія крупныя личности, какъ Луи Бланъ. Про Германію и говорить нечего: здѣсь право на трудъ не выходило изъ области литературы. Правда, Адлеру слѣдовало бы подождать, что̀ выдетъ въ его Швейцаріи, гдѣ этотъ вопросъ шумитъ по сей часъ и гдѣ видимъ такія любопытныя условія, какъ referendum и международный характеръ страны. Но нашъ авторъ ничему не вѣритъ—ни либерализму, ни соціализму, ни коллективизму, ни государству. Онъ даже намекаетъ на то, что нѣтъ средствъ для предупрежденія зла.

Однако, нужно же подать какой нибудь совѣтъ,—и базельскій профессоръ кончаетъ цѣлымъ планомъ «систематическихъ реформъ». Что же оказывается? Опять не обойдешься безъ государства, для котораго предстоитъ здѣсь «широкое поле». Прежде всего, нужно завести государственное справочное бюро для указанія занятій безработнымъ. Государство можетъ даже изобрѣтать новыя работы, но крайне осторожно: можно только строить дороги и нѣкоторыя общественныя зданія, и то только во время кризиса. Сельскія же колоніи—трудное дѣло, да и рабочіе не любятъ ихъ. Больше всего Адлеръ останавливается на страховкѣ рабочихъ противъ безработицы: онъ давно спеціально занимается этимъ вопросомъ, который теперь вообще въ большомъ ходу [1]). Авторъ настаиваетъ на обязательности страховки, притомъ какъ для рабочихъ, такъ и для хозяевъ: это должно быть такимъ же національнымъ учрежденіемъ въ Германіи, какъ народная школа и воинская повинность. А между тѣмъ эта обязательность, къ которой уже привыкли рабочіе союзы въ Англіи, до сихъ поръ была чужда духу нѣмецкаго законодательства [2]). Впрочемъ, правительство подходило къ ней въ эпоху бисмаркизма; а теоретически она достаточно обоснована, въ послѣднее время, такими авторитетами, какъ Шеффле и Вагнеръ.

Итакъ, Адлеръ не выдумалъ пороха. Отвергнувъ старыя лѣ-

[1]) *Adler*: Die Frage des internationalen Arbeiterschutzes. München. 1888.

[2]) Этотъ вопросъ основательно разсмотрѣнъ, съ либеральной точки зрѣнія, профессоромъ *Брентано*: Der Arbeiterversicherungszwang, seine Voraussetzungen und seine Folgen. Berlin. 1881.

Digitized by Google

карства въ началѣ, онъ возвращается къ нимъ въ концѣ. Мало того. Онъ сознается, въ заключеніе, что и его планы трудноисполнимы. Да и помощь отъ нихъ ожидается весьма ограниченная: они не захватываютъ цѣлой массы безработныхъ, не входящихъ въ разрядъ спеціально рабочаго класса; они не касаются такихъ явленій, какъ врачъ безъ больныхъ, адвокатъ безъ тяжбъ, учитель безъ уроковъ, купецъ безъ покупателей и т. под.

Пока нѣмцы теряютъ голову въ борьбѣ съ нищими рабочими и съ голодными безработными, у нихъ выступила еще новая своеобразная забота, и совершенно неожиданно. Они все надѣялись на близкое физическое вымираніе своего «прирожденнаго» врага за Рейномъ; они кололи глаза француженкамъ ихъ «легкомысліемъ». Какъ вдругъ нѣмки стали подражать француженкамъ въ безплодіи: въ Германіи, даже у крестьянъ, развивается Zwei-Kinder-System. И государственные мужи начинаютъ задумываться надъ будущимъ укомплектованіемъ арміи.

Вопросъ о нищетѣ сталъ злобою дня и въ рейхстагѣ. Онъ проникъ въ тронную рѣчь, въ концѣ 1892 г. А въ 1893 году министръ Бёттихеръ принужденъ былъ согласиться съ ораторами разныхъ партій, которые указывали на голодовки и на неизбѣжность умноженія арміи безработныхъ.

III.

Соціаль-демократы.

Итакъ, Германія стала очагомъ общественнаго вопроса. Понятно, что поднялась, какъ никогда, та партія, которая наиболѣе занята имъ, какъ видно изъ самаго ея имени. Когда, лѣтомъ 1893 г. происходили имперскіе выборы, вся западная печать заговорила о «побѣдѣ соціаль-демократовъ». Правда, по числу депутатовъ въ новомъ рейхстагѣ, они заняли лишь четвертое мѣсто: они провели только 49 членовъ на 397, хотя и это важно, такъ какъ, по германской конституціи, довольно 15 голосовъ для предложенія законовъ. Но цифра сама по себѣ мертва, а, при вмѣшательствѣ политики, она бываетъ даже ложна. Въ данномъ случаѣ она особенно не надежна въ Германіи, гдѣ наиболѣе развитъ общій недостатокъ современнаго парламентаризма — неправильность представительства. По имперской конституціи, разбивка Германіи на избирательные округа принадлежитъ правительству, которое, конечно, дробитъ ихъ тамъ, гдѣ ему выгодно, и наоборотъ. Оттого соціаль-демократы, получившіе $^1/_5$ голосовъ (2 изъ 10 мил. избирателей), пріобрѣли только 49 мѣстъ въ рейхстагѣ. Еслибы существовало соотвѣтствіе

Digitized by Google

между мѣстами и голосами, они послали бы 80 депутатовъ въ рейхстагъ. Сверхъ того, они должны были бороться съ особенными внѣшними препятствіями. Соціаль-демократы бѣднѣе другихъ партій деньгами, властью, вообще матеріальными орудіями успѣха. Ихъ стѣсняло правительство: оно задерживало передачу ихъ депешъ по телеграфу, запрещало ихъ сходки, даже арестовывало ихъ кандидатовъ и т. д. Уже послѣ выборовъ, имъ удалось добыть и обнародовать тайный циркуляръ прусскаго премьера,—друга аграріевъ, графа Эйленбурга,—губернаторамъ провинцій. Здѣсь указывается, какъ должно «всѣми мѣрами задерживать» дѣло соціаль-демократіи, которая «усиленно распространяется на самыя отдаленныя окраины и слои общества, въ особенности же на сельское населеніе».

Въ общественныхъ явленіяхъ цифра мертва до тѣхъ поръ, пока на нее не падетъ историческое освѣщеніе. А исторія свидѣтельствуетъ о быстротѣ успѣховъ партіи общественной по преимуществу. 25 лѣтъ тому назадъ, на первомъ собраніи нѣмецкихъ рабочихъ въ Берлинѣ, было всего 20 делегатовъ съ бюджетомъ въ 500 талеровъ: теперь у нихъ болѣе 1,300 союзовъ съ кассой въ четверть милліона марокъ. Они тратятъ до 100,000 на свои изданія, съ газетой *Vorwärts* (Либкнехта) во главѣ. Ихъ извѣстный писатель Вилле устроилъ «народный театръ», который все растетъ, наравнѣ съ «народнымъ университетомъ», какъ называютъ они рядъ своихъ школъ. Они устраиваютъ ежегодные съѣзды; и въ 1891 г. установили въ Эрфуртѣ свою программу. Ихъ вожди (Бебель, Либкнехтъ, Зингеръ, Ауэръ) играютъ видную международную роль на всеобщихъ рабочихъ конгрессахъ. Немудрено, что лѣтъ 25 тому назадъ у соціаль-демократовъ было только 379,000 голосовъ на имперскихъ выборахъ, и Бебель былъ ихъ первымъ и единственнымъ представителемъ въ рейхстагѣ, надъ которымъ всѣ подсмѣивались; а теперь ихъ успѣхъ превзошелъ самыя пылкія ожиданія ихъ лондонскаго вождя, Энгельса. Немудрено также, что въ 1893 году, когда они раскрывали въ рейхстагѣ планъ «государства будущаго» (Zukunftstaat), всѣ партіи ожесточенно напали на соціализмъ, поддаваясь чувству страха.

Но эти партіи на ножахъ между собой во всемъ остальномъ: руководясь каждая своимъ особымъ интересомъ, онѣ напоминаютъ басню о собакахъ и кости. Не то видимъ у соціаль-демократіи.

Принято указывать на множество разныхъ толковъ въ этой средѣ. Безъ нихъ и немыслимо столь сложное и, вдобавокъ, новое дѣло. Но эти толки имѣютъ болѣе теоретическое, чѣмъ жизненное значеніе. Они сосредоточиваются теперь на подробностяхъ разра-

Digitized by Google

ботки дѣла, въ области такъ называемаго коллективизма, о которомъ скажемъ ниже. Этотъ естественный ходъ развитія идеи не мѣшаетъ на практикѣ единству партіи, связанной общимъ источникомъ ея происхожденія. Въ доказательство, напомнимъ два обстоятельства вчерашняго дня. Всѣмъ извѣстна борьба между основными направленіями въ партіи—между лассальствомъ и марксизмомъ. Лассаль уже считается пережитымъ моментомъ (überwundener Standpunkt): это—идеалистъ, ученикъ метафизиковъ, націоналистъ и пророкъ государственнаго соціализма. Марксъ—реалистъ, чтобъ не сказать больше, международникъ, врагъ государственнаго вмѣшательства въ бытъ народа; онъ еще въ 1875 г. подвергъ безпощадной критикѣ агитатора 1860-хъ гг., въ особенности же его «желѣзный законъ» заработной платы, на которомъ лежали слѣды правовѣрной политической экономіи. Въ настоящее время, весь Лассаль, съ ногъ до головы, подвергнутъ критикѣ въ біографіи марксиста *Бернштейна*, приложенной къ новому изданію полнаго собранія его сочиненій [1]). Однако, это изданіе—плодъ усилій самихъ соціаль-демократовъ. Оно служило лучшимъ вѣнкомъ на 30-лѣтнемъ юбилеѣ кончины Лассаля († 1864). Этотъ юбилей соединилъ всю партію въ сочувственномъ воспоминаніи объ ея основателѣ, который еще въ 1848 г. сотрудничалъ въ журналѣ Маркса «Neue Reinische Zeitung» и руководился отчасти его идеями въ своемъ «Bastiat-Schulze», гдѣ разоблачены заблужденія манчестерцевъ или либераловъ политической экономіи. Всѣ вспоминали этого возбудителя общественнаго вопроса и проповѣдника всеобщаго голосованія. И, во время послѣднихъ выборовъ, на собраніяхъ партіи красовались рядомъ портреты Лассаля и Маркса.

Въ послѣднее время, казалось важнѣе другое, жизненное разногласіе. Послѣ эрфуртскаго съѣзда, возникла обычная борьба

[1]) *Lassalle*: Reden und Schriften, 1892—1893. 3 Bände. Это—лучшее критическое изданіе работъ Лассаля. Бернштейнъ упрекаетъ своего героя въ интригантствѣ, шпіонствѣ, подкупахъ и рекламахъ, а также въ «дѣтскомъ тщеславіи», самообожаніи, лицемѣріи и риторствѣ. Онъ подчеркиваетъ его связи съ знатью, его симпатіи къ Потсдаму, его требованіе присоединить Шлезвигъ-Голштейнъ въ 1859 г. Для него даже знаменитыя «Erwarbenen Rechte»—одна поверхностная діалектика и «умозрительное построеніе». Бернштейнъ не прощаетъ Лассалю и нападокъ на либерала Дункера и его друзей въ ту минуту, когда правительство подавляло конституцію. Нечего и говорить про «желѣзный законъ» и про государственный соціализмъ, который только готовитъ «преторіанцевъ». Тѣмъ понятнѣе, со стороны Бернштейна, критика поступковъ Лассаля съ 1863 г., когда этотъ демагогъ началъ громить друзей конституціи и льстить Бисмарку, а затѣмъ вошелъ въ личныя сношенія съ авторомъ закона противъ соціалистовъ и, наконецъ, прямо заговорилъ языкомъ реакціи и цезаризма.

Digitized by Google

между «отцами и дѣтьми». Маститые вожди возстали противъ насилій вообще, въ особенности же противъ стачекъ, которыя повторялись въ Европѣ, въ 15 л., полторы тысячи разъ и поглотили въ одной Франціи болѣе 8 милл. рабочихъ дней. Они выдвинули необходимость постепеннаго, мирнаго рѣшенія вопроса путемъ представительства, во всѣхъ его видахъ. «Юные» или «независимые» возмутились противъ этихъ «мериновъ», требуя быстроты: горячія головы, они готовы на все для ускоренія развязки; ихъ армія—«безработные, лохмотники, невѣжи (unskilled)».

Но юнцы лишены значенія: у нихъ нѣтъ ни образованія, ни программы; они дѣйствуютъ отрицательно. Они невольно подчиняются солиднымъ старикамъ и помогаютъ имъ пропагандой, особенно по деревнямъ и въ войскахъ. А въ виду такихъ общихъ враговъ, какъ военный законъ, обѣ стороны сливаются. На съѣздѣ 1892 г. всѣ единогласно отвергли стачки и приняли слѣдующее важное рѣшеніе: «Истинный соціализмъ не имѣетъ ничего общаго съ государственнымъ соціализмомъ, цѣль котораго—все монополизовать въ свою пользу, наложить на пролетаріатъ двойное иго экономическаго выжиманія и политическаго рабства. Государственный соціализмъ предлагаетъ лишь полумѣры изъ страха передъ истиннымъ соціализмомъ. Это—палліативъ, цѣль котораго—отвлечь рабочіе классы отъ истиннаго соціализма. Соціализмъ никогда не пренебрегалъ мѣрами къ улучшенію положенія рабочихъ, когда онѣ исходили даже отъ его противниковъ. Но онъ считаетъ ихъ мелкими подачками, при которыхъ не должно терять изъ виду конечной цѣли—переустройства государства и общества. Соціализмъ революціоненъ по самой своей природѣ; государственный же соціализмъ, напротивъ, консервативенъ. Стало быть, это—непримиримыя крайности».

Затѣмъ, во время послѣднихъ имперскихъ выборовъ, соціаль-демократы поразили всѣхъ своимъ чувствомъ сотоварищества (солидарности) и строгою дисциплиной, которыя сковали небывалую энергію и горячность массъ, и направили ихъ къ одной цѣли. Только они одни выставили кандидатовъ на всѣ 397 мѣстъ. Только у нихъ нашлась масса искусныхъ дѣятелей-пропагандистовъ, устроителей сходокъ, ораторовъ, а также 80 газетъ, изъ которыхъ главныя издавались въ 40,000 экземпляровъ. Они выставили ясную и настолько простую, обыденную программу, что подъ нею могла бы подписаться всякая партія: это—«разоблаченіе закоренѣлыхъ козней» враговъ народа, желавшихъ наложить «невыносимое бремя на имущество и на самую кровь рабочихъ» и угрожавшихъ «основнымъ правамъ народа, въ особенности же всеобщему голосованію». Наконецъ, соціаль-демократія удвоила свои силы. Здѣсь женщина

Digitized by Google

выступила на политическое поприще на дѣлѣ (de facto), не дожидаясь признанія ея правъ закономъ (de jure). Она принесла такъ много пользы на выборахъ, что у нѣмцевъ уже возникъ новый терминъ—Wählerinnen (избирательницы). А въ Германіи, въ послѣднее время, число рабочихъ возросло лишь на $6^1/_2$%, работницъ же—на 35%. Теперь работницы уже составляютъ армію горячихъ общественныхъ борцовъ въ $4^1/_2$ милліоновъ.

Прибавимъ, что положеніе соціаль-демократіи выгоднѣе, чѣмъ положеніе подобныхъ партій въ другихъ странахъ. Въ Германіи нѣтъ великой чисто-демократической партіи, которая стояла бы исключительно на политической почвѣ и не мечтала бы ни о какихъ «государствахъ будущаго». Къ ней примкнули бы крестьяне, и особенно бюргерство, которымъ, конечно, претятъ революціонныя воспоминанія. Но, за ея отсутствіемъ, народъ бросается въ объятія соціаль-демократовъ, тѣмъ болѣе, что они теперь становятся просто одною изъ парламентскихъ партій. Понятно всеобщее тяготѣніе въ эту сторону. Сюда склоняются уже и «прогрессисты», и духовенство «христіанскаго соціализма», и ученые, и правители «государственнаго соціализма». Съ соціаль-демократами заигрываютъ даже антисемиты и Тартюфы юнкерства...

IV.

«Историзмъ» въ экономической наукѣ.

Какова жизнь, такова и теорія. Теперь среди наукъ выдвинулось на первый планъ обществовѣдѣніе, и по преимуществу политическая экономія. Послѣдняя забиваетъ даже блестящее естествознаніе, которое такъ недавно было властителемъ думъ. Интересъ къ ней растетъ всюду,—какъ среди правительствъ, такъ и въ обществѣ, какъ въ кругу образованныхъ людей, такъ и въ массахъ. Особенно увлекаетъ она нѣмцевъ: у нихъ растутъ и указанныя выше общественныя неурядицы, и новыя общественныя ученія, съ такою распространенною теоріей во главѣ, какъ «марксизмъ».

Въ 1890-хъ годахъ, въ Германіи вышло множество книгъ, брошюръ, статей по экономическимъ вопросамъ. Какъ въ жизни, такъ и здѣсь, у нѣмцевъ преобладаютъ новыя стремленія. Если послушать пылкихъ авторовъ, взоры которыхъ устремлены въ будущее, то подумаешь, что экономическая наука уже совсѣмъ передѣлалась и что, кромѣ нихъ, пожалуй, и нѣтъ никакихъ экономистовъ. Въ этомъ смыслѣ ихъ поддерживаетъ крайній лагерь противниковъ, руководимый аграріями и биржевиками. Съ годъ тому назадъ, именно во время выборной горячки, къ намъ доносились оттуда цѣ-

Digitized by Google

лые стоны, по которымъ можно было судить, до чего у страха глаза велики. «Schlesische Zeitung» указывала даже на бывшаго австрійскаго министра, профессора Шеффле, одно сочиненіе котораго «было задержано временно (!)» въ Пруссіи, на основаніи закона Бисмарка противъ соціалистовъ: онъ-де—сущій соціаль-демократъ въ своемъ ученіи о «распорядимости» (Veranstaltlichung) въ производствахъ. Мало знакомая съ дѣломъ, газета затрогивала и другихъ «каѳедренныхъ» пророковъ новаго ученія, не исключая мирнаго профессора Вагнера, который замѣтилъ только въ одной своей рѣчи, что «новыя ученія заслуживаютъ обсужденія». Такихъ ревнителей старины во что бы ни стало безпокоитъ даже новое предпріятіе солидныхъ профессоровъ, которые начали издавать, въ прошломъ году, «Socialpolitische Centralblatt»: зачѣмъ-де они публиковали о своемъ журналѣ, между прочимъ, въ «Vorwärts»?!

Словомъ, послушать аграріевъ и всякихъ ретроградовъ—выходитъ, что прежней науки политической экономіи и на свѣтѣ нѣтъ. На дѣлѣ видимъ не то. Здѣсь, какъ и въ жизни, идетъ ожесточенная борьба стараго съ новымъ, причемъ обѣ стороны выставляютъ крупныхъ бойцовъ. Какъ вездѣ, есть и посредствующія ступени, нейтральныя явленія. Любопытнѣе всего усиліе умовъ освѣщать дѣло съ разныхъ сторонъ, дѣлать выводы въ желательномъ авторамъ направленіи: матеріалъ у всѣхъ одинъ и тотъ же—все тѣ же, нѣмыя сами по себѣ, экономическія цифры.

Прежде всего оказывается, что «старая школа» или то, что принято понимать подъ именемъ «политической экономіи», вовсе не считаетъ себя разбитой. Напротивъ, она издала много книгъ, брошюръ, газетъ, журналовъ, прочла массу лекцій академическихъ и публичныхъ. Здѣсь мало новаго, но положено много труда, знанія и остроумія для лучшаго укрѣпленія маститаго зданія науки, въ виду бойкаго наступающаго врага. Было бы долго, да и безполезно перечислять эти работы. Но здѣсь есть и крупные труды, своего рода левіафаны: довольно познакомиться съ ними, чтобы видѣть основы жизни въ этомъ лагерѣ.

Въ 1892 г. разомъ вышло два такихъ капитальныхъ сочиненія. Недавно умершій ветеранъ политической экономіи у нѣмцевъ, Вильгельмъ *Рошеръ*, издалъ свою почтенную «Политику» [1]). Это—не столько экономическое, сколько политическое сочиненіе. Но оно важно для насъ потому, что Рошеръ—учитель почти всѣхъ современныхъ экономистовъ Германіи и отецъ историческаго метода въ экономической наукѣ. Этотъ методъ—великое дѣло: проникая всюду

[1]) *Roscher*: Politik. Geschichtliche Naturlehre der Monarchie. Aristokratie und Demokratie. Stuttgart. 1892.

Digitized by Google

съ половины XIX-го вѣка, онъ низвелъ человѣчество съ безплодныхъ высотъ метафизики на благодатную почву положительнаго знанія. Но онъ покуда принесъ больше пользы въ естествознаніи, которое обязано ему эволюціонизмомъ, чѣмъ въ общественныхъ наукахъ, гдѣ онъ создалъ немало мудрецовъ, для которыхъ что было, то и будетъ. Въ своемъ новомъ сочиненіи Рошеръ пережевываетъ Аристотеля и Монтескьё по части эквилибристики «формъ правленія». Земнымъ раемъ кажется ему соединеніе монархіи съ аристократіей; демократія же, въ его глазахъ, есть господство «неопытныхъ тупицъ». Пролетаріатъ неизбѣжно ведетъ къ цезаризму и кровопролитіямъ. Этотъ древній взглядъ авторитетнаго учителя тѣмъ болѣе важенъ, что его грузная и недешевая «Политика» разошлась въ нѣсколько недѣль первымъ изданіемъ.

«Политика» была лебединою пѣснью маститаго учителя: онъ умеръ въ нынѣшнемъ году, въ глубокой старости. Смерть корифея науки вызвала пересмотръ современнаго положенія политической экономіи. Среди множества некрологовъ и оцѣнокъ покойнаго, насъ особенно заняла работа его ученика, Юліуса Вольфа, о которомъ намъ необходимо поговорить подробнѣе [1]).

Любопытнѣе всего, что любимый ученикъ Рошера, Вольфъ, относится свысока къ «рошеровской эпохѣ» въ экономическомъ «историзмѣ» (Historismus—терминъ въ Германіи для обозначенія историческаго метода). Для него это—тоже überwundener Standpunkt, отжившее направленіе. Правда, Вольфъ не сказалъ этимъ ничего новаго, своего: его слова означаютъ только, что онъ примыкаетъ къ «новой эпохѣ историзма», которая развивается уже въ теченіе цѣлаго поколѣнія. Но важно такое искреннее и ясное заявленіе со стороны столь близкаго ученика Рошера.

Вольфъ совершенно правъ, указывая на своего учителя, какъ на типъ фактическаго ученаго. Спокойный, объективный даже по своему нраву, Рошеръ любилъ повторять слова Гегеля: «при началѣ своего образованія человѣкъ всегда порицаетъ; при его законченности онъ всюду видитъ положительное». Положительное же для него состояло исключительно въ быломъ, въ засвидѣтельствованномъ исторіей фактѣ. Оттого онъ былъ замѣчательно примѣрнымъ и искуснымъ собирателемъ данныхъ: его идеаломъ было накопленіе грудами экономическихъ фактовъ отовсюду и нанизываніе ихъ на историческую нить. Поразительна была его начитанность, какъ доказало уже его первое сочиненіе—«Ѳукидидъ». Рошеръ былъ

[1]) Двѣ статьи Вольфа о Рошерѣ написаны по заказу редакціи мюнхенской «Allgemeine Zeitung» и напечатаны въ этой газетѣ 2 и 3 іюля минувшаго года.

Digitized by Google

собственно историкомъ. Онъ воспитывался въ Гёттингенѣ, гдѣ процвѣтала нѣмецкая исторіографія, полвѣка тому назадъ, и гдѣ обыкновенно одинъ и тотъ же профессоръ читалъ и исторію, и «государственное хозяйство» (Staatswissenschaft). Такое счастливое соединеніе неизбѣжно вело къ переработкѣ соціальныхъ наукъ, влачившихъ жалкое существованіе, подъ видомъ сухой, ни съ чѣмъ не связанной, исключительно фактической «камералистики», которая знала только допотопныя arcana imperii и сама походила на какую-то камеръ-обскуру. Тогда и во всей Германіи культурно-историческій взглядъ словно носился въ воздухѣ: Боппъ, Гриммы, Вольфъ вводили его въ филологію, Риттеръ и Гумбольдтъ—въ землевѣдѣніе, а Гервинусъ прямо высказалъ идею, которая послужила основою работъ Рошера. Немудрено, что первымъ трудомъ Рошера была диссертація по культурной исторіи («Ѳукидидъ»—едва ли не лучшее изъ его произведеній), посвященная Риттеру и Ранке; а годъ спустя (1843) была издана его маленькая программа лекцій «о государственномъ хозяйствѣ *по историческому методу*». Затѣмъ явилось приложеніе этого метода ко всей экономической наукѣ, въ видѣ капитальной «Системы народнаго хозяйства».

«Система» Рошера, вмѣстѣ съ его лекціями, оказали много заслугъ. Въ отпоръ раціонализму XVIII-го вѣка, онѣ воспитали историческій взглядъ, т. е. убѣжденіе, что всякое учрежденіе, какъ плодъ обстоятельствъ, пригодно для своего времени, хотя и лишено абсолютнаго значенія. Онѣ понизили цѣну тѣхъ «философовъ, которые—по словамъ Рошера—спѣшатъ строить систему понятій и сужденій возможно абстрактнѣе, т. е. наиболѣе независимо отъ всякихъ случайностей пространства и времени». Немалая заслуга—выдвинуть здравыя требованія исторіи, когда господствовали два одинаково безплодныхъ увлеченія: съ одной стороны, фантастическій идеализмъ эпохи просвѣщенія, съ другой—ремесленная точка зрѣнія чиновничьей камералистики. Наконецъ, Рошеръ до того привлекъ всеобщее вниманіе къ политической экономіи, что она стала національною наукой въ Германіи: первая часть его «Системы» пережила уже болѣе 20 изданій. И историческій методъ до того овладѣлъ нѣмцами, что самъ профессоръ Вагнеръ, въ своемъ классическомъ «Учебникѣ», призналъ капиталъ, въ его нынѣшнемъ значеніи, «историческою», а не вѣчною «категоріей». Другія страны лишь медленно подвергались этому вліянію. Въ особенности упорствовала въ своемъ экономическомъ «классицизмѣ» англосаксонская раса, создавшая его творцовъ, Адама Смита и Мальтуса. Недавно молодой профессоръ гарвардскаго университета (въ Соединенныхъ Штатахъ), Эшли (Ashley), заявилъ во вступительной лекціи, что

Digitized by Google

въ Англіи и Америкѣ историческая школа только теперь забираетъ силу. Но и здѣсь она уже дала богатые плоды. Довольно указать на рядъ такихъ именъ, какъ Cliffe Leslie, Jones, Rogers, miss Collet, Ingram, на такіе капитальные труды, какъ «Сельская община» Зеебома, «Народный трудъ» Бута, «Основы экономической науки» Маршаля. Довольно вспомнить симпатичныя мѣропріятія друга бѣдныхъ, Тойнби, который подъ конецъ все углублялся въ исторію послѣднихъ двухъ вѣковъ, съ горячей вѣрой найти въ ней разгадку соціальнаго вопроса.

Но историзмъ не могъ остановиться на его творцѣ. Вышеупомянутая первая часть «Системы» лучше всего обнаруживаетъ его слабыя стороны. У Рошера нѣтъ жилки теоретика. А безъ теоріи историческій методъ не могъ побить своихъ враговъ: безъ нея онъ могъ пасть,—особенно въ неумѣлыхъ рукахъ мелкихъ подражателей,—до степени сухой, безсмысленной камералистики. Да и самъ Рошеръ не могъ терпѣть «раціоналистическаго взгляда», который однако привлекалъ бы умы, пока его не собьетъ новый взглядъ. Лишенный теоретическаго творчества, Рошеръ примкнулъ къ манчестерской школѣ: его историзмъ превратился въ орудіе экономическаго «классицизма». Онъ прямо заявилъ, что его индукція—врагъ не дедукціи, а «идеалистическаго» метода: и у него оказались старые идолы—Смитъ да Мальтусъ. Онъ уперся въ прежнее понятіе о государствѣ: онъ разсуждалъ только о «пригодности» каждой формы для своего времени (Zeitmässigkeit); онъ не касался различія между государствомъ и обществомъ, между политическими и индивидуальными цѣлями.

Поклоненіемъ классицизму объясняются отношенія Рошера ко всякимъ идеалистическимъ построеніямъ будущности общества. «Въ доктринерской абстрактности они равны, по меньшей мѣрѣ, крайнимъ фритредерамъ», говорилъ онъ о соціаль-демократахъ. «А болѣе ли они приносятъ пользы возбужденіемъ добрыхъ и запугиваніемъ злыхъ элементовъ въ высшихъ классахъ, чѣмъ причиняютъ вреда растленіемъ (Entsittlichung) низшихъ классовъ,—это зависитъ отъ того, насколько въ народѣ сохраняется истиннаго духовнаго здоровья, т. е. разсудительности, страха божія, любви къ ближнему и крѣпости характера». Рошеръ вообще былъ противникомъ новѣйшей этики разума: по его убѣжденію, соціальная политика должна основываться на «существенномъ подъемѣ и распространеніи истинной религіозности въ народѣ». Вотъ его приговоръ книгѣ Энгельса о рабочихъ (Lage der arbeitenden Classen in England), съ которой началось литературное движеніе марксизма: «это—сумрачная картина, искусно составленная изъ печальныхъ сторонъ

Digitized by Google

современнаго англійскаго строя, съ умолчаніемъ о сторонахъ свѣтлыхъ; она вѣрна въ очень многихъ частностяхъ, хотя въ цѣломъ это—карикатура, весьма способная, впрочемъ, произвести безпокойство и возбужденіе».

Историзмъ не могъ застыть на «рошеровской эпохѣ». Его «новая» эпоха, которая находится теперь въ своемъ полномъ развитіи, начинается около середины текущаго вѣка, когда появилась книга *Книса*: «Политическая экономія съ точки зрѣнія историческаго метода» [1]). Разоблачая старое идолопоклонство Рошера, новый историзмъ горячо возстаетъ противъ всякихъ теорій, которыя вытекаютъ не изъ «историческихъ данныхъ». Вопреки классицизму, изучавшему одно производство богатствъ, онъ допускаетъ и разрабатываетъ вопросъ объ ихъ распредѣленіи. Въ отпоръ безстрастному объективизму, онъ ополчается за необходимость права и нравственности въ хозяйственной жизни, какъ и во всякой другой. Книсъ краснорѣчиво говоритъ о томъ, какъ Макіавель изгналъ этику изъ политики, Спиноза—изъ самой этики, превративъ ее въ физику, а Адамъ Смитъ—изъ политической экономіи. Доказывая, что нравственный полетъ коснулся теперь и хозяйственной жизни, онъ спрашиваетъ: «иначе—что же такое это исканіе *лучшаго* распредѣленія богатствъ?» Книсъ очищаетъ историзмъ тѣмъ, что смѣло выкидываетъ за бортъ Смита и Мальтуса, и зло подсмѣивается надъ Рикардо за его «методъ умозаключеній», не знающій опыта, жизни, дѣйствительности.

Между тѣмъ какъ Рошеръ прямо отказался отъ основъ новаго историзма, послѣдній не переставалъ развиваться, благодаря такимъ талантамъ. какъ Бруно Гильдебрандъ, и такимъ труженикамъ, какъ нынѣшніе его представители, Шмоллеръ и отчасти Кнаппъ. Освободившись отъ путъ классицизма, онъ идетъ къ независимымъ научнымъ построеніямъ. Изучая не измышленія отдѣльныхъ личностей, а жизнь учрежденій, игру историческихъ силъ, онъ готовитъ философію исторіи хозяйства или такое же объясненіе эволюціи обществъ, какое дано естествознаніемъ—эволюціи природы. И рвеніе его поборниковъ равняется ихъ ненависти къ долгому господству метафизики въ экономической наукѣ: Шмоллеръ ничего не ожидаетъ отъ. «дальнѣйшей перегонки (Distillation) уже сто разъ перегнанныхъ умозрѣній стараго догматизма» [2]).

Новѣйшая школа въ экономической наукѣ безспорно стоитъ на

[1]) *Knies*: Politische Oekonomie aus dem Standpunkte der geschichtlichen Methode. 1853.

[2]) *Schmoller*: Zur Literaturgeschichte der Staats — und Socialwissenschaften. Leipzig. 1888, p. 279.

Digitized by Google

вѣрномъ пути. Но крайне труденъ и запущенъ этотъ путь. Покато дойдемъ мы до реальной философіи въ этой области знанія, придется еще многое испытать. Новый историзмъ еще не вышелъ изъ подготовительной поры разработки фактическихъ мелочей: тутъ нерѣдко, какъ говорится, за дровами лѣса не видно. Недаромъ такъ оживились, въ послѣднее время, противники крайностей историзма, составившіе даже «австрійскую школу». Не лишены значенія ѣдкія нападки главы этой школы, Менгера, который называетъ трудъ Шмоллера «миніатюрною живописью, микрографіей и т. п. [1]). Справедливъ въ своемъ соболѣзнованіи и, стоящій въ сторонѣ отъ борьбы между нѣмцами, американецъ Эшли; онъ не знаетъ, куда примкнуть, встрѣчая путаницу и разноголосицу въ основныхъ взглядахъ у нынѣшнихъ вождей экономической науки. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь эти корифеи жестоко спорятъ сейчасъ даже при опредѣленіи такихъ терминовъ, какъ распредѣленіе богатствъ, заработная плата, рента, процентъ. Процентъ, напримѣръ, для однихъ есть плата предпринимателю, для другихъ—премія за рискъ, для третьихъ—какое-то подобіе ренты. Или, вотъ, бѣдные американцы схватились было, какъ за послѣднее слово науки, за ново-австрійское ученіе о «субъективности цѣнности»; но уже сами приверженцы этого ученія вопятъ, что это опредѣленіе цѣнности, а вовсе не объясненіе ея.

Наконецъ, что обѣщаютъ новѣйшіе изъ болѣе крупныхъ трудовъ въ области историзма? Ниже мы встрѣтимся съ Кнаппомъ; а теперь познакомимся съ Юліусомъ Вольфомъ, близкимъ ученикомъ Рошера, причисляющимъ себя къ «новой эпохѣ» нѣмецкаго историзма.

V.

Новѣйшій плодъ историзма.

Юліусу Вольфу теперь всего 32 г., а онъ уже—ординарный профессоръ въ Цюрихѣ. Прошлою зимой намъ удалось познакомиться съ его лекціями, предметомъ которыхъ были экономическіе кризисы. У этого красиваго брюнета средняго роста, съ хорошими манерами, съ пріятнымъ голосомъ и чистымъ выговоромъ, но съ надменнымъ взглядомъ, собирается до 20 человѣкъ (въ томъ числѣ нѣсколько дамъ),—аудиторія значительная для этого факультета въ маленькомъ городкѣ Швейцаріи. Читаетъ онъ живѣе многихъ своихъ товарищей (которые просто канитель тянутъ), но самымъ обычнымъ способомъ, по тетрадкѣ, безъ увлеченія. Вольфъ обратилъ на себя

[1]) *Menger*: Die Irrthümer des Historismus. Wien. 1884, pp. 26—40.

Digitized by Google

вниманіе диссертаціями о налогѣ на водку и о хлѣбной торговлѣ въ Остъ-Индіи. Это—сочиненія фактическія: здѣсь Вольфъ—еще приверженецъ исторической школы, какъ понималъ ее Рошеръ. Эти труды не блистали ни новизной, ни широтой мысли.

Таковъ же новый трудъ Вольфа, вышедшій въ одно время съ «Политикой» его учителя, подъ названіемъ «Соціализмъ и капиталистическій строй общества» [1]). Онъ блещетъ массой фактовъ, а также небывалымъ подборомъ мнѣній не только экономистовъ и историковъ, но даже философовъ и поэтовъ—роскошь, которую любилъ и Рошеръ. Словомъ, это—самая тяжелая артиллерія на защиту существующаго порядка, а также самое крупное сочиненіе въ Германіи по экономическимъ вопросамъ за послѣдніе годы.

Впрочемъ, на этотъ разъ Вольфъ поднимается выше простаго подбора фактовъ. Зачисливъ себя уже въ ряды приверженцевъ «новой» эпохи историзма, онъ старается дѣлать обобщенія и живо полемизируетъ съ новыми ученіями. У него встрѣчаются любопытныя сопоставленія данныхъ, наводящія на размышленія. Такова, напр., картина задолженности народовъ уже на зарѣ исторіи, или «проклятый вопросъ» въ колыбели человѣчества. Оказывается, что причиной этого бѣдствія было паденіе родовой и общинной собственности: рѣдко кто могъ справиться съ хозяйствомъ въ одиночку, съ частною собственностью. То же было съ нѣмецкими крестьянами въ XIX-мъ в., когда имъ разрѣшено было дѣлать займы.

Но Вольфъ идетъ еще дальше. Второе заглавіе его книги гласитъ: «Критическая оцѣнка соціализма и капитализма, какъ основа *соціальной политики*». Кто теперь не говоритъ въ Германіи объ этой «политикѣ», о «практикѣ» (praktische Volkswirthschaftslehre) или же о государствахъ будущаго? Вольфъ считаетъ соціальную политику необходимымъ прикладнымъ отдѣломъ экономической науки, который долженъ быть посвященъ именно великому вопросу о распредѣленіи богатствъ.

Здѣсь-то естественно и сказалось направленіе автора, снискавшее ему такой почетъ среди поборниковъ существующаго строя. Вольфъ заявляетъ, что его волнуетъ соціализмъ, «въ лагерь котораго съ каждымъ днемъ все больше и больше перебѣгаютъ люди въ огромномъ числѣ». Это-то и вызвало его книгу, на которую онъ самъ взираетъ уже съ высоты своего положенія. «Въ этой книгѣ,—говоритъ онъ,—мы становимся подъ простр҃ленное знамя *старой традиціи*: она—самое обстоятельное оправданіе взгляда, противоположнаго соціализму».

[1]) *Julius Wolf*: Socialismus und capitalistische Gesellschaftsordnung. Kritische Würdigung beider als Grundlegung der Socialpolitik. Stuttgart. 1892.

Digitized by Google

Это оправданіе исходитъ изъ своеобразной мысли, будто сыръборъ загорѣлся оттого, что явился «софистъ» Карлъ Марксъ (хотя онъ, какъ ученый, и ниже, напр., Ротбертуса). Издалъ онъ свой «Капиталъ»—и вдругъ софизмы овладѣли человѣчествомъ. А если такъ, то стоитъ положительному «критику» разоблачить софиста—и массы тотчасъ возвратятся восвояси съ прогулки въ область заблужденій...

При такомъ взглядѣ автора на себя и при успѣхѣ его книги, ознакомленіе съ его положеніями представляетъ особый интересъ. Это сдѣлать не трудно. Его сочиненіе написано толково. А, главное, онъ облегчилъ нашу задачу, напечатавъ публичную лекцію, прочитанную имъ недавно въ «нижне-австрійскомъ промышленномъ обществѣ», которое пригласило его именно пояснить свою книгу [1]).

Картина, которою начинается книга, набросана въ лекціи гораздо болѣе сгущенными красками. Вольфъ сознается, что его сочиненіе нажило ему «множество ожесточенныхъ враговъ». Онъ не скрываетъ, что соціализмъ уже сдѣлалъ «новые» успѣхи и приводитъ слова де-Амичиса, который недавно произвелъ фуроръ въ Туринѣ лекціей, прочитанной передъ массою академической молодежи. А этотъ престарѣлый поэтъ произнесъ «проповѣдь покаянія и крестоваго похода» для борьбы за «новое солнце». Онъ съ восторженностью пророка .указывалъ на то, что «въ грозномъ войскѣ, идущемъ на соціализмъ, каждый день убываетъ по воину: кто стоитъ въ недоумѣніи или бросаетъ оружіе, кто обращается противъ своихъ же». Вольфъ прибавляетъ, что де-Амичисъ дѣлалъ наблюденія среди романцевъ; но еще хуже у нѣмцевъ, которые считаютъ себя вожаками новаго международнаго движенія.

Какъ добросовѣстный ученый, Вольфъ подтверждаетъ свои слова цифрами, тѣмъ болѣе важными, что онъ беретъ выборы въ рейхстагѣ, а они въ Германіи—тайные, т. е. избирателю предоставляется полная свобода положить шаръ куда ему угодно. Эти цифры тѣмъ любопытнѣе, что онѣ относятся не къ послѣднимъ выборамъ, о которыхъ мы говорили выше; и, при способѣ вычисленія автора, которымъ мы не пользовались, онѣ производятъ болѣе сильное впечатлѣніе. «Въ 1890 г.,—говоритъ Вольфъ,—за соціалистическое государство голосовало болѣе $1^1/_2$ милліоновъ. За шесть лѣтъ передъ тѣмъ было только 500,000. Въ 1890 г. въ Германіи приходился 1 избиратель на 7 человѣкъ всего населенія, такъ какъ на $49^1/_2$ милліоновъ всѣхъ нѣмцевъ и на 10 милліоновъ, имѣющихъ право голосовать, лишь 7 милліоновъ подавали голоса. Взявъ эти цифры

[1]) *J. Wolf*: Socialismus und bürgerliche Wirthschaftsordnung. Въ мюнхенской «Allgemeine Zeitung» отъ 28 и 29 марта 1893 г.

Digitized by Google

за основаніе въ вычисленіи, придемъ къ заключенію, что въ Германіи *около 10 милліоновъ высказались за соціализмъ»*.

Далѣе Вольфъ дѣлаетъ замѣчательное заявленіе: «Нѣмецкій соціализмъ старается подготовить свое господство двумя путями: 1) соціализированіемъ избирателей, 2) соціализированіемъ войска. Послѣднее только что начинается; но первое онъ надѣется вскорѣ довести до того, что за нимъ будетъ большинство въ рейхстагѣ. Фридрихъ Энгельсъ недавно увѣрялъ, что въ 1900 г. у соціалистовъ будетъ отъ $3^1/_2$ до 4 милл. голосовъ. Стало быть, Германія вступитъ въ новое столѣтіе съ соціалистическимъ большинствомъ въ рейхстагѣ». Одинъ извѣстный писатель сказалъ, что теперь господствуетъ «ощущеніе погибели». Положимъ, «это—преувеличеніе», прибавляетъ Вольфъ; но вѣрно, что «мы живемъ въ пору нравственнаго угнетенія».

Вотъ нашъ профессоръ и взялся уничтожить нравственное угнетеніе посредствомъ критики марксова «Капитала», этого, «повидимому, неисчерпаемаго наслѣдства» у соціалистовъ,—наслѣдства, которое «смѣло выдерживаетъ сравненіе со средневѣковою вѣрой въ Библію». Лассалю Вольфъ не придаетъ значенія: это—«адвокатъ и агитаторъ, котораго Бисмаркъ никогда не пытался пріобрѣсти, что̀, конечно, было возможно».

Юліусъ Вольфъ направляетъ всѣ свои усилія на разрушеніе основнаго догмата Маркса о неизбѣжномъ возрастаніи бѣдности, пока орудія производства будутъ частною собственностью. Этотъ догматъ былъ признанъ «неоспоримымъ» на эрфуртскомъ съѣздѣ соціаль-демократовъ и на дняхъ вошелъ въ новѣйшую программу этой партіи. Съ помощью статистики и исторіи, Вольфъ доказываетъ, что, напротивъ, «соціальное развитіе идетъ не назадъ, а впередъ, идетъ вѣрнымъ путемъ, хотя медленно и съ запинками (stockend)». Мрачный взглядъ тутъ зависитъ оттого, что, какъ доказалъ Токвиль, бремя сильнѣе чувствуется народами, когда его снимаютъ. И вообще «мы всегда склонны видѣть вещи въ болѣе мрачномъ свѣтѣ, не замѣчать благодѣяній, преувеличивать зло».

Мы выберемъ наиболѣе яркіе и общедоступные доводы, какъ изъ книги Вольфа, такъ и изъ его лекціи. Примѣры будутъ, главнымъ образомъ, изъ быта Англіи, такъ какъ и Марксъ предпочиталъ эту страну для своихъ цѣлей.

Въ своей лекціи Вольфъ выпускаетъ впередъ новаго союзника. Послѣ выхода въ свѣтъ его книги, въ Англіи появился обширный и дѣльный трудъ, который еще лучше развиваетъ ея основы. Это—работа члена парламента и друга рабочихъ, *Гоуэля* (Howell), помѣщенная въ «Ежегодникѣ рабочихъ союзовъ». Гоуэль изучилъ

Digitized by Google

соціальныя отношенія Англіи съ 1300 по 1891 г. и пришелъ къ такимъ заключеніямъ. 1) Положеніе низшихъ классовъ улучшилось, особенно за послѣднія 50 лѣтъ; и это улучшеніе идетъ все сильнѣе и быстрѣе. 2) Средній классъ умножился, и въ большей степени, чѣмъ высшій классъ. 3) Богатство богачей возросло не больше, чѣмъ улучшеніе быта низшихъ классовъ. 4) Но «истинно бѣдныхъ, дѣйствительно, многое множество; и если ихъ число падаетъ, то все таки они—темное пятно въ нашей средѣ».

Касательно перваго пункта, Вольфъ указываетъ, что въ 1850-хъ годахъ было 4,7% бѣдныхъ, а теперь только 2,8%; заработная плата возрасла, и гораздо больше въ промышленности, въ этомъ царствѣ машинъ, чѣмъ въ земледѣліи. Въ послѣднія 40 лѣтъ, въ Англіи потребленіе чая возрасло на 319%, сахара—на 282, масла—на 810, сыру—на 479, яицъ—на 960, сала и ветчины—на 3,827. Въ то же время вклады въ сберегательныя кассы увеличились впятеро, а число вкладчиковъ было въ 1861 году 178,000, теперь же—4½ милліона. Число преступленій равнялось въ 50-хъ годахъ 79 на 100,000, а теперь—37. Тоже въ Саксоніи, которая близка къ Англіи по промышленному развитію. Вопреки увѣреніямъ соціалистовъ, здоровье растетъ въ культурныхъ странахъ: теперь продолжительность жизни больше прежняго. А какова сила техническихъ улучшеній! У народовъ-охотниковъ 1 кв. миля пропитываетъ только 1—5 человѣкъ, у рыболововъ—до 100, въ Европѣ—болѣе 15,000.

Положимся на статистику: признаемъ всѣ эти цифры непреложными. Но, повторяемъ, огульная цифра мертва: все дѣло въ ея жизненной обстановкѣ, въ ея вѣрномъ аналитическомъ толкованіи. Нужно, напр., знать, кто и сколько ѣстъ ветчинки и маслица, а кто пробавляется больше сальцемъ и картошкой. Самъ Вольфъ не отвергаетъ факта громадной важности, который иначе освѣщаетъ всѣ цифры. Онъ добросовѣстно указываетъ на нынѣшній контрастъ между изумительными успѣхами техники и не менѣе поразительными соціальными бѣдствіями. Но онъ объясняетъ его необычайнымъ ростомъ населенія и тѣмъ обстоятельствомъ, что «техника меньше всего коснулась производства жизненныхъ продуктовъ»,—земледѣлія. На материкѣ Европы обитало въ 1800 г. 175 милл. душъ, а теперь 360. Слѣдовательно, чтобы только удержаться въ хозяйствѣ на уровнѣ начала вѣка, народное богатство должно бы возрасти больше, чѣмъ вдвое; а на дѣлѣ возрастаніе если и замѣчается, то только въ промышленности. Тутъ рабочій ничего не подѣлалъ бы, еслибы онъ даже получалъ цѣликомъ всѣ барыши отъ своихъ трудовъ. Итакъ, Вольфъ ничего не имѣетъ противъ барышей капиталиста въ про-

Digitized by Google

мышленности, въ виду хотя бы и невѣрно направленной техники. Но, по его мнѣнію, труднѣе оправдать «нравственно» процентъ. Къ счастью, онъ замѣчаетъ, что процентъ падаетъ съ развитіемъ культуры.

Касательно средняго класса, Вольфъ чувствуетъ себя тверже. Онъ горячо возстаетъ противъ ученія соціалистовъ объ его «вымираніи». Тутъ нашъ авторъ прямо схватывается съ Марксомъ, который пользовался тѣми же цифрами, «но удовольствовался результатами развитія одного только года». Вольфъ сравниваетъ положеніе буржуазіи въ Англіи на разстояніи почти 40 лѣтъ. Въ 1843 г. было 88,000 человѣкъ, получавшихъ 4—12 тысячъ франковъ доходу отъ промысловъ, торговли и свободныхъ профессій; а въ 1880 г.— 275,000. И противъ этихъ огульныхъ цифръ можно кое-что возразить. Съ 1843 г. жизнь сильно вздорожала; а, главное, очень возросло число чиновниковъ и военныхъ, получающихъ именно подобное жалованье.

Наконецъ, не вѣренъ и догматъ Маркса о томъ, что богачи «пожираютъ сами себя», но уцѣлѣвшіе страшно богатѣютъ. Тюбингенскій докторъ Гессъ доказалъ (въ Annalen des Deutschen Reiches за 1893 г.), на основаніи подоходной статистики въ Германіи, что число богачей не падаетъ, а подымается.

Вообще же выходитъ такая картина. Національный доходъ Саксоніи возросъ, въ 1879—1890 гг., съ 1045 до 1611 милл. марокъ, т. е. съ небольшимъ въ 10 л. увеличился на половину противъ прежней цифры, которая была добыта съ такимъ трудомъ въ теченіе вѣковъ. «Національный доходъ Англіи теперь впятеро больше, чѣмъ въ началѣ вѣка, а рабочее населеніе увеличилось лишь втрое. Значитъ, послѣдовало улучшеніе доходовъ вообще на $^2/_3$. По всеобщему свидѣтельству, доходъ рабочаго увеличился на 50%. Сверхъ того, теперь получаютъ заработокъ такіе люди, которые прежде не имѣли никакого дохода за отсутствіемъ занятій. «Безспорно также, что у средняго класса и у нѣкоторыхъ профессій доходъ еще болѣе увеличился. Но тѣ изъ этихъ доходовъ, которые проистекаютъ не изъ труда (сюда относится и трудъ дѣятельнаго предпринимателя и изобрѣтателя), взываютъ къ общественнымъ реформамъ. Много вопросовъ задаютъ соціальной политикѣ тѣ недостатки, которыми кишитъ нашъ хозяйственный организмъ. Сюда относятся: зависимость рабочаго отъ предпринимателя, безработица, торговые кризисы, незаконная конкурренція, паразитно пріобрѣтенный доходъ».

Однако, въ чемъ же суть «соціальной политики» Юліуса Вольфа? Авторъ долженъ былъ коснуться этого вопроса, ради котораго и

Digitized by Google

пригласили его промышленники Нижней Австріи. Онъ возвѣстилъ, что «нашелъ истину», хотя и «неполную и не безъ шлаковъ» (nur bruchstückweise und nicht schlackenfrei). А эта истина вотъ какая. Прежде всего нашъ профессоръ посмѣялся надъ «нѣсколько естественно-научнымъ пониманіемъ» исторіи и имѣлъ неосторожность сказать, что, на его взглядъ, «событіями руководятъ не причины, а поводы». Затѣмъ, снова прибѣгнувъ къ Токвилю, да еще къ Тэну и Гиббону, Вольфъ сравнилъ наше время съ паденіемъ Рима и съ концомъ царствованія Людовика XVI. Впрочемъ, потомъ, подумавши, онъ сказалъ: «Нѣтъ, тутъ больше разницы, чѣмъ сходства». Наконецъ, онъ объявилъ, что «слѣдуетъ ограждать народъ отъ языка страсти». Законъ противъ соціалистовъ въ Германіи «былъ все таки средствомъ, при которомъ соціализмъ развивался медленнѣе, чѣмъ потомъ». Итакъ, лекція началась и кончилась воспоминаніемъ о Бисмаркѣ...

Но подъ самый конецъ лекторъ отвергъ и огражденіе народа отъ языка страстей: это—полумѣра, «а нужно или то, или другое». Мы же вовсе не устарѣли, какъ говорятъ соціалисты. «Напротивъ, наше общество слишкомъ юно. Нынѣшнему строю менѣе ста лѣтъ. Мы живемъ въ *знакѣ* машины, безграничнаго рынка и конкурренціи». Наконецъ, послѣднее таинственное слово: «Есть такая линія, гдѣ капиталистическій строй и соціализмъ сходятся... Любовь, слово дѣйствуютъ сильнѣе, чѣмъ самая большая общественная реформа»... Весьма краснорѣчиво, кратко и... не вразумительно.

А. Трачевскій.

(Продолженіе будетъ).

Digitized by Google

АМУРСКІЕ ЛИХАЧИ.

(Изъ воспоминаній туриста).

I.

У Сибири есть своя Сибирь, куда ссылаютъ провинившихся сибиряковъ, и своя Аркадія, страна непочатыхъ богатствъ и необузданнаго веселья для беззаботныхъ амурскихъ лихачей. Мѣста отдаленныя даже отъ мѣстъ отдаленныхъ, настоящая Сибирь даже для сибиряковъ, это—Гижига, Вилюйскъ, Туруханскъ; сибирская Аркадія—это Амурскій и Уссурійскій край. Глухо и тихо на берегахъ Амура зимой, осенью и ранней весной. Какъ будто невѣдомая исполинская рука загромоздила эту страну на тысячи верстъ горами, крутыми, громадными утесами и глыбами льда. Усталаго путника охватываетъ странное чувство чего-то невыразимо-печальнаго и грознаго при видѣ гранитныхъ стѣнъ, посеребряныхъ инеемъ и отвѣсно поднимающихся надъ скованными стужей струями быстрой рѣки. Тамъ даже нѣтъ настоящей колёсной дороги; приходится съ трудомъ пробираться верхомъ, по узкой тропинкѣ, чрезъ высокія горы, овраги, рытвины, горные ручьи и первобытные лѣса, или же—по льду замерзшихъ рѣкъ. Но лѣтомъ, когда ледъ стаетъ, когда могучій Амуръ величественно зашумитъ въ крутыхъ берегахъ и засверкаетъ широкой, безконечной лентой въ сіяніи лучезарныхъ знойныхъ дней, когда горы и утесы изукрасятся зеленью,—тогда можно подумать, что это и въ самомъ дѣлѣ Аркадія, страна тихаго счастія и беззаботной любви, особенно если глядѣть издали, въ бинокль, съ рубки парохода...

Какъ живописно разбросаны по горамъ большія села и станицы въ роскошной ярко-зеленой рамѣ лѣсовъ; какъ красиво глядятъ группы людей, одѣтыхъ подчасъ въ жалкіе лохмотья, издали кажущіеся яркимъ, живописнымъ нарядомъ; какъ торжественно звучитъ въ праздники надъ широкой зеркальной поверхностью рѣки звонъ церковныхъ колоколовъ; какъ интересны появляющіяся изрѣдка группы дикарей, съ серьгами въ носу, на своихъ первобытныхъ

Digitized by Google

лодкахъ! Ахъ, еслибы можно было всегда созерцать жизнь, какъ сцену, издали, въ бинокль, лишь слегка волнуясь ея болѣзнями и радостями!..

II.

Но мнѣ по неволѣ пришлось взглянуть поближе на жизнь приамурскихъ селъ въ самую тяжелую пору, ранней весной, въ мартѣ мѣсяцѣ, и грозный видъ убогой, тихой, заброшенной страны поразилъ меня. Въ иныхъ селахъ нельзя было достать даже куска съѣдобнаго хлѣба; такъ и видно, что разумный человѣчный бытъ здѣсь еще только зарождается: лѣса еще расчищаются подъ пашни; села, построенныя на заранѣе указанныхъ мѣстахъ, очень часто заливаетъ водою; поселенцы большею частію загнаны сюда злосчастною судьбою; мѣстные казаки, это—потомки штрафованныхъ солдатъ, которые цѣлой массой, въ нѣсколько тысячъ, были присланы сюда по занятіи Амура изъ европейской Россіи. Изрѣдка лишь мнѣ попадались большія богатыя села свободныхъ переселенцевъ да сектантовъ, крѣпкихъ своей духовною связью.

Я ѣхалъ на перекладныхъ, изъ Читы во Владивостокъ, по льду рѣкъ Ингоды, Шилки и Амура. Эта первобытная дорога съ каждымъ днемъ становилась ненадежнѣе, а вьючная тропа, проложенная по берегу, до такой степени непроходима, что странствовать по ней можно только развѣ ради сильныхъ ощущеній. Я торопился, чтобы избавиться отъ этого удовольствія.

Въ одно прекрасное теплое утро, я прибылъ на почтовую станцію Хлобыстово, потребовалъ самоваръ и расположился отдохнуть въ станціонной комнатѣ. Какъ хорошъ такой роздыхъ! Иной разъ, во время труднаго пути, свиданіе наединѣ съ меланхолически шумящимъ самоваромъ пріятнѣе любовной встрѣчи. Чтобы испытать всю сладость подобныхъ свиданій, надо проѣхать предварительно тысячи четыре верстъ на перекладныхъ. Невольно я замечтался, тѣмъ болѣе, что и вся обстановка, живо напоминавшая тѣ безхитростные годы, когда ѣзда на перекладныхъ процвѣтала повсюду и станціонные смотрители нещадно избивались лихими гусарами,—увлекала подъ таинственную сѣнь прошлаго. Комната отличалась стариннымъ своеобразнымъ комфортомъ, который поражалъ въ такой отдаленной глуши: какая-то вычурная ветхая мебель, очевидно, привезенная издалека; на окнахъ горшки съ тощей зеленью, на стѣнахъ—старинныя гравюры изъ «Евгенія Онѣгина» и «Кавказскаго плѣнника». Мое раздумье прервалъ старичокъ, станціонный смотритель, съ лицомъ, словно выхваченнымъ изъ давно минувшаго

Digitized by Google

совсѣмъ подстать всему убранству комнаты. Онъ вошелъ тихо, какъ тѣнь, и какъ-то встревоженно, нерѣшительно объявилъ, что лошадей наготовѣ нѣтъ.

Я потребовалъ станціонную книгу, чтобы провѣрить это заявленіе.

— То есть лошади есть,—совсѣмъ перепугался старикъ, — но дать вамъ ихъ не могу, ни за что не могу, хотѣлъ бы очень, да никакъ этого невозможно.

— Почему?—удивился я.

— Да вотъ сами посмотрите...

— Чего же мнѣ смотрѣть?

— Нѣтъ, посмотрите, посмотрите, а то мнѣ большая непріятность бываетъ изъ-за лошадей отъ господъ проѣзжающихъ.

Онъ повелъ меня во дворъ, гдѣ я увидѣлъ по истинѣ печальное зрѣлище.

На обширномъ огороженномъ пространствѣ, въ грязи, валялось около 20 лошадей, тощихъ, какъ знаменитыя коровы фараона. Съ голоду онѣ изгрызли даже ограду и хвосты другъ у друга. Сердце мое невольно сжалось: видно, не только людямъ, но и лошадямъ жутко приходится въ Сибири!

— Нѣсколько штукъ павшихъ я ужь вывезъ,—заявилъ со слезами на глазахъ старичокъ-смотритель.

Я долженъ былъ убѣдиться въ томъ, что сѣно, овесъ, хлѣбъ, мясо, яйца нерѣдко достигаютъ въ селѣ Хлобыстовѣ цѣнъ, баснословныхъ даже для Лондона и Парижа. Содержатель почтовой станціи сбѣжалъ, потерпѣвъ, вслѣдствіе несообразныхъ цѣнъ, значительные убытки и бросивъ на произволъ судьбы лошадей и повозки. Особенно, вновь открытые по близости, золотые пріиски въ конецъ подорвали хозяйство: жители бросились на легкую наживу. «Чего жь еще? — негодовалъ старичокъ, самъ вѣрно голодавшій вмѣстѣ съ лошадьми,—если хорошая партія пріисковыхъ рабочихъ оставитъ въ селѣ по лавкамъ да кабакамъ тысячъ десять рублей?! Зачѣмъ имъ работать, проклятымъ мужланамъ, при такой торговлѣ»! — Онъ рѣзко выразилъ свое нерасположеніе къ мѣстному крестьянству. Старикъ помнилъ еще крѣпостное право, служилъ лѣтъ тридцать, сначала въ Россіи, а потомъ, соблазнившись прогонами, уѣхалъ на службу въ мѣста отдаленныя. Какъ всѣ старые служаки, онъ былъ насквозь пропитанъ аристократизмомъ. Сибирь больше всего возмущала его, какъ страна, по преимуществу, демократическая. «По нашей смотрительской должности, всякія непріятности бываютъ отъ господъ проѣзжающихъ,—заключилъ онъ свои жалобы,—ну, да прежде, вотъ какъ я служилъ въ русскихъ губер-

Digitized by Google

ніяхъ, все же проѣзжающіе были почище, а здѣсь всякій мужикъ норовитъ оскорбить. Вотъ тутъ, только что передъ вами, проѣхалъ золотопромышленникъ съ прикащикомъ, такъ чего только я отъ нихъ не перенесъ? Того не хотятъ понять, что если лошадей нѣтъ, то я тутъ не виноватъ». Замѣтивъ, что я не собираюсь ни ругать его, ни бить за неимѣніе лошадей, бѣднякъ совсѣмъ развеселился и повѣдалъ мнѣ всѣ свои безхитростныя печали и радости.

Наконецъ, я долженъ былъ прервать его болтовню: надо было торопиться. Я послалъ за такъ называемыми вольными лошадьми. Послѣ двухчасовыхъ поисковъ, нашли крестьянина, который соглашался ѣхать, но потребовалъ за перегонку въ 23 версты—20 рублей. Это почти по рублю за версту. Я послалъ къ другому.

— Сколько хочешь за пару лошадей подъ мои сани до слѣдующей станціи? Только, братъ, не запрашивай, говори прямо настоящую цѣну,—предупредилъ я.

— Меньше пятнадцати рублей никакъ невозможно,—отвѣчалъ тотъ рѣшительно.

Я былъ просто пораженъ такимъ несообразнымъ требованіемъ.

— Ничего не подѣлаете: меньше какъ за 15 рублей теперь никто не поѣдетъ, — сегодня ужь день такой, — злобно замѣтилъ смотритель по уходѣ изъ комнаты несговорчиваго крестьянина.— Народъ ужь въ нашемъ селѣ такой. Зачѣмъ ему трудиться везти васъ, когда, примѣрно, мужъ отдастъ пріисковому рабочему жену свою на прокатъ дня на два,—вотъ у него и есть 40 рублей въ карманѣ, не считая угощенія, да и лошадь гонять не надо. Ну, ужь эти пріиски! Одно слово—язва.

III.

—. Вздоръ ты, братецъ, говоришь,—вмѣшался въ нашъ разговоръ вошедшій въ это время золотопромышленникъ, тотъ самый, про котораго такъ непріязненно отозвался смотритель:—не язва—пріиски, а богатство для края. Заработокъ какой! Хорошій рабочій тысячу рублей съ подъемнымъ [1]) золотомъ выработаетъ на хозяйскихъ харчахъ. По 100, 200, а то и 300 рублей задатку получаютъ. Вотъ извольте взглянуть на улицу, какъ гуляютъ пріисковые,—обратился онъ ко мнѣ.—Кстати, позвольте познакомиться,—мы, кажется, въ одну сторону ѣдемъ. У меня тамъ, въ низовьяхъ Амура, дѣльцо маленькое затѣялось, пожалуй, милліонъ — другой

[1]) *Подъемнымъ золотомъ* называется то золото, которое рабочій найдетъ въ видѣ куска.

Digitized by Google

принесетъ. Вотъ ѣду устроить его. Я—золотопромышленникъ Сусаловъ.

Я тоже назвалъ себя.

— Служите? Хорошее это дѣло—служба,—спокойно, во всемъ порядокъ... А вотъ у меня сколько хлопотъ съ моими пріисками... Къ слову сказать, прикащикъ мой запилъ, оттого и сижу здѣсь, а тутъ каждый день, быть можетъ, тысячу рублей стоитъ. Что подѣлаете? По настоящему, прогнать бы его надо за это. Не одну ужь онъ мою тысячу пропилъ! А все какъ будто жалко, ну и прощаешь... Э, да это никакъ онъ и оретъ,—прервалъ вдругъ Сусаловъ свои разглагольствованія, заслышавъ крики съ улицы:—вотъ натрескался, извергъ, и все на мои денежки!

Мы вышли на крыльцо почтовой станціи.

У противоположнаго кабака въ это время разыгралась отчаянная драка. Побѣда нѣкоторое время колебалась. Наконецъ, двое побѣжденныхъ стремглавъ скатились съ крыльца и увязли въ уличной грязи, а торжествующіе побѣдители поспѣшили вернуться въ вертепъ.

Дверь съ трескомъ захлопнулась за ними.

— Ракаліи!—оралъ одинъ изъ побѣжденныхъ, весь перепачканный, съ искаженнымъ отъ ярости лицомъ:—кто смѣетъ меня гнать?! Я самъ ма-агу уйти... Я въ Сербіи подъ Дюнишемъ былъ, да ушелъ, и отсюда уйду. За-а-хочу и уѣду... Въ Москву! У меня тысяча рублей есть—ма-а-гу я уѣхать, или нѣтъ? Сказывай!

— Пойдемъ,—тащилъ его товарищъ, по виду мѣстный обыватель,—къ женѣ моей пойдемъ... Сдѣлай твою милость, пойдемъ. Жена не смѣетъ намъ препятствовать... всякое удовольствіе сдѣлать должна... Такъ ли я говорю?

— Нѣтъ, стой! Ѣду. Прощай, братъ!.. Въ Москву... Все въ дрррebезги!.. Покидаю дѣтей маленькихъ, сиротъ, жену раскраасавицу, рррумынку!.. Уважь, братъ, не оставляй хоть ты ихъ, сиротъ горремычныхъ!..—разразился вдругъ говорившій хриплыми воплями.

Его спутникъ, сильно растроганный, что-то сочувственно промычалъ въ отвѣтъ. Отъ избытка чувствъ и крайне неожиданнаго поворота мыслей, оба даже остановились посреди улицы и вытаращили другъ на друга недоумѣвающіе глаза.

— Вотъ, будьте свидѣтелемъ, каковъ мой прикащикъ, какъ онъ мои тысячи швыряетъ, варнакъ! съ кѣмъ я связался, а!—едва переводя духъ отъ ярости, пробормоталъ злополучный золотопромышленникъ.

Видно было, что онъ вовсе не чувствуетъ особенной жалости

Digitized by Google

къ своему прикащику, какъ увѣрялъ меня за минуту до этого; а, напротивъ, готовъ не только прогнать его при первой возможности, но даже сжить со свѣта. Толстое, на первый взглядъ добродушно лукавое, лицо Сусалова вдругъ приняло такое хищное выраженіе, а въ блѣдно-сѣрыхъ рыбьихъ глазахъ выразилось столько непримиримой ненависти къ гулящему молодцу, что у меня возникло невольно подозрѣніе насчетъ ихъ отношеній. Тутъ чувствовалось что-то неладное. Являлось сомнѣніе, дѣйствительно ли одинъ изъ нихъ золотопромышленникъ, а другой его прикащикъ, — трудно было рѣшить, что̀ это за люди.

Вся сцена чрезвычайно меня заинтересовала, особенно пропитанный насквозь алкоголемъ и пылкими чувствами «доброволецъ», онъ же и прикащикъ золотопромышленника, словомъ, загадочная личность во всѣхъ отношеніяхъ, о чемъ краснорѣчиво свидѣтельствовала и его мощная, нѣсколько даже разбойничья внѣшность,— лицо замѣчательной животной красоты, хотя и искаженное порокомъ, глаза блестящіе; густые вьющіеся волосы... Одѣтый въ дорогое платье, совсѣмъ не какъ прикащикъ, и въ то же время оборванный и перепачканный, какъ спившійся съ круга рабочій... Но что̀ всего удивительнѣе,—не смотря на покрывавшую его грязь, въ немъ скрывался человѣкъ, пожившій всласть и вполнѣ извѣдавшій прелесть богатства. Подобную черту удается иногда подмѣтить даже у промотавшихся и окончательно опустившихся кутилъ.

Видно было сразу, что этотъ человѣкъ потерся немало по свѣту и привыкъ подкрѣплять свои силы водкой, беззаботно странствуя по тернистымъ путямъ жизни. Надо полагать, больше съ пьяныхъ глазъ онъ попалъ и подъ Дюнишъ,—благо тогда не жалѣли угощенія. Сколько съ тѣхъ поръ прошло лѣтъ, сколько всевозможныхъ мытарствъ прошелъ онъ, пока наконецъ очутился здѣсь, на другомъ концѣ свѣта! Отъ Дюниша до Хлобыстова не близко. Но, впрочемъ, есть у насъ такія беззаботныя птицы, которыя не сѣютъ, не жнутъ, а шмыгаютъ по Россіи и сыты, и пьяны, ибо благодѣтельная длань не оскудѣваетъ. Для нихъ ровно ничего не стоитъ забраться на другой конецъ свѣта. Моховъ (такъ звали прикащика) несомнѣнно принадлежалъ къ подобной беззаботной породѣ. Я поинтересовался узнать, неужели у этой птицы есть жена и дѣти, о которыхъ онъ плачетъ, вспоминая о разлукѣ съ глубокой тоской, и спросилъ объ этомъ Сусалова.

— Вретъ онъ, собачій сынъ: никакой жены нѣтъ и не было никогда; у чужихъ женъ, можетъ, и есть его дѣти,—вѣдь рожа смазливая, а совѣсти нечего и спрашивать,—ему легко, проклятому, къ чужой женѣ подмазаться.

Digitized by Google

Я по неволѣ расхохотался,—чего же человѣкъ плачетъ о женѣ и дѣтяхъ?

— А вотъ спросите его,—отвѣчалъ мнѣ въ сердцахъ Сусаловъ.—Надо полагать, по трогательности своихъ чувствъ. Теперь бѣда ужь, если заговорилъ о румынкахъ да гречанкахъ,—значитъ, сейчасъ на стѣну полѣзетъ, на людей станетъ кидаться. Я его нравъ знаю. Опять вязать надо, а то и не довезу даже на мѣсто. Вѣрите ли, вотъ такъ всю дорогу съ нимъ маюсь. Сколько разъ вязать приходилось! Соберешь это человѣкъ десятокъ, дашь имъ нѣсколько рублей, скажешь—вяжите его да бока ему хорошенько намните, окаянному, не жалѣйте. Ну, прибьютъ,—потомъ охаетъ, недѣли на двѣ притихнетъ; вотъ тутъ его и везешь, а какъ оправился,—опять за прежнее: засядетъ въ кабакѣ и ни съ мѣста... не ѣдетъ! Бросилъ бы его давно, да жаль: пропадетъ человѣкъ. По добротѣ своей прощаю...

— Скажите, что́ онъ дѣйствительно былъ подъ Дюнишемъ?—прервалъ я ламентаціи Сусалова.

— Да что—подъ Дюнишемъ! Въ Парижѣ, въ Римѣ былъ, вотъ онъ каковъ!—махнулъ тотъ досадливо рукой.

Въ эту минуту Моховъ увидѣлъ злополучнаго золотопромышленника и устремился къ нему.

— Деньги давай!

— Что ты со мной дѣлаешь!—взмолился тотъ:—мало я тебѣ далъ развѣ?

— Мало! Давай еще. А! тебѣ жалко? такъ вотъ плевать мнѣ на твои деньги, кровопивецъ! вотъ!

Моховъ съ яростью вытащилъ изъ кармана горсть ассигнацій, швырнулъ ихъ въ грязь и затеръ ногою.

— Господи! и за что жь ты меня покаралъ?—воскликнулъ въ отчаяніи Сусаловъ, забывъ при такомъ поруганіи денегъ свою роль богатаго и великодушнаго золотопромышленника.—Нѣтъ, видно, ничего съ нимъ не подѣлаешь, опять вязать надо,—порѣшилъ онъ дрожащимъ отъ злобы голосомъ и побѣжалъ отыскивать охотниковъ скрутить молодца.

А Моховъ, доказавъ вполнѣ свое пренебреженіе ко всему на свѣтѣ, и къ деньгамъ, и къ хозяину, и къ своей собственной особѣ, и испуская по этому случаю радостные крики, направился въ сопровожденіи своего товарища въ сосѣдній кабакъ.

Тамъ, вѣроятно, и разыгралась развязка странной сцены. Мнѣ не удалось быть ея очевидцемъ, и разгадку удивительныхъ отношеній золотопромышленника къ его беззаботному прикащику по неволѣ пришлось отложить до слѣдующей встрѣчи съ ними.

Digitized by Google

Въ ожиданіи лошадей, я долго просидѣлъ на крыльцѣ почтовой станціи, отъ нечего дѣлать глазѣя на крошечную, но шуструю жизнь невѣдомаго, глухаго села. Наступилъ тихій весенній вечеръ, до такой степени тихій и свѣтлый, что даже житейская грязь захолустья какъ-то скрасилась, словно проникнутая ласковыми лучами заходящаго солнца. Село Хлобыстово, по случаю прохода разгульныхъ пріисковыхъ партій, приняло оживленный, праздничный видъ. По длинной улицѣ, протянувшейся версты на три по берегу Амура, сновали толпы рабочихъ; говоръ и крики звонко раздавались въ вечернемъ воздухѣ. Печальные, болѣзненные образы мрачной, разгульной жизни шумной вереницей проносились передо мною...

Вотъ на крыльцѣ кабака усѣлся какой-то парень, съ раскраснѣвшимся лицомъ, въ состояніи полнѣйшаго блаженства, и безжалостно теребя хрипѣвшую гармонью, характернымъ пьянымъ фальцетомъ затянулъ разудалую пѣсню:

— «Жилъ я въ Брестѣ и въ Одестѣ, много денегъ прокутилъ»... Пѣсня совсѣмъ не сибирская. Какъ она прошла черезъ необъятную матушку-Русь изъ одной страны свѣта въ другую? Быть можетъ, ее принесъ сюда какой нибудь неугомонный парень, поживщій всласть на своемъ вѣку и скованный, наконецъ, за свое удальство по рукамъ и по ногамъ; быть можетъ, въ послѣдній разъ спѣлъ онъ ее съ отчаяннымъ варнацкимъ весельемъ въ глубокомъ тяжеломъ мракѣ рудниковъ...

А вотъ другая картина: по улицѣ, взбивая грязныя брызги, несутся дровни, запряженныя тройкой лошадей, увѣшанныхъ желтыми, голубыми и пунцовыми лентами; рослые бородачи съ крикомъ и хохотомъ гонятъ ихъ во всю прыть по уличной грязи... А дальше показалась странная процессія: нѣсколько рабочихъ, еще не пропившихся до конца, усѣлись верхомъ на своихъ товарищей, уже спустившихъ все до послѣдней полушки, и ѣдутъ торжественно по улицѣ, распѣвая что-то и съ наслажденіемъ наигрывая на гармоньѣ. Шумъ, гвалтъ, хохотъ, ревъ и восторгъ... Не правда ли, такъ могутъ веселиться или беззаботныя дѣти, или люди глубоко, страшно несчастные. Мнѣ вспомнилась вдругъ «пляска смерти». Въ грозные, давно минувшіе годы, когда чума, язва и холера опустошали цѣлыя страны, люди, которыхъ еще не успѣла коснуться рука смерти, въ изступленіи отъ ужаса и горя, съ хохотомъ отчаянія старались забыться въ чудовищной оргіи. И вотъ теперь я увидѣлъ людей, которые также безумно жаждутъ забвенія во что бы то ни стало. Да, эта пьяная толпа рабочихъ доживаетъ свои послѣдніе красные дни: ихъ ждетъ чудовищный, не человѣческій трудъ, который до такой степени тяжелъ, что является лишь медленной, на-

Digitized by Google

сильственной агоніей,—трудъ пріисковаго рабочаго, продающаго себя за глотокъ водки и мгновеніе безшабашнаго разгула. Этотъ трудъ созданъ неумолимыми горными постановленіями, не признающими ни праздниковъ, ни отдыха,—ничего, кромѣ золота; постановленіями, уравнивающими человѣка съ рабочими животными. Ради золота здѣсь все приносится въ жертву. Пусть гибнутъ люди, пусть надрываются ихъ внутренности отъ лошадинаго труда и льется кровавый потъ,—золото дороже крови!

И вотъ, чѣмъ ближе роковой день, тѣмъ безумнѣе веселье пріисковыхъ рабочихъ. Вотъ, наконецъ, пропита и послѣдняя копѣйка, прошла послѣдняя минута безумной свободы и веселья; рабочіе собрались на пріиски; ихъ окружаютъ кордономъ казаковъ, съ нагайками и шашками, для того чтобы задержать контробандный спиртъ, прогнать даже тѣнь свободы, отнять у рабочаго всякую возможность напиться, забыть горе въ винѣ, за которое онъ готовъ расплатиться своею кровью. Начинается трудъ, который непрерывно, не исключая воскресеній, тянется въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Многіе не выдерживаютъ и задыхаются подъ его гнетомъ, а остающіеся въ живыхъ уже не въ силахъ перенести свободы, какъ узникъ, привыкшій къ непрерывному мраку каземата, не переноситъ свѣта. Они сознаютъ отдыхъ лишь въ изступленіи и, при первой возможности, спѣшатъ напиться. Водка для нихъ тоже, что́ кровь для тигра, вырвавшагося изъ клѣтки. Дорвавшись до нея, они приходятъ въ ярость. Извѣдавшій пріисковую жизнь рабочій уже не способенъ къ другой жизни и къ другому труду: онъ привыкъ къ мучительнымъ смѣнамъ дикаго разгула и неволи.

Долго длилось безшабашное веселье въ селѣ Хлобыстовѣ. Уѣзжая поздно вечеромъ, я еще слышалъ пѣсни и ликованіе толпы.

IV.

Послѣ двухнедѣльнаго утомительнаго странствованія, я прибылъ наконецъ въ городъ «Загорскъ» и остановился въ лучшей гостинницѣ: «Римъ». Мнѣ казалось, будто я вышелъ на берегъ послѣ опаснаго морскаго переѣзда. Я до такой степени усталъ, что при одной мысли о теплой комнатѣ, о мягкой постели, о самоварѣ и обѣдѣ—испытывалъ блаженную дрожь. Только бы доѣхать до города, а тамъ отдохну мѣсяцъ — два, утѣшалъ я себя въ трудныя минуты, когда сани погружались въ «наледь» [1]), а неунывающій ямщикъ прибѣгалъ къ нецензурнымъ заклинаніямъ, какъ будто же-

[1]) «Наледью» называется вода, выступившая поверхъ льда во время сильныхъ морозовъ.

Digitized by Google

лая прогнать ими грозящую намъ опасность провалиться подъ ледъ. Наконецъ, послѣ многихъ опасностей, я попалъ въ давно желанную пристань. «Какъ пріѣдете—прямо въ «Римъ»,—совѣтовалъ мнѣ проѣзжающій, у котораго я разспрашивалъ, гдѣ лучше всего остановиться:—славная гостинница! Главное — уютно тамъ, весело, а хозяинъ, продувная бестія, всякому съумѣетъ угодить». Затѣмъ, обыкновенно, слѣдовали заманчивые разсказы о пріятно проведенномъ времени.

Я убѣдился, что хозяинъ, дѣйствительно, «продувная бестія», изъ породы сибирскихъ авантюристовъ. Насчетъ же пріятныхъ свойствъ прославленной гостинницы я съ перваго шага долженъ былъ разубѣдиться. Мнѣ отвели жалкую кануру, съ однимъ окномъ, отгороженную отъ другаго такого же «номера» тонкой досчатой перегородкой, оклеенной грязными и рваными обоями. Мебели почти никакой: крашеный досчатый столъ и стулъ, да простая кровать безъ матраца—вотъ и все.

— Какъ же я буду спать на доскахъ? Вы бы хоть матрацъ завели,—обратился я къ пріятному хозяину.

— Зачѣмъ матрацъ?—удивился тотъ:—всякій спитъ, какъ ему хочется; другому, можетъ, еще на доскахъ-то пріятнѣе будетъ.

Я колебался, остаться ли здѣсь, или поискать комнату поудобнѣе въ другой гостинницѣ. Но, по общему приговору, «Римъ» считался лучшей гостинницей, а хозяинъ поспѣшилъ меня увѣрить, что у него я найду всегда самое избранное и пріятное общество, что матрацъ — это пустяки, а главное—буфетъ, гдѣ всегда можно выпить и закусить въ свое удовольствіе. Я рѣшилъ остаться.

Общество, дѣйствительно, оказалось самое избранное. Прежде всего я съ удовольствіемъ встрѣтилъ старыхъ знакомыхъ—Мохова и Сусалова. Рядомъ съ ними жилъ какой-то угрюмый морякъ, которому пришла гибельная мысль проѣхать черезъ Сибирь на службу въ восточно-океанскую флотилію. Онъ давно спустилъ всѣ деньги и всякіе поверстные сроки, и дошелъ почти до полнаго пренебреженія ко всему на свѣтѣ, такъ что и выражался больше всего междометіями и мычаньемъ. Затѣмъ былъ еще какой-то французъ изъ Парижа, загнанный на Амуръ страстью къ наживѣ и приключеніямъ. Вслѣдствіе такого разнороднаго и страннаго общества, въ «Римѣ», точно въ Бедламѣ, раздавались по временамъ какіе-то дикіе крики и царилъ лирическій безпорядокъ.

Я старался уединиться, забыть обо всемъ и спать какъ можно больше, избѣгая встрѣчъ даже съ интереснымъ золотопромышленникомъ и его прикащикомъ, изъ боязни какого нибудь скандала. Особенно Моховъ смущалъ меня. Правда, я не видѣлъ его теперь

Digitized by Google

въ состояніи полнѣйшей невмѣняемости, какъ недѣли двѣ тому назадъ на праздникѣ пріисковыхъ рабочихъ. Одѣтый въ чистое бѣлье и хорошее черное платье, онъ имѣлъ видъ вполнѣ приличный и даже представительный, такъ что по внѣшности его можно было принять за сибирскаго джентльмена, но въ его манерахъ чувствовалось что-то загадочное и даже угрожающее. Къ хозяину своему онъ выражалъ какое-то злобное презрѣніе, при всякой возможности, не стѣсняясь присутствіемъ другихъ и не заботясь нисколько объ изяществѣ своей рѣчи. А Сусаловъ, хотя и блѣднѣлъ отъ злобы при его выходкахъ, но видимо заискивалъ въ немъ, стараясь замять ссору и скандалъ. Вслѣдствіе такихъ странныхъ отношеній, по городу даже разнеслись слухи, что Моховъ—извѣстный разбойникъ, проживающій по подложному виду, а мнимый золотопромышленникъ—не болѣе, какъ его пособникъ, слѣпое орудіе въ его рукахъ. Когда же, вскорѣ послѣ ихъ пріѣзда, ночью, въ одномъ изъ притоновъ было совершено звѣрское убійство, и виновники, какъ водится, выскользнули изъ неумѣлыхъ рукъ полиціи, то разсказы о фантастической личности Мохова достигли геркулесовыхъ столбовъ нелѣпости. Но самъ герой не обращалъ на нихъ ни малѣйшаго вниманія и велъ себя съ самой восхитительной беззаботностью, то слишкомъ весело, то черезчуръ мрачно.

Вечеромъ его можно было видѣть иногда уединенно сидящимъ въ углу общей залы, пьющимъ сосредоточенно рюмку за рюмкой и по временамъ испускающимъ какія-то таинственныя яростныя восклицанія: «душегубцы вы, езуиты, прощалыги несчастные»!

Что онъ хотѣлъ этимъ выразить, угрожалъ ли кому, или просто щеголялъ бранными словами и наслаждался процессомъ крика—трудно рѣшить. Но было несомнѣнно, что онъ скучаетъ отъ бездѣйствія и готовится къ рѣшительнымъ подвигамъ.

Недоставало лишь искорки, чтобы загорѣлась исторія. Такая искорка вскорѣ нашлась. Однажды въ общую залу гостинницы вошелъ только что пріѣхавшій офицеръ. Какъ и всякая новая личность, онъ сразу обратилъ на себя вниманіе, тѣмъ болѣе что и во внѣшности его, и въ манерахъ чувствовалось что-то фатовское и въ то же время болѣзненное. Словомъ, на первый взглядъ человѣкъ очень интересный. Лицо замѣчательное: глаза большіе, голубые, какъ-то странно свѣтлые; черты изящныя и правильныя; на щекахъ нѣжный пушокъ юности, на вискахъ сквозь нѣжную кожу просвѣчивали тонкія синеватыя жилочки. Наружность самая скромная, нѣжная, свѣжая, привлекательная, а движенія порывистыя, нервныя, и рѣчь какая-то неестественная, развязная, напряженная...

Digitized by Google

Всѣ удивились, какъ могъ онъ пріѣхать въ такое время, когда по Амуру нѣтъ почти никакого пути. Онъ отвѣчалъ, что проѣхалъ послѣднія 200 верстъ по вьючной тропѣ верхомъ, и разсказалъ, какъ однажды, ночью, заморенная почтовая лошадь поскользнулась и упала вмѣстѣ съ нимъ въ оврагъ, откуда онъ едва выкарабкался. «Дорога, впрочемъ, не дурна, очень живописна,—заключилъ онъ свой разсказъ,—да на здѣшнихъ жалкихъ лошадяхъ ѣздить верхомъ непріятно. То ли дѣло у насъ въ Туркестанѣ»!..

Болтая такимъ образомъ, онъ усѣлся за столъ и, слегка морщась, выпилъ нѣсколько рюмокъ въ ожиданіи обѣда. Въ это время, съ важнымъ видомъ вошелъ Сусаловъ и, какъ будто не замѣчая пріѣхавшаго, усѣлся къ нему спиной. Нужно замѣтить, что золотопромышленникъ видимо чванился своимъ мнимымъ или дѣйствительнымъ богатствомъ, держалъ себя по возможности спесиво и не упускалъ случая хвастнуть,—впрочемъ, въ отсутствіи Мохова,—тѣмъ, что онъ открылъ такіе пріиски въ низовьяхъ Амура, какихъ еще, пожалуй, никто и не открывалъ. Пріѣзжему прапорщику поведеніе и личность Сусалова, вѣроятно, не понравились. Злобно закусивъ губы, онъ подозвалъ хозяина гостинницы.

— Скажите, пожалуйста, что это за оселъ?—спросилъ онъ съ наивной любознательностью, указывая на Сусалова.

— Это золотопромышленникъ одинъ, — понизивъ голосъ, отвѣчалъ перепуганный и растерявшійся хозяинъ, которому Сусаловъ успѣлъ внушить величайшее почтеніе своими разсказами про новооткрытыя богатства.

— А, золотопромышленникъ!—замѣтилъ невозмутимо прапорщикъ.—Извините, пожалуйста,—обратился онъ къ Сусалову, — я принялъ васъ за осла, судя по внѣшности, а между тѣмъ вы золотопромышленникъ... Извините—я всѣхъ вообще золотопромышленниковъ очень уважаю...

Шутка была не замысловата, но веселая компанія разразилась смѣхомъ, и сконфуженный Сусаловъ накинулся на хозяина за то, что тотъ допускаетъ въ свою гостинницу такихъ неприличныхъ господъ.

— Онъ что ли приличный?! — воскликнулъ на это задорный прапорщикъ.

— Господинъ офицеръ, примите мою чувствительнѣйшую благодарность за то, что вы этого хвастуна такъ ловко отбрили!— воскликнулъ въ восторгѣ Моховъ, подходя къ пріѣзжему.—Люблю молодцовъ, до смерти люблю! Позвольте съ вами выпить.

— Вонзаешь?—спросилъ его тотъ, выразительно щелкнувъ пальцами по горлу.

Digitized by Google

— Охо, хо, хо! А ты?

— Неукоснительно.

Послѣ такого краткаго, но выразительнаго разговора, они вполнѣ поняли другъ друга, и самое нѣжное, трогательное чувство соединило ихъ неразрывными узами, къ величайшему отчаянію злополучнаго Сусалова. Вскорѣ они куда-то исчезли на цѣлыя сутки.

Пріѣзжій прапорщикъ Лялинъ, прозванный въ гостинницѣ «Лялей», поселился какъ разъ рядомъ со мной, такъ что насъ раздѣляла лишь тонкая досчатая перегородка, не доходившая даже до потолка. Къ нему переселился и его новообрѣтенный пріятель Моховъ. Дружба ихъ заключалась преимущественно въ совмѣстномъ веселіи. Для бо́льшаго удобства, изъ комнаты была вынесена кровать, а на полу, устланномъ сѣномъ и сверху коврами, было устроено довольно своеобразное логовище. Вслѣдствіе такихъ остроумныхъ приспособленій, веселые пріятели на пространствѣ въ нѣсколько квадратныхъ аршинъ успѣли нагрѣшить гораздо больше, чѣмъ, напр., всѣ жители какого нибудь благочестиваго нѣмецкаго княжества, пространствомъ въ нѣсколько квадратныхъ верстъ. Я былъ невольнымъ и невидимымъ свидѣтелемъ всего ихъ безобразничанья; сквозь тонкую перегородку то и дѣло слышалось щелканье пробокъ, смѣхъ, шопотъ, брань, храпѣнье, нѣжныя изліянія и любопытныя воспоминанія о пережитыхъ приключеніяхъ. Повидимому, оба пріятеля пользовались самымъ лестнымъ вниманіемъ со стороны прекраснаго пола. Лялинъ увѣрялъ, что, по крайней мѣрѣ, въ сорока городахъ онъ пріобрѣлъ самыя аристократическія связи и знакомства. Въ Туркестанѣ онъ даже дрался на дуэли съ мужемъ одной весьма интересной барыньки и былъ раненъ, въ доказательство чего показывалъ прострѣленный и заштопанный рукавъ сюртука. Онъ вздыхалъ о томъ времени. Дуэль была самая пріятная, по его словамъ; послѣ дуэли барынька, не справляясь даже у докторовъ, признала мужа своего сумашедшимъ, и въ теченіе трехъ недѣль, пока Лялинъ лежалъ больной въ постели, съ замѣчательнымъ самопожертвованіемъ ухаживала за нимъ. У Мохова любовныя похожденія, тоже многочисленныя, были реальнѣе, проще и оканчивались прозаически—кулачной расправой. Вскорѣ воспоминанія эти какъ будто воплотились, и въ веселой комнатѣ послышались нѣжные голоса и серебристый смѣхъ. Очевидно, за неимѣніемъ приличной гостинной, пріятели нисколько не стѣснялись принимать своихъ гостей въ спальнѣ. Словомъ, я не имѣлъ ни минуты покоя. Иногда среди ночи меня будилъ Моховъ своимъ диковиннымъ голосомъ, въ которомъ чудотворно совмѣщались пѣнье пѣтуха, звукъ охотничьяго рога и хрипѣнье умирающаго. Онъ затягивалъ одну неизмѣнную пѣсню:

Digitized by Google

«Полно, братъ, мо̀лодецъ, ты вѣдь не дѣвица,
«Пей, пей, пей! Тоска пройдетъ!

И жалкая перегородка до такой степени дрожала отъ мощныхъ взмаховъ его руки, что мнѣ казалось — вотъ она упадетъ, и я вдругъ увижу себя въ веселой компаніи. Я рѣшился, наконецъ, уйти отъ нея и поискать гдѣ нибудь болѣе подходящую комнату, но, проходивъ совершенно напрасно нѣсколько часовъ, долженъ былъ убѣдиться, что «Римъ»—до нѣкоторой степени образецъ порядочности и комфорта въ сравненіи съ другими гостинницами, напоминавшими скорѣе подозрительные притоны, гдѣ навстрѣчу мнѣ то и дѣло попадались какія-то чудовищныя женщины, личности, точно заклейменныя каторгой, или же пьяная толпа пріисковыхъ рабочихъ. Такимъ образомъ, я прожилъ въ «Римѣ» около четырехъ недѣль, надо сознаться, не особенно весело. За это время одинъ изъ обитателей веселой гостинницы — загадочный морякъ, который такъ неудачно странствовалъ по сухому пути,—скончался отъ удара, къ ужасу своего кредитора-хозяина. Это печальное событіе, однако, не произвело особенно тягостнаго впечатлѣнія на веселыхъ пріятелей. Они удовольствовались краткими размышленіями о бренности всего земнаго, о ничтожности человѣческой жизни въ сравненіи съ вѣчностью и о ничтожествѣ вѣчности въ сравненіи съ соленымъ огурцомъ; а затѣмъ, уже въ день похоронъ, вечеромъ, я услышалъ ихъ беззаботный смѣхъ и многозначительное щелканье пробокъ...

V.

Наконецъ, ледъ на Амурѣ тронулся. Въ теченіе цѣлой недѣли громадныя льдины, словно стаи бѣлыхъ лебедей, плыли внизъ по широкой, быстрой рѣкѣ. Манило въ голубую, лучезарную даль. Я считалъ дни въ ожиданіи отъѣзда.

— Завтра, я слышалъ, первый пароходъ отправляется, — заявилъ какъ-то разъ одинъ изъ посѣтителей гостинницы.

— А что, братъ, намъ бы и въ путь пора,—обратился заискивающимъ тономъ находившійся тутъ Сусаловъ къ Мохову.

— Поѣзжай, если хочешь, а мнѣ и здѣсь пока хорошо,—отвѣчалъ тотъ невозмутимо, не обращая вниманія на то, что всѣ присутствующіе слушаютъ его съ любопытствомъ.

— Да какъ же такъ?—перепугался Сусаловъ.

— Да такъ. Подожди еще, чего торопишься! На все есть свое время. Намъ не на службу. Вотъ господину офицеру, — указалъ онъ на Лялина,—такъ надо торопиться: съ военныхъ строго взы-

Digitized by Google

скивають за просрочку, а онъ и то опоздалъ. Вотъ что, милліонеръ, дай ты ему за мой счетъ рублей 200. Да что, Вася, хватитъ съ тебя двухъ радужныхъ доѣхать до мѣста?—обратился онъ къ пріятелю.

— Оставь, оставь...—пробормоталъ сконфуженный и покраснѣвшій, какъ школьникъ, Лялинъ.

— Чего—оставь? Ты, Вася, не стѣсняйся; у насъ вотъ съ этимъ богатымъ золотаремъ свои счеты, и сколько я съ него ни возьму, все будетъ мало, и по гробъ онъ долженъ быть мнѣ благодаренъ. Что 200 рублей?—пустяки! а тебѣ надо же доѣхать. Я тебѣ, какъ другу, хочу службу сослужить. Самъ знаешь: жаль мнѣ съ тобой разстаться, вѣкъ бы свой вмѣстѣ прожилъ, да понимаю, что тебѣ ѣхать надо! Опоздалъ вѣдь?

— Оставь, оставь, не нуждаюсь я въ твоей услугѣ,—чуть не до слезъ растерялся Лялинъ.

Во время этихъ пріятельскихъ переговоровъ, Сусаловъ вздумалъ было благоразумно улизнуть.

— Ни съ мѣста!—остановилъ его Моховъ.—Помни мое слово—не дашь 200 рублей сейчасъ, такъ прощай, больше я не хочу никакого съ тобой дѣла имѣть. Найду я такихъ, что и тысячъ мнѣ не пожалѣютъ, а не то что какихъ нибудь двухъ жалкихъ радужныхъ. Должно быть — условіе наше позабылъ, что ли? Такъ не пѣняй послѣ этого. Прощай!!

— Бери, разоритель, бери, — вытащилъ Сусаловъ дрожащими руками толстый бумажникъ.

— Такъ-то, братъ! выкладывай деньги на столъ. Да радуйся, что хорошее дѣло дѣлаешь: благородному офицеру содѣйствіе оказываешь...

— Я вамъ отдамъ, непремѣнно отдамъ,—пробормоталъ Лялинъ, окончательно уничтоженный.

— Ну, а теперь, великодушный золотопромышленникъ, скомандуй ты намъ бутылочки четыре шампанскаго, да кисленькихъ огурчиковъ на закуску. Надо же намъ сугубо выпить съ Васей передъ разлукой,—заявилъ преспокойно Моховъ.

— Что это—дневной грабежъ!?—не выдержалъ, наконецъ, Сусаловъ.

— Ну, не хочешь угостить, такъ мы и на свои выпьемъ. Эй, человѣкъ, полдюжины шампанскаго! Господа, кому угодно съ нами за компанію. Да послушайте, я вамъ разскажу потѣшную исторію, какъ я однажды ночью къ женѣ сусаловской пробирался...

— Не вѣрьте ему! Онъ все вретъ,—закричалъ побагровѣвшій Сусаловъ.

Digitized by Google

— Ладно! а ревешь-то чего, если это не правда?—продолжалъ безжалостно Моховъ.—И красавица же у него жена, я вамъ скажу; пожалуй, что и не видалъ я другой такой: тѣло нѣжное, кожа—настоящій бархатъ, а на шеѣ родимое пятнышко, да такое хорошенькое, что вотъ цѣловалъ бы его безъ счету. И любитъ же онъ ее, въ бархатъ да въ шолкъ одѣваетъ. Понятно, долженъ расположеніе ея снискивать: лицомъ не взялъ, такъ хоть деньгами... Сами видите, какой красавецъ—настоящій мамелюкъ!

Сусаловъ внѣ себя, съ угрозами и ругательствами, выбѣжалъ изъ залы, при дружномъ хохотѣ веселой компаніи.

— Что ты ему рога наставилъ, это хорошо,—у мужей на то и лбы существуютъ; но зачѣмъ ты его еще обижаешь? — вступился, задыхаясь отъ смѣха, Лялинъ.

— Ничего, помиримся! Ужь на что мы поссорились, когда онъ меня у жены своей какъ есть въ натуральности засталъ, да и то помирились. У меня для него такая приманка есть, что онъ все броситъ и за мной пойдетъ... И потѣха же была, братцы, когда онъ меня у жены тогда засталъ! Заслышавъ шаги, спрятался я въ часовой шкафъ, сижу да потихоньку маятникъ рукой подталкиваю,—съ переполоху думалъ, что это я остановилъ ходъ, а часы-то ужь нѣсколько лѣтъ стояли и вдругъ—тикъ, тикъ... Онъ удивился, что̀ за чудо, да въ шкафъ,—началъ Моховъ разсказывать ко всеобщей потѣхѣ старую избитую исторію со всѣми пикантными подробностями.

Мнѣ стало наконецъ противно, и я ушелъ къ себѣ на верхъ.

Въ коридорѣ я столкнулся съ Сусаловымъ, расхаживавшимъ въ величайшемъ волненіи.

— Вы ему не вѣрьте, все вретъ,—намекнулъ онъ на скандальный разсказъ Мохова:—еслибы вы видѣли мою жену, вы убѣдились бы сами, что это невозможно.

— Конечно, вранье,—постарался я его успокоить.

— Что онъ тамъ еще разсказывалъ?—спросилъ растерянно Сусаловъ, причемъ, дрожавшій, какъ въ лихорадкѣ, подбородокъ его краснорѣчиво свидѣтельствовалъ о томъ, что несчастный уже не вѣритъ больше въ добродѣтель своей жены.

— Кажется, ничего особеннаго: впрочемъ, я не слышалъ.

— Что мнѣ съ нимъ дѣлать, что дѣлать?!.

— Вызовите его на дуэль...

— Нѣтъ, вы не шутите, скажите откровенно, что̀ вы сдѣлали бы на моемъ мѣстѣ?

— Что жь я могу сказать, когда я даже не знаю, каковы ваши отношенія съ нимъ, и что̀ это за человѣкъ,—попытался я вызвать его на откровенность.

Digitized by Google

— Да что? такой человѣкъ, что каторги ему не миновать, повѣрьте слову—не миновать! Онъ, быть можетъ, на своемъ вѣку не одного человѣка убилъ!

— Неужели! Да какъ же это прошло безнаказанно?

— Выпутался, деньги водились...

— Разскажите, въ самомъ дѣлѣ, какъ это было?

— Нѣтъ, не могу, узнаете сами послѣ...

— Да скажите, по крайней мѣрѣ, откуда онъ? Купецъ?

— Какое!—сынъ чернорабочаго! А вы по виду приняли его за купца? Дѣйствительно, сразу его не раскусишь. Нахалъ! А былъ онъ всего комнатнымъ мальчикомъ на побѣгушкахъ въ одной пріисковой резиденціи, да понравился выжившей изъ ума старухѣ-владѣтельницѣ. Она и въ люди его вывела. Обучала его, одѣвала, какъ принца! Съ собой въ Петербургъ увезла, а потомъ за границу... Вотъ тутъ-то онъ и показалъ себя. Накуролесилъ столько, что большихъ денегъ всякій разъ стоило дѣло замять. Такъ онъ всю Европу прошелъ со скандаломъ! Въ Парижѣ, въ Вѣнѣ, въ Римѣ, въ Венеціи, въ Неаполѣ былъ. Одѣвался настоящимъ графомъ, вездѣ почета требовалъ, въ толпу червонцы цѣлыми пригоршнями швырялъ. Шутка сказать—въ одинъ годъ слишкомъ полмилліона ухнулъ! Старуху совсѣмъ до сумашествія довелъ. Самъ мнѣ все разсказывалъ, хвастался, что билъ ее не разъ, а она въ немъ души не чаяла,—не то что состоянія,—жизни, кажется, своей не пощадила бы. Надо такъ полагать, онъ и вогналъ бы ее въ гробъ, да сыновья вступились. Видятъ — дѣло плохо: состояніе, хотя и громадное, начинаетъ трещать, золото таетъ, аки воскъ отъ лица огня, и запретили управляющему пріисками высылать деньги за границу. Старуха требуетъ, грозитъ согнать съ мѣста, а управляющій одно твердитъ:—нѣту денегъ, все впередъ забрано! Какъ прожились они за границею,—продалъ онъ ея брилліянты, да на послѣднія деньги въ резиденцію и пріѣхали. Его, конечно, и не узнать. Вы видѣли, каковъ онъ теперь;—что же тогда было, когда сотнями тысячъ ворочалъ... важность-то какая, осанка! Позвалъ онъ управляющаго пріисками, у котораго прежде въ мальчонкахъ состоялъ, да какъ раскричится на него: «ты какъ смѣешь доходы задерживать, — пріиски должны милліонъ въ годъ приносить. Гдѣ деньги? Отчеты сейчасъ сдать и вонъ; я другаго управляющаго назначаю, у меня на это есть полная довѣренность отъ владѣтельницы».—«Ладно, посмотримъ, кому изъ насъ вонъ идти»—говоритъ управляющій. А въ это время входитъ исправникъ и арестуетъ важнаго барина. Онъ драться—да живо скрутили. Люди ужь были наготовѣ: только и ждали голубчика, пока онъ за деньгами изъ-

Digitized by Google

за границы пріѣдетъ. Сыновья старухи съ управляющимъ ловко все дѣло устроили. Исправникъ три тысячи взялъ только за то, чтобы спроводить молодца. Намяли ему бока, спесь-то барскую повышибли, довѣренность отняли, пригрозили судомъ уголовнымъ за разныя растраты, въ случаѣ если отъ старухи не отстанетъ; дали ему тысячу рублей на дорогу, въ родѣ какъ бы отступнаго, да и ступай, братъ, на всѣ четыре стороны. Потѣха! Все это мнѣ разсказалъ одинъ человѣчекъ, который въ то время на пріискѣ ихнемъ служилъ. Шумъ-то какой былъ, на всю окрестность... Старуха совсѣмъ рехнулась, какъ уѣхалъ возлюбленный, долго потомъ его разыскивала. Тѣмъ временемъ онъ въ Москвѣ по гостинницамъ послѣднія денежки пропилъ, а другой-то такой теплой старухи ужь не нашелъ. Тутъ на его счастье сербская кампанія подошла, понадобились всѣ пропойцы да сумасброды,—вотъ его подхватили да вмѣстѣ съ партіей и отправили...

— Прекрасно,—прервалъ я его,—да вы-то не старуха вѣдь:—зачѣмъ вы ему деньги безъ счету даете, а онъ васъ же оскорбляетъ?

— А, тутъ совсѣмъ другой резонъ! У меня на то свой разсчетъ есть.

— Да какой же тутъ разсчетъ, если онъ ваши деньги въ грязь швыряетъ?

— Такое ужь ему во всемъ счастье... Вернулся онъ изъ Сербіи, а ужь для него опять 40,000 рублей чистоганомъ готово. Старуха-то, умирая, ему завѣщала, въ банкъ на его имя внесла. Видно, бѣда научила его уму-разуму: какъ получилъ онъ деньги, часть только въ Петербургѣ растратилъ, а на остальныя составилъ пріисковую партію да и отправился по Сибири золота искать. Исходилъ онъ низовья Оби и Енисея, два года по тайгѣ скитался—ничего! А на Амурѣ, наконецъ, повезло—въ низовьяхъ такой пріискъ открылъ, что теперь и не счесть тѣхъ богатствъ, какія тамъ заключаются: работы на нѣсколько десятковъ лѣтъ хватитъ!—заключилъ онъ въ такомъ страстномъ волненіи, какъ будто уже видѣлъ предъ собою груды блестящихъ полуимперіаловъ.

— Да вы почемъ знаете, что онъ пріискъ открылъ? видѣли сами, были съ нимъ?—полюбопытствовалъ я.

— Помилуйте, да у меня формальное условіе съ нимъ на этотъ пріискъ заключено, планы есть.. Не все ли равно? Вотъ посмотрите сами.

Онъ показалъ условіе, и мнѣ оставалось лишь подивиться, до какой степени можетъ быть легковѣренъ человѣкъ, ослѣпленный страстью къ наживѣ.

— Однако, что же это такое!—удивился я, прочитавъ условіе:—

Digitized by Google

здѣсь видно только, что вы дали Мохову 3,000 рублей задатку и затѣмъ обязываетесь давать ему и впредь деньги на его надобности въ счетъ будущихъ благъ отъ пріисковъ. Тутъ даже не обозначено, сколько именно уплачивать и въ какіе сроки. Онъ съ васъ можетъ сейчасъ сто тысячъ потребовать...

— Зачѣмъ? Ему столько не надо.

— Однако, тутъ отмѣчено, что вы уже выдали ему слишкомъ 7,000 рублей, а между тѣмъ въ условіи не указано даже, гдѣ именно пріиски находятся.

— Ну, какъ же вы хотите, чтобы это въ условіи было обозначено,—тогда другіе могли бы мѣсто пріисковъ узнать и заявить ихъ на свое имя. Это тайна,—у меня секретный планъ есть.

— Да вѣдь можно какой угодно планъ нарисовать.

— Какъ такъ?!—поблѣднѣлъ встревоженный Сусаловъ,—я самъ видѣлъ песокъ оттуда, отличный песокъ...

— Ну, это ничего не доказываетъ: песокъ можно достать съ другихъ пріисковъ.

— Нѣтъ, ужь это дѣло вѣрное, если купецъ Грузовъ въ него хотѣлъ пайщикомъ войти, только я его устранилъ—больше далъ. Грузовъ—извѣстный купецъ, его на мякинѣ не поймаешь...

— Ну, вотъ его и не поймали...

— Такъ что же по вашему—я долженъ послѣднихъ денегъ своихъ лишиться! — закричалъ съ перепугу Сусаловъ, забывъ въ эту минуту, что онъ передъ всѣми чванился своими милліонами.— Нѣтъ, это все вздоръ! Онъ долженъ мнѣ открыть пріиски, иначе я его въ яму засажу за обманъ,—въ кандалы его, варнака!

— Ну, вотъ онъ и укажетъ вамъ гдѣ нибудь пески, содержащіе немного золота; больше по условію онъ ничѣмъ не обязанъ. А мало ли въ Сибири такихъ мѣстъ?.. да вѣдь пески—пескамъ рознь: иногда золота въ пескѣ такъ мало, что и промывать-то его не стоитъ. Сами это лучше меня знаете.

— Нѣтъ, я шутить надъ собой не позволю. Тысячъ не пожалѣю, а довезу его до мѣста, отмѣченнаго по плану, — немного ужь осталось... А какъ довезу, заставлю все какъ есть открыть! Найму людей, какъ въ тайгу на то мѣсто пойдемъ; хворосту приготовлю заранѣе и буду его до тѣхъ поръ пороть, пока настоящее не укажетъ, гдѣ пріискъ. Я изъ него, варнака, правду вымотаю, если по доброй волѣ не захочетъ сказать!

— Да поймите, что же онъ вамъ скажетъ, если, можетъ быть, самъ ничего не знаетъ.

— Какъ же? вдругъ—и планъ у меня, и песокъ оттуда... Тутъ шутить нельзя... Это что жь такое...—бубнилъ Сусаловъ.

Digitized by Google

— Ну-съ, желаю вамъ успѣха; а денегъ не совѣтовалъ бы больше давать, пока не завладѣете пріискомъ.

— Эхъ, только бы завладѣть!.. Далъ бы я ему тогда сколько угодно денегъ, пусть лопаетъ водку. Ему только волю дать, такъ и году не проживетъ, сгоритъ... не выдержитъ.

— А вдругъ не сгоритъ, а будетъ пить да пить, въ свое удовольствіе? Много попудныхъ [1]) придется платить...

— Нѣтъ, не выдержитъ, ужь я его знаю: ему только дать водки вволю, не препятствовать ни въ чемъ,—живо съ собой покончитъ...—Сусаловъ такъ увлекся мыслью споить своего товарища и остаться единственнымъ владѣльцемъ фантастическаго пріиска, что пренаивно открылъ мнѣ все свое нутро, не чувствуя ни малѣйшаго смущенія.

«Однако, въ интересную компанію я попалъ»! невольно пришло мнѣ на мысль, когда я прощался съ золотопромышленникомъ.

С. Годлевскій.

(Окончаніе будетъ).

[1]) Вознагражденіе, которое получаетъ, по условію, открывшій золотоносные пески съ пуда промываемаго золота.

Digitized by Google

Мери.

Сонетъ.

Когда въ глухой тиши стариннаго музея,
Исполненный на мигъ несбыточной мечты,
Гляжу на вѣчныя созданья красоты,—
Мнѣ кажется живой нѣмая галерея;
И, предъ мадоннами душой благоговѣя,
Я вижу много въ нихъ священной простоты,
И въ книгѣ прошлаго завѣтные листы
Читаю я одинъ, волнуясь и блѣднѣя.
Такъ точно близь тебя душою я постигъ,
Что можно пережить вѣка въ единый мигъ,
Любить и тосковать, о томъ сказать не смѣя
И выразить всѣхъ чувствъ волшебныхъ не умѣя;
Я вѣчной красоты въ тебѣ позналъ родникъ,—
Мечта художника, безмолвная камея!

К. Бальмонтъ.

Digitized by Google

СОВРЕМЕННЫЙ АНАРХИЗМЪ И ЕГО ТЕОРЕТИКИ.

I.

Анархизмъ, какъ особенное революціонное движеніе, возникшее съ замѣчательной силой въ послѣднія пятнадцать или двадцать лѣтъ и принесшее уже слишкомъ много самыхъ горькихъ плодовъ въ западной Европѣ, къ сожалѣнію, почти совершенно не обращаетъ на себя вниманія общества своими теоретическими основами, придающими ему, по крайней мѣрѣ, внѣшній видъ силы и значенія. Покушенія и преступленія анархистовъ, повторяющіяся все чаще и чаще, заставили европейскія правительства прибѣгнуть къ спеціальнымъ репрессивнымъ мѣрамъ и къ исключительнымъ постановленіямъ противъ анархизма, съ цѣлью защитить общество отъ его покушеній. Но эти строгости и исключительные законы, являясь не болѣе какъ паліативами, могутъ отзываться неблагопріятно на дѣятельности другихъ, вполнѣ мирныхъ и полезныхъ общественныхъ элементовъ, и приводитъ къ недовольству, которое приноситъ, пожалуй, не менѣе вреда, чѣмъ пользы, какъ это, между прочимъ, случилось въ нынѣшнемъ году во Франціи, когда, послѣ убійства президента республики Карно, палата утвердила репрессивный законъ противъ анархистовъ, который,—какъ этого и слѣдовало ожидать, — обуздавъ безцеремонную проповѣдь убійства, неблагопріятно отозвался, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, и на свободѣ печати. По нашему мнѣнію, не ограниченіе свободы печати, какъ это случилось во Франціи, можетъ ослабить или уничтожить анархизмъ, а, напротивъ того, благоразумное пользованіе ею, благодаря которому печать, разсматривая безпристрастно и независимо самое ученіе анархизма въ его теоретическихъ основахъ и якобы идеальныхъ стремленіяхъ, можетъ обнаружить, съ полной ясностью, не только вредъ этой соціальной секты, но и всѣ нелѣпости ея теоретическихъ основоположеній. Къ сожалѣнію, не только у насъ, но и въ западной Европѣ, печать слишкомъ мало обращаетъ вниманія на самое ученіе анархизма, какъ бы боясь, при строгомъ и всестороннемъ анализѣ этого ученія, найти въ немъ такія теоретическія положенія, опровергать ко-

Digitized by Google

торыя, съ научной точки зрѣнія, не особенно легко. Благодаря такому положенію вещей, анархизмъ кажется неприступной теоретической крѣпостью, вслѣдствіе тайны, окружающей это ученіе, и своей таинственностью дѣйствуетъ на воображеніе людей, недостаточно подготовленныхъ къ борьбѣ съ такимъ страшнымъ соціальнымъ зломъ.

Надо правду сказать: не только общество не знаетъ дѣйствительной сущности анархизма, но и сами анархисты (я говорю, конечно, не о представителяхъ и вождяхъ этого движенія, а о толпѣ) даже въ западной Европѣ не помнятъ,—если можно такъ выразиться,—своего собственнаго родства. Они не знаютъ, откуда впервые возникло это особенное политическое міровоззрѣніе, какъ оно сложилось и въ чемъ заключаются его политическія основы. Они обыкновенно повторяютъ общія мѣста уличнаго анархизма и трактирнаго политиканства и, кажется, ничего другаго не желаютъ знать. Они—пассивныя орудія, фанатически настроенныя и совершенно невѣжественныя, въ рукахъ вождей, которые вовсе не хотятъ разъяснять положительную сторону ученія, справедливо полагая, что теоретическія разсужденія будутъ недостаточно ясны, и предпочитая дѣйствовать таинственностью окончательныхъ цѣлей на воображеніе слѣпыхъ исполнителей. Ниже я покажу, что анархизмъ, по крайней мѣрѣ, въ самомъ началѣ семидесятыхъ годовъ, былъ тѣсно сплоченнымъ тайнымъ обществомъ, дѣйствительныя и окончательныя цѣли котораго были извѣстны лишь нѣсколькимъ лицамъ; остальныя же должны были довольствоваться кое-какими пустыми намеками и обязывались безпрекословно повиноваться этимъ нѣсколькимъ лицамъ. Такъ было въ началѣ семидесятыхъ годовъ, но, принимая во вниманіе недавнія событія, есть полная возможность допустить, что организація этого тайнаго общества сохранилась и понынѣ.

II.

Прежде всего, необходимо замѣтить, что анархизмъ есть совершенно новое, до сихъ поръ не встрѣчавшееся въ исторіи, политическое явленіе, по крайней мѣрѣ, въ тѣхъ формахъ и стремленіяхъ, въ которыхъ оно выразилось въ настоящее время. Ничего подобнаго или подходящаго нельзя замѣтить въ европейской исторіи прошлаго. Конечно, и тамъ можно встрѣтить болѣе или менѣе явное отрицаніе государства, какъ государства,—объ этомъ я буду имѣть еще случай сказать нѣсколько словъ ниже,—но это отрицаніе всегда было лишь выраженіемъ чувства, возмущеннаго тираніей и деспо-

Digitized by Google

тизмомъ, но никогда и нигдѣ не выступало въ формѣ систематическаго революціоннаго движенія, имѣющаго свои опредѣленныя цѣли и стремящагося къ осуществленію опредѣленнаго политическаго идеала, въ основаніи котораго лежало бы безусловное отрицаніе государства, какъ извѣстной формы общежитія. Только XIX-му столѣтію суждено было увидѣть *такую* соціальную революцію.

Отцомъ и создателемъ этой революціи слѣдуетъ признать Прудона — одного изъ тѣхъ замѣчательныхъ политическихъ писателей, которые, къ сожалѣнію, въ настоящее время очень мало читаются не только у насъ, но даже и въ западной Европѣ. Съ самыхъ первыхъ своихъ шаговъ на поприщѣ политической литературы,—съ знаменитаго мемуара о томъ, что̀ такое собственность (1840 г.), гдѣ онъ высказалъ свой извѣстный парадоксъ: «la propriété c'est le vol»,—уже совершенно ясно виденъ тотъ революціонно-разрушительный элементъ его ума, который такъ ярко и сильно выразился въ эпоху революціоннаго движенія 1848 года. Разрушительный характеръ политическихъ воззрѣній Прудона постепенно возрастаетъ въ послѣдующихъ его сочиненіяхъ, изъ которыхъ каждое производило на современниковъ необычайное впечатлѣніе смѣлостью мысли автора и его ядовитой логикой: «Creation de l'ordre dans l'humanité» (1843), «Système des contradictions économiques» (1846), «Confession d'un revolutionnaire» (1849), «Solution du problème social» (1848), «Droit au travail» (1848) и проч. вплоть до «Idée générale de la Revolution au XIX siècle» (1849), гдѣ изложена послѣдовательно и систематически теорія анархизма. Первая, однако, мысль Прудона объ отрицаніи государства относится собственно къ 1849 году. Она была высказана Прудономъ въ газетѣ «Voix du peuple», въ небольшой газетной статьѣ, направленной противъ временнаго правительства второй французской республики, во главѣ котораго стояли тогда ненавистные ему люди, въ родѣ Ледрю-Роллена и Луи Блана.

Мейснеръ, въ своихъ «Воспоминаніяхъ», передаетъ очень любопытный разговоръ свой съ Генрихомъ Гейне о Прудонѣ. Въ 1847 году, Мейснеръ, во время своего пребыванія въ Парижѣ, посѣтилъ вмѣстѣ съ Гейне празднество, устраивавшееся ежегодно почитателями Фурье въ залѣ Valentino, въ годовщину смерти этого соціалиста-метафизика. Тутъ провозглашались тосты за геній Фурье, за прекращеніе войны, за постепенное освобожденіе женщины и проч. По выходѣ изъ залы, Гейне увидалъ въ толпѣ, на улицѣ, невысокаго плотнаго мужчину, съ полнымъ веселымъ лицомъ, широкимъ выпуклымъ лбомъ, въ синихъ очкахъ. «Взгляните на этого человѣка»,—шепнулъ Гейне своему другу. Въ то время какъ Мейснеръ

Digitized by Google

смотрѣлъ, къ человѣку въ синихъ очкахъ подошелъ кто-то и спросилъ его: «Развѣ вы тамъ были?»—«Нѣтъ»,—отвѣчалъ Прудонъ (это былъ онъ).—«Я только прошелъ мимо и остановился, потому что мнѣ эта сходка показалась бунтомъ. У всѣхъ сектантовъ одна и та же пѣсня: слава Сенъ-Симону, благодаря которому мы постигли жизнь, слава Фурье, который открылъ намъ соціальные законы!.. Нелѣпость! Кто же наконецъ воскликнетъ: «Честь и слава здравому человѣческому смыслу, который никому не поклоняется!» И человѣкъ въ синихъ очкахъ пожалъ плечами и медленно удалился. «Кто этотъ человѣкъ?»—спросилъ тогда Мейснеръ.—«Кто онъ?»—отвѣчалъ Гейне, и лицо его оживилось,—«среди людей его называютъ господиномъ Прудономъ. Въ сущности же это—демонъ. Я чувствую себя свѣжѣе, когда встрѣчаюсь съ нимъ. Я начинаю скучать жизнью, когда вижу вокругъ себя только дѣльцовъ и людей обыкновенныхъ. Эти нѣсколько словъ, сказанныхъ имъ, точно освѣжили меня послѣ столькихъ прекрасныхъ, но пошлыхъ тирадъ. Онъ правъ, совершенно правъ».—«Но кто этотъ человѣкъ?»—спросилъ вторично Мейснеръ, съ усиленнымъ любопытствомъ.—«Вы все говорите: этотъ человѣкъ!»—возразилъ Гейне.—«Вѣдь я же вамъ сказалъ, что это не человѣкъ, не смотря на синія очки. Это разрушительный принципъ въ видѣ политическаго философа, одареннаго съ избыткомъ всѣми сокровищами поэта. Повидимому, Викторъ Гюго уступилъ ему мощь своихъ антитезъ, а Александръ Дюма—свою свѣтлую фантазію. Чрезвычайная серьезность мысли изящно и искусно драпирована и глядитъ на нѣмецкую босую сухость съ сословной гордостью аристократа. Его произведенія или,—говоря языкомъ полиціи, — его зажигательныя произведенія читаются, какъ романъ. Они переходятъ, здѣсь во Франціи, изъ рукъ въ руки, ими забавляются и никто не замѣчаетъ, что, при перелистываніи ихъ страницъ, выпадаютъ зубы дракона, которые когда нибудь возрастутъ превосходно и дадутъ удовлетворительную жатву».

Должно быть, дѣйствительно, Прудонъ производилъ на своихъ современниковъ впечатлѣніе мистическаго ужаса, если подобную же характеристику его, и почти въ тѣхъ же выраженіяхъ, мы встрѣчаемъ и у другихъ писателей, напримѣръ, Герцена, который долгое время находился съ нимъ въ самыхъ дружескихъ сношеніяхъ, или у Донозо-Кортеса, тогдашняго испанскаго посланника. «Никогда еще смертный,—говоритъ Донозо-Кортесъ о Прудонѣ,—никогда еще смертный не грѣшилъ такъ ужасно противъ человѣчества и Духа Святаго. Когда эта струна его сердца звучитъ, то всегда издаетъ звукъ краснорѣчивый и сильный. Нѣтъ, не онъ говоритъ тогда; это говоритъ другой, овладѣвшій его душой и вызывающій въ немъ

Digitized by Google

эти эпилептическіе припадки. Да, это другой, болѣе великій, чѣмъ онъ, который ведетъ съ нимъ постоянную бесѣду. То, что онъ по временамъ высказываетъ, такъ странно, и высказываетъ онъ это такимъ страннымъ образомъ, что умъ пораженъ ужасомъ и не знаешь тогда, говоритъ ли это человѣкъ, или же демонъ, говоритъ ли онъ серьезно, или же издѣвается надъ вами. Что же касается до него, то еслибы онъ имѣлъ власть приказывать, то онъ бы предпочелъ, чтобы его считали демономъ. Но человѣкъ ли онъ, или демонъ—несомнѣнно одно: его спина сдавлена страшнымъ бременемъ трехъ вѣковъ проклятій».

Художникъ въ гораздо большей степени, чѣмъ мыслитель и политическій дѣятель, Прудонъ любилъ играть роль нарушителя общественной совѣсти, террориста мысли. Его гордости льстило значеніе, которое въ Европѣ придавали этой роли и сатанинскому характеру его языка. Пугало церкви и института собственности, онъ не безъ удовольствія выслушивалъ крики злобы и ненависти, раздававшіеся по его адресу. Въ этомъ онъ видѣлъ, казалось, любопытный обращикъ соціальной психологіи и радовался счастливой, по его мнѣнію, реакціи, которую совершилъ въ соціальномъ тѣлѣ, ослабленномъ и больномъ, страшный раскатъ его парадоксовъ. Подтвержденіе этого предположенія мы встрѣчаемъ въ его «Confession d'un revolutionnaire». «Тогда,—говоритъ Прудонъ въ этомъ сочиненіи,—я превратился, слѣдуя выраженію одного журналиста, въ человѣка-ужасъ. Не думаю, чтобъ можно было встрѣтить другой примѣръ такого остервененія противъ писателя. Обо мнѣ проповѣдники говорили проповѣди, надо мной издѣвались, обо мнѣ слагались уличныя пѣсни, меня афишировали на улицахъ, облыжно излагали мою біографію, помѣщали каррикатуры; надо мной ругались, меня оскорбляли, проклинали, въ меня бросали каменьями... Ханжи, въ анонимныхъ письмахъ, угрожали мнѣ гнѣвомъ Бога; благочестивыя женщины изъ жалости ко мнѣ присылали мнѣ освященные образки; проститутки и каторжники обращались ко мнѣ съ поздравленіями, циническая иронія которыхъ свидѣтельствовала объ извращеніи общественнаго мнѣнія. Въ законодательное собраніе поступали петиціи объ изгнаніи меня, какъ недостойнаго быть представителемъ народа. Когда Богъ позволилъ сатанѣ мучить благочестиваго человѣка Іова, онъ сказалъ ему: «Я отдаю тебѣ его, въ его тѣлѣ и въ его душѣ, но только не простирай руки своей на его жизнь». Жизнь—это мысль. Со мной хуже обращались, чѣмъ съ Іовомъ. Моя мысль была недостойна извращаема. Нѣкоторое время я слылъ за теоретика воровства, за панегириста разврата, за личнаго врага Бога, за антихриста, за существо безъ имени... Мнѣ было дано встрево-

Digitized by Google

жить на глубинѣ, недоступной до сихъ поръ, совѣсть цѣлаго народа, и сдѣлать опытъ, который до сихъ поръ не былъ сдѣланъ ни однимъ философомъ. Эта раса,—говорилъ я себѣ,—такая скептическая, такая развратная, такая порочная,—неужели же она отказалась отъ своего Бога и отъ души своей? Неужели потеряла она всякое понятіе о нравственномъ законѣ? Что думаетъ она о семьѣ и бракѣ? Этотъ чувственный, алчный міръ, что́ думаетъ онъ, въ сокровищницѣ своего сердца, объ утилитарной теоріи? Эти мальтузіанцы, не желающіе ни отказаться отъ наслажденія, ни принять его послѣдствій,—ученики ли они Фурье, или Сенъ-Симона? Во что больше всего они вѣрятъ,—въ страсть или въ свободу воли? Эти вольтеріанцы также ли тверды, какъ кажутся, въ своемъ безвѣріи? Эти лавочники дѣйствительно ли свирѣпы въ своемъ эгоизмѣ? Увы! въ то время, какъ они топтали ногами, въ моемъ лицѣ, мнимаго апостола гнусностей, я примѣнялъ къ нимъ выраженіе, сказанное Людовикомъ XIV о герцогѣ Орлеанскомъ: «Это фанфароны порока». Да, это развратное и богохульное общество трепещетъ при мысли о будущей жизни; оно не осмѣливается смѣяться надъ Богомъ, оно думаетъ, что слѣдуетъ во что либо вѣрить. Эти развратники возмущаются при мысли о коммунальной полигаміи; эти общественные воры восхваляютъ трудъ! Католицизмъ умеръ во всѣхъ этихъ сердцахъ; человѣческое чувство болѣе живо въ нихъ, чѣмъ когда либо. Воздержаніе печалитъ ихъ: они приходятъ въ восторгъ отъ цѣломудрія. Нѣтъ руки, которая не была бы замарана стяжаніемъ, но всѣ возмущаются проповѣдью выгоды... Но Франція несовсѣмъ еще погибла. Силы человѣчества еще дрожатъ подъ этимъ трупомъ; она возродится изъ своего пепла».

Даже чисто внѣшнее и случайное знакомство съ главнѣйшими идеями Прудона объясняетъ до извѣстной степени негодованіе его современниковъ, вызванное его сочиненіями, чрезвычайное его вліяніе и въ то же время громадную популярность, которою онъ пользовался при жизни. Причина этой популярности главнымъ образомъ заключается въ необыкновенно яркой характеристикѣ темныхъ сторонъ современнаго экономическаго порядка и всего строя современнаго общества. Едва ли найдется другой писатель, который бы съ такой силой, съ такимъ знаніемъ дѣла и необыкновенной послѣдовательностью совершалъ мрачный анализъ всѣхъ язвъ, которыми страдаетъ цивилизація. Не смотря на свой знаменитый парадоксъ (la propriété c'est le vol), который можетъ привести въ заблужденіе человѣка, незнакомаго съ его взглядами, Прудонъ вовсе не отрицаетъ самаго института собственности; онъ только находитъ, что въ европейскомъ обществѣ право собственности пре-

Digitized by Google

вратилось въ право пользованія чужимъ трудомъ. Онъ подвергаетъ строгому анализу всѣ элементы, на которыхъ зиждется современный экономическій строй общества, и вездѣ видитъ противорѣчія; но главнымъ основнымъ противорѣчіемъ онъ считаетъ прстиворѣчіе между мѣновой и потребительной цѣнностью: увеличеніе предложенія товаровъ увеличиваетъ ихъ потребительную цѣнность и въ то же время уменьшаетъ ихъ мѣновую цѣнность, вызывая паденіе рыночныхъ цѣнъ. Какъ уничтожить это противорѣчіе? Прудонъ видитъ одинъ только выходъ: уничтожить денежное обращеніе и процентъ на капиталъ. Этого, по его мнѣнію, можно достигнуть при помощи народнаго банка (banque d'échange); всѣмъ своимъ членамъ этотъ банкъ выдаетъ банковые билеты въ обмѣнъ товара безъ всякаго вычета. Билеты эти даютъ право получать на ихъ сумму изъ банка товары, помѣщенные туда другими производителями. Всѣ члены банка обязуются принимать вмѣсто денегъ банковые билеты, которые, по мѣрѣ расширенія дѣятельности банка, должны постепенно вытѣснять изъ обращенія металлическія деньги. Была сдѣлана попытка осуществить этотъ проэктъ банка, но попытка потерпѣла полное фіаско. Значительно позднѣе, уже въ шестидесятыхъ годахъ, идеей этого банка воспользовались, нѣсколько измѣнивъ ее, соціалисты и основали такъ называемыя кооперативныя общества, которыя и до сихъ поръ процвѣтаютъ во Франціи, Англіи, Швейцаріи, Италіи, Германіи, и приносятъ несомнѣнную пользу. Во всякомъ случаѣ, важное значеніе Прудона заключается не въ этомъ проэктѣ обмѣннаго банка, а въ его жестокой, безпощадной критикѣ современнаго порядка вещей и ненормальныхъ условій, въ которыхъ находится теперь частная собственность; главнымъ же образомъ—въ его системѣ, которая объединяетъ и сплачиваетъ въ одно цѣлое всѣ частные выводы Прудона. Къ этой системѣ я теперь и перейду.

III.

Свой политическій и соціальный идеалъ Прудонъ называетъ *ан-архіей*. Подъ этимъ словомъ онъ понимаетъ такой общественный строй, въ которомъ порядокъ долженъ возникнуть изъ свободныхъ экономическихъ сношеній людей между собою, съ устраненіемъ всякой государственной власти. Другими словами, Прудонъ доводитъ индивидуализмъ экономической школы до полнаго отрицанія государства, природа котораго, по его мнѣнію, анти-прогрессивна и анти-либеральна. Онъ утверждаетъ, что вначалѣ государство было неизбѣжно, и выполняло, если можно такъ выразиться, свою воспитательную роль въ человѣчествѣ; но въ наше время, благодаря про-

Digitized by Google

грессу экономическому, научному, художественному, государство перестало быть необходимостью (?) потеряло свою raison d'être и сдѣлалось безполезнымъ. Анархія должна замѣнить собой государство или, по его терминологіи, іерархію. Анархія есть условіе существованія взрослыхъ обществъ, не нуждающихся ни въ опекѣ, ни въ покровительствѣ, могущихъ обходиться безъ нянекъ и руководителей, подобно тому какъ іерархія есть условіе первобытныхъ обществъ.

«Государство,—писалъ Прудонъ въ 1849 году въ «Voix du peuple»,— есть внѣшняя организація общества. Вслѣдствіе этой внѣшней организаціи, народъ не управляется самъ собою; имъ управляютъ или одно лицо, или нѣсколько; эти лица завѣдываютъ его дѣлами, входятъ въ сдѣлки и переговоры съ другими народами,—словомъ, исполняютъ всѣ обязанности отца семейства, опекуна, повѣреннаго, снабженнаго общей довѣренностью, безусловной и никогда не отмѣняемой. Эта внѣшняя организація коллективной власти, которой греки давали названіе *архэ* (господство, власть, управленіе), покоится на томъ предположеніи, что коллективное существо, называемое народомъ или обществомъ, не можетъ ни управлять собой, ни думать, ни дѣйствовать, ни выражаться самостоятельно, безъ помощи кого либо другаго, подобно тому какъ выражаются, дѣйствуютъ, думаютъ всѣ другія существа, одаренныя индивидуальностью. Вслѣдствіе этого, общество нуждается въ представительствѣ другаго лица или нѣсколькихъ лицъ, которыя, на томъ или иномъ основаніи, считаютъ себя охранителями воли народа и его агентами». Прудонъ же, наоборотъ, увѣренъ, что народъ, общество, масса можетъ управлять собою, думать, дѣйствовать, подобно всякому человѣку, обнаруживать свою физическую и духовную индивидуальность, безъ тѣхъ посредниковъ, которые въ прежнія времена назывались деспотами, а теперь называются аристократами.

Власть, по мнѣнію Прудона, есть слѣдствіе первобытности; ея организація у патріархальныхъ народовъ указываетъ на состояніе дикости и жестокости, вслѣдствіе полнѣйшаго отсутствія торговли и промышленности. Государство было призвано положить конецъ этой дикости, противополагая силѣ каждаго индивида высшую силу, могущую, за недостаткомъ другихъ способовъ убѣжденія, принудить его волю. Такимъ образомъ, организація государства указываетъ на глубокій соціальный антагонизмъ: homo homini lupus. Поэтому, государство сдѣлается безполезнымъ, должно будетъ устранить самого себя, какъ только настанетъ минута, когда, по той или иной причинѣ, въ обществѣ не окажется ни сильныхъ, ни слабыхъ (?!) т. е. когда неравенство физическихъ и умственныхъ силъ не будетъ причиной грабежа и притѣсненія.

Digitized by Google

Прудонъ предполагаетъ, что европейская культура находится именно въ этомъ моментѣ. Не государство,—утверждаетъ онъ,—а трудъ смягчаетъ нравы, устанавливаетъ господство права вмѣсто силы, водворяетъ безопасность, создаетъ свободу и равенство. Тутъ на первомъ планѣ являются торговля и промышленность; затѣмъ, наука, одухотворяющая ихъ, и, наконецъ, какъ окончательный результатъ, какъ безсмертный вѣнецъ—искусство. Религія своими угрозами, а государство своими судами и военной силой только возбудили въ человѣкѣ чувство права, которое было у первобытныхъ людей слишкомъ слабо; они придали этому чувству извѣстную санкцію, единственно понятную первобытному человѣку. Для насъ же, уже испорченныхъ, по выраженію Жанъ-Жака Руссо, промышленностью, наукой, литературой, искусствомъ, эта санкція находится въ другомъ: она находится въ раздробленіи собственности, въ промышленности, въ развитіи роскоши, въ потребности благосостоянія,—потребности, которая всѣхъ приводитъ къ необходимости трудиться... Было бы слишкомъ печально представлять себѣ родъ человѣческій, его природу, его способность совершенствоваться, какъ нѣкій агломератъ отдѣльныхъ индивидуальностей, по необходимости подвергаемыхъ, вслѣдствіе неравенства физическихъ и умственныхъ силъ, вѣчной опасности взаимнаго грабежа и тираніи болѣе сильныхъ. Такое представленіе о человѣчествѣ предполагаетъ самое ретроградное міровоззрѣніе; оно принадлежитъ тѣмъ первобытнымъ временамъ, когда полное отсутствіе истинныхъ элементовъ общественнаго порядка не давало генію законодателя другихъ средствъ дѣйствія, кромѣ силы, когда главенство умиротворяющей или карающей власти казалось всѣмъ справедливымъ слѣдствіемъ предшествовавшаго вырожденія и первоначальнаго грѣхопаденія. Съ нашей же точки зрѣнія, думаетъ Прудонъ, нравственное состояніе общества измѣняется и улучшается вмѣстѣ съ его экономическимъ состояніемъ. Нравственность первобытныхъ и дикихъ людей, невѣжественныхъ, не имѣющихъ промышленности, не похожа на нравственность трудящагося человѣка и художника; поэтому, и соціальныя гарантіи у однихъ не похожи на соціальныя гарантіи у другихъ. Въ обществѣ, измѣнившемся въ своемъ корнѣ развитіемъ экономической организаціи, не существуетъ ни сильныхъ, ни слабыхъ; существуютъ только трудящіеся, которыхъ способности и средства постоянно уравновѣшиваются, посредствомъ промышленной солидарности и гарантіи оборотовъ.

Необходимо замѣтить, что отрицаніе государства, по мнѣнію Прудона, подчинено отрицанію того, что онъ называетъ тираніей капитала, т. е. подчинено даровому кредиту и устройству упомя-

Digitized by Google

нутаго уже мною обмѣннаго банка, придуманнаго имъ, чтобъ сдѣлать возможнымъ даровой кредитъ. «Послѣ дикости первыхъ временъ,—писалъ онъ по этому поводу,—послѣ гордости кастъ и феодальной организаціи первобытныхъ обществъ, остался еще одинъ, послѣдній элементъ рабства—капиталъ. Но когда капиталъ потеряетъ всѣ свои преимущества, очевидно, что трудящійся человѣкъ, т. е. комерсантъ, промышленникъ, землепашецъ, ученый, художникъ, не будетъ нуждаться въ покровительствѣ: его покровительство это—его талантъ, его наука, его промышленность. Съ паденіемъ значенія капитала, сохраненіе государства не только не защититъ свободы, но, напротивъ того, явится препятствіемъ для нея».

Прудонъ былъ увѣренъ, что экономическій прогрессъ ведетъ за собой гарантіи обмѣна и взаимности кредита, которые неизбѣжно будутъ способствовать паденію капитала и въ то же время сдѣлаютъ государство безполезнымъ, уравнивая силы и утверждая солидарность интересовъ, сдѣлавшихся вполнѣ гармоничными. Нѣтъ надобности, думалъ онъ, чтобъ государство создавало, посредствомъ внѣшняго покровительства, соціальное единство, которое будетъ результатомъ простой экономической солидарности. Равенство силъ и гармонія интересовъ приводятъ, какъ неизбѣжное слѣдствіе, къ гармоніи чувствъ. Вслѣдствіе этого, и права каждаго будутъ невольно уважаться. Прудонъ видѣлъ достаточную санкцію этихъ правъ въ трудѣ, наукѣ и искусствѣ. Человѣкъ перестанетъ быть волкомъ и обоготворится, его природа радикально измѣнится; ничего не останется отъ первобытной дикости—и земля, бывшая нѣкогда долиною слезъ и печали, превратится въ рай.

Въ 1851 году, въ сочиненіи: «Idée générale de la Révolution au XIX siecle», Прудонъ развилъ свою систему анархіи. Въ его глазахъ, система эта не болѣе, какъ истинная теорія общественнаго договора, совершенно искаженнаго Жанъ-Жакомъ Руссо. Онъ старается показать, что идея общественнаго договора исключаетъ идею государства, а не предполагаетъ его, какъ думалъ Руссо; что обмѣнное правосудіе (justice commutative) должно замѣнить собой воздаятельное (justice distributive); царство договора т. е. экономическій режимъ долженъ замѣнить собой царство закона или правительственный режимъ. Общественный договоръ, говоритъ онъ,—по преимуществу синаллагматиченъ, т. е. взаимообязателенъ; на заключающихъ договоръ онъ налагаетъ лишь ту обязанность, которая непосредственно вытекаетъ изъ взаимныхъ обѣщаній; онъ не подчиненъ никакой внѣшней власти; онъ одинъ является закономъ для сторонъ; его выполненіе зависитъ лишь отъ ихъ личной инициативы. Общественный договоръ долженъ привлечь къ участію въ

Digitized by Google

немъ всѣхъ безъ исключенія гражданъ, ихъ интересы и отношенія. Если одинъ только человѣкъ не приметъ участія въ договорѣ, если хотя бы одинъ изъ интересовъ, относительно которыхъ члены націй призваны договариваться, будетъ забытъ, то договоръ будетъ болѣе или менѣе относительнымъ и спеціальнымъ; онъ не будетъ уже общественнымъ. Общественный договоръ долженъ увеличить благосостояніе и свободу каждаго гражданина. Еслибы въ него проскользнули какія либо львиныя условія, еслибы часть гражданъ оказалась подчиненной, эксплуатированной другою частью,—то это былъ бы уже не договоръ, а простой обманъ. Общественный договоръ долженъ быть обсужденъ свободно каждымъ членомъ, подписанъ manu propria всѣми тѣми, которые въ немъ примутъ участіе. Еслибы его обсужденіе было не свободно, еслибы принятіе договора было вынуждено, то такой общественный договоръ былъ бы лишь заговоромъ противъ свободы и благосостоянія самыхъ слабыхъ и самыхъ многочисленныхъ гражданъ, систематическимъ и наглымъ грабежемъ, противъ котораго всякое сопротивленіе и даже всякое мщеніе было бы правомъ и обязанностью.

Такимъ образомъ, соціальная теорія Прудона основана на идеѣ видоизмѣненнаго общественнаго договора, замѣщающаго собою власть; это такое общество, въ которомъ *политика* окончательно поглощена *соціальной экономіей*, а правительство—простой администраціей; общество, въ которомъ обмѣнное правосудіе (la justice commutative), распространяющееся на всѣ явленія соціальной жизни, осуществляетъ порядокъ съ помощью свободы и замѣняетъ правосудіе воздаятельное (la justice distributive). Различныя категоріи общественнаго управленія, находящіяся теперь въ завѣдываніи различныхъ министерствъ, въ системѣ Прудона никому не подчинены и управляются сами собой. На вершинѣ—великій жюри, или нѣчто въ родѣ національнаго собранія, члены котораго избираются всѣми безъ различія гражданами—провѣрять счеты, вырабатывать законы, опредѣлять бюджетъ и рѣшать всякаго рода недоразумѣнія между различными самостоятельными администраціями.

Было бы совершенно излишнимъ и безполезнымъ распространяться о подробностяхъ этой странной системы и о практическомъ ея примѣненіи въ дѣйствительной жизни. Какъ бы чувствуя, что именно въ этомъ пунктѣ его система страдаетъ неясностями и недомолвками, или что она практически несостоятельна, Прудонъ никогда не касался ни подробностей, ни практической стороны дѣла, ограничиваясь простыми намеками, изъ которыхъ невозможно заключить что либо опредѣленное. Основная идея всей системы, —

Digitized by Google

устраненіе всякихъ принудительныхъ нормъ,—есть идея утопическая и несостоятельная:—принудительный порядокъ является необходимымъ условіемъ всякаго человѣческаго общества; человѣкъ, не желающій отказаться отъ общежитія съ другими людьми, никуда отъ этого порядка не уйдетъ и никуда отъ него не скроется. «Еслибы,—говоритъ по этому поводу проф. Алексѣевъ [1]), — люди, проникнутые, напр., религіозными интересами, тяготясь этимъ внѣшнимъ порядкомъ, пожелали бы уйти отъ него и съ этою цѣлью скрылись бы на необитаемый островъ, то они, еслибы только не обратились въ ангеловъ, а остались бы людьми, должны были бы начать съ того, чтобы установить между собой порядокъ, т. е. учредить то государство, изъ-подъ власти котораго они бѣжали на свой необитаемый островъ. А еслибы на этотъ островъ переселился другой общественный союзъ, то произошло бы одно изъ двухъ: или оба эти союза подѣлили бы между собой островъ,—каждый имѣлъ бы свою территорію и представлялъ бы собою особое государство,—или же между этими двумя союзами возникла бы борьба, которая повела бы къ тому, что одинъ изъ союзовъ остался бы побѣдителемъ и сдѣлался бы господиномъ острова;—тогда образовалось бы одно государство, которое охраняло бы внѣшній принудительный порядокъ на всемъ пространствѣ государства-острова».

Въ сочиненіи Прудона объ анархизмѣ встрѣчается, между прочимъ, одна любопытная глава, гдѣ авторъ трактуетъ о правосудіи. Само собой разумѣется, что вопросъ о правосудіи пріобрѣтаетъ особенную и крайнюю важность въ его системѣ. Въ этой главѣ Прудонъ съ поразительнымъ талантомъ анализируетъ недостатки той формы правосудія, которая съ небольшими различіями существуетъ во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ. Но что̀ предлагаетъ Прудонъ взамѣнъ этой формы, если ужь она̀, по его мнѣнію, никуда не годится?—Ровно ничего! Онъ требуетъ только немедленной отмѣны всякаго правосудія. «Существуетъ — говоритъ онъ—одинъ только способъ совершать правосудіе. Онъ заключается въ томъ, чтобы обвиняемый или вызванный въ судъ самъ совершилъ надъ собой актъ правосудія. И онъ это несомнѣнно сдѣлаетъ (??) когда каждый гражданинъ добровольно приметъ участіе въ общественномъ договорѣ, когда въ этомъ торжественномъ конвентѣ права, обязанности, атрибуты каждаго гражданина будутъ строго опредѣлены. Тогда и правосудіе, исходя изъ свободы, не будетъ местью, а лишь удовлетвореніемъ. Такъ какъ между закономъ общества и волей гражданина не будетъ существовать противорѣчія, то у послѣдняго останется одно только убѣжище—сознаніе въ собственной винѣ. Тогда

1) «Къ ученію о юридической природѣ государства».

Digitized by Google

и самый судъ будетъ ограниченъ простымъ созывомъ свидѣтелей и между истцомъ и обвиняемымъ, между защитникомъ и его стороной, всякое посредничество окажется излишнимъ, кромѣ друзей, которые явятся арбитрами». Такимъ образомъ, это лучшее изъ будущихъ обществъ должно, по мысли Прудона, осуществить собой совершенную идиллію, о которой не мечтали ни Ѳеокритъ, ни Виргилій,—идиллію, въ которой преступникъ будетъ самъ себя судить и, по мѣрѣ силъ и возможности, будетъ стараться исправить тотъ вредъ, который онъ принесъ или отдѣльному лицу, или всему обществу!.. Тутъ уже совершенно ясно обнаруживается странно утопическій характеръ системы Прудона. Въ лучшемъ случаѣ, можно только сказать, что Прудонъ очевидно разсчитывалъ на людей, лишенныхъ страстей, пороковъ, здравыхъ тѣломъ и душой, безусловно честныхъ и справедливыхъ по натурѣ. Но если это не такъ, то едва ли можно предполагать, что прудоновскій идеалъ общества безъ власти и безъ государства будетъ когда либо имѣть шансы осуществиться на нашей планетѣ. Конечно, можно возразить, что Прудонъ, говоря объ анархіи, имѣлъ въ виду лишь идеалъ, а «идеалъ,—какъ выразился Л. Н. Толстой въ «Послѣсловіи» къ «Крейцеровой сонатѣ»,—тогда только идеалъ, когда осуществленіе его возможно лишь въ идеѣ, въ мысли, когда онъ представляется достижимымъ только въ безконечности и когда, поэтому, возможность приближенія къ нему безконечна». Прудонъ,—могутъ сказать,—думалъ, что этотъ идеалъ есть нѣчто въ родѣ блестящей точки, находящейся въ безконечности, къ которой должно стремиться всякое общество, хотя бы и зная, что оно никогда не достигнетъ ея, но которая въ то же время служила бы ему путеводной звѣздой, улучшая и совершенствуя дѣйствительность. Но на самомъ дѣлѣ было не такъ. Когда Прудонъ излагалъ свою систему, онъ вовсе не думалъ предлагать своимъ читателямъ одинъ только «идеалъ». Въ то время онъ жилъ среди разгара февральской революціи, самъ участвовалъ въ ней сперва своими сочиненіями, а потомъ—въ качествѣ депутата въ законодательномъ собраніи; его проницательный умъ сразу увидѣлъ, что революція, на которую возлагались такія надежды, пошла не по надлежащему пути: призракъ грубой, но неизбѣжной реакціи уже носился въ воздухѣ. Тогда-то и возникла у Прудона идея анархіи, не какъ идеалъ, а какъ обширный проэктъ, который слѣдовало осуществить сейчасъ же, почти немедленно. Развѣ проэктъ обмѣннаго банка, о которомъ онъ въ то время такъ усиленно хлопоталъ и даже почти осуществилъ на дѣлѣ, не былъ первымъ шагомъ къ этой окончательной соціальной революціи, въ которой должна бы совершиться полная и безповоротная ликвидація прошлаго?

Digitized by Google

IV.

Изъ предыдущаго читатель уже могъ убѣдиться, что современный анархизмъ обязанъ своими теоретическими основоположеніями—именно Прудону. Но формула Прудона имѣла научный характеръ и, можно даже сказать, мирный. Средства, на которыя онъ разсчитывалъ для осуществленія анархистскаго состоянія общества, не заключали въ себѣ ничего противнаго общей, универсальной, нравственности. Прудонъ,—какъ мы уже знаемъ,—видѣлъ основное зло не въ самомъ государствѣ, а въ производительности капитала; не въ устраненіи государства онъ видѣлъ лѣкарство, а въ организаціи дароваго кредита. Устраненіе государства должно было быть лишь простымъ слѣдствіемъ водворенія новаго экономическаго порядка вещей, но этотъ новый порядокъ вещей не нуждался ни въ какомъ насиліи для своего осуществленія.

Совершенно иныя идеи и цѣли возникли въ анархистской школѣ, основанной на теоретическихъ взглядахъ Прудона. Можно сказать, не боясь ошибиться, что анархистская школа довела извѣстный принципъ: «цѣль оправдываетъ всякія средства» до такого совершенства, о которомъ и не снилось никакимъ отцамъ-іезуитамъ. Съ тѣхъ поръ какъ существуетъ всемірная исторія, люди въ первый разъ увидали революціонную секту, которая была бы до такой степени похожа, въ средствахъ достиженія своей цѣли, на шайку разбойниковъ... Вторымъ отцомъ анархизма, въ этомъ новомъ фазисѣ его существованія, оказался пресловутый Бакунинъ.

И по натурѣ, и по характеру, и по воспитанію,—а, главное, по чрезвычайно разнообразной жизни, переполненной множествомъ революціонныхъ приключеній,—Бакунинъ принадлежалъ къ расѣ чистокровныхъ революціонеровъ. Извѣстный дѣятель февральской революціи, Коссидьеръ говоритъ о Бакунинѣ: «въ первый день революціи, Бакунинъ—просто кладъ, а на другой уже день его необходимо разстрѣлять»! Въ 1847 году, въ Парижѣ, Бакунинъ познакомился съ Прудономъ и подружился съ нимъ. Благодаря ему, Прудонъ впервые познакомился болѣе или менѣе обстоятельно съ философской системой Гегеля (онъ не зналъ нѣмецкаго языка, а въ то время Гегель не былъ еще переведенъ на французскій языкъ). Идеи Гегеля, а въ особенности его теорія прогресса, произвели на Прудона чрезвычайно сильное впечатлѣніе, что вскорѣ и отразилось на его «Contradictions économiques». Вліяніе Гегеля не трудно замѣтить и въ его книгѣ объ анархизмѣ. Въ 1848 году Бакунинъ игралъ довольно значительную революціонную роль въ Богеміи.

Digitized by Google

Бѣжавъ изъ Праги, которую занялъ тогда Виндишгрецъ, Бакунинъ появился въ Дрезденѣ, гдѣ тогда временно торжествовала революція. Тамъ онъ былъ сдѣланъ военнымъ начальникомъ города. Этотъ бывшій артиллерійскій офицеръ русской арміи, въ Дрезденѣ сталъ обучать военному дѣлу взбунтовавшихся профессоровъ, музыкантовъ и фармацевтовъ, и посовѣтовалъ имъ, между прочимъ, поставить на городскія стѣны сикстинскую мадонну Рафаэля и картины Мурильо,—и ими защищаться отъ прусаковъ, которые не осмѣлятся-де стрѣлять по художественнымъ шедѣврамъ...

Значительно позднѣе, въ 1868 году, мы видимъ Бакунина въ Бернѣ—однимъ изъ самыхъ вліятельныхъ членовъ «Лиги мира и свободы». На конгрессѣ этой лиги, Бакунинъ предложилъ коммунистическую программу, въ основу которой было положено полное экономическое и соціальное равенство всѣхъ классовъ. По этому поводу, на одномъ изъ засѣданій конгресса, возникли ожесточенныя и чрезвычайно страстныя пренія, окончившіяся тѣмъ, что большинствомъ программа была отвергнута, но меньшинство, въ количествѣ тридцати человѣкъ (между которыми были: Гамбуцци, Фанели, Жакляръ, Элизэ Реклю и одинъ русскій эмигрантъ) съ Бакунинымъ во главѣ собрались для обсужденія этого вопроса въ Женевѣ и тамъ основали общество подъ названіемъ: «Союза соціальной демократіи». Каковы были стремленія и тенденціи этого союза, можно видѣть изъ его программы или устава, обнародованнаго значительно позднѣе. «Союзъ» объявлялъ, что онъ—атеистическое общество; онъ требовалъ полнаго и окончательнаго упраздненія всѣхъ классовъ; затѣмъ считалъ необходимымъ, чтобы земля, орудія труда и всякій другой капиталъ, сдѣлавшись собственностью коллективнаго общества, поступилъ въ полное и безконтрольное владѣніе рабочихъ, т. е. во владѣніе земледѣльческихъ и промышленныхъ ассоціацій. Кромѣ того, союзъ находилъ, что всѣ государства, существующія нынѣ, должны быть упразднены и, такъ сказать, исчезнуть въ универсальномъ единствѣ свободныхъ ассоціацій.

Этотъ «Союзъ» былъ обществомъ на половину явнымъ и на половину тайнымъ. Члены подраздѣлялись на три категоріи: къ высшей категоріи принадлежали такъ называемые международные братья; ко второй братья національные и наконецъ—члены явнаго союза. Международные братья, въ количествѣ ста человѣкъ, образовывали нѣчто въ родѣ священной коллегіи кардиналовъ; они были подчинены центральному комитету. Вотъ, между прочимъ, нѣкоторыя выдержки изъ статута союза: «Международные братья не имѣютъ другаго отечества, кромѣ вселенской революціи, другаго врага, кромѣ реакціи. Всѣ международные братья извѣстны другъ другу;

Digitized by Google

между ними никогда не можетъ быть никакой политической тайны. Ни одинъ изъ нихъ не имѣетъ права принадлежать къ какому бы то ни было тайному обществу безъ дозволенія на то центральнаго комитета; къ такому обществу онъ можетъ принадлежать только подъ условіемъ открывать комитету всѣ его тайны, могущія интересовать союзъ прямо или косвенно». Національные братья назначались братьями международными; имъ поручалась подготовка революціи въ каждомъ государствѣ; имъ не должно быть извѣстно существованіе международной организаціи. Статуты установляли самымъ точнымъ образомъ тайный механизмъ этой организаціи.

Цѣль союза заключалась въ томъ, что Бакунинъ называлъ «аморфизмомъ», или всеобщимъ разрушеніемъ. «Ассоціація международныхъ братьевъ,—говорится въ статутахъ,—подготовляетъ вселенскую революцію, соціальную, философскую, экономическую и политическую, съ тѣмъ чтобы настоящій порядокъ вещей, основанный на частной собственности, на эксплуатаціи, на принципахъ авторитета,—религіознаго, метафизическаго, буржуазно-доктринарнаго или даже якобински-революціоннаго,—былъ окончательно уничтоженъ, сначала въ Европѣ, а затѣмъ и во всемъ остальномъ свѣтѣ... Мы хотимъ уничтожить (задача не легкая!) всѣ государства и всѣ церкви, вмѣстѣ съ ихъ учрежденіями и церковными законами, политическими, юридическими, финансовыми, полицейскими, университетскими, экономическими и соціальными».

По мнѣнію Бакунина, человѣкъ и, въ особенности, «человѣкъ труда» совершенно подавленъ громаднымъ соціальнымъ зданіемъ, воздвигнутымъ вѣками: какъ освободить его? Есть лишь одно средство: стереть все съ лица земли и воздвигнуть совершенный аморфизмъ, потому что, если сохранится хотя бы одна старая форма соціальной жизни, «она сдѣлается зародышемъ, изъ котораго снова возникнутъ всѣ другія соціальныя формы». Но когда, наконецъ, настанетъ блаженное царство аморфизма, въ чемъ же будетъ заключаться соціальная связь? Какъ будетъ организовано производство? Какими учрежденіями будутъ замѣнены уничтоженныя? Прудонъ только намекалъ на формы новаго общественнаго зданія, но во всякомъ случаѣ онъ старался начертать его формы. На мѣсто государства онъ ставилъ промышленную организацію; на мѣсто законовъ—договоры и контракты; на мѣсто прежнихъ классовъ и сословій,—дворянства, третьяго сословія, крестьянства, буржуазіи и пролетаріата,—категоріи и спеціальности функцій: земледѣлія, промышленности, торговли и пр. Но Бакунинъ и новая школа анархизма—гораздо развязнѣе и нисколько не заботятся объ организаціи будущаго общества. Онъ даже считаетъ преступленіемъ строить

Digitized by Google

какія либо предположенія объ организаціи этого общества!! «Всѣ разсужденія,—говорилъ онъ,—о будущемъ—преступны, потому что они препятствуютъ чистому разрушенію (какъ это жаль!) и мѣшаютъ ходу революціи». Въ своихъ «Словахъ, обращенныхъ къ русскимъ студентамъ», онъ возстаетъ противъ науки и образованія, и восхваляетъ «святое и спасительное невѣдѣніе» (?). Онъ требуетъ, чтобы студенты побросали университеты и жили жизнью народа, подготовляя окончательное освобожденіе. «Не заботьтесь,—говорилъ онъ имъ,—объ этой суетной наукѣ, во имя которой вамъ хотятъ связать руки», и вслѣдъ затѣмъ прибавляетъ: «разбойникъ (le brigand)—вотъ истинный герой, истинный революціонеръ въ дѣйствіи, безъ фразъ и безъ риторики, заимствованныхъ изъ книгъ». Въ другомъ «манифестѣ», напечатанномъ по русски въ Женевѣ и озаглавленномъ: «Принципы революціи», Бакунинъ указываетъ, какимъ образомъ можетъ быть водворенъ этотъ возмутительный, разбойническій аморфизмъ: «Не признавая,—говоритъ онъ,—никакой другой дѣятельности, кромѣ разрушенія (sic!) мы заявляемъ, что формы, въ которыхъ должна выразиться эта дѣятельность, могутъ быть чрезвычайно разнообразны: ядъ, кинжалъ, петля; революція освящаетъ все, безъ малѣйшаго различія». Съ цѣлью всеразрушенія (pandestruction) онъ предписываетъ «цѣлый рядъ покушеній и смѣлыхъ предпріятій, безумныхъ, приводящихъ въ ужасъ властелиновъ и пробуждающихъ народъ». Далѣе подробныя указанія на «дѣйствіе революціи» мы встрѣчаемъ въ бакунинскомъ «Катехизисѣ революціонера».

Эти выдержки и цитаты ясно указываютъ на анархистскую цѣль, которую имѣлъ въ виду Бакунинъ. Желаніемъ Бакунина было—вступить, вмѣстѣ съ международными братьями «союза», въ «международное общество рабочихъ», во главѣ котораго стоялъ тогда Карлъ Марксъ, подчинить своему вліянію это общество и направить дѣятельность его на путь чистаго анархизма. Послѣ многихъ препирательствъ, и не смотря на протесты Карла Маркса, «союзъ» былъ въ концѣ концовъ принятъ въ «международное общество», въ качествѣ вѣтви этого общества. Съ цѣлью ослабить вліяніе Маркса и вступить съ нимъ въ борьбу, Бакунинъ вошелъ въ союзъ сначала со швейцарской секціей, а потомъ съ итальянской и испанской,—почти всѣ русскіе эмигранты, за исключеніемъ Николая Утина, поддерживали Бакунина. Борьба вспыхнула сначала въ Женевѣ, а потомъ и въ другихъ швейцарскихъ кантонахъ, но безъ опредѣленнаго перевѣса въ ту или другую сторону. Во время этихъ дрязгъ и споровъ, наступила франко-германская война. Бакунинъ организовалъ вооруженное возстаніе въ Ліонѣ. Но эта

Digitized by Google

попытка позорно провалилась, прежде чѣмъ Бакунинъ успѣлъ привести въ исполненіе приготовленный имъ декретъ объ упраздненіи государства во Франціи. Въ брошюрѣ подъ заглавіемъ: «Lettre à un français», появившейся въ сентябрѣ 1870 года, онъ излагаетъ программу, которой, по его мнѣнію, должны были держаться французскіе революціонеры въ тогдашнихъ обстоятельствахъ; любопытно, что парижская коммуна, возникшая 18 марта 1871 года, выполнила эту программу почти буквально. Вотъ основные пункты этой программы: возставшая столица организуется въ коммуну; федерація баррикадъ остается въ дѣйствіи и послѣ торжества революціи; коммунальный совѣтъ образуется изъ делегатовъ, по одному отъ каждой баррикады или отъ каждаго квартала. Совѣтъ избираетъ изъ своей среды исполнительные комитеты, отдѣльные для каждой отрасли «революціонной администраціи коммуны».— «Столица объявляетъ, что, такъ какъ центральное правительство устранено, она отказывается отъ управленія провинціями. Она приглашаетъ другія городскія и сельскія коммуны реорганизоваться революціонно и прислать въ опредѣленное мѣсто своихъ делегатовъ, которые должны организовать федерацію автономныхъ коммунъ и необходимую революціонную силу, необходимую для торжества надъ реакціей. Эта организація не ограничивается предѣлами возставшей страны,—другія провинціи или другія страны могутъ принять въ ней участіе».

Послѣ неудачной попытки ліонскаго возстанія, Бакунинъ возобновилъ борьбу съ центральными совѣтами «международнаго общества», и съ этой цѣлью была основана въ Женевѣ газета «La Révolution sociale». Окончательный разрывъ произошелъ въ 1872 году на конгрессѣ въ Гагѣ. Анархистское меньшинство протестовало противъ права генеральнаго совѣта закрывать секціи и федераціи по своему усмотрѣнію. Но протестъ этотъ не вызвалъ сочувствія у большинства, и конгрессъ рѣшилъ исключить изъ «Международнаго общества» Гильома и Бакунина. Вскорѣ послѣ этого, Бакунинъ, утомленный своей безплодной борьбой (ему было тогда 59 лѣтъ отъ роду) окончательно оставилъ политическую дѣятельность, поселился въ Бернѣ и умеръ въ 1876 году въ Базелѣ. Онъ не достигъ цѣли, заключавшейся въ томъ, чтобы подчинить своему вліянію «Международное общество», но посѣялъ смуты въ его средѣ и совершенно обезсилилъ общество.

V.

Вскорѣ послѣ попытки ліонскаго возстанія, къ Бакунину присоединились Элизе Реклю и князь Крапоткинъ. Реклю представ-

Digitized by Google

ляетъ чрезвычайно интересный типъ неисправимаго и эксцентричнаго идеалиста, живущаго вѣчно въ какомъ-то странномъ чаду мечтаній и грёзъ. Казалось бы, что изученіе географіи, въ которой онъ занимаетъ мѣсто первоклассnаго авторитета, указывая ему на развитіе человѣческихъ расъ, на вліяніе почвы и климата, на неодинаковое развитіе нравовъ и общественныхъ учрежденій, — должно было уберечь его отъ соціальныхъ утопій. Но кому неизвѣстно, что чистая утопія и наука, даже вполнѣ точная и положительная, отлично уживаются вмѣстѣ въ нѣкоторыхъ головахъ? Будучи въ юности республиканцемъ, упивавшимся словами «liberté, égalité, fraternité», человѣкомъ, для котораго «принципы 93 года» имѣли какой-то волшебный и вѣчно юный смыслъ,—потомъ превратившись въ страстнаго соціалиста, Реклю уже въ зрѣломъ возрастѣ поступилъ въ анархисты подъ вліяніемъ Бакунина, возненавидѣвъ то, что прежде такъ страстно любилъ, и убѣдившись, что республика и соціализмъ для многихъ—не болѣе, какъ орудіе честолюбія и господства, и ступень къ возвышенію. Теперь, въ чаду увлеченія анархіей, онъ не видитъ, что именно въ царствѣ анархіи *честолюбцы и диктаторы въ душѣ найдутъ полный просторъ для своей дѣятельности...*

Князь Кропоткинъ представляетъ другой, не менѣе интересный типъ фанатика. Этотъ казацкій офицеръ, выдя въ отставку, когда ему было около двадцати шести лѣтъ, и поселившись въ Петербургѣ, написалъ цѣлую книгу о ледяномъ періодѣ, доставившую ему нѣкоторую извѣстность въ ученомъ мірѣ. Въ началѣ семидесятыхъ годовъ, не поладивъ съ петербургской полиціей, онъ навсегда покинулъ Россію и поселился въ Швейцаріи. Одинъ изъ его французскихъ біографовъ полагаетъ, что его исключительная нѣжность ко всѣмъ «притѣсненнымъ» и столь же исключительная ненависть ко всѣмъ безъ различія «сильнымъ міра сего», есть результатъ тѣхъ дикихъ сценъ помѣщичьяго самоуправства, на которыя онъ насмотрѣлся до пресыщенія въ дѣтствѣ и юности. Съ одинаковымъ фанатическимъ безразличіемъ ненавидитъ онъ всѣхъ собственниковъ, всѣхъ носящихъ сюртуки, и утверждаетъ, что всѣхъ ихъ надо истребить. Но эта свирѣпость превращается въ самую сантиментальную нѣжность, когда дѣло касается не только притѣсненныхъ, но даже и падшихъ. При такомъ настроеніи, совершенно понятно, что, по его мнѣнію, какъ только всѣ «притѣснители будутъ уничтожены» (посредствомъ динамитныхъ бомбъ)—все пойдетъ къ лучшему въ этомъ лучшемъ изъ міровъ.

Эти два фанатика, изъ которыхъ одинъ вѣчно изучаетъ карты, а другой цѣлыми днями углубленъ въ чтеніе фоліантовъ въ British museum,—сдѣлались главными вожаками анархизма послѣ Бакунина.

Digitized by Google

Анархистскіе элементы, разсѣянные до того времени въ Парижѣ и совершенно безсильные, теперь, благодаря дѣятельности Бакунина, Реклю и Крапоткина, сплотились въ одно цѣлое и организовали сильную пропаганду. Какъ и Бакунинъ, истинный основатель анархизма, такъ и возникшая подъ его вліяніемъ анархистская школа требуютъ упраздненія государства во всѣхъ его формахъ. Первымъ слѣдствіемъ такого отрицанія есть избирательный абсентеизмъ, потому что подавать голосъ при избраніи депутата или при обсужденіи того или инаго проэкта закона въ палатѣ депутатовъ—значитъ участвовать въ организаціи государства, признавать его законность. Совершенно ясно, что люди, требующіе упраздненія государства, не могутъ принимать какого либо участія въ его дѣятельности... «Всеобщая подача голосовъ, — читаемъ мы въ одной брошюрѣ, озаглавленной «La Question électorale», — всеобщая подача голосовъ, которая всегда была орудіемъ политическаго обмана, не можетъ быть орудіемъ экономическаго освобожденія». Такимъ образомъ, первое слово анархіи есть абсентеизмъ. Но это только первое слово. «Не принимай участія,—продолжаетъ авторъ брошюры,—въ подачѣ голосовъ, но не думай, что этимъ кончается все твое дѣло. Твой абсентеизмъ есть только начало новой дѣятельности». На какую дѣятельность здѣсь намекается? На то, что̀ нѣсколько позднѣе было названо «пропагандой дѣломъ», т. е., говоря безъ обиняковъ, на покушеніе противъ лицъ и предметовъ собственности. Пропаганда дѣломъ, съ цѣлью устрашать охранителей настоящаго порядка вещей,—вотъ средство, придуманное Бакунинымъ.

Въ 1880 году былъ основанъ анархистскій еженедѣльный листокъ: «La Révolution sociale». Съ перваго же своего нумера, согласно рецепту Бакунина, этотъ листокъ сталъ печатать свѣдѣнія о самыхъ сильныхъ взрывчатыхъ веществахъ, въ статьяхъ подъ заглавіемъ: «Études scientifiques». Слѣдуетъ, однако, прибавить, что «пропаганда дѣломъ» возникла первоначально не во Франціи. Во всѣхъ подробностяхъ эта пропаганда была развита Мостомъ и Гассельманомъ, нѣмецкими анархистами. Первымъ примѣненіемъ этой пропаганды во Франціи было покушеніе противъ статуи Тьера въ Сенъ-Жерменѣ. Вотъ какъ этотъ инцидентъ былъ описанъ въ «Révolution sociale»: «Пропаганда дѣломъ.—Въ своемъ послѣднемъ засѣданіи, французскій революціонный комитетъ рѣшилъ, что, въ видѣ предостереженія буржуазіи, необходимо приступить къ дѣйствію. Было постановлено, что статуя отвратительнаго палача, бывшаго представителемъ этой буржуазіи, должна исчезнуть. Въ ночь съ 15 на 16 іюня, статуя Тьера была частью взорвана взрывчатой хлопчатой бумагой (fulmi-coton). Эта экзекуція есть только прелюдія (*sic*)

Digitized by Google

къ другимъ событіямъ болѣе дѣйствительнымъ, которыя не могутъ быть предупреждены никакими полицейскими мѣрами. Смерть эксплуататорамъ! Да здравствуетъ соціальная революція!—Подписано: Исполнительный комитетъ». По поводу этого покушенія, въ нѣкоторыхъ парижскихъ газетахъ разсказывалось, что для уничтоженія статуи Тьера былъ образованъ исполнительный комитетъ изъ десяти человѣкъ. Было рѣшено, что въ концѣ засѣданія по жребію будетъ назначено лицо, которое должно исполнить рѣшеніе комитета. Комитетъ засѣдалъ ночью въ Сенъ-Жерменскомъ паркѣ. Жребій палъ на молодаго человѣка, почти юношу, которому нисколько не хотѣлось совершать этотъ безобразный актъ варварства. Онъ умолялъ комитетъ не принуждать его къ этому. Комитетъ, въ концѣ концовъ, тронутый его просьбами, освободилъ его отъ этой обязанности. Послѣ цѣлаго часа преній, три члена добровольно взяли на себя это дѣло: знаменательный актъ былъ совершенъ, но почти безъ всякаго успѣха.

Въ наши намѣренія не входитъ болѣе подробный разсказъ о другихъ «знаменательныхъ актахъ», совершонныхъ анархистами во Франціи и въ другихъ государствахъ; но необходимо сказать нѣсколько словъ о программѣ анархистской школы послѣ Бакунина. Эту программу старались формулировать многіе,—Готье, Гравъ, Элизэ Реклю и Крапоткинъ. Но ни одному изъ нихъ не удалось, разумѣется, формулировать свой общественный идеалъ хоть сколько-нибудь опредѣленно и вразумительно для человѣческаго смысла. Въ книгахъ, брошюрахъ и статьяхъ этихъ «теоретиковъ анархизма» мы не встрѣчаемъ ничего, кромѣ пошлыхъ, банальныхъ общихъ мѣстъ самаго низменнаго, уличнаго политиканства; ни одной оригинальной мысли, ни одного положительнаго вывода! Вездѣ однѣ лишь дутыя фразы революціоннаго жаргона. Можно навѣрное сказать, что̀ еслибы Прудонъ всталъ изъ гроба и познакомился съ тѣмъ, что̀ теперь пишутъ его якобы послѣдователи, то онъ навѣрное сгорѣлъ бы со стыда...

Наиболѣе систематическимъ изложеніемъ программы современнаго анархизма нужно признать небольшую книгу Крапоткина, озаглавленную: «La conquête du pain». Мы указываемъ на эту книгу, потому что основныя положенія ея вполнѣ сходятся съ положеніями Реклю, Грава и Готье и со всѣмъ тѣмъ, что̀ было высказываемо анархистами, болѣе или менѣе образованными, на судѣ. Но книга Крапоткина имѣетъ то преимущество, что авторъ «старался» систематизировать свой матеріалъ, воздерживался, на сколько могъ, отъ общихъ фразъ, входилъ въ подробности будущей организаціи и, кромѣ того, по своему былъ вполнѣ искренень и откровененъ. И, тѣмъ

Digitized by Google

не менѣе, дикая программа, изложенная Крапоткинымъ, есть не болѣе, какъ повтореніе старыхъ, заношенныхъ фразъ революціоннаго политиканства безъ малѣйшей оригинальности. Удивительно, какъ люди научно-образованные могутъ довольствоваться этимъ дешевымъ революціоннымъ жаргономъ!

Вся программа сводится на положенія самаго обыкновеннаго, устарѣлаго коммунизма. Эти «теоретики», къ стыду своему, не избѣжали такихъ затасканныхъ и избитыхъ афоризмовъ, какъ напримѣръ, знаменитый афоризмъ: à chacun selon ses besoins или: à chacun selon ses facultés. Соціальное богатство будетъ предоставлено въ распоряженіе всѣхъ (это очень просто и легко осуществимо!) и такъ, чтобъ каждый, трудясь смотря по своимъ способностямъ, могъ потреблять, смотря по своимъ нуждамъ. Какъ это ново и какъ оригинально! Вся программа сводится къ одному слову: *экспропріація*. Крапоткинъ заявляетъ, что это слово: «экспропріація» должно быть безповоротно связано со словомъ: анархія. «Экспропріація,—говоритъ онъ,—вотъ лозунгъ приближающейся революціи, если только эта революція намѣрена выполнить свою историческую задачу. Экспропріація всѣхъ тѣхъ, у кого есть средства эксплуатировать людей; возвратъ въ общую сокровищницу націи всего того, что̀ можетъ служить, въ рукахъ кого бы то ни было, средствомъ эксплуатаціи другихъ. Необходимо теперь же и впредь безпрестанно стараться распространять идею экспропріаціи всѣми средствами, доступными намъ. Пусть каждый изъ нашихъ поступковъ имѣетъ въ своемъ основаніи эту идею; слово «экспропріація» должно проникнуть въ каждую страну; оно должно быть предметомъ обсужденія въ каждой деревнѣ, и для каждаго рабочаго, для каждаго крестьянина оно должно быть неотъемлемой частью анархіи. И тогда мы можемъ быть увѣрены, что, когда наступитъ день революціи, это слово будетъ на устахъ у всѣхъ; что оно страшно прозвучитъ, провозглашенное цѣлымъ народомъ, и что кровь народа будетъ пролита не понапрасну... Мы ни за что не тронемъ даже кролика крестьянина, до тѣхъ поръ пока онъ его кормитъ, не прибѣгая къ платному труду. Но мы будемъ экспропріировать все то, что̀ производится не руками тѣхъ, которые въ настоящее время владѣютъ землей. А когда соціальная революція станетъ совершившимся фактомъ, когда городской рабочій будетъ работать не на патрона, но на нужды всѣхъ (будетъ ли ему легче отъ этого?) тогда цѣлыя рабочія толпы, радостныя и счастливыя (ужь будто непремѣнно счастливыя?) направятъ свои шаги въ деревню, подвергнутъ экспропріированныя поля обработкѣ, которой недоставало имъ, и превратятъ въ теченіе какихъ нибудь нѣсколькихъ дней (такъ

Digitized by Google

скоро?!) пустоши въ плодородныя поля, внося довольство въ страну и доставляя всѣмъ богатые и разнообразные продукты, производимые землей, свѣтомъ и теплomъ... Одна лишь общая экспропріація можетъ удовлетворить толпу страдающихъ и притѣсненныхъ. Изъ области теоріи ее необходимо перенести въ область практики. Но для того, чтобы экспропріація соотвѣтствовала принципу, который заключается въ томъ, чтобы упразднить частную собственность и отдать все всѣмъ,—необходимо, чтобы она была произведена въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Въ малыхъ размѣрахъ она будетъ только вульгарнымъ грабежемъ; въ большихъ же это—начало соціальной революціи» (все дѣло, значитъ, только въ размѣрѣ *грабежа*?).

Во всѣхъ писаніяхъ современныхъ анархистовъ-теоретиковъ нельзя, при самомъ старательномъ и тщательномъ изученіи, отыскать другой принципъ, кромѣ этого принципа экспропріаціи,—экспропріаціи частной собственности во всѣхъ ея видахъ,—земли, квартиры, мебели и пр. Съ наивностью, которой нельзя не удивляться, хотя во всякомъ случаѣ можно позавидовать, Кропоткинъ, въ своей книгѣ: «La conquête du pain», рисуетъ идиллическую картину, какъ дворцы-де, точно по мановенію волшебной палочки, превратятся въ мастерскія или въ больницы; какъ человѣкъ, занимающій большую квартиру, добровольно отдастъ ее во владѣніе бѣдному рабочему, а бѣдный человѣкъ, въ свою очередь, не будетъ заявлять никакихъ претензій на большую квартиру... до тѣхъ поръ пока онъ не будетъ въ ней нуждаться. Среди людей будетъ вѣчное,— такъ сказать, en permanence,—ликованіе; судовъ не будетъ, потому что въ этомъ блаженномъ состояніи некого будетъ судить; каждый будетъ довольствоваться только необходимымъ и всѣ будутъ невыразимо счастливы... А что на всѣхъ достанетъ не только необходимаго, но и всякихъ удобствъ, и даже роскоши,—это само собой разумѣется! Вѣдь культурное человѣчество въ теченіе столькихъ столѣтій накапливало богатства, которыя теперь лежатъ, не принося никому пользы; оно строило громадные города, создавало предметы роскоши, усовершенствовало до невѣроятной степени орудія труда, пользовалось природой и ея богатствами. И этихъ богатствъ теперь накопилось столько, что ихъ достанетъ на всѣхъ обездоленныхъ и несчастныхъ,—стоитъ только отнять эти богатства и эти предметы роскоши у тѣхъ, которые незаконно ими теперь владѣютъ; незаконно, потому что вѣдь тотъ или иной предметъ былъ созданъ не руками нынѣшняго его владѣльца, а руками и трудомъ тысячи другихъ людей, которые за этотъ трудъ получили только право на нищенское существованіе. Значитъ, этотъ предметъ принадлежитъ не нынѣшнему владѣльцу его, а всѣмъ; онъ—достояніе всѣхъ.

Digitized by Google

Книгу Крапоткина стоитъ прочесть... съ точки зрѣнія потѣшнаго водевиля. Но неужели же господа анархисты думаютъ, что такого рода пошлостями можно не то, что произвести соціальную революцію, но даже и «соблазнить единаго отъ малыхъ сихъ»?

В. Чайко.

Digitized by Google

СВѢТУ БОЛЬШЕ!

Историческій романъ.

IX.

Прошло съ небольшимъ два года.

Ранней весной 1701 года, по пути отъ Макарьева, — что на Волгѣ противъ Лыскова,—дремучимъ боромъ, который тянется вдоль рѣчки Керженца, извилистой лѣсной тропою пробирались два путника. Одинъ—небольшой, сухенькій и сѣденькій старичокъ въ темной одеждѣ странника, съ посохомъ и котомкой за плечами; другой — коренастый, здоровый мужикъ въ сѣромъ армякѣ, тоже съ котомкой и толстой дубиной, въ видѣ рогатины, съ острымъ желѣзнымъ наконечникомъ.

Утро было ясное, тихое. Изрѣдка только верхушки столѣтнихъ сосенъ шептались между собою, какъ бы передавая какую-то невѣдомую людямъ вѣсть другимъ великанамъ бора. Слышно было гулкое постукиванье дятловъ о сухую кору деревьевъ, да изрѣдка—глухая, какая-то деревянная дробь, издаваемая въ глубинѣ лѣса зеленой желной. Бѣлки неслышно перескакивали съ дерева на дерево, точно летали по воздуху, и только изрѣдка роняли на землю сосновую или еловую перезрѣвшую шишку.

— Ишь, божьи отшельнички, керженскіе скитнички,—улыбнулся старикъ, взглянувъ наверхъ.—По своему Бога славятъ.

— Это бѣлки-то? — тоже глянулъ на деревья мужикъ.— Ну, и продувныя же! Махонька, махонька, а ума съ мужичью голову:—лучшее что ни есть зерно въ свои амбары тащитъ... А посмотрѣлъ я, какъ онѣ черезъ воду переправляются—диву дался! Смотрю,—ихъ десятка може два, а то и поболѣ—хвосты къ верху, словно паруса, и лапочками-лапоч-

Digitized by Google

ками эдакъ по водѣ мелятъ таково быстро... Фу ты, пропасть!—А чтобы замочить хвостъ—ни-ни-ни, Боже мой! — потонетъ, коли хвостъ замочитъ... это смыслитъ, дрянь эдакая.

— Божья премудрость, что̀ и говорить!—вздохнулъ странникъ.

Вдругъ мужикъ свиснулъ.

— Ахъ ты, косой!—засмѣялся онъ:—хотѣлъ намъ дорогу перебѣжать. А теперь, вишь, на часахъ стоитъ.

Онъ указалъ рукой. Тамъ впереди, на небольшой прогалинкѣ, остановился заяцъ, присѣлъ на заднія лапки и, шевеля ушами, глядитъ на путниковъ.

— Уже и любопытенъ ты, дурачокъ, словно баба,—продолжалъ мужикъ. — Самъ трусъ, изъ трусовъ трусъ, а свисни только—и уши развѣситъ: — что̀, молъ, такое да какъ? Ну, и стрѣляй въ его.

— Беззащитенъ ёнъ—потому:—всего и пужается.

Зайчикъ, точно одумавшись, заковылялъ въ сторону. Путники продолжали идти молча. Кой-гдѣ сквозь чащу деревьевъ проглядывало ласковое весеннее солнце.

— А однова̀,—усмѣхнулся мужикъ,—дакъ я видѣлъ храбраго зайца—смѣхъ одинъ!—Ходилъ я этта—до набору дѣло было—по ягоду, по клюкву. Иду этта перелѣскомъ, колѝ вижу—что̀ за оказія!—косо̀й съ ума спятилъ!—я такъ и прикипѣлъ на мѣстѣ:—смотрю, что̀ будетъ?—Передъ косымъ кустъ боярышника. Вотъ мой коsòй все, вижу, скокъ да скокъ на кустъ, да инда падаетъ. Скокъ да скокъ—тьфу ты пропасть! Съ чего бы, думаю, зайцу съ ума сойти? Да смѣшной такой... Колѝ глядь—на кусту ворона сидитъ:—это косой на ворону ополчился—ворону пымать, думаю, хочетъ. Не ѣсть же онъ ее, мекаю, станетъ:—все ѣлъ капустку, да кору у молодыхъ деревъ грызъ, а тутъ на!—мяса косой захотѣлъ—дичинки! А ворона себѣ и въ усъ не дуетъ—глядитъ на косаго свысока, да и на-поди. А тотъ старается, тотъ скачетъ:—все сидѣнье себѣ, поди, отшибъ... Дай, думаю, погляжу, съ чего это мой косой на брань ополчился, словно *наш*-отъ на шведа... А шведъ-отъ не воронѣ чета:—*нашему*-то подъ Ругодевомъ лихо въ загривокъ наклалъ... Ну, подхожу я къ кусту—ворона снялась себѣ, полетѣла, и косой отковылялъ въ сторону: меня испужался. Думаю себѣ—не въ кустѣ ли загадка? Гляжу—ничего не вижу.

Digitized by Google

Колѝ развернулъ кустъ, заглянулъ въ гущину,—анъ тамъ зайчатки махоньки-махоньки, чтò мышата.

— Дѣтокъ, стало быть, зайчикъ отъ вороны оберегалъ какъ умѣлъ,—заключилъ старикъ.

— Точно... откуда и храбрость взялась! А смѣшенъ былъ, не приведи Богъ, смѣшенъ,—снова усмѣхнулся мужикъ.

— Да и *нашего*-то на смѣшкѝ нонѣ вся Москва подымаетъ.

Они продолжали идти дальше. Боръ все становился дремучѣе и мрачнѣе, хотя солнце поднялось значительно выше. Въ просвѣтахъ, надъ верхушками сосенъ, проглядывало голубое небо—высоко, высоко.

— А ужь недалече и скиты,—тихо сказалъ старикъ.

Вдругъ впереди, въ чащѣ, что-то захрустѣло сухимъ валежникомъ.

— Охъ, Господи! — испуганно прошепталъ старикъ и попятился назадъ.

— Ты чего испужался?

— Охъ, Господи!—гляди вонъ, человѣче,—звѣрь.

— А!—мишукъ... Да какой ядрёный-матерòй... Только ты не бойся: коли человѣкъ его ранѣ запримѣтитъ—онъ не кинется:—у этого звѣря таковъ законъ. А онъ насъ не видалъ,—успокоивалъ старика мужикъ.—Да съ моей рогатиной я и не боюсь его—не впервòй.

Медвѣдь, между тѣмъ, шелъ впередъ, и путники, укрывшись за однимъ деревомъ, видѣли, какъ онъ остановился и, поднявъ громадную голову, видимо обнюхивалъ воздухъ.

— Насъ чуетъ,—прошепталъ старикъ.

Подвинувшись нѣсколько впередъ, медвѣдь остановился около одной сосны, подъ которой, около ствола, виднѣлась солома. Медвѣдь началъ разрывать и обнюхивать солому. Затѣмъ онъ, взглянувъ вверхъ на сосну, сталъ взбираться на нее.

— Ба-ба!—вишь, лакомка, — улыбнулся мужикъ: — медку косолапый захотѣлъ.—Видишь, на соснѣ борть пчелиная.

— Вижу, вижу,—прошепталъ старикъ.

Сажени на двѣ отъ земли, къ стволу сосны былъ прикрѣпленъ улей. Къ нему-то и пробирался косматый пасѣчникъ. Съ ловкостью акробата двигалось вверхъ неуклюжее, грузное чудовище. Слышно даже было, какъ мишка отъ усердія сопѣлъ.

Digitized by Google

— Ишь старается, куцый,—усмѣхнулся мужикъ.

Но вдругъ медвѣдь пріостановился. Оказалось, какъ замѣтили наши спутники,—что косматому пасѣчнику преграждали дальнѣйшій путь два громаднѣйшихъ обрубка, въ нѣсколько обхватовъ толщины, подвѣшенные подъ ульемъ. Медвѣдь отстранилъ правой лапой одинъ обрубокъ, но онъ, качнувшись въ сторону, снова повисъ у самой лапы звѣря. Мишка сердито ударилъ, лѣвой лапой, другой обрубокъ—та же исторія! — Тутъ онъ, разсвирѣпѣвъ, со всего размаху хватилъ по первому своему недругу; но массивный обрубокъ, отлетѣвъ далеко впередъ, воротился тотчасъ же назадъ, и такъ ударилъ въ носъ хищника, что онъ отъ боли и злости заревѣлъ благимъ матомъ.

Безстрашный мужичина, прятавшійся за деревомъ, такъ и схватился за животъ, боясь громко захохотать.

— Вотъ дурень! самъ себѣ морду расквасилъ.

Но озлобившійся медвѣдь, желая наказать своего врага, снова колотилъ по немъ лапою, и снова еще пуще ревѣлъ отъ боли и злобы. Страшный ревъ его разносился по всему лѣсу.

Вдругъ наши путники замѣтили, что по землѣ, извиваясь змѣйкой между деревьями, побѣжалъ откуда-то съ дымкомъ огонекъ... Дальше-дальше... Вотъ онъ добѣжалъ до сосны, на которой возился и ревѣлъ медвѣдь,—и мгновенно подъ сосной вспыхнула яркимъ пламенемъ солома... Огненные языки быстро побѣжали вверхъ по стволу сосны, касаясь самыхъ пятокъ медвѣдя. Ошеломленный лѣсной царь растерялся совсѣмъ... Ревъ испуга огласилъ лѣсъ...

— Ага, братъ!—громко разсмѣялся нашъ мужикъ, выступая изъ-за дерева: — попался, точно *онъ самъ* подъ Ругодевомъ...

Не видя спасенія и поджариваемый огнемъ, медвѣдь, какъ снопъ, всѣмъ своимъ грузнымъ тѣломъ свалился прямо въ пламя...

Впереди послышались голоса, крики, смѣхъ, свистъ...

— Улю-лю-лю!—улю-лю-лю! — неслись по лѣсу крики и хохотъ.

Медвѣдь, обезумѣвшій отъ боли и страха, выскочивъ изъ огня, бросился бѣжать... прямо на нашихъ путниковъ.

Спрятаться было некуда. Медвѣдь увидалъ врага, остано-

Digitized by Google

вился, поднялся на заднія лапы и, переваливаясь, какъ тучная брюхатая баба, пошелъ прямо на рогатину, ревя угрозой.

— А! — ты бороться... ну, давай, кто кого... Нна-жь тебѣ!

Рогатина угодила прямо подъ лѣвую лопатку страшнаго звѣря, но не выдержала грузнаго тѣла и переломилась, какъ лучинка... Медвѣдь упалъ прямо на своего врага, опрокинувъ его своею тяжестью. Но страшные когти звѣря въ предсмертной борьбѣ скользнули мимо черепа врага и рвали землю и корни дерева. Изъ пасти его съ хрипѣньемъ вылетала кровавая пѣна...

— Задралъ, задралъ человѣка!—раздались голоса.

Медвѣдя окружили скитники, бѣжавшіе по его слѣдамъ съ дубьемъ и топорами.

— Онъ еще живъ, отцы... Стащимъ звѣря.

— Живѣй—не задохся бы... эка туша!.. Ташши, ташши!

Мертваго медвѣдя стащили съ трудомъ.

— Ну, и чижолъ же, анаѳема!—мало не задушилъ, проклятый!—поднимаясь съ земли, весь облитый кровью, тяжело передохнулъ нашъ мужикъ.—Спасибо, отцы... А рогатину сломалъ аспидъ...

— Ермилушко-свѣтикъ!—какими путями?

Это говорилъ высокій, статный старикъ-скитникъ съ огромною золотисто-каштановою бородой, сильно тронутой просѣдью, обнимая нашего старенькаго странника, который все еще не могъ прійти въ себя отъ испуга.

— Отъ святыхъ угодничковъ Зосимы и Савватія, али съ каменной Москвы? Что тамъ у васъ на міру творится?—продолжала борода радостно.

— Послѣ, послѣ, Кирилушка... Дай передохнуть,—отбивался старикъ.

— А это кто съ тобой, богатырь Илья Муромецъ? Поклонъ тебѣ, человѣче, добру молодцу... А нашъ-отъ мишутка мало не задралъ тебя... Не будь рогатины...

— Что жь это вы, отцы, за Ругодевъ такой устроили на соснѣ?—спросилъ побѣдитель медвѣдя, вытирая на себѣ кровь травой.

— Это что нѣмцы Нарвой зовутъ?—спросила борода.

— Нарвой, гдѣ *самъ*-отъ также благимъ матомъ ревѣлъ,

Digitized by Google

какъ и этотъ вотъ,—отвѣчалъ побѣдитель, толкая ногой мертваго медвѣдя.

— Ужли ревѣлъ?—обступили побѣдителя скитники, видимо сгорая отъ любопытства. — Такъ *ему* и надо... А ты ужлѝ самъ *его* видѣлъ?.. Разскажи, родной.

— Разскажу, разскажу, отцы, дайте срокъ... А кому эта самая шуба достанется?—указалъ онъ на медвѣдя.

— Тебѣ, тебѣ, богатырь, за твою кровь,—сказала борода, кого Ермилушко назвалъ Кириломъ и кто, повидимому, былъ старшѝмъ между скитниками.—Этотъ никоніанецъ лѣсной—онъ указалъ на медвѣдя — намъ жить не давалъ: медъ у насъ кралъ прямо изъ бортей, борти уносилъ и разбивалъ, овсы наши толокъ и травилъ, скотинку задиралъ,—словомъ, Мамай сущій. Мы вотъ и учинили ему забавушку—ляжки ему осмолили, что кабану осенью, а морду себѣ онъ самъ наколотилъ своею дуростью... Не случись ты съ рогатиной, онъ бы отъ насъ опять убѣжалъ въ трущобы... Что жь мы, отцы, моримъ здѣсь добрыхъ людей,—вдругъ прервалъ онъ себя:—волоките *самого* къ скитамъ, а мы за вами.

Скѝтники прикрутили къ заднимъ ногамъ медвѣдя прочные пояса и потащили его къ главному скиту.

X.

Главный скитъ Керженскихъ лѣсовъ представлялъ нѣчто въ родѣ стариннаго острога, расположеннаго на небольшой лѣсной полянѣ. Самое зданіе скита съ моленною окружалъ высокій прочный частоколъ съ острыми зубьями наверху. Эта прочная ограда, напоминавшая крѣпость, имѣла одни массивныя ворота, выходившія на поляну, съ небольшимъ оконцемъ—«слуховое-дозорное»; другія, небольшія, едва замѣтныя для непривычнаго глаза, оконца выходили въ лѣсъ, близко подступавшій къ задней сторонѣ ограды. Внутри, вдоль ограды, шли навѣсы, амбары, клѣти и другія хозяйственныя строенія. По серединѣ ограды стояла обширная изба съ сѣнями, изъ которыхъ двое дверей вели: направо—въ обширную моленную, налѣво—въ свѣтлицы и горницы. Моленная вся уставлена была старинными образами, изъ коихъ многіе были въ дорогихъ серебряныхъ окладахъ съ золотыми вѣнцами. Передъ главными

Digitized by Google

образами теплились лампадки. На темно-малиновомъ аналоѣ лежали евангеліе въ оправѣ и серебряное распятіе. По стѣнамъ висѣли портреты протопопа Аввакума и другихъ «ревнителей истинной вѣры». Вдоль стѣнъ тянулись лавки.

— Я роду царскаго—отъ самого царя Гороха и царицы Чечевицы,—откашлявшись, началъ побѣдитель медвѣдя.

Это происходило въ моленной, гдѣ скитники принимали дорогаго гостя, «странничка» Ермилушку, и его спутника, который обѣщалъ повѣдать нѣчто очень важное о *самомъ*...

— Зовутъ меня Микитой, Ничеевъ сынъ, Непомнящій,—продолжалъ побѣдитель мишки.—Ничеевъ я по отчеству, отцы, потому—я ничей сынъ и не помню ни отца, ни матери, да ихъ у меня и не было. А завелся я, отцы, съ плѣсени въ помойномъ ведрѣ, а какъ помои-то выплеснули на навозную кучу и солнышко плѣсень пригрѣло, я и пошелъ въ ростъ. Дальше-больше, выросъ я въ косую сажень. А какъ я былъ большаго роду, то и пошелъ въ гору:—сдѣлали меня ни много, ни мало—царскимъ ловчимъ — ловилъ я блохъ у казенныхъ псовъ...

— Чинъ не маленькій,—засмѣялся скитскій «учитель» съ золотисто-каштановой огромной бородой, старецъ Кирилъ.

— А однова увидалъ меня *самъ* за моимъ рукомесломъ—на блошиной охотѣ—да и говоритъ:—«этого орѣсину запиши ты, Данилычъ, въ преображенцы, понеже-де ему блохъ ловить не подобаетъ»... И записали меня въ преображенцы.

Непомнящій остановился. Скитники слушали внимательно. Они догадывались, что рѣчь скоро дойдетъ до самой сути.

— Скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается,—снова продолжалъ балагурить Непомнящій.—Задумалъ *онъ* чужимъ медкомъ полакомиться, вотъ какъ этотъ нонѣ, что мнѣ знатную шубу подарилъ. А борть-то съ медомъ въ чужой пасѣкѣ—въ свейской, да и пасѣчникъ-ту у ей свейскій нѣмецъ... Вотъ и пошли всѣ мы къ той пасѣкѣ, къ городу Ругодеву.

— Это по ихнему Нарва,—замѣтилъ скитскій «учитель».

— И точно что Нарва:—нарвался *нашъ*-отъ, какъ и вашъ же нонѣ на соснѣ... *Онъ* ее, борть-ту, лапой, а она *его* по носу, а пчелы лѣзутъ и въ глядѣлки, и въ слухачи...

Многіе изъ скитниковъ разсмѣялись... — «Ловко *его* въ мишки произвелъ»!.

Digitized by Google

— Долго ли, коротко ли, а идемъ мы къ этой анаѳемской пасѣкѣ:—впроголодь да вподколоть—ни корму у насъ, ни одежонки, ни сапожишекъ... Однимъ словомъ—босоты да наготы изнавѣшены шесты... Добрели кое-какъ въ самыя филиповскія зябели до этой укрѣпушки; развели мы костры, пообсушились малость, а на утро учали изъ пушекъ палить:—день палимъ, два палимъ... Вдругъ слышимъ, сказываютъ наши:—главный нѣмецъ, что былъ правой рукой у *самого*—убёгъ въ пасѣку—пятками только покивалъ,—учуялъ, стало быть, что наша не выгораетъ... Ну, и лютовалъ же *нашъ*:—ревѣлъ, что вотъ нонѣшній же... И велѣлъ онъ, осерчавъ, сдѣлать куклу того нѣмчина, что убёгъ, чтобы надругаться надъ ней. А у нѣмца того, сказать надо, на Москвѣ оставалась жена съ робятками:—дакъ онъ и велѣлъ повѣсить ту куклу супротивъ оконъ нѣмчиновой жены, чтобъ она и дѣти все это видѣли...

— Чѣмъ же дѣтки-то винны?—замѣтилъ одинъ скитникъ.

— А тѣмъ, что онъ осерчалъ,—невозмутимо продолжалъ Непомнящій.—Колѝ слышимъ—прискакалъ Борисъ Шереметевъ,—говоритъ:—самъ Карла идетъ.... Ну, тутъ ужь *нашему* не до меду—надо искать броду... Да въ ту же ночь съ сосны, отъ борти—задомъ, задомъ.

— Убёгъ?—спросилъ кто-то.

— Только пятки засверкали... Это не потѣшный дворъ...

— Бѣгу яся,—улыбнулся скитскій «учитель».—Это не бороды, видно, стричь,—погладилъ онъ свою бороду.

Одинъ Ермилушка молчалъ. Онъ видѣлъ, что на Непомнящемъ сосредоточено общее вниманіе. Теперь, онъ зналъ, не вывезутъ его на высоту оратора ни «врата адовы», въ которыя онъ стучалъ своею клюкой, ни «пупъ земли», на которомъ онъ читалъ муринамъ «Златый Бисеръ», ни «китъ», на которомъ земля держится и котораго одинъ плавникъ онъ самъ видѣлъ, ни даже, наконецъ, «бѣсъ Фармагѣй», на которомъ онъ ѣздилъ въ Іерусалимъ и которому четверговой свѣчой опалилъ его бѣсовскій хвостъ за то, что Фармагѣй хотѣлъ его, Ермила, въ море-океанъ сбросить. Теперь скитниковъ занимаетъ болѣе существенный вопросъ о *немъ*, о томъ, котораго подъ Нарвою посрамила Богородица за «святыя брады» и за нѣмецкое платье.

Digitized by Google

— Ну, и остались вы одни, безъ него? — интересовались скитники.

— А нѣмцы на что? Осталось этой слякоти столько, что и до Москвы не перевѣшать,—отвѣчалъ Непомнящій. — Этта въ ночь онъ лыжи навострилъ, а утречкомъ самъ Карла нагрянулъ.—Гдѣ онъ? — пытаемъ другъ дружку:—гдѣ *самъ*?—Бѣжалъ,—говорятъ.—А Карла напираетъ—такъ претъ, чтобъ тебѣ прямо въ морду... Ну, думаю, за кого это мы должны помирать?—на что намъ чужой медъ, когда у насъ и сухой корочки нѣтъ?—*Ему* медъ, а не намъ, да и то онъ утекъ. Я возьми да и крикни:—Братцы, насъ нѣмцы продали!—*Самъ*-отъ убёгъ, а насъ покинулъ! бѣгимъ и мы за имъ!.. Мы-де *ему* присягали—крестъ цѣловали, а не нѣмцамъ...

— Ловко, парень, подвелъ!—одобрительно улыбнулся скитскій «учитель».

— Ну, отцы вы мои,—какъ сказалъ я это, — продолжалъ врать Непомнящій, — какъ пошло это мое слово по рядамъ, какъ шарахнутся наши ребятушки, — да на утёкъ, на мостъ, черезъ рѣку!.. Я и не очухался, какъ самого меня понесло словно волной—одинъ другаго претъ,—и я очутился за рѣкой... Смотрю—вдругъ мостъ рухнулъ!..—Матыньки мои, что тутъ было! Только и видно: либо голова изъ воды вынырнетъ, либо рука къ небу машетъ—милости проситъ, либо конь, потопая съ сѣдокомъ, жалобно ржетъ—за кого-де я, тварь несмысленная, погибаю?..

— Коня и всадника вверже въ море,—вдругъ торжественно проговорилъ Ермилушка,—словно фараона съ его воинствомъ въ Чермное море... Сказано бо въ писаніи: «и истрясе Господь египтяны посреди моря, и покры вода всадники и колесницы, и всю силу фараонову»...

— Такъ, такъ,—задумчиво проговорилъ «учитель».—Ну, и что же?—обратился онъ къ Непомнящему.

— Чего жь больше? Свейскимъ ратнымъ людямъ только и оставалось, что пристрѣливать въ водѣ гусей да лебедей нашихъ.

— А что въ Москвѣ было, какъ дошли туда слухи о ругодевскомъ побоищѣ!—снова заговорилъ Ермилушка, понявъ, что теперь пришла его очередь рисоваться.

— А что?—полюбопытствовалъ «учитель».

Digitized by Google

— Да вотъ я вамъ сейчасъ разскажу и покажу, — отвѣчалъ странникъ.—А подай-ка мнѣ, Кирилушка, святое евангеліе.

«Учитель» всталъ и взялъ съ аналоя евангеліе.

— Разверни отъ Іоанна главу осьмую-на-десять,—многозначительно сказалъ странникъ.

— Ну, развернулъ... Что за симъ?

— За симъ отыщи стихъ двадесять пятый. Что̀ сей стихъ глаголетъ?

— «Бѣ же Симонъ Петръ стоя и грѣяся»...

— Такъ, такъ... это на дворѣ первосвященника Анны, куда привели Господа нашего связана, а Петръ вошелъ за нимъ и сталъ грѣться у огня; бѣ бо зима...

— Ну, что жь?—нетерпѣливо спросилъ «учитель». — Мы это давно знали, еще съ дѣтства.

— Такъ,—невозмутимо подтвердилъ Ермилушка. — А теперь, другъ мой, разверни отъ Матѳея главу двадесять-шестую.

— Ну, развернулъ... Да не томи ты насъ... Чего еще?

— Прочти теперь стихъ сея главы послѣдній.

— Ну... что его читать?—всѣ знаютъ, какъ Петръ вспомнилъ предсказаніе Христа, что онъ отречется отъ него...

— Такъ, точно... И исшедъ вонъ, плакася горько.

— Что жь изъ этого?

Странникъ молча всталъ, взялъ съ лавки свою походную котомку, долго рылся въ ней и, наконецъ, вынулъ оттуда что-то небольшое, завернутое въ бумажку. Не торопясь, развернулъ онъ бумажку, вынулъ изъ нея что-то въ родѣ крупной монеты и торжественно положилъ на столъ.

Всѣ обступили это нѣчто.

— Гривна—не гривна, алтынъ—не алтынъ,—говорили нѣкоторые.

— А это что на немъ?—Кажись, городъ.

— Точно, городъ... А въ него изъ пушекъ стрѣляютъ... Ишь какой огонь!.. Да это, поди, Ругодевъ.

— А вотъ кто-то на огнѣ руки грѣетъ... И что-то подписано... Ну, грамотѣи, прочтите, что̀ тамъ написано?

— «Бѣ же Петръ стоя и грѣяся»,—прочелъ «учитель».

Онъ начиналъ догадываться, и посмотрѣлъ на странника.

Digitized by Google

Ермилъ молчалъ. Скитники переглядывались, не понимая, что̀ это и къ чему.

— Такъ это *онъ*?—улыбнулся «учитель».—«Стоя и грѣясь»... Ловко!..

— А переверни,—невозмутимо сказалъ странникъ.

«Учитель» перевернулъ монету.

— Вишь, солдаты бѣгутъ,—замѣтилъ кто-то.

— Такъ, такъ... это наши отъ Ругодева улепетываютъ.

— И точно—наши, наши... Ну, подвелъ! Вотъ такъ алтынъ!

— А кто впереди всѣхъ лататы̀ правитъ и ширинкой слезы утираетъ?

— Да и шапка съ головы свалилась, и саблю потерялъ... Ну, и храбрецъ же!

— Ишь заливается горючьмѝ слезами, бѣдный.

— Ахъ, братцы,—да это *самъ онъ*!

— Ой ли!—вотъ загогулину загнулъ!

— Да и подписано:—«и исшедъ вонъ, плакася горько»,—прочелъ «учитель».—Ну, да и злая же издѣвка! И кто такую издѣвку сотворилъ? Не иначе, поди, какъ на монетномъ дворѣ.

Странникъ торжествующе улыбался. Онъ всѣхъ доѣхалъ своей «гривной», которая оказалась сильнѣе «пупа земли» и занятнѣе бѣсовскаго хвоста, опаленнаго четверговою свѣчей.—И гдѣ ты, Ермилушка, раздобылъ такое добро?—Нашлись на Москвѣ такіе милостивцы,—уклончиво отвѣчалъ ханжа.—Ловко, ловко... Злокозненно загнули батюшкѣ,—задумчиво качалъ головою «учитель».

— Да, угобзили,—самодовольно улыбался бродяга.—Лядвея его наполнишася поруганія...

Скитнѝки ахали, смѣялись, разсматривая медаль [1]).

Въ это время, въ моленную стремительно вбѣжала хорошенькая дѣвочка лѣтъ четырнадцати, съ громадною русою косою до пятъ и съ букетомъ изъ фіалокъ въ рукахъ.

— Ахъ, батя, смотри, какіе цвѣтики! Это я со старицами ходила по пруточки для плетушекъ, и нарвала,—защебетала она, но, увидѣвъ незнакомыхъ людей, разомъ осѣклась.

— Ахъ ты, моя птичка-щебетунья!—съ нѣжностью погладилъ ее по головкѣ «учитель».

[1]) Такая кощунственная медаль, дѣйствительно, была вычеканена врагами великаго преобразователя.

Digitized by Google

XI.

Въ послѣднюю четверть XVII и въ первой половинѣ XVIII столѣтія Россія представляла изъ себя гигантскій потревоженный муравейникъ. Пришли какіе-то люди, стали копаться въ муравейникѣ, разбросали муравьйное добро—«яйца муравьиныя» (личинки)—передавили немало муравьевъ, напугали ихъ и пережгли многихъ брошенными въ ихъ исконное жилище горящими «сѣрниками»,—и вотъ муравьи разбрелись во всѣ концы необозримой страны своей, преимущественно на окраины и въ дремучіе лѣса, гдѣ и заложили себѣ новые муравейники и слились съ тѣми, которые существовали тамъ отъ сѣдой старины и въ которые какіе-то «новые люди» не бросали еще горящихъ «сѣрниковъ».

Потревоженные муравьи эти и были такъ называемые «старовѣры», люди старой Руси, которыхъ назвали «раскольниками». Этихъ муравьевъ было страшно много, несравненно больше, чѣмъ тѣхъ, которые разрывали ихъ муравейники и бросали въ нихъ горящіе «сѣрники».

По всему теченію Волги, Двины, Дона, Яика-Урала и ихъ безчисленныхъ притоковъ, и даже по великимъ сибирскимъ рѣкамъ, въ несмѣтномъ количествѣ кишили эти муравейники. Одинъ изъ могучихъ муравейниковъ засѣлъ и въ лѣсахъ по рѣчкѣ Керженцу.

— Да, ежели бы я собралъ всѣ свои рати—ратничковъ Христовыхъ — съ Волги, Дону, Яика да и московскихъ воевъ своихъ,—то мы бы всѣ *его* полки, и съ нѣмцами, шапками закидали и лаптями притоптали,—говорилъ Непомнящему керженскій «учитель» Кирилъ:—да только нашъ Христосъ сказалъ: «обнаживый мечъ—мечемъ погибнетъ».

— Точно... Лаптя и онучи на Руси сила,—иронически согласился Непомнящій, и игриво проговорилъ нараспѣвъ:

Лапоточки мои—рыта бархату,
Вы, онучки мои—объярь алая!

А въ это время Ермилушка, какъ сыръ въ маслѣ, катался въ женскомъ скиту Керженца. Туда притащила его большеросая Фимочка, которая только-что выскочила передъ читателемъ въ предыдущей главѣ,—дочка керженскаго «учителя» и «столпа»—Кирила.

Digitized by Google

«Старицы»—старыя и молоденькія, въ родѣ Фимочки—не знали куда посадить и чѣмъ накормить «свѣтика» Ермилушку. Бабьё, засѣвшее въ медвѣжьемъ углу Керженца, удаленное отъ жизни, ото всего міра, не удовлетворенное тѣмъ, что могла дать «вольная» жизнь,—изнывало до истерики, до кликушества—послушать розсказней всесвѣтнаго бродяги и враля по профессіи. Какъ же не послушать о «пупѣ земли» — что это за «пупъ» такой? А «бѣсъ» въ лаптѣ у Ермилушки?

— Не перекстилъ я однова обувь свою, а бѣсъ и заберись въ лапотокъ мой, и грызетъ тамъ онучку, словно бы мышонокъ махонькій—въ образѣ мышьемъ... Я его, голубчика, и застукалъ тамъ крестомъ святымъ, да за хвостъ...

— Охъ, дѣдушка!—испуганно воскликнула Фимочка. — И тебѣ не страшно было?

— Чего жь страшиться, дѣвонька? А крестъ на что? Да если крестъ, да съ вѣрою, такъ и горами ворочать можно.

— И ты, дѣдушка, ворочалъ?—Фимочка такъ и ѣла глазами враля.

— Ворочалъ, дитятка.

Фимочка даже подскочила.—Ахъ, дѣдушка, разскажи, какъ это было.

— Да такъ, ласточка:—иду я однова къ святымъ мѣстамъ черезъ Европію.

— А что это такое Европія, дѣдушка?

— Это, голубка, страна такая ефіопская, а въ ней все ефіопъ на ефіопѣ, черны, какъ уголь... Вотъ иду я, дѣвонька, по этой по Европіи, на райскія древа любуюсь да хвалю Господа, коли гляжу—предо мною превысочѣнная гора, путь мнѣ преграждаетъ... Какъ, думаю, перебраться чрезъ сію гору? А ноги мои старыя отъ пути притомились,.. Я и учалъ молиться съ вѣрою... Молюсь-молюсь, а самъ плачу... И что жь бы ты, ягодка, думала!.. Гляжу я, старый песъ, а гора тихонько-тихонько и стала двигаться—все такъ помаленечку, вправо, все вправо да вправо, да и остановилась въ сторонкѣ... Дорожку-ту мнѣ очистила,—ну, я съ молитвою и прошелъ, славословя Господа... Коли оглядываюсь, а гора-то тукъ-тукъ, тукъ-тукъ, тукъ-тукъ—и стала на мѣсто свое прежнее.

— Хорошо святому человѣку на землѣ,—благоговѣйно шептали «старицы», творя крестное знаменіе.

Digitized by Google

А Фимочка не унималась, сгорая любопытствомъ.

— А ты, дѣдочка, не досказалъ о бѣсѣ-то, котораго у себя въ лаптѣ пымалъ, что̀ твою онучку грызъ... Ты его за хвостъ... брръ!

— За хвостъ да кошкѣ.

— И кошка съѣла?

— Нѣтъ, ласточка, бѣса кошка не возьметъ... А я только его кошкѣ бросилъ—чтобы бѣсъ посрамленъ былъ.

— И онъ убѣжалъ?

— Нѣтъ!—шалишь!.. Я его, молодца, въ шапку, да шапку перекрестилъ, а черезъ крестъ ему не пересигнуть—ни-ни! Вотъ я взялъ тогда шапку, да къ князь-кесарю Ромодановскому, сатанинѹ клеврету, да того бѣса ему въ табачницу и посадилъ... А бѣсъ вò какъ любитъ табакъ! Какъ нюхнулъ этта Ромодановскій, бѣсъ и вскочѝ въ него чрезъ лѣвую ноздрю—правой бѣсъ не любитъ, ничего онъ праваго не любитъ, ягодка.

— Ну?—вся горѣла отъ любопытства Фимочка.

— И посейчасъ онъ сидитъ въ ёмъ и мудритъ на пагубу людемъ.

— А чѣмъ же ты, дѣдушка, кормился, когда по Европіи шелъ?

— Именемъ Христовымъ... Ефіопы кормили...

— Ефіопы! А они добрые?

— Для кого, ягодка.

— А какъ же ты съ ефіопами говорилъ?

— По ефіопски, дѣточка.

— А ты и по ефіопски умѣешь?

— Умѣю, голубка, и по нѣмецки умѣю.

— А ну, дѣдо̀чекъ, заговори маленечко по ефіопски, заговори, золотой! А мы послушаемъ... Ахъ, дѣдушка! научи и меня по ефіопски, и по нѣмецки, и по всякому... Я все, все хочу знать и видѣть, какъ и ты же...

Это въ керженскомъ скиту просыпалась будущая наша курсистка... «Все хочу знать, все хочу видѣть»... А ее держали въ скиту со «старицами», а мать и бабушка ея сидѣли въ теремѹ — тотъ же скитъ... А *онъ*, котораго муравьи-скитники проклинали, котораго считали антихристомъ, уже собирался прорубить окна изъ теремовъ прямо въ «Европію», гдѣ, по увѣренію Ермилушки—Магницкаго того времени—жили ефіопы.

Digitized by Google

Фимочка была ненасытна. Ей хотѣлось и «все знать», и говорить по ефіопски. «Старицы» не могли надышаться на это живое, полное жизненнаго огня, существо,—эту «непосѣду», вносившую свѣтъ солнца въ ихъ мрачную могилу. Молоденькія скитницы, напротивъ, завидовали ей—ея красотѣ, ея «трубчатой» невиданной косѣ, ея смѣлости и находчивости. Она одна теперь завладѣла общимъ ихъ утѣшеніемъ—Ермилушкой, и то дергала его за рукавъ, то заплетала ему крысиную косичку, то забиралась къ нему въ котомку. А теперь нà-поди! захотѣла говорить по ефіопски...

Но хитрый Ермилушка ловко увильнулъ отъ «Европіи» съ ея ефіопами, съ которыми онъ былъ, на словахъ, за панибрата...

— А я вамъ, матери и сестрицы, принесъ поклонъ отъ старицы Елены,—вдругъ заговорилъ онъ.

— Отъ какой старицы Елены? — снова вмѣшалась егоза Фимочка.

— Отъ бывыя царицы Евдокеи Ѳедоровны, ягодка.

Фимочка сдѣлала большіе глаза:—Какъ же, дѣдушка? Для чего ты царицу стàрицей называешь?

— Да какъ же, ягодка? Вѣдь *онъ*-то развелся съ нею и постригъ ее, матушку, въ дѣвичъ монастырь, въ Суздалѣ. Я вотъ, идучи къ вамъ съ Москвы, и заходилъ къ ней въ Суздаль—провѣдать матушку.

— И что жь она, голубушка? — почти въ одинъ голосъ спросили скитницы.

— Убивается, вò-какъ убивается, горемычная. А пуще за сыночкомъ тоскуетъ, за царевичемъ Алешенькой:—не пущаютъ его къ ней.

— О-охъ, бѣдная! и сынка-то отнялъ,—сожалѣли скитницы.—Каковò-то безъ роднаго дѣтища!

— Одно, говоритъ, у меня утѣшеніе—это ты, свѣтикъ Ермилушка,—хвастался бродяга.—Это мнѣ-то говоритъ матушка-царица. Да оно и не диво: то я ей, голубушкѣ, вѣсточку отъ сынка принесу, то благословеніе отъ святыхъ угодничковъ. Тѣмъ и живетъ... Ужь такова, видно, ея планида.

— А что это такое планида, дѣдушка?—не вытерпѣла Фимочка.

— У всякаго, ягодка, своя планида.

Digitized by Google

— И у тебя своя планида есть, дѣдушка?

— Есть, ягодка.

— И у меня?..

— И у тебя, солнышко.

— Что жь это за планида такая, дѣдушка? Ангелъ, что ли?

— Нѣтъ, дѣвонька: это звѣзда такая планида. Ужь зѣло хорошо объ сихъ планидахъ говорится въ божественской книгѣ, «Златый Бисеръ» глаголемой.

— Что жь тамъ говорится, дѣдушка?—не отставала Фимочка.

— А вотъ я прочту... Зѣло поучительно.

И старикъ всталъ, покопался въ своей котомкѣ и досталъ оттуда знакомую уже намъ рукописную книгу съ нелѣпыми разсказами обо всемъ.

— Вотъ въ главѣ сорокъ четвертой прописано о планидахъ,—продолжалъ онъ, развернувъ книгу. — Вотъ: «Понеже нѣкія планиды или звѣзды суть студены естествомъ, а нѣкія волглы естествомъ, то тѣ самыя естества пріемлетъ человѣкъ отъ звѣздъ: который человѣкъ студенаго и сухаго естества есть, той молчати любитъ и не скоро вѣритъ тому, что̀ слышитъ, дондеже испытно уразумѣетъ. А который человѣкъ студенаго и волглаго естества, той, что̀ ежели слышитъ, вскорѣ высказываетъ и много глаголетъ»...

— Это наша Фима,—ехидно замѣтила одна молоденькая, хорошенькая скитница, завидовавшая Фимочкѣ, общей любимицѣ.

— Ужь ты, студеная и сухая! — огрызнулась Фимочка:— молчала бы да слушала.

— Не ссорьтесь, сороки,—вмѣшалась старшая скитница.

— Чти, чти, Ермилушка,—послышалось со всѣхъ сторонъ.— Таково̀ занятно объ этихъ планидахъ.

Фимочка и Луша недружелюбно смѣрили другъ дружку хорошенькими, недовольными глазами.

— Слушайте,—продолжалъ Ермилушка.—«А который горячаго и сухаго естества, той есть дерзъ руками и храбръ, и имать желаніе на многія жены»...

— Охъ, матушки!—всполошились нѣкоторыя скитницы изъ молодыхъ.

— Ну, вы, дѣвки!—погрозила старшая.

Digitized by Google

...«и имать желаніе на многія жены и зѣло непостояненъ въ любви»,—продолжалъ торжественно читать Ермилушка.—«Сего ради писаніе повѣдаетъ: еже планида Марсъ или рещи Арисъ горячаго и сухаго естества, то которая жена родится подъ тою планидою, и тая жена бываетъ дерза языкомъ и имать желаніе на многіе мужи»...

— Охъ, матушки! страмъ какой!—возмутились скитницы.

— Ну-ну, дѣдушка, не слушай ихъ, — снова выскочила Фимочка.—Что еще тамъ говорится о планидахъ?

— А ты слушай, ягодка, и поучайся,—невозмутимо проговорилъ старикъ.—«И та жена зѣло непостоянна въ любви. А которая жена есть горячаго и волглаго естества, и та есть проста и милосерда, и замыслива, и зѣло къ похоти любива».

— А я, дѣдушка, котораго естества? — вдругъ выпалила Фимочка.

Старикъ уставился своими старческими глазами въ ясные глаза дѣвочки.

— Ты, ягодка, естества ангельскаго,—съ улыбкой проговорилъ онъ.—Вонъ изъ твоихъ чистыхъ глазокъ сами ангельчики выглядываютъ.

— Вовсе нѣтъ: она естества горячаго и сухаго,—проворчала Луша:—она дерза языкомъ и руками.

— Вотъ я тебя, злюка!—погрозилась на нее старшая скитница «матушка».—Тутъ святую книгу читаютъ, а она непутёвыми рѣчами оскверняется... Смотри ты у меня!

Въ эту минуту, надъ скитами разразился ударъ грома—первая весенняя гроза. Всѣ перекрестились... «Святъ, святъ, святъ»!

— Слышишь, непутёвая!—погрозилась «матушка» на Лушу.

Всѣ притихли. Ударъ слѣдовалъ за ударомъ. Полилъ дождь.

— Господь благодать посылаетъ: хлѣбушка будетъ,—прервалъ молчаніе Ермилушка.—А то, поглядишь, вездѣ-то бѣднота, безхлѣбье. А ясакъ подавай *ему*, чтобъ было на что пушки лить да православный народъ губить. Вонъ нонѣ въ Новѣгородѣ и во Псковѣ церкви разрушаетъ да изъ церквей крѣпости строитъ...

Послышался испуганный шопотъ, вздохи... «Церкви разрушаетъ»!..

Digitized by Google

— А со всей земли теперь колокола къ нему волокутъ со всѣхъ церквей и монастырей,—продолжалъ смутьянъ-бродяга:—и изъ святыхъ-то колоколовъ пушки да мортиры льетъ!

Дождь, быстро налетѣвшій, также быстро затихалъ. Раскаты грома все становились глуше и умолкали въ отдаленіи.

— А съ чего, дѣдушка, это громъ бываетъ? — опять первая заговорила притихшая было и струхнувшая грозы Фимочка.

— Отъ божья глагола, ягодка,—отвѣчалъ Ермилушка.

— Это у Бога гласъ такой?

— Глупенькая ты,—улыбнулся старикъ.—Вотъ послушай, что̀ говоритъ о громѣ «Златый Бисеръ».

Дѣвочка такъ и просіяла. И всѣ лица оживились, кромѣ хорошенькаго личика обиженной Луши.

— Вотъ оно, — хлопнулъ старикъ пальцемъ по книгѣ.—«Егда четыре великіе вѣтры, по изволенію всесильнаго Бога, пріидутъ отъ моря и на высотѣ аерской вкупѣ сразятся, и изъ нихъ бываетъ на высотѣ буря толь великая, еже воздухъ растерзати, и егда убо воздухъ и огнь вкупѣ смѣсится, тогда бываетъ на воздусѣ стукъ великъ, еже мы слышимъ и на земли, и то есть громъ, и егда убо воздухъ растерзается отъ огня, сице стрѣляетъ той огнь долу, еже то есть громовыя стрѣлы, и егда тѣ стрѣлы пріидутъ на землю, обрѣтаются видомъ сѣры, пріемлюще отъ воздуха дебелость свою», — безъ передышки прочиталъ скитскій профессоръ.

По смущенному личику Фимочки можно было догадаться, что она ничего не поняла, какъ ни утруждала свою хорошенькую головку. И остальная аудиторія только хлопала глазами, но показывала сосредоточенность и глубокое вниманіе. Да еще бы!—такія страшныя слова: и «стрѣлы громовыя», и «дебелость», и «сразятся вѣтры на высотѣ аерской»... Склоненная головка Фимочки видимо мучилась, запутавшись въ неразрѣшимыхъ вопросахъ. А спросить страшно: всѣ поняли, она только не поняла ничего... Еще дурочкой назовутъ, а эта злюка Лушка послѣ того проходу не дастъ...

Но была—не была! Она спроситъ... Пусть ихъ!

— Да нѣшто, дѣдушка,—робко заговорила она, — вѣтры тверды бываютъ, что они стукъ въ воздухѣ дѣлаютъ?.. Вѣдь воздухъ мягкій, вотъ!—И она махнула въ воздухѣ рукой.

Digitized by Google

Лица аудиторіи нѣсколько прояснились: вѣдь и онѣ такъ думаютъ, и нѣкоторые скептики тоже попробовали руками воздухъ, крѣпокъ ли онъ...

— А Богъ на что?—отвѣчалъ профессоръ авторитетно:— Онъ, Батюшка, и мягкое сдѣлаетъ твердымъ... Изъ воды ледъ дѣлаетъ.

Надо было удовлетвориться этимъ объясненіемъ. И всѣ опять пришли въ недоумѣніе. Фимочка даже вся раскраснѣлась отъ волненія.

— А какъ же огонь тамъ, дѣдушка, въ воздухѣ изъ вѣтра дѣлается?—съ отчаяніемъ спросила она.—Вѣдь тамъ, гдѣ тучи,—тамъ мокро... А отъ мокраго огонь не горитъ.

Глаза «матушки», какъ и остальныхъ скитницъ, видимо одобряли смѣлую дѣвочку.—Какъ же, въ самомъ дѣлѣ, мокрое будетъ горѣть, когда тамъ ни дровъ, ни соломы нѣтъ?

— Мокрò, ты говоришь, ягодка... Оно точно, что мокрò,— видимо путался самъ профессоръ.—А Господь на что?

Ну, это она и сама знала, что все Господь... А изъ воды все же огня не сдѣлаешь... Фимочка была совсѣмъ недовольна, даже надулась...

— Вотъ и «дебелость отъ воздуха», читалъ ты,—заговорила она уже задорнымъ тономъ. — Какая въ воздухѣ дебелость? Дунь, и ее нѣтъ... Вонъ къ намъ изъ сусѣдскаго скита приходитъ часто мать Серафима, и намедни была, такъ у нея, точно, дебелость, и всѣ ее называютъ дебелой матушкой...

Взрывъ хохота всей аудиторіи прервалъ ея разсужденія, такъ что дѣвочка даже растерялась: она говорила серьезно, и вдругъ—всѣ смѣются. Она такъ смутилась, что въ ея ясныхъ, невинныхъ глазахъ показались даже слезы...

— Ахъ ты, ягодка моя!—засмѣялся и старикъ:—подь ко мнѣ, я перекрещу тебя, золотую мою. Подь, золото!

XII.

На другой день, Непомнящій, узнавъ, что Ермилушку Фимочка увела въ сосѣдній женскій скитъ къ дебелой матушкѣ, попросилъ скитскаго учителя Кирила въ моленную «для сокровенной бесѣды». Это удивило и смутило Кирила Андреевича, тѣмъ болѣе, что Непомнящій заговорилъ съ нимъ ка-

Digitized by Google

кимъ-то особеннымъ тономъ и хотя смотрѣлъ, повидимому, все тѣмъ же сѣрымъ мужикомъ, какимъ былъ и вчера, но въ глазахъ его и въ манерѣ говорить замѣчалось что-то новое. Когда они усѣлись, Непомнящій заговорилъ первый.

— Я, бояринъ, къ тебѣ посломъ,—сказалъ онъ просто.

При словѣ «бояринъ», Кирилъ Андреевичъ нѣсколько поблѣднѣлъ.

— Я не бояринъ, Микита, — глухо проговорилъ онъ:—я простой «трудникъ», ушедшій отъ мірскихъ соблазновъ... Ты видно опознался, добрый человѣкъ.

Непомнящій улыбнулся, но добродушно.

— Вижу, бояринъ, что ты былъ хорошимъ ученикомъ братьевъ Лихудовъ,—продолжалъ онъ улыбаться.—Si quid fecisti—nega,—вдругъ сказалъ онъ по латыни.

Лицо Кирила Андреевича выразило больше, чѣмъ изумленіе.

— Вижу и то, бояринъ, что ты уразумѣлъ мою латынь,—продолжалъ Непомнящій.—Но ты зла никому, кромѣ себя и Фимочки, не содѣялъ, того ради тебѣ и «negare» не подобаетъ, кольми паче съ глазу на глазъ.

— Но чего тебѣ отъ меня нужно? Невѣдомо, кто ты такой!—съ трудомъ проговорилъ, наконецъ, Кирилъ Андреевичъ.

— Я принесъ тебѣ утѣшеніе, бояринъ, а ты смотришь на меня, яко на татя и душегубца,—все также добродушно отвѣчалъ Непомнящій.—А твоя душа жаждетъ утѣшенія, аки манны небесной... Самъ по себѣ, бояринъ, вѣдаю я, кушно съ вѣдомымъ и тебѣ Дантою, яко—

Nessun maggior dolore
Che ricordarsi del tempo felice...
Nella miseria..

— А твоя душа, бояринъ, въ великой мизеріи обрѣтается послѣ того, что̀ нѣкогда у тебя было... Скорбитъ?

— Я не скорблю ни о чемъ, окромѣ грѣховъ своихъ,—тихо отвѣчалъ Кирилъ Андреевичъ, подавленный чѣмъ-то невѣдомымъ, чего онъ никакъ не могъ понять.—Не постигаю я тебя, человѣче!

Онъ какъ-то безпомощно поглядѣлъ въ окно. Непомнящій замѣтилъ это и улыбнулся.

— Ты смотришь, воинъ Христовъ, не идутъ ли твои соратнички, чтобы схватить меня,—сказалъ онъ.—Я самъ знаю,

Digitized by Google

что въ берлогу медвѣдя съ голыми руками входить не подобаетъ.

— Что жь, ты подосланъ кѣмъ или прямо отъ *того*, кого здѣсь не именуютъ его именемъ и титломъ?—сурово спросилъ Кирилъ Андреевичъ.

— Ты угадалъ, бояринъ: я подосланъ, токмо не *имъ* и съ доброю мыслію... Нѣшто невѣдомо тебѣ, что хотя у Ермила въ головѣ и не всѣ дома, языкъ же его самъ не вѣдаетъ, что̀ глаголетъ, токмо тебя онъ не выдастъ... Онъ клятвою утвердить, будто ѣздилъ верхомъ на бѣсѣ, либо стучалъ клюкою своей во врата адовы; а ежели бы спросили его, гдѣ ты, бояринъ, обрѣтаешься, онъ сказалъ бы, что у Христа за пазухой, и на самой плахѣ не отрекся бы отъ своихъ словъ... А онъ, дурашка Ермилъ, самъ привелъ меня къ тебѣ, токмо не вѣдаетъ, что я—посломъ къ тебѣ отъ твоего сына...

Кирилъ Андреевичъ вскочилъ, точно его что подбросило.

— У меня нѣту сына!—сурово сказалъ онъ.

— Ясенъ для меня гнѣвъ твой, бояринъ, — спокойно вымолвилъ Непомнящій. — Того ради ты не признаёшь его за сына, что онъ *тому* служитъ?

— У меня нѣтъ сына и не было! — упрямо повторилъ учитель.

Непомнящій молча разстегнулъ чапанъ и воротъ рубахи, и снялъ съ груди своей дорогой тѣльный крестъ.

— Узнаёшь сей крестъ?—спросилъ онъ, подавая его «учителю».

Послѣдній видимо смутился и долго глядѣлъ на крестъ глазами, въ которыхъ замѣтна была скорбь.

— Узнаёшь?—снова спросилъ Непомнящій.

— Нѣтъ, — было отвѣтомъ. — Да крестъ, я чаю, можно снять съ любаго мертвеца.

— Ну, упрямъ же ты, бояринъ!—засмѣялся Непомнящій.— Тебѣ, вижу, для вѣрности, подавай письмо... А кто же въ нонѣшнее время *такія* съ мертвой головой письма при себѣ носитъ? Таковыя писанія, самъ вѣдаешь, бояринъ — находка для князь-кесаря: — таковыя онъ любитъ читать въ преображенскомъ застѣнкѣ и припечатываетъ мертвою головой—«memento mori».

— Кто жь ты, бѣсъ, что ли, полуденный? — не могъ не

Digitized by Google

разсмѣяться Кирилъ Андреевичъ при всемъ своемъ волненіи. — Ужь и впрямь не на тебѣ ли, бѣсѣ, Ермилушка верхомъ леталъ на «пупъ земли», а вчера на тебѣ же сюда прилетѣлъ? И латынью-то ты, что̀ горохомъ, сыплешь, и любимыя мои Дантовы реченія мнѣ на память приводишь... Да кто жь ты, человѣче?

— Бѣсъ полуденный, самъ говоришь... На мнѣ-то и летаетъ дурачокъ Ермилъ. На мнѣ онъ подъѣзжалъ и къ «вратамъ адовымъ», на коихъ написано: «Lasciate ogni speranza voi ch'entrate»... Токмо Ермилушка, кромѣ «Златаго Бисера», ничесо читати возможетъ.

— Ну, добилъ ты меня, бѣсе, совсѣмъ добилъ,—покачалъ головою Кирилъ Андреевичъ. — Вижу самъ, что изъ твоихъ бѣсовскихъ сѣтей мнѣ не выпутаться, да и я тебя жива отъ себя не выпущу, нѣтъ! Такъ ужь, песъ съ тобой, разсказывай, что̀ знаешь.

Онъ заперъ крестъ подъ крышку аналоя и сѣлъ.

— Что̀ тебѣ вѣдомо о твоемъ сынѣ?—спросилъ Непомнящій.

— Ничего не вѣдомо... Знаю только то, чему самъ былъ свидѣтелемъ:—передъ послѣдней стрѣлецкой смутой, *онъ* услалъ его съ прочими боярскими дѣтьми въ чужія страны навигаторскому мастерству учиться. Съ той поры словно въ воду канулъ, и живъ ли, нѣтъ ли—ничего не вѣдаю, — закончилъ «учитель» со вздохомъ.

— Живъ и въ большихъ чинахъ,—сказалъ Непомнящій.

— Гдѣ жь онъ? на Москвѣ или все еще за̀ моремъ?

— За̀ моремъ, въ Цареградѣ.

— А знаетъ, что я живъ?

— Знаетъ, потому и послалъ къ тебѣ.

— А отъ кого узналъ?

— Отъ твоего бывшаго домоправителя, чрезъ одну черничку, что̀ знала тебя и была къ тебѣ вхожа въ Москвѣ. Только почему жь домоправитель не освѣдомилъ о томъ Ермила?—удивился Непомнящій.

— Ермилъ въ нѣтѣхъ все это время обрѣтался; его *тотъ* искалъ, провѣдавши отъ сынка, что Ермила жаловала царица, а сынку онъ набивалъ головёнку «Златымъ Бисеромъ». А *тотъ* адомъ дышетъ на таковыя древнія бредни. Ему подавай геометрію да навигацію... Такъ Ермилъ и околачивался все это

Digitized by Google

время либо у Макарья на Унжѣ, либо у тутошнаго Макарья, у желтоводскаго. А чѣмъ ты Ермилку обвелъ, что онъ тебя провелъ ко мнѣ?

— Ермилку я обвелъ «сорочьимъ хвостомъ», — засмѣялся Непомнящій.—Ужь ты, бояринъ, не гнѣвись на меня: я знаю, тебѣ все едино—троеперстное ли сложеніе, никоніанское, сирѣчь казенное, или «сорочій хвостъ» старовѣровъ. Богъ душу смотритъ, а не персты... Я какъ показалъ Ермилушкѣ «сорочій хвостъ», онъ и провелъ меня сюда, да не къ тебѣ—онъ и не зналъ, что я тебя ищу.

— Гдѣ жь ты сошелся съ Ермиломъ?

— Въ Нижнемъ.

— А нѣшто ты зналъ его допрежь того?

— Кто жь на Москвѣ Ермилушку да юродиваго Ѳомушку не знаетъ! Онъ на Москвѣ что̀ царь-пушка и царь-колоколъ.

Оба собесѣдника разсмѣялись.

— По какому жь дѣлу былъ ты, бѣсе, въ Нижнемъ?—весело спросилъ Кирилъ Андреевичъ.

— По такому жь, какъ и здѣсь: по наказу твоего сынка... Въ Нижнемъ пребываетъ его красавица-женушка, а твоя невѣстушка.

Кирилъ Андреевичъ опять вскочилъ.

— Мой сынъ женатъ!

— Женатъ, а сватомъ у него былъ *самъ тотъ*!.. Такъ вотъ я и приносилъ поклонъ отъ муженька женѣ.

— Да откуда жь ты, бѣсъ полуденный, приволокъ этотъ поклонъ?

— Прямо изъ Цареграда.

— Фу ты, окаянный!—воскликнулъ «учитель»:—да на тебя и пропасти нѣтъ! То ты въ Цареградѣ, то подъ Нарвой! Да ты, я вижу, пуще Ермилки врать мастеръ.

Онъ опять началъ сомнѣваться въ своемъ гостѣ.

— Какъ же ты попалъ въ Царьградъ и по какому такому дѣлу?—спросилъ онъ снова, думая или уличить во лжи «бѣса», или узнать, наконецъ, его намѣренія.

— Въ Царьградъ я попалъ на томъ же кораблѣ, какъ и сынъ твой. Въ Воронежѣ мы и сошлись, когда онъ прибылъ изъ Венеціи. Тамъ его и женилъ *самъ*, а благословлялъ святитель Митрофанъ.

Digitized by Google

— На комъ же женился Григорій?

— На дочери бывшаго орловскаго, а нонѣ нижегородскаго воеводы Измайлова. Григорій Кириловичъ зналъ свою невѣсту еще въ Венецеѣ, куда она была привезена изъ полону венецейскими корабельниками. Зимой эдакъ сыграли свадьбу, а ранней весной, съ первой полой водой, мы съ кораблемъ тронулись въ Турцію.

— Кто жь это мы-то?

— Знамо: *самъ*—яко командиръ корабля «Апостолъ Петръ», а помощникомъ *самого* былъ твой сынъ.

— А ты-то чѣмъ же? корабельной крысой?

— Ты угадалъ, бояринъ.

Удаленный отъ міра, какъ бы заживо погребенный въ керженскихъ лѣсахъ, скитскій «столпъ», который знавалъ когда-то и не такую жизнь, живо перенесся мыслью туда, гдѣ эта, столь не похожая на скитскую, жизнь била ключомъ и клокотала. Когда-то и онъ кипѣлъ въ этомъ ключѣ, и онъ волновался... А здѣсь — только случайный налетъ этого ворона, Ермилушки, да его карканье — и нарушали могильное однообразіе скитской жизни. Да и то его разсказы шевелили только бабьи муравейники... А этотъ—«бѣсъ», подлинно «бѣсъ» соблазнитель, сатана евангельскій, который являлся когда-то и Христу въ пустынѣ и соблазнялъ, показывая ему «всѣ царства міра»... Не та ли же пустыня и здѣсь? Не эту ли «прекрасную мать-пустыню» воспѣваютъ старцы-скитники?.. Этотъ бѣсъ въ лаптяхъ и чапанѣ показываетъ и ему «всѣ царства міра».

— Ну, бѣсе, и плыли вы изъ Воронежа Дономъ?—прервалъ онъ свои думы.—И съ ратными людьми?

— А то какъ же? Мы рушили цѣлымъ караваномъ: девять кораблей съ дорогими мѣхами, съ чаемъ и рыбьимъ зубомъ для подарковъ знатнымъ пашамъ,—двѣ галеры, два галіота, три бригантира, яхта и галеры. По всему Дону, изъ каждаго городка выходили казаки и встрѣчали насъ пальбою изъ пушекъ и мелкаго ружья. Такъ мы дошли до Черкасска. Тамъ насъ встрѣтилъ самъ атаманъ казачій Фролъ Минаевъ...

— Я Фрола Минаева помню,—какъ бы про себя проговорилъ скитскій «учитель»:—мы вмѣстѣ тогда брали Азовъ... Постарѣлъ, поди?

Digitized by Google

— Нѣтъ, все еще лихой старикъ... Онъ присталъ къ нашему каравану съ четырьмя морскими стругами, и въ августѣ мы благополучно вышли въ Азовское море.

— Какъ вышли въ море! Нѣшто *онъ* удумалъ чинить промыслъ надъ самимъ Цареградомъ?—удивился Кирилъ Андреевичъ.

— Нѣтъ, бояринъ, *онъ* это снаряжалъ въ Царьградъ своихъ пословъ—Украинцева и Чередеева, а дабы турки не задержали ихъ при выходѣ въ Черное море, онъ и поѣхалъ со всею своею морскою силою проводить ихъ до Керчи. Дальше Керчи караванъ не пошелъ, а въ Керчи ждалъ пословъ турецкій приставъ.

— Что жь, пропустили въ море?

— Какъ не пропустить! На пристава и на керченскаго пашу заячій духъ напалъ—испужались. Зачѣмъ-де такая сила пришла?—А чтобъ васъ постращать, — говоритъ Украинцевъ чрезъ толмача. А приставъ говоритъ:—поѣзжайте-де въ Царьградъ сухопутью—на Крымъ и Буджаки.—По указу великаго государя—отвѣтъ держитъ Украинцевъ—велѣно намъ моремъ на кораблѣ царскаго величества; а сухимъ путемъ ѣхать намъ не велѣно, да и нѣ для чего, потому-де, что тотъ путь въ дальнемъ разстояніи. Видно-де ты, приставъ, хочешь везти насъ чрезъ Крымъ для какого нибудь вымысла; только-де намъ черезъ Крымъ ѣхать нѣ для чего и до хана крымскаго никакого дѣла-де намъ нѣтъ, говорить-де съ нимъ нѣ о чемъ.—А приставъ свое—стращаетъ:—Видно-де вы Чернаго моря не знаете, каково оно бываетъ съ 15-го августа, не напрасно-де дано ему имя Черное: бываютъ-де на немъ во время нужды черны сердца человѣческія. — А Украинцевъ на сіе: — Полагаемся-де на волю божію, а сухимъ путемъ не поѣдемъ.

— Ну, и правъ же былъ приставъ,—сказалъ, помолчавъ, Непомнящій.—Черны были наши сердца въ морѣ!

XIII.

Кирилъ Андреевичъ долго, въ глубокомъ раздумьѣ, ходилъ по моленной. Нѣсколько разъ вынималъ онъ изъ аналоя крестъ, для чего-то присланный ему сыномъ. Иногда изподлобья пытливо взглядывалъ на «бѣса».

Digitized by Google

— Не пойму я тебя,—сказалъ онъ наконецъ, останавливаясь.—Для чего ты въ прятки со мной играешь. Вижу, что тебѣ многое вѣдомо, бывалый ты человѣкъ. Но скажи на милость: для чего ты пришелъ ко мнѣ? съ какою мыслью? для чего принесъ крестъ отъ сына?

— Для того чтобы ты повѣрилъ мнѣ,—отвѣчалъ Непомнящій тономъ, въ которомъ уже не звучали ни иронія, ни задоръ, а скорѣе слышалось что-то въ родѣ тоски.

— Ну, я вѣрю... Но все жь ничего не пойму—омутъ какой-то въ твоей душѣ, тьма кромѣшная.

— Ты угадалъ, бояринъ, истинно въ душѣ моей омутъ и тьма кромѣшная... Я всю мою горькую жизнь ищу Бога, того дивнаго Бога, которымъ до ужаса преисполнена душа моя, который нисходитъ къ намъ въ громахъ небесныхъ и зритъ на насъ, смрадныхъ, изъ разверстой чашечки каждаго крина сельнаго, его же Онъ облачаетъ въ ризы, каковыхъ не сподобился Соломонъ во всей славѣ своей... Я всюду ищу Его, всюду!.. Я мнилъ найти Его въ Римѣ у тѣхъ, кои кощунственно дерзаютъ именовать себя Его намѣстниками на землѣ, и зрѣлъ единъ развратъ роскоши, блиставшій въ золотыхъ каретахъ гнусныхъ намѣстниковъ Того, коему негдѣ было дивную главу свою приклонить... О, Господи! Господинъ мой, Господинъ вселенныя! холопи Твои, лицемѣрные раби Твои, пожираютъ кровавый потъ народовъ, а Ты, о, Непостижимый! Ты и Твои ученицы претирали въ святыхъ дланяхъ своихъ колосья съ чужой нивы и тѣмъ утоляли священный гладъ свой!.. Сіи гнусные лицемѣры шествуютъ въ храмъ Твой, носимые подъ златыми балдахинами, а Твою дивную, непокрытую главу палило знойное солнце Палестины, солнце, которое Ты же всемогущею десницею Твоею бросилъ въ пространство вселенной, да свѣтитъ оно и грѣетъ теплотою своею бѣдную, жалкую—о, какую жалкую!—землю.

Непомнящій остановился. Онъ, казалось, не сознавалъ, что съ нимъ, гдѣ онъ. Въ глубокомъ смущеніи глядѣлъ на него Кирилъ Андреевичъ, не вѣря ни слуху своему, ни зрѣнію — тотъ ли это, что былъ вчера? А тотъ снова заговорилъ:

— Воротись назадъ, домой! вопіяла душа моя смущенная,—продолжалъ онъ.—Гдѣ Ты, Богъ мой! гдѣ Ты, Господи!—вопіяла душа моя, вся исходя слезами... И что же? бѣдные,

Digitized by Google

бѣдные невѣдники! они вмѣстили Его—Его же не можетъ вмѣстить вся вселенная, Ему же нѣсть ни долготы мѣста, ни долготы времени,—Его они вмѣстили въ «два перста» да въ «три перста»:—тѣ—въ «сорочій хвостъ», сіи въ «табачную щепоть»... Гдѣ Его божественная книга, гдѣ Его святіи ученицы? Первую замѣнилъ огнь костровъ, вторыхъ—кнутъ!

— Время высшаго книжнаго наученія, послѣ греко-латынской школы Лихудовъ, провелъ я въ Италіи, среди великихъ учителей,—продолжалъ онъ, нѣсколько успокоившись. — Аки губка, аки растрескавшаяся отъ зноя земля, впитывалъ я въ себя римскую премудрость, не замѣчая, что купно съ елеемъ познанія истины я, статься можетъ, всасывалъ въ себя и ядовитую слюну ехидны—ядъ сомнѣнія. И въ тѣ поры я искалъ прибѣжища смущенному духу моему, равно и разуму, въ единой божественной книгѣ—въ Его книгѣ. И въ тѣ поры и сердце, и разумъ мои говорили: книга Его кощунственно попрана нарочито тѣми, кои устами своими лицемѣрно ее благовѣствуютъ, дѣлами же своими наглостно глумятся надъ нею и надъ заповѣдями Того, словесъ котораго «всему міру не вмѣстити».

Бояринъ-скитникъ, слушая эту страстную, нервную рѣчь, не могъ не чувствовать, что она его глубоко потрясаетъ своею правдою. Развѣ онъ, живя въ мірѣ, въ самомъ коловоротѣ общественной и государственной жизни, не видѣлъ самъ, что «божественная книга», о которой говорилъ этотъ странный энтузіастъ, дѣйствительно забыта, хотя на нее постоянно, съ наглымъ лицемѣріемъ, всѣ ссылались, ее торжественно читали народу въ поученіе и назиданіе, а поступали съ глубочайшимъ цинизмомъ, какъ разъ противъ ея дивныхъ завѣтовъ? Онъ видѣлъ вездѣ, что жизнь, руководимая все тѣми же «фарисеями», о которыхъ говоритъ книга, нагло издѣвается надъ ея святыми словами.

— Чесо же ради и кого ради совершилось то великое, до трепета всей земли великое и страшное дѣло на той горѣ, облобызать которую рвалась всю жизнь душа моя,—ежели міръ не принялъ сея до ужаса великой жертвы?—какъ бы угадавъ мысль боярина-скитника, продолжалъ странный человѣкъ.— О, стократы было бы лучше, ежели бы не было того, что тогда было! Чесо ради, для кого сошелъ Онъ на землю? Не

Digitized by Google

сойди онъ въ міръ—міръ бы былъ менѣе преступенъ, ибо онъ не зналъ бы Его. А теперь, познавъ Его, міръ является въ глазахъ Его стократы преступнѣе, чѣмъ былъ прежде... Тогда Его заушали и тростію по божественной главѣ били только невѣдники, ослѣпляемые фарисеями, — а нынѣ терзаетъ весь міръ, вся земля, на которую Онъ сходилъ и которую всю потрясъ своею смертію на горѣ!

— И вотъ я пришелъ нынѣ сюда, въ сію дебрю лѣсную,— продолжалъ Непомнящій, глядя въ окно на вершины сосенъ, виднѣвшіяся за частоколомъ скита:—слышалъ я, что здѣсь не заушаютъ Его—и пришелъ сюда.

— Но какъ ты спознался съ моимъ Григоріемъ?—спросилъ бояринъ-скитникъ, видя, что Непомнящій замолчалъ и видимо углубился въ свои думы.—Ты мнѣ доселѣ не сказалъ.

— Долга сказка, бояринъ, — отвѣчалъ тотъ, отходя отъ окна.—Двѣнадцать съ немалымъ лѣтъ тому назадъ, отправился я съ своимъ бывшимъ учителемъ, съ Іоанникіемъ Лихудою, въ Венецею. Тамъ, равно и въ Римѣ, я учился прилежно, забываючи все на свѣтѣ, иногда даже и самую ѣду. Въ тѣ поры я и свелъ тамъ знакомство съ учеными латынянами, и у насъ велись толки и пренія о вѣрѣ. Они, само собой, хвалили свою римскую вѣру. Я и пыталъ ихъ:—чѣмъ-де ваша римская папежская вѣра лучше нашей греческой? Они на сіе отвѣтствовали мнѣ, что и латынская, и греческая-де вѣра равны, да только въ римской церкви ксенжи и прелаты ихъ ученѣе нашихъ поповъ и архіереевъ. Оно и правда:—гдѣ, къ примѣру, нашимъ святителямъ хотя бы до латынянина Антонія Падвіянина, изъ города Падуи, либо до Бернарда изъ Бресчіи? Вотъ я и ушелъ всей душою въ латынскую ученость. Много она просвѣтила мой умъ, многому научила, чего нѣтъ въ нашихъ книгахъ. Я ходилъ, точно новымъ божественнымъ свѣтомъ осіянный. На многое открылись мои слѣпотствующія очи. Я уразумѣлъ, что и латыняне, и польскіе ляхи, и литва—братья намъ, а не псы смердящіе, какъ на Москвѣ думаютъ. Мнилось мнѣ, что я паки народился на свѣтъ и что сила Вышняго вдохнула въ меня новую душу живу. И сталъ я тосковать на чужой сторонѣ:—Русь вспоминалась, Москва далекая: — захотѣлось мнѣ и съ родиною подѣлиться сокровищами, кои пріобрѣлъ я—не хотѣлъ я зарывать въ землю талантовъ, аки рабъ лѣ-

Digitized by Google

нивый. И вотъ воротился я въ Москву не какъ блудный сынъ, а какъ виноградарь, обновившій и расширившій вертоградъ свой духовный. Въ Москвѣ посвятили меня въ діаконы въ Петропавловскій соборъ. О, Москва косная!—Она увидѣла во мнѣ не пастыря душъ, а волка въ стадѣ, потому точію, что сей волкъ глубже разумѣлъ Бога, чѣмъ оные московскіе невѣдники, низведшіе творца вселенной съ Его непостижимаго престола и думавшіе свести все пространство и время на три пальца! И посыпались на меня ябеды и извѣты. Въ доносахъ обвиняли меня за то, что я «зѣло слезно разлучился» съ іезуитами, съ моими друзьями, коихъ изгоняли изъ Москвы, точно грѣхъ великій плакать о друзьяхъ, когда Тотъ сказалъ:—*любите враги ваша*. Доносили, что я «ношу на себѣ вмѣсто животворящаго креста мошонку, а въ ней образокъ латынина Антонія Падвіянина, еретика суща». Измыслили на меня, будто я освященный соборъ называю «заборомъ», который яко бы «перескочить» похвалялся,—будто патріарховъ называю «потеряхами», которые истинную вѣру «потеряли»...

Бояринъ-скитникъ, при послѣднихъ словахъ, невольно разсмѣялся.

— И придумали же:—«потеряхи»... Оно точно:—и вѣрующихъ своихъ, паству свою, по лѣсамъ и дебрямъ растеряли,—сказалъ онъ.—Ну?—и что жь доносители твои—утопили тебя въ своихъ помояхъ?

— Какъ не утопить? Патріархъ Андріанъ, что мочалка:—его напугали моимъ «латиномыслимымъ злочестіемъ», «недугомъ латинства», «западною пропастью», въ которую, якобы, я хочу низринуть русскій народъ... Ну, на соборѣ меня и разстригли...

— Не перескочилъ ты, стало быть, «забора»?

— Не перескочилъ... И сослали меня въ Холмогоры, къ архіепископу Аѳанасію, для увѣщаній... Смѣху достойно! — Этого безграмотнаго невѣдника я реченіями моими приперъ къ стѣнѣ, такъ что онъ боялся самъ свалиться въ западную «пропасть» и настрочилъ къ патріарху:—«цѣлихомъ Вавилона (это я-то Вавилонъ!)—и не исцѣлѣ, но паче едва сами избавихомся богохранимо отъ сѣтей его»... Это келарь показывалъ мнѣ тайно сіе написаніе его.

— И что жь потомъ съ тобой сдѣлали?—спросилъ бояринъ-скитникъ.

Digitized by Google

— Я бѣжалъ отъ архіепископа,—отвѣчалъ Непомнящій.— И засѣло тогда въ мое сердце помышленіе—удалиться въ Святую землю и исходить ее изъ конца въ конецъ, какъ исходилъ ее Христосъ. И провѣдалъ я, что *онъ*, котораго имени ты не произносишь, задумалъ послать въ Царьградъ посольство изъ Украинцева и Чередеева. Я и заявился къ Украинцеву, коему надобились толмачи для переговоровъ съ греками и латинами. Онъ меня и взялъ съ собою по знанію моему языковъ греческаго, латинскаго и итальянскаго. Такъ я и попалъ въ Воронежъ, гдѣ и спознакомился съ Григоріемъ Кирилычемъ.— Остальное ты знаешь.

— Что жь удалось тебѣ потомъ въ Іерусалимѣ побывать?

— Богъ привелъ побывать... Когда переговоры съ турками затянулись, я и отпросился у Украинцева—поклониться Гробу Господню и облобызать землю, по которой ступали его божественныя ноги. На итальянскомъ кораблѣ я и отплылъ въ Палестину съ нѣкіими римскими паломниками. Въ Іопіи, сошедъ съ корабля, мы всѣ лобызали берегъ Святой земли—каменныя ступени, по коимъ восходятъ на берегъ. Но и въ Святой землѣ не обрѣла душа моя утѣшенія:—святыя мѣста превращены въ торжища, въ базары. Священной Голгоѳы и слѣда не осталось:—она срѣзана и сокрыта подъ алтарь... Пещера, гдѣ Онъ молился о чашѣ, выкроплена красною краскою—якобы то есть пречистая кровь Спасителя... Единый путь къ Іерихону и Іордану не тронули святотатственныя руки... Горная, пустынная, глухая-глухая дорожка, и мнѣ чудилось, что я вижу на ней слѣды божественныхъ ногъ Спасителя... Одна пустыня іорданская утѣшила мою скорбную душу: — съ Сорокадневной горы глаза мои видѣли всю ту даль, которая разстилалась когда-то предъ его божественными очами. Я пилъ тамъ воду изъ того источника, изъ котораго и Онъ пилъ... Я видѣлъ то солнце, которое палило въ пустынѣ Его главу—солнца не могли отдать на торжище!.. На томъ камнѣ, быть можетъ, Онъ сидѣлъ, обдумывая свой великій подвигъ, котораго не стоила жалкая, неблагодарная земля!

Слушая эту длинную исповѣдь скитальца, бояринъ-скитникъ не могъ не дивиться духовной силѣ этого человѣка, этому упорному исканію Бога, какъ онъ говорилъ. А вѣдь на видъ онъ казался еще не старымъ, далеко не старымъ. Правда,

Digitized by Google

душевная борьба провела по его энергичному лицу рѣзкія морщины, углубила въ орбитахъ его, загоравшіеся огнемъ, глаза; но ему было, повидимому, немногимъ болѣе тридцати лѣтъ и, казалось, онъ обладалъ богатырской силой, а объ отвагѣ его и говорить нечего. Недаромъ съ одною заостренною дубиной онъ пошелъ на страшнаго медвѣдя.

— Изъ Іерусалима ты воротился опять въ Царьградъ?— несмѣло спросилъ бояринъ-скитникъ, какъ бы боясь разбередить какую либо рану въ душѣ своего собесѣдника.

— Въ Царьградъ,—отвѣчалъ тотъ.—И тамъ мы съ твоимъ сыномъ порѣшили (душу свою я открылъ ему давно) чтобъ идти мнѣ искать моего Бога сюда, въ сію пустыню, гдѣ, быть можетъ, Его не заушаютъ простые люди... Меня послали изъ Турціи съ гонцами толмачемъ... Тогда-то Григорій Кириловичъ и далъ мнѣ свой крестъ... Я прибылъ въ Москву съ гонцами... Тамъ меня зачислили въ преображенцы и отправили съ прочими за свейскій рубежъ подъ Нарву... Остальное, бояринъ, ты знаешь... Уразумѣешь и то, что, когда меня силою принудили извлечь ножъ, какъ извлекъ его въ Геѳсиманскомъ саду Петръ, я и крикнулъ:—«ребята, насъ продали»!.. Я не могъ рѣзать ближнихъ, и не хотѣлъ, чтобъ другіе творили то же... Пусть ужь, думаю, грѣшатъ свои съ ихъ Карломъ... «Ударятъ тебя въ ланиту—подставь другую»... «Не противься злу»... Настанетъ время, когда злые люди, что̀ черви, сами пожрутъ себя, и на землѣ останутся одни добрые... Тогда Христосъ скажетъ:—«не напрасна была смерть моя крестная»...

На дворѣ показались Ермилушка и Фимочка.

— Не говори Ермилу того, что̀ узналъ отъ меня, — тихо сказалъ Непомнящій: — все равно онъ будетъ вѣрить только въ «Златый Бисеръ» и въ «двуперстное сложеніе».

XIV.

Непомнящій остался въ главномъ керженскомъ скиту, у боярина-скитника. Послѣ тѣхъ жизненныхъ мытарствъ, черезъ которыя прошелъ онъ въ поискахъ своего безпокойнаго духа, послѣ страстныхъ увлеченій и, за ними, глубокихъ разочарованій,—утомленная душа его искала хоть временнаго отдыха, успокоенія, забвенія. И ему казалось, что то, чего искалъ онъ,

Digitized by Google

дастъ ему эта спокойная, равнодушная ко всему природа—та же «іорданская пустыня», давшая когда-то убѣжище Тому, который готовился къ истязаніямъ... Лѣсъ и лѣсъ, говоръ птицъ и насѣкомыхъ, лепетъ и шопотъ деревьевъ, и тихое плесканье водъ недалеко бѣгущаго Керженца, — вотъ что пока убаюкивало его смущенную душу. Что ждетъ его дальше, чего опять потребуетъ его безпокойный умъ,—онъ самъ не зналъ, да и не хотѣлъ знать. Какъ тяжко раненый, обезсиленный потерею крови, онъ хотѣлъ только одного—покоя. Надолго ли?—онъ не хотѣлъ загадывать:—онъ такъ усталъ... душа устала!

Бояринъ-скитникъ отчасти понималъ его...—Взалкала душа покоя,—думалъ онъ:—мятежное житіе надломило богатыря—перегорѣлъ... Пущай, малость, пепломъ перекроется огонь сердца.

Непомнящій часто бродилъ въ уединеніи по лѣсу, смотрѣлъ на суетливыя движенія бѣлокъ на вѣтвяхъ сосенъ, по цѣлымъ часамъ наблюдалъ то неустанную работу муравьевъ въ своемъ царствѣ или плетеніе паукомъ своей предательской сѣти, то непрестанныя хлопоты золотистой иволги у своего висячаго гнѣзда—лучшаго гамака, какой могли бы соткать человѣческія руки. Часто сиживалъ онъ на берегу Керженца, невольно слѣдя за теченіемъ его струй или наблюдая за всплесками рыбы, играющей на поверхности воды. Мало по малу онъ сталъ потомъ входить въ житейскіе интересы скитниковъ, которые не сидѣли сложа руки. Около раскиданныхъ по лѣсу, у полянокъ и по чащамъ, отдѣльныхъ келій и въ самыхъ кельяхъ шла постоянная работа, для которой лѣса давали обильный матеріалъ. Старые и молодые—всѣ работали:—тамъ стучалъ топоръ и визжала пила; въ другомъ мѣстѣ тесали и стругали. Деревянныя крестьянскія ложки, миски, чашки, солоницы съ вычурной рѣзбой и крышками, ведра, корыта, кадки, лопаты, грабли, рѣшета, дуги, ободья, оглобли, оси, корзины изъ прутьевъ, доски для образовъ вмѣсто полотнятыхъ подрамниковъ (прежде образа-иконы писались большею частью на гладко выструганныхъ доскахъ),—все, что носило названіе «щепнаго», отчасти «горянскаго» товара, и сплавлялось въ низовые города вплоть до Астрахани и на Донъ,—все это выходило изъ рукъ скитниковъ. Періодически въ скиты наѣзжали оптовые скупщики—«кулаки» и «сшибаи» — закупали у нихъ щепной товаръ и отправляли его къ Макарью, къ устью Керженца. Непомнящій

Digitized by Google

видѣлъ, что такимъ свободнымъ трудомъ наполнена вся жизнь скитниковъ. Одного не видѣлъ онъ тутъ—начальства... Ни десятскихъ, ни сотниковъ, ни судей! Единственными начальниками и судьями, или просто почетными членами общины, были: въ мужскихъ скитахъ—«учитель» Кирилъ Андреевичъ, въ женскихъ—«матушки». Въ свободное время и въ праздники, грамотные скитники и «начетчики» читали часто вслухъ, а неграмотные ихъ слушали. За книгами больше обращались къ «учителю», моленная котораго представляла нѣчто въ родѣ общественной библіотеки. Непомнящій перерылъ ее всю.

— Да у тебя тутъ цѣлая вивліоѳика,—сказалъ онъ «учителю», роясь въ печатныхъ и рукописныхъ книгахъ и разныхъ «тетрадкахъ».

— Все, что̀ по зубамъ моей паствы,—улыбнулся бояринъ-скитникъ.

«Псалтыри»—«Псалтыри слѣдованныя», «Псалтыри учебныя», «Часословы», «Апостольники», «Парамоны старческіе», «Книги Ефремовы», «Соборники», «Служебники», «Канунники», «Буквари», «Апокалипсисы», «Книги Кирила Іерусалимскаго», «Маргареты»,—это почти все, чѣмъ умственно питалась старая Русь, боявшаяся «западной прелести» пуще бѣса.

— Вонъ бѣса-то Ермилушка за хвостъ таскаетъ да въ загривокъ его, чорнаго, крестомъ допекаетъ,—говорила Фимочкѣ мать Серафима «дебелая».—А отъ «западной предести»—ни крестомъ, ни пестомъ.

— А какая жь такая, матушка Серафима, эта «западная прелесть»?—спрашивала любопытная Фима.

— И-и, дѣвка! — и не пытай!—отмахивалась «дебелая» матушка.

— И всѣ «западники» въ аду будутъ?—допытывалась Фима.

— Въ аду, въ аду, дѣвонька... Вонъ даве Ермилушка сказывалъ—самъ видѣлъ во Европіи:—который «западникъ» умираетъ, а бѣсы ужь вокругъ него съ крючьями стоятъ, а андели стоятъ издалеча и плачутъ.

Фимочка дѣлала огромные глаза и все же не понимала—что̀ это за «западники» такіе. Но тутъ ей помогъ Непомнящій. Отъ отца она знала, что этотъ задумчивый, молчаливый пришлецъ, который своимъ ядовито-ироническимъ разсказомъ о

Digitized by Google

пораженіи *самого* подъ Нарвою такъ очаровалъ скитниковъ,—бывалъ вездѣ: и въ Италіи, и въ Венеціѣ, и въ Царьградѣ, и даже въ Іерусалимѣ, а что всего ужаснѣе—былъ и въ самой Европіи, которая Фимочкѣ, со словъ Ермилушки, представлялась чѣмъ-то ужасающимъ—съ агарянами, ефіопами и «западниками», около которыхъ стоятъ черти съ крючьями. Конечно, отецъ не все ей разсказалъ о пришельцѣ; но она знала, что онъ видѣлъ ея брата Гришу и принесъ отъ него крестъ; она знала также, что обо всемъ этомъ надо, однако, молчать,—чтобъ никто изъ скитниковъ не зналъ того, что она знаетъ. Уже одиннадцатилѣтней дѣвочкой она умѣла молчать, какъ не умѣютъ иногда и большіе, и старые. Она помнила свое боярское житье въ Москвѣ и въ вотчинѣ; она извѣдала и роскошь, и полное довольство; но, тогда же условившись съ отцомъ молчать о подробностяхъ ихъ прежней жизни, она, при всей живости своего темперамента, въ теченіе трехъ-четырехъ лѣтъ не обмолвилась никому ни единымъ словомъ о запретномъ прошломъ. Изъ ребенка выросла дѣвочка съ характеромъ, съ волей, умненькая, но наивная до смѣшнаго.

Вотъ она и зарядилась рѣшимостью все узнать о Европіи и о «западникахъ» отъ Непомнящаго—отъ «дяди» Микиты, какъ она его называла. Она къ нему уже успѣла привыкнуть и подружиться, что такъ легко дѣлается въ ея миломъ, довѣрчивомъ возрастѣ.

Однажды, повздоривъ изъ-за чего-то съ задорной Лушей, она пошла собирать «аленьки» и «лазоревы» цвѣточки, и случайно набрела на Непомнящаго, который задумчиво сидѣлъ на берегу Керженца. Дѣвочка несмѣло подошла къ нему. По лицу ея и по тому, что она была одна (съ Лушей она была почти неразлучна, хоть та и язвила ее частенько), Непомнящій догадался, что между друзьями-врагами произошла размолвка.

— Что поссорились опять?—улыбнулся онъ.

— Она злая... Говоритъ, будто у меня не коса, а оглобля,—недовольнымъ тономъ проворчала дѣвочка.—Можно около тебя сѣсть, дядя Микита?—робко продолжала она.

— Садись, милая Фима... Цвѣточки собираешь?

— Да, вотъ аленьки и лазоревы цвѣтики... Богородицѣ на вѣнчикъ...

Но по лицу ея можно было догадаться, что не въ лазо-

Digitized by Google

ревыхъ цвѣтикахъ тутъ дѣло. Она перекинула черезъ плечо свою громадную золотисто-каштановую косу и нервно мяла ее. Черное, длинное скитское платьице очень шло къ ея нѣжному личику и дѣлало ее почти взрослой дѣвушкой...

— Вовсе не оглобля!—проговорила она какъ бы про себя, и перекинула тяжелую косу за спину.—Ахъ, дядя Микита, какъ страшно должно быть въ Европіи!—съ рѣшимостью отчаянія выпалила она.

— Отчего жь, милая, страшно?—удивился «дядя Микита».

— А какъ же! Намедни дѣдушка Ермила читалъ у насъ «Златый Бисеръ» и сказывалъ, что тамъ все ефіопы да западники живутъ, а около западниковъ—все бѣсы съ крючьями.

«Дядя Микита» невольно разсмѣялся, и Фимочка густо покраснѣла, догадавшись, что она опять, какъ и тамъ въ скиту, сыграла изъ себя дурочку. Только теперь ей было стыднѣе.

— Ахъ, милая Фимочка! мало ли какія безлѣпичныя сказки плететъ Ермилушка! Онъ и на «пупѣ земли» сидѣлъ, и на бѣсѣ ѣздилъ... Онъ добрый старикъ, да у него зайчикъ въ головѣ:—выскочитъ этотъ зайчикъ, и ну скакать то ко «вратамъ адовымъ», то по Европіи,—говорилъ Непомнящій уже безъ смѣху, видя огорченіе своей пріятельницы.—Я самъ, Фима, былъ въ Европѣ, и въ Царьградѣ, и въ Іерусалимѣ, а бѣсовъ не видалъ и не ѣздилъ на нихъ... Все это только Ермилушкины зайчики... А я тебѣ лучше разскажу, что̀ самъ видѣлъ.

— Ахъ, разскажи, дядичка!—обрадовалась дѣвочка.

— Ладно, милая... И безъ бѣсовъ есть что̀ послушать... Многое видѣли глаза мои, много такого, чего Ермилушкѣ и во снѣ не пригрезится.

Непомнящему самому захотѣлось хоть памятью пережить то, что̀ когда-то радовало и волновало его душу, когда онъ, послѣ унылой Москвы съ ея смутами и казнями, съ ея сѣрымъ осеннимъ небомъ, въ ясное теплое утро, очутился въ Венеціи, на площади св. Марка, и когда взоръ и воображеніе его постоянно поражали новыя картины, невиданныя лица, голубое море съ его вѣчнымъ говоромъ и невиданными имъ дотолѣ кораблями.

Онъ сталъ говорить съ какою-то, повидимому, грустью. Глаза его, казалось, покоились на медленно текущихъ струяхъ Керженца, но видѣли они то далекое, свѣтлое и радужное, что̀

Digitized by Google

оставила въ его душѣ жизнь въ Италіи. Все горькое было забыто. Онъ забылъ даже, что его слушаютъ, что около него сидитъ живое существо съ широко раскрытыми глазами, полными слезъ. Съ какимъ трепетнымъ вниманіемъ слушала его Фимочка! Она видѣла все то, о чемъ ей разсказывали; но все это выростало въ ея юномъ воображеніи—росло и росло!.. Фантастическая процессія обрученія дожа съ моремъ, картины карнаваловъ съ ихъ непостижимыми для юной, впечатлительной скитницы причудами, эти разукрашенныя парчей или расцвѣченныя огнями гондолы, бой цвѣтами, маскарадныя безумія!.. А дальше—Римъ съ его чудесами, съ остатками далекаго, величаваго прошлаго.

— Господи! — послышался не то стонъ, не то страстный вздохъ.

Непомнящій вздрогнулъ, оглянулся на Фимочку... Она плакала, закрывъ лицо руками. Слезы пробивались сквозь ея тонкіе пальчики.

— Фима, Фимочка... милая! что съ тобой?—встревожился Непомнящій.

Дѣвочка продолжала плакать. Онъ ласково, нѣжно отвелъ ея руки отъ лица.

— Что съ тобой? объ чемъ это, голубка? — спрашивалъ онъ.

— Ахъ, ничего этого я не увижу, никогда, никогда! — почти выкрикнула юная скитница.—Лѣсъ, лѣсъ, лѣсъ!

Непомнящій былъ пораженъ. Онъ не ожидалъ, что разсказъ его можетъ произвести такое сильное дѣйствіе на юную слушательницу. Хоть она была и высокенькая и съ замѣтно формировавшейся грудью, но все же оставалась для него дѣвочкой. Весь погруженный въ исканіе своего Бога и въ свою душу, онъ не зналъ, какъ рано въ иной дѣвочкѣ просыпается женщина. Въ Фимочкѣ она проснулась почти въ двѣнадцать лѣтъ, а теперь ей уже давно шелъ пятнадцатый годъ. Подъ вліяніемъ однообразія окружающей ее среды, инстинктъ женщины въ ней большею частью еще молчалъ. Но ея наивные возгласы—«я все хочу знать! я все хочу видѣть!»—обнаруживали, что въ ней уже копошится бѣсъ жизни,—бѣсъ, котораго совсѣмъ не понимали ни скитницы, ни «матушка», а тѣмъ менѣе Ермилушка съ «зайчиками» въ головѣ. Теперь, при под-

Digitized by Google

нятіи крошечнаго кончика завѣсы, за которою скрывалась страшная ей доселѣ «Европія» съ ефіопами и западниками, этотъ иногда опасный, иногда же спасительный бѣсъ властно заговорилъ въ ея живой, жаждущей душѣ... А она видѣла вокругъ себя только лѣсъ, лѣсъ и лѣсъ!.. И такъ всю жизнь!.. Скиталецъ, мученикъ своихъ собственныхъ порывовъ и исканій невѣдомаго—понялъ ее. Въ ней онъ себя увидѣлъ, себя узналъ... И онъ когда-то, въ Москвѣ, въ школѣ Лихудовъ, подъ вліяніемъ разсказовъ учителей, не разъ со страстною мольбою обращался къ нимъ:—«я все хочу знать! я все хочу видѣть!..» И увидѣлъ... узналъ... еще не все... Увидитъ и она!

Мысли эти съ быстротою молніи пронеслись въ его умѣ—и рѣшеніе созрѣло мгновенно. Развѣ Курбскій не ушелъ когда-то отъ Грознаго, а Котошихинъ—отъ Алексѣя Михайловича? Почему имъ троимъ не уйти?—Зачѣмъ ждать кнута и застѣнка?—А отъ кнута не уйдешь... Рано ли, поздно ли, а *тотъ* отыщетъ и боярина-скитника, согрубившаго *ему*, и его, разстригу и бродягу... Уйти, уйти!—тутъ задохнешься...

— Фима, не плачь, родная, не плачь!—быстро и страстно заговорилъ онъ.—Все, о чемъ я тебѣ сказывалъ — какъ тамъ живутъ люди—все это ты сама увидишь!..—Богомъ истиннымъ свидѣтельствуюсь—увидишь! И отецъ увидитъ... Всѣ мы трое тамъ будемъ!

Фимочка отняла руки отъ заплаканнаго личика.

— Дядя Микита! что ты говоришь? — какъ бы испуганно прошептала она.—Морочишь меня...

— Не морочу, а клятвою утверждаюсь въ словѣ своемъ!

— Господи!

XV.

Въ тотъ же день, Непомнящій—такъ всѣ его въ скитахъ называли—заговорилъ съ бояриномъ-скитникомъ.

— Кирилъ Андреичъ,—началъ онъ:—что я тебѣ скажу?

— Не знаю... Сказывай,—удивился тотъ.

— Какъ ты рѣшилъ—вѣкъ тутъ въ лѣсахъ оставаться?

— А что?—къ чему эта рѣчь?

— И помереть тутъ думаешь?

— Что жь, коли Богъ не судилъ на міру умереть.

— Богъ ли, полно-ка? Не сердце ли несутерпчивое?

Digitized by Google

— Ну, вѣстимо, сердце... Сердце-то въ меня Богъ вложилъ... Да къ чему эти рѣчи?

— Самъ увидишь—къ чему. Такъ тутъ и до вѣку?

— Знамо—не идти жь мнѣ къ нему съ повинной: — *онъ* меня при всѣхъ опорочилъ, при всей Москвѣ — собакой назвалъ... Такого безчестья и онъ не волёнъ съ меня снять:— ему этого не дано отъ Бога... Только на «полѣ» съ нимъ, судомъ Бога живаго, при всей Москвѣ, я бы еще снялъ съ себя безчестье... А поля онъ мнѣ не дастъ.

— А подумалъ ли ты тогда о дочери?

— Не до того было.

— А нонѣ думаешь?

— Такъ ей, бѣдной, значитъ, на роду написано:—что̀ отцу, то и ей.

— Нѣтъ, не правъ твой судъ, бояринъ. Помяни божественное писаніе:—когда Авраамъ, по повелѣнію божію, занесъ руку съ ножемъ, чтобы заклать Исаака въ жертву Богу, ангелъ удержалъ его руку. Ты же принесъ дочь свою въ жертву своей гордости.

— Охъ, знаю, знаю!—горестно покачалъ головою бояринъ-скитникъ.

— А дѣвочка подростаетъ. Она ужь не ребенокъ. Вспомни, Кирилъ Андреичъ, что такихъ отроковицъ, въ ея лѣтахъ, ужь и замужъ отдаютъ.

— Что жь, али ты удумалъ на ней жениться?—съ горечью проговорилъ бояринъ-скитникъ.

— Не скверни уста гнилыми рѣчами, бояринъ: — не мнѣ ея дѣвичій вѣкъ заѣдать—не разстригѣ-броднику... Вдостоль и того, что родной отецъ заѣдаетъ ея дѣвичью долю, — строго сказалъ Непомнящій.

— Я съ горя молвилъ... Не обидѣлъ, чаю.

— То-то... Я къ тому веду рѣчь, что ни тебѣ, ни Евфиміи пути въ міръ не заказаны.

— Какъ это?—удивился бояринъ.—Что̀ ты говоришь?

— То и говорю, что̀ думаю: — али солнце только надъ Москвой свѣтитъ? Али весь міръ подъ дубинкой того, кто надъ тобой безчестье учинилъ?—Вспомни Курбскаго и Котошихина:— не стерпѣли безчестья — и отрясли прахъ отъ ногъ своихъ... Ты объ этомъ не думалъ, Кирилъ Андреевичъ?

Digitized by Google

— Правда, съ горя тогда голова помутилась... Все во едину ночь рѣшилъ:—успѣлъ только казну да дочушку захватить... Какъ было ее одну безъ матери оставить? Крошка еще была.

— Такъ вотъ теперь и подумай, благо есть съ кѣмъ думать,—сказалъ Непомнящій.—Помни, что всѣ ходы и выходы мнѣ добрѣ вѣдомы.

Бояринъ всталъ и съ видимымъ волненіемъ заходилъ по моленной. Въ первый разъ она теперь представилась ему не убѣжищемъ, а могилой. Въ эту темную могилу, казалось, пробрался лучъ солнца... А онъ самъ себя заживо похоронилъ въ ней. Да не себя только, а свою невинную дѣвочку, единое свое утѣшеніе... Ей ли, только начинающей жить, зачахнуть въ лѣсныхъ дебряхъ, отдать одиночеству молодую жизнь, не извѣдать ничего, что она даетъ?.. Теперь она еще не понимаетъ, не слышитъ въ себѣ неотразимо-властнаго голоса природы... А услышитъ. — Скоро, скоро услышитъ!.. Вонъ какъ она вытянулась за этотъ годъ... Вотъ-вотъ заговоритъ въ ней этотъ неизбѣжный, неотвратимый голосъ... Природа подскажетъ ей все, а разсудокъ объяснитъ, истолкуетъ... На кого жь она должна будетъ плакаться, кого проклинать?—Отца, втолкнувшаго ее въ могилу!

Онъ остановился и развелъ руками.

— Знаешь, Кирилъ Андреевичъ, что я тебѣ скажу?—снова заговорилъ Непомнящій.

— Сказывай... Душу мою ты ущемилъ въ капканъ, такъ сказывай,—покорно отвѣтилъ бояринъ.

— Утромъ нонѣ сижу я на бережку у Керженца, не то думаю, ни то грежу наяву. Коли вижу, подходитъ ко мнѣ Фимочка съ цвѣточками въ рукахъ. Сѣла рядомъ со мною и заговорила мнѣ о тѣхъ безлѣпичныхъ бредняхъ, коими Ермилъ набилъ головы всѣмъ бабамъ:—то о «пупѣ земли», то про ефіоповъ, что живутъ якобы «во Европіи», то про какихъ-то «западниковъ» съ бѣсами,—и просила, чтобъ и я про все такое ей повѣдалъ... За досаду мнѣ стали тѣ безлѣпичныя Ермиловы вѣканья,—я и разскажи ей малость нѣкую про Венецію да про Римъ. Слушала она меня, слушала, да какъ ударится дѣвка въ слезы, инда меня оторопь взяла!—«Что—говорю съ тобою?»—А она пуще плачетъ:—«ничего-то я—причитаетъ—

Digitized by Google

не увижу, никогда, никогда!—только лѣсъ, лѣсъ и лѣсъ!»— Сердце у меня повернулось, на нее глядючи... Я и поклялся истиннымъ Богомъ вырвать васъ изъ сей юдоли плача на бѣлый свѣтъ.

— Что жь она?—тревожно спросилъ бояринъ.

— Ожила дѣвочка—вотъ какъ завядшій стебелекъ отъ росы оживаетъ.

— Ну, бѣсъ полуденный,—ты возмутилъ души наши, ты и утиши наше смятеніе,—рѣшилъ бояринъ, выпрямляясь и сверкая глазами.—Курбскій—такъ Курбскій!

— Слава Богу,—сказалъ искуситель.—Готовься же, бояринъ, къ веснѣ въ путь: — теперь ужь поздно. Чай, знаешь, что на богомолья по веснѣ ходятъ.

— А какимъ способомъ мы выберемся изъ скитовъ? что скажемъ? Не убѣгомъ же уйти.

— Зачѣмъ убѣгомъ?.. Мы пойдемъ на богомолье ко святымъ мѣстамъ, въ Кіевъ, къ печерскимъ угодникамъ.

— А Фима?

— И она съ котомкой за плечами, съ посохомъ и въ лаптяхъ... У нея ножки молодыя, прыткія.

— Да, моя Евфимія ходокъ—насъ за поясъ, поди, заткнетъ безусталью.

Отецъ Фимы сознавалъ, что принятое имъ теперь рѣшеніе, подсказанное ему со стороны, является болѣе роковымъ въ его жизни, чѣмъ то, которое принято имъ было сгоряча вслѣдствіе нанесеннаго ему безчестья. Не поведетъ ли и это рѣшеніе къ болѣе горькимъ послѣдствіямъ?.. Теперь будущее представлялось ему такимъ неопредѣленнымъ, какъ еслибы онъ рѣшилъ переселиться на луну: такими смутными, непонятными витали въ его умѣ формы жизни гдѣ-то «за-моремъ»...

Непомнящій тоже не могъ не сознавать, что и его рѣшеніе какъ бы съ облаковъ свалилось старику на голову... Неужели это рѣшеніе подсказали ему слезы Фимочки?.. Вѣдь онъ шелъ въ эту пустыню искать того Бога, котораго не находилъ ни въ Москвѣ, ни въ Римѣ, ни даже у подножія Елеонской горы и у заключеннаго въ мраморъ и золото «Лобнаго мѣста»... Но, очутившись въ этой пустынѣ, онъ понялъ, что ея пустота не наполнитъ его души тѣмъ, къ чему рвалась эта безпокойная, мятежная душа... Природа съ ея вѣчною, но нѣмою кра-

Digitized by Google

сотой? Нѣтъ, безотвѣтная красота не усмиритъ, не удовлетворитъ мятежнаго духа... Тамъ, далеко, у бирюзоваго моря, среди людей мысли, онъ еще находилъ отвѣты, хотя неполные, невполнѣ ясные, на жгучіе запросы духа и сердца. Но здѣсь—здѣсь непробудный сонъ.

— И гдѣ жь ты думаешь сыскать намъ тихую пристань?—вдругъ спросилъ бояринъ-скитникъ, какъ бы очнувшись отъ раздумья.

— Не индѣ, я чаю, какъ либо въ Веницеѣ, либо въ Римѣ,—отвѣчалъ Непомнящій, тоже очнувшись отъ своихъ думъ.

Вошла Фимочка. Пытливо взглянувъ на отца и на Непомнящаго, она сразу догадалась, что тутъ что-то произошло. Бояринъ тоже посмотрѣлъ на дочь, на ея ростъ, на выраженіе лица, и тутъ только въ первый разъ, казалось, замѣтилъ, что она уже не ребенокъ, а почти взрослая дѣвушка и притомъ красавица.

— Ну, что, дочка,—скоро будемъ схиму принимать? — съ улыбкой спросилъ онъ, погладивъ головку дочери.

— Какую схиму, батюшка?—удивилась Фима.

И слово «батюшка» поразило его: до сихъ поръ она называла его по дѣтски: «батя», а теперь тономъ взрослой: «батюшка».

— А, помнишь, ты маленькой все собиралась схиму принять,—сказалъ онъ, глядя ей въ глаза.—Еще, бывало, любила пѣть пѣсенку царевны Ксеніи Годуновой.

— А! помню, батюшка,—лукаво посмотрѣла она на отца.—Я и нонѣ спою тебѣ конецъ той пѣсенки.

Ино мнѣ постричися не хочетъ,
Чернеческаго чину не сдержати:
Отворити будетъ темна келья,
На добрыхъ молодцовъ посмотрити...

И бояринъ, и Непомнящій не могли удержаться отъ смѣха, а плутовка продолжала заунывно, подперши щеку рукою:

Ино охте мнѣ горевати!
Какъ мнѣ въ темну келью ступити,
У игумены благословитца!..

— Ну, и бой-дѣвка, погляжу я на тебя, — говорилъ бояринъ, обнимая Фиму.—Такъ «на добрыхъ молодцовъ посмотрити»?

Digitized by Google

— Нѣтъ, Евфимія Кириловна,—проговорилъ Непомнящій, многозначительно взглянувъ на дѣвушку, такъ что плутовка, по женской сметливости, сразу его поняла:—тебѣ, я полагаю, скоро придется пѣть начало пѣсенки царевны Ксеніи, а не конецъ... Ты, я чаю, помнишь:

Сплачетца мала птичка,
Бѣлая пелепелка:
Охте мнѣ, молоды, горевати!
Хотятъ сырой дубъ зажигати,
Мое гнѣздышко разорити,
Меня пелепелку поимати...

— Такъ, истинно такъ,—улыбнулся бояринъ: — готовься, бѣлая пелепелка, на весну въ схимницы.

— Только въ схиму тебя, Евфимія Кириловна, посвящать будутъ въ городѣ Веницеѣ, либо въ Римѣ «западники» Ермиловы,—добавилъ Непомнящій, снова значительно поглядѣвъ на дѣвушку.

Фимушка радостно бросилась отцу на шею.

— Батюшка, батюшка!—лепетала она сквозь счастливыя слезы.—Правда ли это, родной мой?

— Правда, правда, доченька! Только помни—до весны никому ни гу-гу, и сама забудь! — обнималъ онъ ее, думая: — «вишь, и этотъ называетъ ее ужь не Фимочкой, а Евфиміей Кириловной... Выросла дѣвка, выросла въ одинъ день. Была сморчокъ вчера, а нонѣ на-поди! дѣвка... Такъ и вся ихняя бабья порода: нонѣ съ куклой, а завтра съ женихомъ... Чудеса»!

XVI.

Фимочка, дѣйствительно, мужала не по днямъ, а по часамъ. Надежда, что она скоро вырвется отсюда въ новый, какой-то сказочный міръ, нарисованный ей Непомнящимъ, казалось, выростила ей крылья и она уносилась на нихъ въ міръ сладкихъ волнующихъ грёзъ. Она стала какъ будто менѣе порывиста, менѣе говорлива, хотя по прежнему ласкова и нѣжна, и это замѣтили скитницы.

— Дѣвка въ возрастъ входитъ,—говорили онѣ: — притихаетъ.

Digitized by Google

Съ Лушей она почти перестала ссориться, и хоть та иногда и задирала, называя ея косу «оглоблей», или говоря, что у нея глаза величиною въ ложку, однако Фимочка ужь не отвѣчала ей насмѣшкой на насмѣшку, а какъ будто жалѣла ее и щадила. Когда Ермилушка, вѣчно шляющійся то по другимъ дальнимъ скитамъ, то по монастырямъ,—снова заглядывалъ къ нимъ и снова выкладывалъ передъ своими благосклонными слушательницами новыя свѣдѣнія о продѣлкахъ бѣсовъ и какъ онъ, Ермилушка, всегда посрамлялъ ихъ, — Фимочка уже не визжала отъ страха или отъ радости, а больше иронически улыбалась. Но однажды, когда онъ опять сталъ похваляться, какъ поймалъ бѣса у себя въ лаптѣ и какъ его съѣла кошка,—Фимочка, по живости своего характера, не вытерпѣла.

— А какъ же, дѣдушка, ты весной сказывалъ, что кошка того бѣса не взяла и ты посадилъ его въ табакерку князь-кесаря Ромодановскаго, и теперь тотъ бѣсъ сидитъ въ Ромодановскомъ?—выпалила она безъ передышки.

Это такъ озадачило Ермилушку, что онъ нѣсколько секундъ не зналъ, что отвѣчать. Всѣ скитницы тоже были смущены. Но лгунишка скоро нашелся и оправился.

— Ахъ ты, дѣвонька, дѣвонька несмысленная!—укоризненно покачалъ онъ головой.

И скитницы съ укоризной взглянули на дерзкую:—какъ де можно соваться въ такое страшное дѣло!

— Ахъ, дѣвонька, дѣвонька! — продолжалъ старый лгунишка.—Вѣдь того бѣса не взяла кошка, потому что она—простая кошка... А это былъ другой бѣсъ, да и кошка другая—вѣдовая... Она, слышь ты, этта кошка у меня, грѣшнаго, по недогляду моему, однова кусочекъ просвирки съѣла,—ну, и стала отъ того святаго хлѣба—вѣдовая... Такъ вѣдовой-то кошкѣ что бѣсъ?—все едино, что мышь... Она-то и съѣла этого бѣса... А то на!—дѣдуська, дѣдуська!—какъ-де это кошка бѣса съѣла?—Ахъ ты, пучеглазая,—тоже дѣдуська!

И старый враль передразнилъ Фиму.

— Тоже суется съ своимъ язычкомъ!—не вытерпѣла и Луша.

И всѣ скитницы неодобрительно посмотрѣли на посрамленную дѣвчонку:—«и какъ-де можно!—да твоего ли ума это дѣло»?

Digitized by Google

Фима стала сдержаннѣе и съ Непомнящимъ, хотя постоянно искала случаевъ быть съ нимъ. Порѣшивъ, что имъ оставаться здѣсь только до весны, Непомнящій не искалъ уже себѣ никакого дѣла, хотя раньше намѣревался заняться просвѣщеніемъ скитниковъ и скитницъ. Однако, когда онъ убѣдился, что всѣ обитатели скитовъ дальше «двуперстнаго сложенія» не ищутъ ничего и вполнѣ вѣрятъ только нелѣпѣйшимъ розсказнямъ Ермилушки о бѣсахъ и ефіопахъ,—онъ махнулъ на все рукой и отъ скуки занялся уженіемъ рыбы въ Керженцѣ. Къ уженью тотчасъ же пристрастилась и Фима. Но тутъ у нея была и скрытая цѣль. Подъ тѣмъ предлогомъ, что она не могла насаживать на удочку червей, потому что боялась ихъ, Фимочка постоянно подсаживалась удить недалеко отъ Непомнящаго, то и дѣло подбѣгая къ нему съ удочкой:—«дядя Микита, насади мнѣ противнаго червяка»... И дядя Микита насаживалъ. Но при этомъ хитрая дѣвочка старалась навести разговоръ на то, чѣмъ она жила послѣдніе мѣсяцы,—на «Европію»:—какъ *тамъ* удятъ рыбу?—какія *тамъ* удочки?—какая *тамъ* въ морѣ рыба?—Сначала закинетъ издалека, а потомъ все ближе и ближе... А тотъ и радъ отдаться воспоминаніямъ, и удочки почти забыты:—у одного золотистый линь лѣниво, но явственно клюетъ, у другой и поплавокъ ушелъ подъ воду, увлеченный торопыгой-окунемъ,—а они сидятъ гдѣ нибудь въ тѣни Колизея и смотрятъ, какъ голуби вьются надъ Капитоліемъ, и какъ причудливо ложатся на мусорный Форумъ тѣни отъ арки Севера. А сами и не подозрѣваютъ, что въ ближайшемъ кусту калины спряталась Луша и жадно ихъ подслушиваетъ. У Луши хорошенькія щочки покрываются пятнами румянца не отъ одного только любопытства, но и отъ какого-то скрытаго чувства... Какъ женщина, съ врожденнымъ инстинктомъ сыщика, особенно въ области чувства, Луша давно догадалась, что за Непомнящимъ скрывается что-то не простое, далеко не простое... Съ искусствомъ ищейки она выслѣживала и Фимочку, а черезъ глаза ея, какъ черезъ большія открытыя окна, проникла и въ душу къ ней, и увидѣла тамъ то, чего не подозрѣвалъ,—какъ подобаетъ мужчинѣ, всегда недогадливому,—и самъ Непомнящій... У Луши заскребло на сердцѣ... «Вездѣ и всегда эта Фимка»!..

Но Луша не воображала, что и за нею ревниво слѣдитъ сыщикъ... Она давно замѣтила, что ее неотступно ѣстъ

Digitized by Google

масляными глазами молодой начетчикъ Павлунька Чернѣхъ, что года два какъ появился въ керженскихъ скитахъ и, повидимому, былъ изъ богатенькихъ, а не изъ сѣрыхъ лапотниковъ, какъ большинство скитниковъ. Сначала Луша относилась къ его заискиваньямъ равнодушно, смѣялась ему въ глаза, но всегда добродушно. Теперь же, съ половины лѣта, Чернѣхъ замѣтилъ, что дѣвушка стала упорно избѣгать его, а на его заигрыванья отвѣчать враждебно и съ нескрываемымъ презрѣніемъ. Чернѣхъ сталъ искать причины, издалека выслѣживать каждый шагъ дѣвушки, и—наконецъ—выслѣдилъ и понялъ...

— А!—такъ это все онъ—медвѣжатникъ!—заскрипѣлъ онъ зубами.

И вотъ началось двойное шпіонство. Луша по пятамъ слѣдила Фимочку и Непомнящаго, а Чернѣхъ выслѣживалъ Лушу и тоже Непомнящаго. И Чернѣхъ, какъ и Луша, понялъ, что за Непомнящимъ скрывается крупный звѣрь, шкура котораго очень дорога. Онъ видѣлъ и самъ слышалъ изъ своего куста, что звѣрь этотъ бывалъ за моремъ и видѣлъ то, чего никому изъ скитниковъ и во снѣ не грезилось... «Такъ вотъ на кого промѣняла меня Лушка»!—рычалъ онъ въ душѣ.

— Да и та, пучеглазая, словно на икону на него смотритъ... Скоро всѣ наши дѣвки увяжутся за нимъ: — бери любую — хоть съ квасомъ ихъ три, хоть масло пахтай.

Много дней онъ все шпіонилъ и подсматривалъ за ними, а ревность и злоба все болѣе и болѣе овладѣвали имъ. Эта борьба страстей довела его до того, что онъ готовъ былъ на преступленіе.

И онъ едва не совершилъ его. Однажды подъ вечеръ Луша пошла за чѣмъ-то въ сосѣдній женскій скитъ. Идти нужно было лѣсною тропой, хорошо знакомой Лушѣ. Чернѣхъ, который постоянно слѣдилъ за нею, поспѣшилъ по той же тропѣ, и скоро нагналъ дѣвушку.

— Здравствуй, Лукерья,—сказалъ онъ, взявъ ее за руку.

— Здравствуй,—отвѣчала дѣвушка; но руку свою досадливо вырвала изъ руки начетчика.

— Али ты, дѣвка, въ сторожихи нанялась?—сказалъ начетчикъ съ злобною усмѣшкой.

— Какія такія сторожихи?—удивилась дѣвушка.

— А къ Химкѣ да къ ея полюбовнику подъ калиновый кустъ.

Digitized by Google

Луша вся вспыхнула... Негодяй подсмотрѣлъ ея тайну.

— Что, дѣвка,—своей очереди подъ кустомъ ждешь—подставной быть за Химкой охота разбираетъ?—ась?

— Подлый ты, подлый!—прошептала дѣвушка, вся поблѣднѣвъ.—Вотъ же тебѣ, варнакъ!—И Луша плюнула ему въ лицо.

— А! дакъ ты такъ!—захрипѣлъ негодяй, и, схвативъ дѣвушку за горло одною рукой, а другою зажавъ ей ротъ, словно звѣрь, потащилъ ее въ чащу.

Тамъ, поваливъ обезсиленную въ борьбѣ дѣвушку на землю, злодѣй уже готовъ былъ совершить надъ нею свое гнусное дѣло... Жертва была беззащитна. Но въ этотъ моментъ чьи-то сильныя руки, словно желѣзные клещи, сжали злодѣю горло... Это былъ Непомнящій. Онъ, къ счастью, во-время увидалъ сцену насилія и поспѣшилъ спасти дѣвушку. Какъ щенка, за шиворотъ онъ приподнялъ съ земли злодѣя и едва не задушилъ его... Обезсиленная дѣвушка съ трудомъ поднялась и истерически зарыдала...

— Не плачь, милая,—утѣшалъ ее Непомнящій:—иди домой, не бойся, а этого злодѣя я потащу на судъ скитскихъ стариковъ. Успокойся, Лукерьюшка, бѣдная!

Ласковый голосъ спасителя ободрилъ дѣвушку. Въ душу ея проникъ лучъ утѣшенія.

— Богъ тебя награди!—съ чувствомъ прошептала она.

Негодяй чувствовалъ, что его держитъ несокрушимая для него сила, и со злобой отчаянья покорился своей участи. Непомнящій привелъ его въ главный скитъ, и негодяя на ночь заперли на замокъ въ прочную клѣть. Утромъ сѣбраны были старики и, выслушавъ показаніе Непомнящаго, приговорили посадить злодѣя на цѣпь въ смирительную клѣть на хлѣбъ—не просто на хлѣбъ, а «на скудное питаніе»—и на воду, срокомъ на мѣсяцъ, а потомъ, подвергнувъ суровой эпитиміи, навсегда изгнать изъ скитовъ.

Лушѣ не прошло даромъ вынесенное ею потрясеніе. Она слегла: у нея оказалась нервная горячка. Бѣдная дѣвушка металась въ своей постели и бредила. Фимочка не отходила отъ больной подружки, прислушиваясь къ ея безсвязнымъ рѣчамъ, поправляя подъ ея пылающей головой подушку и подавая питье. Фимочка была поражена, когда въ безсвязномъ

Digitized by Google

бреду больной она уловила нѣсколько словъ, отъ которыхъ ей стало страшно:—то были слова—«Венецѣя»... «Римъ»... «Капитолій»...

— Гдѣ она ихъ слышала? откуда узнала? — недоумѣвала она и терялась въ тревожныхъ догадкахъ.

— Испорчена, сердечная, испорчена! — качали головами старыя скитницы.—Авось какъ нибудь опять забредетъ къ намъ Ермилушка:—онъ отчитаетъ болящую.

— Дай-то Богъ,—говорили другія:—а то, поди, тотъ злодѣй въ нее, голубушку, бѣса посадилъ... Надо, надо отчитать ее...

Но Ермилушка не приходилъ:—онъ, по обыкновенію, шлялся гдѣ-то.

Д. Мордовцевъ.

(Окончаніе будетъ).

Digitized by Google

Наша періодическая печать и сельское хозяйство.

I.

У насъ въ Россіи творится что-то странное, непонятное и трудно объяснимое. Куда ни посмотришь, всюду слышишь только—«кризисъ»! «кризисъ»! «Мы разорены». Странно: *земледѣльческая* страна и вдругъ—*земледѣльческій* кризисъ! Сельскій хозяинъ,—какъ *мужикъ*, такъ и *баринъ*,—разорились, не вынесли тяготы земли и завопили: «Нѣмецъ закапризничалъ, не хочетъ хлѣба нашего покупать»! «Америка завалила Европу своимъ хлѣбомъ»!

Разобраться въ причинахъ, вызвавшихъ у насъ земледѣльческій кризисъ, никто не можетъ, никто даже серьезно не пытался, мало того—никто даже серьезно и не задумывался надъ нимъ. Трудно себѣ представить, какое жалкое существованіе влачитъ наше сельское хозяйство! Участью и судьбою его почти никто никогда не интересовался и не интересуется, а если интересуются, то, къ сожалѣнію, очень немногіе. Какъ *мужикъ*-земледѣлецъ, такъ и *баринъ*-землевладѣлецъ, въ своемъ хозяйствѣ, предоставлены исключительно самимъ себѣ, своимъ собственнымъ силамъ: какъ хочешь, хоть плачь, а веди хозяйство. Нашъ сельскій хозяинъ безпомощенъ, прямо таки находится въ какомъ-то бѣдственномъ положеніи, до котораго нѣтъ никому дѣла. Многіе это видятъ, понимаютъ, но, по обыкновенію, отдѣлываются традиціоннымъ оправданіемъ: «моя хата—съ краю, ничего не знаю». Нашему сельскому хозяину посовѣтоваться не съ кѣмъ,—слишкомъ мало у насъ людей съ агрономическимъ образованіемъ,—серьезныхъ книгъ по этой отрасли знанія достать негдѣ, или онѣ такъ дороги, что пріобрѣсти ихъ не всякій имѣетъ возможность; газеты же наши занимаются больше городской жизнью и иностранной политикой, почти совершенно игнорируя сельско-хозяйственные вопросы. У насъ пока нѣтъ еще ни науки, работающей въ интересахъ сельскаго хозяйства, ни періодической печати, популяризирующей научныя данныя и основанія, на которыхъ зиждется все сельское хозяйство. Ничего этого у насъ нѣтъ. И мы го-

Digitized by Google

воримъ это безъ преувеличенія, не для краснаго словца, не съ цѣлью иронизировать надъ нашимъ бѣднымъ сельскимъ хозяйствомъ.

Въ Россіи господствуетъ *земледѣльческій* кризисъ—это фактъ печальный и притомъ знаменательный.

Наши земледѣльцы и землевладѣльцы до сихъ поръ надѣялись на неистощимую цѣлину нашего глубокаго чернозема, въ немъ одномъ только и видѣли свое спасеніе. «Черноземъ глубокъ, почва сильна и богата соками,—паши сколько хочешь». Однако жь, кромѣ цѣлины, богатства и дѣвственности нашей почвы, мы надѣялись еще на главныхъ спутниковъ всѣхъ нашихъ вожделѣній и надеждъ, а именно: на «авось» и «небось». Мы какъ-то всегда особенно сильно уповаемъ на ихъ помощь. Я предложилъ бы филологамъ заняться вопросомъ: не были ли эти «авось» и «небось» нашими древнеязыческими богами, въ родѣ миѳическихъ ларъ и пенатовъ. Ужь больно мы часто къ нимъ прибѣгаемъ и часто надѣемся на ихъ помощь и заступничество.

Но нѣтъ ничего на свѣтѣ ни вѣчнаго, ни неистощимаго,—всему рано или поздно долженъ наступить конецъ. Цѣлина выпахана, безжалостна ограблена, а потому земля оскудѣла, перестала оплачивать свою стоимость и даже стоимость затрачиваемаго на нее труда. Слѣдовательно, чтобы успѣшно вести хозяйство, нужно поставить его на новыя начала: вмѣсто прежней хищнической, рутинной системы веденія хозяйства, должна явиться новая раціональная система. На этой раціональной системѣ должны покоиться всѣ наши чаянія и надежды; въ ней одной наши земледѣльцы и землевладѣльцы должны видѣть все свое спасеніе.

Что же это за раціональная система? Чего она прежде всего требуетъ отъ желающаго воспользоваться ея услугами? Прежде всего—знанія, и знанія не по преданію, переходящаго устно отъ отца къ сыну,—нѣтъ, этого знанія здѣсь недостаточно: нужно другое—научное знаніе, агрономическое, которое опиралось бы не только на опытныхъ, но и на научныхъ, теоретическихъ данныхъ.

Но есть ли у насъ подобное знаніе, которое способно было бы пересоздать наше рутинное сельское хозяйство, ввести его въ новый фазисъ развитія, поставить на новую почву?

Повидимому, мы вовсе не отстали отъ Европы и не идемъ въ ея хвостѣ. Этого мнѣнія придерживаются не одни только славянофилы, но и нѣкоторые западники.—У насъ есть и желѣзныя дороги, и телеграфы, есть и *ученыя* общества,—даже сельско-хозяйственныя,—есть ученые люди, которыхъ мы почитаемъ чуть не за маговъ, всевѣдущихъ и всемогущихъ. Мы даже что-то такое изобрѣли, открыли. Посылаемъ ученыя экспедиціи въ дикія и невѣ-

Digitized by Google

домыя страны—описывать ихъ климатъ и землю, изучать ихъ нравы и обычаи. Поощряемъ художества—музыку, а особенно оперетку. Имѣемъ археологическіе институты,—одинъ даже въ Константинополѣ,—и до недавняго времени содержали учительскую семинарію... въ Лейпцигѣ. Издаемъ не только на русскомъ, но даже на нѣмецкомъ языкѣ ученыя сочиненія, археологическія и лингвистическія изысканія. Работа въ этой области идетъ у насъ усиленно и, говорятъ даже, что мы и нѣмцу не только не уступимъ, но въ иныхъ отрасляхъ, напр., археологіи, прямо за поясъ его заткнемъ. Издаемъ газеты, книги. Первыя у насъ выходятъ даже въ сравнительно большомъ количествѣ, хотя и съ сомнительною пользою для нашего интеллектуальнаго развитія. Прискорбно, однако жь, то, что въ нашей періодической прессѣ рѣдко появляются извѣстія изъ деревни и свѣдѣнія о ней. Деревня, съ своимъ «мужикомъ» и навозомъ, слишкомъ грязна для нашего глаза, а потому, такъ сказать, не симпатична, слишкомъ шероховата. Вѣдь намъ нужно что нибудь гладкое, полированное, издающее особый ароматъ.

Наша ежедневная и ежемѣсячная общая печать, при своей сравнительной распространенности, могла бы оказать большое содѣйствіе и громадную поддержку нашему бѣдному и безпомощному сельскому хозяйству. Она читается не одною сотнею тысячъ читателей и, притомъ, читателей интеллигентныхъ, разбросанныхъ по всему лицу обширной земли русской. Въ распоряженіи нашей общей печати громадная аудиторія, которая могла бы явиться прекрасною школой для проведенія сельско-хозяйственныхъ знаній въ общество. Спросъ на газету годъ отъ году возрастаетъ, количество подписчиковъ увеличивается. Читатель газеты появился уже и въ деревнѣ, даже среди крестьянъ. Она сдѣлалась, въ наше время, такою же насущною потребностью для каждаго мало-мальски развитаго человѣка, какъ чай, завтракъ и обѣдъ. Чего-то такого недостаетъ, когда утромъ не успѣешь прочитать газеты. Безъ газеты скучно, безъ нея не знаешь, что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ, а развѣ можно жить безъ того, чтобы не знать, что дѣлается подъ луною?

Правда, требованія къ газетѣ, предъявляемыя читателемъ, различны. Одни ищутъ въ ней,—а такихъ громадное большинство,—различныхъ сообщеній о происшествіяхъ, грабежахъ, убійствахъ; другіе отыскиваютъ политическіе скандалы, третьи... да мало ли что ищутъ, всего и не пересчитаешь. «Телеграммы» и «разныя разности»—вотъ самое любимое чтеніе большинства публики. Но не всѣ интересуются «телеграммами» и «разными разностями». Есть и другой кругъ читателей, который ищетъ въ газетѣ чего нибудь полезнаго, поучительнаго. И этотъ небольшой кругъ читателей

Digitized by Google

все болѣе и болѣе расширяется,—количественно и качественно возрастаетъ. Онъ уже предъявляетъ къ газетѣ иныя требованія, не довольствуясь узкимъ шаблономъ обычной газетной программы.

Конечно, всѣ извѣстія собираются и объясняются корреспондентами въ духѣ и направленіи той газеты, къ которой они принадлежатъ. За невозможностью читать нѣсколько различныхъ газетъ, многіе придерживаются какой-либо одной; поэтому у каждой газеты составляется свой кругъ читателей, судящій о всемъ совершающемся въ духѣ и направленіи получаемой ими газеты. Обыкновенный читатель, занятый своимъ дѣломъ, не имѣетъ времени ни вдаваться въ разсужденія по тому или другому вопросу, ни обдумывать подробно сообщаемое газетой,—онъ лишь наскоро ее пробѣгаетъ и, безъ особеннаго утрудженія головы, принимаетъ все на вѣру. Мнѣніе газеты по тому или другому вопросу является какъ бы его собственнымъ мнѣніемъ. Онъ—рабъ газетныхъ мнѣній и взглядовъ. При такихъ условіяхъ, у читателей газетъ составляются односторонніе понятія о вещахъ, событіяхъ и происшествіяхъ. Читатель—позволимъ себѣ такъ выразиться—смотритъ на все глазами своей газеты. Но правильное представленіе о положеніи дѣлъ и вещей можно получить только сопоставленіемъ направленій и тенденцій разныхъ органовъ печати.

Мы ранѣе сказали, что требованія, предъявляемыя къ газетѣ читателемъ, совершенно измѣнились. А между тѣмъ наша общая періодическая печать не измѣнила своего характера и направленія. По прежнему, цѣль газеты—удовлетворять вкусамъ толпы, вкусамъ горожанина. Деревенскому жителю, какъ мужику, такъ и барину; экономическому положенію и быту деревни; выясненію насущныхъ ея вопросовъ,—наша пресса слишкомъ мало отводитъ мѣста, слишкомъ мало интересуется этимъ предметомъ. Она интересуется деревнею, ея обитателями и ихъ бытомъ, только въ сферѣ скандала, убійствъ, грабежей и ростовщичества. Темно, невѣжественно въ деревнѣ—это правда, но вѣдь и эта темная деревня имѣетъ свои нужды, свои заботы, свои радости и горести. Смотришь въ газеты и видишь только одни убійства, грабежи, подлоги и, пожалуй, невольно создашь себѣ представленіе, что деревня только этимъ и живетъ, и что все, описываемое нашею общею печатью, есть не исключеніе, возможное повсюду, а общее правило.

Какіе же вопросы затрогиваетъ наша столичная общая печать? Занятая «матеріями важными»—политикою и дипломатіею, искусствомъ и художествами,—она почти не интересуется судьбами провинціи. Ея не трогаютъ жгучіе интересы провинціальнаго общества, не волнуютъ жизненные вопросы нашихъ медвѣжьихъ угловъ.

Digitized by Google

Она, положительно, холодна и равнодушна къ нимъ. Ее болѣе интересуетъ, куда поѣхалъ Кобургъ, гдѣ и что онъ сказалъ; гдѣ отплясываетъ звѣздочка X. гдѣ поетъ теноръ Y... Возьмите большинство нашихъ газетъ и ознакомьтесь съ программой ихъ.—На первомъ мѣстѣ—телеграммы политическаго характера, потомъ передовая статья, которая представляетъ собою самое обширное и благодарное поле для нашихъ публицистовъ, гдѣ можетъ разгуляться подчасъ ихъ необузданная фантазія. Далѣе, за передовою статьею идутъ столичные и провинціальные скандалы и сплетни, сенсаціонные процессы, отчеты о скачкахъ, о травлѣ звѣрей, о велосипедистахъ (о послѣднихъ особенно много пишутъ въ настоящее время) Аркадіямъ, Ливадіямъ и пр. увеселительнымъ кафе-кабачкамъ тоже отводится приличное и почетное мѣсто. Потомъ—переливанье изъ пустаго въ порожнее—ругательный или скабрёзный фельетонъ. И уже на послѣдней страницѣ мы находимъ корреспонденцію—и то не всегда—отъ *собственнаго корреспондента* изъ какого нибудь медвѣжьяго угла.

Правда, одно время нашу печать интересовала деревня, занималъ ее и нашъ мужикъ. Но все это ей скоро надоѣло; прискучилъ и самъ мужикъ съ своими нуждами. И вотъ на сцену является какое-то чуть не обще-литературное движеніе противъ деревни, противъ мужика. Если приглядѣться попристальнѣе къ нашей современной журналистикѣ, легко замѣтить, что *мужикъ* и *мужицкій міръ* мало по малу началъ исчезать со столбцовъ нашихъ газетъ и на его мѣсто совершенно неожиданно начинаетъ выступать русская буржуазія. Наша стомилліонная масса привлекаетъ вниманіе къ себѣ только въ минуты страшнаго кризиса—голода, холеры или эпидеміи. Проходитъ кризисъ, мы опять погружаемся въ спячку, забываемъ мужика и его нужды, равнодушно переходимъ къ *текущимъ* своимъ дѣламъ, къ своимъ *высшимъ порывамъ и соображеніямъ*. Но и въ эту *критическую* для деревни минуту, мы приходимъ на помощь къ ней какъ-то неумѣло, даже растерянно. Правда, у насъ въ этомъ случаѣ всегда есть большая доля искренности, увлеченья, неподдѣльности. Мы искренно рады пособить мужику, избавить его и отъ холеры, и отъ эпидеміи, и ото всѣхъ этихъ жучковъ, мошекъ, засухъ; мы не прочь помочь ему, улучшить и поднять его матеріальное и нравственное положеніе, но... къ сожалѣнію, все это какъ-то намъ не удается. Одного, даже самаго искренняго, желанія,—когда требуется дѣло, — положительно недостаточно. Благими намѣреніями да пожеланіями и адъ вымощенъ, но что̀ изъ этого толку?

Мы всегда какъ-то въ критическую минуту усаживаемся на

Digitized by Google

два стула и претендуемъ еще занять и третій: и хочется намъ помочь страждущимъ, и не знаемъ какъ. Кризисъ всегда застаетъ нашу печать врасплохъ. Она въ эти минуты мечется изъ стороны въ сторону, волнуется, кричитъ, кого-то обвиняетъ, кѣмъ-то и за что-то недовольна, предлагаетъ проэктъ за проэктомъ, изобрѣтаетъ одну мѣру за другой. Всевозможные проэкты нарождаются, какъ грибы послѣ дождя, но все это отличается скороспѣлостью, необдуманностью, такъ что жаль за нихъ и выѣденное яйцо дать.

Голодуетъ народъ—не бѣда. Скотъ падаетъ отъ безкормицы—не велико огорченіе: можно осиновыми дровами его кормить, лишь бы волочилъ ноги. Мы не шутимъ. Въ нашихъ спеціальныхъ сельско-хозяйственныхъ журналахъ и въ общей печати было нѣсколько статей по этому вопросу. Всѣ ученые и неученые находили, что осиновое полѣно если не вкусно, то все таки питательно. Взялъ осиновое полѣно, обратилъ его въ порошокъ, и покармливай имъ скотинку, благо она безотвѣтная. Утверждали, что клѣтчатка осины также питательна. какъ и клѣтчатка любаго зерна. Конечно, всѣ эти проэкты далѣе столбцовъ газеты не шли, и не нашелся, конечно, такой наивный человѣкъ, который бы послѣдовалъ этому благому совѣту. А орошеніе?.. Какихъ только оно не породило проэктовъ. Всякій старался наперерывъ дать проэктъ лучшей и наидешевѣйшей системы орошенія. Проэктами орошенія занимались даже люди, которые и деревню-то знаютъ по наслышкѣ, о самомъ же орошеніи полей разсуждаютъ съ точки зрѣнія поливки огородныхъ грядъ. Загляните изъ любопытства въ наши сельско-хозяйственные журналы за 1891 и 1892 года и вы увидите, какъ изобрѣтательны наши прожектеры и какими вопіющими нелѣпостями чреваты ихъ проэкты. А кузька, а жучки?.. Сколько потрачено и исписано бумаги, изведено чернилъ на уничтоженіе этого грознаго кузьки! А кузька себѣ ни гу-гу, безпрепятственно плодится и множится на погибель хлѣбнымъ злакамъ къ величайшему огорченію ихъ сѣятелей, и продолжаетъ поѣдать мужицкіе и барскіе хлѣба.—Правда, мы вели съ нимъ борьбу усиленно, но... только на бумагѣ, да и то не особенно храбро, потому что шли на него въ разбродъ. Каждый, какъ говорится, молодецъ на свой образецъ. Пробовали вступать съ нимъ въ борьбу и въ открытомъ полѣ, но потерпѣли серьезное пораженіе: сожралъ только кузька десятки тысячъ прогонныхъ, подъемныхъ, непредвидѣнныхъ и пр.

И, дѣйствительно, почти всякій разъ, когда періодическая печать начинала *серьезно* заниматься изученіемъ экономическаго строя деревни, она пасовала. Отъ того ли она пасовала, что экономическій строй и бытъ нашего сельскаго хозяина крайне трудно поддается

Digitized by Google

изученію и наблюденію, или отъ того, что сама печать, въ силу своей неподготовленности, оказалась мало свѣдущею въ разрѣшеніи назрѣвшихъ экономическихъ и сельско-хозяйственныхъ вопросовъ?

Вопросы, касающіеся нуждъ деревни и сельскаго хозяйства, возникали быстро одинъ за другимъ, не давали времени намъ опомниться, обдумать способы правильнаго рѣшенія ихъ. Время было горячее. Мы играли съ ловкимъ противникомъ, который побивалъ нашу карту, такъ что намъ приходилось только расплачиваться. Ошеломленные неожиданностью и неотступностью этихъ вопросовъ, мы бродили вокругъ да около, глубокомысленно вникали въ суть вещей, создавали проэкты, которые потомъ оказывались мыльными пузырями. Мы бросались изъ стороны въ сторону, переходили отъ одного *цѣлесообразнаго* проэкта къ другому, отъ одной *умной* мысли къ другой. Словомъ, мы изобразили ту синицу, которая надѣлала много шуму, но моря не зажгла.

Послѣднее десятилѣтіе наше, по своимъ колебаніямъ, по своимъ шаткимъ и хрупкимъ основамъ, на которыхъ мы хотѣли устроить нашу экономическую жизнь, крайне характерно и поучительно для будущаго историка нашей экономической жизни, нашего экономическаго роста и развитія.

Мы стояли то за сельское хозяйство, и въ немъ одномъ только видѣли свое спасеніе, то опирались, какъ на каменную гору, на всемогущій капитализмъ; отъ крупной монополіи быстро переходили къ артелямъ, къ коопераціямъ. Мы судорожно искали выхода изъ заколдованнаго круга нашихъ экономическихъ неурядицъ и броженій, съ горячностью искали руководящую нить, которая была бы путеводительницею въ темномъ лабиринтѣ. Но, не смотря на всѣ поиски, нити этой мы не находили. А безъ нея далеко не уйдешь и другихъ не уведешь за собою. Отсюда у насъ цѣлый рядъ недоразумѣній, колебаній, противорѣчащихъ не только другъ другу, но и всѣмъ политико-экономическимъ требованіямъ, всему экономическому строю нашей деревни, даже болѣе — всей тысячелѣтней нашей жизни.

Русская періодическая печать, за послѣднее десятилѣтіе, старалась разрѣшить жгучій современный вопросъ, касающійся упадка производительныхъ силъ русскаго государства вообще и бѣдности русскаго землевладѣнія и земледѣлія въ особенности. Дѣло серьезное, важное! Отъ желающихъ посвятить себя рѣшенію подобныхъ вопросовъ оно требуетъ солидныхъ знаній, основательной подготовки, не только теоретическаго, но и практическаго знакомства съ экономическими и сельско-хозяйственными нуждами и потребностя-

Digitized by Google

ми. Здѣсь недостаточно одного общаго образованія, необходимо должно быть и сельско-хозяйственное.

У насъ же за разрѣшеніе этихъ вопросовъ брались люди или не компетентные въ нихъ, или съ предвзятыми взглядами на деревню и мужика. Первые рѣшали назрѣвавшіе вопросы наскокомъ, разрубали гордіевъ узелъ въ нашемъ экономическомъ оскудѣніи съ плеча, а вторые продолжали твердить, что въ деревнѣ все обстоитъ благополучно, что все тамъ цвѣтетъ и благоденствуетъ. Мы не хотимъ умолчать и о третьей категоріи лицъ, посвятившихъ свои силы и знанія разрѣшенію сельско-хозяйственныхъ вопросовъ. Люди эти обладаютъ общимъ и спеціальнымъ—сельско-хозяйственнымъ—образованіемъ; повидимому, они должны бы быть компетентными и полезными въ этомъ дѣлѣ. На самомъ же дѣлѣ выходило обратное: всѣ ихъ проэкты, всѣ ихъ совѣты,—хотя они и обставлены серьезнымъ научнымъ апаратомъ, и видны въ нихъ слѣды «глубокой эрудиціи»...—въ жителяхъ деревни всегда возбуждали недоумѣніе. При чтеніи ихъ, всѣ пожимали плечами и качали головою. У всѣхъ этихъ проэктовъ, вышедшихъ изъ подъ пера нашихъ ученыхъ людей, есть одинъ общій крупный недостатокъ — это теоретичность ихъ, отсутствіе хотя бы малѣйшаго знанія деревни и пониманія ея нуждъ. Всѣ эти мѣры, рекомендуемыя нашими учеными людьми, носятъ на себѣ слѣды хотя и глубокаго, и добросовѣстнаго изученія, но изученія кабинетнаго. Опыты и химическіе анализы надъ почвою, надъ удобреніемъ производились на *опытныхъ* поляхъ, размѣры которыхъ напоминаютъ собою огородныя гряды, а провѣрялись въ лабораторіяхъ. Согласитесь, что анализы эти могутъ быть, вѣрны,—и въ этомъ нѣтъ сомнѣнія,—однако жь, нужно помнить, что крестьянское и владѣльческое поле — не гряда. Здѣсь нужны опыты въ обширныхъ размѣрахъ и притомъ не въ одной какой либо мѣстности, а въ сотняхъ—тысячахъ мѣстахъ.

Вотъ по этимъ-то рецептамъ, являвшимся плодомъ глубокаго и серьезнаго, но, къ несчастію, кабинетнаго изученія и лабораторной опытности, или плодомъ досужей фантазіи публициста, который съ одинаковымъ апломбомъ будетъ говорить обо всемъ,—производилось переустройство нашего сельско-хозяйственнаго строя, производились опыты и надъ осушеніемъ болотъ, и надъ облѣсеніемъ, и надъ удобреніемъ. Много средствъ испробовано, много проэктовъ, самыхъ надежныхъ и вѣрнѣйшихъ, примѣнялось; много затрачено и силъ, и денегъ на всевозможные опыты, отъ введенія которыхъ ожидались самые блестящіе результаты, самыя благія послѣдствія въ смыслѣ улучшенія нашего сельско-хозяйственнаго быта. Но все напрасно: пропали деньги, погибли силы; толку никакого не вышло,—деревня

Digitized by Google

по прежнему осталась при *неразрѣшенныхъ вопросахъ*. Она даже потеряла всякую надежду—увидѣть когда либо рядъ блестящихъ и цѣлесообразныхъ опытовъ, произведенныхъ въ ея интересахъ.

Рекомендовавшіяся нашею печатью артельныя сыроварни и крахмальные заводы оказались безполезными. А эти толки и споры о необходимости и возможности у насъ экстенсивнаго или интенсивнаго хозяйства! Развѣ они мыслимы въ какой либо другой странѣ? Наша пресса много толковала о хлѣбной торговлѣ, о хлѣбныхъ законахъ, о пошлинахъ на хлѣбъ, объ удобреніи—и о чемъ только она не толковала! Много исписано бумаги, а все таки хлѣбный вопросъ остается не рѣшеннымъ, загадочнымъ, какъ одинъ изъ семи сновъ фараона.

Голосъ экономической и сельско-хозяйственной науки у насъ рѣдко раздается, и наше общество еще не привыкло къ его звукамъ. Въ силу этой непривычки къ нимъ, у большинства сельскихъ хозяевъ сложилось вообще недовѣріе къ научному опыту. Не удивительно, если, послѣ всего этого, даже серьезные, дѣловые проэкты постигала горькая участь. Наша общая и спеціальная сельско-хозяйственная печать не только не пріучила сельскихъ хозяевъ прислушиваться къ ея совѣтамъ, но прямо многихъ оттолкнула отъ себя.

Россія въ экономическомъ отношеніи — особая, оригинальная страна. Здѣсь отъ сельскаго хозяйства и сельско-хозяйственной техники до соціальнаго быта и экономическаго строя—все оригинально. Россія, гдѣ 90% населенія — земледѣльцы, по преимуществу земледѣльческая страна. Слѣдовательно, цѣнность сельско-хозяйственныхъ продуктовъ составляетъ главную цѣнность народнаго труда и сбыта за границу. Являясь на всемірныхъ рынкахъ въ качествѣ поставщика сырыхъ продуктовъ, Россія и не знаетъ сама тѣхъ рынковъ, а пользуется для сбыта своихъ произведеній услугами евреевъ и нѣмцевъ-комисіонеровъ. Участью нашего сельскаго хозяйства никто не интересуется—ни земства, ни наши финансисты, ни даже сами земледѣльцы и землевладѣльцы. Мужикъ легко мѣняетъ плугъ на лавочку, а баринъ съ большимъ удовольствіемъ предпочтетъ сидѣть въ канцеляріи—писать «входящія» и «исходящія», нежели въ своей Маниловкѣ—заниматься обработкой земли. Если послѣднихъ что и удерживаетъ при землѣ, такъ это—полнѣйшая невозможность существованія безъ нея, хотя она и является для нихъ, какъ говорится, злой мачихой. Мы забываемъ, что общимъ положеніемъ нашего сельскаго хозяйства объясняется хорошее или дурное состояніе земскихъ и государственныхъ финансовъ. Правда, послѣднія наши экономическія «встряски»—голодъ 1880 и 1892 годовъ,

Digitized by Google

жучки, саранча, эпидеміи и эпизоотіи—заставили призадуматься надъ участью нашей деревни. Явился интересъ вообще къ деревнѣ и въ частности къ сельскому хозяйству, не только въ правительственныхъ, но и въ разныхъ общественныхъ сферахъ. Многимъ казалось, что наконецъ-то взошло солнце надъ нашимъ бѣднымъ сельскимъ хозяйствомъ и пролило яркій свѣтъ на извилистыя тропинки, по которымъ мы такъ долго блуждали. Но это было не болѣе какъ минутною вспышкою. Скоро мы опять успокоились и по прежнему предались маниловскому самоублаженію. И, дѣйствительно, наши милые оптимисты успокоились, перестали и совсѣмъ интересоваться деревнею, а преспокойно занялись насажденіемъ на Руси фабрично-заводской промышленности.

Мы, конечно, ничего не имѣемъ противъ разумнаго насажденія у насъ фабрично-заводской промышленности, потому что хорошо понимаемъ, что рента и цѣнность земли вездѣ увеличивается пропорціонально близости земельной собственности къ городу, пропорціонально населенности послѣдняго и развитію въ немъ фабрично-заводской промышленности. Мы знаемъ, что крайне безразсудно думать, что для націи гораздо выгоднѣе помѣщать свой капиталъ въ земледѣліе, чѣмъ въ фабрично-заводскую промышленность, и что земледѣліе само по себѣ гораздо болѣе благопріятно для увеличенія капиталовъ, чѣмъ фабрично-заводская промышленность. Конечно, мы не можемъ оспаривать того, что ростъ матеріальнаго земледѣльческаго капитала обусловливается ростомъ матеріальнаго фабрично-заводскаго капитала, и націи, не признающія этой истины, какъ бы ни были у нихъ благопріятны естественныя условія для развитія земледѣлія, не только не будутъ идти впередъ, но отстанутъ въ пріобрѣтеніи богатствъ, въ увеличеніи населенія, въ развитіи цивилизаціи и политическаго могущества. Мы только противъ того, что у насъ,—гдѣ 90% населенія—земледѣльцы,—и правительство, и общество больше заботятся о водвореніи фабрично-заводской промышленности, чѣмъ о развитіи и поддержаніи земледѣлія. Нельзя не сочувствовать земледѣльцамъ и землевладѣльцамъ, которые считаютъ мѣропріятія, клонящіяся къ развитію фабрично-заводской промышленности въ странѣ, за привилегіи, которыя служатъ къ обогащенію только фабрикантовъ, а бремя ихъ приходится выносить исключительно землѣ. Мы забываемъ, что безсмысленно насаждать искусственнымъ путемъ фабрично-заводскую промышленность, какъ было бы безсмысленно въ холодномъ климатѣ заниматься винодѣліемъ въ теплицахъ. Фабрично-заводская промышленность должна возникать сама по себѣ естественнымъ образомъ: національный капиталъ не можетъ быть увеличенъ искусственными средствами. Мы двѣсти лѣтъ искус-

Digitized by Google

ственными мѣрами водворяемъ у себя фабрично-заводскую промышленность и все таки не водворили ея до сихъ поръ. А пока водворяли мы ее у себя, мы забыли совершенно о другой отрасли промышленности—земледѣліи, которымъ у насъ занимается 90% населенія.

Мы даже не создали центральнаго органа, около котораго группировались бы сельскіе хозяева и который былъ бы проводникомъ: съ одной стороны—сельско-хозяйственныхъ знаній, а съ другой—знакомилъ бы нашихъ сельскихъ хозяевъ съ хлѣбными рынками. Въ Соединенныхъ Штатахъ, напр., есть особый департаментъ земледѣлія. Онъ публикуетъ не только виды на урожай въ предѣлахъ штатовъ, но и даетъ цѣлую статистику по отдѣльнымъ мѣстностямъ, показывая число десятинъ, находящихся подъ жатвою, разсылаетъ образцы хлѣбовъ и сѣмянъ, и всею своею дѣятельностью несомнѣнно способствуетъ поднятію общаго уровня земледѣльческаго образованія въ странѣ. Правда, и у насъ есть такой департаментъ. Онъ тоже занимается статистикою урожая и посѣва. Въ нынѣшнемъ году агенты департамента подсчитали не только количество десятинъ, находившихся подъ жатвою, но *точно* опредѣлили количество пудовъ съ десятины и даже... подсчитали, сколько получатъ наши землевладѣльцы барыша. Они успѣли оборудовать это дѣло крайне быстро: хлѣбъ еще на корню, а наши земства и помѣщики получили уже статистическія данныя не только урожая, но и барыша! Понятно, что свѣдѣнія эти вызвали общее недоумѣніе. Одна изъ южныхъ газетъ такъ прямо и напечатала по поводу этихъ статистическихъ свѣдѣній: *не вѣримъ*.

Не въ обиду будь сказано нашей общей періодической печати: она удѣляетъ слишкомъ мало своего благосклоннаго вниманія деревнѣ и сельскому хозяйству. Она тѣмъ болѣе въ состояніи служить расширенію сельско-хозяйственныхъ интересовъ, что значительная часть нашей интеллигенціи, за отсутствіемъ достаточныхъ матеріальныхъ средствъ на выписку спеціальныхъ періодическихъ изданій, лишаетъ себя необходимыхъ сельско-хозяйственныхъ свѣдѣній. Для небогатаго интеллигента было бы весьма пріятно имѣть всегда подъ руками такой органъ, который отвѣчалъ бы какъ общимъ, такъ и сельско-хозяйственнымъ вопросамъ.

По этой причинѣ, роль общаго періодическаго изданія значительно расширяется: рядомъ съ общими вопросами, оно могло бы удовлетворять и сельско-хозяйственнымъ интересамъ, и тѣмъ принесло бы обществу и государству громадную пользу. Оно возбудило бы интересъ къ сельско-хозяйственнымъ вопросамъ даже въ такихъ сферахъ, гдѣ они ранѣе никогда и не зарождались.

Digitized by Google

II.

Но теперь является на сцену слѣдующій вопросъ: какіе же сельско-хозяйственные вопросы должна затрогивать общая печать на своихъ столбцахъ? Да и есть ли еще вопросы, интересные для большинства читателей и доступные общему уровню пониманія? Можетъ быть, ихъ на самомъ дѣлѣ и нѣтъ?

Вопросовъ сельско-хозяйственныхъ, и притомъ интересныхъ и доступныхъ вопросовъ, крайне много. Что же это за вопросы? Во 1-хъ, вообще экономическіе и въ частности сельско-хозяйственные экономическіе, техническіе и научные вопросы, составляющіе деревенскую злобу дня. Печать обязана указать ихъ значеніе не только для сельско-хозяйственной, но и обще-государственной жизни, и дать возможное въ данное время разрѣшеніе ихъ. Во 2-хъ — печать обязана ознакомить публику съ наиболѣе крупными явленіями какъ русской, такъ и заграничной жизни въ области экономическихъ и сельско-хозяйственныхъ вопросовъ. И въ 3-хъ—ознакомить читателей съ экономическою и сельско-хозяйственною русскою и иностранною литературою.

Вопросовъ сельско-хозяйственной важности крайне много. И вопросы если не новые, то все таки интересные. Ихъ запутанность, неразработанность должна привлекать къ себѣ людей дѣла, иначе они надолго останутся открытыми. Надо терпѣливо работать въ этомъ направленіи, причемъ никогда не забывать, что и капля долбитъ камень. Необходимость знанія и образованія для всякаго прогресса—это азбучная истина, хотя, къ сожалѣнію, и не всѣмъ понятная. Для улучшенія сельскаго хозяйства требуется масса всесторонних свѣдѣній, потому что «сельское хозяйство», — по словамъ проф. Рулье,—«есть наука изъ наукъ, искусство изъ искусствъ». Оно очень сложно: здѣсь замѣшанъ вопросъ не только о землѣ, но и вопросъ о трудѣ и капиталѣ — основныхъ элементахъ — вопросъ объ отношеніи землевладѣльца-нанимателя къ мужику-работнику. Поэтому наблюдателю сельско-хозяйственной жизни бросается въ глаза масса вопросовъ, неразрѣшимыхъ безъ знанія политической экономіи.

Вопросы о сельско-хозяйственномъ образованіи, объ обложеніи пошлиною земледѣльческихъ орудій и машинъ, объ облегченіи сбыта сельско-хозяйственныхъ продуктовъ, объ организаціи кредита, о меліоративномъ кредитѣ, о поднятіи промышленности и торговли,

Digitized by Google

объ организаціи рабочихъ силъ, объ урегулированіи отношеній нанимателя къ нанимающемуся, объ ассоціаціяхъ и артеляхъ, объ условіяхъ рынка—спроса и предложенія — о законахъ экономическаго движенія вообще, о крупной и мелкой формѣ землевладѣнія, объ облѣсеніи лощинъ и овраговъ, объ орошеніи, объ интенсивномъ и экстенсивномъ хозяйствѣ, о роли химіи и физіологіи въ жизни растеній—все это вопросы неразработанные, для публики вообще интересные, а для сельскихъ хозяевъ самые насущные. Задавшись столь благодарною цѣлью, общая печать пріобрѣтетъ громадное значеніе среди публики, которая значительно увеличитъ контингентъ ея читателей. При такихъ условіяхъ, расширивъ теперешнюю, до нельзя узкую программу, газета вступитъ на новый, болѣе широкій путь къ ясно намѣченной, симпатичной цѣли.

Предполагать, что наше общество не интересуется сельско-хозяйственными вопросами—мы не имѣемъ основаній, если маломальски знакомы съ требованіями и запросами читающей публики. Кто же долженъ знакомить съ подобными вопросами нашихъ сельскихъ хозяевъ, наше общество и нашу интеллигентную молодежь? Школа... Проще этого отвѣта ничего, конечно, не придумаешь, но въ немъ чувствуется иронія. Школа еще не сдѣлалась достояніемъ большинства публики; чрезъ нее не всѣ проходятъ; да въ ней сельско-хозяйственными вопросами и не интересуются.

Можетъ быть, намъ возразятъ, что общая печать, задавшись выясненіемъ сельско-хозяйственныхъ вопросовъ, вторгается въ область политической экономіи. Ну, что жь? Пусть общая печать и вторгается въ сферу политической экономіи. Развѣ сельско-хозяйственные вопросы—не политико-экономическіе вопросы? Развѣ мыслимо сельское хозяйство безъ политико-экономическихъ принциповъ? Каждый сельскій хозяинъ долженъ руководствоваться въ своихъ дѣйствіяхъ политико-экономическими соображеніями, въ противномъ случаѣ его ожидаетъ имущественное банкротство. А что, дѣйствительно, знакомство съ политическою экономіею необходимо для каждаго сельскаго хозяина, въ этомъ легко убѣдиться на самомъ простомъ примѣрѣ.

Капиталистъ, напр., пріобрѣтаетъ имѣніе въ средней полосѣ Россіи. Земля плодородная, населеніе же не густое. Рутинную трехпольную систему онъ замѣняетъ плодоперемѣнною; вводитъ машины вмѣсто рукъ, все свое знаніе прилагаетъ къ хозяйству, и въ концѣ концовъ успѣха нѣтъ. Почему же успѣха нѣтъ? Причина самая простая: некуда дѣвать искусственно собраннаго сѣна, издержки

Digitized by Google

на машины не окупаются доходомъ съ имѣнія. Наступаетъ имущественное разореніе. Имѣніе закладывается въ золотой или бумажный банкъ—это безразлично, но петля уже на шеѣ. Отчего же помѣщикъ, который, повидимому, все примѣнилъ къ дѣлу—и машины, и знаніе,—все таки разоряется? Главная и единственная причина это та, что онъ не принялъ въ соображеніе принциповъ политической экономіи—условій рынка, цѣнъ на рабочія руки и пр.

Конечно, недостаточно оцѣнить значеніе, сущность, силу и жизненность этихъ вопросовъ съ точки зрѣнія только русскаго сельскаго хозяйства, но оцѣнка вышеприведенныхъ явленій будетъ значительно правильнѣе, если они будутъ сравниваемы съ соотвѣтствующими явленіями въ сельско-хозяйственной жизни другихъ государствъ. Только чрезъ сравненіе познается и оцѣнивается предметъ. Общая печать должна постоянно стоять на стражѣ сельскохозяйственныхъ интересовъ, неустанно слѣдить за совершающимися явленіями въ нашей сельско-хозяйственной жизни, за накопленіемъ значительныхъ плодовъ нашего опыта и нашей научной мысли, которые представляютъ не менѣе общественный интересъ. Появись особый органъ съ обширною разработкою сельско-хозяйственныхъ вопросовъ, съ серьезною задачею—выяснить нужды и потребности деревни, успѣхъ его не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Можно искренно пожелать такого успѣха тому, кто возьметъ на себя починъ въ столь благородномъ служеніи отечественному сельскому хозяйству и проведетъ съ толкомъ, съ пониманіемъ и настойчивостью вышеприведенную нашу программу. Нужно умѣнье, а—главное—любовь къ дѣлу, остальное же все приложится.

Интересъ къ сельскому хозяйству распространенъ повсюду. Такъ почему же наша общая печать не отвѣчаетъ этому спросу 90% русскаго населенія, которое тоже читаетъ газеты и для котораго тоже издаются онѣ? Вѣроятно, потому, — подумаетъ читатель, — что у насъ спеціальная сельско-хозяйственная періодическая печать находится въ цвѣтущемъ состояніи и удовлетворяетъ, въ достаточной мѣрѣ, всѣмъ назрѣвающимъ сельско-хозяйственнымъ вопросамъ и нуждамъ, такъ что, дескать, и одной спеціальной печати достаточно. Но въ томъ-то и бѣда наша, что спеціальной сельскохозяйственной прессы почти нѣтъ. На 100.000,000 землевладѣльцевъ и земледѣльцевъ — всего 4—5 сельско-хозяйственныхъ органовъ! Земледѣльческая страна и... безъ земледѣльческой періодической печати. Все это, какъ говоритъ поэтъ, «было бы смѣшно, когда бы не было такъ грустно»! Какая нибудь Японія имѣетъ около 100 сельско-хозяйственныхъ газетъ, а въ Россіи—стыдно

Digitized by Google

сказать!—всего 4—5 газетъ—и почти нѣтъ ни одной порядочной [1]). Наша періодическая сельско-хозяйственная печать имѣетъ ограниченное число подписчиковъ и влачитъ жалкое существованіе.

Здѣсь можетъ возникнуть маленькое недоразумѣніе: спросъ на сельско-хозяйственныя изданія есть, а спроса на журналы, старающіеся удовлетворить сельско-хозяйственнымъ требованіямъ и нуждамъ и разрѣшить сельско-хозяйственные вопросы, почти нѣтъ. Чѣмъ же и какъ можно объяснить подобную ненормальность?—Спѣшимъ оговориться, чтобы не было недоразумѣній.

Подобное недоразумѣніе объясняется тѣмъ, что наши сельско-хозяйственные журналы отводятъ на своихъ страницахъ, большею частію, мѣсто вопросамъ сельско-хозяйственной техники, причемъ разсматриваютъ ихъ болѣе или менѣе детально, а часто и на научныхъ основаніяхъ, и потому находятъ своихъ читателей преимущественно въ кругу людей, спеціально занимающихся сельскимъ хозяйствомъ, людей теоретически и практически подготовленныхъ къ агрономической дѣятельности. Но и въ томъ даже случаѣ, въ вопросахъ сельско-хозяйственной техники, наши спеціальные сельско-хозяйственные журналы не могутъ принести существенной пользы, удовлетворить потребностямъ даннаго сельско-хозяйственнаго круга читателей, потому что интересы сельскаго хозяйства въ техническомъ отношеніи весьма разнообразны и различны, смотря по мѣстнымъ условіямъ, при которыхъ приходится вести сельское хозяйство. Понятно, что никакой сельско-хозяйственный журналъ, какъ бы хорошо и всесторонне ни была составлена его программа, какъ бы богато онъ ни былъ обставленъ, не можетъ удовлетворить интересамъ сельскихъ хозяевъ различныхъ мѣстностей. А про научныя основанія сельско-хозяйственной техники—нечего и говорить: у насъ еще пока нѣтъ спеціалистовъ по сельскому хозяйству,—или, по крайней мѣрѣ, число ихъ слишкомъ ничтожно. Большинство же нашихъ сельскихъ хозяевъ не только не получили сельско-хозяйственнаго образованія, но подчасъ даже и общенаучнаго.

Кромѣ сельско-хозяйственной техники, наша сельско-хозяйственная печать занимается, правда, и чисто сельско-хозяйственными вопросами, но опять таки, повторяемъ, слишкомъ мелочно, детально, да и вопросы-то эти вертятся или около пахоты, или городьбы различныхъ типовъ. Серьезныхъ статей по сельско-хозяйственнымъ вопросамъ въ нихъ крайне мало.

Теперь становится весьма понятнымъ и яснымъ вопросъ, почему наша сельско-хозяйственная пресса влачитъ жалкое существованіе

[1]) Исключеніе нужно сдѣлать для «Сельскаго Хозяина», добросовѣстно и умѣло редактируемаго К. И. Масляниковымъ.

Digitized by Google

и не находитъ спроса въ обширномъ кругу читателей. Она еще не только не выяснила себѣ вполнѣ своей задачи по отношенію къ сельскому хозяйству, но и не усвоила опредѣленнаго взгляда на него. Но мало этого, наша сельско-хозяйственная періодическая пресса едва ли располагаетъ достаточнымъ числомъ сотрудниковъ, хорошо знакомыхъ съ сельскимъ хозяйствомъ,—какъ наукою и промышленностью,—и съ нашею сельско-хозяйственною жизнью и деревенскимъ бытомъ. Кромѣ того, Россія, по своему метеорологическому и климатическому положенію, представляетъ такое разнообразіе почвенныхъ условій, такую разнородность сельско-хозяйственнаго быта, что 4—5 сельско-хозяйственныхъ органовъ не могутъ удовлетворить насущнымъ требованіямъ деревни. У насъ требуется не 4—5 и даже не 40—50 сельско-хозяйственныхъ органовъ, а цѣлыя сотни.

Мало того, что въ Россіи слишкомъ немного сельско-хозяйственныхъ журналовъ, но то бѣда, что и эти органы, — какъ мы уже ранѣе говорили,—въ большинствѣ не удовлетворяютъ своему назначенію. Читая наши спеціальныя сельско-хозяйственныя изданія, диву даешься: для кого они пишутся и издаются, и кто ихъ читаетъ? Смѣло можно утверждать, что они издаются не для сельскихъ хозяевъ, и въ особенности не для мелкихъ земледѣльцевъ и крестьянъ. Бѣдныя по содержанію, узкія и шаблонныя по программѣ, они влачатъ жалкое существованіе, прозябаютъ, а не живутъ. По одной только русской наивности и по одному только предположенію, — авось, когда нибудь попадется дѣльная, полезная мысль, — и выписываются они русскими хозяевами. Область, въ которой вертятся эти изданія — не широка: паровая пахота, улучшеніе *породистыхъ* лошадей, разведеніе капусты и декоративныхъ растеній, рекомендація всевозможныхъ сельско-хозяйственныхъ машинъ,—далѣе этого они нейдутъ. Конечно, и паровая пахота—мы противъ нея ничего не имѣемъ—вещь хорошая, и породистыя лошади заслуживаютъ одобренія, но все это хорошо, когда въ карманѣ есть деньги. Наши же сельскіе хозяева не могутъ похвалиться этимъ, такъ что рекомендація и разработка вопроса о паровой пахотѣ, когда на дворѣ даже и порядочнаго плуга у многихъ нѣтъ, по меньшей мѣрѣ—преждевременна. Вообще рекомендація сельско-хозяйственныхъ машинъ на страницахъ нашей сельско-хозяйственной прессы стоитъ крайне невысоко и у большинства публики не пользуется особеннымъ довѣріемъ. Рекомендація эта всегда смахиваетъ скорѣе на рекламу, а не на серьезный разборъ достоинствъ и недостатковъ той или другой машины. И реклама-то плохая, цѣликомъ взятая изъ различныхъ прейс-куран-

Digitized by Google

товъ, а особенно изъ нѣмецкихъ. Недаромъ сказано, что нѣмецъ обезьяну выдумалъ. Онъ хитеръ и умѣетъ всякую дрянь рекламировать, какъ драгоцѣнную рѣдкость. Возьмите любой прейсъ-курантъ по какой угодно спеціальности и попробуйте ориентироваться, что̀ вамъ подходитъ и что̀ не подходитъ, что̀ полезно пріобрѣсти и на что́ не стоитъ тратить ни копѣйки. Попробуйте разобраться и вы увидите, какъ это трудно сдѣлать безъ особаго навыка и умѣнья. По прейсъ-куранту всѣ вещи и дешевы, и милы, и практичны. Какую изъ нихъ ни возьми—одно совершенство; но такъ какъ въ мірѣ нѣтъ совершенства болѣе хрупкаго, чѣмъ рекламированное, то разочарованіе пріобрѣтателя впослѣдствіи объяснить не трудно. Продавая лошадь, цыганъ клянется, что она хромаетъ только на одну ногу, и, разумѣется, обманываетъ.

Наши сельско-хозяйственныя изданія рекомендуютъ землевладѣльцамъ, правильнѣе рекламируютъ машины такимъ образомъ, что въ концѣ концовъ не разберешь, какая же вещь лучше, сподручнѣе и практичнѣе. Чаще всего, какъ мы сказали, рекомендація производится по прейсъ-куранту. Понравится рисунокъ въ присланномъ заводомъ прейсъ-курантѣ, ну и пиши, что, дескать, это и есть послѣднее слово не только науки, но и практики. А тамъ сельскій хозяинъ уже самъ какъ хочетъ, такъ и разбирается: есть деньги—выписывай, нѣтъ денегъ—полюбуйся на рисунокъ.

На помощь къ худосочнымъ сельско-хозяйственнымъ органамъ приходитъ иногда провинціальная печать, которая дѣйствительно является отраженіемъ жизни, хотя и однообразной, при скудости матеріала. Провинціальная печать—молода, возникла сравнительно недавно, однако уже съумѣла серьезно и добросовѣстно отнестись къ русскому сельскому хозяйству. Она преслѣдуетъ весьма симпатичную цѣль всесторонняго ознакомленія съ исторіей нашихъ сельско-хозяйственныхъ кризисовъ и съ нѣкоторыми сторонами нашей сельско-хозяйственной жизни. Конечно, провинціальной печати не всегда удается выяснить должнымъ образомъ сельско-хозяйственные вопросы, отчасти потому, что въ провинціи слишкомъ мало людей съ сельско-хозяйственнымъ и общенаучнымъ образованіемъ, а отчасти и потому, что для нея слишкомъ видную роль подчасъ играютъ «независящія обстоятельства».

По своей близости и непосредственности къ насущнымъ вопросамъ деревни, къ *злобѣ* дня, провинціальная печать сообщаетъ массу конкретныхъ фактовъ, наблюдаетъ и описываетъ, но дѣлать какія-либо обобщенія, за отсутствіемъ достаточныхъ матеріальныхъ средствъ и умственныхъ силъ, она не можетъ. Для обобщенія необходимы многія наблюденія и весьма точныя статистическія дан-

Digitized by Google

ныя, которыхъ нѣтъ не только у провинціальной печати, но не существуетъ совершенно, а если и есть, то они носятъ характеръ сыраго, а потому недоступнаго, матеріала.

Свѣдѣнія, сообщаемыя провинціальною печатью, подчасъ весьма безотрадны. Но все таки нельзя не видѣть одной утѣшительной стороны: что образованные элементы провинціи весьма серьезно относятся къ бѣдствіямъ деревни. Провинціальная печать, вмѣстѣ съ провинціальнымъ обществомъ, стоя лицомъ къ лицу къ бѣдствіямъ, сохраняетъ полное спокойствіе и зрѣлое отношеніе къ дѣлу.—Вотъ въ какихъ отношеніяхъ находятся между собою наша общая и спеціальная сельско-хозяйственная печать и сельское хозяйство. Отношенія, какъ видитъ, читатель, крайне ненормальны. Больно за нашихъ сельскихъ хозяевъ и тяжело за наше сельское хозяйство, что они предоставлены исключительно самимъ себѣ, своей иниціативѣ. Грустно, что наше сельское хозяйство,—а имъ занимается 90% населенія,—вмѣсто того чтобы цвѣсти, чахнетъ годъ отъ году все болѣе и болѣе, влачитъ какое-то жалкое существованіе.—Часто въ нашей какъ общей, такъ и спеціальной печати раздаются обвиненія, направленныя противъ нашихъ сельскихъ хозяевъ — въ инертности, косности, въ какой-то роковой спячкѣ. Все это правда, и этого никто, — а мы и подавно, — не хочетъ да и не можетъ оспаривать и отрицать. Но согласитесь, что въ этомъ даже и дѣйствительномъ обвиненіи, наши сельскіе хозяева, какъ говорится, заслуживаютъ снисхожденія. Обратите вниманіе на послѣднія 25—30 лѣтъ: какія крупныя перемѣны, какіе радикальные перевороты пережило наше сельское хозяйство! Сколько ударовъ оно вынесло, и ударовъ рѣзкихъ, неожиданныхъ. Къ нимъ наши сельскіе хозяева положительно не были подготовлены. Приходилось бороться, но борьба, конечно, возможна и дѣйствительна съ оружіемъ въ рукахъ. А его-то у насъ и недоставало. Наши политико-экономическія блужданія и шатанія отъ одного предмета къ другому, отъ одной теоріи къ другой,—развѣ мало принесли вреда нашему сельскому хозяйству? Мы то увлекались сельскимъ хозяйствомъ, видя въ немъ свое спасеніе, свою силу и мощь предъ Европой, то съ азартомъ бросались насаждать у себя фабрично-заводскую промышленность. Въ интересахъ послѣдней слишкомъ много сдѣлано и слишкомъ мало въ интересахъ перваго. Повысили тарифныя ставки, воздвигли таможенную китайскую стѣну, думая обезопасить наши рынки отъ наплыва иностранныхъ товаровъ и тѣмъ поднять свое собственное производство.

Трудно сказать, выиграла ли страна отъ введенія высокихъ та-

Digitized by Google

рифныхъ ставокъ; одно несомнѣнно: фабриканты и заводчики набили карманы, а сельскіе хозяева по прежнему продолжаютъ выписывать и плуги, и машины, и локомобили изъ-за границы. Въ данномъ случаѣ, они руководствуются тѣмъ соображеніемъ, что свое, хотя и дешево, да гнило, а заграничное, хотя и дорого, но зато мило.

Д. Райскій.

Digitized by Google

Встрѣча.

Уже рѣдѣютъ тѣни ночи...
Блеснула даль разсвѣтомъ дня,
Но, сыпля искрами огня,
Твои мерцающія очи
Глядятъ, какъ звѣзды, на меня.
Твоя рука дрожитъ тревожно...
Волной неровной дышетъ грудь...
Съ тобой разстаться невозможно!
Не уходи еще... побудь...
Побудь еще одно мгновенье!
Дай мнѣ взглянуть еще хоть мигъ,
Съ тревогой сладкаго волненья,
На милый образъ, милый ликъ.
Побудь еще! до новой встрѣчи
Еще такъ много, много дней...
А я такъ жажду милой рѣчи
И взгляда ласковыхъ очей.
О, пусть сгустится сумракъ ночи,
Погаснетъ въ тучахъ проблескъ дня,
И, сыпля искрами огня,
Твои мерцающія очи
Глядятъ, какъ звѣзды, на меня!

Л. Афанасьевъ.

Digitized by Google

РАСПЛАТА.

Романъ.

X.

Левъ Ивановичъ вернулся изъ театра поздно. Заглянувъ въ спальню жены, онъ увидѣлъ, что она спитъ, и не рѣшился будить ее. Онъ даже обрадовался, что ему нѣтъ надобности видѣться съ ней, разговаривать, лицемѣрить, фарисействовать. Лицемѣріе было не въ его натурѣ и претило ему.

Григорій подалъ ему холодный ужинъ. Левъ Ивановичъ думалъ, что онъ очень голоденъ, но когда сѣлъ за столъ, то почти не прикоснулся къ поданнымъ блюдамъ. Онъ былъ очень не въ духѣ, выдержавъ сегодня въ театрѣ бурное объясненіе съ Лелей. Его давно уже смущала манера Лели бравировать своими отношеніями къ нему, выставлять ихъ напоказъ, всячески афишировать при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ. Всюду и вездѣ она хотѣла показываться вмѣстѣ съ нимъ, вдвоемъ; всюду и вездѣ она желала занимать мѣсто, принадлежащее его законной женѣ.

Онъ подчинялся этимъ требованіямъ, выраженнымъ властно и капризно, но въ душѣ былъ этимъ недоволенъ, хотя и не смѣлъ открыто протестовать: онъ побаивался Лели. Почему? Онъ и самъ не зналъ. Сильный характеръ дѣвушки приводилъ его въ смущеніе. Какъ свалилась на него эта страсть? Откуда появилось въ душѣ это почти болѣзненное чувство? Почему, женившись по любви на Иринѣ и преодолѣвъ столько препятствій, онъ къ ней такъ скоро охладѣлъ и увлекся этой холодной, бездушной и красивой куколкой? Хуже всего въ этихъ отношеніяхъ было то, что онъ отлично видѣлъ и ясно сознавалъ ея недостатки. Онъ лучше помирился бы съ полнымъ ослѣпленіемъ. Онъ всей душой желалъ бы считать ее верхомъ

Digitized by Google

совершенства, безупречно-хорошей дѣвушкой... тогда ему легче было бы переносить всю эту фальшь, всю эту ложь нелегальныхъ отношеній, которая давила его всею своею тяжестью.

Но теперь?.. Будь она дѣйствительно хорошей дѣвушкой, онъ чувствовалъ бы себя не такъ виноватымъ передъ женой. Конечно, и тогда ему не было бы оправданія: отъ добра добра не ищутъ и отъ хорошаго незачѣмъ переходить къ такому же хорошему. Но тогда, все таки, онъ могъ бы сказать себѣ: обѣ хороши и мое несчастье, что та нравится мнѣ больше этой. А теперь? Вѣдь сколько бы онъ ни старался скрыть отъ себя, сколько ни закрывалъ глаза на недостатки и пороки Лели, онъ все же ясно видѣлъ, что предпочелъ дурное хорошему. Почему, почему, почему? — твердилъ онъ себѣ тщетно цѣлыми днями и цѣлыми ночами, не находя отвѣта на этотъ мучительный вопросъ. Невольно проводилъ онъ параллели между двумя этими женщинами. Одна—тепло его любящая, нѣжная, изящная натура, ровная, мягкая, съ благороднымъ сердцемъ и славной душой. Это—его жена и... онъ ея не любитъ. Видитъ, понимаетъ, чувствуетъ ея душевную красоту, ея нравственное превосходство... но не любитъ.

Другая — несомнѣнно испорченная, холодная, эгоистка до мозга костей, своевольная, честолюбивая и даже нахальная. Это—его любовница. И онъ точно также видитъ и сознаётъ ея недостатки и пороки... но онъ ее любитъ; любитъ ее всю, какъ она есть. Съ женой ему скучно, съ ней весело, весело—даже когда она его мучитъ, терзаетъ, изводитъ. Ему весело исполнять ея капризы, подчасъ нелѣпые, играть при ней двусмысленную, иногда унизительную роль, находиться въ ея услуженіи, превращаться въ раба, обязаннаго исполнять безпрекословно всѣ требованія суроваго властелина. Почему? Ахъ, еслибы онъ зналъ почему, онъ бы нашелъ способъ освободиться отъ этого вліянія; но онъ не зналъ и въ глубинѣ души не хотѣлъ знать, потому что не хотѣлъ выздоравливать отъ своей болѣзненной страсти.

Сегодня, сидя въ каретѣ, мчавшей ихъ въ оперу, онъ попробовалъ робко сказать ей:

— Леля, не заѣхать ли намъ за теткой? Возьмемъ ее съ собою?

— Къ чему это?—рѣзко спросила она.

Digitized by Google

— Какъ къ чему? Она, — вѣдь ты знаешь,—такъ любитъ оперу... И потомъ...

— Что потомъ?

— Потомъ, намъ удобнѣе будетъ въ ложѣ.

— Я такъ и знала. Вы бы прямо и говорили, что вамъ со мной стыдно показываться въ обществѣ. Вамъ всегда надо ширму, экранъ... Развѣ я не говорила вамъ, что вы меня не уважаете? Кого уважаешь, того не стыдишься...

Онъ разсердился.

— Пойми же, Леля: я потому именно и не хочу афишировать нашихъ отношеній, что уважаю тебя. Я не хочу, чтобы про тебя говорили дурно. Мнѣ что? Я— мужчина и отъ всѣхъ этихъ разговоровъ, какъ они ни непріятны, мнѣ ни тепло, ни холодно. Но ты... другое дѣло...

Она засмѣялась.

— Ne soyez pas royaliste plus que le roi. Предоставьте мнѣ самой заботу о своей репутаціи. Повѣрьте, какъ бы я себя ни вела, обо мнѣ всегда будутъ говорить дурно...

— Почему же?

— Да потому, что я очень красива и очень бѣдна. Эти два порока—обширное поле для вышиванія на немъ всякихъ узорныхъ сплетень. Ахъ, да наконецъ надоѣло мнѣ это все! И вотъ, что я тебѣ скажу: если ты меня любишь—люби такою, какою я есть, люби прямо, открыто, чтобы всѣ это видѣли, слышали, знали. За меня не бойся! Я выдержу всякій нахальный взглядъ, всякое рѣзкое слово, всякій пошлый намекъ. Мнѣ надоѣли эти прятки, эти обманы, это кротовое существованіе въ темныхъ норахъ и логовищахъ. Я хочу свѣта, воздуха, блеска, шума и простора. Ну, а если не любишь, тогда разойдемся—и дѣлу конецъ.

— Ты знаешь, что это невозможно, — почти уныло сказалъ онъ.

Она вздрогнула отъ этой нотки сожалѣнія, которая почувствовалась въ его голосѣ.

— Что за вздоръ? Отчего невозможно? Вы намекаете на мое положеніе? О, не стѣсняйтесь этимъ. На васъ я не возлагаю никакихъ *обязанностей*. Я смѣло принимала на себя всѣ послѣдствія. Вы свободны сдѣлать выборъ.

— Леля!—нѣжно сказалъ онъ, беря ея руку и горячо цѣ-

Digitized by Google

луя.—Ты знаешь, я тебя люблю всѣми силами души; ты знаешь, что разстаться съ тобой—выше силъ моихъ; нѣтъ жертвы, которой я бы для тебя ни принесъ...

— О, только не жертвы!.. Я не идолъ и не божество, которому приносятъ жертвы.

— Ты именно мой идолъ, мое божество. Злое, недоброе, суровое, но все таки божество. Для тебя я готовъ бросить семью, службу, городъ... Взялъ бы тебя, моего грознаго идола, и умчалъ бы отсюда далеко, далеко, на край свѣта, гдѣ бы насъ никто не видѣлъ, никто не зналъ...

— И я бы умерла съ тоски на необитаемомъ островѣ.

Въ театрѣ у нихъ разговоръ возобновился:

— Мнѣ очень не понравился вашъ другъ.

— Кто?—машинально спросилъ онъ, думая свою думу.

— Какъ кто? Волошиновъ, конечно. Это какой-то невоспитанный человѣкъ, не смотря на то, что имѣетъ претензію считать себя европейцемъ. Онъ совершенно не умѣетъ держать себя въ обществѣ...

— Какъ мнѣ больно, Леля, что тебѣ не нравится все то, что я люблю!

— А вы любите Волошинова?

— Очень. Это честный, хорошій, душевный человѣкъ.

— А вы странный человѣкъ. Почему же я должна любить все, что вы любите? Вы любите, напримѣръ, вашу жену...

— Леля, я тебя уже просилъ не говорить о моей женѣ. Я тебя еще разъ очень серьезно прошу объ этомъ...

— А я не желаю исполнять этихъ просьбъ.

— Я, наконецъ, тебѣ запрещаю говорить объ ней...

Леля расхохоталась.

— Вотъ оно! Китъ Китычъ сказывается. Васъ поскобли только: сверху лоскъ, а внутри—Китъ Китычъ.

— Я нахожу неостроумнымъ попрекать человѣка его происхожденіемъ. Наконецъ, мое происхожденіе вовсе не зазорно и я горжусь имъ.

— На здоровье. Однако, Левъ Ивановичъ,—сухо и дѣловито начала дѣвушка, откидываясь на спинку кресла и не обращая ни малѣйшаго вниманія на ходъ оперы: — пора положить всему этому конецъ... Не будемъ играть словами и придираться другъ къ другу. Теперь ясно: вы находите вашу

Digitized by Google

жену столь высоко стоящей, что такія презрѣнныя твари, какъ я, недостойны о ней даже говорить, чтобы не замарать ея своимъ нечистымъ словомъ. Отлично! Но въ такомъ случаѣ я рѣшительно не понимаю, чего же вы хотите отъ меня? Ирина—добродѣтельная, честная, нравственная женщина. Я—падшее созданіе. Между нами дистанція огромнаго размѣра. Пусть такъ. Но я хочу у васъ спросить... Я думаю, до знакомства съ вами, до того, какъ вы... какъ мы... ну, однимъ словомъ, какъ мы стали близки другъ къ другу... я вѣдь тоже была честной дѣвушкой? Вы—я думаю, не сомнѣваетесь въ этомъ? Кто же меня сдѣлалъ презрѣнной? На комъ же лежитъ обязанность возстановить мое доброе имя? Вы знаете, я молчала до сихъ поръ объ этомъ; но, кажется, настало время заговорить. Я думала, что вы заговорите первый... и ошиблась. Вы хранили упорное молчаніе. Кому нибудь нужно его нарушить. Я беру эту иниціативу на себя. Что вы намѣрены дѣлать? Я больше такъ жить не согласна. Я вамъ предлагаю два выхода: или разойдемся, немедленно, послѣ оперы... или вы должны на мнѣ жениться и пожертвовать вашей высокодобродѣтельной женой. Одно изъ двухъ. Я не желаю больше красть ея счастье и выслушивать ваши параллели... не очень лестныя для меня.

Левъ Ивановичъ сидѣлъ убитый. Тяжелыми ударами падали на него слова Лели. Онъ слушалъ ихъ молча, сосредоточенно смотря на сцену, откуда доносилось до него пѣніе кавалера де-Гріе; артистъ пѣлъ свой монологъ втораго акта:

Ты такъ добра... ты самой красоты совершенство,
И въ каждой жгучей ласкѣ все новое блаженство...
Разомъ все гибнетъ! Въ омутъ жизни шумной
И въ блескъ тебя влечетъ порывъ безумный...
Я твой невольникъ, жертва хитрыхъ обольщеній,
Все ниже я спускаюсь по лѣстницѣ паденья...
...Въ скрытомъ тьмою грядущемъ—
Что ты готовишь мнѣ?..

Боярскій слушалъ эти слова и примѣнялъ ихъ къ себѣ и къ Лелѣ. Что дѣлать? Какъ быть? Какъ поступить въ его критическомъ положеніи?

Монологъ кончился... Левъ Ивановичъ схватилъ себя за голову, въ тщательномъ усиліи найти выходъ изъ лабиринта, въ который онъ попалъ.

Digitized by Google

— Я жду...—сказала холодно Леля.

— Ахъ, Леля,—наконецъ произнесъ онъ.—Это невыносимо! Ты хочешь, чтобы я рѣшилъ судьбу трехъ жизней однимъ словомъ, въ театрѣ, между двумя антрактами. Это невозможно...

— Что невозможно?—рѣзко спросила она.

— Невозможно такъ вдругъ, сразу, отвѣтить тебѣ. Нужно время на это.

— Однако, надъ рѣшеніемъ судьбы всей *моей* жизни вы не очень задумывались... когда... вы знаете, однимъ словомъ, про что я говорю...

— Дай же мнѣ подумать и обстоятельно отвѣтить тебѣ.

Она хотѣла ему возразить, но сразу остановилась и спокойно произнесла:

— Хорошо. Черезъ три дня вы мнѣ дадите отвѣтъ. Если я не получу его—вы будете для меня чужой, какъ и я для васъ... навсегда. Не будемъ больше говорить объ этомъ.

XI.

По окончаніи спектакля, Левъ Ивановичъ отвезъ Лелю домой. Марья Петровна Горинова сама отворила двери и приглашала его войти.

— Ужь поздно,—сказалъ онъ.

— Ничего зайдите.

Онъ уступилъ ея желанію и вошелъ. Квартирка, которую они занимали, состояла изъ пяти небольшихъ комнатъ, съ низкими потолками, небольшими окнами и узкими дверями. Они жили высоко, лѣстница была крутая, комнаты были обставлены жалко; потертая и довольно истрепанная мебель производила жалкое впечатлѣніе. Натоплено было до удручающей жары.

— Однако, у васъ жарко... — сказалъ Левъ Ивановичъ, усаживаясь въ кресло, которое пошатнулось.

— Да, вы знаете, я экзотическое растеніе и замерзла бы въ вашемъ дикомъ сѣверномъ климатѣ, — жеманясь, сказала тетка.—Моя мечта, Левъ Иванычъ, когда нибудь разбогатѣть и уѣхать на югъ. Да правду сказать, я бы могла это сдѣлать и теперь, еслибъ не было у меня на рукахъ Лели, ради ко-

Digitized by Google

торой, извините, я должна прозябать, — добавила она, пользуясь отсутствіемъ племянницы, ушедшей раздѣваться въ свою комнату. — Ахъ, еслибъ кто нибудь поскорѣй взялъ ее замужъ...—сказала она и вопросительно-выжидательно взглянула на Боярскаго.

Левъ Ивановичъ ничего не отвѣтилъ и отвелъ свой взглядъ въ сторону. Онъ не любилъ этихъ посѣщеній дома Гориновой. Тотчасъ по вступленіи въ ихъ квартиру, его охватывала невыносимая скука. Ему дѣлалось не по себѣ. Разговоры тетки угнетали его. Она, со стародѣвическимъ жеманствомъ, ломалась передъ нимъ или жаловалась на свою судьбу,—на то, что ее никто не можетъ понять, или весьма прозрачно намекала на его предосудительныя отношенія къ племянницѣ. Этого послѣдняго разговора онъ буквально не выносилъ. Но это было все, о чемъ она умѣла разговаривать, и по неволѣ онъ долженъ былъ ее слушать.

Теперь онъ занятъ былъ своими думами. Ему особенно не хотѣлось разговаривать. Онъ думалъ о Лелѣ, о себѣ, о той пропасти, къ которой онъ подошелъ. Страннымъ образомъ на него дѣйствовала и эта квартира, и эта убогая обстановка.

Но сегодня она на него не дѣйствовала особенно. Онъ вдругъ начиналъ понимать, почему Леля такъ стремится вырваться изъ этого омута. Онъ начиналъ вникать въ состояніе ея духа, когда она возвращается изъ его дома-дворца въ эту затхлую, душную дыру. Что она должна чувствовать, что испытывать? Можетъ ли она не завидовать Иринѣ, своей подругѣ, живущей въ палатахъ?..

— Я говорю, Левъ Ивановичъ, — начала опять тетка, не дождавшись отвѣта:—хорошо было бы выдать Лелю замужъ? Вотъ вы бы нашли ей жениха...

— Я?!

— Ну, да... чему же вы удивляетесь? Вы бываете въ свѣтѣ, принимаете у себя... Знаете людей... Отчего бы вамъ не устроить ея счастье.

Онъ не зналъ, что отвѣтить на это. Что это — наивность старой дѣвы или цинизмъ? Онъ никогда не говорилъ съ теткой о своихъ отношеніяхъ къ Лелѣ, и она никогда не упоминала объ этомъ. Но онъ отлично понималъ, что она знаетъ все, и не могъ переварить этихъ праздныхъ разговоровъ.

Digitized by Google

— Развѣ она не могла бы составить себѣ богатой партіи?—продолжала «мозжить» тетка.—Вѣдь вотъ Ирина Павловна... что жь? тоже была, извините, бѣдная дѣвушка... Ну, красивая, правда. Такъ вѣдь это еще вопросъ, кто лучше? Леля или Ирина Павловна? По вашему, кто лучше?

— Что за вопросъ, Марья Петровна!—возмутился онъ.—Ирина—моя жена. Я не могу быть безпристрастнымъ въ этомъ дѣлѣ.

— Нѣтъ, отчего же? Мужчины всѣ коварны. И отъ красавицъ-женъ убѣгаютъ...

— Оставимъ этотъ вопросъ, Марья Петровна. Да и откуда вамъ знать мужчинъ?—вздумалъ онъ отдѣлаться шуткой.

— Я честная дѣвушка, — вдругъ ни съ того, ни съ сего заявила Марья Петровна.—И хотя мои лѣта не богъ знаетъ какія, но я все таки достаточно пожила и много читала, чтобы знать вашего брата. Вотъ одинъ ученый, старый мужчина, развелся же съ своей женой, женился на хорошенькой актрисѣ... и поѣхалъ съ ней въ путешествіе. Это надѣлало шуму. Ну, что жь? Поговорили, поговорили въ газетахъ да и перестали. А они все таки счастливы. Это такъ романтично... Молоденькая актриса и старый ученый. Вообще второй бракъ отъ разведенной жены долженъ быть очень романтиченъ...

— Вы полагаете?

Она ничего не отвѣтила, но продолжала говорить тѣмъ же ровнымъ, слащавымъ, невозмутимымъ голосомъ:

— Конечно, Леля могла бы найти свое счастье. Только ея красота да безденежье мѣшаютъ ей. Мужчины-то увиваются за ней, ухаживаютъ, ухаживаютъ, а какъ до брака дойдетъ дѣло, такъ и на попятный... Вотъ, напримѣръ, другое дѣло, еслибы она могла посѣщать высшее общество. Ну, тамъ, конечно, нашелся бы благородный молодой человѣкъ, который бы сдѣлалъ ея счастье...

— Почему же она не можетъ посѣщать высшее общество, какъ вы говорите?

— Ахъ, Левъ Иванычъ, это очень просто. Вотъ, напримѣръ, она приглашена къ Прянцевымъ... Развѣ можетъ она воспользоваться этимъ приглашеніемъ? Вѣдь туда, на вечеръ, не поѣдешь въ шерстяномъ темненькомъ платьѣ? Надо сдѣлать туалетъ. А туалетъ чего стоитъ? Ужь не говоря о платьѣ, а

Digitized by Google

перчатки, а цвѣты, а тамъ все прочее... Глядишь, и нужно сто рублей. А гдѣ ихъ взять?

Подобные разговоры были очень хорошо знакомы Льву Ивановичу и чрезвычайно не нравились ему.

Марья Петровна думала, что очень тонко и дипломатично повела дѣло, но онъ отлично видѣлъ всю грубость пріемовъ старой дѣвы.

— Ну,—сказалъ онъ: — если это такъ необходимо, чтобы она была у Прянцевыхъ, то я надѣюсь... вы позволите... я прошу васъ не стѣсняться. Возьмите сколько нужно, у меня... какъ нибудь сочтемся.

Онъ досталъ бумажникъ, вынулъ двѣсти рублей и подалъ ей. Глаза ея разгорѣлись.

— Но какъ же, право... я ужь и не знаю. Мы и такъ много должны вамъ... Да понравится ли это Лелѣ?.. Вѣдь она ничего не говорила мнѣ, а только я чувствую, что ей очень хочется быть на вечерѣ.

— Нѣтъ, ужь вы не говорите ей, что у меня... что это мои деньги... Что нибудь придумайте тамъ... ну, какъ нибудь...—путался Левъ Ивановичъ, не зная, какъ бы поскорѣй выбраться отсюда.

— Плутъ!—воскликнула тетка, игриво хлопая его по рукѣ сторублевыми бумажками.—Вы всѣ мужчины—обманщики. Вы портите женщинъ, учите ихъ лгать...

Игривый тонъ также быстро исчезъ у нея, какъ появился. Она быстро спрятала деньги въ карманъ своего сильно поношеннаго платья, хотя и сшитаго по модѣ, съ очевидными претензіями на ея послѣднее слово, и озабоченнымъ, дѣловитымъ тономъ продолжала:

— Только у меня споръ съ ней, Левъ Ивановичъ: она непремѣнно хочетъ платье princesse. Но платья princesse уже перестаютъ носить. И потомъ, что такое всѣ эти розовые буфы, бѣлыя кружева и rouleau. Это избито. Я ей совѣтую совсѣмъ другое. Я вычитала въ послѣднемъ журналѣ: муаръ-miroir въ большіе цвѣты, отдѣланное новомоднымъ бархатомъ épinglé, въ тонъ основному цвѣту платья. Можно выбрать такой цвѣтъ, чтобы бѣлое поставить въ видѣ отдѣлки. Что касается фасона, покроя платья... это все равно. Можно сдѣлать корсажъ veste на шолковой подкладкѣ; спе-

Digitized by Google

реди, знаете, убрать большими отворотами и волнистой баской... съ обѣихъ сторонъ весты по три пуговицы saxe... Это будетъ просто и изящно, не правда ли? Я—противъ декольтэ для молодой дѣвушки... Вы можете на меня положиться, Левъ Иванычъ: Леля не ударитъ лицомъ въ грязь... Это лучше всякихъ prïncesse... и практичнѣе; пригодится еще на что нибудь... Вѣдь у меня вкусъ есть, Левъ Иванычъ. Князь Брызгаловъ, который былъ безумно влюбленъ въ меня и даже одно время считался женихомъ, всегда отдавалъ справедливость моему вкусу. Только Леля всегда со мной споритъ.

Боярскій не отвѣчалъ. Съ мучительной тоской ждалъ онъ, когда потокъ краснорѣчія, вызванный видомъ радужныхъ бумажекъ, изсякнетъ. Онъ недоумѣвалъ, почему нейдетъ Леля?

Онъ, наконецъ, всталъ и собрался уходить.

— Вы развѣ не хотите повидаться съ Лелей? — спросила тетка.—Что же она не идетъ? Неужто такъ долго раздѣвается?

Марья Петровна ушла въ комнату племянницы и скоро вернулась оттуда, очевидно смущенная.

— Леля не выдетъ,—сказала она, стараясь не глядѣть на Льва Ивановича.—Она очень устала и легла спать. Она проситъ васъ завтра не заѣзжать за ней—она не поѣдетъ кататься—у нея есть дѣло на завтра...

Боярскій ушелъ, искренно обрадованный, что наконецъ могъ вырваться изъ общества старой дѣвы и что на сей разъ онъ благополучно избѣжалъ свиданія съ совершенно невозможнымъ субъектомъ—Степаномъ Владиміровичемъ, братомъ Лели. Но его огорчало нежеланіе Лели видѣться съ нимъ.

Выдя на улицу, онъ глубоко вздохнулъ. Свѣжая струя воздуха подѣйствовала на него благотворно. Ночь была ясная, тихая и прохладная. Ахъ, еслибы у него было также ясно и тихо на душѣ!

Но его одолѣвали тяжелыя мысли и нестерпимый холодъ сковывалъ его сердце.

XII.

Всю ночь напролетъ Боярскій думалъ свою тяжелую думу. До чего онъ дошелъ? Какъ могло это случиться? Какой выходъ изъ этой пропасти? Онъ началъ рыться и копаться въ

Digitized by Google

своей душѣ. Милое, доброе, всегда ласковое и веселое лицо Ирины стояло передъ нимъ во всей своей прелести. Какъ онъ страстно добивался женитьбы на ней, сколько препятствій преодолѣлъ! Онъ встрѣтился съ нею на вечерѣ у тѣхъ же Прянцевыхъ. Это былъ домъ, какихъ было немало въ ихъ городѣ. Тамъ можно было встрѣтить людей всѣхъ слоевъ общества: отъ лицъ высшей администраціи до какого нибудь моднаго спирита, посѣтившаго проѣздомъ городъ. Всѣ входили въ этотъ домъ, проводили въ немъ весело время и уходили изъ него,— часто, чтобы вовсе не возвращаться. Madame Прянцева была совершенно неинтересная женщина, находившаяся въ полномъ подчиненіи у мужа, смотрѣвшая на все его глазами, обо всемъ говорившая его словами. Это была рыхлая, полная дама бальзаковскихъ лѣтъ, зажирѣвшая отъ обезпеченнаго существованія и абсолютнаго ничегонедѣланья. Изо дня въ день сидѣла она въ гостинной и принимала гостей; плотно завтракала и обѣдала; вечеромъ, когда являлись гости, нѣсколько она воодушевлялась; если же гостей не было, то ложилась спать чуть не въ девять часовъ и могла проспать до одиннадцати утра, чтобы опять начать ту же однообразную и монотонную жизнь, которая, повидимому, вполнѣ удовлетворяла ее.

Была ли она счастлива съ мужемъ—никто не могъ бы сказать съ достовѣрностью. Онъ относился къ ней на глазахъ у людей корректно, слегка высокомѣрно, чуть-чуть насмѣшливо, съ тою тонкой насмѣшливостью, которая могла бы быть понятою только ею одной, еслибы она была проницательнѣе, да развѣ еще очень тонкимъ, очень изощрившимся постороннимъ наблюдателемъ. Иногда, когда у него уже рѣшительно не хватало силъ терпѣть, или когда она позволяла себѣ какую нибудь ужасающую нелѣпость, онъ густо краснѣлъ, но тѣмъ же ровнымъ, спокойнымъ, даже нѣжнымъ гоосомъ говорилъ ей:

— Прасковья Алексѣевна, не говори глупостей.

Съ наивнымъ добродушіемъ, она неизмѣнно отвѣчала ему:

— Но... я только повторяю твои слова...

Онъ безнадежно махалъ рукой и спѣшилъ скрыться въ кабинетъ.

Если она сама не была особенно счастлива, то безумно любила вмѣшиваться въ чужую судьбу и устраивать чужое счастье. Злостные языки называли ее въ городѣ присяжной

Digitized by Google

свахой. Кого вѣнчать и на комъ?—это ей было рѣшительно все равно. Лишь бы устроить бракъ. Это было единственное въ ея жизни, къ чему она относилась неравнодушно. Выслѣдивъ чей нибудь начинающійся романъ или собравъ о немъ свѣдѣнія—она сейчасъ же прилагала къ нему руку. И—надо правду сказать—рука у нея была тяжелая на эти вещи! Рѣдкіе браки, состряпанные ея рукой—бывали удачны. Но она этимъ не стѣснялась и продолжала творить счастье постороннихъ людей. Уговаривая кого нибудь жениться, она становилась даже краснорѣчивой и многословной.

— У насъ въ городѣ скоро будетъ свадьба,—добродушно разсказывалъ въ такихъ случаяхъ ея мужъ, и невозможно было понять: звучитъ ли въ его словахъ сочувствіе, или иронія къ женѣ:—по крайней мѣрѣ, жена битый часъ разговаривала сегодня съ однимъ человѣкомъ среднихъ лѣтъ и, повидимому, убѣждала его въ истинномъ призваніи всякаго мужчины, со всевозможныхъ точекъ зрѣнія: общественной, религіозной, этической и государственной. По крайней мѣрѣ, я слышалъ такія фразы: «человѣкъ—животное соціальное», «не добро человѣку быть едину», «смыслъ жизни—есть продолженіе рода» и. т. п. Ну, вы знаете, когда Паша заговоритъ такимъ языкомъ—молодчику не увернуться. Помяните мое слово—быть бычку на веревочкѣ.

И свадьба, дѣйствительно, устраивалась.

Сергѣй Александровичъ Прянцевъ, у котораго всѣ бывали, но котораго никто недолюбливалъ, былъ, что называется, человѣкъ себѣ на умѣ. Богатый помѣщикъ и домовладѣлецъ, онъ въ полной мѣрѣ пользовался благами жизни и могъ удовлетворять всѣмъ своимъ духовнымъ и матеріальнымъ потребностямъ. Одна только потребность его натуры осталась неудовлетворенною—это честолюбіе. Какъ его жена была помѣшана на свадьбахъ, такъ онъ мечталъ о какой нибудь видной должности, административной или по выборамъ, которая давала бы ему право на титулъ превосходительства. Онъ вышелъ рано въ отставку изъ военной службы, потому что ему надо было заняться хозяйствомъ, довольно таки разстроеннымъ при жизни отца. Ему удалось все привести въ порядокъ, и въ теченіе десяти лѣтъ онъ вполнѣ успѣлъ устроить всѣ свои дѣла и началъ получать хорошіе доходы съ того, что приносило раньше

Digitized by Google

одинъ лишь дефицитъ. Съ тѣхъ поръ доходы его прогрессировали и оставалось только поддерживать теченіе дѣлъ въ томъ направленіи, которое имъ было однажды дано.

Это не представляло трудности и не требовало ни особенныхъ хлопотъ и усилій, ни затраты времени, котораго оставалось слишкомъ достаточно, даже черезчуръ достаточно, и дѣвать его было некуда.

Жена не доставляла ему возможности проводить время дома, не скучая. Онъ пробовалъ читать, разъѣзжать за границей, заводить знакомства и связи—но все это не удовлетворяло его энергичной и честолюбивой натуры. Ему хотѣлось дѣятельности, активнаго труда, хлопотъ, разъѣздовъ, сутолоки, знаковъ общественнаго уваженія и титуловъ. Онъ чувствовалъ избытокъ силъ, которыя лежали втунѣ, безъ примѣненія. Казенная служба уже была упущена. Чинъ у него былъ очень незначительный, а года достаточно солидные. Даже поступивъ на службу, онъ не могъ разсчитывать подвинуться на ней очень далеко. Оставались выборныя должности, и вотъ онъ мечталъ сдѣлаться городскимъ головой. На этомъ поприщѣ онъ могъ бы примѣнить свои силы, опытность, знанія и любовь къ хозяйству. Никогда ничего онъ не дѣлалъ зря, а всегда поступалъ обдуманно. До выборовъ оставалось сравнительно недолго, настоящимъ головой были недовольны, и онъ задумалъ выступить кандидатомъ.

Вотъ почему въ послѣдніе два года онъ открылъ свой домъ всѣмъ желающимъ: принималъ представителей всѣхъ слоевъ городскаго общества, не дѣлалъ никакихъ различій, одинаково радушно пожимая руку и блестящему генералу, и захудалому торговцу. Жертвовалъ много денегъ на городское благоустройство, на школы, богадѣльни, больницы и ночлежные дома. Словомъ, въ маломъ размѣрѣ предпринялъ избирательную кампанію, по примѣру западныхъ политическихъ дѣятелей, и всячески искалъ популярности. Никогда никому не говорилъ онъ о своемъ желаніи быть городскимъ головой, но это всѣ понимали и подразумѣвали. И всѣ ходили къ нему ѣсть и пить, и, не смотря на то, что не было въ городѣ ни одного человѣка, не обласканнаго имъ, онъ все таки не пользовался популярностью. Напротивъ, Боярскій, который ничего не предпринималъ и ни о чемъ не хлопоталъ, имѣлъ всѣ шансы

Digitized by Google

быть выбраннымъ. Его ужь и теперь называли будущимъ головой.

Это обстоятельство поселило въ Сергѣѣ Александровичѣ тайное недоброжелательство къ Льву Ивановичу, хотя наружно онъ относился къ нему въ высшей степени любезно и предупредительно.

XIII.

На одномъ изъ прянцевскихъ вечеровъ, Левъ Ивановичъ встрѣтился съ своей будущей женой.

Она ему сразу приглянулась, а, разговорившись съ ней, онъ совершенно увлекся. Она ему настолько же понравилась, насколько не понравилась ея мать. Худощавая, высокаго роста, надменная аристократка, вся проникнутая и пропитанная насквозь сознаніемъ своего обнищавшаго величія, она была очень разборчива на знакомства и обращалась съ людьми, которыхъ почему либо считала ниже себя, съ нескрываемымъ высокомѣріемъ, надутой важностью и чванствомъ.

Совсѣмъ не такова была ея дочь. Добродушная и простая, скромная и веселая, она держала себя со всѣми одинаково мило и любезно. Ничуть не гордясь своимъ происхожденіемъ, нисколько не смущаясь своимъ обнищаніемъ, она не была заражена никакими сословными предразсудками и отдавала каждому должное по заслугамъ. Къ себѣ она относилась очень строго, и очень снисходительно—къ другимъ. Левъ Ивановичъ тоже понравился ей. Она встрѣчалась съ нимъ нѣсколько разъ и каждый разъ много разговаривала. Онъ былъ очень образованъ, хорошо зналъ языки и въ высшей степени воспитанъ. Отъ матери она наслышалась, что всѣ купцы—Китъ-Китычи, бахвалы, обиралы, аршинники, плуты, и что всѣ они живутъ въ какомъ-то «темномъ царствѣ». Ирина пришла въ полное недоумѣніе, когда узнала, что Боярскій—купецъ. Къ нему такъ не шло это слово, которое получило для Ирины чуть не съ дѣтства особое значеніе. Боярскій—этотъ милый, остроумный собесѣдникъ, свѣтскій человѣкъ—купецъ! Въ первый разъ тогда она усомнилась въ правильности материнскихъ воззрѣній. Но, можетъ быть, Боярскій—исключеніе изъ общаго правила? Можетъ быть, онѣ—уродъ въ семьѣ?..

Digitized by Google

Вскорѣ послѣ того, она познакомилась съ Петромъ Петровичемъ Волошиновымъ и еще разъ пришла въ неописанное изумленіе. Какъ? И этотъ купецъ? Этотъ, который рисуетъ такія милыя картинки, такъ хорошо, остроумно говоритъ и обладаетъ такимъ открытымъ, простымъ сердцемъ?.. И въ ней произошла реакція. Она никогда не испытывала ни того ужаса, ни того отвращенія отъ людей «не нашего круга», которыми была заражена ея мать, но вслѣдствіе частыхъ разговоровъ матери не имѣла и особеннаго влеченія къ людямъ «не нашего круга». Теперь случайное знакомство съ Боярскимъ совершенно измѣнило ея отношеніе... къ предвзятымъ убѣжденіямъ матери.

Боярскій заинтриговалъ ее своей особой. Не наслушайся она съ дѣтства ужасовъ про людей недворянскаго званія, про Китъ-Китычей темнаго царства, про разночинцевъ и т. п., она, быть можетъ, и не обратила бы особаго вниманія на Боярскаго. Но ея удивленіе шло въ параллель съ увлеченіемъ. Она узнала, что Боярскій основалъ въ городѣ женскіе курсы, что онъ пожертвовалъ капиталъ на расширеніе и благоустройство отдѣленія музыкальнаго общества, что Волошиновъ чуть не половину своего состоянія отдалъ музею художественныхъ и прикладныхъ знаній, и она въ тысячный разъ спрашивала себя: въ чемъ же заключается ихъ любовь къ темному царству? Почему Боярскій, Волошиновъ и многіе другіе, которыхъ имена она хорошо знала въ своемъ городѣ, и тѣ, которыхъ она по наслышкѣ знала въ столицахъ, по ихъ просвѣщенной дѣятельности, почему всѣ эти основатели музеевъ, галерей, школъ и консерваторій, почему эти издатели многотомныхъ ученыхъ сочиненій, увидавшихъ свѣтъ въ нашемъ отечествѣ только благодаря ихъ просвѣщенной помощи, почему эти основатели философскихъ, политическихъ и иныхъ журналовъ—непремѣнно люди рубля и наживы, люди темнаго царства? И почему, наконецъ, тѣ, другіе, о которыхъ ея мать была столь высокаго мнѣнія, тѣ знатнаго рода кутилы и расточители, тѣ прожигатели жизни, которыхъ она встрѣчала давно, еще въ дѣтствѣ, въ домѣ отца, тоже прокутившаго все родовое состояніе, вмѣстѣ съ кокотками, по кабакамъ и модньмъ курортамъ, и пустившаго свою семью по міру,—почему они именно представители свѣта, а не тьмы? Она этого не могла понять и продолжала видѣться съ Боярскимъ.

Digitized by Google

Какъ-то, въ долгомъ и дружескомъ разговорѣ, она ему высказала всѣ свои думы и сомнѣнія по этому поводу.

Онъ сначала смѣялся, но потомъ, проникнувшись ея страстнымъ желаніемъ разгадать истину, сталъ говорить серьезно и убѣжденно. Онъ говорилъ ей, что времена тьмы для купеческаго сословія прошли безвозвратно, что темное царство капитала,—какъ и всѣ другія темныя царства нашего отечества,—поколебалось и двинулось впередъ, вмѣстѣ со всѣми другими сословіями, вызванное къ новой жизни великими гуманными реформами царя-освободителя. Дворянство—говорилъ онъ,—издавна развращенное даровымъ трудомъ своихъ рабовъ, потерявшее силы отъ ихъ неупотребленія, долгими годами привыкшее жить на всемъ готовомъ, послѣ освобожденія, дѣйствительно ослабѣло, опустило руки, не найдя выхода изъ новаго положенія, застигнувшаго его врасплохъ. Вмѣсто того чтобы подбодриться, подтянуться, бодро двинуться впередъ и постараться вызвать силы, угасавшія отъ бездѣйствія, дворяне стали сожигать свои корабли, проѣдать свои послѣднія выкупныя свидѣтельства, растрачивать послѣдніе наслѣдственные гроши по заграничнымъ притонамъ, какъ будто они находились наканунѣ смерти, при послѣднемъ издыханіи, не вѣря въ великое будущее своей родины, не вѣря въ новую, свѣтлую жизнь, къ которой она была призвана великимъ реформаторомъ. А потомъ пошли стоны и жалобы, просьбы о пособіи, кредитѣ; вопли о невозможномъ матеріальномъ положеніи; залоги имѣній въ плутократическіе банки, неуплата процентовъ, перезалоги, долги, неустойки, продажи дворянскихъ имѣній и переходъ ихъ въ руки людей темнаго царства—кулаковъ, кабачиковъ и ростовщиковъ. И если кто—по правдѣ сказать — создалъ этихъ кулаковъ и кабачиковъ, такъ это именно сами оскудѣвшіе и ослабѣвшіе дворяне. Только они своимъ полнымъ равнодушіемъ и отреченіемъ отъ земли, абсентеизмомъ изъ своихъ помѣстій, безотлучнымъ пребываніемъ на теплыхъ водахъ и полнымъ нежеланіемъ приспособиться къ новому порядку вещей, предпочитая ему разореніе и нравственную смерть—только они вызвали къ жизни этихъ акулъ темнаго царства. Но это явленіе временное, переходное, неизбѣжное при всѣхъ великихъ реформахъ, когда взбаломученное море смѣшиваетъ верхніе слои своихъ водъ съ нижними и когда

Digitized by Google

волненіе замѣтно не только на поверхности, а доходитъ до самаго дна и подымаетъ съ него, вынося на поверхность, всю ту тину и илъ, которые невидимо для свѣта вѣками лежали на недоступныхъ глубинахъ. Пройдетъ время, взбаломученное море угомонится, послѣднее волненіе уляжется и все придетъ опять въ норму. Повѣрьте, кому нужно быть наверху — тотъ и будетъ наверху, а кому внизу, тотъ опять вернется на свое мѣсто... А купечество, это темное царство, воспѣтое Островскимъ, послѣ реформы освобожденія, оказалось живучѣе перваго сословія государства. Оно и понятно. Оно, т. е. купечество, было темно и невѣжественно. Удручающая безпросвѣтная тьма царила въ темномъ царствѣ; въ немъ не было ни свѣта, ни воздуха. Единственнымъ лучемъ свѣта въ этомъ темномъ царствѣ, по мнѣнію Добролюбова, явилась Катерина въ «Грозѣ», въ лицѣ которой выразился робкій протестъ, первый шагъ къ освобожденію отъ вѣковыхъ путъ рабства, угнетенія и дикаго самодурства. За этотъ протестъ она дорого заплатила: своей жизнью. И въ этомъ смыслѣ, если хотите, это былъ протестъ слабый, начатый, но неконченный, оборванный на половинѣ, какъ будто самъ въ себѣ сомнѣвающійся... Но на сторонѣ темнаго царства было все таки одно великое преимущество. Это—сохраненная имъ энергія силъ. Русское купечество искони вѣковъ упражняло свои силы. Оно никогда не пользовалось даровымъ рабочимъ трудомъ (хотя и добивалось его усиленно на своихъ фабрикахъ и заводахъ), никогда не жило на всемъ готовомъ. Оно само работало и само пріумножало. Въ этой постоянной личной работѣ крѣпли силы и, если хотите, духъ, потому что здоровый духъ бываетъ только въ крѣпкомъ тѣлѣ. Послѣ освобожденія, въ эпоху великихъ реформъ, лучъ истиннаго свѣта проникъ въ темное царство; и въ то время, какъ передовое сословіе изживало свои силы, дряхлѣло отъ инерціи, торговое сословіе сохранило ихъ въ бо́льшей мѣрѣ. Оставалось примѣнить ихъ къ свѣтлымъ идеаламъ и отрѣшиться отъ порожденія тьмы — купеческаго самодурства. И лучшіе люди нашего сословія уже выступили на новый путь... Конечно, есть много еще темныхъ сторонъ въ купеческомъ быту. Эти темныя стороны—достояніе вѣковъ и не скоро еще превратятся онѣ въ свѣтлыя; но эволюція началась и, дастъ Богъ, приведетъ къ желаннымъ результатамъ.

Digitized by Google

Будущее не принадлежитъ ни дворянству, ни купечеству, ни разночинству; оно принадлежитъ тѣмъ людямъ, которые съумѣли сохранить свои бодрыя силы и, съ водвореніемъ свѣта въ нашемъ общемъ темномъ царствѣ, съумѣли употребить и приложить ихъ къ пользѣ отечества, къ истинѣ, добру и красотѣ...

Разговоръ длился долго и обратилъ на себя общее вниманіе. Ирина теперь только, съ очевидною ясностью, поняла чистоту души и ясность идеаловъ Боярскаго. Она почувствовала, что любитъ его.

— Мнѣ очень не нравится, Ірѣпе, что ты такъ много и такъ подолгу разговариваешь съ этимъ купчиной,—сказала ей мать, когда онѣ возвращались домой.

— Но я люблю его, мама,—отвѣтила Ирина.

Мать пришла въ ужасъ. Этого только недоставало для ихъ полнаго несчастья! Что же она хочетъ выйти за него замужъ? Единственная надежда ея, что дочь составитъ себѣ блестящую партію, должна рушиться. У матери Ирины сдѣлалась мигрень и нервный, почти истерическій, припадокъ. А затѣмъ начались козни, противодѣйствія, подвохи и пр. Всякими способами она старалась помѣшать этому браку. Съ своей стороны, и Матрена Савишна помогала ей въ этомъ. Въ лицѣ матери Льва Ивановича, мать Ирины обрѣла себѣ неожиданную помощницу. Матрена Савишна тоже не могла переварить брака ея сына на обнищалой аристократкѣ. И этотъ бракъ считался съ обѣихъ сторонъ вопіющимъ mesalliance'омъ.

Но, къ счастью или несчастью для нихъ, Прасковья Алексѣевна бодрствовала и помогала своимъ участіемъ, совѣтомъ и благосклонностью увлеченнымъ молодымъ людямъ.

XIV.

Она взялась «провести ихъ дѣло». Разсказывая посвященнымъ и близкимъ людямъ о ихъ романѣ, она сантиментально закатывала свои заплывшіе жиромъ глазки и томнымъ голосомъ говорила:

— Ахъ, бѣдные! Они такъ влюблены другъ въ друга! Настоящіе голубки. Они даже начали худѣть. Надо взяться за ихъ дѣло... Всѣ говорятъ мнѣ: отчего вы не возьметесь за ихъ дѣло?..

Digitized by Google

— Ну, вотъ, ты всегда скажешь какую нибудь глупость, Прасковья Алексѣевна. Есть намъ время соваться въ чужія дѣла: своихъ не оберешься!—говорилъ на это Прянцевъ, еле скрывая свое бѣшенство.

— Но, Serge, я только повторяю твои слова,—возражала madame Прянцева, и при этомъ съ такой недоумѣвающей искренностью смотрѣла на него, что всякій видѣлъ ея правоту.

Тогда Сергѣй Александровичъ безнадежно махалъ рукой и уходилъ въ кабинетъ. Здѣсь, давъ волю своему гнѣву, онъ произносилъ:

— Дура! Набитая дура!

Дѣло въ томъ, что онъ дѣйствительно настаивалъ на этомъ бракѣ и просилъ жену устроить его.

Боярскій очень мѣшалъ ему въ городскихъ дѣлахъ, являясь серьезнымъ и опаснымъ конкурентомъ. Прянцевъ разсчитывалъ, что если Боярскій женится, то, по крайней мѣрѣ, въ теченіе года перестанетъ заниматься общественными дѣлами, посвятитъ время молодой женѣ, а, можетъ быть, уѣдетъ съ нею изъ города въ заграничное путешествіе. Такимъ образомъ, онъ откроетъ ему поле дѣйствія и мало по малу Боярскаго забудутъ.

Въ этомъ смыслѣ онъ желалъ этого брака и говорилъ о немъ съ женой, не только не отговаривая ея, но даже поощряя ея страсть къ чужимъ дѣламъ. Конечно, это говорилось въ кабинетѣ или спальнѣ, zwischen vier Augen, конфиденціально, и отнюдь не предназначалось къ громогласному вѣщанію въ гостинной. Бѣда была вся въ томъ, что «эта глупая баба» никогда не могла понять, что̀ называется конфиденціальнымъ разговоромъ и что̀—открытымъ.

Какъ бы то ни было, Прасковья Алексѣевна любовалась романомъ Боярскаго съ Ириной и готовилась принять въ немъ благосклонное участіе. Левъ Ивановичъ представлялся ей однимъ изъ героевъ романа Вернера, которымъ Прянцева зачитывалась со страстью институтки. Ей рисовался несчастный молодой человѣкъ, изнывающій отъ любви къ молодой и прекрасной дѣвушкѣ. Какъ это всегда бываетъ у Вернера, герой любитъ и молчитъ, молчитъ и томится до самой послѣдней главы и никакъ не можетъ уловить своего счастья. Героиня тоже томится до послѣдней главы и, наконецъ, на самой по-

Digitized by Google

слѣдней страницѣ оба получаютъ даръ слова, признаются другъ другу и счастье заключается въ послѣднихъ строкахъ романа. Почему оба должны томиться и молчать до послѣднихъ строкъ?—этого Прянцева не могла понять. Но во всемъ этомъ было такъ много изящнаго, таинственнаго и интереснаго, что она всегда съ трепетомъ ждала развязки.

— Ахъ,—говорила она своимъ друзьямъ,—вы не знаете: Боярскій и Irène—это настоящіе вернеровскіе герои. Это благородныя, возвышенныя натуры... они такъ любятъ другъ друга и такъ несчастны...

И ей захотѣлось устроить ихъ счастье, ускорить развязку и не ждать послѣднихъ строкъ заключительной главы. Способы ея были примитивны. Иринѣ она говорила о Боярскомъ, перечисляла его добродѣтели; его «ангельскій» нравъ приводилъ ее въ психопатическій восторгъ; Боярскій такъ влюбленъ, что она серьезно опасается за его здоровье и даже жизнь. Онъ таетъ, какъ свѣчка... еще вчера онъ былъ у нея и говорилъ, что ему опостылѣла жизнь, что онъ подумываетъ о самоубійствѣ. Боярскому она говорила то же самое объ Иринѣ, въ нѣсколько смягченныхъ и видоизмѣненныхъ выраженіяхъ.

Подготовивъ и укрѣпивъ такимъ образомъ почву, она отправлялась къ матери Ирины и тамъ разсыпалась въ краснорѣчивыхъ и убѣдительныхъ доводахъ. Сначала аристократка и слушать ее не хотѣла, и даже сдѣлала распоряженіе не пускать Прянцеву. Но отъ Прасковьи Алексѣевны не такъ легко было отдѣлаться, и когда ей говорили, что «барыни нѣтъ дома»—она садилась въ гостинной и готова была сидѣть чуть не до вечера, поджидая свою жертву; иногда она ловила ее на улицѣ. Для начала Прянцева попробовала дѣйствовать на непреклонную мать сантиментализмомъ.

— Душечка, Ксенія Викторовна,—говорила она:—смягчитесь! Они такъ самоотверженно любятъ другъ друга... Ахъ, еслибы я была матерью...

Но Ксенія Викторовна не поддавалась на эту очень ужь простую удочку.

— Лучше я умру, а никогда добровольно не соглашусь видѣть свою дочь за купцомъ. Мнѣ этого никогда не простилъ бы покойникъ. Онъ былъ истинный аристократъ, не по одному названію только, и былъ очень разборчивъ на связи и зна-

Digitized by Google

комства... У насъ принимали только избранныхъ и нашъ домъ отнюдь не походилъ на гостинницу, куда имѣетъ доступъ каждый, какъ это принято нынче въ нѣкоторыхъ современныхъ домахъ... гдѣ рискуешь встрѣтиться съ людьми, съ которыми не имѣешь ничего общаго.

Это былъ прямой намекъ на домъ Прянцевыхъ. При всей своей ограниченности, Прасковья Алексѣевна поняла на сей разъ, но нисколько не обидѣлась.

— Что жь такое, Ксенія Викторовна! Мнѣ кажется, что истинный дворянинъ во всякомъ обществѣ останется дворяниномъ. Да у насъ и не бываетъ, душечка, людей съ предосудительными репутаціями.

И, какъ ни въ чемъ ни бывало, она возвращалась къ своей темѣ.

— Никогда, никогда, никогда!—твердо отвѣчала ей Ксенія Викторовна.

Тогда Прянцева подошла съ другой стороны. Она знала о бѣдственномъ матеріальномъ положеніи гордой аристократки и, какъ истый демонъ-искуситель, принялась играть на этой струнѣ. Она рисовала заманчивыя перспективы: возможность ѣздить за границу, что̀ совершенно необходимо для здоровья душечки Ксеніи Викторовны; держать своихъ лошадей; перемѣнить квартиру и пр. Вѣдь Боярскій милліонеръ и, чтобы купить свое счастье, не пожалѣетъ никакихъ денегъ.

— Я не продаю счастья своей дочери ни за какія деньги,— гордо отвѣчала Ксенія Викторовна.

— Ахъ, Боже мой,—возражала привилегированная сваха:— кто говоритъ о продажѣ? Еслибы они не любили другъ друга... ну, такъ... А то вѣдь совсѣмъ наоборотъ... т. е. я хочу сказать...—путалась несчастная Прянцева.

— Скажите, милая Прасковья Алексѣевна,—спросила ее однажды Ксенія Викторовна:—изъ-за чего собственно *вы* хлопочете? Что̀ васъ такъ интересуетъ въ этомъ дѣлѣ?

— Счастье двухъ любящихъ сердецъ!—невозмутимо отвѣтила та, и Ксенія Викторовна поняла, что эту сваху не проймешь ни грубымъ, ни тонкимъ оскорбленіемъ.

По всей вѣроятности, Прянцевой такъ ничего и не удалось бы добиться, еслибы въ это время не назначенъ былъ къ продажѣ послѣдній клочокъ земли, оставшійся единственнымъ

Digitized by Google

наслѣдіемъ послѣ смерти мужа Ксеніи Викторовны. Полная нищета и разореніе грозили ей и дочери. Оставалось одно: идти въ гувернантки или классныя дамы. Да ещё хорошо, если скоро найдешь и такое мѣсто.

Въ этотъ критическій моментъ, явилась опять Прянцева. Ксеніи Викторовнѣ было не до нея, но она мужественно рѣшилась ее принять, зная, что все равно отъ нея не отдѣлаться. Прянцева предложила ей достать денегъ взаймы и начала прямо съ этого, съ дѣловымъ видомъ, какъ будто забыла о всѣхъ прежнихъ матримоніальныхъ разговорахъ.

— Ахъ, какое несчастье, какое несчастье, душечка!—вздыхала она.—Правда ли это? Правда ли, что ваше имѣнье назначено къ продажѣ? Вы должны знать, душечка, что я не изъ пустаго любопытства спрашиваю васъ объ этомъ. Я васъ такъ люблю... нельзя ли что нибудь сдѣлать?

— Ничего нельзя. Послѣдній льготный срокъ прошелъ—и мы теперь нищія. Единственно, что можно сдѣлать...

— Что, что?

— Внести деньги. Но ихъ нѣтъ и взять неоткуда. Это большой грѣхъ на душѣ покойника... что онъ такъ мало заботился о своей семьѣ. Прости ему, Господи!

— Я могу вамъ помочь, душечка. Можно достать денегъ... на большой срокъ и на необременительныхъ условіяхъ... совершенно необременительныхъ...

Ксенія Викторовна начала расцвѣтать и надѣяться. «Какая хорошая, добрая женщина, эта Прянцева», подумала она: «я о ней совсѣмъ не такъ думала... какъ можно ошибаться въ людяхъ»!

— Такъ вы думаете можно достать денегъ?—задумчиво спросила она.

— Можно, душечка. Я не только думаю, а даже увѣрена. Стоитъ мнѣ только сказать слово...

— Какъ? Такъ это значитъ... Сергѣй Александровичъ? Неужели онъ дастъ?

— Какъ Сергѣй Александровичъ? Мой мужъ?—изумилась отъ неожиданности Прянцева.—О нѣтъ, нѣтъ, душечка! У Сергѣя Александровича деньги всѣ въ дѣлахъ и оборотахъ: у него свободныхъ нѣтъ... совершенно нѣтъ.

— Въ такомъ случаѣ, я не вижу... У кого же можно занять?

Digitized by Google

— У Боярскаго,—отрѣзала та.

— У... у... Боярскаго?—чуть не простонала Ксенія Викторовна.

— Да, у него. Голубушка, душечка, вы только меня послушайте...—и начался потокъ краснорѣчія. На этотъ разъ рѣчи Прянцевой выслушивались благосклоннѣе. Ксенія Викторовна не дала своего согласія и все еще стояла на своемъ. Но, по крайней мѣрѣ, она отпустила отъ себя Прянцеву, обѣщавъ подумать.

Всѣ эти переговоры держались въ большомъ секретѣ отъ Ирины. Теперь Прянцева была почти увѣрена въ успѣхѣ и кинулась въ другой враждебный лагерь, къ Матренѣ Савишнѣ. Эту не такъ легко было взять. Уже нѣсколько разъ Прасковья Алексѣевна пыталась проникнуть въ домъ Боярскихъ и повидаться съ «застарѣлой купчихой», какъ звали въ городѣ Матрену Савишну. Но ее не такъ легко было увидѣть. Она упорно скрывалась и не желала свиданія съ Прянцевой.

На этотъ разъ, также какъ и во всѣ другіе разы, бѣдная сваха не имѣла успѣха. Зато она повидалась со Львомъ Ивановичемъ и дала ему надежду.

— Теперь, увѣряю васъ, все дѣло за вашей матушкой.

Обрадованный и счастливый, онъ помчался домой и рѣшилъ въ тотъ же день добиться согласія матери.

Вечеромъ, за чаемъ, онъ сказалъ ей:

— Маменька, я уже говорилъ съ вами о томъ, что хочу жениться на Иринѣ Павловнѣ.

— Говорилъ.

— Вы все еще несогласны дать ваше благословеніе?

— Не согласна. Совсѣмъ она тебѣ не невѣста. Мать ея знать насъ не желаетъ. А что она сама-то, твоя Ирина? Такая же, поди, чванная и надутая... А чѣмъ чванятся-то? Ѣсть нечего—а чванятся. Избаловался ты, вотъ что. Былъ бы живъ покойникъ—задалъ бы отъ тебѣ звону: мигомъ вышибъ бы дурь эту изъ головы.

— Какъ хотите, маменька. Я говорю теперь серьезно. При всей моей сыновней любви и почтительности къ вамъ, я пойду противъ вашей воли въ данномъ случаѣ. Не хотите благословить—обойдусь и безъ благословенія.

— Ужь и обойдешься?—не повѣрила та.—Чать, не басур-

Digitized by Google

манъ! Какой же это такой бракъ безъ родительскаго благословенія? Не турокъ, поди...

— Ужь турокъ или не турокъ, а только, маменька, вы меня знаете. Нѣтъ мнѣ счастья безъ Ирины.

— Такъ неужто мать промѣнять на дѣвчонку? Это такъ по новому, что ли?

— Промѣняю,—отвѣтилъ онъ, внѣ себя отъ раздраженія.

— А коли такъ—женись! Только какой же попъ вѣнчать васъ будетъ безъ материнской воли?—наивно спросила та.

— Найдется.

Эти разговоры продолжались три дня. Къ вечеру третьяго дня старуха смягчилась и, обливаясь слезами, обняла Льва Ивановича.

— Суровый ты, весь въ отца покойника,—говорила она.—Вѣдь и онъ на мнѣ женился противъ родительской воли,—созналась она.—Видно, такъ ужь Богъ судилъ. А тоже, бывало, какъ возьметъ что въ голову,—ни пестомъ, ни крестомъ не вышибешь... Ну, что ужь... дѣлай, какъ знаешь... Чему быть, того не миновать... вези невѣсту.

— Маменька!!.

Черезъ мѣсяцъ состоялась свадьба. Ксенія Викторовна сейчасъ же послѣ свадьбы уѣхала за границу, желая вдали отъ дочери свыкнуться съ тяжелой мыслью о совершонномъ mesalliance'ѣ.

XV.

Итакъ, завѣтная мечта исполнилась; давно желанная цѣль осуществилась; всѣ препятствія были наконецъ преодолѣны; Ирина принадлежала всецѣло Льву Ивановичу. Онъ любилъ ее серьезно и глубоко, она платила ему тѣмъ же.

Единственнымъ пятномъ на его счастьѣ были отношенія Ксеніи Викторовны къ нему. Чего онъ ни дѣлалъ, чтобы добиться ея расположенія! Онъ выплатилъ всѣ ея долги; устроилъ роскошную квартиру, купилъ экипажъ, лошадей; далъ ей возможность ѣздить за границу; все это дѣлалось деликатно, осторожно, черезъ дочь, съ соблюденіемъ всякихъ конвенансовъ; былъ онъ съ нею ласковъ, любезенъ, почтителенъ. Но все—напрасно.

Digitized by Google

Ксенія Викторовна не признавала его. Такъ-таки вовсе не признавала! Онъ для нея не существовалъ. Къ себѣ она его принимала въ рѣдкихъ, совершенно исключительныхъ случаяхъ, когда рѣшительно невозможно было избѣжать его присутствія; къ нимъ она являлась только тогда, когда завѣдомо знала, что не застанетъ дома Льва Ивановича. Съ Матреной Савишной познакомилась, по горячей просьбѣ дочери, но вела себя съ ней такъ высокомѣрно-принужденно, что умная старуха сама предпочла скрываться во внутренніе апартаменты при ея посѣщеніяхъ. Ирина конфузилась такого поведенія матери и не знала, какъ смягчить и загладить всѣ эти рѣзкости: она удвоивала вниманіе и нѣжную заботливость къ свекрови и мужу. Тѣ, конечно, замѣчали это и очень цѣнили ея деликатность.

Но съ Ксеніей Викторовной ничего нельзя было подѣлать и съ этимъ приходилось мириться.

Хуже всего было то, что Ксенія Викторовна не довольствовалась однимъ индиферентизмомъ въ отношеніяхъ своихъ къ семьѣ Боярскихъ; она еще настраивала дочь противъ мужа. Говорила о немъ всегда полупрезрительно, называла не иначе, какъ «твой купецъ», совѣтовала ей не поддаваться его вліянію и всегда ждать отъ него какой либо «кулацкой выходки».

Зато Левъ Ивановичъ съ истиннымъ удовольствіемъ слѣдилъ за отношеніями своей жены къ Матренѣ Савишнѣ. Ирина видимо полюбила простую и грубоватую съ виду, но въ сущности очень добрую и честную старуху. Чуткая душа Ирины угадала хорошее сердце «застарѣлой купчихи» и ея великую любовь къ сыну. Ихъ сближеніе шло быстро. Настроенная противъ «аристократки», старуха сначала вела себя съ молодой женщиной сдержанно и осторожно, какъ бы не довѣряя ей, а ожидая съ ея стороны какихъ либо «поступковъ и выходокъ». Но ни того, ни другаго не было, и старая женщина открыла ей свое сердце. Обѣ онѣ быстро поняли другъ друга, полюбили и сошлись. Ирина чувствовала и понимала все превосходство этой простой и доброй женщины передъ своей матерью, чопорной, холодной и высокомѣрной. Къ тому же Ксенія Викторовна проживала бо́льшую часть года за границей и почти совершенно отучила отъ себя дочь, которая цѣлые дни проводила съ Матреной Савишной.

Боярскій радовался и торжествовалъ. Единственно, что̀

Digitized by Google

смущало его до свадьбы—это думы о будущихъ отношеніяхъ его жены къ матери, которую онъ горячо любилъ. И теперь оказывалось, что она полюбила его мать, также какъ онъ любилъ ее.

Счастье, казалось, не могло быть полнѣе. Миръ, согласіе, любовь, взаимное уваженіе царили въ этой семьѣ. Счастье казалось трудно достижимымъ, но оно было достигнуто. Семейное положеніе Боярскаго, вопреки всѣмъ зловѣщимъ предсказаніямъ городскаго общества, было не только нормальнымъ, но даже превышало норму такъ называемыхъ счастливыхъ браковъ.

Онъ достигъ всего, о чемъ едва смѣлъ мечтать въ минуты одинокаго раздумья. И вдругъ это съ трудомъ достигнутое благополучіе рушилось. Рушилось ни по чьей винѣ, какъ только по его собственной. Этого онъ никакъ ужь не могъ ожидать,—до того это случилось внезапно. Въ счастливыя минуты, когда онъ, бывало, сидѣлъ между любящей женой и любимой матерью, когда пользовался всѣми благами домашняго очага, когда, утомленный дѣлами и городскими дрязгами, возвращался домой, гдѣ его ждали двѣ преданныя ему женщины, ему часто приходило на умъ, что все это почти сказочное благополучіе можетъ рушиться. Вдругъ Ирина разлюбитъ его? Вдругъ ей надоѣстъ это скромное существованіе и захочется чего нибудь яркаго, новаго, неизвѣданнаго?.. Онъ съ ужасомъ гналъ отъ себя эти мысли, и еслибы въ ту минуту кто нибудь сказалъ ему, что не Ирина, а онъ самъ, своими руками, разрушитъ съ такимъ трудомъ созданное благополучіе, разметъ своими руками домашній очагъ, онъ бы весело засмѣялся надъ самой возможностью такого предположенія и обозвалъ бы прорицателя безумцемъ.

И вотъ—счастье разрушено; очагъ разметанъ. Кѣмъ? Имъ самимъ! Онъ сидитъ теперь въ своемъ кабинетѣ, глухою ночью, когда всѣ люди съ доброю совѣстью спокойно спятъ; сидитъ и горько думаетъ объ обломкахъ своего счастья. Какъ это могло случиться? Въ чемъ смыслъ этого дикаго, нелѣпаго увлеченія? Или, дѣйствительно, Ксенія Викторовна была права, когда говорила дочери, чтобы она остерегалась и ждала съ его стороны всякихъ дикихъ самодурныхъ выходокъ? Неужели она была права и тогда, когда вѣщала ей библейскую фразу: «что̀ можетъ быть добраго изъ Назарета», примѣняя эту фразу

Digitized by Google

къ россійскому купечеству. Что ему Леля? Зачѣмъ, почему судьба связала его съ нею? Зачѣмъ онъ сталъ къ ней въ такія гнусныя, ненормальныя отношенія? И одна ненормальность повлекла за собою множество другихъ. Все стало не нормально; весь строй отношеній, длившихся три года, сталъ дикимъ, нелѣпымъ... Чего онъ искалъ въ Лелѣ? Что онъ могъ найти въ ней такого, чего ему недоставало бы въ семейной жизни? Множество подобныхъ вопросовъ тѣснилось въ его отуманенной головѣ и тщетно онъ искалъ на нихъ отвѣта.

Какъ всегда, все это началось чрезвычайно просто, совершенно незамѣтно, съ пустячковъ, еле уловимыхъ, съ пустаго кокетничанья съ одной стороны и глупой, почти мальчишеской рисовки—съ другой. Леля, послѣ свадьбы Ирины, записалась въ ея интимнѣйшія подруги и часто, почти ежедневно, посѣщала ихъ домъ. Ирина, памятуя ихъ отношенія съ дѣтскаго возраста, относилась къ молодой дѣвушкѣ душевно и сердечно. Одна Матрена Савишна сразу угадала несимпатичную и порочную натуру Лели и вѣчно брюзжала на ея частыя посѣщенія.

Однажды она даже не выдержала и рѣзко сказала Иринѣ Павловнѣ:

— Что *эта* повадилась къ тебѣ? Дрянь-дѣвка. Ехидная... будетъ тебѣ отъ нея великое горе.

— Что вы, что вы, Матрена Савишна! Она—славная дѣвочка, немножко взбалмошная, немножко избалованная — и только.

— Ну, попомни мое слово. Пущай бы я ошиблась, отъ слова не станется.

Левъ Ивановичъ сначала дичился Лели; потомъ частыя посѣщенія пріучили его къ ней. Все началось такъ незамѣтно. Отрывки фразъ, бѣглые взгляды, игривые разговоры, потомъ болѣе продолжительныя бесѣды, частые проводы, долгія рукопожатія... Какъ изъ всего этого могло произойти то, что случилось? Какъ могъ онъ такъ быстро дойти до той пропасти, на днѣ которой очутился теперь?

Его отношенія къ Лели казались ему въ свое время поэтическими. Онъ искалъ поэзіи и ради этого призрака поэтическихъ отношеній грубо, безжалостно-пошло исковеркалъ свою и нѣсколько чужихъ жизней. Поэзія запретныхъ отно-

Digitized by Google

шеній привела очень быстро и очень неожиданно къ самымъ нелѣпымъ результатамъ: къ искаженію смысла жизни и къ превращенію ея въ лубочную размалеванную каррикатуру.

Ему казалось, что любовь къ Лелѣ доставляетъ ему наслажденіе. Въ сущности, по глубокомъ размышленіи, на днѣ этого наслажденія ничего не было, кромѣ самаго матеріальнаго, самаго грубаго животнаго чувства. Животное чувство, по самой природѣ своей, крайне однообразно, а потому, доставляя наслажденія одного и того же порядка и одной и той же интенсивности, скоро пріѣдается—и наступаетъ неизбѣжный роковой моментъ пресыщенія. Тогда начинается реакція. Туманъ исчезаетъ изъ головы, завѣса спадаетъ съ глазъ, поэтическій ореолъ, который всегда застилаетъ чувственныя отношенія призрачной дымкой, разсѣивается; кумиръ оказывается самымъ обыкновеннымъ, грубо сколоченнымъ и ложно-обоготвореннымъ идоломъ и... со дна души подымаются мучительныя угрызенія совѣсти.

Порядочный человѣкъ, сдѣлавшій нечистоплотный проступокъ, какъ только начинаетъ проходить поэтическій одурманивающій угаръ, становится мученикомъ своей совѣсти. Онъ чувствуетъ злобу, ему хочется кому-то мстить, онъ съ ужасомъ видитъ свое безсиліе разобраться въ своихъ дѣлахъ, распутать затянутый имъ самимъ на-глухо узелъ. Множество вопросовъ осаждаютъ его изнемогающій умъ. Зачѣмъ ему, семейному человѣку, любившему жену и любимому ею, понадобилось какое-то нелѣпое романическое приключеніе, пошлая «авантюра» на сторонѣ? Почему вдругъ стало ему скучно съ женой и весело съ Лелей? Почему увлеченіе Лелей вдругъ стало казаться чѣмъ-то необыкновеннымъ, выходящимъ изъ ряду, новымъ, высокимъ, поэтическимъ, а не самой обыкновенной, избитой «интрижкой»? Почему поэма такъ скоро превратилась въ драму?

Часы шли за часами, ночь проходила, на востокѣ заалѣла заря; тяжелыя думы лѣзли въ его разгоряченную и утомленную безсонной ночью голову; вопросы одинъ за другимъ зарождались и исчезали безъ разрѣшенія; какіе-то образы безъ очертаній мелькали въ его сознаніи; и каждая мысль, каждая дума, каждый образъ оставляли въ глубинѣ сознанія какой-то горькій, ѣдкій осадокъ. Еще вчера, въ разговорѣ съ Лелей,

Digitized by Google

онъ увѣрялъ, что у него нѣтъ къ женѣ настоящей любви; что онъ даетъ ей свое вниманіе, заботливость, уваженіе, но не больше. Стало быть, любовь принадлежитъ Лелѣ? Да! Онъ, по крайней мѣрѣ, думалъ такъ вчера, когда говорилъ ей объ этомъ. Но сегодня? Сегодня онъ не думаетъ этого. Что-то такое случилось,—что̀ именно, онъ не могъ дать себѣ отчета, но что-то несомнѣнно случилось. Началась реакція. О, это такое состояніе, которому стоитъ только начаться! Оно похоже на русскія горы: стоитъ только толкнуть санки, и они неизбѣжно докатятся до конца.

Что реакція началась—онъ въ этомъ не сомнѣвался. Вчера еще онъ не любилъ жены; вчера еще онъ чувствовалъ особое состояніе при видѣ Лели. Еще сегодня, послѣ обѣда, онъ ждалъ съ нетерпѣніемъ минуты, когда ему можно будетъ отправиться съ ней въ театръ... Но когда она пожелала отъ него рѣшительнаго отвѣта, смѣлаго безповоротнаго шага, когда она потребовала, чтобы онъ открыто передъ всѣмъ свѣтомъ взялъ отвѣтственность за всѣ послѣдствія своего поступка, онъ вдругъ почувствовалъ, какъ милая поэзія запретныхъ отношеній исчезаетъ, какъ суровая дѣйствительность, со всѣми непріятностями, дрязгами, грязью, горечью и обидами, надвигается на него всей своей страшной тяжестью, и какъ силы его, казавшіяся ему неистощимыми, убываютъ; онъ почувствовалъ какъ слабѣетъ духомъ, какъ у него является роковая увѣренность, что ему не вынести этой тяжести.

О, онъ вынесъ бы ее, еслибы нужно было вынести весь этотъ позоръ прелюбодѣйства для Лели,—той Лели, какою она рисовалась ему въ минуты опоэтизированной страсти. Но теперь, страннымъ образомъ, послѣ ея категорическихъ словъ, прежней Лели не стало. На ея мѣсто стала *новая* Леля, которая, конечно, какъ нельзя больше отвѣчаетъ дѣйствительности. Его идеалъ—обыкновенная, пошловатая, современная барышня, испорченная, искалѣченная натура, кокетка par profession, эгоистка, не умѣющая приносить жертвъ, но умѣющая приносить другихъ себѣ въ жертву, желающая во что бы то ни стало выгодно и удобно «пристроиться». Ея ли слова и грубое, неделикатное обращеніе съ нимъ; попрошайничество ли тетки, которая никогда не осмѣлилась бы на это безъ санкціи Лели; гнетущая ли обстановка ея квартиры,—эти жал-

Digitized by Google

кія, низкія, натопленныя комнаты, въ которыхъ кружится голова и мутится умъ, въ которыхъ не хватаетъ воздуха, или что̀ другое—онъ не зналъ—но всѣми фибрами души чувствовалъ, что реакція наступила, и что онъ не можетъ принести той жертвы, которой отъ него требуютъ... Тѣмъ ужаснѣе, тѣмъ мучительнѣе, тѣмъ безчеловѣчнѣе и гнуснѣе казался ему его поступокъ.

Да, онъ не любилъ больше Лели... Онъ не любилъ ея, но за что же онъ погубилъ дѣвушку? Какое право имѣлъ онъ вторгнуться въ ея существованіе, разбить ея жизнь, и теперь, когда чадъ жизни прошелъ, когда наступило похмѣлье, выбросить ее, какъ негодную ветошь, какъ запачканную тряпку, на улицу? Гдѣ оправданіе, въ чемъ извиненіе?.. не передъ людьми, не передъ судомъ свѣта, а передъ самимъ собой, передъ лицомъ своей совѣсти?..

Онъ не любилъ Лели... Но ему необходимо реабилитировать ея честное имя. Это его долгъ, обязанность, священное право... Онъ долженъ жениться на ней... Но реабилитировать ея имя — значитъ погубить другую жизнь — жизнь Ирины, доброй, хорошей, дорогой Ирины, которая, съ глубокой вѣрой въ него, пошла съ нимъ рука объ руку, чтобы вмѣстѣ совершить жизненный путь. Что-то больное, тяжелое, мрачное подымалось со дна его души. Нѣжное, томительное чувство глубокой любви къ Иринѣ завладѣвало имъ, охватывало его, закрадывалось къ нему въ душу, наполняло все его существо, исторгало слезы изъ его глазъ. Ему казалось, что онъ теряетъ что-то безотчетно дорогое, страстно-любимое, безсовѣстно обиженное имъ...

— Дѣтка, родная дѣтка!—вдругъ, подъ напоромъ отчаянныхъ рыданій, воскликнулъ онъ.

Нѣтъ, онъ не въ силахъ принести ее въ жертву, онъ не въ силахъ убить ее. А кѣмъ нибудь надо пожертвовать!

Ночь прошла... длинная, томительная ночь раздумья, ночь итога, ночь разсчета.

Алая заря давно уже зардѣлась на восточной половинѣ хмураго городскаго неба, борясь съ тяжелыми снѣговыми тучами. Ни къ какому рѣшенію не привела его эта ночь. Первый ранній лучъ свѣта засталъ его въ прежней позѣ, сидящимъ въ креслѣ у стола. Голова его склонилась на руки, ко-

Digitized by Google

торыми онъ судорожно сжималъ ее, стараясь физическою болью заглушить невыносимую боль сознанія.

Глухія, беззвучныя рыданія потрясали его тѣло. Сдѣлавъ надъ собой усиліе, онъ всталъ. До боли тоскливое чувство защемило на сердцѣ. Ему страстно захотѣлось поцѣловать Ирину.

Онъ пошелъ въ ея спальню. Тяжелыя портьеры и драпри на окнахъ были спущены и въ комнатѣ царилъ полумракъ: горѣлъ розовый фонарь, спускавшійся съ потолка посреди спальни. Ирина лежала съ закрытыми глазами, съ полуоткрытымъ ротикомъ, обнажавшимъ ея бѣлые, ровные зубы. Глаза были мокры отъ слезъ: должно быть, ей снилось что нибудь очень печальное. Грудь дышала спокойно, и вся она, розовая, нѣжная, маленькая, подъ своимъ атласнымъ стеганымъ одѣяломъ, походила на несправедливо-обиженнаго ребенка, уснувшаго сладкимъ, волшебнымъ сномъ. Онъ упалъ передъ ней на колѣни.

— Дорогая, родимая, прости!

Потомъ осторожно, нѣжно поцѣловалъ ее. Она полуоткрыла глаза, вглядѣлась въ него, радостно и ласково улыбнулась.

— Ты—милый?—сонным голосомъ проговорила она и тотчасъ снова уснула.

Боярскій, шатаясь отъ усталости, вышелъ отъ нея. Теперь ему ничего такъ не хотѣлось, какъ спать. Чего бы онъ не далъ, чтобы заснуть часокъ! Онъ былъ разбитъ. Но въ кабинетѣ уже лежали пакеты и конверты, и Григорій доложилъ ему, что курьеръ изъ думы ожидаетъ въ передней.

XVI.

Левъ Ивановичъ рано уѣхалъ изъ дому, не успѣвъ повидаться ни съ женой, ни съ матерью.

Къ завтраку явился Волошиновъ, но не явился Боярскій. Тщетно ждали его и наконецъ сѣли безъ него. Матрена Савишна была не въ духѣ. Въ послѣднее время, она была очень недовольна сыномъ. Не такъ давно еще онъ находилъ все таки возможность и время показываться днемъ дома, по крайней мѣрѣ, являться хотя къ обѣду и изрѣдка проводить вечера

Digitized by Google

съ женой. Но съ нѣкотораго времени онъ сталъ положительно неуловимъ.

Умная старуха отлично понимала, что въ этихъ вѣчныхъ отлучкахъ не дѣла играютъ первую роль. Нѣтъ и не можетъ быть такихъ дѣлъ и занятій, которыя отнимали бы у человѣка все время, лишали его пищи и сна. Она только дѣлала видъ, что вѣритъ его отговоркамъ и оправданіямъ, и очень радовалась, что Ирина тоже вѣрила имъ.

Вскорѣ умная старуха поняла окончательно, въ чемъ дѣло. Она угадала, въ чемъ секретъ, и проникла въ тайну отношеній Лели и сына. Этого она не могла переварить. Никогда она не любила Лели, теперь же просто возненавидѣла ее; раньше всѣхъ другихъ она разгадала эту дѣвушку—съ виду младенца съ бѣлокурыми волосами и голубыми глазами, а въ сущности глубоко испорченную натуру. До поры до времени она молчала, не зная еще, что̀ предпринять и ка̀къ бы взяться за дѣло. Наконецъ терпѣніе ея истощилось и каждое отсутствіе сына изъ дому все болѣе и болѣе раздражало ее.

Завтракъ прошелъ уныло. Какъ это часто бываетъ, всѣми присутствующими вдругъ овладѣло какое-то особенное неловкое состояніе; всѣмъ было не по себѣ и каждый думалъ о томъ, какъ бы скорѣе кончить и уйти къ своимъ дѣламъ и думамъ.

— Ну, что̀, заграничный человѣкъ, носъ повѣсилъ?—попробовала пошутить Матрена Савишна.—Ишь, вчера, о своемъ путешествіи разсказывалъ небылицы въ лицахъ, а теперь надулся, какъ сычъ?

— Да что̀, бабушка, вы и сами всѣ какіе-то невеселые...

— Разскажи что нибудь, вотъ и развеселишь.

— Нѣтъ, ужь будетъ. Да, что, скажите, Льва можно когда нибудь застать дома? Мнѣ съ нимъ хотѣлось бы поболтать: вѣдь давно не видались. Совсѣмъ министромъ сталъ...

— Да, министромъ!..—неопредѣленно замѣтила старуха и насмѣшливо-злая нотка прозвучала въ ея голосѣ.

Ирина молчала; она вспоминала появленіе Льва Ивановича у себя въ спальнѣ и не могла отдать себѣ отчета, было ли это наяву, или ей почудилось во снѣ?

Волошинова приглашали къ обѣду, но онъ отказался, отговорившись какими-то дѣлами, распрощался и ушелъ.

Digitized by Google

Ему было не по себѣ. Онъ видѣлъ, что обѣихъ женщинъ гнететъ какое-то горе, и смутно догадывался, что тутъ, вѣроятно, играетъ печальную роль Левъ Ивановичъ.

Возвращаясь изъ-за границы, онъ совсѣмъ иначе представлялъ себѣ картину семейнаго счастья Боярскаго. Какъ истинно добрый, истинно хорошій человѣкъ, онъ неспособенъ былъ завидовать чужому счастью; напротивъ, приготовился отъ всей души ему порадоваться. Но то, что̀ онъ увидѣлъ въ эти два дня, сбило его съ толку. Глубокая грусть прокралась въ его душу и онъ очень серьезно пожалѣлъ Ирину. Ему хотѣлось поговорить съ Боярскимъ. Конечно, не онъ первый заговорилъ бы съ нимъ о такихъ щекотливыхъ дѣлахъ, да онъ и не имѣлъ обыкновенія вмѣшиваться въ то, что̀ его прямо не касалось, но ему думалось, что Боярскій самъ заговоритъ съ нимъ, если у него есть что̀ на душѣ, потому что отношенія ихъ съ дѣтства были самыя искреннія и дружескія.

И, однако, Боярскій встрѣтилъ его довольно холодно, не смотря на выказанную имъ наружную радость; онъ какъ будто конфузился друга, и отсутствіе его за завтракомъ Волошиновъ объяснилъ себѣ тѣмъ, что старый другъ избѣгаетъ его.

День проходилъ уныло. Левъ Ивановичъ не пріѣзжалъ домой. Ирина и Матрена Савишна сидѣли вдвоемъ въ комнатѣ и почти не говорили другъ съ другомъ. Первая читала какую-то книгу, перелистывая страницу за страницей, и, очевидно, не понимая смысла прочитаннаго; вторая вязала чулокъ и думала свою думу. Иногда Ирина отрывалась отъ чтенія и искоса взглядывала на бабушку. То же самое дѣлала и старуха. И обѣ понимали, что на душѣ каждой изъ нихъ творится что-то неладное. Но Ирина не хотѣла открывать ей свою душу, а Матрена Савишна, не смотря на внѣшнюю грубость, обладала отъ природы деликатной натурой и не хотѣла вторгаться насильно въ сокровенныя думы невѣстки.

Время шло томительно долго. Ирина Павловна видѣла, что старуха начинала злиться это она угадывала по несомнѣннымъ признакамъ: Матрена Савишна ожесточенно поправляла очки, сдвигала брови и то и дѣло спускала петли. Въ свою очередь бабушка подмѣтила, что у Ирины навертывались на глазахъ слезы. Собственно говоря, обѣ должны были бы привыкнуть къ отсутствію изъ дома Льва Ивановича; но сегодня, нервно

Digitized by Google

настроенныя, онѣ не могли отнестись къ этому съ обычнымъ равнодушіемъ. У обѣихъ давно накипѣло на душѣ и, повидимому, насталъ моментъ, когда чаша терпѣнія переполнилась.

Въ комнату вошелъ Григорій.

— Что тебѣ?—обрадовалась старуха возможности такъ или иначе прервать тяжелое молчаніе.

— Баринъ записку прислали: чтобы, значитъ, не ждать ихъ къ обѣду.

— Опять?.. — воскликнула Матрена Савишна. — Хорошо, ступай...

Когда Григорій вышелъ, бабушка взглянула на Ирину.

— Что же это такое? Когда же этому конецъ будетъ?— сказала она и взяла ее за руку.

Ирина не выдержала. Вдругъ, неожиданно для себя, она безпомощно разрыдалась.

— Что ты, что ты, глупая?—сказала Матрена Савишна, привлекая ее къ себѣ.—О чемъ? Вотъ еще печаль!

Но Ирина вдругъ почувствовала себя одинокой, брошенной, оставленной. Мать ея была далеко, мужъ совершенно ее забросилъ. Съ ней оставалась одна Матрена Савишна, и молодая женщина преисполнилась къ ней вдругъ невыразимой нѣжностью и благодарностью. Обливаясь слезами, она бросилась на шею старухѣ и сквозь рыданія пробормотала:

— Мама, милая... я очень, очень несчастна... Лёва...

Она хотѣла разсказать ей свои подозрѣнія, хотѣла крикнуть что ея сынъ разлюбилъ ее, но еще разъ сдержалась. Старуха заплакала. Ей такъ давно хотѣлось услыхать нѣжный эпитетъ: «мама» изъ устъ Ирины... и вотъ теперь она его услышала въ первый разъ за всѣ три года.

— Полно, полно, сумашедшая. Есть чего! Что же ты раньше-то молчала? Вотъ я ему поговорю... ужо поговорю.

— О, нѣтъ, мама, нѣтъ, только не это. Онъ подумаетъ, что я вамъ жаловалась; я не хочу, не хочу...

Обѣдъ прошелъ въ полномъ молчаніи.

XVII.

Боярскій вернулся домой поздно; онъ не разсчитывалъ застать кого нибудь въ гостинной. Каково же было его изу-

Digitized by Google

мленіе, когда онъ увидѣлъ жену и мать сидящими на диванѣ и мирно бесѣдующими, не смотря на поздній часъ.

— Какъ!—вскрикнулъ онъ:—вы еще не спите?

Онъ поцѣловалъ мать, потомъ крѣпко обнялъ жену и не могъ удержаться, чтобы не шепнуть ей на ухо нѣжныхъ словъ:

— Какъ я тебя люблю, моя дорогая!

Она ласково ему улыбнулась въ отвѣтъ на эти слова, которыхъ уже давно отъ него не слыхала, и поглядѣла на него взоромъ, полнымъ любви. Она любовалась его сильной и мужественной фигурой, красивымъ лицомъ, нѣжнымъ, размягченнымъ взглядомъ, въ которомъ была какая-то рѣшимость, и вмѣстѣ съ тѣмъ грусть.

Это послѣднее обстоятельство не ускользнуло отъ ея наблюдательности.

«Его что-то гложетъ», думала она: «у него есть на душѣ какое-то горе... Прежде онъ не былъ такимъ. Неужели страсть къ этой дѣвочкѣ такъ измѣнила его? Но тогда зачѣмъ онъ не кончитъ разомъ этого мучительнаго вопроса, въ ту или другую сторону... отчего не скажетъ прямо? И чѣмъ объяснить эту проснувшуюся нѣжность ко мнѣ, если онъ любитъ Лелю? Лицемѣріе это или жалость»?.. Ни того, ни другаго ей не надо. Первое—унизительно для него, всегда такого прямаго, искренняго, честнаго человѣка, второе—жестокая обида для нея... Все, что̀ угодно, самое безвыходное положеніе, самое отчаянное горе, но только не жалость!.. Она ему все готова простить, но никогда не проститъ жалости, которая вызвана добротою сердца и въ которой нѣтъ любви...

— Что вы дѣлали безъ меня?—спрашивалъ Боярскій.—Какъ проводили время? Былъ ли кто нибудь? Волошиновъ заѣзжалъ?

— Чать, самъ знаешь, что̀ дѣлали?—отвѣтила Матрена Савишна.—Слонялись изъ угла въ уголъ... какое у насъ дѣло? Думаешь, весело однѣмъ-то болтаться по комнатамъ? Ну, мнѣ все еще ничего... чего старухѣ надо? А каково молодой женѣ-то? Чать, объ ней не подумалъ?—брюзжала старушка, бросая на него гнѣвные взоры.

— Мама!—укоризненно воскликнула Ирина Павловна, останавливая ее.

Боярскій, услыхавъ этотъ эпитетъ, просіялъ.

Digitized by Google

— Какъ, Рена, ты называешь ее «мамой»?—зашепталъ онъ:—давно ли это? О, еслибы ты знала, какъ я радуюсь этому... милая, дорогая, хорошая моя.

— Ну, да. Мама позволила мнѣ называть ее такъ. Сегодня мы цѣлый день провели вмѣстѣ и я почувствовала къ ней особую близость. Отчего же мнѣ не называть ея такъ? Она относится ко мнѣ, какъ мать. Къ тому же, моя мама... далеко, я рѣдко вижу ее.

Слезы заволокли ей глаза. Боярскій, видя, что она не можетъ продолжать отъ душевнаго волненія, опять поцѣловалъ ее.

— Спасибо тебѣ, голубка, спасибо, родная. Женясь на тебѣ, я единственно опасался, что ты не сойдешься съ маменькой. Слава богу...

— И о чемъ только вы словами звоните?—вступилась старуха:—что тутъ необнаковеннаго? Ежели бы родной сынъ относился ко мнѣ, какъ она...

— Вы, маменька, на меня гнѣваетесь?—почтительно спросилъ Боярскій.—Я не понимаю, за что же? Если я не бываю дома — вѣдь вы знаете, что у меня есть дѣла, обязанности, служба. Я не по своей волѣ.

— Добро ужь!—прервала его мать.—Мели, Емеля—твоя недѣля. А я тебѣ не вѣрю. Каки-таки дѣла, что могутъ разлучить мужа съ женой на цѣлый день. И царская служба, чать, отдыхъ даетъ... а не то чтобъ твоя думская говорильня! А коли имъ такая сласть день-деньской языками молоть, такъ откажись отъ ихъ службы. Охъ, Лёва... повѣрь мнѣ, старухѣ... семейное счастье-то лучше всѣхъ твоихъ предсѣданій да комисій. Добро бы нуждался. А то, вѣдь, нѣтъ! Покойный отецъ—царство ему небесное!—немало тебѣ оставилъ. Заводъ, да еще устроенный, да большой, да лучшій, не токма въ нашемъ городѣ, а и во всей Россіи. Завсегда покойный говорилъ: вотъ оставлю моему единому сыну наше дѣло да капиталъ при ёмъ. Пущай работаетъ, пущай ведетъ дѣло отца, пріумножаетъ, совершенствуетъ. Не надобно ему ни въ службу вступать, ни у людей чужихъ искать: самъ, стало быть, себя окупитъ. А вѣдь онъ, покойникъ-то, пришелъ сюда съ небольшимъ капиталомъ, дѣло было малое, да мизерное. Потому меня ему и не отдавали, что онъ безъ капиталу считался. А потомъ какъ пошелъ, какъ пошелъ... ну, и Богъ благословилъ его труды да заботы. Во

Digitized by Google

все самъ входилъ, ничѣмъ не гнушался; нужно было работать,—и своими руками работалъ. Все честнымъ трудомъ добылъ. Коли купецъ,—говаривалъ, онъ, — хочетъ до капиталу дойти, самъ должонъ все произойти, а не полагаться на другихъ людей. Что̀ кому отъ Бога положено, тотъ на томъ и стоять долженъ, а не лѣзть куда ему не мѣсто. И тебѣ не разъ заказывалъ: пуще всего держись нашего дѣла... А ты замѣсто того что? Кинулся въ предсѣданія да въ комисіи, а дѣла̀ свалилъ на Евстигнея Прохоровича...

— Евстигней Прохорычъ—честный человѣкъ...

— А кто тебѣ говоритъ, что онъ не честный? И я говорю, что честный. Да ты-то не честный...

— Маменька!

— А что жь? Завсегда скажу... Нешто въ этомъ честь, чтобы мильоны наживать, а самому сидѣть сложа руки? Ты былъ ли хоть разъ на заводѣ? Прохорычъ работаетъ, а ты милліоны въ банки укладываешь...

— Ну, ужь и милліоны!—улыбнулся онъ.

— Ну, я вѣдь до счетовъ вашихъ не дохожу. Ничего въ нихъ не понимаю. А только такой дворецъ держать, да лошадей, да прочее—безпремѣнно милліонъ нужно...

— И даже меньше,—пошутилъ Боярскій.

— Можетъ, и меньше, не знаю. А только мильонъ легче выговорить, потому и говорю. А ты не перебивай мать... Рѣдко мнѣ съ тобой говорить-то доводится, такъ ужь, сдѣлай милость, послушай. Я правду сказываю... Мнѣ что? Мнѣ ничего не нужно. Сыта, обута, одѣта... А вотъ ей, поди, этого мало?—указала она на Ирину Павловну.

— Мама, ради бога! Я ни на что не жалуюсь, ни на что не претендую.

— Молчи ужь! Знаю, что не жалишься... не таковская. А только я вѣдь тоже не слѣпа, еще вижу, даромъ что дохтуръ-то, анамеднись, говорилъ: новые глаза не вставишь... стара вишь... А хотя и стара, многое еще вижу... что? не мѣшай говорить! Хочу говорить. Ужь начала, такъ безпремѣнно кончу...

Она перевела духъ и продолжала:

— Ей что̀ твои мильоны? Не съ ними ей жить... а съ тобой. А ты и днюешь, и ночуешь не дома.

Digitized by Google

— Что вы, маменька? Когда же это было?

— Молчи. Это такъ, къ слову. Не всякое лыко въ строку... А только извѣстно: женщина молодая тоже свѣтъ-то, поди, видѣть хочетъ. А что она видитъ?.. Вотъ намедни Петрушка тутъ растабарывалъ про чужія страны, да про дорогу... тоже вралъ поди... а интересно, нельзя сказать... А твоя-то жена что видѣла? Не токма чужихъ странъ, а и свово города-то, чай, не знаетъ... Все сиднемъ сидитъ... въ четырехъ стѣнахъ... Что отъ тебя толку? Прибѣжишь это, какъ шалый, али съ цѣпи сорвавшись, чмокнешь ее въ руку: здравствуй, молъ, душенька, а самъ хвостъ въ руки да опять убѣжишь... Нешто это жисть? А куда бѣгаешь, —Богъ тебя вѣдаетъ: то комисія, то предсѣданіе, то ужь и не знаю что... То въ оперу... съ эстой самой Лелькой... А жена нешто не можетъ въ оперу?..

— Мама! прошу васъ, голубушка...—въ отчаяньѣ возопила Ирина.

— Оставь, не тронь... сердце у меня расходилось, на вашу жисть глядючи. Молчи...

Старуху не легко было успокоить. Она почти никогда не говорила, но ужь когда у нея накипало на сердцѣ, никакія силы не могли удержать ее отъ краснорѣчія.

— Маменька, да вѣдь Ирина никогда мнѣ не заикалась о своемъ желаніи...

— Зачѣмъ ей заикаться? Нешто она заика? Это заики да малые ребята заикаются... А ты, вишь, несмысленочекъ, безъ заиканья-то не можешь догадаться?..

— Да, увѣряю васъ, мама, что я охотнѣе всего сижу дома; мнѣ пріятнѣе проводить время съ вами дома, чѣмъ по операмъ да гостямъ...

— Знаю, мой другъ, все знаю; потому и говорю. А я что говорю? Ты не изъ такихъ, чтобы, задеря хвостъ, по операмъ бѣгать да тенорами восторгаться. А только, ежели есть другія охотницы до эстаго, такъ отчего и тебѣ разъ-другой не побывать? И побывала бы, да, вишь, нашему-то министру некогда. Гдѣ ужь! Ахъ, маменька, сегодня обѣдъ по подпискѣ; ахъ, маменька, завтра фрыштикъ безъ подписки; ахъ, маменька, послѣ завтра чествуемъ того-то, а потомъ провожаемъ другаго. Кто говоритъ: хорошаго человѣка отчего не почествовать, а только больно много у васъ хорошихъ-то людей развелось: за всѣми,

Digitized by Google

поди, не угоняешься? А этихъ самыхъ закладокъ зданіевъ, да торжественныхъ открытій, да убылеевъ, да всякаго инаго прочаго? А ты бы и жену когда почествовалъ. Вонъ Петруша гоняется, гоняется за тобой, не можетъ тебя догнать. И друзей-то позабылъ, не токмà что домъ... «Публичный онъ у васъ человѣкъ сталъ»,—говорилъ мнѣ Петруша,—«его и рукой не достанешь»... Прежде вонъ безпутныхъ женщинъ такъ называли, а теперь вона... дослужился и ты до такого титулу. Чего смѣешься? А? Мать ему выговариваетъ, а ему смѣшно. Ничего-то смѣшнаго нѣту! Правду говорю. А кто тебѣ правду-то скажетъ? Небось—она не скажетъ. Больно ужь горда, да молчалива да уединенна. Вотъ что! Такъ-то, Лёва... А ты на мать не сердись... По твоему, старуха брюзжитъ да ворчитъ, да изъ ума выжила? Анъ нѣтъ! Много во мнѣ еще ума этого самаго...

— Маменька, вы много мнѣ правды сказали... я не спорю,—сконфуженно и почтительно проговорилъ Боярскій, любовно глядя на старуху и чувствуя въ сердцѣ своемъ правоту ея наивно выраженныхъ мыслей.—А только что же мнѣ дѣлать? Вѣдь я служу по выборамъ, несу общественную службу, приношу пользу обществу, которое почтило меня своимъ довѣріемъ. Кто говоритъ, дорогая?—интересы семьи—высокіе интересы, но интересы общества еще выше. Я люблю Ирину (тутъ старуха вздохнула и покачала головой), но не могу же я отказаться отъ службы городу, обществу... Я ничего не умѣю дѣлать въ половину и вотъ весь отдаюсь городскимъ дѣламъ... времени-то и не хватаетъ... т. е. для дому... взялся за гужъ—не говори, что не дюжъ; назвался грибомъ...

— Ничего-то я не понимаю, что ты тутъ растабарываешь... Общество, да общество, да довѣріе, да польза... И все это словеса, и больше ничего. Взялся за гужъ... Ишь ты! Пословицами да присказками взять меня хочешь... Анъ врешь! Я и сама сказки знаю, не хуже твоихъ. Небось, не слыхалъ, какъ заяцъ съ ежемъ въ запуски бѣгалъ?

Ирина разсмѣялась, но не понимала, къ чему рѣчь клонится. Левъ Ивановичъ недоумѣвалъ тоже.

— Не знаю. Разскажите.

— И разскажу, очень просто. Ходилъ, видишь ты, ежъ въ поле гулять, да и повстрѣчалъ зайца. А заяцъ и говоритъ

Digitized by Google

ему: ты прохаживаешься, а могъ бы свои ножки-то кривыя къ лучшему чему приберечь. Ежъ обидѣлся; ты, говоритъ, думаешь, что твои ноги лучше моихъ? Поспорили и задумали они испытать, кто кого перегонитъ,—побились объ закладъ. Ну, ежъ-то и перехитрилъ зайца: посадилъ свою жену, ежиху, въ то мѣсто, гдѣ назначено было бѣгу кончиться, и наказалъ, что когда заяцъ добѣжитъ, чтобы она вскрикнула: «а я уже здѣся»! Такимъ образомъ, заяцъ проигралъ закладъ.

— А какое же нравоученіе?—спросилъ Боярскій.

— А нравоученіе такое: выбирай себѣ знакомыхъ въ равномъ состояніи и дѣло—по своему состоянію, а слѣдственно ежи должны жать съ ежами, а зайцы съ зайцами, вотъ что! А еще по другому—«не въ свои сани не садись». Вишь ты вздумалъ меня удивить пословицами да присказками... Эхъ, Лёва, Лёва, послушай ты меня старуху: нехорошо, дюже нехорошо!

Боярскій вздрогнулъ. Въ словахъ матери ему послышался особый смыслъ, какъ будто она намекала на что-то, имъ обоимъ вѣдомое.

Онъ смутился. Неужели и она знаетъ его тайну?

— Да что не хорошо-то?—спросилъ онъ.

Но старуха на этотъ разъ совершенно разсердилась.

— Эй, не искушай меня! Не строй дурачка. Чать, самъ знаешь, что нехорошо?.. чего попусту слова изводить?

Ирина Павловна боялась черезчуръ откровеннаго разговора. Ей больно было видѣть растерянную и униженную фигуру мужа; она не хотѣла слушать его неискреннихъ рѣчей, его двусмысленнаго оправданія. Неискренность такъ не шла къ нему! Не смотря на то, что она теперь была убѣждена въ его измѣнѣ, она все таки любила его и страдала за него. Ей до глубины души было жалко его. Жалко потому, что онъ принужденъ фальшивить и лгать, а она знала, что это ему тяжело; жалко потому, что онъ полюбилъ такую недостойную дѣвушку, и, какъ умный человѣкъ, не могъ не видѣть и не понимать этого.

Она встала, поцѣловала старуху и сказала:

— Я иду спать, мама; поздно, я устала.

Потомъ она подошла къ мужу и подставила ему лобъ для поцѣлуя. Но онъ не могъ совладать съ собой и, крѣпко обнявъ ее, поцѣловалъ въ губы горячо, страстно. Нѣжное чув-

Digitized by Google

ство къ ней, проснувшееся въ прошлую ночь, проведенную имъ въ тяжеломъ раздумьѣ, безъ сна, не только не умалилось съ теченіемъ дня, но все расло и укрѣплялось.

— Въ словахъ мамы много правды, — сказалъ онъ женѣ, провожая ее въ спальню.—Я, дѣйствительно, недостаточно внимателенъ къ тебѣ съ этими дѣлами...

«Зачѣмъ онъ лжетъ? зачѣмъ, зачѣмъ»?—думала Ирина, съ наслажденіемъ, однако, вслушиваясь въ его слова.

— Но ты увидишь,—продолжалъ онъ: — я это все перемѣню...

Поддаваясь все тому же нѣжному порыву, охватившему его, онъ крѣпко сжималъ Ирину въ своихъ объятіяхъ и страстно цѣловалъ ея руки, губы, шею. Она невольно отвѣчала ему, радуясь этому возврату чувства и вмѣстѣ съ тѣмъ не умѣя объяснить себѣ. Потомъ она сказала:

— Ступай, Лёва... поздно, хочется спать.

— Я останусь,—отвѣтилъ онъ, все крѣпче и крѣпче прижимая ее къ себѣ.

Тогда она вдругъ рѣзко и сильно отстранила его.

— Нѣтъ, нѣтъ... я больна...

— Рена!

— Нѣтъ, ни за что... я устала, оставь меня.

Онъ видѣлъ, какъ она задрожала, какъ безпокойный огонекъ зажегся въ глазахъ, какъ вся фигура ея отразила въ себѣ ужасъ.

— Рена, что съ тобой? Ты не любишь меня, ты боишься меня?..

— Уходи, уходи...

— За что ты гонишь меня?..

— Уйди, я прошу тебя... милый, не могу...

Онъ продолжительно и грустно взглянулъ на нее. Въ ея испуганномъ взглядѣ онъ прочелъ все. Теперь онъ уже болѣе не могъ сомнѣваться: она знала его тайну также хорошо, какъ онъ самъ. Низко опустивъ голову, стараясь не глядѣть на нее—онъ вышелъ.

Онъ услышалъ за собой щелканье замка. Ирина заперла на ключъ дверь своей спальни.

Пройдя въ гостинную, онъ опять увидѣлъ мать на прежнемъ мѣстѣ. Старуха сидѣла, не шевелясь, какъ нѣкое древ-

Digitized by Google

нее изваяніе. Она его встрѣтила вопросительнымъ взглядомъ. Онъ не далъ ей начать разговоръ и, подсѣвъ къ ней, первый поспѣшилъ заговорить:

— Маменька, Ирина вамъ жаловалась на меня, да?

— Ирина жалилась? Да что ты, отецъ, рехнулся, что ли? Али жены своей вовсе не знаешь? И то вѣдь, гдѣ же тебѣ ее знать? Не успѣлъ за дѣлами-то.

— Маменька,—началъ было онъ, но старуха его прервала:

— Чего «маменька, да маменька»? Заладила сорока Якова. Сама, чать, знаю, что маменька... Жалѣю, что сынъ у меня таковъ...

И вдругъ у суровой старухи блеснули на глазахъ слезы. Она нагнула къ себѣ голову сына и начала цѣловать ее. Онъ чувствовалъ, какъ ея слезы, старческія слезы безпомощнаго горя, падали ему на голову. Жутко и больно ему сдѣлалось,—такъ жутко, что сердце его мучительно заныло.

— Голубушка, да чѣмъ же вы недовольны мною?—почти простоналъ онъ.

Матрена Савишна строго его остановила:

— Не фальшивь, Лёва. Будетъ! Меня, старую, на мякинѣ не проведешь, сладкими да нѣжными словами не улестишь. Я, отецъ мой, и сама кое-что смекаю, даромъ что изъ ума, говорятъ, выжила. Чего передо мной фальшивишь? Ириши-то теперя нѣту. Можно говорить на чистоту. Правъ ты передъ нею? Честно у тебя на душѣ супротивъ нея? Сказывай... какъ на духу сказывай. Мать-то все одно, что̀ попъ.

Она снова глядѣла на него вопросительно. Никогда не видалъ онъ у нея такого взора: въ немъ было столько непреклонной воли, столько чего-то властнаго, неотступнаго, твердаго.

— Правъ ты?—еще разъ спросила она.

И опять,—какъ незадолго передъ тѣмъ, подъ взоромъ жены,—ему пришлось поникнуть головой подъ этимъ настойчивымъ и жгучимъ взглядомъ матери.

— Нѣтъ, маменька, не правъ...—чуть слышно прошепталъ онъ, пробуя избѣжать ея взгляда, который жегъ его.

— Могъ бы и не сказывать, я и безъ того знала,—задумчиво проговорила она. — Лелька? — вдругъ неожиданно спросила старуха.

Digitized by Google

Боярскій опять вздрогнулъ.

— *Она...* — еще тише проговорилъ онъ, чуть шевеля губами.

— Что жь теперь дѣлать?—спросила Матрена Савишна и теперь поглядѣла на сына съ такой глубокой печалью, съ такой кротостью, что его напряженные нервы не выдержали и онъ собралъ всѣ свои силы, чтобы подавить готовое вырваться рыданіе.

— Что жь теперь дѣлать?—беззвучно, машинально повторилъ онъ.

— Зашло-то далеко? Али, можетъ, такъ по пустому?— продолжала мать.

— Далеко... очень далеко...

— Плохо твое дѣло, Лёва... совсѣмъ плохо! Другой вывернулся бы, а ты... знаю, честная твоя натура... ты... эхъ, что ужь... Придумалъ ли что?

— Ничего. Хочу поговорить съ Петрушей.

— А что ты думаешь? И вправду. Чего лучше? Сердечный онъ человѣкъ, Петруша. Можетъ, что и присовѣтуетъ. Поговори, что жь... съ нимъ можно! Доброе у него сердце, хорошее.

Она замолчала, какъ будто что-то обдумывая. Потомъ, не обращаясь прямо къ нему, какъ бы говоря сама съ собою, произнесла:

— Все потому, что званіемъ своимъ пренебрегъ. Нѣтъ тому счастья на семъ свѣтѣ, кто своимъ званіемъ небрежетъ... Былъ ты купцомъ, купцомъ тебѣ и оставаться!.. Нѣтъ, вѣдь, полѣзъ въ знать, славы да почету захотѣлось... Въ общество втерся, школы да музеи, да консерторіи зачалъ строить, да ото всѣхъ почету добиваться... вотъ и испортилъ свой карахтеръ. Недаромъ покойникъ-то, отецъ твой, говаривалъ: коли нашъ братъ комерсантъ на своемъ дѣлѣ сидитъ — путный онъ человѣкъ. Какъ отошелъ отъ дѣла, да за знатью погнался, тутъ ужь и капутъ! Коли ты заяцъ, и водись съ зайцами; неча тебѣ съ ежами гоняться, хоша ты и прытче ихъ будешь, да зато они хитрѣе... Вотъ какъ перехитрятъ... Испортили тебя вовсе. Не то ты теперь купецъ, не то министръ. Облику въ тебѣ комерческаго ужь нѣтъ, да, поди, и на министра не похожъ. Однимъ развѣ подъ заправскаго барина подходишь—женѣ измѣняешь...

Digitized by Google

У ихъ это, слыхàть, въ модѣ; ну, а у насъ, у старозавѣтныхъ торговыхъ фамилій, это — мараль... На всѣхъ насъ мараль... Мать-то Ирины—гордячка! не люблю я ея—сказывала: «что путнаго-то въ кущѣ»? Неужто хочешь, чтобы она правою была, да всѣхъ насъ правильно замарала?.. А съ Петрушей поговори... это ты дѣло придумалъ. А ужь я спать уйду... что-то клонитъ... ишь до пѣтуховъ договорились. Ну, да авось утро вечера мудренѣе будетъ. А теперь Христосъ съ тобою!.. спи... не тужи...

Старуха ушла, а Левъ Ивановичъ остался одинъ со своими горькими думами.

XVIII.

Цѣлый этотъ день онъ не видѣлся съ Лелей. Послѣ трудной ночи, проведенной имъ въ раздумьѣ о томъ, что дѣлать, онъ уѣхалъ въ присутствіе, гдѣ усиленно старался текущими занятіями заглушить подымавшуюся въ немъ бурю. Это ему плохо удавалось и всѣ служащіе замѣтили, что въ немъ происходитъ что-то особенное.

Около пяти часовъ онъ поѣхалъ къ Лелѣ Антиповой, но не засталъ ея дома. Подъѣзжая къ дому, онъ рѣшилъ объясниться съ нею; онъ самъ не зналъ, что ей скажетъ, о чемъ будетъ съ ней говорить, къ какому рѣшенію придетъ; но онъ чувствовалъ потребность говорить; въ головѣ шумѣло, сердце колотилось, какъ будто хотѣло выскочить, и онъ почти обрадовался, когда узналъ, что ея нѣтъ дома.

Тетка встрѣтила его нѣсколько иначе, чѣмъ обыкновенно, и, не смотря на озабоченность, во власти которой онъ находился, Левъ Ивановичъ не могъ не замѣтить, что обращеніе Марьи Петровны съ нимъ перемѣнилось. Не было прежней слащавой любезности, приторной внимательности и подхалимническаго искательства.

— Я же вамъ сказала, Левъ Ивановичъ, что Лели сегодня не будетъ...

— Я думалъ все таки, что она меня подождетъ; мнѣ нужно съ ней поговорить.

— У нея, кромѣ вѣчныхъ и, повидимому, безплодныхъ

Digitized by Google

разговоровъ съ вами, есть и другія дѣла, — съ неожиданной рѣзкостью отвѣтила тетка.

— Вотъ какъ!—удивился Боярскій.

— Да-съ. И вообще она просила, Левъ Ивановичъ, не ѣздить къ ней эти три дня; а то, что вы имѣете ей сказать, можете написать...

Затѣмъ тетка не выдержала ледянаго тона и вдругъ пришла въ свое нормальное настроеніе.

— Ахъ, мужчины, мужчины!—закатывая глаза къ потолку и хлопая его по рукѣ, замѣтила она таинственно: — всѣ вы однимъ мѵромъ мазаны. Какъ только птичка въ вашей власти, вы забываете ей давать кормъ, поить и ласкать ее; какъ только чувствуете, что она готова вспорхнуть, вами овладѣваетъ отчаянье... Вотъ и князь Брызгаловъ... ну, впрочемъ, оставимъ это. Я должна васъ предупредить, Левъ Ивановичъ,—совсѣмъ конфиденціальнымъ шопотомъ, близко наклоняя къ нему свое напудренное лицо, заговорила она:—Леля на васъ очень сердится. Я не знаю, что произошло между вами: это и не мое дѣло. Я не хочу знать, что тутъ такое? Я закрываю глаза. Вы знаете, я дѣвушка честная... ужь на что князь Брызгаловъ—который одно время считался моимъ женихомъ—любилъ меня... а когда онъ позволилъ себѣ мужскую вольность... я ему отказала... навсегда. Ужь онъ и такъ, ужь онъ и эдакъ... нѣтъ, говорю, этотъ человѣкъ не уважаетъ меня, а сама знаю, что не только уважаетъ, а даже любитъ, спитъ и видитъ назвать меня своею княгинею. Это такъ хорошо звучитъ: княгиня! княгиня Брызгалова! Но я была тверда, потому что я честная дѣвушка... Вотъ я тогда и говорю его другу, котораго онъ прислалъ: «нѣтъ! говорю: между нами все кончено».

— Но вы хотѣли говорить что-то о Лелѣ? Я съ удовольствіемъ выслушаю вашу исторію съ княземъ въ другой разъ. Къ тому же, вы уже мнѣ ее какъ-то разсказывали, и я припоминаю...

— Неужели? Вправду говорила? Ну, такъ что же про Лелю? Да! Я не знаю, что у васъ съ ней, и — повторяю — знать не хочу. Но она всю ночь проплакала, а утромъ сказала, что не желаетъ больше съ вами видѣться, пока вы не дадите какого-то отвѣта. «Онъ знаетъ»,—прибавила она.—Ну, такъ вотъ я и говорю вамъ. Ой, не шутите съ огнемъ, Левъ

Digitized by Google

Ивановичъ. Леля—дѣвушка съ огнемъ, нервная дѣвушка. Съ ней можетъ случиться несчастье: она не перенесетъ безчестія или обиды—я опять таки не знаю—она можетъ отравиться. Потомъ она дѣвушка хорошей старой фамиліи, а съ хорошими фамиліями шутить нельзя!

«Леля можетъ отравиться» — вотъ чему Боярскій рѣшительно не вѣрилъ и внутренно улыбнулся. Его хотятъ запугать. Онъ не вѣрилъ и тому, что Леля ничего не говорила теткѣ; очевидно, она дала ей порученіе поговорить съ нимъ и попугать его—это слишкомъ ясно и сшито бѣлыми нитками.

— Конечно, мое дѣло сторона,—продолжала, между тѣмъ, тетка:—но я, любя васъ, Левъ Ивановичъ, говорю такъ... И еще, если о чемъ нибудь провѣдаетъ Степанъ... ну, вы его знаете... между вами будетъ дуэль.

Боярскій опять мысленно улыбнулся. Степанъ—этотъ забулдыга, пропойца, бездѣльникъ, и—дуэль!..

Въ это время раздался звонокъ. Тетка, думая, что это вернулась Леля, побѣжала сама отворять, чтобы успѣть предупредить ее, что у нихъ сидитъ Боярскій. Но это была не она.

Левъ Ивановичъ слышалъ изъ гостинной разговоръ, происходившій въ передней.

— А, это онъ?—отвѣчалъ чей-то хриплый голосъ на тревожный шопотъ тетки.—Ну, что жь, мнѣ нужно съ нимъ видѣться. Что? Въ другой разъ? Почему именно вы полагаете, полупочтенная тетенька, что въ другой разъ?

Черезъ минуту, въ комнату вошелъ высокій и худощавый молодой человѣкъ. У него была отталкивающая наружность. Ничего неправильнаго въ его лицѣ не было; но грязноватый цвѣтъ кожи, безцвѣтные глаза съ тупымъ и безсмысленнымъ выраженіемъ, небрежный и истрепанный костюмъ, букетъ водки, чувствовавшійся, когда онъ говорилъ, и небритая физіономія его производили отталкивающее впечатлѣніе.

— А-а!—завопилъ онъ хрипло, входя въ комнату и увидя Льва Ивановича:—будущему лорду-мэру! Наше вамъ-съ! Что новенькаго, старина?—фамильярно хлопая его по колѣну, продолжалъ онъ, усаживаясь на стулъ рядомъ съ нимъ.

— Степа!—укоризненно воскликнула тетка.

— Тетушка, лессэ! Оставьте... что вы въ самомъ дѣлѣ, не въ свои дѣла?.. пардонъ...

Digitized by Google

Боярскій брезгливо отодвинулся и отвернулся, такъ какъ «букетъ» сильно обдавалъ его. Онъ ненавидѣлъ этого молодаго человѣка и всячески избѣгалъ встрѣчъ съ нимъ. Прежде онъ совершенно его игнорировалъ, но сегодня, въ этотъ вечеръ, смутно его побаивался. Напротивъ, Степанъ всегда старался лѣзть ему на глаза и въ началѣ знакомства держался съ нимъ подобострастно, разсчитывая, когда Боярскій дѣйствительно сдѣлается городскимъ головой, выгодно пристроиться. Боярскій, бывая въ ихъ домѣ, относился къ нему съ ледяной холодностью, какъ будто не замѣчая его. Но какъ только отношенія его къ Лелѣ стали болѣе близкими, какъ только онъ сталъ бывать тамъ ежедневно, увозить ее съ собой и поздно возвращаться изъ театра,—Степанъ моментально сообразилъ въ чемъ дѣло, и рѣшилъ, что пора бросить игру въ почтительность и подобострастіе. Теперь можно сбросить маску, удерживать которую стоило ему такихъ неимовѣрныхъ трудовъ, и дѣйствовать въ открытую. Можно «драгоцѣннаго Льва Иваныча» поэксплуатировать сейчасъ же, а не выжидать глупо того времени, когда онъ будетъ лордомъ-мэромъ. Улита ѣдетъ, да когда-то будетъ! А можетъ еще и не быть... Поэтому онъ перемѣнилъ свое обращеніе съ Боярскимъ. Однажды, когда они очень поздно вернулись домой, онъ имъ самъ отперъ двери и, дѣлая видъ, что сразу не узналъ ихъ, громко воскликнулъ:

— Не сюда, не сюда... вы ошиблись дверью. Въ порядочный домъ такъ поздно не возвращаются...

— Степанъ, опомнись!—крикнула Леля.

— А-а!—глупо заржалъ онъ:—да это наши голубки. Мое почтеніе! А я-то думалъ...

Онъ, впрочемъ, тотчасъ ушелъ въ свою комнату, откуда скоро раздался его храпъ. Леля была очень смущена этимъ инцидентомъ и Боярскому было не по себѣ.

Съ этихъ поръ Степанъ Владиміровичъ, убѣжденный въ томъ, что его должны опасаться,—такъ какъ онъ ясно далъ понять, что знаетъ ихъ тайну и держитъ ихъ въ рукахъ, — сталъ фамильярничать все больше и больше, и велъ себя въ присутствіи «дорогаго гостя» совершенно sans-façon.

Но когда въ первый разъ онъ увидѣлъ у своихъ домашнихъ деньги, въ домѣ—небывалое довольство; шеколадъ, слад-

Digitized by Google

кіе пироги и конфекты у тетки, «сногсшибающіе» наряды у Лели—онъ окончательно убѣдился въ «предосудительномъ, съ точки зрѣнія общественныхъ приличій, поведеніи Лели», въ «преступномъ потворствѣ и укрывательствѣ тетки», и «недостойномъ поступкѣ будущаго отца города»—и окончательно обнаглѣлъ и осмѣлился.

«Позвольте-съ,—говорилъ онъ самъ себѣ, плотоядно улыбаясь.—Что тамъ промежъ нихъ? — это мнѣ въ высокой степени наплевать. Но своей доли мы не упустимъ. За что тетка ѣстъ пироги, пети-фуры и миньоны, и пьетъ мокко? За такъ называемое на дипломатическомъ языкѣ—«молчаливое признаніе». Ладно. А я развѣ не съумѣю молчаливо признавать? Bene... Ergo—пожалуйте, милый зятёкъ, субсидію... Ура, да здравствуетъ свободная любовь и дипломатическая наука»!..

Теперь онъ начиналъ третировать Льва Ивановича, панибратствовать съ нимъ, вышучивать его... Денегъ у него онъ еще не просилъ, но, увидя ихъ въ рукахъ тетки или Лели, требовалъ въ довольно наглыхъ выраженіяхъ «свою» часть.

— Какую это такую «свою» часть? Часть чего?—спрашивала тетка.

— Конечно, денегъ, достопочтенная, полууважаемая тетушка.

— Нѣтъ у меня денегъ... ты знаешь, мы живемъ на послѣднее... Откуда у меня деньги? Ты и то мнѣ не малаго стоишь.

— Стыдно, тетя, укорять молодаго человѣка.

— Ничего не стыдно. Еслибы ты вправду былъ порядочнымъ человѣкомъ...

— Въ родѣ вашего знаменитаго князя Брызгалова или не менѣе знаменитаго купца Калашникова, тьфу, бишь!.. Боярскаго, я хотѣлъ сказать? Такъ, по вашему, женихъ, бросающій свою невѣсту—порядочный человѣкъ?..

— Совсѣмъ не онъ меня бросилъ, а я ему отказала!—огрызалась тетка:—я ужь тебѣ двадцать разъ объ этомъ говорила.

— Сто двадцать и даже больше, да я не вѣрю.

— Ну, а не вѣришь и не надо.

— Или, можетъ, у васъ Боярскій въ чести? Женатый человѣкъ, который...

— Молчи! — кричала тетка, окончательно озлобленная. — Не твое дѣло!

Digitized by Google

Онъ раскрывалъ свою руку ладонью вверхъ и клалъ ее на столъ передъ теткой.

— Иси!—говорилъ онъ:—донэ муа келькшозъ.

— Говорятъ тебѣ, нѣту денегъ.

— А пети-фуры?..

— Ну, да, положимъ, есть... да за что тебѣ давать-то?

— За что? А за молчаливое соглашеніе... А-а! поняли? Пуръ-са, именно, пуръ-са.

— Негодяй!—скрежеща зубами, шептала Леля.

— Полегче, сестрица, полегче! Ежели мы начнемъ подбирать другъ для друга наиболѣе подходящіе и характерные эпитеты, то еще неизвѣстно... а, впрочемъ, въ высокой степени наплевать! Не мое дѣло это, о фонъ! Слово — серебро, молчаніе—золото. Моя хата съ краю—ничего не знаю. Ѣду, ѣду, не свищу, а наѣду — не спущу. Ну, а пока что... пока молчаніе родитъ золото или кредитныя бумажки—что одно и то же—я молчу. А теперь до свиданья, я удаляюсь изъ прекрасныхъ здѣшнихъ мѣстъ, изъ пріюта любви и наслажденій. Бонъ журъ, пети-фуры!.. ха-ха-ха!

Потомъ онъ еще болѣе осмѣливался и уже обращался къ самому Льву Ивановичу непосредственно.

— Пардонъ!—говорилъ онъ ему, уловивъ гдѣ нибудь въ передней или выпрыгивая за нимъ на улицу.—Я хотѣлъ просить васъ... Видите ли, тутъ случилось одно обстоятельство... Мы провожаемъ одного товарища въ мѣста не столь... впрочемъ, это фасонъ де парлэ, такъ сказать, шутка...

— Сколько?—обрывалъ его Боярскій.

— Ахъ, какой вы истинно проницательный человѣкъ! министръ, настоящій министръ! Это ужь отъ щедротъ вашихъ. И, конечно, безъ векселя... Какъ только справлюсь съ дѣлами или получу наслѣдство—отдамъ... Между честными людьми векселя—знаете—одно неприличіе.

Чтобы поскорѣй отдѣлаться, Боярскій совалъ ему деньги, сколько попадется, не считая, конфузясь и стараясь поскорѣй скрыться. Но негодяй, заполучивши кушъ, не спѣшилъ уходить и провожалъ его до самой каляски, а когда лошади трогались, кричалъ ему:

— О ревуаръ, *братецъ!*

На послѣднемъ словѣ онъ дѣлалъ удареніе, желая ему

Digitized by Google

придать особый смыслъ. Боярскій весь дрожалъ отъ злобы при встрѣчахъ съ этимъ милымъ субъектомъ. Онъ откупался отъ него деньгами, но чѣмъ больше давалъ ихъ, тѣмъ «субъектъ» дѣлался наглѣе и наглѣе, соображая, что если даютъ, то, значитъ, даютъ за что нибудь и онъ этихъ денегъ стоитъ. Однажды Боярскій попробовалъ поговорить съ нимъ серьезно.

— Послушайте, Степанъ Владиміровичъ, отчего вы не хотите служить?

— Служить бы радъ, прислуживаться тошно, — невозмутимо отвѣчалъ онъ.

— Я вамъ серьезно говорю и на сей разъ не имѣю желанія шутить съ вами. Я вамъ могу помочь деньгами; прилично одѣньтесь и остепенитесь. У насъ въ думѣ открылась вакансія писца...

— Писца!.. фи! Кескесэ *писецъ*?..

— Жалованья тридцать рублей,—продолжалъ Боярскій, не обращая вниманія на его выходку,—служба до трехъ часовъ дня...

— Дворянинъ и писецъ! Нонъ, мерси боку... Это невозможно.

— Какъ хотите, — сухо отвѣтилъ Левъ Ивановичъ и съ тѣхъ поръ пересталъ давать ему деньги.

Въ послѣднее время, Боярскому повезло, и онъ какъ-то давно не встрѣчался съ братомъ Лели. Менѣе чѣмъ когда либо ему хотѣлось видѣться съ нимъ сегодня. Поэтому, ни слова не отвѣчая на его выходки, Левъ Ивановичъ всталъ и, простившись съ теткой, ушелъ. Степанъ до того опѣшилъ, что съ открытымъ ртомъ остался среди комнаты. Онъ никакъ не ожидалъ такого непочтительнаго къ себѣ отношенія.

— Эге! Лордъ-мэръ зазнался! Нужно ему сдѣлать подкожное впрыскиванье... — пробормоталъ онъ и пошелъ въ свою комнату измышлять какую нибудь каверзу.

Левъ Ивановичъ уѣхалъ. Настроеніе его было ужасное. Онъ не зналъ, что дѣлать съ собой. Было уже семь часовъ и ему не хотѣлось возвращаться домой, чтобы не застать всѣхъ за обѣдомъ; онъ бы не могъ съ ними разговаривать, потому что не пришелъ еще ни къ какому окончательному рѣшенію; вообще на душѣ у него было прескверно. Онъ заѣхалъ въ гостинницу къ Волошинову, но не засталъ его дома и отпра-

Digitized by Google

вился въ театръ. Оттуда онъ пошелъ пѣшкомъ ужинать въ одинъ изъ отдаленныхъ ресторановъ и, наконецъ, пѣшкомъ же вернулся къ себѣ домой.

И здѣсь-то онъ увидѣлъ, что жена и мать еще не ложились спать и, очевидно, поджидали его.

Послѣ разговора съ матерью, Левъ Ивановичъ хотѣлъ приняться за работу, но работа не шла на умъ; онъ началъ обдумывать свое положеніе, — мысли путались, мѣшались, производя лишь сумбуръ и безтолочь въ усталой головѣ. Онъ написалъ только записку Волошинову, прося его прійти завтра пораньше. «Завтра воскресенье»,—писалъ онъ,—«и я буду цѣлый день дома». Записку онъ отдалъ Григорію, приказавъ возможно раньше доставить ее Петру Петровичу, а самъ легъ спать.

Нравственное и физическое утомленіе взяли свое—и онъ уснулъ, какъ убитый.

В. Свѣтловъ.

(*Продолженіе будетъ*).

Digitized by Google

ВЕНЕЦІАНКИ.

Романъ миссъ Брэддонъ.

V.

Предобѣденный чай въ Аркадіи.

Еще ни одно женское лицо не производило на Ванситарта такого впечатлѣнія, какъ лицо Евы Мерчентъ. Конечно, ему уже случилось пережить одну или двѣ *grandes passions*, которыя тоже загорались быстро, съ перваго взгляда, но и также быстро потухали. Теперь же онъ самъ удивлялся своимъ чувствамъ и своему глубокому участію къ дѣвушкѣ, которую мысленно продолжалъ называть Титаніей. Онъ былъ готовъ приписать это романтической обстановкѣ, при которой произошла встрѣча: этотъ серебристый смѣхъ, эти три хорошенькія сестры, появившіяся внезапно изъ лѣсу, какъ феи или дріады, и что-то печальное въ судьбѣ этой блестящей, прекрасной дѣвушки— все трогало и волновало его сердце.

Но фактъ оставался фактомъ, какъ бы онъ ни объяснялъ его: онъ думалъ о Евѣ Мерчентъ гораздо болѣе, нежели о чемъ-либо въ своей жизни, за исключеніемъ несчастнаго случая въ Венеціи; а вслѣдствіе этого чувствовалъ себя весьма плохимъ собесѣдникомъ для гостей своей сестры.

Цѣлыхъ десять дней, послѣ бала въ Мендельфордѣ, онъ жилъ надеждой, что опять увидитъ миссъ Мерчентъ, гдѣ нибудь и какъ нибудь. Онъ выдумывалъ поѣздки въ Мендельфордъ или Мидгурстъ, въ Фернгурстъ или Гесльмеръ и пѣшкомъ проходилъ эти мѣстечки, надѣясь встрѣтить случайно дочерей полковника Мерчента. Его надежды были напрасны. Неужели полковникъ Мерчентъ такъ много долженъ деревенскимъ лавочникамъ, что его дочери не смѣютъ ничего себѣ покупать? Онъ усердно посѣщалъ также большой редвольдскій

Digitized by Google

прудъ, открытый для посторонней публики, гдѣ окрестная молодежь забавлялась катаньемъ на конькахъ; но миссъ Мерчентъ нигдѣ не было видно.

— Я думалъ, что миссъ Мерчентъ—любительницы катанья по льду,—сказалъ онъ миссъ Гринъ, на третій день послѣ бала, помогая ей надѣть коньки.

— Вы не ошиблись. Передъ рождествомъ, онѣ все время проводили на этомъ пруду. Вѣроятно, дѣвицы износили свои башмаки и должны, по неволѣ, оставаться дома.

Эти долгіе десять дней, полные надеждъ и разочарованій, измучили Джека Ванситарта. Ему казалось, что послѣ бала прошли цѣлые вѣка. Онъ начиналъ думать, что никогда не увидитъ больше Еву Мерчентъ, и, пораженный этой мыслью, въ одинъ прекрасный день, послѣ ранней охоты на фазановъ, направился прямо въ Фернгурстъ, чтобы сдѣлать сестрамъ Мерчентъ официальный визитъ. Было совершенно естественно, что онъ зайдетъ узнать, какъ онѣ себя чувствуютъ послѣ бала, и не простудились ли онѣ, возвращаясь домой въ зимнюю ночь. Дорога отъ мороза была тверда и суха; дулъ сѣверо-западный вѣтеръ; солнце заходило красное, какъ зарево. Было слишкомъ поздно для церемоннаго визита, но тѣмъ больше онъ могъ надѣяться, что застанетъ дома дочерей полковника Мерчента.

Домъ стоялъ высоко надъ проѣзжей дорогой, на границѣ луговой земли, которая захватила даже полъ-акра сада. Это былъ длинный, низенькій домъ, съ высокой средневѣковой кровлей, покрытой красной черепицей и заросшей мохомъ. Первоначально это былъ простой коттэджъ для фермера, но каждый новый обитатель постепенно расширялъ и улучшалъ жилище; самыя значительныя передѣлки были произведены послѣднимъ арендаторомъ — полковникомъ Мерчентомъ. Онъ тотчасъ же пристроилъ удобное крыльцо съ навѣсомъ, служившее вмѣсто прихожей, и просторную комнату въ первомъ этажѣ, которая сначала была дѣтской, потомъ классной, и, наконецъ, обратилась въ гостинную, или общую комнату, гдѣ собиралась вся семья. Гувернантка,—этотъ единственный элементъ порядочности, еще остававшійся въ семьѣ полковника,—давно уже отрясла прахъ отъ ногъ своихъ и покинула бѣдное жилище Мерчентовъ, гдѣ ей не уплатили жалованья за много мѣсяцевъ.

Digitized by Google

Были сумерки, сѣрыя зимнія сумерки. Ванситартъ различилъ подснѣжники въ длинныхъ ящикахъ, засыпанныхъ снѣгомъ, когда шелъ по крутой тропинкѣ, ведущей къ дому. Экипажу здѣсь негдѣ было проѣхать. Атласныя туфельки бѣдныхъ дѣвочекъ должны были ступать по этой неудобной тропинкѣ и въ грязь, и въ холодъ, каждый разъ, когда приходилось ѣхать въ гости; бѣдныя, маленькія ножки, холодныя и промокшія, съ трудомъ отогрѣвались потомъ во время танцевъ. Ожидая, пока отворятъ дверь, Ванситартъ грустно посматривалъ кругомъ, едва различая предметы въ сумеркахъ. Когда онъ позвонилъ, звукъ, раздавшійся вслѣдъ за этимъ, былъ слишкомъ громокъ для такого маленькаго дома, и его привѣтствовалъ оглушительный собачій лай изнутри и снаружи. По обѣ стороны тропинки тянулись длинныя цвѣточныя клумбы. Это былъ садъ, а дальше, возлѣ дома, виднѣлись капустныя гряды и огородъ. За домомъ начинались луга, уходящіе въ безконечную даль, туда, гдѣ синѣли холмы и лѣса.

Домъ, не смотря на всѣ передѣлки, имѣлъ простой и скромный видъ: грубо выштукатуренныя стѣны, небольшія четырехъугольныя окна и средневѣковая крыша, которую Ванситартъ могъ достать рукой. Прихожая оказалась просто маленькими сѣнями съ навѣсомъ и двумя окнами въ боковыхъ стѣнахъ. Дверь отворила старуха въ синемъ шерстяномъ платьѣ, въ бѣломъ чепцѣ и передникѣ, и Ванситартъ опять услышалъ серебристый смѣхъ, уже слышанный имъ въ одинъ зимній вечеръ, на вершинѣ холма, десять дней тому назадъ. Десять дней! Всего десять дней! А до этого времени онъ жилъ въ счастливомъ невѣдѣніи, что есть на свѣтѣ такая женщина, какъ Ева Мерчентъ. Теперь ему казалось также странно не знать ея, какъ не знать извѣстной всему міру праматери Евы.

Тотъ же самый очаровательный смѣхъ, не громкій, не шумный, но такой нѣжный и чистый. Ея смѣхъ! Онъ узналъ бы его въ цѣломъ хорѣ смѣющихся дѣвушекъ.

— Миссъ Мерчентъ дома,—объявила ему старуха, и провела его сперва черезъ маленькую темную комнату—служившую гостинной коттэджа въ былыя времена—потомъ черезъ другую, слабо освѣщенную потухающимъ огнемъ, и, наконецъ, ввела его въ третью, гораздо бо́льшую, гдѣ пылалъ каминъ и ярко горѣла лампа. Здѣсь присутствовала вся семья, за исклю-

Digitized by Google

ченіемъ полковника, и наслаждалась предобѣденнымъ чаемъ, который въ этомъ домѣ былъ если не самымъ питательнымъ, то самымъ пріятнымъ угощеніемъ.

Ванситартъ, къ счастью, только слегка позавтракалъ съ охотниками въ лѣсу и не чувствовалъ такой сытости, чтобы находить запахъ жаренаго хлѣба непріятнымъ прибавленіемъ къ атмосферѣ комнаты. Впрочемъ, онъ былъ расположенъ восхищаться здѣсь всѣмъ, даже небрежной позой высокой дѣвушки-подростка, которая, сидя на коврѣ передъ каминомъ, жарила хлѣбъ, въ чемъ ей усердно помогала младшая сестренка.

Три старшія миссъ Мерчентъ сидѣли за столомъ, на которомъ, въ качествѣ солидной закуски, стоялъ кэксъ домашняго приготовленія, хрустальная тарелка съ мармеладомъ и полное блюдо хлѣба съ масломъ. Ева, какъ хозяйка дома, встала при видѣ Ванситарта и сдѣлала ему на встрѣчу нѣсколько шаговъ, освѣщенная двойнымъ свѣтомъ лампы и камина, придававшимъ ей теплый, яркій колоритъ старинныхъ итальянскихъ картинъ. Платье изъ темнокраснаго мериноса ярко выдѣляло бѣлизну ея кожи и блѣдное золото волосъ. Ванситарту, конечно, не могло прійти въ голову, что это прелестное платье куплено за полъ-цѣны на дешевой распродажѣ. Двѣ ея сестры были одѣты болѣе пестро: юбки одного цвѣта, корсажи—другаго, но дѣвушки, у которыхъ мало денегъ, всегда питаютъ слабость къ бьющимъ въ глаза цвѣтамъ и не могутъ строго слѣдовать правиламъ моды.

Очарованнымъ глазамъ Ванситарта красное платье Евы казалось верхомъ совершенства. Онъ, такъ хорошо умѣвшій держаться во всякомъ обществѣ, почувствовалъ легкое замѣшательство, когда сталъ объяснять сестрамъ, что пришелъ справиться, отдохнули ли онѣ послѣ бала и почему ихъ не было на каткѣ, въ Редвольскомъ паркѣ.

— Быть можетъ, вамъ надоѣло катанье?

— Надоѣло?—вскричала Ева.—Мы обожаемъ катанье на конькахъ, но мы были ужасно заняты шитьемъ зимнихъ костюмовъ.

М-ру Ванситарту показалось, что приниматься за шитье зимнихъ платьевъ въ серединѣ января немножко поздно. Онъ не зналъ, что множество молодыхъ женщинъ, владѣющихъ

Digitized by Google

скудными средствами, имѣютъ возможность пріобрѣтать наряды только на дешевыхъ распродажахъ—въ іюлѣ и январѣ. Два раза въ годъ дѣвицы Мерчентъ, запасшись билетами третьяго класса отъ Гесльмера до Ватерлоо, проводили тамъ весь день, переходя изъ одной лавки въ другую, чтобы обновить свой скудный гардеробъ.

— Да, это дѣйствительно ужасно, что мы пропустили цѣлую недѣлю превосходнаго катанья,—вскричала Софи, на этотъ разъ болѣе разговорчивая, чѣмъ ея старшая сестра.

— Сбѣгайте въ кухню и принесите мнѣ другой чайникъ, Пегги,—шепнула Ева, послѣ чего младшая изъ дѣвочекъ, сидѣвшихъ передъ каминомъ, вскочила и бросилась исполнять порученіе.

— И какъ разъ въ то время, когда мы такъ хорошо научились кататься,—продолжала Дженни прерванный разговоръ.

Снова прекрасная головка Евы склонилась къ камину, опять послышался шопотъ и, на этотъ разъ, старшая дѣвочка выбѣжала изъ комнаты.

— Она ушла за чашкой и блюдечкомъ; я собираюсь угостить васъ свѣжимъ чаемъ,—съ улыбкой сказала Ева Ванситарту, сидѣвшему въ креслѣ полковника, — единственномъ уголкѣ комнаты, гдѣ не валялись пестрые лоскутки и обрѣзки матерій.—Надѣюсь, вы ничего не имѣете противъ дѣвицъ, которыя сами себѣ прислуживаютъ. У насъ есть только наша старая іоркширская Нанси и маленькая комнатная дѣвочка, которую въ этотъ часъ мы всегда отпускаемъ на свободу, а взамѣнъ ея—здѣсь, передъ вами, пять молодыхъ интеллигентныхъ особъ, готовыхъ исполнять обязанности прислуги.

— Я не могу представить себѣ зрѣлища болѣе восхитительнаго. Но къ чему заваривать свѣжій чай, миссъ Мерчентъ? У васъ навѣрно осталось немного въ чайникѣ, этого будетъ съ меня достаточно.

— Еслибы я не знала, что вы это говорите изъ деликатности, я подумала бы, что вы принадлежите къ числу тѣхъ несимпатичныхъ людей, которые не любятъ чаю.

— Развѣ симпатичность и любовь къ чаю одно и то же?

— Я думаю, что большинство симпатичныхъ людей любятъ чай. Этотъ напитокъ служитъ какъ бы звеномъ, соединяющимъ людей. Ахъ, чѣмъ бы мы наполнили эти скучные предобѣ-

Digitized by Google

денные часы, для чего бы мы ходили въ гости или звали гостей къ себѣ, еслибы не этотъ милый чай!

— А для вашихъ сестеръ онъ даже, какъ видно, составляетъ очень серьезную обязанность,—замѣтилъ Ванситартъ, бросая взглядъ на груду тостовъ, которые Софи намазывала масломъ.

Двѣ младшія дѣвочки возвратились, одна съ китайскимъ фарфоровымъ чайникомъ, другая—съ чашкой и блюдечкомъ, и Ева принялась заваривать чай.

— Пожалуйста, не смѣйтесь надъ нами,—сказала она.— По части ѣды, мы довольно безтолковый народъ, и въ настоящую минуту вы присутствуете при нашемъ главномъ завтракѣ.

При этихъ словахъ, обѣ младшія миссъ Мерчентъ, снова занявшія свои мѣста передъ каминомъ, были охвачены неудержимымъ пароксизмомъ смѣха.

— Какъ глупы эти дѣвочки!—вскричала Софи, напрасно пытавшаяся образумить ихъ нахмуреннымъ взглядомъ.—Онѣ вѣчно смѣются безъ всякой причины.

— Завидная способность юныхъ лѣтъ,—замѣтилъ Ванситартъ,—тѣхъ счастливыхъ лѣтъ, когда мы готовы надо всѣмъ смѣяться. Потомъ, въ зрѣломъ возрастѣ, смѣхъ переходитъ въ стоны.

— Она сказала: нашъ главный завтракъ—не правда ли?—съ трудомъ пролепетала Гетти—дѣвочка въ желтомъ передникѣ—задыхаясь отъ смѣха.

— Эти юныя лэди, вѣроятно, еще не обѣдаютъ за общимъ столомъ?—нерѣшительно спросилъ Ванситартъ, немного удивленный, что слово: «завтракъ» возбудило такую шумную веселость.

— Нѣтъ, мы не обѣдаемъ за общимъ столомъ,—подтвердила Гетти, сквозь душившій ее смѣхъ.—Вѣдь мы не обѣдаемъ, Пегги?

Пегги,—самая младшая, въ бѣломъ передникѣ,—совсѣмъ обезумѣла отъ смѣха и не могла произнести ни слова.

Ванситартъ начиналъ понимать, въ чемъ дѣло. Въ этой бѣдной семьѣ совсѣмъ не было обѣда. Полковникъ Мерчентъ, разумѣется, обѣдалъ. Въ его годы человѣкъ не можетъ обойтись безъ сытнаго обѣда. Что же касается дочерей, то онѣ пробавлялись хлѣбомъ, мармеладомъ и домашнимъ кэксомъ.

Digitized by Google

Никогда онъ такъ не наслаждался чаемъ, какъ теперь, въ гостинной Мерчентовъ. Сидя въ этой комнатѣ, озаренной теплымъ свѣтомъ большой лампы, стоявшей посреди стола, онъ начиналъ думать, что никогда не видывалъ болѣе уютной и симпатичной комнаты. Эта уютность, эти красные отблески пламени изъ камина, эти юныя, свѣжія лица и среди нихъ одно прекрасное лицо, сіявшее, какъ звѣзда, среди другихъ, болѣе тусклыхъ звѣздъ, эти двѣ дѣвочки передъ каминомъ, беззаботно хохотавшія при мысли, что онѣ живутъ, совсѣмъ не обѣдая,—все имѣло въ глазахъ Ванситарта очаровательный семейный видъ. Это былъ чай въ странѣ фей, гдѣ люди могли питаться одними ломтиками жаренаго хлѣба, запивая ихъ душистымъ чаемъ и заѣдая благоухающимъ земляничнымъ мармеладомъ.

Онъ долго сидѣлъ за чайнымъ столомъ и проглотилъ безчисленное количество жаренаго хлѣба. Онъ забылъ спросить, дома ли полковникъ Мерчентъ, и только тогда вспомнилъ о существованіи этого джентльмена, когда Гетти, въ отвѣтъ на просьбу старшей сестры говорить потише, возразила:—Что̀ за бѣда—папа, все равно, не услышитъ.

— Значитъ, полковникъ Мерчентъ въ городѣ? — спросилъ Ванситартъ.

— Да, папа уѣхалъ съ полдневнымъ поѣздомъ,—отвѣчала Ева.—Онъ обѣдаетъ сегодня со своими старыми товарищами и, я думаю, возвратится домой не ранѣе субботы.

— Я еще не имѣлъ удовольствія видѣть его.

— Боюсь, что папа̀ несовсѣмъ общителенъ,—сказала Ева, сдѣлавшись вдругъ серьезной, и тѣнь этой серьезности, казалось, легла на всѣ юныя лица, окружавшія столъ.—Онъ позволяетъ намъ принимать приглашенія и... находятся люди, настолько добрые и любезные, что посѣщаютъ насъ, не смотря на то, что наша обстановка и наши наряды оставляютъ желать многаго.

— А какое же людямъ дѣло до нашихъ нарядовъ? — воскликнула Дженни, третья изъ дѣвицъ, имѣвшая республиканскій видъ.—Если насъ приглашаютъ и бываютъ у насъ, такъ это потому, что мы нравимся, не смотря на наши старыя платья.

— Или потому, что чувствуютъ къ намъ сожалѣніе,—сдержанно возразила Ева.

Digitized by Google

— Не думаю, чтобы кто нибудь могъ чувствовать сожалѣніе къ молодости и красотѣ,—замѣтилъ Ванситартъ.—И та, и другая скорѣе—объекты зависти, чѣмъ жалости.

— О, въ этомъ случаѣ, я съ вами не согласна,—отвѣчала Ева.—Каждый бываетъ молодъ. Молодость — явленіе самое обыкновенное и къ тому же проходитъ такъ скоро; и если кому нибудь суждено провести это краткое и яркое мгновеніе жизни среди безпрерывныхъ лишеній, я увѣрена, что этотъ нѣкто заслуживаетъ состраданія.

Она говорила о своей бѣдности просто и непринужденно. Люди по большей части стыдятся своей нищеты, скрываютъ ее, какъ безобразную рану, а если говорятъ о ней, то говорятъ жалобно, или какъ бы извиняясь за что-то; но эта смѣлая дѣвушка безъ ложнаго стыда говорила о томъ, что она бѣдна.

— Отецъ теперь никуда не ходитъ въ гости,—продолжала она.—Онъ не можетъ забыть, что когда-то имѣлъ большой домъ, охотился на собственной землѣ и выкармливалъ собственныхъ фазановъ. Ему непріятно убивать чужую дичь, и онъ рѣдко принимаетъ участіе въ охотничьихъ экскурсіяхъ нашихъ сосѣдей.

— Ваше помѣстье было въ сѣверныхъ графствахъ?—спросилъ Ванситартъ, обрадованный, что его допускаютъ къ семейнымъ тайнамъ.

— Въ Іоркширѣ—въ десяти миляхъ отъ Беверлея. Вы знаете Беверлей?

— Да, я былъ тамъ однажды—курьезное захолустное мѣстечко.

— Милый, старый Беверлей! Я уѣхала оттуда двѣнадцати лѣтъ, но до сихъ поръ помню каждый домъ на базарной площади, каждое окно въ каѳедральномъ соборѣ. Мнѣ было одиннадцать лѣтъ, когда отецъ взялъ призъ на скачкахъ. Это былъ золотой кубокъ и я везла его въ каретѣ, держа на колѣняхъ. Я воображала, что кубокъ весь изъ золота, пока гувернантка не разочаровала меня, объяснивъ, что онъ серебряный вызолоченый. Гдѣ-то теперь этотъ кубокъ? Отецъ не дорожилъ имъ: скачки были тогда жалкія, и лошадь была у него плохая. Онъ выигрывалъ гораздо лучшіе призы на большихъ, настоящихъ скачкахъ... Я помню эти скачки, помню широкую,

Digitized by Google

свѣтлую площадь, жаркій іюльскій день, толпы веселыхъ людей. Это было мое послѣднее лѣто въ Іоркширѣ, послѣднее лѣто въ домѣ, гдѣ я родилась. На слѣдующую весну мы были уже здѣсь: и мать, и гувернантка, и всѣ мы. Пегги, одѣтую въ длинное платьице, еще няньчили на рукахъ, а матушка только что начинала серьезно хворать.

— И еслибы вы видѣли этотъ коттэджъ, когда мы только что сюда пріѣхали, вы пожалѣли бы насъ,—вмѣшалась Софи, которая была гораздо требовательнѣе сестеръ и находила, что Ева уже болѣе чѣмъ достаточно занимала гостя своимъ разговоромъ.—До насъ въ коттэджѣ жилъ пасторъ съ семьей—у него были взрослыя дочери въ родѣ насъ, но только совсѣмъ не хорошенькія. Жена пастора держала куръ, и курятникъ помѣщался подъ окномъ гостинной. О парадной двери и крыльцѣ не было и помину! Въ саду росли только овощи, и тамъ, гдѣ теперь мы устроили лужайки, были тогда картофельныя гряды.

— Она называетъ лужайками эти узкія полосы травы!—перебила Пегги, всегда возмущавшаяся диктаторскимъ тономъ Софи, которая даже и старшей-то не была! Одной Евѣ никто не смѣлъ возражать.

— Вы подумайте только, какъ мы тѣснились, пока отецъ не пристроилъ этой комнаты, и сколько намъ пришлось вынести безпокойства и неудобствъ, во время постройки! Отцу, впрочемъ, было все равно,—онъ ничего этого не замѣчалъ.

— Отецъ долженъ былъ въ ту зиму везти матушку на югъ,—пояснила Ева.—Она давно была нездорова,—еще когда мы не покидали Іоркшира. Слабое растеніе не можетъ вынести пересадки, не правда ли? Я думаю, что наше разореніе и... другія непріятности—разбили ея сердце.

Она не сказала, какія именно непріятности, и Ванситартъ не рѣшился спросить; онъ не смѣлъ также спросить, отчего разорился полковникъ, и могъ дѣлать только смутныя предположенія на этотъ счетъ.

— Матушка не возвратилась къ намъ,—продолжала Ева съ легкимъ вздохомъ.—Она покоится на кладбищѣ въ Каннѣ. Мнѣ говорили, что ея могила на живописномъ мѣстѣ. Въ этомъ есть кое-какое утѣшеніе.

— Я хорошо знаю это кладбище,—сказалъ Ванситартъ.—Нельзя выбрать лучшаго мѣста для вѣчнаго успокоенія.

Digitized by Google

Всѣ сразу умолкли. Даже дѣвочки, сидѣвшія на коврѣ, притихли, и слышалось только довольное мурлыканье кошки, большой сѣрой кошки съ пушистой бѣлой грудью, до нельзя избалованной и раскормленной, точно она жила въ древнемъ Египтѣ и чтилась тамъ наравнѣ съ богами.

— Какъ бы ни былъ хорошъ Беверлей, надѣюсь, что вы полюбили и вашу новую суссекскую родину,—замѣтилъ Ванситартъ.

— Суссексъ довольно хорошъ, но не для того, кто привыкъ жить въ большомъ каменномъ домѣ, съ картинной галереей и роскошными лѣстницами,—отвѣчала Софи съ величественнымъ видомъ и подняла еще выше свой вздернутый носикъ.

Дѣвочки на коврѣ опять фыркнули отъ смѣха.

— Какая вы гордячка, Софи! — крикнула безцеремонная Гетти.—Неужели вы до сихъ поръ не привыкли къ мужицкому коттэджу? Вамъ было одиннадцать лѣтъ, когда мы сюда пріѣхали, а теперь уже двадцать—пора привыкнуть.

Двадцать!.. Второй изъ сестеръ было двадцать, а между ней и несравненной Евой былъ только одинъ годъ разницы—Ева пріѣхала сюда двѣнадцати лѣтъ. Двадцать одинъ годъ,—пышный расцвѣтъ дѣвичьей красоты. Онъ думалъ, что это лучшіе годы для женщины: свѣжая молодость, уже созрѣвшая для разумной любви.

Но все на свѣтѣ приходитъ къ концу. Блаженный чай въ Аркадіи тоже не могъ продолжаться вѣчно, хотя Ванситартъ старался продлить его какъ можно долѣе. Закуска была кончена и длинныя, тонкія руки младшихъ миссъ Мерчентъ перестали протягиваться къ столу, для того чтобы захватить еще порцію хлѣба съ масломъ или ломтикъ сладкаго кэкса.

— Что за бѣда!—вскричала оскорбленная Пегги, когда Софи остановила ее и сдѣлала легкій намекъ на прожорливость дѣтей.—Ну, и пусть я буду обжора: я еще не перестала расти! Вѣдь вы сами говорили, что можете цѣлый вечеръ жевать вкусныя печенья Нанси. Правда, вы дѣлаете это только тогда, когда нѣтъ чужихъ!

Софи ужасно покраснѣла и Ванситартъ, смѣясь, поспѣшилъ ей на выручку.

— Я могу подтвердить, что печенья Нанси восхитительны.

Digitized by Google

Мнѣ даже хотѣлось бы сообщить рецептъ ихъ приготовленія кухаркѣ моей матушки. А, что, ваша Нанси ворчливаго характера?

— Не очень. Она обожаетъ насъ, но постороннимъ можетъ показаться угрюмой и ворчливой. Она поступила къ отцу въ услуженіе четырнадцати лѣтъ, когда онъ только что женился, задолго до моего рожденія,—отвѣчала Ева.

Задолго... Однако, она вѣдь была старшая. Что же означало это слово: «задолго»? Какіе нибудь два-три года, на языкѣ молоденькой дѣвушки.

— И она послѣдовала за вами сюда, вѣрная и преданная, подобно Калебу Бэлдерстону,—сказалъ Ванситартъ.

— Да, она совершенно похожа на Калеба, — подхватила Ева съ живостью.—Она готова отдать за насъ жизнь. Она работаетъ для насъ съ утра до вечера, какъ невольница; превосходно ведетъ все хозяйство, и дѣлаетъ печенье къ чаю, какъ его умѣютъ дѣлать только однѣ іоркширки.

— А по части кухоннаго искуства она могла бы научить и вашихъ профессіональныхъ кухарокъ,—замѣтила Дженни.— Отецъ очень капризенъ насчетъ обѣда.

— А бѣднымъ людямъ такъ трудно имѣть хорошій обѣдъ,— прибавила Ева, засмѣявшись, къ великой досадѣ чопорной Софи, которая не прочь была скрыть передъ гостемъ свою бѣдность. Только одна Ева имѣла благородную смѣлость не стыдиться бѣдности. Можетъ быть, ея жизнь, протекавшая безмятежно среди зеленыхъ полей, цвѣтущихъ изгородей, тѣнистыхъ каштановыхъ рощъ, холмовъ, поросшихъ верескомъ, способствовала ея душевному здоровью, избавивъ ее отъ злой болѣзни вѣка—жажды денегъ. Люди, съ которыми она сталкивалась и среди которыхъ жила, были простые деревенскіе люди, жившіе по старинѣ и ничего не слыхавшіе о разныхъ модныхъ выдумкахъ.

Ванситартъ взглянулъ на маленькіе американскіе часы, тикавшіе на каминѣ среди фарфоровыхъ вазочекъ и чашекъ. Четверть седьмаго, а его часы показывали безъ четверти пять, когда онъ пришелъ сюда.

— Не знаю, какъ извиниться за такой долгій визитъ,— смущенно проговорилъ онъ, вставая съ удобнаго кресла полковника и стараясь освободить свою шляпу изъ цѣпкихъ лапъ сѣрой кошки.

Digitized by Google

— Не извиняйтесь,—вмѣшалась безцеремонная Дженни,—короткій визитъ былъ бы несовсѣмъ лестенъ для дамы сердца. Да и къ тому же насъ такъ много. Гость по неволѣ долженъ сидѣть болѣе обыкновеннаго, чтобы успѣть сказать каждой изъ насъ что нибудь любезное.

При этомъ замѣчаніи, Ванситартъ почувствовалъ укоры совѣсти. Онъ вспомнилъ, что въ разговорѣ обращался только къ одной Евѣ. Остальныя для него не существовали, онъ видѣлъ только одну Еву, только она выступала передъ нимъ ясно и живо, а всѣ остальныя терялись въ туманной перспективѣ.

Наконецъ, онъ выбрался изъ комнаты, пожавъ руки всѣмъ присутствующимъ и ощутивъ, не смотря на опьяненіе любви, что двѣ тоненькія ручки юнѣйшихъ миссъ Мерчентъ были выпачканы липкимъ и сладкимъ мармеладомъ. Сестры гурьбой проводили его до парадной двери (не стоило, конечно, тревожить Нанси, сокрытую въ нѣдрахъ кухни, и призывать ее наверхъ церемоннымъ звонкомъ), причемъ младшая шла впереди со свѣчей въ рукахъ, держа ее такъ высоко, что угрожала облить себѣ стеариномъ волосы. Онъ имѣлъ время разглядѣть комнаты, черезъ которыя они проходили: одна, со скудной обстановкой и старинными клавикордами, замѣнявшими буфетъ, служила, повидимому, столовой; другая, вѣроятно, была библіотекой полковника и курильной. Онъ замѣтилъ прихожую, или вестибюль, гдѣ висѣло верхнее платье, женское и мужское, шляпы, шарфы; виднѣлась удочка и палки всевозможныхъ видовъ и сортовъ. Онъ все успѣлъ замѣтить во время долгаго прощанья, прерываемаго разговорами, замѣчаніями о погодѣ, о дорогѣ и тому подобномъ. И, однако, все время, пока его взглядъ машинально скользилъ по скудному убранству двухъ маленькихъ комнатъ, или разглядывалъ старое пальто полковника, онъ видѣлъ только одно: только одинъ образъ наполнялъ его душу—образъ высокой, прелестной дѣвушки, кудрявая головка которой возвышалась надъ головами сестеръ и сіяла среди нихъ (какъ сіяла бы среди тысячи, подумалъ онъ) свѣжей дѣвственной красотой.

«И вотъ, наконецъ, та, которую я люблю, та, которая будетъ моей женой»,—сказалъ онъ себѣ, быстро спускаясь по крутой песчаной дорожкѣ и направляясь къ Блэкдоуну.

Digitized by Google

Просидѣвъ столько времени въ гостинной у Армиды, онъ рѣшилъ идти домой самымъ скорымъ шагомъ, чтобы успѣть еще переодѣться къ восьмичасовому обѣду.

VI.

Отчего ему не поступить такъ, какъ онъ желаетъ?

«Отчего мнѣ не жениться на дочери полковника Мерчента»?—спрашивалъ себя Ванситартъ, въ тѣ безсонныя ночи, когда человѣкъ погружается въ раздумье о себѣ самомъ.

Отчего не жениться на Евѣ Мерчентъ? — вопрошалъ Ванситартъ молчаливую совѣтницу-ночь. Онъ могъ распоряжаться не только собой, но хорошимъ доходомъ и солиднымъ состояніемъ. Онъ самъ себѣ господинъ и не обязанъ никому отдавать отчета, кромѣ... ну, да, конечно, ему слѣдуетъ посовѣтоваться съ матерью, даже въ такомъ личномъ вопросѣ, какъ выборъ жены. Она была для него нѣжной матерью, и они такъ любили другъ друга! За всю жизнь у него была единственная тайна отъ матери—та ужасная роковая ночь въ Венеціи. Только одинъ разъ въ жизни онъ солгалъ ей, сказавъ, что не былъ теперь въ Венеціи. Онъ хотѣлъ, если только будетъ возможно, не огорчать ея въ такомъ серьезномъ вопросѣ, какъ его женитьба. Она часто говорила ему, что уже приготовилась отдать своего сына другой женщинѣ, но только той, которая будетъ вполнѣ достойна этого—чистой сердцемъ, прекрасной собою, происходящей изъ благородной семьи, воспитанной доброю и заботливой матерью.

Она ставила условія для его выбора. Что сказала бы она о дочери полковника Мерчента, не знавшей матери, воспитанной отцомъ, о которомъ ходила дурная слава, выросшей при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ; о дѣвушкѣ, не получившей никакого образованія, свободно бывавшей всюду безъ всякого присмотра, позволявшей дерзко ухаживать за собой, если вѣрить провинціальнымъ сплетникамъ, которые убѣждены, что разговаривать смѣло и непринужденно съ молодымъ мужчиной значитъ позволять ему ухаживать за собой. По мнѣнію такихъ людей, хорошо воспитанная дѣвушка должна быть скромна и молчалива.

Digitized by Google

Факты, говорившіе не въ пользу полковника Мерчента, были,—какъ слышалъ Ванситартъ,—многочисленны. Онъ началъ службу въ линейномъ полку, безъ всякихъ надеждъ на блестящую карьеру, и женился по любви на хорошенькой дѣвушкѣ низкаго происхожденія; послѣдняя догадка, впрочемъ, строилась на однихъ предположеніяхъ, такъ какъ родные и предки этой дѣвицы были совершенно неизвѣстны въ Суссексѣ. Черезъ два года послѣ свадьбы, онъ получилъ совершенно неожиданно, послѣ смерти молодаго кузена, прекрасное помѣстье въ Іоркширѣ, значительно разоренное прежними владѣльцами, но все еще представлявшее значительную цѣнность. Полковникъ тотчасъ же пустился въ спекуляціи, завелъ скаковыхъ лошадей, окружилъ себя подозрительной компаніей,—отъ чего быстро разорился и принужденъ былъ продать и домъ, и помѣстье, и фермы.

Еще въ то время, когда полковникъ держалъ скаковыхъ лошадей и былъ уже наканунѣ разоренія, ходили темные слухи о какихъ-то его спекуляціяхъ по части скачекъ; даже было наряжено слѣдствіе отъ жокей-клуба, но, по недостатку уликъ, полковникъ былъ оставленъ въ «подозрѣніи». Запятнанный этой исторіей, онъ покинулъ міръ скачекъ и скаковыхъ пари, и на деньги, еще оставшіяся у него отъ осенняго заработка, поспѣшилъ купить коттэджъ близъ Фернгурста, чтобы перевезти семью изъ Іоркшира въ Суссексъ. Здѣсь онъ устроился кое-какъ и началъ новую жизнь разорившагося человѣка, обремененнаго пятью маленькими дочерьми и умирающей женой.

Относительно образа жизни полковника Мерчента на новомъ мѣстѣ, общество могло сказать немногое—развѣ только то, что онъ человѣкъ «непріятный». Онъ не заботился о воспитаніи дочерей, не ходилъ въ церковь и завязъ по уши въ долгахъ. Многихъ интересовалъ вопросъ, долго ли продержится Мерчентъ, пока его кредиторы не примутъ крайнихъ мѣръ? Все это и многое другое приходилось выслушивать Ванситарту, со времени достопамятнаго охотничьяго бала, такъ какъ онъ далъ себѣ слово узнать все, что только можно узнать о семействѣ Мерчентовъ. Вначалѣ, хотя Ева и предстала передъ нимъ во всемъ блескѣ юной красоты Титаніи, онъ сказалъ себѣ, что не можетъ взять жену изъ такой семьи. Подобное родство наложило бы пятно на всю его жизнь. Всѣ четыре сестры Евы

Digitized by Google

оказались бы у него на шеѣ, и ему пришлось бы стыдиться своего тестя съ запятнанной репутаціей. А теперь, въ эти безсонныя ночи, онъ думалъ иначе. Теперь онъ думалъ, что будетъ подлецомъ и трусомъ, если позволитъ Евѣ терпѣть за грѣхи отца. Какое ему дѣло до того, что полковникъ разорился на скачкахъ и былъ заподозрѣнъ въ какихъ-то темныхъ сдѣлкахъ? Онъ любилъ дочь полковника и былъ обязанъ, какъ честный человѣкъ, избавить ее отъ такой ужасной обстановки. Да, онъ порѣшилъ этотъ вопросъ и долженъ исполнить свой долгъ, хотя бы это принесло горькое разочарованіе его нѣжнолюбимой матери.

Таковъ былъ результатъ ночныхъ размышленій. Въ немъ происходила жестокая борьба между любовью и предразсудками, но онъ зналъ, что̀ побѣдитъ.

Едва побѣда была достигнута, какъ началась новая «домашняя» битва.

— Итакъ, Джекъ, вы были съ визитомъ въ Гомстидѣ,— сказала ему сестра на слѣдующій день за завтракомъ.

— Откуда вы узнали? — спросилъ онъ кратко, и слегка покраснѣлъ, накладывая себѣ на тарелку жаренаго картофеля.

— Отъ одной изъ тѣхъ маленькихъ птичекъ, которыя наполняютъ нашъ птичникъ. Сегодня утромъ я ѣздила въ Мидгурстъ—повидаться съ однимъ рыботорговцемъ, и встрѣтила двухъ миссъ Этерингтонъ. Онѣ видѣли васъ вчера передъ вечеромъ, когда вы входили въ ворота полковника Мерчента.

— Удивляюсь, какъ это онѣ не стали ждать на улицѣ, когда я выду оттуда—сказалъ Ванситартъ.

— Я увѣрена, что онѣ такъ бы и поступили, еслибы не было слишкомъ холодно. Съ чего вамъ вздумалось дѣлать визитъ полковнику Мерченту? Полковникъ — нечего сказать! Полковникъ іоркширскаго добровольнаго полка! Навѣрное онъ никогда не былъ чиномъ выше прапорщика.

— Очень можетъ быть. Но я сдѣлалъ визитъ не полковнику, а его дочерямъ, съ которыми танцовалъ на охотничьемъ балу.

— И, конечно, онѣ приняли васъ съ распростертыми объятіями!

— Онѣ приняли меня съ настоящимъ іоркширскимъ гостепріимствомъ, напоили превосходнымъ чаемъ и накормили вкуснымъ жаренымъ хлѣбомъ.

Digitized by Google

— ...Нисколько не стѣсняясь принимать такимъ образомъ незнакомаго молодаго человѣка, не имѣя ни матери, ни тетки, ни даже гувернантки, чтобы какъ нибудь соблюсти приличія?!.

— Какія приличія? Неужели пять взрослыхъ дѣвушекъ не могутъ обойтись безъ надзора?

— Онѣ—самыя неблаговоспитанныя дѣвицы, какихъ я когда либо встрѣчала,—замѣтила старшая миссъ Чемперноунъ, большой знатокъ по части благовоспитанности.

— И онѣ очень хорошенькія, бѣдняжки,—добавила миссъ Ванситартъ.—Жаль, что у нихъ такой отецъ.

— Можете приберечь свою жалость, матушка,—вскричалъ Джекъ съ гнѣвомъ. — Я ничего не знаю о полковникѣ Мерчентѣ, но твердо увѣренъ, что всѣ дурные слухи, которые распускаютъ о немъ по сосѣдству, окажутся въ дѣйствительности клеветой. Что же касается его дочерей, то мнѣ еще никогда не приходилось встрѣчать такихъ прелестныхъ, цвѣтущихъ, веселыхъ дѣвушекъ. Вся эта семья необыкновенно мнѣ симпатична, и я хочу, матушка, чтобы вы поѣхали въ Гомстидъ вмѣстѣ со мной и убѣдились собственными глазами, что за милыя дѣвушки Ева Мерчентъ и ея сестры.

— Мнѣ ѣхать къ нимъ, Джекъ!—вскричала его мать.—Мнѣ, которая сама здѣсь не болѣе, какъ гостья! Какой толкъ былъ бы въ этомъ?

— Очень большой, если вамъ угодно. Вы живете не на краю свѣта. Отъ Гесльмера до Гомстида полчаса пути и, если вамъ понравится миссъ Мерчентъ—въ чемъ я увѣренъ—вы можете пригласить ее къ себѣ, въ Мервудъ.

Въ сознаніи матери, доселѣ ничего не подозрѣвавшей, мелькнулъ на мгновеніе свѣтъ, но свѣтъ, не доставившій ничего пріятнаго. Она смотрѣла на сына, ошеломленная.

— Почему не пригласить всѣхъ пятерыхъ, м-съ Ванситартъ?—язвительно проговорила Клавдія Чемперноунъ, и ея тонкія губы сжались, какъ будто и она имѣла причину оскорбиться словами Ванситарта.

— Мой дорогой Джекъ, вы должны знать, что я менѣе всѣхъ на свѣтѣ способна пригласить въ свой домъ незнакомыхъ молодыхъ дѣвицъ—дѣвицъ, странное и безпорядочное воспитаніе которыхъ навѣрное доставило бы мнѣ много непріятно-

Digitized by Google

стей,—строго возразила м-съ Ванситартъ.—Я не могу допустить мысли, чтобы вы предлагали мнѣ это серьезно.

— Христіанское милосердіе, безъ сомнѣнія,—насмѣшливо замѣтила Клавдія.

— Послушайте,—вступилась леди Гертлей, всегда отличавшаяся добродушіемъ,—вѣдь въ сущности эти дѣвочки ничего не сдѣлали дурнаго. Онѣ ведутъ себя такъ, какъ ведетъ большинство бѣдныхъ провинціальныхъ дѣвушекъ. Но все же, Джекъ, было бы гораздо умѣстнѣе попросить меня, чтобы я обратила вниманіе на этихъ дѣвицъ, чѣмъ надоѣдать съ ними матушкѣ, которая живетъ совсѣмъ въ другомъ графствѣ и не имѣетъ никакой охоты приглашать къ себѣ незнакомыхъ особъ.

— Отлично, Модъ. Въ такомъ случаѣ, я вмѣстѣ съ вами сдѣлаю слѣдующій визитъ Мерчентамъ.

— Что такое? Неужели вы серьезно хотите поддерживать это знакомство? Какая эксцентричность!

— Да, я хочу продолжать это знакомство. Я хочу познакомиться съ ихъ отцомъ. Хочу увидѣть собственными глазами, такъ ли страшенъ чортъ, какъ его малюютъ,—угрюмо отвѣчалъ Ванситартъ.

— Вамъ не понравится полковникъ. Я въ этомъ увѣрена,—сказала Модъ.—Губертъ—превосходный знатокъ человѣческаго сердца, но даже и онъ не берется отстаивать полковника, хотя искренно жалѣетъ его и всегда старается быть къ нему вѣжливымъ. Полковникъ Мерчентъ—невозможный человѣкъ.

— Что онъ сдѣлалъ, чтобы заслужить названіе невозможнаго?

— О, я не знаю, въ сущности, что онъ сдѣлалъ, только о немъ говорятъ массу непріятныхъ вещей.

— Говорятъ! Мы знаемъ, кто это говоритъ — этотъ безвѣстный голосъ общества, который, по ближайшемъ разслѣдованіи, оказывается принадлежащимъ полдюжинѣ выжившихъ изъ ума стариковъ обоего пола.

— Къ несчастью, всѣмъ и каждому извѣстно, что онъ по уши въ долгахъ.

— Должно быть, онъ замѣчательный человѣкъ, если ему такъ охотно даютъ въ долгъ.

— О, конечно, онъ понемногу уплачиваетъ свои долги, иначе ему пришлось бы умереть съ голоду, потерявъ кредитъ.

Digitized by Google

Но безъ шутокъ, Джекъ, вѣдь не думаете же вы серьезно, что я могу вступить въ дружбу съ подобной семьей? Я очень рада видѣть этихъ бѣдныхъ дѣвочекъ на моихъ пикникахъ, потому что онѣ хорошенькія и милыя, хотя ихъ платья и шляпки просто ужасны. Не помните вы, Клавдія, какъ назвала леди Коризанда Гауберкъ этихъ бѣдныхъ дѣвушекъ, когда увидала ихъ здѣсь прошлымъ лѣтомъ?

— Комическая труппа леди Гертлей.

— Да, именно такъ—комическая труппа леди Гертлей! Всѣ три дѣвицы были одѣты съ такимъ разнообразіемъ и изяществомъ—въ особенности двѣ младшія. У старшей немного болѣе вкуса. Одна была одѣта въ шолковое платье, абрикосоваго цвѣта, обшитое дешевымъ чернымъ кружевомъ, — вы, какъ мужчина, конечно, не понимаете, что̀ значитъ дешевое черное кружево—и шляпу Генсборо. На другой былъ туалетъ персиковаго цвѣта изъ китайской бумажной ткани, долженствовавшей изображать шелкъ, и матросская соломенная шляпа, украшенная гирляндой пониклыхъ персиковыхъ маковъ, а ея зонтикъ — Боже, ея зонтикъ!—изъ ярко-краснаго ситца и шести футовъ высоты! Леди Коризанда забавлялась ими безмѣрно.

— Развѣ бѣдность такъ достойна насмѣшки? — спросилъ Ванситартъ, поблѣднѣвшій отъ гнѣва.

— Не бѣдность ихъ смѣшна, а неопытность, младенческое незнаніе правилъ и обычаевъ нашего круга. Еслибы онѣ надѣли свѣжія бѣлыя платья и простенькія соломенныя шляпы, онѣ были бы очаровательны. Но эти усилія не отставать отъ моды...

— Имѣя въ рукахъ матерьялы, давно вышедшіе изъ моды,— вставила Клавдія.

— А я говорю, что вы смѣетесь надъ бѣдностью—только бѣдность вамъ кажется смѣшной. Мы дошли до того состоянія, когда люди не признаютъ ничего святаго, кромѣ денегъ. Мы дѣлаемъ видъ, что почитаемъ знатность и благородное, старинное происхожденіе, но въ глубинѣ нашихъ сердецъ не признаемъ ни того, ни другаго безъ фундамента, въ видѣ мѣшковъ съ золотомъ...

— Какая пылкая тирада! — вскричала леди Гертлей, — и все изъ-за того, что мы позволили себѣ добродушно посмѣяться надъ платьями этихъ дѣвицъ. И подумать только, что

Digitized by Google

хорошенькое личико, которое вы видѣли всего два раза, до такой степени очаровало васъ!

Леди толпой вышли изъ гостинной, чтобы надѣть шляпки и отправиться на катокъ. Катанье по льду сдѣлалось любимымъ спортомъ въ Редвольдъ-Товерсѣ, и даже м-съ Ванситартъ приходила взглянуть на конькобѣжцевъ. Она любила смотрѣть, какъ ея сынъ и дочь отличались своимъ искусствомъ. Кромѣ того, это былъ удобный случай встрѣтить на прогулкѣ нѣмку-бонну съ годовалымъ ребенкомъ на рукахъ. Малютка-внукъ уже успѣлъ затронуть нѣжныя струны въ сердцѣ бабушки.

Джонъ Ванситартъ, противъ обыкновенія, не пошелъ на катокъ вмѣстѣ съ другими. Точно также, онъ не предложилъ матери сопутствовать ей во время прогулки. Онъ былъ въ раздраженномъ, мстительномъ настроеніи,—въ какомъ-то безпричинно-мстительномъ, и потому одинъ углубился въ чащу редвольдской рощи, безмолвіе которой нарушали только ряполовы, сойки и зяблики своимъ крикомъ.

Онъ былъ сердитъ на этихъ болтливыхъ женщинъ и, въ особенности, на свою сестру; но всего болѣе былъ сердитъ на самого себя. Да, его дѣйствительно очаровала красота Евы, божественная красота Титаніи, такая нѣжная, изящная на фонѣ темно-синяго ночнаго неба; его ослѣпили эти блѣдно-золотистые волосы, эти сафировыя очи, сіявшія среди звѣздъ. Да, легкомысленный и безпечный язычокъ его сестры случайно высказалъ непреложную истину. Эта дѣвушка плѣнила его, и вотъ почему онъ такъ вспыльчивъ и раздражителенъ:—всему виною дѣвушка, которую онъ видѣлъ два раза въ жизни, которой сердце, характеръ, воспитаніе и наслѣдственныя качества ему совершенно неизвѣстны.

«Я глупецъ! — говорилъ онъ себѣ, — увлекающійся глупецъ, и до такой степени глупъ, что даже пустоголовая Модъ отлично замѣчаетъ это. Я ничего не знаю объ этой дѣвушкѣ, положительно ничего, и ея наружная безъискуственность, такъ похожая на невинность, легко можетъ оказаться лицемѣрной маской. Я почти увѣренъ, что она смѣется теперь надъ моей довѣрчивостью и спрашиваетъ себя: какъ далеко это зайдетъ? А еще этотъ м-ръ Сефтонъ! Миссъ Гринъ намекала, что между ними что-то есть. Его обращеніе съ нею было слишкомъ сво-

Digitized by Google

боднымъ, чтобы казаться почтительнымъ. Несомнѣнно, она ловитъ Сефтона, богатаго помѣщика, одного изъ лучшихъ жениховъ въ этомъ округѣ. Она заигрываетъ съ нимъ и хочетъ удержать его притворной холодностью. Я буду идіотомъ, если попаду въ сѣти, ничего не зная объ этой молодой леди. Я просто рехнулся... Вотъ такимъ-то образомъ и совершаются несчастные браки»!

Онъ остановился наконецъ, послѣ того какъ цѣлый часъ безъ устали кружилъ по узкимъ неудобнымъ дорогамъ. Въ ясномъ морозномъ воздухѣ слышались крики и смѣхъ дѣтей, игравшихъ у пруда. Катокъ былъ отъ него на разстояніи одной мили—не болѣе.

— Софи говорила, что ихъ платья будутъ готовы сегодня,—вспомнилъ онъ.—Хотѣлось бы мнѣ знать, будутъ ли онѣ сегодня на пруду.

Онъ пустился по узкой дорогѣ, между густой зарослью дуба и сосенъ, вышелъ изъ рощи и быстро направился къ пруду. День былъ прекрасный, тихій и ясный, и, не смотря на то, что термометръ показывалъ двѣнадцать градусовъ, на пруду виднѣлось много катающихся. Тамъ были и деревенскіе жители, и джентри, причемъ мостъ раздѣлялъ общество на два разряда—высшій и низшій. Среди дѣвушекъ, которыхъ было не менѣе двадцати, сестры Чемперноунъ выдѣлялись своими изящными манерами и строгой простотой наряда. На нихъ были: черныя саржевыя платья, сидѣвшія безукоризненно, благодаря искусству знаменитаго портнаго, и черныя жакетки, плотно облегавшія талію, строгаго стиля, съ узкими воротниками. Ихъ шляпки, удобныя для катанья по льду, были верхомъ совершенства—черныя поярковыя шляпки, украшенныя небрежно завязаннымъ бантомъ изъ красной ленты. Длинныя шведскія перчатки, совершенно свѣжія, дополняли этотъ туалетъ, одинаковый у всѣхъ трехъ сестеръ, отлично понимавшихъ, что три красивыя дѣвушки, одѣтыя съ изящной простотой и въ одинаковыя платья, всегда произведутъ эффектъ въ обществѣ.

Джонъ Ванситартъ сталъ прогуливаться вдоль берега, останавливаясь по временамъ, чтобы взглянуть на катающихся, но не выказывая намѣренія надѣть, въ свою очередь, коньки и присоединиться къ спортсменамъ. Было пріятно гулять по бе-

Digitized by Google

регу, въ иныхъ мѣстахъ открытому, въ другихъ—заросшему ольхой и орѣшникомъ. Кое-гдѣ на ледяной глади озера замѣчались легкія неровности, въ родѣ кочекъ; на нихъ присаживались конькобѣжцы, чтобы снять или подвязать коньки, и здѣсь же становились зрители, желавшіе посмотрѣть на катанье.

Съ этого наблюдательнаго пункта, Ванситартъ могъ видѣть всю сцену дѣйствія. При первомъ же взглядѣ, онъ замѣтилъ человѣка, стоявшаго на противоположномъ берегу озера и тоже слѣдившаго за всѣмъ происходящимъ. Болѣе внимательный взглядъ убѣдилъ Ванситарта, что этотъ человѣкъ и былъ м-ръ Сефтонъ. Онъ видѣлъ Сефтона только одинъ разъ на томъ балу, но узналъ сейчасъ же этотъ рѣзкій орлиный носъ, смугло-желтый цвѣтъ лица и черную бороду. Это былъ, дѣйствительно, Сефтонъ, легко одѣтый—точно онъ собирался кататься, но случайно удержался въ сторонѣ отъ толпы.

Было что-то притягательное для Ванситарта въ этомъ одинокомъ зрителѣ, и, въ то время какъ онъ наблюдалъ за м-ромъ Сефтономъ, онъ почувствовалъ, что на пруду появились новыя лица, потому что орлиные глаза Сефтона, все время оглядывавшіе прудъ, вдругъ остановились на одной точкѣ, и самъ онъ также внезапно двинулся по тому же направленію. Ванситартъ въ точности подражалъ движеніямъ своего противника и, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, понялъ, въ чемъ дѣло: на каткѣ появились три новыхъ лица,—три молодыя дѣвушки, въ синихъ костюмахъ самаго различнаго оттѣнка.

Надо замѣтить, что миссъ Чемперноунъ и леди Гертлей—способныя проводить цѣлые часы въ бесѣдѣ о нарядахъ—успѣли просвѣтить Ванситарта насчетъ того, что эту зиму синій цвѣтъ будетъ не въ модѣ. Конечно, этотъ колеръ въ абстрактѣ могъ быть прекраснымъ, какъ цвѣтъ небесъ и моря, сафировъ и незабудокъ, идиллическихъ ручейковъ и младенческихъ очей; но дѣло въ томъ, что ни одна леди, уважающая себя, не рѣшится надѣть синее платье въ этомъ сезонѣ. Синій цвѣтъ «не въ модѣ», а это значитъ, что онъ преданъ анаѳемѣ. Просвѣщенный, такимъ образомъ по части дамскихъ модъ, Ванситартъ увидѣлъ трехъ молодыхъ дѣвушекъ въ новыхъ зимнихъ платьяхъ ярко-синяго цвѣта: Софи въ туалетѣ цвѣта павлиныхъ перьевъ, Дженни—въ небесно-голубомъ; Ева

Digitized by Google

менѣе сестеръ бросалась въ глаза, въ своемъ простенькомъ платьѣ изъ темносиняго оксфорда и маленькой самодѣльной шапочкѣ изъ той же ткани.

Дѣло въ томъ, что въ январѣ начинается распродажа залежалыхъ и вышедшихъ изъ моды матерій, чѣмъ и воспользовались миссъ Мерчентъ, чтобы купить за дешевую цѣну хорошія ткани.

— Вѣдь въ сущности не цвѣтъ, но покрой придаетъ платью изящный, модный видъ,—философствовала Софи, разглядывая картинки модъ и пытаясь создать изъ нихъ нѣчто великолѣпное и неслыханное.

Дѣвушки казались совершенно счастливыми въ своихъ новыхъ платьяхъ,—по крайней мѣрѣ, двѣ младшія, которыя привѣтствовали Ванситарта съ самой непринужденной радостью. Ева немного разсѣянно протянула ему руку, но ея внезапный румянецъ внушилъ ему безумно-радостную мысль, что онъ для нея несовсѣмъ безразличенъ. Въ то время какъ они разговаривали, ея взглядъ тревожно искалъ чего-то, словно она ожидала кого нибудь встрѣтить. Ужь не Сефтона ли? Пока Ванситартъ задавалъ себѣ этотъ вопросъ, м-ръ Сефтонъ перебрался черезъ ледъ, пожалъ руки тремъ дѣвушкамъ и вмѣстѣ съ Евой направился далѣе по берегу пруда, гдѣ вѣтви ольхи и орѣшника вскорѣ скрыли ихъ отъ ревнивыхъ глазъ, неотступно слѣдившихъ за ними. «Миссъ Гринъ была права»,—подумалъ Ванситартъ,—«между ними взаимная симпатія; они назначили здѣсь свиданіе».

Двѣ младшія сестры отправились, между тѣмъ, надѣть коньки, въ чемъ оказывали имъ самую ревностную помощь два юныхъ обожателя клерикальнаго типа. Ванситартъ простоялъ нѣсколько минутъ, слѣдя безучастнымъ взоромъ за играющими и катающимися—ровно столько времени, чтобы Ева успѣла дойти до конца пруда, затѣмъ онъ повернулся и пошелъ въ томъ же направленіи. И въ то время, когда онъ медленно подвигался впередъ, чувствуя отвращеніе къ жизни и ко всему окружающему, онъ услышалъ, невдалекѣ, за пригоркомъ, приближающіеся шаги и голоса.

Парочка возвращалась назадъ. Они прогулялись не особенно далеко. Дѣло было не такъ ужь плохо, какъ это казалось десять минутъ назадъ. Невольно онъ услышалъ, о чемъ

Digitized by Google

они говорятъ. Тропинка въ этомъ мѣстѣ круто спускалась внизъ и группа ольховыхъ кустовъ скрывала его отъ глазъ бесѣдовавшей пары.

— Мнѣ ужасно жаль,—говорилъ м-ръ Сефтонъ.—Мы попали на ложный слѣдъ.

— И по прежнему ничего не знаемъ?

— Ничего. Глубоко сожалѣю, что долженъ васъ разочаровать.

Въ его тонѣ послышалась нѣжность, заставившая Ванситарта ощутить приливъ животной злобы, ярости первобытнаго дикаря, остатки которой еще проявляются у всѣхъ насъ; на мгновеніе кровь горячей волной хлынула къ его сердцу и помрачила умъ. Еще нѣсколько шаговъ—и онъ очутился лицомъ къ лицу съ миссъ Мерчентъ. Проходя мимо, она бросила на него умоляющій взглядъ, затуманенный слезами. М-ръ Сефтонъ имѣлъ власть заставить ее плакать. Во всякомъ случаѣ, эти слезы доказывали, что между ними есть что-то посерьезнѣе простаго знакомства и даже простой дружбы. Въ этихъ слезахъ могла заключаться драма несчастной любви.

Онъ оглянулся. Ева и Сефтонъ разстались. Сефтонъ разговаривалъ съ группой мужчинъ на берегу. Ева присоединилась къ своимъ сестрамъ и стояла на льду съ коньками въ рукѣ, словно раздумывая, надѣвать ихъ или нѣтъ.

Долженъ ли онъ прійти къ ней и умолять позволить у ея ногъ преклонить колѣно и оказать ей рыцарскую услугу, застегнувъ ремни и пряжки на ея маленькихъ ножкахъ? Нѣтъ, онъ не хочетъ быть такимъ рабомъ. Пусть ей прислуживаетъ Сефтонъ,—Сефтонъ, который пользуется ея довѣріемъ, Сефтонъ, который имѣетъ власть вызывать слезы на этихъ прелестныхъ глазахъ. Ванситартъ съ рѣшительнымъ видомъ повернулъ въ другую сторону и направился черезъ лугъ, покрытый снѣгомъ.

«Мы попали на ложный слѣдъ». Какой ложный слѣдъ? Что можетъ означать эта фраза? Какой смыслъ она имѣетъ на языкѣ влюбленныхъ? «Глубоко сожалѣю, что долженъ васъ разочаровать». Въ чемъ разочаровать? Почему она должна быть разочарована и почему м-ръ Сефтонъ сожалѣетъ объ этомъ? Любовныя дѣла этой парочки, во всякомъ случаѣ, не даютъ возможности предполагать какое нибудь разочарованіе. Сефтонъ самъ себѣ господинъ и воленъ жениться на комъ ему угодно.

Digitized by Google

Были ли у него честныя намѣренія, или онъ только игралъ сердцемъ этой дѣвушки, чтобы затѣмъ бросить ее обезславленной? Изо всего, что онъ слышалъ о Сефтонѣ, Ванситартъ вывелъ заключеніе, что этотъ человѣкъ едва ли способенъ чувствовать безкорыстную любовь и жениться на бѣдной дѣвушкѣ, отецъ которой имѣлъ въ прошломъ какое-то темное дѣло. А она? была ли она слабой и неопытной, довѣрчиво отдавшей свое сердце безчестному человѣку? Или, какъ дочь своего отца, была тоже искательницей приключеній, разсчетливой и хитрой по природѣ и воспитанію?

Онъ шелъ долго, погруженный въ самыя тягостныя размышленія и въ то же время готовый вѣрить, что дѣвушка, которую онъ такъ страстно полюбилъ, окажется идеаломъ женственности и добродѣтели; готовый не обращать вниманія на странные факты, говорившіе противъ нея, и слѣдовать за нею всюду, повергая къ ея ногамъ самую благоговѣйную любовь и даже рѣшаясь сдѣлать ее своей женой, вопреки всѣмъ предразсудкамъ, если только она отвѣтитъ ему взаимностью.

«Почему непремѣнно этотъ бракъ долженъ сдѣлать несчастной мою мать»?—спрашивалъ онъ себя.—«Если я докажу, что окружающая обстановка не повліяла дурно на Еву Мерчентъ, то чего же еще нужно?.. И какое дѣло мнѣ или моей матери до семейной обстановки Евы? Даже, еслибы мнѣ пришлось содержать полковника до конца его жизни, я не считалъ бы этого тягостнымъ бременемъ, такъ какъ въ награду я получилъ бы любимую дѣвушку». Въ концѣ концовъ, онъ сказалъ себѣ, что время должно рѣшить все. Его долгъ — вооружиться терпѣніемъ, бывать, какъ можно чаще, въ семействѣ Мерчентовъ, но не спѣшить сватовствомъ и не допускать ничего похожаго на пустое ухаживаніе. Нѣтъ, онъ не станетъ играть женскимъ сердцемъ; онъ не способенъ красть любовь. Онъ обуздаетъ свои чувства, онъ будетъ воплощеніемъ скромности; но онъ употребитъ всѣ усилія, чтобы узнать тайну этой семьи. Начертавъ такимъ образомъ планъ будущихъ дѣйствій, онъ возвратился къ пруду. Уже надвигались сумеречныя тѣни. На льду оставалось немного катающихся. Миссъ Мерчентъ сняли коньки и прощались со своими кавалерами—двумя юными викаріями.

Digitized by Google

— Намъ предстоитъ такой ужасный путь! — сказала Софи.—И будетъ совсѣмъ темно, когда мы доберемся до дому.

Къ сожалѣнію, оба викарія были заняты: одинъ—въ школѣ на вечернемъ урокѣ, другой—на общественныхъ народныхъ чтеніяхъ, и потому должны были пожелать своимъ дамамъ спокойной ночи. Ванситартъ подошелъ, какъ только молодые люди удалились.

— Позвольте мнѣ проводить васъ домой,—сказалъ онъ.—Я еще не успѣлъ хорошенько прогуляться.

— Ну, въ такомъ случаѣ, вы—неутомимый ходокъ!—воскликнула Дженни.—Я видѣла, какъ вы сейчасъ маршировали безъ остановки, словно побились объ закладъ насчетъ своей неутомимости.

Его предложеніе было принято и черезъ минуту онъ шелъ рядомъ съ Евой, позади, между тѣмъ какъ двѣ младшія дѣвушки бѣжали впереди, поминутно оборачиваясь и вмѣшиваясь въ разговоръ. Глаза Евы болѣе не затуманивались слезами, зато она была молчаливѣе обыкновеннаго и казалась чѣмъ-то разстроенной.

— Боюсь, что вы недовольны сегодняшнимъ катаньемъ.

— Да, несовсѣмъ. Утромъ катанье пріятнѣе. Мы пришли слишкомъ поздно.

— А завтра утромъ вы придете?

— Да, я обѣщала меньшимъ сестрамъ привести ихъ сюда на все утро. Онѣ мнѣ не позволятъ отказаться отъ исполненія обѣщанія.

— Полковникъ Мерчентъ никогда не приходитъ съ вами?

— Никогда. Онъ не любитъ прогулокъ въ женскомъ обществѣ.

— Можетъ быть, въ качествѣ холостяка, я не могу судить о родительскихъ чувствахъ, но мнѣ кажется: будь я вдовцомъ съ пятью милыми дочерьми, я считалъ бы величайшимъ счастьемъ всюду бывать вмѣстѣ съ ними.

— Если вы оглянетесь кругомъ, то увидите, что такіе отцы составляютъ исключеніе, а не правило,—отвѣчала Ева съ оттѣнкомъ горечи.

Они шли нѣсколько времени молча,—она глядѣла прямо передъ собой въ холодныя сѣрыя сумерки; онъ украдкой бросалъ взгляды на ея профиль. Какъ хороша была она! Бѣлизна

Digitized by Google

кожи казалась такой нѣжной и вмѣстѣ такой свѣжей и цвѣтущей; прелестный ротъ былъ слишкомъ задумчивъ для молоденькой дѣвушки; въ уголкахъ его лежало что-то тревожное и печальное. Но когда она улыбалась или смѣялась, задумчивость исчезала, и все ея личико озарялось солнечнымъ блескомъ веселья.

Она обладала врожденной веселостью — самымъ богатымъ приданымъ, какое могла бы принести своему супругу. И вдругъ ему пришла въ голову счастливая мысль. Сестра говорила ему, что эти бѣдныя дѣвушки всегда возбуждаютъ ея жалость. Онъ воспользуется этимъ.

— Вы собираетесь привести своихъ сестеръ на катокъ, завтра утромъ? — спросилъ онъ тотчасъ же. — Какой именно часъ вы называете утромъ?

— Я думаю, что мы придемъ около одиннадцати. Утро бываетъ восхитительное въ такую морозную погоду.

— Вы правы. Приходите какъ можно раньше. Покатавшись часа два, вы навѣрное устанете—хотя теперь вы идете съ видомъ особы, не знающей, что̀ такое усталость—и тогда вы всѣ должны будете отправиться завтракать къ моей сестрѣ.

— Вы очень добры, — сказала Ева, краснѣя и внезапно озаряясь прелестнѣйшей изъ своихъ улыбокъ,—но это невозможно.

— Я понимаю. Вы не хотите прійти по моему приглашенію. Вы находите, что я не имѣю права приглашать. Но я думаю, что братъ имѣетъ право пригласить своихъ друзей въ домъ сестры.

— Друзей, быть можетъ, да; но мы съ вами едва знакомы.

— Пожалуйста, не будьте такой недоброй. Я чувствую, что мы подружились съ перваго раза, съ вами и вашими сестрами—съ той самой минуты, когда я увидѣлъ васъ на вершинѣ холма и подумалъ, что это горныя феи. Хорошо, мы исполнимъ свѣтскія церемоніи. Сестра напишетъ вамъ сегодня же вечеромъ.

— Нѣтъ, прошу васъ, не дѣлайте этого,—горячо протестовала Ева.—Леди Гертлей подумаетъ, что мы—невоспитанныя, жеманныя дѣвицы.

— Леди Гертлей никогда этого не подумаетъ. Она говорила всего нѣсколько часовъ назадъ, что ей хотѣлось бы видѣть

Digitized by Google

васъ почаще. Вы должны прійти всѣ—помните это—всѣ пять. Чемперноуны уѣзжаютъ завтра съ утреннимъ поѣздомъ,—весело прибавилъ онъ,—значитъ мѣста найдется много.

— Такъ миссъ Чемперноунъ уѣзжаютъ?

— Да, онѣ отправляются въ болѣе аристократическій домъ, гдѣ по вечерамъ играютъ въ бакара вмѣсто нашего скромнаго бильярда и виста. Мой деверь—слишкомъ суровый человѣкъ. По моему тайному убѣжденію, эти три красивыя молодыя леди нестерпимо скучали въ Редвольдъ-Товерсѣ.

— Я очень рада, что онѣ уѣзжаютъ,—откровенно призналась Ева.—Мы не были знакомы съ ними; ихъ отъѣздъ или пріѣздъ не касается насъ. Онѣ производятъ какое-то угнетающее впечатлѣніе: такъ красивы, такъ хорошо одѣты и такъ самодовольны!

— Да, вотъ въ томъ-то и все дѣло. Не странно ли, что какъ только мужчина или женщина позволятъ себѣ выразить болѣе или менѣе ясно, что они чрезвычайно довольны своими талантами, красотой и умомъ, такъ сейчасъ же всѣ люди начинаютъ ихъ презирать. Богато одаренныя личности, въ родѣ Шекспира или Вальтеръ-Скотта, должны дѣлать видъ, что не подозрѣваютъ собственной геніальности, если хотятъ сохранить любовь и уваженіе своихъ ближнихъ.

— Я думаю, что оба—и Шекспиръ и Вальтеръ-Скоттъ,—именно такъ поступали, и что за это весь міръ ихъ почитаетъ,—возразила Ева, и между молодыми людьми началась длинная бесѣда объ ихъ любимыхъ книгахъ и авторахъ.

Ванситартъ проводилъ миссъ Мерчентъ до Гомстида и почувствовалъ смертельную усталость, возвратившись въ Редвольдъ-Товерсъ. Онъ ходилъ безъ отдыха съ самаго завтрака. Провожая Еву, онъ много разговаривалъ съ ней, но ни разу не упомянулъ имени Сефтона, не рѣшаясь, хотя бы намеками, выпытать, о чемъ она говорила сегодня съ этимъ человѣкомъ. Леди Гертлей была гораздо моложе его и, благодаря этому, Ванситартъ привыкъ съ самаго дѣтства приказывать ей сдѣлать то или другое, а она считала своимъ долгомъ исполнять его капризы. Слѣдовательно, ему не будетъ никакого труда заставить ее пригласить миссъ Мерчентъ съ сестрами на завтракъ.

— Вы, дѣйствительно, хотите, чтобы я пригласила всѣхъ трехъ?—спросила Модъ, съ удивленіемъ поднимая свои изящныя брови.

Digitized by Google

— Я, дѣйствительно, хочу, чтобы вы пригласили всѣхъ пятерыхъ. Меньшія сестры придутъ кататься на озерѣ. Накормите ихъ получше, Модъ. Прикажите подать дичи, всякихъ закусокъ и побольше пуддинговъ.

— Пятерыхъ? Какая нелѣпость!

— Вы говорили, что жалѣете ихъ.

— Но вѣдь ихъ пять! Хорошо, я согласна, что число не дѣлаетъ никакой разницы. Но меня пугаетъ возможность слишкомъ интимнаго знакомства, которымъ всегда кончаются эти завтраки и чаи. Я не сомнѣваюсь, что это прекрасныя дѣвушки; но онѣ ведутъ такую невозможную жизнь со своимъ невозможнымъ отцомъ, который никогда не бываетъ дома; онѣ брошены безъ всякаго присмотра, у нихъ нѣтъ никого, кромѣ старой іоркширской служанки. Все это ужасно,

— Съ вашей точки зрѣнія,—конечно! Но подобную ужасную жизнь ведетъ множество семей въ Англіи, изъ которыхъ, не смотря на это, выходитъ немало государственныхъ людей. Полно, Модъ, не болтайте пустяковъ, а садитесь лучше и пишите письмо—дружеское коротенькое письмо, въ которомъ вы объясните, что вамъ уже извѣстно отъ меня объ ихъ завтрашнемъ приходѣ на катокъ, и что вы непремѣнно ожидаете ихъ къ завтраку.

Этотъ разговоръ происходилъ въ будуарѣ передъ обѣденнымъ туалетомъ, когда Модъ была занята окончаніемъ своихъ писемъ. Выслушавъ приказаніе брата, она взяла перо и быстро написала приглашеніе, почти тѣми же словами, какъ онъ говорилъ, подчеркнувъ слово: «непремѣнно».

— Такъ будетъ хорошо?—спросила она.

— Восхитительно,—отвѣчалъ Ванситартъ, протягивая руку къ сонеткѣ.—Все, что вамъ остается еще сдѣлать, это приказать груму отвезти письмо въ Гомстидъ.

— Не пригласить ли также и м-ра Сефтона?—лукаво спросила Модъ.

— Зачѣмъ?

— Всѣ говорятъ, что онъ ухаживаетъ за миссъ Мерчентъ. Надѣюсь, не съ дурной цѣлью.

— Каковъ бы ни былъ полковникъ Мерчентъ, я все же думаю, что никто не посмѣетъ оскорбить его дочь безчестнымъ намѣреніемъ,—сурово произнесъ Ванситартъ.

Digitized by Google

Въ половинѣ десятаго, слуга возвратился съ письмомъ къ леди Гертлей. Ванситартъ подошелъ къ сестрѣ, чтобы узнать, какой полученъ отвѣтъ.

«Дорогая леди Гертлей.

«Вы очень добры, приглашая насъ къ завтраку послѣ катанья, и возможность побывать въ вашемъ прекрасномъ домѣ такъ соблазнительна для моихъ маленькихъ сестеръ, что я съ удовольствіемъ принимаю ваше любезное приглашеніе. Софи и Дженни просятъ поблагодарить васъ за приглашеніе, адресованное также и къ нимъ, но считаютъ невозможнымъ явиться къ вамъ цѣлой толпой, въ количествѣ пяти дѣвицъ. Всегда преданная вамъ, Ева Мерчентъ».

— Она, во всякомъ случаѣ, скромнѣе васъ, Джекъ,—замѣтила Модъ, когда онъ прочиталъ письмо черезъ ея плечо.

— У нея прекрасный, смѣлый почеркъ,—сказалъ Ванситартъ, страстно желая выпросить себѣ это письмо, первое письмо написанное ея рукой, которое пришлось ему видѣть.

— Очень жаль, что не придутъ всѣ пять, — продолжалъ онъ.—Эти двѣ бѣдняжки—невинныя жертвы свѣтскихъ предразсудковъ—останутся дома и примутся за свой скудный завтракъ. Въ слѣдующій разъ вы должны пригласить ихъ.

— Сначала посмотримъ, какъ сойдетъ завтрашній банкетъ,—отвѣчала Модъ, безпечно смѣясь.

Безъ малаго въ одиннадцать часовъ Ванситартъ былъ на озерѣ. Ему пришлось провести цѣлыхъ полчаса въ нетерпѣливомъ ожиданіи, пока, наконецъ, появилась Ева со своими маленькими сестрами. Онъ встрѣтилъ ихъ у воротъ, и они пошли вмѣстѣ на катокъ.

— Я слышалъ, что вы еще не умѣете кататься,—обратился онъ къ одной изъ дѣвочекъ, раскраснѣвшейся, какъ роза, послѣ длинной прогулки.—Это не бѣда. Сегодня начнется для васъ новая эра—вы научитесь кататься. Я буду вашимъ учителемъ.

— Это будетъ прелестно,—отвѣчала Пегги,—но вѣдь у меня нѣтъ коньковъ.

— О, мы достанемъ у кого нибудь или просто украдемъ. Не можетъ быть, чтобы здѣсь не нашлось коньковъ.

— Ахъ, какъ это весело!—вскричала Пегги.

Ванситартъ нашелъ пару чьихъ-то коньковъ и хладнокровно присвоилъ ихъ. Ученье началось. Онъ сдѣлалъ также нѣсколько

Digitized by Google

указаній и Евѣ, которая прекрасно умѣла кататься, но все же уступала Ванситарту, изучившему это искусство въ Норвегіи и въ Вѣнѣ. Въ то время какъ они катались, на льду появился м-ръ Сефтонъ и напрасно пытался отвоевать миссъ Мерчентъ у Ванситарта; молодая леди холодно отражала его попытки, къ великой радости Ванситарта. М-ръ Сефтонъ пробылъ нѣсколько времени на озерѣ, бесѣдуя то съ тѣмъ, то съ другимъ изъ публики, которой собралось много въ это прекрасное утро. Въ первомъ часу онъ подошелъ къ Евѣ, игравшей съ дѣвочками на льду.

— Полковникъ дома?—спросилъ онъ.

— Да, папа возвратился вчера вечеромъ.

— Такъ я пойду навѣстить его. Сегодня чудный день для прогулки. Скажите мнѣ, когда вы и ваши сестры соберетесь уходить домой,—мы пойдемъ вмѣстѣ. Дѣвицамъ несовсѣмъ безопасно ходить однѣмъ по такой уединенной дорогѣ.

— Вы очень любезны, но мы не боимся ходить однѣ. И сегодня мы не скоро пойдемъ домой, — радостно прибавила Ева.—Мы завтракаемъ у леди Гертлей.

— Это другое дѣло,—сказалъ Сефтонъ, чрезвычайно удивленный.—Я навѣщу вашего отца въ другой разъ, чтобы кстати служить вамъ вмѣсто проводника. Я полагаю, что сегодня васъ проводитъ м-ръ Ванситартъ.

— Я уже говорила, что мы не нуждаемся въ проводникахъ,—съ нетерпѣніемъ воскликнула Ева.—Право, можно подумать, что по дорогѣ къ дому насъ ожидаютъ кровожадные тигры.

— Тамъ ожидаютъ хладнокровные джентльмены, которые нисколько не лучше тигровъ,—отвѣчалъ онъ, полный злобы и ревности.

«Этотъ господинъ, очевидно, преслѣдуетъ дѣвушку съ какой-то затаенной цѣлью,—подумалъ Ванситартъ.—Быть можетъ, онъ собирается жениться на ней? Возможно ли богатому человѣку, пользующемуся большимъ вѣсомъ въ округѣ, породниться съ такой личностью, какъ полковникъ Мерчентъ»?

Ванситартъ видѣлъ, что Ева разговаривала съ м-ромъ Сефтономъ, но не могъ разобрать, о чемъ они говорили. Онъ торжествовалъ, видя что Сефтонъ ушелъ разсерженный. Даже въ его походкѣ и поворотѣ головы чувствовалось раздраженіе.

Digitized by Google

Они весело направились къ дому по серебристой мерзлой травѣ лужайки. Гетти и Пегги бѣжали впереди, бросаясь изъ стороны въ сторону, какъ рѣзвые, молодые фоксъ-терьеры, спущенные на волю и наслаждавшіеся солнечнымъ свѣтомъ. Пегги оказала большіе успѣхи по части катанья на конькахъ. Учитель нашелъ, что у нея геніальныя способности по этой части. Леди Гертлей наслаждалась солнечнымъ тепломъ на широкомъ каменномъ подъѣздѣ, въ ожиданіи гостей. Миссъ Гринъ уѣхала на охоту съ сэромъ Губертомъ и остальнымъ обществомъ. Дома остались только м-съ Ванситартъ, м-съ Беддингтонъ и м-ръ Тиветтъ.

— Насъ только двое кавалеровъ посреди столькихъ дамъ,— весело сказалъ Тиветтъ, когда они собрались въ гостинной, передъ огромнымъ пылающимъ каминомъ.

— Не лучше ли будетъ сказать, что васъ только полтора кавалера, Гусси?—замѣтила м-съ Бэддингтонъ, смѣясь.—Даже смѣшно говорить вамъ о себѣ такъ, какъ будто вы можете быть равнымъ м-ру Ванситарту по вѣсу и по объему.

М-ръ Тиветтъ, почти незамѣтный между Гетти и Пегги, встрѣтилъ это нападеніе съ обычной кротостью.

— Вѣсъ и объемъ ничего не значатъ; въ нравственномъ отношеніи я чувствую себя гигантомъ.

— И не безъ основанія,—подтвердилъ Ванситартъ.—Если бы вамъ удалось видѣть Тиветта на раутѣ въ Вестъ-Эндѣ, вы поняли бы, какую жалкую роль играетъ физическая сила въ сравненіи съ интеллектуальной.

— О, да, меня любятъ,—скромно согласился Тиветтъ.— Я могу объяснить, какой изъ дамскихъ портныхъ болѣе геніаленъ. Я знаю, какой оттѣнокъ бронзовыхъ или каштановыхъ волосъ предпочитаетъ принцесса. Я могу сообщить дамамъ массу интереснѣйшихъ вещей, и эти милочки отлично знаютъ, что я вхожу во всѣ ихъ интересы и сочувствую имъ во всемъ.

— Бесѣдуя съ Тиветтомъ, я всегда прихожу къ заключенію, что *женственный мужчина* несравненно лучше *мужественной женщины*, — задумчиво произнесла м-съ Бэддингтонъ.

— Ахъ, это происходитъ потому, что мужчины подражаютъ болѣе идеальной половинѣ человѣческаго рода, — сказала леди Гертлей.

Digitized by Google

Ева помѣщалась въ удобномъ креслѣ, куда усадилъ ее Ванситартъ, и молчала, счастливая, довольная собой. Она смотрѣла съ восторгомъ, но безъ зависти, на роскошную обстановку, полную изящества и вкуса. Пока она наслаждалась зрѣлищемъ прекрасной, уютной обстановки,—въ комнату вошла м-съ Ванситартъ, уходившая гулять со своимъ внукомъ, и Ванситартъ поспѣшилъ представить матери гостью своей сестры.

— Матушка, позвольте вамъ представить миссъ Мерчентъ— проговорилъ онъ торопливо, и Ева, краснѣя, встала на встрѣчу почтенной леди.

Онъ помнилъ слово, данное самому себѣ. Но во взглядѣ, который онъ бросилъ на дѣвушку, робко поднявшуюся съ мѣста, чтобы протянуть руку его матери, въ нѣжности его тона, когда онъ произносилъ ея имя, все высказалось также ясно, какъ еслибы онъ сказалъ: «Матушка, вотъ женщина, которую я люблю, и хочу, чтобы вы также ее полюбили».

(Продолженіе будетъ).

Digitized by Google

ЭПОХА УВЛЕЧЕНІЙ.

(Изъ воспоминаній русскаго гарибальдійца).

VIII.

Выше было упомянуто, что большинство университетской молодежи 60-хъ годовъ не занималось наукой, да и гг. профессора не особенно внимательно слѣдили за нею. Большинство ихъ читали лекціи по книгамъ западныхъ ученыхъ,—по преимуществу нѣмцевъ,—что̀, конечно, не могло заинтересовать учащихся. По естественному факультету я слушалъ только одного Рулье, профессора зоологіи. Знаменитый ученый, другъ Гумбольдта, Рулье обезсмертилъ себя въ московскомъ университетѣ, главнымъ образомъ, какъ ораторъ. Его лекціи, ученыя и популярныя, слушались съ наслажденіемъ всѣми. Въ московскомъ университетѣ существуетъ до сихъ поръ преданіе о Рулье, читавшемъ на публичныхъ лекціяхъ «о періодахъ творенія». По нѣкоторымъ обстоятельствамъ, въ эту эпоху, какъ разсказываютъ бывшіе слушатели знаменитаго оратора, Рулье манкировалъ казенными лекціями, пропуская ихъ по нѣскольку недѣль. Разъ, онъ долженъ былъ читать «казенную» лекцію, конечно, утромъ, отъ часу до двухъ, и не пришелъ. Между тѣмъ, вечеромъ, онъ читалъ публичную лекцію. Попечитель учебнаго округа остался крайне недоволенъ профессоромъ, который такъ небрежно относился къ своимъ служебнымъ обязанностямъ: утромъ не читалъ казенной лекціи, а вечеромъ читалъ свою «вольную»! Попечитель рѣшилъ сдѣлать строгій выговоръ профессору при всѣхъ въ аудиторіи. Для этой цѣли онъ пріѣхалъ вечеромъ и вошелъ въ аудиторію, гдѣ Рулье читалъ свою популярную лекцію. При появленіи попечителя, всѣ встали и поклонились ему. Попечитель, садясь на первой скамейкѣ, просилъ продолжать, имѣя намѣреніе сдѣлать внушеніе профессору по окончаніи лекціи. Рулье продолжалъ читать и настолько увлекательно, что попечитель, вмѣсто того чтобы сдѣлать ему строгій выговоръ, обнялъ и расцѣловалъ его при всѣхъ. Тѣмъ не менѣе, спеціально изучить зоологію по лекціямъ Рулье не было никакой

Digitized by Google

возможности. Это были не лекціи зоологіи, а скорѣе—лекціи философіи естественныхъ наукъ. Въ шестидесятыхъ годахъ, медикамъ читалъ зоологію профессоръ Варнекъ. Онъ, конечно, далеко не обладалъ тѣмъ даромъ краснорѣчія, какъ Рулье, но слушатель его лекцій знакомился съ правильной системой, при помощи которой впослѣдствіи онъ могъ изучить зоологію спеціально. Разсказываютъ, какъ легенду, будто одинъ любознательный генералъ, встрѣтивъ студента во время лекціи на улицѣ, поинтересовался узнать, почему онъ устроилъ себѣ такой прогулъ.

— Да что, ваше превосходительство,—отвѣчалъ студентъ,—не стоитъ ходить на лекціи. Теперь у насъ профессоръ Варнекъ читаетъ зоологію, и представьте себѣ, въ прошедшій разъ, онъ говорилъ, что инфузорія съѣдаетъ пудъ сѣна.

— Да неужели?!.—вскричалъ его превосходительство.

— Да,—продолжалъ очень хладнокровно студентъ,—разсказываетъ такую чушь. Понятно, и не хочется слушать его лекцій.

— Однако, это дѣло надо разслѣдовать,—сказалъ любознательный генералъ и отправился прямо въ аудиторію Варнека.

— Скажите, г. профессоръ,—обратился онъ къ Варнеку,—правда ли, что вы въ прошедшей лекціи говорили, будто инфузорія съѣдаетъ пудъ сѣна?

— Это гипербола, ваше превосходительство!—отвѣчалъ, не смущаясь, Варнекъ.

— А, гипербола!—повторилъ любознательный генералъ,—ну, гипербола другое дѣло, пожалуй, что она и можетъ съѣсть пудъ сѣна.

Объ этомъ же генералѣ разсказывался и другой, конечно, уже прямо вымышленный анекдотъ, происшедшій будто бы въ зоологическомъ музеѣ. Онъ увидалъ, что одинъ изъ студентовъ занимается по отдѣлу птицъ и разсматриваетъ чучело орла.

— Это что за птица?—спросилъ генералъ студента.

— Орелъ, ваше превосходительство.

— Какой вздоръ вы мнѣ говорите,—вскричалъ съ негодованіемъ генералъ,—развѣ я не знаю, что орелъ—двуглавый?

Описательную анатомію человѣческаго тѣла читалъ профессоръ И. М. Соколовъ, очень дѣльно, но сухо и вяло. Впрочемъ, въ то время, эта наука не представляла особеннаго интереса для учащихся. Изъ лекцій той эпохи по естественнымъ наукамъ большой интересъ возбуждали въ слушателяхъ профессора Эйнбродъ и Лецковскій. Первый читалъ физіологію, второй—органическую химію. По факультетамъ юридическому, математическому и словесному, въ числѣ профессоровъ было много ученыхъ спеціалистовъ, но, повто-

Digitized by Google

ряю, всѣ они далеко не увлекали преподаваніемъ своихъ предметовъ и студенты посѣщали ихъ лекціи только по необходимости. Патологическую анатомію медикамъ читалъ бывшій ученикъ вѣнскаго профессора Рокитанскаго, А. И. Полунинъ; онъ же преподавалъ второму курсу патологическую физіологію. Профессору Полунину, въ то время, было лѣтъ сорокъ отъ роду; это былъ человѣкъ съ круглымъ брюшкомъ и большой лысиной. Патологическую анатомію онъ читалъ въ Екатерининской больницѣ. Тамъ, въ анатомическомъ театрѣ, былъ знаменитый сторожъ Иванъ Ивановичъ, къ которому почтенный профессоръ питалъ особенное уваженіе. И, надо правду сказать, Иванъ Ивановичъ вполнѣ его заслуживалъ: онъ зналъ патологическую анатомію не хуже самого профессора. Отношенія профессора къ сторожу были чрезвычайно оригинальны. Полунинъ говорилъ Ивану Ивановичу «вы», а послѣдній его «тыкалъ». Полунинъ отличался своимъ консерватизмомъ; всегда благодушный, крайне робкій, Алексѣй Ивановичъ не допускалъ ни въ чемъ никакого прогресса. Онъ оставался на теоріи *великаго Рокитанскаго* и съ упрямствомъ, истинно достойнымъ удивленія, знать не хотѣлъ Вирхова, теорія котораго уже сдѣлала тогда переворотъ въ наукѣ. Почтеннѣйшій Алексѣй Ивановичъ по этому поводу говорилъ своимъ слушателямъ: «Представьте себѣ, господа, въ Берлинѣ явился *какой-то мальчишка Вирховъ*, который силится подорвать авторитетъ *великаго Рокитанскаго*» и т. д., и т. д. Впослѣдствіи московскій профессоръ горько раскаялся въ этихъ словахъ, но было уже поздно; нѣсколько поколѣній молодыхъ врачей было воспитано имъ по теоріи «великаго» Рокитанскаго. Въ отношеніяхъ къ своей аудиторіи Алексѣй Ивановичъ отличался своимъ крайнимъ благодушіемъ, нерѣдко доходившимъ до робости. Такъ напримѣръ,—если студентъ неудачно отвѣчалъ ему о *поросенкѣ*, кормленномъ, по приказанію правительства, мареной, и Алексѣй Ивановичъ ставилъ ему неудовлетворительную отмѣтку, происходила такая умилительная сцена. Студентъ съ пафосомъ говорилъ: «Прощайте, Алексѣй Ивановичъ, больше никогда не увидимся». — Какъ-съ?—спрашивалъ робко профессоръ.

— Да такъ, иду и застрѣлюсь,—говорилъ студентъ.

— Помилуйте-съ, зачѣмъ же такъ дѣлать-съ?—говорилъ Полунинъ.—Я лучше вамъ переправлю-съ, а вы немножко поучитесь.

Если Полунинъ замѣчалъ студента съ папироской, при входѣ въ анатомическій театръ, то онъ никогда не обращался къ тому, кто курилъ, а къ его сосѣду:—Скажите-съ этому господину, что нельзя же-съ курить въ присутствіи профессора.

Протежируемый имъ Иванъ Ивановичъ былъ также крайне

Digitized by Google

оригинальный человѣкъ. Цинизмъ его доходилъ до чудовищныхъ размѣровъ. Мало того, что онъ преапетитно кушалъ на столахъ, гдѣ лежали разлагающіеся трупы и гдѣ билъ въ носъ самый невыносимый запахъ, Иванъ Ивановичъ нерѣдко въ темныя ночи отправлялся въ Лефортово, въ военный госпиталь, который отстоялъ отъ Екатерининской больницы не менѣе пяти верстъ, и переносилъ изъ госпиталя трупы на своихъ плечахъ, желая сохранить въ свою пользу полтора цѣлковыхъ, отпускаемые на перевозку. Надо знать, что въ Екатерининской больницѣ существовало правило: не вскрывать труповъ безъ согласія родныхъ. Одинъ разъ умерла дѣвушка, мозгъ которой представлялъ научный интересъ; но родные умершей не изъявили желанія на вскрытіе ея трупа. Она была положена въ гробъ и поставлена въ часовню. Полунинъ, на лекціи, выразилъ сожалѣніе, что нельзя вскрыть черепъ умершей дѣвушки, что наука теряетъ отъ этого. Иванъ Ивановичъ услыхалъ рѣчь профессора и поспѣшилъ сдѣлать ему сюрпризъ. На другой день, рядомъ съ препаратомъ, лежала и голова умершей дѣвушки, возбудившей любознательность профессора. Полунинъ съ удивленіемъ, даже съ нѣкоторымъ ужасомъ, спросилъ:

— Иванъ Ивановичъ, это что такое-съ?

— А голова дѣвки, о которой ты вчера говорилъ.

— Помилуйте, Иванъ Ивановичъ. Какъ же это возможно-съ, вѣдь родные были-съ противъ вскрытія,—замѣтилъ, совсѣмъ сконфуженный, профессоръ.

— Ничего, я ей другую голову приставилъ и крышкой прикрылъ.

Дѣлать было нечего, Алексѣй Ивановичъ распилилъ черепъ и прочелъ, дѣйствительно, очень интересную лекцію объ измѣненіи мозга вслѣдствіе болѣзненнаго процесса. Всѣ эти курьезы мало интересовали меня; мнѣ хотѣлось, дѣйствительно, серьезно поучиться, а этого именно и нельзя было сдѣлать. Бо́льшая часть времени проходила въ сходкахъ, въ чтеніи «умныхъ» книгъ и въ пропагандѣ польскихъ панычей. Прямо съ пятаго курса, я отправился въ Парижъ. Въ то время, тамъ, въ Ecole de médecine, было чему поучиться. Такія свѣтила науки, какъ Клодъ Бернаръ, Нелатонъ, Вельпо́ и другіе, привлекали массу слушателей. Но въ эту эпоху и въ университетахъ Европы происходило броженіе, также какъ и въ Россіи; далеко не всѣ студенты занимались наукой, хотя, какъ сейчасъ замѣчено, эта эпоха отличалась геніальными преподавателями по части естествознанія, математическихъ наукъ, исторіи и философіи. Причиной всего этого волненія былъ Наполеонъ III, дававшій въ то время тонъ политикѣ всей Европы. Напуганный

Digitized by Google

бомбой Орсини, онъ первый подалъ голосъ о необходимости объединенія національностей, разбилъ австрійцевъ и отдалъ Венецію Виктору-Эммануилу. Камень, брошенный Наполеономъ, произвелъ большіе круги. Нѣмцы, славяне, итальянцы,—въ особенности послѣдніе,—возстали, желая объединиться. Явился народный вождь, Джузеппе Гарибальди, уже прославившій себя въ Америкѣ и Италіи пылкой любовью къ свободѣ, патріотизмомъ, храбростью и своимъ необыкновеннымъ безкорыстіемъ. Весь образованный міръ сочувственно отозвался на патріотическій кличъ великаго итальянца. Въ Европѣ и Америкѣ стали формироваться легіоны, со всѣхъ концовъ являлось оружіе, деньги; каждый стремился помочь итальянскому патріоту—объединить его отечество. Въ то время Римъ былъ еще во власти папы-короля. Знаменитая экспедиція тысячи изъ Генуи, взятіе Палермо и Неаполя, бѣгство короля Фердинанда, секвестръ 30-ти милліоновъ лиръ золотомъ и призывъ Виктора-Эммануила въ Неаполь въ то время, когда народъ избралъ Гарибальди диктаторомъ—сдѣлали итальянскаго патріота какимъ-то легендарнымъ героемъ. Молодежь всѣхъ національностей бросилась подъ его вольныя знамена, какъ будто отъ объединенія Италіи зависѣло счастье ихъ собственнаго отечества. Большинству молодыхъ людей было уже не до науки; всѣ твердили одно имя: Гарибальди! Гарибальди! Гарибальди! Въ Парижѣ, Лондонѣ, Вѣнѣ и Константинополѣ, даже у насъ, въ Таганрогѣ и Одессѣ, не говоря уже о самой Италіи, открыто формировались легіоны и собирались деньги на великое дѣло окончательнаго объединенія итальянскаго королевства. Правительства всѣхъ государствъ Европы, а также и Америки,—за исключеніемъ Австріи и Франціи,—сочувствовали Гарибальди, стремившемуся объединить свое отечество подъ скипетромъ короля Виктора-Эммануила. Англичане и американцы въ особенности способствовали итальянскому движенію, помогая Гарибальди деньгами и оружіемъ. Сынъ извѣстнаго лорда, бывшаго англійскаго министра Г., открыто проповѣдывалъ въ Вѣнѣ необходимость присоединенія славянъ къ русскимъ, а итальянцевъ—къ Гарибальди. Молодой джентльменъ былъ пойманъ на мѣстѣ преступленія австрійской полиціей и избавился отъ цѣпей и висѣлицы только благодаря своему знатному происхожденію. Австрійцы боялись его тронуть; все дѣло ограничилось лишь тѣмъ, что юнаго пропагандиста выслали за границу Австріи, въ сопровожденіи двухъ жандармовъ. Кромѣ молодыхъ людей, старики, дѣти и женщины поступали въ легіоны Гарибальди: это была эпоха общаго увлеченія! Даже многіе католическіе священники сняли свои сутаны, надѣли красныя рубахи и на площадяхъ, вмѣстѣ съ народомъ, кричали знаменитое: «O Roma,

Digitized by Google

o morte»! Всѣ сочувствовали правому дѣлу. Итальянцы, угнетенные въ продолженіе многихъ вѣковъ, рѣшились наконецъ свергнуть ненавистное иго патеровъ и утвердить въ Римѣ столицу королевства. Варварство австрійскихъ фельдмаршаловъ, безъ суда и слѣдствія разстрѣливавшихъ въ Ломбардо-Венеціанской области стариковъ, женщинъ и дѣтей; полная невмѣняемость тупицы Франциска II, служившаго слѣпымъ орудіемъ іезуитовъ, были еще свѣжи въ памяти всѣхъ итальянцевъ. Они рѣшили докончить начатое Гарибальди дѣло, отнять у *непогрѣшимаго* эпилептика Пія IX папскую область и Римъ. Таково было состояніе итальянскаго общества въ шестидесятыхъ годахъ, издавна подготовленное карбонарами, разными тайными обществами, пропагандой Мадзини и, наконецъ, открытымъ возстаніемъ Гарибальди. Въ исторіи трудно найти что либо святѣе и безкорыстнѣе гарибальдійскаго движенія. Республиканецъ въ душѣ, боготворившій свой народъ, Джузеппе Гарибальди хорошо понималъ, что объединеніе его отечества возможно лишь при монархическомъ правленіи, и когда, по взятіи Палермо и Неаполя, онъ былъ провозглашенъ диктаторомъ и ему предложили учредить республику, Гарибальди доказалъ всю непрактичность такого плана и отдалъ завоеванное имъ королевство обѣихъ Сицилій—итальянскому королю Виктору-Эммануилу. Фактъ глубоко знаменательный, который не часто встрѣчается въ исторіи. Дѣятельность большинства жирондистовъ, монтаньяровъ и якобинцевъ, по свидѣтельству многихъ историковъ, въ томъ числѣ и Тэна, прежде всего обусловливалась чудовищнымъ честолюбіемъ, служеніемъ своему собственному мамону, подъ прикрытіемъ громкихъ фразъ о пользѣ отечества и свободѣ народа. Эти историческія свидѣтельства вполнѣ справедливы, ибо возстаніе, якобы во имя правъ человѣка, окончилось появленіемъ военнаго деспота, въ образѣ Наполеона I. Гарибальди не жертвовалъ при этомъ своими принципами: знаменитый итальянскій патріотъ былъ искренно убѣжденъ, что объединеніе его отечества возможно только при монархическомъ правленіи. Въ одной изъ своихъ бесѣдъ съ Мадзини, онъ сказалъ: «если Италія объединится около папы—да здравствуетъ папа! Я буду покорнымъ слугой его святѣйшества». Послѣ завоеванія Палермо и Неаполя, Гарибальди удалился на свою пустынную Капреру—копать гряды и сажать картофель: для него высшей наградой было сознаніе счастія его соотечественниковъ. Вотъ въ чемъ заключалась сила Гарибальди, разгадка того громаднаго вліянія и популярности, которыми онъ пользовался. Гарибальди не обѣщалъ своимъ легіонерамъ чиновъ и знаковъ отличія: онъ сулилъ имъ голодъ, холодъ, австрійскія пули и папскія висѣлицы. И, не

Digitized by Google

смотря на все это, подъ его знамена стекались люди со всѣхъ концовъ міра. Послѣ Палермо и Неаполя, пустынный островъ Капрера сдѣлался какимъ-то мѣстомъ священнаго поклоненія. Туда стремились люди всѣхъ націй, отъ простаго рабочаго до богача-лорда. Съ присоединеніемъ королевства обѣихъ Сицилій, дѣло объединенія Италіи еще не было закончено. Гарибальди не могъ успокоиться, что Римъ, древняя столица Италіи, находится въ рукахъ папы! На Капрерѣ шли дѣятельныя подготовленія къ римской экспедиціи. Патріоты, въ своемъ увлеченіи, никакъ не могли предвидѣть, что дѣло ихъ окончится *чудесами* французскихъ ружей Шаспо подъ Ментаной. Авантюристъ 2-го декабря,—впослѣдствіи герой Седана, плѣнникъ прусскаго короля,—Наполеонъ III, поддерживаемый на тронѣ клерикальной партіей — или, правильнѣе, іезуитами—очень безпокоился за судьбу Рима, догадываясь, что красную рубаху не устерегутъ итальянскіе крейсеры; въ виду всего этого, онъ постоянно бомбардировалъ грозными письмами короля Виктора-Эммануила, которому вмѣнялъ въ обязанность принять самыя энергичныя мѣры противъ гарибальдійскаго движенія и внимательно слѣдить, чтобы самъ Гарибальди не проскользнулъ съ Капреры на континентъ. Супруга императора французовъ, съ фанатизмомъ истинной испанки, называла Римъ *своимъ* городомъ и открыто увѣряла, что итальянцамъ не удастся никогда его взять. Къ величайшему горю всѣхъ патріотовъ, наполеоновское давленіе производило свое дѣйствіе. Король Викторъ-Эммануилъ уступалъ требованіямъ императора французовъ, боясь войны съ Франціей. Увы, великій Кавуръ въ то время лежалъ уже въ могилѣ и не могъ разъяснить Виктору-Эммануилу, что Франція въ 1866 — 67 году не въ силахъ была объявить войны Италіи. Наполеонъ III понемножку уже впутывался въ сѣти, разставленныя ему въ Берлинѣ. Не до войны съ Италіей было тогда императору французовъ! Но Викторъ-Эммануилъ руководствовался совѣтами отсталаго и слабоумнаго министра Ратацци, по мнѣнію котораго гарибальдійское движеніе могло повести къ разрыву съ Франціей. Итальянское правительство рѣзко отдѣлилось отъ народа и, какъ увидимъ ниже, вслѣдствіе безтактности того же министра Ратацци, поступало крайне неосновательно. Были моменты, когда пламя республиканскаго пожара могло охватить Италію изъ конца въ конецъ, и только благодаря честности, энергіи и популярности Гарибальди, монархическое правленіе въ Италіи въ то время не смѣнилось республикой.

Digitized by Google

IX.

Странное явленіе произошло въ селѣ Домнинѣ по освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. «Лѣнтяи» и «пьяницы», какими считались до сихъ поръ домнинскіе мужики, вдругъ преобразились въ трезвыхъ и трудолюбивыхъ работниковъ. И — что̀ всего удивительнѣе—домнинскіе крестьяне не вѣрили въ законность золотой грамоты съ двумя печатями, толково обсудили царскій манифестъ и миролюбиво покончили съ помѣщикомъ. Къ чести Михаила Андреевича, онъ отрѣзалъ прекрасную землю крестьянамъ и избѣгалъ всякаго рода мелочныхъ столкновеній съ ними. Трудно утверждать, что крестьяне въ душѣ были имъ довольны; они, какъ и другіе, хотѣли бы, конечно, заполучить всю землю, но были настолько благоразумны, что покорялись обстоятельствамъ, не желая производить безпорядковъ. Ольга Михайловна, по отъѣздѣ моемъ, вся погрузилась въ свои идеи и сдѣлалась чрезвычайно сосредоточенной. Она постоянно читала, продолжала посѣщать больныхъ крестьянъ и даже приняла участіе въ сельской школѣ, въ качествѣ преподавательницы. Но—странное дѣло!—барышнѣ казалось, что крестьяне, получивъ свободу, какъ-то отдаляются отъ нея, что между ними нѣтъ тѣхъ простыхъ, душевныхъ отношеній, которыя существовали прежде. Больные пользовались ея помощью, очень благодарили за вниманіе, но въ этихъ благодарностяхъ чувствовалось что-то грубо-фальшивое. Не смотря на искреннее желаніе Ольги Михайловны раздѣлять и горести, и радости крестьянъ, она никакъ не могла успѣть въ этомъ; крестьяне сторонились отъ нея; маленькія дѣти, прежде съ такимъ довѣріемъ относившіяся къ ней, теперь смотрѣли какими-то волченятами и даже нехотя принимали отъ нея сласти. Въ школѣ она замѣчала, что мальчики смотрятъ на нее прямо недружелюбно и нисколько не цѣнятъ, что̀ она, барышня, дочь помѣщика, сама занимается съ ними. «Что̀ бы это значило?—думала Ольга Михайловна,—прежде эти люди были въ крѣпостной зависимости, могли подпасть подъ всякія несправедливости и произволъ помѣщика, и они относились ко мнѣ съ довѣріемъ; теперь же, когда крестьяне стали свободными, получили отъ папаши надѣлы, и надѣлы очень хорошіе, они отшатнулись и смотрятъ на меня, какъ на своего личнаго врага. Чему же я должна вѣрить: первому или второму? Значитъ, прежде они со мной хитрили, боялись меня, а не любили. Теперь, когда сдѣлались свободными, имъ нѣтъ особенной надобности себя маскировать. Правда, когда кому нибудь что̀ понадобится, они очень бла-

Digitized by Google

годушно упрашиваютъ меня, чтобы я ходатайствовала у папаши, но потомъ, когда ихъ просьба исполняется, я не вижу и тѣни признательности съ ихъ стороны. Какъ это грустно!» — думала впечатлительная барышня. Въ Домнинѣ, сравнительно съ другими деревнями, хотя и было покойнѣе, но и здѣсь не обошлось безъ приключеній. Сельскую школу и воскресную школу для взрослыхъ правительство вскорѣ нашлось вынужденнымъ закрыть, и вотъ по какому случаю. Нѣкоторые учителя изъ молодыхъ, вновь прибывшихъ, начали критически относиться къ священной исторіи, увѣряя, что Бога нѣтъ, что въ церковь ходить не слѣдуетъ, что все это — выдумки поповъ и т. д. Такимъ образомъ, крестьянскимъ мальчикамъ священникъ говорилъ одно, а свѣтскіе учителя—другое. Въ результатѣ всего этого и произошло закрытіе школъ. Это первое разочарованіе,—столкновеніе теоріи съ дѣйствительностью, — глубоко подѣйствовало на экзальтированную Ольгу Михайловну: ея жажда быть чѣмъ нибудь полезной обществу не утолялась. Она даже лишилась удовольствія, единственнаго, которое еще у нея осталось—читать книги. Теперь она не находила ихъ столь занимательными, какъ прежде, и уже начинала сознавать, что, кромѣ теоріи, есть еще и практика, и то, что̀ по теоріи признаётся хорошимъ, никуда не годится на практикѣ. «Однако, нельзя же такъ жить»,— думала Ольга Михайловна,—«надо же приносить какую нибудь пользу», и одинъ разъ утромъ рѣшила переговорить съ отцомъ.

— Папа, я имѣю къ тебѣ просьбу,—сказала она, входя въ кабинетъ къ Михаилу Андреевичу и цѣлуя его.

— Пожалуйста, говори, моя дѣвочка, что̀ тебѣ хочется,—спрашивалъ старикъ, откладывая въ сторону книгу, которую читалъ.

— Мнѣ бы хотѣлось учить грамотѣ крестьянскихъ дѣтей,—говорила Оля,—нельзя ли похлопотать, чтобы намъ разрѣшили открыть школу?

— Ахъ ты, моя горячая головка! Тебѣ бы все хотѣлось быть чѣмъ нибудь полезной,—восторгался дочерью Михаилъ Андреевичъ, лаская ее.

— Папа, милый, голубчикъ, похлопочи,—упрашивала Оля, — мнѣ бы это доставило большое удовольствіе.

— Хорошо, хорошо, душечка: сегодня же напишу губернатору.

— Какой ты милый, папочка, — говорила Ольга Михайловна, обнимая отца.

— Я исполню твою просьбу, Оля, — продолжалъ Михаилъ Андреевичъ,—но, не скрою отъ тебя, меня одно безпокоитъ: будутъ ли у тебя ученики въ твоей школѣ?

— Дорогой папочка, да развѣ въ этомъ можно сомнѣваться? Вѣдь школа будетъ безплатная.

Digitized by Google

— Все это такъ, Оля, но ты сама знаешь, что въ послѣднее время въ нашей сельской школѣ число учениковъ съ каждымъ днемъ убавлялось. Еслибы правительство не закрыло школы, я думаю, она прекратила бы свое существованіе за отсутствіемъ желающихъ посѣщать ее.

— Нѣтъ, я объ этомъ не безпокоюсь,—отвѣчала Оля,—ученики будутъ.

— Дай Богъ! Но съ обнародованіемъ воли, въ нашихъ мужикахъ произошла большая перемѣна: они съ какимъ-то лихорадочнымъ рвеніемъ бросились работать. Посмотри на улицу, теперь ты не увидишь ни одного подростка; каждый изъ нихъ занятъ какимъ нибудь дѣломъ.

— Тѣмъ лучше, папочка, значитъ они сбросили лѣнь и апатію, и взялись за умъ. Это еще болѣе даетъ мнѣ надежду, что у меня будутъ ученики.

— Непремѣнно сегодня же напишу губернатору.

Вскорѣ школа была разрѣшена на имя Саршина, подъ его личной отвѣтственностью. Пригласили мѣстнаго священника преподавать законъ божій и двое учителей пріѣхало изъ губернскаго города. Нѣкоторые предметы преподаванія Ольга Михайловна взяла на себя; изъ старой школы принесли книги, атласы, глобусъ, доску и проч. Отслужили молебенъ; волостной старшина и староста на сходкѣ объявили міру, что помѣщикъ Михаилъ Андреевичъ открылъ, на свой собственный счетъ, школу, и приглашаетъ крестьянъ посылать ихъ мальчиковъ учиться безплатно. Прошелъ день, другой, недѣля—въ школу явились только два мальчика: сыновья полѣсовщика и церковнаго сторожа. Преподавателей оказалось болѣе, чѣмъ учениковъ. Пророчество старика Саршина оправдалось. Ольга Михайловна была въ отчаяніи и рѣшилась сама объясниться съ крестьянами. Сначала она отправилась къ зажиточному мужику, у котораго было трое мальчиковъ-подростковъ. День былъ праздничный; вся семья только что возвратилась изъ церкви и собиралась обѣдать. Старикъ Кузьминъ, увидавъ подходившую къ его избѣ дочь помѣщика, вышелъ ее встрѣтить.

— Ты, знать, къ намъ, Ольга Михайловна?—спросилъ крестьянинъ, привѣтствуя гостью.

— Къ вамъ, Иванъ Акинфіевичъ. Пришла васъ провѣдать,— отвѣчала, улыбаясь, барышня.

— Дѣло хорошее, милости просимъ,— заторопился старикъ, — вотъ сюда, въ чистую избу. Мы для твоей милости и самоварчикъ подогрѣть велимъ.

— Нѣтъ, Иванъ Акинфіевичъ, не трудись, я уже пила чай,—

Digitized by Google

говорила Ольга Михайловна, усаживаясь къ столу, на лавку,—мнѣ съ тобой поговорить надо; присядь на минуточку.

— Ладно, ладно, моя красавица! Приказывай, буду тебя слушать,—отвѣчалъ крестьянинъ, также усаживаясь на лавку.

— Ты знаешь, я вѣдь школу открыла,—начала Ольга Михайловна,—пригласила батюшку преподавать законъ божій, изъ города выписала двухъ учителей и сама, по старой памяти, думаю учить мальчиковъ.

— Какъ не знать, знаю! Наши старшина и староста тогда же оповѣстили, когда было молебствіе въ школѣ,—отвѣчалъ Кузьминъ, разглаживая бороду и глядя въ потолокъ.

— Что же ты, Иванъ Акинфьевичъ, своихъ мальчиковъ-то не посылаешь въ школу учиться? Вѣдь я съ тебя за это денегъ не возьму,—сказала барышня.

— Да какъ тебѣ доложить, Ольга Михайловна?—отвѣчалъ въ какомъ-то раздумьѣ старикъ:—первымъ дѣломъ, ребятишки мои почитай всѣ заняты по хозяйству, не хотѣлось бы время попусту тратить. Опять же, по душѣ тебѣ откроюсь, не вижу я проку въ этой самой вашей грамотѣ: хлѣбомъ она не накормитъ, а выучитъ только баловству да лодырничеству; вотъ кабы какому нибудь *рукомеслу* выучили, ну, тогда бы и разсчетъ другой...

— Что ты, Иванъ Акинфіевичъ? да развѣ это можно, чтобы грамота баловству научила? Отъ нея человѣкъ становится умнѣе; ты, чай, знаешь пословицу: «ученье свѣтъ, а неученье — тьма». Ремесло—хорошая вещь, спору нѣтъ, но прежде всего надо выучиться грамотѣ.

— Такъ-то оно такъ, моя раскрасавица,—отвѣчалъ старикъ, продолжая разглаживать бороду и глядѣть въ потолокъ.—Можетъ, все это и правда, но мы отъ школы-то пока пользы не видали. Ты сама знаешь, у насъ она была въ селѣ и что же? кромѣ баловства и безобразія, ничего не вышло. Пришли какіе-то кудлатые семинаристы, стали учить мальчиковъ не ходить въ церковь, да попа не слушаться. Въ этомъ вся ихъ и наука была. А какой же, примѣрно, онъ мужичокъ будетъ, если не станетъ ходить въ церковь?—развѣ это по христіански? Опять же возможно ли своего духовнаго отца не уважать? Нѣтъ, Ольга Михайловна, я своихъ ребятишекъ къ тебѣ въ школу посылать не буду, только одно баловство да потеря времени; пусть лучше дома по маленьку привыкаютъ къ работѣ.

— Увѣряю тебя, Иванъ Акинфьевичъ,—живо возразила Ольга Михайловна,—того, что прежде было, теперь уже не можетъ быть. Школу разрѣшили на имя отца, онъ не допуститъ,—какъ ты вы-

Digitized by Google

ражаешься,—ни до какого баловства. У насъ будутъ заниматься только науками. Я пригласила здѣшняго батюшку преподавать законъ божій, выписала учителей изъ города, очень скромныхъ, знающихъ свое дѣло: они пустяками заниматься неспособны.

— Вѣрю, барышня, — сказалъ старикъ, — но я, по своему крестьянскому разуму, не вижу никакой пользы въ грамотѣ. Мнѣ дома работники нужны, а не грамотники. Вотъ по сосѣдству, въ Галкинѣ, есть грамотные ребята,—да какая отъ нихъ польза? Одинъ соблазнъ! Сбиваютъ съ толку мужиковъ писать въ суды ябеды, цѣлый день въ кабакѣ, да въ кабакѣ поютъ, безобразничаютъ, а отъ своего дѣла совсѣмъ отбились. Землю свою запустили, только и норовятъ, какъ бы кого науськать въ судъ жалобу на сосѣда подать. Нѣтъ, Богъ съ нею, съ этой грамотой, — рѣшилъ Кузьминъ,—проживемъ и безъ нея.

Переговоры Ольги Михайловны съ другими крестьянами были еще болѣе неудачны. Нѣкоторые изъ нихъ, видя такое горячее желаніе со стороны барышни залучить въ свою школу учениковъ, дошли да такой наивности, что поставили условіемъ: одѣть ихъ дѣтей, справить имъ кафтанишки, сапожонки и проч. А другіе пошли еще дальше: кромѣ кафтанишекъ и сапожонокъ, потребовали еще выдачи мѣсячной порціи на ихъ дѣтей, т. е. извѣстнаго количества муки и крупы. Экзальтированная барышня была въ отчаяніи и совсѣмъ опустила руки. Горячо любящій ее отецъ принималъ очень близко къ сердцу горе дочери и всѣми силами старался ее утѣшить. Школа, разумѣется, продолжала пустовать. Пріѣхавшіе изъ губернскаго города учителя, проживъ безъ дѣла цѣлый мѣсяцъ и получивъ жалованье, уѣхали въ городъ обратно. Такимъ образомъ, на этотъ разъ, силою обстоятельствъ, школа не пошла.

— Папа, милый, — говорила одинъ разъ Оля отцу, — какъ я разочаровалась въ нашихъ крестьянахъ! Я была убѣждена, что съ обнародованіемъ манифеста они пробудятся къ жизни—и ошиблась.

— Нисколько, крестьяне дѣйствительно пробудились къ жизни. Они стали энергичнѣе работать, пропала ихъ лѣнь и апатія, но они не видятъ пользы въ грамотности,—въ этомъ уже вина не ихъ, а наша, т. е. всего образованнаго сословія. Еслибы мы съумѣли доказать на дѣлѣ крестьянамъ пользу грамотности, увѣряю тебя, они бы учились, но такъ какъ мы этого не сдѣлали:— грамотность крестьянина не кормитъ, а только поитъ водкой, отвлекаетъ отъ дѣла,—по мнѣнію Кузьмина—то, весьма естественно, они и не признаютъ пользы грамотности. Но ты, моя дорогая дѣвочка,

Digitized by Google

не отчаивайся, — продолжалъ Саршинъ.—Это—только переходная эпоха. Придетъ время, когда крестьяне поймутъ пользу грамотности и сами запросятъ ее.

— Да; жди этого времени, — отвѣчала Оля,—а теперь пока мнѣ дѣлать нечего: всѣ мои мечты рушились. Знаешь, папа, я хочу просить тебя отпустить меня въ Цюрихъ.

— Зачѣмъ?—съ удивленіемъ спросилъ Саршинъ.

— Я хочу слушать медицинскіе курсы.

— И, думаешь, тебѣ это удастся?

— Надѣюсь. По крайней мѣрѣ, я имѣю сильное желаніе учиться; надо же мнѣ что нибудь дѣлать, неужели и я должна заниматься ловлей жениховъ, выйти замужъ, сдѣлаться мирной помѣщицей и не распространять свою дѣятельность далѣе извѣстнаго количества десятинъ земли, которыя ты дашь за мной въ приданое? Мнѣ бы этого не хотѣлось.

— Оля,—отвѣчалъ серьезно отецъ,—я не противъ того, чтобы ты изучала медицину, но повторяю:—способна ли ты сдѣлаться медикомъ, вынесутъ ли твои нервы всѣ ужасы хирургическихъ операцій, анатомическихъ упражненій, больничныхъ міазмовъ и проч.—словомъ сказать,—всего того, съ чѣмъ неизбѣжно сопряжена профессія врача? Взгляни-ка на себя:—вѣдь ты нервная, впечатлительная, сложенія самаго нѣжнаго. Какой изъ тебя выдетъ врачъ? Предоставь это крѣпкимъ, здоровымъ барышнямъ.

— Но, милый папочка, неужели же я должна сидѣть, сложа руки, потому что моя талія тоньше другихъ и мои мускулы не такъ крѣпки? Это очень грустно.

— Моя милая дѣвочка,—какъ отецъ, я тебѣ разрѣшаю заняться изученіемъ медицинскихъ наукъ; но, какъ другъ, совѣтую серьезно обсудить этотъ шагъ. Я знаю тебя. Если ты отдаешься какому нибудь дѣлу, ты уже отдаешься ему вполнѣ—вся, съ энергіей, не жалѣя своихъ силъ. Именно это меня и безпокоитъ. Черезчуръ усидчивыя занятія по медицинѣ могутъ дурно повліять на твое слабое здоровье.

— Нѣтъ, папочка, позволь мнѣ; я хочу попробовать. Если я здѣсь останусь, будетъ хуже. Я совсѣмъ завяну.

— Олечка, милая, дѣлай, какъ знаешь. Господь съ тобой, поѣзжай,—сказалъ отецъ, нѣжно обнимая дочь.

Наталія Яковлевна Саршина также не воспротивилась желанію Оли, хотя и очень грустила, снаряжая ее въ дальній путь. Ольга Михайловна со мной почти прекратила всѣ отношенія. Когда я пріѣзжалъ на вакаціи, она рѣдко со мной видѣлась. Я рѣшилъ, что барышня мной играла, и въ свою очередь сталъ избѣгать встрѣчи

Digitized by Google

съ ней, пріѣзжая въ Домнино весьма рѣдко и всегда вмѣстѣ съ отцомъ.

X.

Я также увлекся гарибальдійскимъ движеніемъ, бросилъ науку и, въ сообществѣ нѣсколькихъ студентовъ разныхъ національностей, отправился изъ Парижа въ Неаполь. Но прежде чѣмъ говорить о моихъ похожденіяхъ, необходимо, хотя въ короткихъ словахъ, напомнить читателю о дѣятельности того, кто въ эту эпоху увлекалъ почти всю молодежь Европы и Америки. Въ 1855 году Гарибальди рѣшилъ избрать себѣ постоянное мѣсто жительства; для этой цѣли, онъ пріобрѣлъ клочокъ земли на маленькомъ островѣ Капрера. Получивъ отъ умершаго брата наслѣдство въ нѣсколько десятковъ тысячъ лиръ и присоединивъ къ нимъ свои маленькія сбереженія, Гарибальди началъ устраивать свое новое хозяйство. Островъ Капрера лежитъ на Средиземномъ морѣ, около о-ва Магдалины, и отъ Сардиніи отдѣляется маленькимъ проливомъ, называемымъ Arsacheno. Гора Seggelone, въ триста метровъ вышины, возвышается надъ уровнемъ моря, отъ сѣвера къ западу, получая свое начало отъ Понто-Галеры и такъ называемой Понто-Россы, которая образуетъ на югъ изгибы залива Arsacheno, простираясь на три километра въ ширину. Вся мѣстность не отличается богатой растительностью, но климатъ тамъ хорошій, вода чистая, свѣжая. Не рѣдко, однако, на островѣ дуютъ сильные вѣтры. Въ 1855 году, Капрера принадлежала двумъ владѣльцамъ: Демано-Сардо и англичанамъ Коллинзъ, жившимъ на Магдалинѣ; они пріобрѣли отъ Демано-Сардо землю на Капрерѣ только для охоты. Единственными обитателями острова въ то время были два семейства пастуховъ, жившихъ въ небольшой хижинѣ; незначительное количество козъ и свиней блуждали между скалъ; иногда встрѣчались курапатки, бекасы, эмигрирующіе изъ сосѣдней Сардиніи; нѣсколько паръ дикихъ козъ—вотъ и всѣ живыя существа Капреры. Вообще флора и фауна здѣсь крайне бѣдны, но зато—глубокое море кругомъ, невозмутимое спокойствіе и полная свобода. Послѣдняя, главнымъ образомъ, и привлекала итальянскаго патріота поселиться на дикомъ островѣ. Онъ началъ заниматься сельскимъ хозяйствомъ и строить себѣ домъ. На островъ были приглашены каменщики, столяры и плотники; всѣ помѣщались по военному въ палаткахъ и шалашахъ. Островъ Капрера не замедлилъ получить міровую славу. Либералы всѣхъ націй, сочувствующіе великимъ идеямъ Гарибальди, стекались къ нему со всѣхъ сторонъ. Шпіоны австрійскіе,

Digitized by Google

неаполитанскіе, папскіе и впослѣдствіи французскіе, были лишены возможности слѣдить за революціоннымъ движеніемъ, ибо Гарибальди, посовѣщавшись на о-вѣ Капрерѣ со своими сообщниками, пріѣзжалъ въ тѣ мѣста Италіи, гдѣ его совсѣмъ не ожидали, и такъ таинственно и скрытно, что крейсеры и шпіоны узнавали объ этомъ лишь впослѣдствіи. Въ 1867 году, когда была рѣшена экспедиція на Римъ, крейсеры окружили маленькій островъ, какъ кольцомъ, но не могли все таки укараулить Гарибальди: на небольшой рыбацкой лодочкѣ онъ ушелъ не замѣченный соглядатаями. Впрочемъ, судьба видимо покровительствовала этому легендарному герою. Экспедиція *тысячи* какъ нельзя лучше это доказываетъ. Послѣ виллафранкскаго міра, полицейскія строгости и наблюденія за гарибальдійскимъ движеніемъ въ Италіи значительно увеличились. «Маленькій» Наполеонъ (le Petit, по характеристикѣ Виктора Гюго) помогалъ итальянцамъ, какъ извѣстно, далеко не безкорыстно и слышать не хотѣлъ объ окончательномъ объединеніи Италіи; его проэктъ конференціи подъ предсѣдательствомъ святѣйшаго отца,—при участіи неаполитанскаго короля, тосканскаго герцога и герцогини пармской, — потерпѣвшій такое колоссальное фіаско, убѣдилъ императора французовъ, что итальянцы вовсе не желаютъ ограничиваться освобожденіемъ ихъ отъ австрійскаго ига, но имѣютъ намѣреніе присоединить къ Италіи королевство обѣихъ Сицилій и папскую область. Именно этого-то и не желалъ Наполеонъ III, ибо неаполитанскій король и папа составляли одно нераздѣльное цѣлое. Неаполь былъ главнымъ іезуитскимъ центромъ. Императоръ французовъ, будучи полнымъ атеистомъ въ душѣ, по необходимости держался клерикальной партіи, поддерживавшей его въ парламентѣ и среди земледѣльческаго класса Франціи. Отсюда является понятнымъ, почему послѣ виллафранкскаго міра французскіе шпіоны были разсѣяны по всей Италіи и о каждомъ гарибальдійскомъ движеніи сообщалось въ Парижъ, откуда летѣли грозныя ноты королю Виктору-Эммануилу — сократить Гарибальди, довольствоваться тѣмъ, что̀ дано, и не смѣть желать бо̀льшаго. Коронованная испанка, графиня Монтихо, возмущенная *неблагодарностью* итальянцевъ, официально объявила, что Рима имъ *никогда* не взять. Генуя—одинъ изъ населенныхъ городовъ Италіи, притомъ же приморскій городъ,—и вотъ шпіоны всѣхъ націй сосредоточили свое вниманіе на этомъ важномъ пунктѣ, откуда можно попасть въ Палермо, въ Неаполь и на Капреру. Но, не смотря на неусыпное наблюденіе покорныхъ слугъ неаполитанскаго короля и французскаго императора, Гарибальди со своей тысячью отплылъ изъ Генуи въ Сицилію и никто не воспрепятствовалъ черезчуръ смѣлому движе-

Digitized by Google

нію героя-патріота. Взятіе Палермо и Неаполя, бѣгство короля Фердинанда, секвестръ государственной казны, отказъ Гарибальди принять постъ диктатора и призывъ итальянскаго короля Виктора-Эммануила въ Неаполь,—факты слишкомъ всѣмъ извѣстные, чтобы подробно говорить о нихъ. Слѣдуетъ замѣтить лишь одно, что въ Сициліи было пятьдесятъ тысячъ войска въ то время, когда явился туда со своею *тысячью* Джузеппе Гарибальди. Не убавляя нисколько заслугъ героя, справедливость требуетъ сказать, что почва въ Сициліи и Неаполѣ была уже достаточно подготовлена,—въ особенности объ этомъ позаботились Мадзини и Криспи (нынѣшній первый министръ). Тѣмъ не менѣе, Гарибальди и его легіонеры показали себя истинными героями. Они высадились въ Марсалѣ, на глазахъ неаполитанскаго военнаго крейсера, ровно въ часъ, 11-го мая 1860 года. Въ легіонеровъ, высадившихся на берегъ, открыли пальбу съ парохода, но снаряды, не причинивъ вреда гарибальдійцамъ, всѣ перелетѣли выше ихъ головъ. Этотъ фактъ многіе относили къ неискусству неаполитанцевъ въ военной стрѣльбѣ, но, кажется, несовсѣмъ вѣрно. На неаполитанскомъ крейсерѣ были опытные моряки и хорошіе артиллеристы; правильно навести орудія на толпу людей совсѣмъ не трудно; скорѣе всего неаполитанцы въ душѣ сочувствовали Гарибальди и не хотѣли убивать своихъ братьевъ,—такихъ же итальянцевъ, какъ и они сами. Лишь только Гарибальди высадился, онъ разослалъ повсюду прокламаціи слѣдующаго содержанія: «Сицильянцы! Я услыхалъ вашъ героическій крикъ и привелъ къ вамъ горсть храбрецовъ, оставшихся въ живыхъ послѣ ломбардской войны. У насъ одна цѣль—освободить васъ отъ тирановъ. Соединитесь въ нами. Итакъ, къ оружію! Кто не подыметъ оружія, тотъ будетъ измѣнникъ отечества! Недостачей оружія отговариваться нельзя; вооружайтесь каждый, кто чѣмъ можетъ; у насъ есть ружья; мы будемъ съ вами дѣлиться. Муниципалитеты должны озаботиться о старикахъ и дѣтяхъ. Къ оружію всѣ! Пусть Сицилія еще разъ покажетъ, какъ она избавляется отъ притѣснителей, великой волей соединеннаго народа! І. Гарибальди».

Этотъ манифестъ, разосланный повсюду, произвелъ желаемый эффектъ. Марсала хоть и послужила къ высадкѣ гарибальдійцевъ, но долго оставаться въ ней было опасно; ежеминутно можно было ждать нападенія съ моря и съ суши. Притомъ же Гарибальди имѣлъ въ виду, главнымъ образомъ, Палермо, гдѣ революція должна была прійти на помощь гарибальдійцамъ. На основаніи всѣхъ этихъ соображеній, Гарибальди, на другой день, 12 мая, выступилъ изъ Марсалы, взявъ направленіе черезъ Селини и Алькамо на Монреале. Между тѣмъ, въ Италіи, высадка гарибальдійцевъ въ Сициліи взвол-

Digitized by Google

новала всѣ партіи. Членъ «общества итальянской національности» (societa nazionale italiana) Фарина написалъ статью подъ заглавіемъ: «Правительство и мы» («Il governo e noi»). Этой деклараціи также суждено было занять видную страницу въ исторіи объединенія Италіи. «Мы очень преданы савойскому дому и нашему благородному королю»,—говоритъ Фарина,—«мы сторонники либеральной политики Ломбардіи, Эмиліи, Тосканы; мы цѣнимъ достоинство государственнаго мужа, предсѣдательствующаго въ совѣтѣ; но вмѣстѣ съ тѣмъ мы рѣшили сохранять абсолютную независимость нашихъ идей и дѣйствій въ границахъ статута и закона. Въ виду совершившихся фактовъ въ Сициліи, мы понимаемъ положеніе правительства относительно дипломатіи, и вовсе не желаемъ, чтобы оно дѣлало то, чего не можетъ дѣлать, не компрометируя себя и національнаго дѣла; но мы имѣемъ право и даже обязаны просить правительство не стѣснять насъ; мы не требуемъ отъ него ни ружей, ни патроновъ, ни пороха, но чрезъ свободную прессу мы хотимъ поддерживать солидарность со всѣми гражданами, сочувствующими свободѣ и независимости Италіи. Мы хотимъ союза съ нашими братьями,—и врагамъ отечества, открыто собирающимъ деньги и войско для торжества деспотизма, мы будемъ противиться всѣми зависящими отъ насъ средствами, сражаясь за свободу, умирая съ крикомъ: «Италія и Викторъ-Эммануилъ»! Неаполитанское и австрійское правительства посылаютъ солдатъ и ружья въ Анкону; дипломатія, не препятствующая этимъ дѣйствіямъ нашихъ притѣснителей, не имѣетъ права претендовать на то, что частные граждане-патріоты, а не піемонтское правительство, отправляютъ оружіе въ Сицилію. Угроза генерала Ламорисьера и сосредоточеніе неаполитанскихъ войскъ на границѣ Абруццы равносильно объявленію войны. Пусть король прямо и открыто скажетъ всей Европѣ, съ чьей стороны вызовъ, и мы, слушая это честное, прямое заявленіе, съ восторгомъ будемъ аплодировать ему, но если правительство будетъ препятствовать патріотическому движенію народа, мы скажемъ, что оно черезчуръ ненаціонально и совершаетъ великую неосторожность. Слѣдуетъ различать дѣйствія правительства и гражданъ: обязанность перваго заключается въ охраненіи законовъ страны, но не въ томъ, чтобы охранять интересы враговъ нашего отечества, составляющихъ заговоры, сражающихся противъ Италіи. Такіе великодушные поступки правительства могли бы назваться не только слабостью, но даже преступленіемъ. Чего мы просимъ у правительства? Не мѣшать гражданамъ-патріотамъ дѣйствовать для освобожденія угнетенной Италіи. *Лентъ св. Петра*, служащей для поддержки самаго страшнаго деспотизма, для того чтобы держать

Digitized by Google

въ рабствѣ нашихъ братій,—мы противопоставили *ленту Италіи;* на угрожающій крикъ генерала Ламорисьера, мы отвѣтили крикомъ всей націи: «Гарибальди»!

Возстаніе въ Сициліи доказало какъ нельзя лучше желаніе всей націи объединить Италію; между тѣмъ какъ во Флоренціи раздавались крики: «да здравствуетъ объединенная Италія, да здравствуетъ Викторъ-Эммануилъ»!—въ Палермо кричали то же самое. При извѣстіи о возстаніи въ Сициліи, вся Италія встала на ноги; въ Генуѣ, Туринѣ, Миланѣ, Флоренціи, Ливорно, Болоньѣ, Равеннѣ и другихъ городахъ, граждане, способные носить оружіе, бросились на суда, отходящія въ Палермо и Неаполь, записывались въ легіоны и становились въ ряды борцовъ, возставшихъ за свободу отечества; множество строевыхъ офицеровъ вышли въ отставку и отправились къ Гарибальди. Удерживать такое движеніе всей націи было бы страшнымъ преступленіемъ, братоубійствомъ. Однако, итальянское правительство всѣми законными и незаконными мѣрами, послѣ завоеванія королевства обѣихъ Сицилій, тормозило гарибальдійское движеніе, какъ только возможно; пуля итальянскаго карабинера, подъ Аспромонте, ранила въ ногу великаго героя-патріота; правительство же допустило французскихъ солдатъ проливать благородную кровь итальянскихъ патріотовъ подъ Ментаной. Разсматривая всѣ эти событія, безпристрастный историкъ долженъ прійти къ убѣжденію въ неискренности итальянскаго правительства, упорно преслѣдовавшаго цѣль,—убить народную иниціативу, представителемъ которой былъ Гарибальди, и отдалить окончательное объединеніе Италіи еще на многіе годы.

Послѣ сицилійскихъ и неаполитанскихъ дѣлъ, Гарибальди, возвращаясь на Капреру, былъ пріятно изумленъ, увидѣвъ около своего убогаго домика, выстроеннаго имъ почти своими руками, новый, очень помѣстительный домъ. Существовало мнѣніе (кажется, и до сихъ поръ оно держится), что король Викторъ-Эммануилъ, въ отсутствіе Гарибальди, приказалъ выстроить на Капрерѣ новый домъ для героя и прислалъ ему двухъ арабскихъ лошадей. Это не правда. Гарибальди привезъ съ собой двухъ своихъ боевыхъ лошадей и, пуская ихъ гулять, сказалъ: «онѣ также имѣютъ право на свободу» [1]). Что же касается до новаго дома,—его выстроилъ землякъ Гарибальди, Дезидери, со своими друзьями, которые съ особеннымъ удовольствіемъ приняли участіе въ подпискѣ на устройство сюрприза народному кумиру. Гарибальди былъ глубоко тронутъ вниманіемъ друзей, но ему жаль было разстаться со своимъ скромнымъ

[1]) «Anche essi hanno il diritto a quella libertà che io stesso ero impaziente di ottenere qui». Подлинныя слова Гарибальди.

Digitized by Google

домикомъ, въ постройкѣ котораго онъ принималъ такое живое участіе, и онъ продолжалъ спать въ своей маленькой комнаткѣ. Послѣ знаменитыхъ побѣдъ, народныхъ овацій, военныхъ тріумфовъ, Гарибальди, на своей пустынной Капрерѣ, работалъ съ заступомъ въ рукахъ, сажалъ молодыя деревья, разбивалъ гряды, устраивалъ виноградныя плантаціи, а иногда, съ ружьемъ въ рукахъ, бродилъ по острову, охотясь на куропатокъ и бекасовъ. Вставалъ онъ всегда въ пятомъ часу утра и тотчасъ же принимался за работу. Гостей пріѣзжало къ Гарибальди множество, со всѣхъ концовъ міра; писемъ получалось также огромное количество, и всѣ журналы Европы и Америки. Называли Капреру «Меккой европейской демократіи». Но въ гостяхъ у Гарибальди были и не одни демократы: лорды, виконты, маркизы, графы и князья также посѣщали *героя тысячи* и онъ всѣхъ принималъ одинаково любезно и гостепріимно, потчуя чѣмъ Богъ послалъ. Его другъ Вассо исполнялъ при немъ должность секретаря, прочитывая письма, которыхъ на Капреру,—какъ мы сказали,—присылалось великое множество со всѣхъ концовъ свѣта. Гарибальди оставался всегда поэтомъ и мечтателемъ. Любя свою дорогую Италію больше всего на свѣтѣ, онъ воображалъ, что эта страна можетъ выполнить великую миссію освобожденія угнетенныхъ народовъ. Для этой цѣли онъ желалъ соединенія всѣхъ итальянскихъ комитетовъ въ одно общество, задача котораго должна была состоять въ вооруженіи милліона гражданъ; по этому поводу онъ писалъ Беллаци: «Я желаю, чтобы всѣ итальянскіе комитеты соединились вмѣстѣ. Такимъ образомъ, Викторъ-Эммануилъ съ милліономъ итальянцевъ, ему преданныхъ, нынѣшней весной потребуетъ для Италіи то, чего ей недостаетъ»!

Въ 1861 году, 28-го апрѣля, Гарибальди первый разъ посѣтилъ палату депутатовъ. Онъ былъ не въ военной формѣ, а, по своему обыкновенію, въ красной рубашкѣ и испанскомъ плащѣ; его сопровождали профессоръ Зунетти и литераторъ Макки. При появленіи Гарибальди, въ залѣ парламента раздались единогласные аплодисменты; когда водворилась тишина, начались рѣчи. Первымъ говорилъ баронъ Риказоли; онъ дѣлалъ запросъ правительству, почему уволены офицеры гарибальдійскаго легіона? Военный министръ Фанти отвѣчалъ, что въ мирное время для государства черезчуръ обременительно держать на службѣ *лишнихъ* офицеровъ. Затѣмъ на трибуну взошелъ Гарибальди. Поблагодаривъ барона Риказоли за поднятый имъ вопросъ, ораторъ выразилъ удивленіе, что правительству угодно отдѣлять офицеровъ легіона отъ всей арміи, что подобный дуализмъ можетъ повести къ печальнымъ послѣдствіямъ. Горячась все болѣе и болѣе, Гарибальди наконецъ по-

Digitized by Google

слалъ, по адресу правительства, обвиненіе въ возбужденіи гражданской войны. Поднялся страшный шумъ. Кавуръ всталъ съ мѣста и громко закричалъ: «Это оскорбленіе! Господинъ президентъ, заставьте уважать правительство и представителей націи!» Вообще засѣданіе было крайне шумное. И хотя потомъ, послѣ небольшаго перерыва, депутаты, благодаря внушительной рѣчи Бичіо, и успокоились, но Гарибальди вынесъ тяжелое впечатлѣніе. Ему стало ясно, что правительство черезчуръ рано хочетъ забыть геройскіе подвиги его товарищей-легіонеровъ. Какъ бы въ подтвержденіе этого, онъ вскорѣ получилъ грубое письмо отъ генераль Чіальдини; вотъ содержаніе этого жалкаго письма, которое доказало всему свѣту пошлую зависть будущаго итальянскаго посланника. «Вы не тотъ человѣкъ, котораго я себѣ представлялъ, и не тотъ Гарибальди, котораго я любилъ. Вы осмѣливаетесь ставить себя наравнѣ съ королемъ и хотите быть выше всей страны, трактуя о государственныхъ дѣлахъ черезчуръ фамильярно. Какъ я разочаровался въ васъ! Вы, дѣйствительно, совершали большія дѣла; но честь избавленія южной Италіи не однимъ вамъ принадлежитъ. Вы были въ Волтурно въ самомъ жалкомъ положеніи, когда мы пришли туда. Катра, Гаэта, Мессина, Чевителла взяты не вами; мы разбили пятьдесятъ шесть тысячъ бурбонскихъ войскъ, а не вы. Такимъ образомъ, совсѣмъ не вѣрно, что королевство обѣихъ Сицилій завоевано вами. Вы приказали встрѣтить пьемонтцевъ ружейнымъ залпомъ; слѣдовательно, вы—настоящій возбудитель гражданской войны. Я, какъ ненавистникъ всякой тираніи, красной и черной, съумѣю уничтожить и вашу!» Письмо это было напечатано въ газетахъ и произвело крайне непріятное впечатлѣніе не только на всѣхъ благомыслящихъ гражданъ, но и на самого короля Виктора-Эммануила. Подобное наглое искаженіе фактовъ возмутило всѣхъ честныхъ патріотовъ. Чіальдини забылъ одно самое важное обстоятельство, извѣстное каждому итальянцу. Когда пришли правительственныя войска, то бурбоны были уже настолько ослаблены и разбиты гарибальдійцами, что *храброму* генералу оставалось лишь брать ихъ въ плѣнъ цѣлыми массами. Многіе говорили въ защиту Чіальдини, что знаменитое письмо писалъ онъ подъ диктовку враговъ и завистниковъ, которыхъ у великаго Гарибальди въ правительственныхъ кружкахъ было множество. Гарибальди отвѣчалъ Чіальдини со свойственнымъ ему достоинствомъ: «Я также былъ вашимъ другомъ, генералъ»,—писалъ Гарибальди, — «теперь буду тѣмъ, чѣмъ вы желаете. Я не хочу оправдываться передъ вами въ той клеветѣ, которую вы взводите на меня, какъ на солдата и итальянскаго гражданина. Но не могу оставить безъ вниманія нѣ-

Digitized by Google

которые факты. Вы говорите, что я отдалъ приказаніе встрѣтить пьемонтцевъ выстрѣлами. Это для меня ново. Всѣ мои товарищи, безъ исключенія, могутъ подтвердить, что я просилъ волонтеровъ принять итальянскія войска дружески, по братски, и это я сдѣлалъ, не смотря на то, что Фарини объявилъ Наполеону III, что итальянскія войска посланы сражаться съ Гарибальди, возбудившимъ революцію. Мои рѣчи въ парламентѣ, какъ депутата, имѣли вполнѣ законное основаніе: я защищалъ права товарищей. Затѣмъ мы были уже въ Волтурно, послѣ ряда побѣдъ, одержанныхъ нами прежде вашего прибытія; значитъ мы ни въ какомъ случаѣ не могли быть въ жалкомъ положеніи. Если мои слова въ парламентѣ оскорбили кого нибудь изъ депутатовъ,—я къ услугамъ каждаго, кто пожелаетъ потребовать отъ меня удовлетворенія. *Д. Гарибальди*».

Это письмо также было опубликовано въ журналахъ. Болѣе всѣхъ приняли къ сердцу обиду, нанесенную Гарибальди, король, Фабрицци и Депретисъ. Виктору-Эммануилу была крайне непріятна эта ссора двухъ генераловъ. Чіальдини въ правительственномъ кругу пользовался нѣкоторымъ авторитетомъ, а Гарибальди былъ народнымъ кумиромъ, оскорбленіе котораго представляло нѣкоторую опасность. Король пригласилъ обоихъ генераловъ къ себѣ на обѣдъ и принудилъ ихъ помириться. Чіальдини и Гарибальди поцѣловались въ присутствіи его величества. Было ли это примиреніе искреннимъ, или нѣтъ,—вопросъ сторонній, но форма была соблюдена и Викторъ-Эммануилъ успокоился. Вскорѣ Гарибальди вернулся на Капреру; тамъ онъ узналъ о смерти Кавура. Шестое іюля было роковымъ для Италіи: не стало итальянскаго патріота графа Кавура; страна лишилась великаго дипломата; свобода—одного изъ самыхъ преданныхъ друзей; савойская династія—вѣрнаго и горячаго слуги; Гарибальди—пламеннаго и искренняго союзника, не смотря на свою стычку съ нимъ въ парламентѣ. Кавуръ понималъ Гарибальди (котораго называлъ «своимъ генераломъ») и высоко цѣнилъ его. Еслибы жилъ этотъ геніальный дипломатъ, не было бы ни Аспромонте, ни Ментаны. Многіе современники Гарибальди не разъ печатно обсуждали вопросъ, какимъ образомъ благочестивые отцы-іезуиты оставляютъ въ покоѣ великаго патріота, посягающаго на наслѣдіе святаго престола, и почему эти всемірные интриганы не перенесутъ на островъ Капреру съ береговъ Тибра римскую *малярію*, тѣмъ болѣе, что доступъ къ Гарибальди свободенъ каждому. Друзья совѣтовали *герою тысячи* быть осторожнѣе въ пріемѣ гостей. Эти, повидимому, незначительныя замѣтки и разговоры точно вызвали къ дѣятельности старцевъ святой коллегіи Ватикана. 7-го августа 1861 года, на жизнь Гарибальди сдѣлано было покушеніе и, если злодѣйскій умыселъ не удался, то лишь

Digitized by Google

благодаря вниманію итальянской полиціи. Самъ Гарибальди, получая отовсюду письма, предупреждавшія его о грозящей опасности, только безпечно улыбался, нимало не измѣняя своего образа жизни. Въ одномъ изъ писемъ прямо указывали день, въ который разбойники должны высадиться на Капреру, но Гарибальди и на это не обратилъ ни малѣйшаго вниманія. Гостившій въ это время на Капрерѣ историкъ Векки, въ письмѣ своемъ отъ 8-го августа 1861 года, даетъ нѣкоторыя свѣдѣнія о покушеніи на жизнь Гарибальди. «Вчера вечеромъ,—пишетъ Векки,—къ намъ пріѣхали два кавалера и сообщили, что слышали отъ вѣрныхъ людей, будто двое весьма подозрительныхъ индивидуумовъ высадились на Капреру; затѣмъ, посидѣвъ немного, они удалились, а мы пошли ужинать. Послѣ ужина, погулявъ немного на чистомъ воздухѣ, съ сигарами въ зубахъ, мы отправились спать. Около трехъ часовъ утра, страшно залаяли собаки; я проснулся, но потомъ опять заснулъ. Въ пять часовъ утра я всталъ и вышелъ на дворъ; здѣсь я увидалъ жандармовъ, которые разсказали мнѣ ночное происшествіе. По распоряженію правительства, они давно слѣдятъ за Капрерой, внимательно осматривая всѣхъ, кто туда прибываетъ. Въ ночь, часу въ третьемъ, они замѣтили какихъ-то подозрительныхъ людей, приближавшихся къ дому Гарибальди; на вопросъ, кто они такіе, не получивъ отвѣта, они выстрѣлили изъ карабиновъ, и такъ какъ было темно, то выстрѣлы ихъ не могли быть вполнѣ удачны. Но они увидѣли кровавые слѣды и нашли окровавленный платокъ. «Разбойники, какъ видно, были не съ острова Магдалины, а пріѣзжіе»,—добавили жандармы».

Вотъ все, что сообщилъ Векки объ этомъ прискорбномъ событіи. Между тѣмъ, рано утромъ 8-го числа, нѣкоторые граждане острова Магдалины видѣли лодку, отчалившую отъ Капреры съ двумя гребцами. Лодка направилась къ острову Джиліо, который лежитъ весьма близко къ папскимъ владѣніямъ; послѣднее обстоятельство дало поводъ къ журнальнымъ толкамъ, и въ газетахъ появились статьи, утверждавшія, что въ происшествіи 7-го іюля Ватиканъ не остался безъ участія.

Въ это же лѣто Гарибальди получилъ очень лестное письмо отъ президента Линкольна. По случаю войны, вспыхнувшей въ сѣверной Америкѣ, Линкольнъ предлагалъ Гарибальди принять командованіе надъ всей сѣверо-американской арміей. Это предложеніе было по душѣ итальянскому герою; оно вполнѣ согласовалось съ его убѣжденіями. Рѣчь шла объ освобожденіи негровъ, о чемъ Гарибальди мечталъ съ самыхъ юныхъ лѣтъ. «Благодарю васъ,—писалъ онъ Линкольну,—за великую честь, оказанную мнѣ, и принимаю

Digitized by Google

ее съ энтузіазмомъ. Сражаться за идею высоко-гуманную, съ первыхъ лѣтъ моей жизни, было для меня пламенной мечтой. Но какъ оставить Италію, быть можетъ, наканунѣ великихъ событій?» Вскорѣ Гарибальди убѣдился, что правительство, управлявшее Италіей, въ немъ не нуждается. Онъ сообщилъ министру о предложеніи Линкольна и чрезъ полковника Трекки получилъ разрѣшеніе ѣхать куда ему угодно, такъ какъ правительство *въ немъ не имѣетъ надобности* (!!). Знаменитый патріотъ былъ глубоко огорченъ этой черной неблагодарностью итальянскаго правительства, выразившейся въ такой грубой канцелярской формѣ. Друзья Гарибальди были оскорблены не менѣе его самого. Со всѣхъ концовъ Италіи патріоты бросились къ нему съ увѣреніями, что если члены правительства, помыкающіе страной, не имѣютъ въ немъ надобности, это еще не служитъ доказательствомъ, чтобы Италія не нуждалась въ героѣ, освободителѣ порабощенныхъ народовъ. Всѣ комитеты и общества прислали къ Гарибальди своихъ депутатовъ и просили его принять участіе въ засѣданіяхъ, имѣющихъ быть въ Генуѣ, подъ предсѣдательствомъ Мадзини. Гарибальди любилъ свое отечество, искренно желалъ ему счастья. Римъ, порабощенный патерами, не давалъ ему покоя ни днемъ, ни ночью; онъ мечталъ присоединить его къ Италіи, чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Къ президенту Линкольну онъ написалъ другое письмо; еще разъ благодарилъ за оказанную честь и просилъ извинить, что онъ не можетъ воспользоваться ею тотчасъ, но что въ самомъ непродолжительномъ времени, если война въ Америкѣ продолжится, онъ пріѣдетъ и съ восторгомъ обнажитъ свой мечъ за святое дѣло— освобожденія негровъ. Чѣмъ дальше держало себя правительство отъ Гарибальди, тѣмъ народъ ближе сходился съ нимъ. Смѣлый (чтобы не сказать: наглый) генералъ Чіальдини порывался печатно оклеветать *героя тысячи*, но это ему не удалось, и послѣ письма Чіальдини популярность Гарибальди возрасла еще болѣе. Когда разнеслась вѣсть о покушеніи на жизнь народнаго кумира, всѣ граждане взволновались; на площадяхъ ходили толпы народа и кричали: «смерть клерикаламъ, смерть измѣнникамъ! *они хотятъ убить нашего генерала*». Народъ горячо сочувствовалъ своимъ римскимъ братьямъ; онъ понималъ ихъ стоны и съ надеждой глядѣлъ на своего генерала, который стремился освободить законную столицу Италіи. Король Викторъ-Эммануилъ былъ въ странномъ положеніи; въ немъ боролись два чувства—патріота и вѣрнаго католика. Трудно себѣ представить, чтобы покойный король, съ его практическимъ умомъ, придавалъ серьезное значеніе грознымъ нотамъ императора французовъ, такъ горячо защищавшаго свѣтскую власть римскаго первосвященника. Едва ли могла возго-

Digitized by Google

рѣться война между Франціей и Италіей изъ-за Рима. Умный Кавуръ никогда не допускалъ ничего подобнаго и на угрозы Наполеона отвѣчалъ болѣе чѣмъ откровенно; слѣдовательно, не политическіе мотивы побуждали итальянскаго короля всѣми средствами отдалять разрѣшеніе римскаго вопроса, а мотивы религіозные. Викторъ-Эммануилъ въ душѣ былъ истиннымъ католикомъ и посягательство на *наслѣдіе св. Петра* считалъ тяжелымъ грѣхомъ. Еслибы онъ предоставилъ свободно дѣйствовать Гарибальди, Римъ былъ бы взятъ еще въ 1862 году. Въ эту эпоху, Наполеону III нельзя было воевать съ Италіей, въ виду внутреннихъ и внѣшнихъ политическихъ комбинацій. Итальянцы заняли бы Римъ и дѣло обошлось бы точно также, какъ въ 1870 году. Правда, завоеваніе Рима Гарибальди не входило въ планы Виктора-Эммануила и его правительства еще и по другой причинѣ. Гарибальди принадлежалъ къ народной партіи и умѣренные (i moderati), стоявшіе во главѣ правительства, всѣми зависящими отъ нихъ мѣрами, желали убить народную иниціативу и даже,—какъ мы знаемъ,—съ удовольствіемъ готовы были отпустить Гарибальди за океанъ, официально объявивъ ему, что правительство въ немъ не нуждается. Но такъ или иначе, народные комитеты рѣшили отобрать Римъ у патеровъ и перевести туда итальянскую столицу. Произошла извѣстная катастрофа подъ Аспромонте. 28-го августа пришли туда гарибальдійцы, въ количествѣ пятисотъ человѣкъ. Итальянскій отрядъ, подъ командою полковника Паллавичини, преслѣдовалъ ихъ и наконецъ настигъ подъ Аспромонте. Слишкомъ далекій отъ мысли, чтобы могло произойти какое нибудь насиліе, генералъ Гарибальди не хотѣлъ, чтобы правительственныя войска подумали, что волонтеры убѣгаютъ; послѣдніе остановились, когда показались итальянскія войска. Всѣ ждали парламентера отъ правительственнаго отряда. Каковы же были ужасъ и удивленіе всѣхъ, въ томъ числѣ и Гарибальди, когда правительственныя войска вдругъ открыли адскій огонь по волонтерамъ. При первомъ залпѣ, былъ раненъ самъ Гарибальди въ бокъ и правую ногу; его подхватили и понесли въ ближній лѣсъ. Произошла отвратительная ловля и бойня патріотовъ; живыхъ и раненыхъ схватили, какъ *военнопленныхъ*, и отправили въ Сицилію на палубѣ фрегата «Duca di Genova». Начались злодѣйства, опозорившія итальянское правительство на весь міръ. Такъ напр., майоръ де-Виллато, безъ слѣдствія и суда, приказалъ разстрѣлять семь молодыхъ гарибальдійцевъ. *Храбрый* полковникъ Паллавичини получилъ крестъ за *славную побѣду* подъ Аспромонте. Итальянское правительство распустило слухъ, что Гарибальди желалъ вовлечь Италію въ войну съ Франціей. Конечно, никто не вѣрилъ этому. Весь образованный міръ былъ на сторонѣ

Digitized by Google

Гарибальди и его храбрыхъ волонтеровъ: лучшіе хирурги Европы явились къ услугамъ раненаго героя; Нелатонъ первый открылъ присутствіе пули въ ранѣ; профессоръ Зенетти—вынулъ ее; знаменитый русскій хирургъ Пироговъ также принималъ участіе въ операціи. Гостинница, гдѣ лежалъ раненый Гарибальди, буквально осаждалась народомъ. Первая пришла къ больному маркиза Паллавичини, въ сопровожденіи Менотти и Маріо; затѣмъ явилась масса дамъ и просили позволенія обмочить кончики ихъ платковъ въ крови героя-страдальца. Между тѣмъ, медики рѣшили, что для больнаго вреденъ воздухъ Капреры и совѣтовали везти его въ Пизу; но Гарибальди возсталъ противъ этого рѣшенія: «у меня нѣтъ денегъ ѣхать въ Пизу, а жить милостыней я не хочу». Завистники Гарибальди, стоявшіе во главѣ итальянскаго правительства, а равно и «герой 2-го декабря», императоръ французовъ, рѣшили окончательно погубить Гарибальди, но общій взрывъ негодованія, разразившійся въ Европѣ и въ Америкѣ, въ особенности въ Англіи, заставилъ Наполеона III и итальянское правительство умѣрить ихъ пылъ. Въ Лондонѣ, Бирмингамѣ, Нью-Кестлѣ и многихъ другихъ городахъ, собирались громадные митинги, на которыхъ было положено выразить глубокую симпатію англійскаго народа *герою вѣка*. Въ Гайдпаркѣ состоялся митингъ *въ сорокъ тысячъ* человѣкъ. Можно безошибочно сказать, что, въ этотъ моментъ, позорное избіеніе патріотовъ подъ Аспромонте было «англійскимъ вопросомъ» еще болѣе, чѣмъ итальянскимъ. Другія страны также сочувственно отнеслись къ Гарибальди; въ Лейпцигѣ граждане открыли подписку на покупку золотой короны герою человѣческой свободы—Гарибальди. Въ Стокгольмѣ портретъ итальянскаго патріота, въ красной рубахѣ, выставленный въ зданіи биржи, привлекалъ массу народа. Въ Сѣверной Америкѣ народъ требовалъ, чтобы командованіе арміей было отдано великому Гарибальди. На это приглашеніе Гарибальди отвѣчалъ: «Я плѣнникъ и раненъ, вслѣдствіе чего и не могу располагать собою. Во всякомъ случаѣ, если меня освободятъ и моя рана заживетъ, я сочту за великую честь служить американской республикѣ, гражданиномъ который я имѣю счастье быть».

Итальянское правительство и Наполеонъ III рѣшительно недоумѣвали, что дѣлать имъ съ Гарибальди? Даровать ли ему амнистію, или поступить съ нимъ «по всей строгости законовъ»? Европа съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдила за всѣми мѣрами, принятыми итальянскими властями противъ раненаго генерала. Журналы офиціозные, самые авторитетные, прямо говорили: «Гарибальди не трогайте»! «Daily News», передавая возмутительный фактъ, совершившійся подъ Аспромонте, напечаталъ слѣдующія замѣчатель-

Digitized by Google

ныя строки по адресу «героя 2-го декабря»: ***«Если Наполеонъ III усталъ жить и царствовать, то пусть тронетъ хоть одинъ волосъ на головѣ Гарибальди»***. «Morning Post», хотя и въ сдержанныхъ выраженіяхъ, но также совѣтовалъ императору французовъ не трогать Гарибальди. «Opinion Nationale» рекомендовалъ итальянскимъ властямъ не забывать великихъ услугъ, оказанныхъ Гарибальди своему отечеству, его неутомимой храбрости, изумительнаго безкорыстія и постояннаго, неуклоннаго стремленія исполнять завѣтныя желанія итальянскаго народа. Власти, разумѣется, не могли быть глухи къ мнѣнію всей Европы и Америки. Наполеонъ III, по необходимости, долженъ былъ успокоиться, и Викторъ-Эммануилъ, воспользовавшись свадьбой своей дочери, принцессы Маріи, съ португальскимъ королемъ, даровалъ Гарибальди амнистію. Но мѣры строгости, принятыя министромъ Ратацци послѣ Аспромонте, нисколько не ослабили національнаго чувства; крики: «Roma o morte» раздавались громче, чѣмъ когда либо, по всѣмъ городамъ и деревнямъ Италіи. Итальянцы стали приготовляться къ новой римской экспедиціи; между тѣмъ Гарибальди, оправившись отъ раны, принималъ участіе въ войнѣ—въ австрійскомъ и итальянскомъ Тиролѣ. Еслибы и тутъ ему не помѣшало правительство, то Тренто и Тріестъ были бы взяты еще въ шестидесятыхъ годахъ и въ настоящее время не существовало бы общества «Italia Irredente», столь безпокоящее правительство короля Гумберта и всю Европу. Приготовленія къ римской экспедиціи, окончившейся такъ печально избіеніемъ гарибальдійцовъ подъ Ментаной, дѣлались черезчуръ открыто. Комитеты, въ особенности флорентійскій, вербовали легіонеровъ, открывали подписки, устраивали склады оружія и т. д. Французскіе шпіоны, проживавшіе въ итальянскихъ городахъ, сообщали объ этомъ движеніи прямо въ Тюльерійскій дворецъ. Императрица Евгенія очень близко принимала къ сердцу римскій вопросъ и употребляла все свое вліяніе, чтобы побудить супруга принять энергичныя мѣры противъ *разбойниковъ*-гарибальдійцевъ. Наполеонъ III, всегда покорный своей супругѣ, прислалъ Виктору-Эммануилу ультиматумъ, который грозилъ двинуть войска въ Италію, если не будутъ исполняться трактаты. Слѣдствіемъ этого посланія императора французовъ была унизительная трусость безхарактернаго министра Ратацци и арестъ Гарибальди въ Синолунго. Министерская безтактность не умѣрила патріотизма итальянскаго народа; напротивъ, ускорила римскую экспедицію, и чуть было не произвела революціи въ Италіи. Во Флоренціи, Миланѣ, Туринѣ, Генуѣ, Болоньѣ, Неаполѣ, Ливорно, Сіенѣ, Лукко-Ареццо,—народъ буквально возсталъ. Повсюду произошли безпорядки самаго при-

Digitized by Google

скорбнаго свойства: полиція била народъ, или народъ билъ полицію. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ войска, посланныя укрощать народъ, братались съ нимъ, крича: «Да здравствуетъ Гарибальди! Римъ или смерть!» Къ довершенію всего этого, въ либеральныхъ журналахъ появилось письмо арестованнаго Гарибальди, слѣдующаго содержанія: «Римляне имѣютъ право рабовъ—возставать противъ своихъ тирановъ-патеровъ. Итальянцы обязаны имъ помогать, и, надѣюсь, помогутъ, не смотря на арестъ хотя бы пятидесяти Гарибальди. Итакъ, впередъ, благородные римляне и итальянцы; цѣлый міръ на васъ смотритъ; докончите начатое дѣло. Съ поднятымъ челомъ вы скажете націи:—мы вамъ очистимъ дорогу къ человѣческому братству (fratelanza umana) отъ самаго ненавистнаго его врага—папства. Д. Гарибальди. P. S. Милый дель-Векіо, вы не будете отправлены со мною въ тюрьму; прикажите напечатать эти строки».

Письмо это произвело эффектъ чрезвычайный. Депутаты: Криспи, Кайроли, Фабрицци, Никотера, Мичелли и вся *лѣвая* сторона парламента потребовали отъ правительства безотлагательнаго отвѣта:—кто осмѣлился арестовать Гарибальди? Здѣсь, также какъ послѣ Аспромонте, надо было уступить общему давленію. Министръ Ратацци перетрусилъ еще болѣе и поручилъ уговорить Гарибальди уѣхать на Капреру. Великій итальянскій герой всегда былъ, прежде всего, человѣкъ закона и порядка. Онъ понялъ затруднительное положеніе правительства и поспѣшилъ къ нему на помощь. Въ Алессандріи и Генуѣ, когда граждане и солдаты 41-го и 42-го егерскихъ полковъ дѣлали шумную овацію *герою тысячи* и кричали: «веди насъ на Римъ!»—Гарибальди, сознавая пользу монархическаго правленія для Италіи, не допустилъ до революціи; онъ поспѣшилъ успокоить народъ и солдатъ, увѣривъ ихъ, что самъ по своей собственной волѣ ѣдетъ на Капреру; между тѣмъ, дома его ожидалъ самый строгій плѣнъ; военные крейсеры окружили островъ, какъ желѣзнымъ кольцомъ; ни одной маленькой рыбачьей лодочки они не оставляли безъ тщательнаго осмотра. Но Гарибальди былъ не изъ тѣхъ, кто покоряется насилію; его геройскій духъ летѣлъ къ Риму, куда уже со всѣхъ сторонъ стекались легіонеры. Онъ перебрался на островъ Магдалины и, при помощи англичанки Коллинсъ, въ одну очень темную ночь, въ маленькой лодочкѣ, проскользнулъ мимо бортовъ карауливших его крейсеровъ. Незадолго до бѣгства Гарибальди съ острова Капреры, къ нему явились съ предложеніемъ парижскіе студенты, въ числѣ которыхъ находился **я**.

Digitized by Google

XI.

Гарибальди принялъ насъ очень радушно и далъ порученія каждому—по его желанію. На мою долю выпала почетная должность, такъ какъ я былъ состоятельнѣе другихъ. Гарибальди поручилъ мнѣ вербовать ему легіонеровъ—въ неаполитанской провинціи, Константинополѣ и Одессѣ. Итальянскій патріотъ очень любилъ Россію и русскихъ, и предсказывалъ имъ великую будущность. Выше было уже замѣчено, что Капреру зорко стерегли итальянскіе крейсеры; попасть на островъ было легко, но уѣхать оттуда представляло нѣкоторое затрудненіе. Мало того, что полицейскіе и таможенные чиновники осматривали тутъ же на мѣстѣ лодку и всѣхъ пассажировъ, но, кромѣ того, ихъ конвоировали до самаго Неаполя, гдѣ производился осмотръ съ еще большей строгостью. Надо мной выполнили всю эту процедуру, и наконецъ я отправился въ консульство визировать свой паспортъ въ Константинополь и Одессу, такъ какъ въ то время визированіе паспортовъ была обязательно для всѣхъ путешествующихъ, безъ исключенія. Явясь въ консульство, я узналъ, что русскій консулъ отсутствуетъ, и что мѣсто его занимаетъ австрійскій консулъ. Не предполагая встрѣтить затрудненіе въ визѣ, я смѣло подалъ свой паспортъ, въ числѣ другихъ путешественниковъ. Каково же было мое удивленіе, когда, спустя нѣкоторое время, вдругъ раздался возгласъ нѣмца, называвшаго меня по имени. Я вышелъ изъ толпы. Консулъ бросилъ мнѣ паспортъ и сказалъ:

— Получите вашъ видъ, онъ не можетъ быть визированъ.

— Это почему?—съ удивленіемъ спросилъ я.

— Мы ждемъ распоряженія изъ петербургскаго кабинета относительно васъ,—важно отвѣчалъ консулъ.

— Причемъ же тутъ распоряженіе петербургскаго кабинета?—спросилъ я, все болѣе и болѣе изумляясь.

— Петербургское правительство узнало о вашихъ дѣйствіяхъ въ Италіи,—важно говорилъ консулъ.—Русскому правительству уже извѣстно, что вы республиканецъ и помогаете бандиту Гарибальди.

Я весь вспыхнулъ. Эта наглость австрійскаго нѣмца меня глубоко возмутила.

— Съ какой стати вы называете меня республиканцемъ и извѣстнаго итальянскаго героя—бандитомъ?—вскричалъ я.

— Это ужь дѣло мое,—невозмутимо возразилъ нѣмецъ,—и, конечно, не вамъ задавать мнѣ подобные вопросы. Вы прицли сюда,

Digitized by Google

чтобы визировать паспортъ; я вамъ объявилъ, что паспортъ вашъ визированъ быть не можетъ, пока мы не получимъ распоряженія изъ Петербурга. Вотъ все, о чемъ можетъ быть рѣчь, слѣдовательно, дальнѣйшіе переговоры совершенно излишни.

— Но вы ошибаетесь,—сказалъ я:—вы ждете распоряженій не изъ Петербурга, а изъ Вѣны. Русское правительство не могло васъ уполномочить судить, кто республиканецъ и кто бандитъ. Вы напрасно сами же напрашиваетесь на должность шпіона; русское правительство въ здѣшнихъ шпіонахъ не нуждается.

Австрійскій нѣмецъ весь позеленѣлъ и сказалъ:

— Я не желаю ни слушать вашихъ дерзостей, ни отвѣчать на нихъ. Еще разъ повторяю:—наши объясненія кончены.

Что мнѣ было дѣлать? Жаловаться посланнику, но посланникъ жилъ въ Римѣ; я рѣшился отправиться въ путь, не визируя паспорта. Очевидно, австрійскимъ шпіонамъ была уже извѣстна цѣль, съ которой я ѣхалъ въ Константинополь и Одессу. Собственно въ Турціи паспортовъ не спрашивали, но для Одессы неаполитанская виза была необходима. Тѣмъ не менѣе, я не желалъ терять времени на поѣздку въ Римъ къ посланнику и, зная, что русское правительство весьма снисходительно относится къ итальянскому объединенію, а главное, не чувствуя за собой никакой вины, я поручилъ вербовку легіонеровъ друзьямъ моимъ въ Салерно, Портичи и Сорento и, оставивъ имъ деньги, прямо отправился въ агенство и взялъ билетъ на пароходъ, отходившій изъ Неаполя въ Константинополь. Не смотря на лѣтнюю пору, плаваніе было крайне неблагопріятно. Едва пароходъ отвалилъ отъ пристани и вышелъ въ открытое море, какъ все болѣе и болѣе стали расти, покрывая горизонтъ, темныя тучи. Подулъ рѣзкій нордъ-остъ, закапалъ дождь, на морѣ показалась зыбь; стали ходить такъ называемые «зайчики». Вѣтеръ крѣпчалъ и, наконецъ, разразился штормъ. Пословица правду говоритъ: «кто въ морѣ не бывалъ, тотъ и Богу не молился». Трудно себѣ представить что-либо ужаснѣе шторма! Пароходъ, свободно дѣлающій 16—18 узловъ въ часъ, во время бури напрягаетъ всѣ свои усилія, чтобы держаться на парахъ на мѣстѣ, и этого ему не удается. Вѣтеръ швыряетъ его, какъ щепку, и относитъ въ сторону. Горе шкиперу, который заблаговременно не ушелъ подальше въ море—его судно прибьетъ къ берегу, выброситъ на мель или расшибетъ о береговыя скалы. Въ такихъ случаяхъ и якорныя цѣпи также безсильны, какъ пары; вѣтеръ свободно перерываетъ ихъ, точно ниточки. На палубѣ во время шторма, — если какимъ нибудь образомъ пассажиру удастся заглянуть туда,—происходитъ страшная потрясающая картина.

Digitized by Google

Свистъ вѣтра, сливаясь со скрипомъ корпуса судна и трескомъ падающихъ мачтъ, а иногда и дымовыхъ трубъ, наводитъ ужасъ на самую смѣлую душу; неба не видно ни единаго клочка; на верху, внизу и по бокамъ только пѣна и волны, волны и пѣна; рулевой привязанъ; удерживаться на ногахъ нѣтъ ни малѣйшей возможности. Чудовищныя волны швыряютъ пароходъ изъ стороны въ сторону, перебрасываясь черезъ палубу; трюмъ въ такихъ случаяхъ тщательно закрывается. Ежеминутно кажется, что пароходъ разломитъ пополамъ. Моя каюта была рядомъ съ каютою какой-то очень чувствительной француженки, отправлявшейся въ Константинополь къ мужу. При началѣ шторма, эта особа визжала благимъ матомъ, потомъ стала громко читать молитвы и, наконецъ, подняла ревъ. Визги и неистовства этой сосѣдки производили на меня весьма тяжелое впечатлѣніе. Такимъ образомъ, морская трепка продолжалась шесть сутокъ; не было никакой возможности зайти въ какой нибудь греческій портъ. Пароходъ опоздалъ на нѣсколько дней. Но вотъ, наконецъ, и Золотой Рогъ. Пассажиры высыпали на палубу и стали набожно креститься. Дѣйствительно, пароходъ спасся отъ гибели какимъ-то чудомъ. Всѣ, не выключая и моряковъ, изображали изъ себя скелеты; точно каждый изъ нихъ перенесъ долгую тяжкую болѣзнь. Я поднялся на гору, въ Перу, и остановился въ гостинницѣ «С.-Петербургъ», противъ Галаты-Сарая, гдѣ каждый вечеръ меня утѣшалъ оркестръ турецкой военной музыки. Итальянцы сейчасъ же узнали, что пріѣхалъ гарибальдійскій делегатъ съ о-ва Капреры, уполномоченный отъ самого Гарибальди. На другой день, дверь нумера, гдѣ я остановился, буквально не затворялась. Безпрестанно приходили охотники записываться въ гарибальдійскій легіонъ, получали инструкціи, гдѣ и когда собираться; неимущіе брали деньги на проѣздъ и на покупку ножей и револьверовъ [1]). Въ нѣсколько дней все дѣло было кончено. Я отправилъ во флорентійскій комитетъ подробныя свѣдѣнія о вербовкѣ въ Константинополѣ и о томъ, что для этой же цѣли я отправляюсь въ Одессу. Но послѣднее сдѣлать было не легко. Въ то время единственно «русское общество пароходства и торговли» совершало правильные рейсы между Одессой и Константинополемъ, а въ агентствѣ этого общества билеты до Одессы не иначе выдавались, какъ по предъявленію паспорта, визированнаго у консула. Я было попробовалъ получить билетъ, но это мнѣ не удалось. Агентъ рѣшительно объявилъ, что билетъ можетъ быть выданъ только по визи-

[1]) Необходимо отмѣтить слѣдующій характерный фактъ. Изъ числа взявшихъ деньги на проѣздъ и на покупку оружія не было *ни одного* обманщика: каждый изъ этихъ пролетаріевъ явился въ свой легіонъ.

Digitized by Google

рованному паспорту. Положеніе мое было самое непріятное. Приходилось ѣхать или на парусномъ суднѣ, или ждать случайнаго иностраннаго парохода, или, наконецъ, рискнуть сѣсть безъ билета на пароходъ русскаго общества. Рейсъ паруснаго судна всегда зависитъ отъ вѣтра; иногда отъ Константинополя до Одессы можно пролавировать цѣлый десятокъ дней. Австрійскаго или французскаго парохода также надо было долго ждать, что̀ для меня было крайне неудобно къ виду моего желанія принять участіе въ готовящейся римской экспедиціи: оставался одинъ выходъ—рискнуть сѣсть на пароходъ «русскаго общества» безъ билета, что̀ я и сдѣлалъ. При благопріятной погодѣ, пароходъ отъ Константинополя до Одессы идетъ 36 часовъ и билеты отъ пассажировъ I и II класса отбираются по прибытіи въ Одессу. Занявъ каюту I класса, я познакомился съ капитаномъ, который оказался весьма благодушнымъ человѣкомъ, большимъ любителемъ марсалы и игры въ пикетъ. Погода стояла прекрасная; всѣ пассажиры высыпали на палубу; море было совершенно покойно. Столъ, поставленный для картъ, нисколько не колебался, точно въ комнатѣ. Капитанъ и я любовались прелестью захожденія солнца, чудной южной ночью, съ темнымъ небомъ, усѣяннымъ звѣздами, пили марсалу и играли въ пикетъ. Такъ прошла первая ночь; наступила другая. Пароходъ приближался къ Одессѣ. Я, наконецъ, долженъ былъ открыться благодушному капитану, разсказавъ ему всю исторію съ австрійскимъ консуломъ и то, что я ѣду безъ билета. Капитанъ не на шутку струхнулъ.

— Что вы, батенька, надѣлали?—вскричалъ онъ,—васъ непремѣнно отошлютъ обратно. Послѣдній разъ у меня была богомолка изъ Іерусалима, съ невизированнымъ паспортомъ; ее изъ Одессы отправили назадъ. Я ужь, право, и не знаю, что̀ мнѣ съ вами дѣлать,—прибавилъ капитанъ, бросая на столъ свои карты, не смотря на то, что на этотъ разъ у него было четырнадцать тузовъ.

— Вы забудьте, что̀ я вамъ сказалъ, и предоставьте меня моей собственной судьбѣ,—успокоивалъ я капитана.—Если я попадусь, это ужь будетъ мое несчастіе; главное,—вы меня не выдавайте.

— Я ничего не скажу, но видите, батенька,—возразилъ капитанъ,—по приходѣ въ Одессу, на пароходъ хлынетъ масса таможенныхъ чиновниковъ; всѣ паспорта и вещи отъ пассажировъ отберутъ; около сходни поставятъ часоваго солдата, начнутъ выкликать пассажировъ по очереди и осматривать ихъ вещи; скрыться никакъ нельзя.

— Повторяю: я прошу васъ только объ одномъ—забудьте обо мнѣ, а я уже самъ съумѣю выпутаться.

Digitized by Google

— Однако, батенька, какъ же вы это сдѣлаете?—у васъ чемоданъ, вещи; они подлежатъ таможенному осмотру.

— Я ихъ отдамъ господину М., который ѣдетъ въ Симферополь, и самъ буду не пассажиръ, а пароходный кочегаръ.

— А знаете, батенька, чортъ возьми, это идея совсѣмъ не дурная,—сказалъ, расхохотавшись, капитанъ:—дѣйствуйте, дѣйствуйте, это очень интересно. Посмотримъ, какъ вы выпутаетесь.

Въ Одессу пароходъ пришелъ рано утромъ: онъ приталъ носомъ къ пристани, а правымъ бортомъ—къ разгруженному пароходу «Эльборусъ», совершавшему кавказскіе рейсы. Около сходни, на пристани поставили двухъ таможенныхъ солдатъ; на палубу «Эльборуса», хотя и пустую, также явился стражъ съ мѣдной бляхой на груди и желѣзной палкой въ рукахъ. Всѣ вещи изъ трюма и изъ каютъ были перенесены на палубу; тутъ же поставили столъ и разложили на немъ паспорты пассажировъ; одинъ чиновникъ вызывалъ, а другой осматривалъ вещи. Капитанъ (благодушный «батенька») флегматически расхаживалъ на верху; я, переодѣтый въ замазанную куртку кочегара, въ матроской шапочкѣ безъ козырька, стоялъ около борта, примыкавшаго къ пароходу «Эльборусъ». Не принимая наружно ни малѣйшаго участія во всей этой суетнѣ вызыванія пассажировъ, осмотра вещей, криковъ о пропускѣ и т. д., я тѣмъ не менѣе внутренно очень безпокоился и думалъ: «когда кончится осмотръ вещамъ и вся эта толпа пассажировъ будетъ отпущена, господа таможенные чиновники могутъ приняться и за пароходную прислугу; конечно, дѣло дойдетъ и до меня. Совсѣмъ плохо!—думалъ я.—Кажется, придется прокатиться обратно и разыграть незавидную роль эмигранта. Вотъ тебѣ и римская экспедиція»! Положеніе самое критическое и выйти изъ него, кажется, нѣтъ возможности. Впереди часовые, здѣсь на «Эльборусѣ» также прохаживается внушительнаго вида стражъ и зорко слѣдитъ, чтобы на бортъ «Эльборуса» не передавали контрабанды. Но одно, повидимому, мелочное обстоятельство имѣло большое значеніе для меня, импровизированнаго кочегара. По палубѣ «Эльборуса» бѣгалъ маленькій ручной медвѣжонокъ; онъ лазилъ по мачтамъ, по бортамъ, прыгалъ, кувыркался, становился на заднія лапы, фыркалъ, нюхая снасти, вообще рѣзвился къ великому наслажденію матросовъ разгруженнаго судна и таможеннаго стража, принимавшихъ самое живое участіе въ рѣзвости маленькаго Мишки. Пока на прибывшемъ пароходѣ происходилъ вызовъ пассажировъ и досмотръ вещей, на «Эльборусѣ» представленіе медвѣжонка мало по малу поглотило все вниманіе матросовъ, а также и таможеннаго стража съ мѣдной бляхой на груди. Хохотъ и остроты сыпались со всѣхъ сторонъ. Ма-

Digitized by Google

ленькій Мишка, будто понимая, что онъ составляетъ предметъ всеобщаго любопытства, тѣшилъ публику на славу. Его неуклюжіе прыжки были, дѣйствительно, очень забавны. Бѣгая по палубѣ, онъ то и дѣло спотыкался, но когда, ухватившись передними лапами за канатъ, онъ лѣзъ на мачту, ловкость и цѣпкость его были изумительны. При одной изъ такихъ эволюцій, медвѣжонокъ, взобравшись на мачту, задержался наверху. Ему почему-то не хотѣлось сходить внизъ, и чѣмъ болѣе зрители упрашивали Мишеньку слѣзать, тѣмъ крѣпче онъ держался за канаты, лукаво поглядывая внизъ и не двигаясь съ мѣста. Публикѣ очень хотѣлось, чтобы медвѣжонокъ спустился на палубу. Для этой цѣли принимались всевозможныя мѣры,—и угрозы, и ласки, и обѣщанія, и дерганье за канатъ,—но ничто не помогало. Мишенька точно издѣвался надъ всѣми, стоящими внизу. Пользуясь моментомъ, когда взоры таможеннаго стража съ пикой были устремлены на шаловливаго медвѣжонка, я незамѣтно перепрыгнулъ на палубу «Эльборуса» и смѣшался съ толпой зрителей. Это была самая рѣшительная минута, когда всѣ употребляли энергичныя мѣры, дабы побудить Мишеньку сойти внизъ. Матросы бросали въ него сѣмячками и орѣхами, а таможенный стражъ дергалъ за канатъ, за который уцѣпился медвѣжонокъ. Не дожидаясь результата всѣхъ этихъ мѣръ, я незамѣтно сошелъ съ парохода на берегъ, взялъ извощика и отправился въ гостинницу Лондонъ, куда М. вскорѣ прислалъ мнѣ мои вещи. Такъ, благодаря представленіямъ кавказскаго Мишеньки, кончилось ничѣмъ злорадство австрійскаго нѣмца. Явившись къ градоначальнику, я съ полной откровенностью передалъ ему всю исторію съ австрійскимъ консуломъ, не скрылъ также своего сочувствія итальянскому объединенію и участія въ комедіи съ медвѣжонкомъ, происходившей на пароходѣ «Эльборусъ». Градоначальникъ отъ души смѣялся и, между прочимъ, замѣтилъ, что въ Вѣнѣ, быть можетъ, и считаютъ меня политическимъ преступникомъ, но что въ Россіи, по отношенію моего поведенія за границей, нѣтъ и тѣни ничего подобнаго, а потому я безпрепятственно могу получить свой дипломъ изъ канцеляріи.

Н. Поповъ.

(Продолженіе будетъ).

Digitized by Google

Спутникъ человѣка.

(Баллада).

Со всею силой гордыхъ думъ,
Со всѣмъ огнемъ своихъ стремленій,
Сквозь мглу томительныхъ сомнѣній
Онъ полетѣлъ туда, гдѣ умъ—
Любовь и свѣтъ пытливымъ взоромъ
Въ дали житейской различалъ...
И тотъ полетъ его ласкалъ,
Границъ не знающимъ, просторомъ!..
Уже одинъ кончался вѣкъ,
За рубежемъ другой рождался;
И цѣль увидѣлъ *человѣкъ*,
И къ цѣли призрачной помчался!..

Надъ нимъ въ пространствѣ міровомъ
Скользилъ неуловимой тѣнью
Какой-то духъ... Земному тлѣнью
Онъ былъ не сроденъ: надъ челомъ,
Лучемъ безсмертья перевитый,
Вѣнокъ печали виденъ былъ...
Духъ злобы—міра не забылъ,
Ничтожнымъ міромъ позабытый!..
Онъ говорилъ... И рѣчь его
Была, какъ зло, горда, безстрастна,
И ядомъ смысла своего
Всѣхъ отравляла дерзко, властно.
— «Лети, скиталецъ! Я—съ тобой...
Я—жизни спутникъ неразлучный;
На міръ томительный и скучный
Я вѣю мракомъ и враждой...
Лети! За рубежемъ столѣтій,
Какъ прежде, будете вы—дѣти,

Digitized by Google

А я—учитель вашъ... Пора
На призракъ счастья и добра
Взглянуть, какъ я, свободнымъ окомъ!..
Дрожишь?.. Опасна рѣчь моя?..
Но вѣдь красоты бытія
Всегда приправлены порокомъ,
Всегда!.. Отъ этого «всегда»
Не улетитъ твой умъ безкрылый;
И давитъ, давитъ вѣчной силой
Твою любовь—моя вражда!..
И будешь ты, забывъ былое,
Обмана прежняго искать—
Своей болѣзненной мечтою
Дорогу къ счастью и покою
Въ пустынномъ мірѣ открывать»!..—

И долго, долго оглашалось
Пространство міра рѣчью той.
А впереди... Тамъ загоралась
Заря любви... И съ красотой,
Но не холодной, какъ безстрастье,
Опять сроднялся человѣкъ:
Ему сулилъ грядущій вѣкъ
Въ борьбѣ за правду—правду счастья!

В. Булгаковъ.

Digitized by Google

НАША ЖУРНАЛИСТИКА.

I.

Новогоднія книги толстыхъ журналовъ обыкновенно блещутъ именами «знаменитыхъ личностей» и приносятъ рядъ беллетристическихъ новинокъ. Поэтому читателю естественно ждать, что я заговорю о новомъ романѣ неутомимаго г. Боборыкина или, по крайней мѣрѣ, о новой повѣсти г. Мамина-Сибиряка. Но я этого не сдѣлаю и даже имѣю злостное намѣреніе—также точно и въ будущемъ игнорировать произведенія «знаменитыхъ личностей». О каждомъ изъ этихъ *лихачей беллетристики* уже давно составилось мнѣніе, что ждать отъ него больше нечего, что онъ уже вовсе и не лихачъ, а самый обыкновенный «желтоглазый», сохранившій отъ прежнихъ временъ привычку непристойно запрашивать. Не будетъ ничего удивительнаго, если большинство лихачей беллетристики окончательно сойдетъ со сцены раньше своей смерти или сдѣлается исключительнымъ достояніемъ «иллюстрированныхъ издавателей». Они не потеряютъ, конечно, способности плодить по пятидесяти и сотнѣ листовъ въ годъ, но потеряетъ терпѣніе публика, потеряетъ его порядочный редакторъ. Уже и теперь замѣчается въ высшей степени интересное явленіе. Почти всѣ извѣстные нынѣшніе беллетристы встрѣчаются съ большою холодностью и критикою, и публикою. Объ одномъ говорятъ не иначе, какъ съ улыбкою сожалѣнія; о другомъ—съ негодующимъ изумленіемъ передъ его способностью настрочить цѣлый томъ и не высказать ничего путнаго. По поводу произведенія третьяго, подписчики подаютъ въ редакцію коллективныя заявленія—съ просьбою «освободить» ихъ на будущее время отъ подобныхъ перловъ творчества. Еслибы эти писатели и имъ подобные были людьми опредѣленнаго міросозерцанія, еслибы они выступали борцами того или другаго лагеря—можно было бы заподозрить искренность отношенія къ нимъ и критики, и публики. Но перечисленные писатели ни въ какомъ лагерѣ не состоятъ, ни къ какой фракціи, кромѣ фракціи беллетристическихъ лихачей, не сопричисляются и, слѣдовательно, гнать и притѣснять ихъ нѣтъ

Digitized by Google

смысла. Исписались, да и все тутъ! Это ужь не такъ трудно понять.

Однако, исписавшіеся лихачи продолжаютъ «запрашивать». О литературномъ «запрашиваніи» мнѣ давно хотѣлось сказать два слова. Пріятно слышать, что Пушкинъ получалъ нѣкогда по червонцу за строчку, а Тургеневъ—по пятисотъ рублей за листъ (и то только въ самое послѣднее время своей дѣятельности). Это не была обычная для нихъ плата. Но пушкинскій стихъ стоитъ и не одного червонца. Памятуя о пушкинскомъ червонцѣ и тургеневской полутысячѣ, современные беллетристы убѣдились, что имъ нужно платить именно такіе же гонорары. При существованіи, рядомъ съ настоящими литературными журналами, издательскихъ лавочекъ гг. Марксовъ, Гоппе, Каспари, Окрейцевъ, Нотовичей и прочихъ русскихъ издателей,—лихачамъ беллетристики оказалось нетрудно осуществить завѣтныя мечты о бѣшеномъ гонорарѣ. Въ иллюстрированномъ журналѣ расходъ на гонораръ составляетъ не болѣе пятнадцати—двадцати процентовъ (а иногда составляетъ и менѣе) общей суммы расходовъ. Кромѣ того, у «иллюстрированныхъ издавателей» сохраняется огромная экономія отъ почтовыхъ расходовъ, которые падаютъ на нихъ въ несравненно-меньшемъ размѣрѣ, чѣмъ на толстые ежемѣсячные журналы. Такъ напр., «Вѣстникъ Европы», за пересылку двѣнадцати книжекъ, платитъ почтѣ 1 р. 70 к.; а «Нива» *за 52 №№ еженедѣльнаго изданія, съ приложеніемъ ежемѣсячныхъ книжекъ, сочиненій Достоевскаго, модныхъ и другихъ прибавленій*,—словомъ за цѣлый ворохъ печатной бумаги, просто заваливающій нашъ злосчастный почтамтъ, удѣляетъ ему за пересылку—какъ бы вы думали, читатель?—*меньше рубля*!! Хороша соразмѣрность почтовой платы... Очевидно, что иллюстрированные журналы какъ бы пользуются неслыханною преміею отъ казны, ради полной побѣды ихъ надъ солидными ежемѣсячными журналами и отдѣльно издаваемыми книгами... На этой преміи г. Марксъ, напр., нажилъ милліонное состояніе, изъ котораго не очень-то щедро (сравнительно) подѣлился съ сотрудниками въ торжественный день своего 25-лѣтняго юбилея. Почтовому же вѣдомству г. Марксъ нравственно обязанъ былъ пожертвовать (но не пожертвовалъ!) крупный капиталъ на учрежденіе эмеритуры въ пользу тѣхъ «сортировщиковъ», которые бьются днемъ и ночью надъ разборкою его иллюстрированнаго журнала съ безчисленными, какъ песокъ морской, приложеніями. Въ зависимости отъ распространенности своихъ тетрадокъ, иллюстрированный издаватель легко можетъ заплатить двѣсти рублей за шесть печатныхъ страничекъ и даже купить романъ по двѣсти-триста рублей съ листа. Заполучивъ однажды такой гонораръ, лихачи-беллетристы уже начинаютъ

Digitized by Google

оцѣнивать, сообразно ему, каждую свою строчку. Съ удивительнымъ легкомыслiемъ,—чтобы не сказать рѣзче,—они требуютъ тѣхъ же бѣшеныхъ гонораровъ и отъ толстыхъ журналовъ, гдѣ плата сотрудникамъ нерѣдко достигаетъ семидесяти пяти процентовъ всѣхъ расходовъ. Очевидно, журналъ не можетъ издаваться, такъ сказать, въ одинъ гонораръ. Приходится экономить, и самую существенную помощь, въ данномъ случаѣ, могло бы оказать, именно, уменьшенiе бѣшеныхъ беллетристическихъ гонораровъ. Въ зависимости отъ этого, увеличилось бы вознагражденiе сотрудниковъ другихъ отдѣловъ, въ сущности, и выносящихъ на своихъ плечахъ успѣхъ журнала. Съ другой стороны, не обдирая журнала, какъ липку, беллетристы имѣли бы возможность гораздо чаще помѣщать свои произведенiя, получая, въ общемъ, никакъ не меньше того, что̀ они получаютъ теперь.

Погоня за жирными гонорарами низвела нынѣшнихъ «знаменитыхъ» беллетристовъ до степени самыхъ жалкихъ и презрѣнныхъ торгашей. Нѣкоторые изъ нихъ доходятъ до такой безцеремонности, которую называть *только безцеремонностью*—значитъ быть черезчуръ снисходительнымъ. Сплошь и рядомъ вы наталкиваетесь на такiе факты. У беллетристическаго лихача хотятъ пріобрѣсти романъ. Онъ «запрашиваетъ» четыре-пять тысячъ, потомъ уступаетъ за три—три съ половиною. Естественно, что, платя такiя бѣшеныя деньги, издатель желаетъ знать, что̀ онъ покупаетъ. Если самъ онъ въ искусствѣ ничего не смыслитъ, то у него, конечно, найдется смыслящiй «подручный», или редакторъ. Но лихачъ не допускаетъ просмотра романа. Онъ требуетъ, чтобы его *взяли, не читая.* Но еслибы ему предложили получить деньги за этотъ романъ, принятый съ закрытыми глазами, въ запечатанномъ конвертѣ и выдать расписку въ полученiи всей суммы, не пересчитывая депозитокъ,—всякiй лихачъ моментально понялъ бы, что «на вѣру» ни отъ одного издателя нельзя взять гонорара, потому что тутъ возможно и надувательство. Но вѣдь и издатель вправѣ разсуждать также точно. Неужели это нужно доказывать? Какъ видите, нужно, ибо лихачи беллетристики считаютъ вполнѣ естественнымъ продавать товаръ не то что̀ показывая его лицомъ, а даже и вовсе не показывая.

Между тѣмъ, пріобрѣтая романъ безъ предварительнаго просмотра, издатель—стыдно сказать!—не гарантированъ въ иныхъ случаяхъ отъ самаго грубаго обмана, отъ самаго беззастѣнчиваго мошенничества. Разсказываютъ объ одномъ лихачѣ, получившемъ три тысячи рублей за кипу бумаги, исписанной всякимъ вздоромъ безъ смысла и связи. Разумѣется, еслибы не существовало обыкновенiя принимать рукописи «на вѣру», наши «знаменитые» беллетристы имѣли бы за душою куда меньше грѣховъ.

Digitized by Google

Теперь судите сами: какой же интересъ говорить о повѣстяхъ и романахъ, сочиненныхъ, единственно, ради полученія гонорара, сочиненныхъ уставшими, выбившимися изъ силъ, утратившими послѣднее одушевленіе, ремесленниками??. Нѣтъ, Богъ съ ними! Подвергать такихъ господъ эстетической критикѣ—значитъ морочить читателей. Для характеристики современнаго общественнаго строя, ихъ романы и повѣсти не даютъ ровно никакого матеріала; для характеристики же нынѣшнихъ литературныхъ нравовъ найдутся матеріалы гораздо болѣе интересные. Поэтому мы обратимся къ публицистическимъ статьямъ новогоднихъ книжекъ и послѣднихъ нумеровъ за истекшій годъ.

II.

Только что завершившееся царствованіе уже нашло болѣе или менѣе цѣльную полную оцѣнку на страницахъ «либеральныхъ» журналовъ. Въ ряду ихъ первое мѣсто принадлежитъ «Вѣстнику Европы». «Вѣстникъ Европы» признаётъ главною заслугою покойнаго императора Александра III его миролюбіе, но убѣжденъ, что это миролюбіе проистекало не изъ «дѣйствія», а изъ «бездѣйствія». Въ царствованіе покойнаго государя, Россія,—изволите ли видѣть,—перестала предпринимать что либо въ области иностранной политики, предалась «недѣланію» и результаты получились самые великолѣпные. На̀ смѣхъ можно, конечно, говорить и не такія нелѣпости, но «Вѣстникъ Европы» говоритъ, не смѣясь, а совершенно серьезно. На очевидную вздорность точки зрѣнія еврействующаго журнала г. Стасюлевича и указываетъ, въ послѣднемъ политическомъ обозрѣніи «Русскаго Вѣстника», С. С. Татищевъ. «Органъ либеральныхъ доктринеровъ—говоритъ онъ—неумолимо строгій къ политической системѣ, связанной съ именемъ пресловутаго австрійскаго канцлера, князя Меттерниха, какъ главнаго столпа реакціи, державшаго въ тискахъ всю западную Европу въ продолженіе сорока лѣтъ,—по странной непослѣдовательности, горячо вступается за доморощенныхъ Меттерниховъ. По увѣренію его, во все минувшее царствованіе, дипломатія одна была миролюбива, а воинственнымъ пыломъ и задоромъ отличалась печать, которая будто бы «смущала иностранцевъ», проповѣдуя недовѣріе и вражду между народами, идеи національной обособленности и нетерпимости, племеннаго антагонизма, подстрекая правительство къ войнѣ чуть не со всѣми государствами и народами вселенной». Далѣе г. Татищевъ приводитъ рядъ историческихъ справокъ, изъ которыхъ видно, какимъ путемъ порвалась связь между Россіей и Германіей. Попутно онъ уличаетъ

Digitized by Google

«Вѣстникъ Европы» въ очень странныхъ передёржкахъ и пропускахъ въ цитируемыхъ дипломатическихъ документахъ. Талантливый политическій писатель удивляется забывчивости «Вѣстника Европы», который еще недавно съ яростью ополчался противъ сближенія съ Франціею, а теперь признаётъ франко-русскій союзъ—«естественнымъ противовѣсомъ тройственной лигѣ мира и могущественнымъ факторомъ европейской политики. Онъ поясняетъ также наивнымъ послѣдователямъ своей философіи, что франко-русскій союзъ образовался не сразу и не легко, что о ковахъ, подкопахъ, интригахъ явныхъ и тайныхъ, направленныхъ къ подорванію въ корнѣ зарождавшейся дружбы Россіи и Франціи, можно было бы написать длинную повѣсть».

Замѣчанія г. Татищева, конечно, совершенно основательны, но они далеко не исчерпываютъ вопроса. Возражая противъ статьи «Торжество миролюбія», почтенный сотрудникъ «Русскаго Вѣстника» не коснулся другихъ статей «либерально-еврейскаго» журнала, посвященныхъ прошлому царствованію. Между тѣмъ, въ этихъ-то статьяхъ и заключается разгадка всего явленія.

Мы намѣрены говорить ясно, опредѣленно, безъ всякихъ экивоковъ и туманныхъ словечекъ. Журналъ г. Стасюлевича относится къ минувшему царствованію отрицательно. Припоминая рядъ ограничительныхъ законовъ, съуживавшихъ сферу компетенціи городскаго и земскаго управленія, ослаблявшихъ независимость суда отъ администраціи, указавъ на мало удачныя новшества въ области экономической и финансовой, «Вѣстникъ Европы» вноситъ далѣе въ пассивъ минувшаго царствованія—гоненія на инородцевъ. «Длинный рядъ мѣръ, — читаемъ во внутреннемъ декабрьскомъ обозрѣніи «Вѣстника Европы»—мѣръ, относящихся къ нашимъ инородцамъ и иновѣрцамъ, начинается съ временныхъ правилъ третьяго мая 1882 г. *о евреяхъ* (sic!) Вмѣстѣ съ послѣдующими узаконеніями и распоряженіями, они могутъ быть формулированы такъ: сосредоточеніе евреевъ въ городахъ и мѣстечкахъ внутри черты осѣдлости;—устраненіе ихъ отъ пріобрѣтенія и арендованія поземельной собственности и вообще отъ всякихъ занятій, кромѣ промышленныхъ и торговыхъ;—фактическое закрытіе передъ ними государственной службы и адвокатуры;—затрудненіе для нихъ доступа къ образованію». Это по отношенію къ евреямъ. По отношенію къ нѣмцамъ, мѣры были, если не столь же суровыя, то, во всякомъ случаѣ, «реакціонныя». «Въ остзейскихъ губерніяхъ возстановлены, прежде всего, не дѣйствовавшія при Александрѣ II правила о смѣшанныхъ бракахъ; въ связи съ непрочными обращеніями въ православіе, это влечетъ за собою массу дѣлъ объ отпаденіи въ лютеранство, или

Digitized by Google

такъ называемыхъ пасторскихъ процессовъ. Не обошлось безъ обращенія къ суду и введеніе русскаго языка въ управленіе и школу, коснувшееся, въ послѣднее время, и юрьевскаго университета». Финляндцы потерпѣли горькую обиду вслѣдствіе почтовой реформы; поляковъ притѣсняли, заставляя ихъ говорить по русски. Противъ пашковцевъ и штундистовъ принимались строгія мѣры; даже на дальнемъ востокѣ,—за Волгой, въ Сибири—всячески обижали инородцевъ, обращая ихъ въ православіе, вступая въ борьбу съ заблужденіями язычества и магометанства.

Вотъ какая потрясающая картина развертывается передъ глазами либерально-еврействующихъ публицистовъ «Вѣстника Европы»! Невольно спрашиваешь: да какъ еще уцѣлѣли эти несчастные евреи, поляки, чухны, буряты, татары, мордва, чуваши и прочіе *языки?* И, замѣтьте, «Вѣстникъ Европы» опять-таки не шутитъ, а говоритъ самымъ серьезнымъ образомъ.

«Гоненіе» на инородцевъ, торжество «національизма»—вотъ самыя несимпатичныя для «Вѣстника Европы» особенности минувшаго царствованія. Гг. Стасюлевичъ и Слонимскій хотятъ, во что бы то ни стало, доказать несостоятельность національизма и, съ этою цѣлью, объясняютъ нашу миролюбивую иностранную политику не тѣмъ, что она была политикою глубоко національной, а тѣмъ, что она была «политикою бездѣйствія». Еслибы «Вѣстникъ Европы» призналъ внѣшнюю политику Александра III національною, онъ долженъ былъ бы,—чтобы не очутиться въ непримиримомъ противорѣчіи съ самимъ собою,—отмѣтить, какъ положительную черту, усиленіе національнаго самосознанія и въ области политики внутренней. Здѣсь, прежде всего, удивительно легкомысліе почтеннаго журнала. Онъ не находитъ нужнымъ считаться съ фактами и противопоставляетъ имъ отвлеченныя соображенія, ничѣмъ не доказанныя. Въ этомъ вопросѣ, однако, нужно разобраться подробнѣе. «Вѣстнику Европы», вѣроятно, извѣстно, что издавна наибольшимъ успѣхомъ пользовалась политика Англіи. Затѣмъ такой же успѣхъ выпалъ на долю германской политики. И Англія, и Германія всегда дѣйствовали эгоистически, соображаясь только со своими интересами. Подобную политику, конечно, слѣдуетъ назвать не просто *національною*, но узко національною, такъ какъ, ратуя за малѣйшее собственное удобство, она часто не хотѣла считаться съ насущнѣйшими нуждами и интересами другихъ государствъ. Кромѣ того, это была политика *активная*, ибо она не ограничивалась охраненіемъ принадлежащаго государству, но стремилась расширить свои международныя права, увеличить территорію, подчинить своему вліянію другія правительства и т. д., и т. д.

Digitized by Google

Политика Россіи, наоборотъ, до послѣдняго времени, была политикой космополитической и пользовалась наименьшимъ успѣхомъ. Заботясь о собственныхъ интересахъ, Россія еще больше заботилась объ интересахъ чуждыхъ ей народовъ, принося имъ часто великія жертвы. Во имя этой космополитической политики, наши войска безплодно дивили міръ своею храбростью, а военачальники безполезно истощали свой геній. Когда мы переходили Альпы и дрались въ Италіи; когда наша армія вступала въ Берлинъ; когда Александръ I «освобождалъ Европу отъ ига Наполеона»; когда мы усмиряли «венгерскихъ революціонеровъ»; когда, наконецъ, отправились «освобождать» болгаръ—все это предпринималось въ интересахъ далеко не одной Россіи. Напротивъ, многія изъ этихъ предпріятій прямо противорѣчили нашимъ собственнымъ интересамъ.

Практикуя якобы альтруистическую, а въ сущности фантастическую и безпочвенную политику, мы не только не пользовались успѣхомъ, но не пользовались—увы!—и довѣріемъ. Это совершенно понятно. Едва мы извлекали какую нибудь выгоду—Европа обвиняла насъ въ коварствѣ и алчности. Вѣдь мы не имѣли права ни на какія выгоды, потому что являлись представителями «альтруистической» политики! Мы должны были приносить жертвы, но отнюдь не смѣли ихъ возмѣщать. За разбитые горшки долженъ былъ расплачиваться одинъ злополучный русскій народъ.

Государства, открыто слѣдовавшія политикѣ національной, не смотря на ея крайности и недостатки, никогда, однако, не попадали въ столь нелѣпое положеніе. Для всѣхъ было понятно, что они дѣйствуютъ во имя собственныхъ интересовъ и пріобрѣтаютъ для себя, а не для другихъ. Никто и не предъявлялъ къ нимъ буколическихъ требованій; никто и не требовалъ отъ нихъ чувствительности, отличавшей «Маремьяну-старицу, за весь міръ печальницу».

Въ царствованіе Александра III, Россія измѣнила свою внѣшнюю политику и придала ей характеръ національный. Съ того же момента, уваженіе и довѣріе къ намъ Европы возросло со сказочной быстротою. Если хотите, нашу внѣшнюю національную политику можно было отличить отъ политики англійской и германской эпитетомъ *пассивной*. Но въ этомъ-то и заключается величайшая ея заслуга: національная политика лишь въ томъ случаѣ и можетъ быть миролюбива, когда она пассивна. Оберегая свои интересы, стараясь не допустить пораженія интересовъ другихъ государствъ, Россія не обнаруживала ни малѣйшихъ узурпаторскихъ наклонностей,—никого не хотѣла обижать, ничего не хотѣла захватывать, никого не запугивала, ни съ кѣмъ не заигрывала. Европа очень скоро поняла, что Россіи нужно одного—мира въ Европѣ для мир-

Digitized by Google

наго и успѣшнаго развитія у себя внутри. Вѣроятно, и журналъ г. Стасюлевича не пожелаетъ Россіи лучшей международной политики, но можемъ ли мы остаться вѣрны этой политикѣ, если сдѣлаемъ ее не національной, а космополитической, т. е. такою, какою она была со второй половины царствованія Екатерины Великой до начала царствованія императора Александра III?

Ненависть къ патріотической части русской прессы заставляетъ органъ г. Стасюлевича совершенно искажать общественные факты изъ исторіи журналистики послѣдняго двадцатилѣтія. По этому пункту мы находимъ весьма вѣскія возраженія у г. Татищева. Г. Татищевъ, вспоминая о блестящихъ дѣятеляхъ эпохи великихъ реформъ—Николаѣ Милютинѣ, Юріѣ Самаринѣ и князѣ Владимірѣ Черкасскомъ, устанавливаетъ не безъизвѣстный, конечно, и «Вѣстнику Европы» фактъ, что люди независимаго ума и твердыхъ убѣжденій не долго вообще уживались въ далеко неблагосклонной къ нимъ чиновничьей средѣ. Названные имъ государственные дѣятели пали жертвами громкихъ обвиненій въ либерализмѣ и радикализмѣ, и едва ли не въ тайномъ намѣреніи «вызвать въ Россіи революцію», между тѣмъ какъ не оставалось ни малѣйшихъ сомнѣній въ приносимой ими государству пользѣ. «Съ другой стороны»,—говоритъ г. Татищевъ,—«не лишено поучительности то обстоятельство, что, подвергая карательному дѣйствію закона сторонниковъ отрицательнаго направленія лишь въ случаяхъ перехода ихъ отъ слова къ дѣлу, вѣдомство, призванное наблюдать за русскою печатью, долго снисходительно относилось къ гласному выраженію взглядовъ, къ проповѣдыванію даже самыхъ разрушительныхъ ученій, приберегая свои громы противъ тѣхъ изъ писателей направленія положительнаго, мнѣнія которыхъ почему либо не сходились съ собственными его воззрѣніями или поступками. Такъ, теперь всѣмъ извѣстно, что романъ Чернышевскаго: «Что дѣлать»? заключающій въ себѣ, какъ бы, кодексъ современнаго анархизма, безпрепятственно пропущенъ въ печать *тройною предварительною цензурою*: тюремнаго начальства, Третьяго отдѣленія и обычнаго цензора, тогда какъ потребовалось личное вмѣшательство Александра II, чтобы освободить Каткова отъ тяготѣвшихъ надъ нимъ административныхъ взысканій, а Аксаковъ болѣе десяти лѣтъ былъ обреченъ на совершенное молчаніе и, всего за недѣлю до смерти, получилъ предостереженіе, упрекавшее его въ «*недостаткѣ патріотизма*» [1]). Почему это было такъ, довольно понятно. Обличители и

[1]) Въ высшей степени назидательно, что, нѣсколько дней спустя послѣ этого предостереженія и послѣ смерти И. С. Аксакова, вдова его удостоилась получить отъ покойнаго императора телеграмму, гласившую, что государь и

Digitized by Google

отрицатели, выступая болѣе или менѣе явно противъ самаго начала государственности, обличаютъ и отрицаютъ все огуломъ, не вдаваясь въ частности. Другое дѣло—искреннее убѣжденіе ревнителей государственнаго благосостоянія, стоящихъ внѣ чиновнаго міра. Они становятся къ послѣднему въ положеніе конкуррентовъ, тщательно изучая очередные политическіе вопросы, стремясь къ разрѣшенію ихъ въ смыслѣ наиболѣе согласномъ съ пользою отечества. Съ такимъ вмѣшательствомъ не легко мирится бюрократическая рутина. «Noto turbare circulos meos»—говоритъ она докучливымъ совѣтникамъ. Ей дѣла нѣтъ до того, что, не отдѣляя въ понятіяхъ своихъ государя отъ родины, они исполняютъ лишь долгъ присяги, вмѣняющей въ обязанность всякому русскому подданному стоять на стражѣ правъ верховной власти и заботиться о пользѣ государства. Она укоряетъ ихъ въ неподготовкѣ и въ незнакомствѣ съ дѣломъ, ставитъ имъ въ вину заблужденія, неизбѣжныя во всякой человѣческой дѣятельности, точно, будто, сама она непогрѣшима».—Дѣйствительно, наша бюрократія привыкла смотрѣть на себя, какъ на особу неприкосновенную, которой нельзя указывать на ея промахи и недостатки. Между тѣмъ, эти промахи часто наносятъ и авторитету верховной власти, и интересамъ государства неизмѣримо тягчайшій вредъ, нежели свободная, честная критика ихъ. Бюрократіи пора бы понять, что она также точно служитъ отечеству, какъ призвана служить ему печать, что монополія заботъ о благѣ родины не принадлежитъ исключительно ей, что за свои ошибки она должна нести отвѣтъ, также точно, какъ отвѣчаетъ за нихъ и послѣдній обыватель; что публично заклеймить недобросовѣстнаго слугу правительства—значитъ именно выполнить долгъ честнаго русскаго гражданина, а не преступить этотъ долгъ. Близорукость нашихъ «либераловъ» мѣшаетъ имъ различать, откуда находятъ тучи... Честной, въ политическомъ отношеніи, печати приходится круто вслѣдствіе происковъ и козней нѣкоторой (далеко не лучшей) части бюрократіи и единственную защиту она находила всегда въ царѣ. Громадное большинство репрессивныхъ мѣръ противъ печати исходило обыкновенно изъ не въ мѣру усердныхъ канцелярій, и только изъ однѣхъ канцелярій. Извѣстно, что «Ревизоръ» и «Мертвыя души» увидали свѣтъ—на сценѣ и въ печати—только благодаря личному вмѣшательству Николая Павловича, а исторія Карамзина цензуровалась лично Александромъ I-ымъ. Въ настоящее время не-

---

императрица уважали покойнаго знаменитаго публициста, «какъ честнаго человѣка, преданнаго русскимъ интересамъ» (см. статью С. С. Трубачева въ январьской книгѣ «Наблюдателя» за текущій годъ).

Digitized by Google

обходимость предоставить печати бо́льшую свободу одинаково сознана въ обоихъ лагеряхъ, и въ либеральномъ, и въ консервативномъ. Это, очевидно, вопросъ близкаго будущаго. Но, ожидая новыхъ правилъ для печати, мы должны оглянуться также и на самую нашу литературу. Мы и отъ нея должны потребовать новыхъ добродѣтелей, которыя оправдали бы предоставленныя ей права.

Прежде всего, мы пожелали бы многимъ нашимъ литературнымъ органамъ бо́льшей добросовѣстности и затѣмъ бо́льшей любви къ Россіи. Что́ отсутствіе добросовѣстности и любви къ Россіи составляетъ ихъ характернѣйшія особенности, это явствуетъ изъ каждой мелочи. Въ той же декабрьской книгѣ «Вѣстника Европы» напечатана замѣтка г. Л. С. о книгѣ Струве: «По вопросу объ экономическомъ развитіи Россіи». Любопытна и сама замѣтка, но особенно любопытно подстрочное примѣчаніе къ ней. Авторъ отмѣчаетъ «странную выходку» противъ инородцевъ, сдѣланную г. Н. Михайловскимъ въ «Русскомъ Богатствѣ»,—выходку, состоящую въ томъ, что г-ну Струве, какъ инородцу, не подобаетъ-де учить русскихъ писателей русскому языку. «А между тѣмъ», — говоритъ далѣе г. Михайловскій,—«у насъ къ инкрустаціи вопросительныхъ и восклицательныхъ знаковъ, въ цитатахъ изъ русскихъ писателей, чаще всего прибѣгаютъ шествующіе по всѣмъ языкамъ инородцы». «Эти мнимыя притязанія инородцевъ,—продолжаетъ г. Слонимскій,—задѣвающія г. Михайловскаго своею критикою, кажутся ему неумѣстными, надоѣдливыми и скучными. До сихъ поръ мы думали, что разыскивать инородцевъ въ литературѣ и примѣшивать національно-племенные вопросы къ литературнымъ спорамъ свойственно лишь извѣстной части «патріотической печати». Оказывается однако, что въ этомъ отношеніи даже такой прогрессистъ, какъ г. Михайловскій, не брезгаетъ полемическими пріемами, составляющими спеціальность худшихъ элементовъ нашей журналистики».

Въ знаменитомъ стихотвореніи: «На смерть Пушкина», Лермонтовъ, обращаясь къ убійцѣ великаго поэта, Дантесу, восклицаетъ:

«Пришлецъ, онъ дерзко презиралъ
Земли чужой языкъ и нравы,
Не могъ понять онъ нашей славы,
Не могъ понять въ сей мигъ кровавый,
На что онъ руку подымалъ»!

По логикѣ г. Л. С., Лермонтовъ могъ упрекать Дантеса въ чемъ угодно, только не въ томъ, что онъ *пришлецъ*, не русскій человѣкъ. Между тѣмъ, ужасъ положенія въ томъ и заключается, что пришлецы, не понимающіе нашей славы, не дорожащіе ничѣмъ рус-

Digitized by Google

скимъ, на все дерзко и самоувѣренно подымаютъ руку. Г. Михайловскій, не первый разъ, пользуется полемическими пріемами, составляющими спеціальность «худшихъ элементовъ нашей журналистики». Такъ, критику «Сѣвернаго Вѣстника» онъ оказался вынужденнымъ, въ концѣ концовъ, напомнить его не русское происхожденіе, какъ теперь напоминаетъ его г-ну Струве. Это въ высшей степени поучительно, потому что г. Михайловскій прибѣгаетъ къ подобнымъ «нелитературнымъ» пріемамъ не часто, вслѣдствіе ложной щепетильности, а, можетъ быть, и просто изъ нежеланія «дразнить гусей». Какъ бы мы ни оцѣнивали дѣятельность г. Михайловскаго, нужно признать, что, по своему, онъ любитъ Россію, что ему дороги ея интересы и что онъ заботится, главнымъ образомъ, о нихъ. Господа же Л. С. не любятъ Россіи и не дорожатъ ея интересами. Въ качествѣ инородцевъ, они «дерзко презираютъ земли чужой языкъ и нравы». Имъ больно и тяжело, когда *глумятся надъ инородцами*, но *противъ глумленія инородцевъ надъ русскими они ничего не имѣютъ*! Въ этомъ отношеніи, безтактность ихъ заходитъ очень далеко.

Въ декабрьской же книгѣ «Вѣстника Европы» мы находимъ крайне безтактную и неумную защиту финляндскихъ газетъ, напечатавшихъ манифестъ о вступленіи на престолъ императора Николая II съ пропускомъ въ титулѣ словъ: «царь польскій». «Вѣстникъ Европы» полагаетъ, что этотъ пропускъ—пустякъ, о которомъ не стоитъ и разговаривать, что значеніе верховной власти отъ этого не умаляется, какъ не страдаетъ-де, въ сущности, и самая полнота титула. Разсуждать съ такою поп chalence можетъ только не русскій журналъ, только не русскій публицистъ. Мы не станемъ, подобно «Московскимъ Вѣдомостямъ», раздувать до криминала этотъ странный случай, но что онъ на каждаго русскаго человѣка долженъ былъ произвести непріятное и даже тяжелое впечатлѣніе—это внѣ споровъ. Пропускъ двухъ словъ въ титулѣ, въ такомъ важномъ документѣ, какъ высочайшій манифестъ, не извинителенъ даже и тогда, если онъ произошелъ вслѣдствіе простой корректурной небрежности. Вѣдь, послѣ этого, можно пропустить и многое другое! Помимо всякихъ политическихъ мотивовъ, тутъ бросается въ глаза недостатокъ уваженія къ предмету. Нашимъ инородцамъ и иновѣрцамъ, можетъ быть, и кажется естественнымъ смотрѣть на русскаго царя, какъ на чуждаго властелина; но русскіе люди какого бы то ни было лагеря—такъ смотрѣть не могутъ. Еще И. С. Аксаковъ дивился наивности нашихъ космополитовъ, которые прилагали такъ много заботъ къ расширенію инородческихъ правъ. Покойный издатель «Руси» полагалъ, что намъ,

Digitized by Google

собахъ проведенія ежимо позаботиться о сохраненіи и расширеніи ненія теоріи. Иноеь, а затѣмъ уже думать о правахъ инородцевъ. пламенною любовъ прибавить, что инородцы могутъ пользоваться и къ жидамъ, ноіемъ и сочувствіемъ лишь подъ тѣмъ условіемъ, что ненавистно нано сольются съ русскими людьми, что не на бумагѣ *прогрессивн* имени, но и въ дѣйствительности станутъ *русскими* подвзрослыхъ. Всѣ эти косые взгляды, враждебныя перешептыванія и на слѣванія кукишей въ карманѣ, — вовсе не располагаютъ насъ конвать за инородцевъ. Опытъ съ внѣшней политикой, произведенный въ прошлое царствованіе, блестяще доказалъ, что сила и значеніе Россіи заключается въ національномъ самосознаніи, что только *«русская»* Россія способна завоевать себѣ уваженіе Европы, а не Россія нѣмецко-польско-жидовско-чухонско-армянская. Отсюда логически вытекаетъ, что и внутри Россія должна держаться точно также національной политики. Инородцы и космополитствующіе журналы стараются оплевать національную политику только потому, что не хотятъ усиленія Россіи. Имъ слѣдовало бы дѣйствовать честнѣе. Къ чему они противопоставляютъ нашему патріотизму свой и называютъ его русскимъ патріотизмомъ? Русскій патріотизмъ! Да развѣ можетъ существовать русскій патріотизмъ безъ любви къ Россіи? Вѣдь еслибы этотъ патріотизмъ былъ русскимъ, то хоть въ чемъ нибудь, хоть въ какой нибудь мелочи, прорвалась бы симпатія къ русскому. Вотъ г. Михайловскій— русскій писатель. Его оскорбляетъ, что инородецъ, съ грѣхомъ пополамъ выучившись нашему языку, смѣетъ поправлять русскихъ литераторовъ, всосавшихъ духъ и смыслъ этого языка съ молокомъ матери. Ему претитъ развязная критика нашей литературы, производимая безграмотнымъ пришлымъ евреемъ. Г. Михайловскаго можетъ привести въ негодованіе и русскій писатель несочувственнаго ему направленія, но для всякаго ясно, что отрицаетъ и порицаетъ онъ извѣстныя явленія во имя того же, во имя чего дѣйствуетъ и самъ,—во имя любви къ родинѣ, къ русскому народу. Можемъ ли мы спорить о русскихъ интересахъ съ журналами, которымъ эти интересы нисколько не дороги? И теперь, полемизируя съ «Вѣстникомъ Европы», мы ни на одну минуту не сомнѣваемся, что онъ не приметъ ни одного нашего довода. Вѣдь, еслибы онъ въ чемъ нибудь согласился съ нами, онъ ровно настолько же потерялъ бы свое условное значеніе. Онъ долженъ былъ бы вышвырнуть, по крайней мѣрѣ, полъ-лавки своего дешеваго товара, который сходитъ у него теперь за первосортный заграничный. Разсчитывать на подобное самоотверженіе гг. Стасюлевича и Слонимскаго, разумѣется, курьезно. Но мы не ихъ имѣемъ въ виду, а

Digitized by Google

русскую публику. Мы стараемся, по мѣрѣ силъ, отъ руку. Г. Михайному одураченію ея. Мы раскрываемъ карты ж[illegible]ими пріемами, сониковъ, чтобы спасти довѣрчивыхъ и легкомыслен[illegible] нашей журналиотъ слишкомъ наглаго обмана. Русская читающая [illegible]оказался вынужжетъ сама слѣдить за всѣми журналами и газетами, [illegible]ое происхожмися къ пресловутому космополитизму и, вслѣдствіе этого, [illegible]ысшей стекакое дальнѣйшее выраженіе находитъ либерализмъ «Вѣст[illegible]ъ къ поропы» на страницахъ мелкихъ и болѣе откровенныхъ либер[illegible]а ложжидовствующихъ изданій. Для ясности дѣла, намъ придется ска[illegible]разнѣсколько словъ и pro domo sua. Будучи журналомъ національно-про[illegible]грессивнаго направленія, «Наблюдатель» никогда не предпринималъ травли инородцевъ (даже жидовъ) *за то только, что они инородцы.* Наоборотъ, въ цѣломъ рядѣ статей, была уже давно выяснена основная точка зрѣнія журнала. Мы относимся вполнѣ терпимо и къ религіи, и къ языку, и къ различнымъ бытовымъ особенностямъ инородцевъ,—но до тѣхъ поръ, пока они не поворачиваются къ намъ отрицательными сторонами, т. е. пока не *обособляютъ* своихъ главнѣйшихъ интересовъ отъ нашихъ. Но разъ это происходитъ мы рѣшительно не видимъ причинъ, почему выгода нѣмца, поляка или еврея должна получить предпочтеніе передъ выгодою русскаго? Почему это слѣдуетъ признать часть больше цѣлаго? Тогда-то мы приглашаемъ инородцевъ вспомнить, что они живутъ въ Россіи, что преобладающимъ населеніемъ страны является русское населеніе, что инородцевъ у насъ очень много и ихъ племенные интересы не могутъ получить удовлетворенія безъ ущерба для племенныхъ интересовъ другихъ инородцевъ, безъ ущерба, наконецъ, для общегосударственныхъ русскихъ интересовъ. Единственный способъ примирить разнообразныя, взаимно противорѣчивыя требованія, это—привести ихъ къ одному знаменателю, которымъ являются желанія и требованія русскаго народа. Они должны давать тонъ нашей внутренней политикѣ и только съ ними должна сообразоваться наша политика. Вотъ наша точка зрѣнія, отъ которой мы ни на пядь не отступимъ и которая, заключая въ себѣ твердо выраженную, опредѣленно формулированную политическую программу, ужъ конечно, всего менѣе допускаетъ возможность болтать о нашемъ «человѣконенавистничествѣ» и тому подобномъ вздорѣ: люди, подобно намъ любящіе Россію, но не согласные съ нашей программою, приводятъ всякія доказательства, исключая, именно, упрековъ въ человѣконенавистничествѣ, гонительскихъ наклонностяхъ и пр., такъ какъ и для нихъ интересы русскаго народа, судьбы русскаго государства значатъ больше всего. Имъ нѣтъ надобности дискредитировать нашу точку зрѣнія, какъ *русскую*; они спорятъ лишь о спо-

Digitized by Google

собахъ проведенія ея въ жизнь, о способахъ практическаго примѣненія теоріи. Иное дѣло—такъ называемые космополиты, пылающіе пламенною любовью и къ нѣмцамъ, и къ полякамъ, и къ финнамъ, и къ жидамъ, но не носящіе въ сердцѣ ни атома любви къ Россіи. Имъ ненавистно направленіе нашего журнала, *именно, какъ направленіе прогрессивно-національное*. Младенцы пробалтываются иногда за взрослыхъ. Въ одной провинціальной газеткѣ, мы случайно наткнулись на слѣдующую безподобную характеристику нашего журнала: «Въ концѣ девятнадцатаго столѣтія, «Наблюдатель» возымѣлъ мысль *привить средневѣковую идею о гоненіи на всѣхъ* (Боже, какъ это страшно!) кто не имѣетъ счастія быть русскимъ; совмѣстно съ реакціонною печатью, онъ проповѣдуетъ *крестовый походъ противъ всѣхъ народностей* (что за чепуха!) составляющихъ русское государство, и обвиняетъ *лучшую прессу* (какую это «лучшую»?) въ измѣнѣ, называя ее жидовско-либеральною, или псевдо-либеральною, причемъ ссылается на западную Европу, гдѣ, будто бы, идея человѣконенавистничества пользуется правами гражданства! «Наблюдатель» несоображаетъ, что въ Россіи, какъ ни какъ, образовалось уже общество (еврейское?) съ общечеловѣческими взглядами, благодаря чему «жидовско-и псевдо-либеральная» пресса, съ каждымъ годомъ, завоевываетъ себѣ (всего чаще благодаря еврейскому подкупу, замѣтимъ въ скобкахъ) бо́льшій и бо́льшій кругъ читателей»... Далѣе, «Наблюдатель» обвиняется въ намѣреніи объявить религіозно-національную вражду» (!!). Весь этотъ вздоръ не требуетъ, конечно, возраженій съ нашей стороны. Мы приводимъ его, какъ обращикъ *откровеннаго* либерализма, не того русскаго либерализма, представителями котораго въ эпоху Александра I являлись И. П. Пнинъ, П. С. Строгановъ и Н. И. Тургеневъ, а въ болѣе позднюю эпоху—В. Г. Бѣлинскій, кн. В. Ѳ. Одоевскій, А. В. Никитенко, Н. А. Милютинъ и др., но либерализмъ «Русской (?) Мысли» и «Вѣстника Европы»—либерализмъ... *еврейскаго разселенія* и отмѣны «черты еврейской осѣдлости». «Лучшіе органы» нашей печати,—упомянутые въ приведенной выпискѣ,—далѣе называются поименно; это и есть «Русская Мысль», «Вѣстникъ Европы» и др. Согласитесь, что послѣ этого вопросъ становится яснымъ. Намъ не противопоставляютъ даже такого журнала, какъ «Русское Богатство». «Русское Богатство» не рѣшается произнести добраго слова о національномъ направленіи, но видно, что русскіе вопросы все же интересуютъ этотъ журналъ, что онъ занимается исключительно ими, и если мы расходимся съ журналомъ во взглядахъ на значеніе и объемъ этихъ вопросовъ, то не можемъ отказать ему въ заботливости объ интересахъ русскаго народа, русскаго общества, рус-

Digitized by Google

скаго государства. Оттого-то этотъ журналъ и не рѣшились противопоставить «Наблюдателю», хотя «Русское Богатство», отступивъ отъ традицій «Отечественныхъ Записокъ», стало, къ сожалѣнію, мирволить евреямъ,—положимъ, не такъ открыто, какъ «Вѣстникъ Европы» [1]).

Мы не станемъ упоминать о провинціальномъ листкѣ, предлагавшемъ «стакнуться противъ «Наблюдателя» и не выписывать его», такъ какъ это «журналъ человѣконенавистническій»; не станемъ упоминать о тысячѣ мелкихъ выходокъ, поводъ къ которымъ давали наши статьи въ отдѣлѣ «Журналистики» и изслѣдованія по еврейскому вопросу, помѣщавшіяся въ другихъ отдѣлахъ журнала. Не станемъ говорить объ анонимныхъ и подметныхъ письмахъ, о закулисныхъ интригахъ и подвохахъ:—все это въ нравахъ современныхъ бойцовъ израильскаго типа за «правду» и «человѣческое достоинство». Пусть личные интересы и даже интересы журналовъ отступаютъ на задній планъ. Въ началѣ новаго царствованія, необходимо было оглянуться на общее положеніе у насъ патріотической

---

[1]) Взглядъ «Отечественныхъ Записокъ» на сущность «еврейскаго вопроса» высказанъ былъ очень опредѣленно въ редакціонномъ отдѣлѣ журнала, въ критической статьѣ по поводу извѣстной книги юдофила г. Хвольсона: «О нѣкоторыхъ средневѣковыхъ обвиненіяхъ противъ евреевъ». Здѣсь рецензентъ прямо глумится надъ своеобразными «патріотическими очками» евреевъ, которыя мѣшаютъ имъ видѣть и понимать, какъ слѣдуетъ, причины всеобщей ненависти къ этому племени. «Разсудокъ безсиленъ передъ страстью—говоритъ онъ—*доводы безполезны тамъ, гдѣ ихъ, такъ сказать, органически не могутъ воспринять. Всѣ черны, одни евреи бѣлы; всѣ неправы, одни евреи правы;* ихъ «грабятъ», передъ ними «лицемѣрятъ»; ихъ ненавидятъ, потому что имъ завидуютъ; а завидуютъ имъ потому, что *они лучше, сильнѣе другихъ.* Передъ этою неспособностью къ самокритикѣ стоитъ, конечно, остановиться, какъ передъ любопытнымъ фактомъ *національной патологіи*, но бороться съ нею мы не видимъ средствъ». Допуская затѣмъ, что г. Хвольсонъ, можетъ быть, и достигаетъ своей цѣли—убѣдить читателей въ несуществованіи у евреевъ обычая употребленія христіанской крови (хотя, прибавимъ отъ себя, *убѣдиться* въ этомъ можно только тогда, когда *все саратовское дѣло о еврейскомъ кровопійствѣ сдѣлается доступнымъ историческому изслѣдованію*, чего тщетно домогались многіе) рецензентъ ехидно заключаетъ: «*Чувство, диктовавшее это обвиненіе, останется во всей своей силѣ*, потому что останется неприкосновенною *вся та сумма политическихъ, экономическихъ, религіозныхъ, бытовыхъ и національныхъ факторовъ, которая порождаетъ это чувство.* Измѣнится *форма* обвиненій, но формальное измѣненіе—плохой прогрессъ. Посмотрите на современную Германію. Вы не услышите тамъ дикаго обвиненія евреевъ въ употребленіи христіанской крови, но *вы услышите массу другихъ, болѣе осмысленныхъ, болѣе, такъ сказать, культурныхъ, но въ сущности не менѣе тяжелыхъ обвиненій.* У насъ обвиняютъ евреевъ въ буквальномъ кровопійствѣ; на западѣ обвиняютъ ихъ въ томъ же, но аллегорически. Великъ ли, спросимъ мы, барышъ для евреевъ»? (См. «Отеч. Зап.» 1880 г. т. CCL, отд. II). Мы тоже полагаемъ, что не великъ!..

Digitized by Google

печати и печати, прикрывающей космополитизмомъ свое юдофильство, полонофильство и прочія «инородческія симпатіи». Чтобы мы могли дышать свободнѣе, недостаточно однѣхъ правительственныхъ мѣръ. Безпочвенная, якобы либеральная журналистика накладываетъ на независимое, убѣжденное слово такіе же—если не бо́льшіе—путы, какъ и цензурныя строгости. Помнится, «Русская Мысль» возражала мнѣ по поводу «системы замалчиванія», практикуемый либеральною печатью. Но вотъ въ нѣсколькихъ газетахъ я встрѣтилъ (со ссылками и безъ ссылокъ на мою статью) подтвержденіе высказанной въ «Наблюдателѣ» мысли. Жидовско-либеральная печать, по всѣмъ вопросамъ—литературнымъ, политическимъ, финансовымъ и т. д.,—неизмѣнно практикуетъ одинъ и тотъ же гнусный, такъ сказать, воровской пріемъ. Она *выкрадываетъ*, т. е. замалчиваетъ выдвигаемые противъ ея доводовъ аргументы и толкуетъ о человѣконенавистничествѣ, объ идеалахъ Варѳоломеевской ночи и Сицилійской вечерни, о квасномъ патріотизмѣ и т. д., и т. д. Совершенно понятно, что о Варѳоломеевской ночи и о квасномъ патріотизмѣ можно побѣдоносно нести какой угодно вздоръ. Но аргументамъ нужно противополагать аргументы. Оторванными отъ всякой твердой почвы умствованіями нельзя уничтожить значенія фактовъ. Сколько разъ придирались къ отдѣльнымъ фразамъ, выхваченнымъ изъ статей «Наблюдателя», но не было случая, чтобы оспоривались наши доказательства. Неужели этотъ пріемъ замалчиванія, это выхватываніе отдѣльныхъ словъ и выраженій—европейски-полемическіе пріемы? Но пріемы—Богъ съ ними! Мы, главнымъ образомъ, хлопочемъ объ упорядоченіи содержанія нашей журналистики, а до какихъ границъ безцеремонности она доходитъ, видно на примѣрѣ «Вѣстника Европы», изъ декабрьской книги котораго мы сдѣлали достаточно цитатъ.

Направленіе, любезное гг. Слонимскимъ, несомнѣнно доживаетъ послѣдніе дни. Никакіе софизмы, никакія передёржки не остановятъ движенія, принимающаго все болѣе и болѣе опредѣленный характеръ. Русское общество не хочетъ стоять на одномъ мѣстѣ. Оно хочетъ идти впередъ, но идти *своимъ путемъ*, не порывая связи съ исконными особенностями русской жизни, съ основнымъ міросозерцаніемъ народа. Пора перестать намъ поддѣлываться подъ французовъ, нѣмцевъ и англичанъ. Наука для всѣхъ одна и та же; но для насъ не обязательно пользоваться ея благами совершенно на тотъ же образецъ, на какой пользовалась и пользуется ими западная Европа. Не станемъ пренебрегать опытностью, добытой Европою, но будемъ учиться и у своего собственнаго опыта. Въ исторіи другихъ народовъ найдется много моментовъ, значеніе которыхъ неиз-

Digitized by Google

мѣнно и непреложно для всѣхъ; но существуютъ движенія, существуютъ цѣлыя эпохи, которыя имѣютъ для насъ чисто отвлеченный интересъ,—не болѣе. Думать, что Россіи суждено *повторить*, чуть ли не до мельчайшихъ подробностей, исторію различныхъ западно-европейскихъ государствъ—удѣлъ немногихъ легкомысленныхъ головъ. Иными словами мы выразили бы эту мысль такъ: до сихъ поръ русская литература и русское общество мыслили слишкомъ теоретически. Указанія жизни подвергались немедленно критикѣ и одобрялись или порицались—не на основаніи своего прямаго значенія, а въ зависимости отъ того, насколько они противорѣчили навязанной намъ теоріи или отвѣчали ей. Надо съ бо́льшимъ уваженіемъ относиться къ указаніямъ жизни, надо уважать исторію не только давно прошедшихъ дней, но и вчерашняго дня и нынѣшняго. Почему вчерашній день менѣе поучителенъ, нежели давно прошедшіе? Почему мой день менѣе или болѣе поучителенъ, чѣмъ вашъ? Всѣ эти вопросы разрѣшаются въ томъ смыслѣ, въ какомъ разрѣшаемъ ихъ мы, — не безпочвенной метафизикою, а положительною наукою. Именно, съ положительной точки зрѣнія, національная политика,— и только она одна,—даетъ внѣшнюю и внутреннюю, матеріальную и духовную крѣпость государству.

К—скій.

Digitized by Google

ИЗЪ АМЕРИКАНСКОЙ ЖИЗНИ.

(Путевыя впечатлѣнія).

II.

Мормоны.

Извѣстно, что на минувшей Чикагосской выставкѣ громаднымъ успѣхомъ пользовались концерты молоденькихъ мормонокъ, прибывшихъ съ береговъ Соленаго озера. Какъ рѣшились патріархи мормонизма,—офиціально, впрочемъ, упраздненнаго въ штатахъ,—выпустить на волю такую кучу хорошенькихъ головокъ, обрамленныхъ бѣлокурыми вьющимися локонами, представляется мнѣ такой же психологической загадкой, какъ и существованіе самаго мармонизма. Какъ могъ вырости этотъ цвѣтокъ на почвѣ американской равноправности? Какъ могъ развиться именно мормонизмъ въ странѣ, гдѣ мужской авторитетъ такъ рѣзко подорванъ въ глазахъ прекрасной половины человѣчества; гдѣ школа пріучаетъ къ независимости обоихъ половъ; гдѣ студенты сидятъ рядомъ на однѣхъ скамьяхъ со студентками; гдѣ преподаютъ на равныхъ правахъ учителя и учительницы; гдѣ число женщинъ-врачей почти не уступаетъ числу мужчинъ; гдѣ, наконецъ, нѣтъ профессіи, которая бы оставалась исключительно въ рукахъ у бородатаго человѣчества? Женщины въ Америкѣ занимаются репортерствомъ, работаютъ въ судахъ, въ адвокатурѣ, служатъ пасторами, проповѣдниками,—словомъ, на всѣхъ поприщахъ доказываютъ свою независимость и равноправность. И вдругъ, рядомъ съ этимъ, процвѣтаетъ мормонизмъ, который многіе, впрочемъ, несовсѣмъ справедливо отожествляютъ съ рабскимъ положеніемъ женщины на востокѣ. Мормонизмъ, какъ соціальное явленіе, мало изученъ въ европейской, а тѣмъ болѣе въ русской литературѣ. На мормоновъ всегда много и зло клеветали, даже въ Америкѣ. Даже здѣсь—въ этой странѣ равноправности—представителей мормонизма не захотѣли выслушать на конгрессѣ религій, собравшемся въ Чикаго, во время послѣдней всемірной выставки. Мормонъ для многихъ—лишь синонимъ «многоженца», а мормо-

Digitized by Google

низмъ—секта, убивающая отступниковъ и имѣющая своимъ апостоломъ знаменитаго развратника, Брэйгама Юнга. «А между тѣмъ мормоны», говоритъ Гойнсъ—извѣстный изслѣдователь современнаго мормонства,—«это цѣлый народъ, который занимаетъ обширную территорію Утахи, строитъ города, замѣчательные по своимъ санитарнымъ условіямъ и великолѣпію; это народъ, у котораго почти отсутствуютъ преступленія, который обработываетъ обширныя пространства земли и основалъ гражданско-духовную общину, настолько процвѣтающую, что въ нашемъ вѣкѣ не найдется другаго подобнаго примѣра: въ 1830 году, мормоновъ было всего 40 человѣкъ, а теперь ихъ насчитываютъ милліоны».

Мормонизмъ многими разсматривается, какъ помѣсь магометанства съ христіанскимъ ученіемъ, основаннымъ якобы на болѣе правильномъ толкованіи священнаго писанія. Вся эта религія (т. е. ядро ея) изобрѣтена, какъ это ни странно, пятнадцатилѣтнимъ ребенкомъ. Но дѣти дѣтямъ рознь. Не забудемъ, что Милль въ 14 лѣтъ окончилъ университетъ, а Моцартъ въ 10 лѣтъ былъ всемірнымъ геніемъ. Ребенка этого звали Іосифомъ Смитомъ и родина его была небольшая деревушка въ штатѣ Нью-Іоркъ (1805 годъ). То была эпоха, когда въ странѣ горячо обсуждались всевозможные религіозные вопросы и ученія. Эмигранты привезли съ собой въ Америку изъ старой Европы много горечи и сомнѣній, и мальчикъ, жившій въ очень религіозной семьѣ, гдѣ мать страдала видѣніями и галлюцинаціями, чутко прислушивался къ спорамъ, стремившимся установить на землѣ царство правды и добра. 15-ти лѣтъ мальчикъ удалился въ лѣса и тамъ ему также стали являться видѣнія. Два ангела открыли ему, что христіанство уклонилось на ложный путь и ему, Іосифу, поручено свыше вывести его на истинную дорогу и возстановить истинную вѣру. Извѣстно далѣе, какъ Смитъ поднимался на гору Кумару, гдѣ и нашелъ въ пещерѣ золотыя доски, исчерченныя египетскими письменами, и два волшебныхъ стекла (*урим* и *тумим*), помощью которыхъ онъ могъ и дѣйствительно разобралъ эти письмена. Коментаторы и критики увѣряютъ, что вся эта исторія съ досками и стеклами есть не болѣе, какъ грубый обманъ, что Смитъ просто воспользовался одной забытой рукописью протестантскаго пастора Соломона Спаудинга, но почитатели Смита на это отвѣчаютъ, что переводъ египетскихъ письменъ и самая копія съ нихъ были разсмотрѣны двумя профессорами колумбійскаго университета и что оба ученые засвидѣтельствовали подлинность письменъ и вѣрность перевода. «Къ несчастію,—говоритъ Гойнсъ,—послѣ того какъ былъ сдѣланъ переводъ съ таинственнаго текста, составившаго знаменитую «Книгу мормоновъ», самыя доски

Digitized by Google

были унесены обратно ангеломъ, такъ что фактъ ихъ существованія удостовѣренъ лишь Іосифомъ и еще тремя свидѣтелями, будто бы видѣвшими ихъ». Волшебныхъ стеколъ тоже никто не видалъ, кромѣ Смита. Содержаніе «Книги мормоновъ», увидавшей свѣтъ въ 1830 году, сводится вкратцѣ къ слѣдующему. Послѣ вавилонскаго столпотворенія, потомки Іосифа, подъ предводительствомъ вождя Нефи, переплыли океанъ и заселили американскій материкъ. Они вскорѣ раздѣлились на нефитовъ и ламонитовъ или темнокожихъ. Между нефитами и ламонитами происходили вѣчныя усобицы. Нефиты были болѣе культурны и отличались благочестіемъ. Когда Іисусъ Христосъ воскресъ изъ мертвыхъ, то онъ явился, между прочимъ, и къ нефитамъ, и снабдилъ ихъ особыми наставленіями въ вѣрѣ. Нефиты долго пользовались благосостояніемъ, но подъ конецъ ихъ одолѣли ламониты, причемъ пророкъ нефитовъ, Мормонъ, успѣлъ зарыть на горѣ Кумарѣ, въ 420 году, священныя доски и волшебныя стекла, которыя, при божіей помощи, и достались Смиту. «Книга мормоновъ» говоритъ также о вѣрѣ, о первобытномъ грѣхѣ, о вѣчной жизни и другихъ основахъ христіанской религіи. И только съ большой натяжкой можно видѣть въ этой книгѣ простое искаженіе и неумѣлое заимствованіе изъ книгъ Бытія и Апокалипсиса, какъ это утверждаетъ, напримѣръ, Жюль Реми, написавшій извѣстное сочиненіе: «Voyage au pays des Mormons». Прежде чѣмъ отвѣчать на вопросъ, былъ ли Смитъ сознательнымъ обманщикомъ, сообщимъ дальнѣйшіе факты жизни этой необыкновенной личности. Обаяніе Смита было колоссальное и къ этому человѣку нельзя примѣнить поговорки, что никто не бываетъ пророкомъ въ своемъ отечествѣ; наоборотъ, самыми пламенными приверженцами Смита были его родные и красавица жена, Эмма Хель. Вся короткая жизнь Смита прошла въ жестокихъ гоненіяхъ. Не успѣла новая церковь образоваться въ Файетѣ, какъ ненависть враговъ заставила мормоновъ, съ Іосифомъ во главѣ, переселиться въ другой штатъ, гдѣ былъ основанъ городъ Новый Сіонъ. Во всей странѣ, про дѣятельность Іосифа ходили такіе чудесные разсказы; популярность его такъ быстро росла, что «вѣрующіе» стекались сюда массами и массами получали отъ него крещеніе. Изъ множества разсказовъ, характеризующихъ его тогдашнюю жизнь, выберемъ два, которые приводитъ Бойнсъ. Когда толпа маловѣрныхъ желала, чтобы Іосифъ показалъ имъ какое нибудь чудо, то онъ пообѣщалъ имъ пройтись по морю и, собравъ множество народа на морскомъ берегу, разулся. Затѣмъ, прежде чѣмъ войти въ воду, Іосифъ пожелалъ узнать: вѣритъ ли ему народъ.

Всѣ громко закричали, что вѣрятъ. Тогда Іосифъ сталъ снова

Digitized by Google

обуваться, говоря, что этого вполнѣ достаточно, ибо въ писаніи сказано: «блаженны тѣ, кто, не видѣвши, вѣруютъ».

По другому разсказу, къ Іосифу пришелъ однажды нѣкій субъектъ, желавшій во что бы то ни стало добиться отъ него чуда. Іосифъ отказалъ ему наотрѣзъ, но тотъ продолжалъ приставать, и тогда Смитъ рѣзко спросилъ его: «Ну, хорошо, я покажу вамъ чудо; только выбирайте сами,—желаете вы немедленно оглохнуть, ослѣпнуть или стать нѣмымъ»? Назойливый субъектъ смѣшался и убѣжалъ отъ Смита. Но недолго пришлось царствовать Іосифу въ Новомъ Сіонѣ; уже въ 1833 году протестантскіе пасторы вызвали народное возстаніе, во время котораго погибло немало мормоновъ, и самъ пророкъ долженъ былъ бѣжать изъ города. Здѣсь-то, въ несчастіи, и развернулся весь талантъ Смита. Передъ силой его пламеннаго краснорѣчія никто не могъ устоять и бывали случаи, что стража, приставленная сторожить Іосифа, выпускала его; судьи, желавшіе его судить, начинали рыдать, а убійцы мормоновъ—опускали руки и разбѣгались. Онъ владѣлъ величайшимъ талантомъ «гипнотизировать толпу», какъ сказали бы въ настоящее время. Надо удивляться, какимъ образомъ высоко трагичная жизнь Смита до сихъ поръ не послужила темой для драматическаго произведенія, или либретто для оперы. Пророчества Смита несомнѣнно доказываютъ, что онъ былъ человѣкомъ громаднаго ума. Онъ самъ предсказалъ свой мученическій конецъ, предсказалъ скитанія своего народа, наконецъ, поселеніе ихъ на Соленомъ озерѣ и войну сѣвера съ югомъ изъ-за невольничества. Смита и его послѣдователей изгоняли девять разъ, прежде чѣмъ неутомимые мормоны основали на рѣкѣ Миссисипи новый городъ, названный ими Науву, что̀ означаетъ «прекрасный». Здѣсь они продержались нѣсколько лѣтъ, вплоть до трагической кончины Смита. Въ теченіе этихъ нѣсколькихъ лѣтъ, благосостояніе города достигло небывалой степени и конгрессъ призналъ Іосифа офиціальнымъ главою новой общины. Постоянныя преслѣдованія,—какъ это, впрочемъ, часто бываетъ,—послужили мормонизму только въ прокъ и ученіе завоевывало себѣ все новыхъ и новыхъ адептовъ. Мормоны выстроили великолѣпный храмъ, въ который женщины снесли всѣ свои драгоцѣнности, а мужчины отдали даромъ въ распоряженіе строителей свое искусство, знаніе и трудъ. Гроза грянула послѣ того, какъ Смитъ вызвалъ своимъ поведеніемъ не только зависть сосѣдей, но и скрытую внутреннюю оппозицію. Указываютъ на два ложныхъ шага шефа мормоновъ, свидѣтельствующихъ, что сила власти вскружила и его умную голову. Во-первыхъ, онъ публично выступилъ кандидатомъ на постъ президента Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, по адресу котораго опубли-

Digitized by Google

ковалъ очень рѣзкое посланіе, а, во-вторыхъ, закрылъ и окончательно уничтожилъ одну ничтожную газетку, которая занималась измышленіемъ всевозможной грязи и лжи на самого Іосифа и его «святыхъ». Это и послужило сигналомъ къ народному возстанію. Толпу настроили и увѣрили, что Іосифъ боится печатнаго слова, боится гласности, что онъ — тиранъ и развратникъ. Ночью схватили его съ главными помощниками (апостолами), облили смолой, обсыпали перьями и связаннаго отвезли въ сосѣдній городъ Карѳагенъ. Судьи и тутъ не устояли передъ краснорѣчіемъ Іосифа, но толпа изъ послѣднихъ подонковъ общества, пьяная чернь, ворвалась въ тюрьму и перебила всѣхъ мормоновъ, въ томъ числѣ убила и Іосифа. Надъ тѣломъ «пророка» наругались и стрѣляли въ него уже мертваго. Позже та же толпа рыдала и стонала, когда хоронили Іосифа...

Всѣ историки мормонизма согласно признаютъ, что преслѣдованія мормоновъ и непопулярность ихъ сводилась къ слѣдующимъ обстоятельствамъ. Во-первыхъ, мормоны открыто проповѣдывали необходимость скорѣйшаго освобожденія невольниковъ; они были аболиціонистами еще въ тѣ времена, когда вся Америка стояла за невольничество. Затѣмъ они были убѣжденными спиритами и вѣрили въ такія вещи, которыя, лишь спустя 40—50 лѣтъ, перестали разсматриваться, какъ простое «надувательство». Далѣе они, благодаря своей многочисленности, не давали проводить въ конгрессъ и сенатъ людей недостойныхъ и порочныхъ, и такимъ образомъ являлись бѣльмомъ на глазу для всѣхъ темныхъ и грязныхъ дѣльцовъ. Наконецъ, самое многоженство—говоритъ Гойнсъ—«всегда было ненавистно христіанскимъ народамъ, даже тѣмъ, которые готовы покровительствовать беззаконности существующихъ половыхъ отношеній и смотрѣть сквозь пальцы на разныя другія злобы дня».

Какъ бы то ни было, нельзя не признать, что Іосифъ Смитъ на много лѣтъ опередилъ свой вѣкъ; многія его идеи усвоены гораздо позже, напримѣръ, идея аболиціонизма, и такимъ образомъ о сознательномъ обманѣ съ его стороны не можетъ быть и рѣчи. Въ тѣ времена не было Шарко и естествознаніе не успѣло еще выяснить всѣмъ извѣстныхъ теперь явленій транса, гипноза, автоматическаго писанія и проч. Самыя видѣнія Смита получаютъ теперь совершенно иное освѣщеніе и теперь никто не затруднится допустить, что Іосифъ самъ подчинялся этимъ видѣніямъ, вѣрилъ имъ и, увлекая другихъ, не былъ сознательнымъ обманщикомъ.

Самый расцвѣтъ мормонизма еще былъ, однако, впереди. Три года блуждали мормоны въ пустынѣ, прежде чѣмъ достигли обѣтованной земли, т. е. Соленаго озера, расположеннаго между Ска-

Digitized by Google

листыми горами и Сіеррой-Невадой Калифорніи. Предводительствовалъ караваномъ Брейгамъ Юнгъ, бывшій до того правой рукой Смита. Онъ считался его намѣстникомъ по выбору совѣта двѣнадцати апостоловъ. Къ его титулу «пророка» и «папы» присоединенъ былъ новый: «Левъ Господень». Онъ заранѣе намѣтилъ путь къ Соленому озеру, окрестности котораго были ему рекомендованы собственными эмисарами, посылавшимися на поиски за уголкомъ земли уединеннымъ, плодороднымъ и въ то же время съ хорошимъ климатомъ. Задолго до исхода мормоновъ изъ Нуовы, Юнгъ отправилъ впередъ отрядъ людей, которымъ поручено было развести огороды, посѣять хлѣбъ и картофель въ долинѣ Соленаго озера. Въ 1847 году, на берегахъ озера, уже возникъ новый городъ мормоновъ—*Great-Salt-Lake-City*, который и понынѣ составляетъ центръ мормонизма въ Соединенныхъ Штатахъ. Мѣсто было выбрано вблизи озера, которое напомнило переселенцамъ Мертвое море Іудеи. Сходство всей страны съ Палестиной было, однако, весьма слабое, хотя свою рѣку мормоны и окрестили именемъ Іордана.

Само Соленое озеро, подобно нашему Каспійскому морю, представляетъ изолировавшуюся часть нѣкогда безбрежнаго океана. Теперь озеро совсѣмъ высыхаетъ и соленый растворъ въ немъ до такой степени густъ, что люди, прозываемые за свою худобу «спичками», могутъ преспокойно лежать на поверхности этой каши. Вся мѣстность, избранная мормонами, была крайне пустынна и скорѣе напоминала наше каспійское побережье, нежели Палестину. Въ главномъ городѣ мормоновъ теперь насчитываютъ до 50 тысячъ жителей. Перепись 1890 года зарегистровала около 150 тысячъ мормоновъ, сгруппированныхъ въ 425 религіозныхъ общинахъ и разсѣянныхъ главнымъ образомъ по территоріи штата Утаха (Утаха есть названіе одного индѣйскаго племени) и въ двадцати различныхъ штатахъ.

Въ «Іерусалимѣ» мормоновъ, на берегу Соленаго озера, можно встрѣтить лицъ всякой національности: тутъ и англичане, и шотландцы, и американцы, и датчане, и шведы, норвежцы, нѣмцы, швейцарцы, поляки, русскіе, итальянцы, французы, негры, индусы, австралійцы и пр. По числу своихъ адептовъ, мормонизмъ даже является скорѣе скандинавскимъ ученіемъ, нежели сѣверо-американскимъ, хотя всѣ вожди мормоновъ, президенты, патріархи и апостолы, родились въ Соединенныхъ Штатахъ, также какъ и основатель этого братства, Іосифъ Смитъ.

Союзное правительство долго колебалось: какой тактики держаться по отношенія къ мормонамъ; наконецъ, въ 1850 году, Утаха, на правахъ территоріи, вошла въ составъ союза, а Юнгъ

Digitized by Google

былъ утвержденъ губернаторомъ новой провинціи. Развитіе Утахи быстро пошло впередъ и въ скоромъ времени сюда переселилось до 10,000 семей англійскихъ эмигрантовъ. По свидѣтельству Диксона, это былъ цвѣтъ англійскаго рабочаго класса, а не подонки его, какъ распространяли враги мормонизма. Однако, бѣда надвинулась очень скоро. Изъ Вашингтона присланы были въ «Іерусалимъ» коронные судьи, которые пришлись очень не по вкусу мормонамъ своими беззаконными и несправедливыми поступками. Ихъ постарались выжить, а они пожаловались въ Вашингтонѣ на мормоновъ, что они-де и мятежники, и властей не признаютъ, и даже сожгли казенный архивъ. Президентъ Бухананъ поддался на эту удочку, и послалъ противъ мормоновъ войска. Впрочемъ, хорошо освѣдомленные историки Соединенныхъ Штатовъ признаютъ, что Бухананъ явился въ данномъ вопросѣ простымъ орудіемъ въ рукахъ партіи, которая во что бы то ни стало хотѣла сохранить въ странѣ невольничество. Партіи нужно было просто отвлечь правительственныя войска, чтобы дать оправиться южнымъ штатамъ, стоявшимъ за невольничество. И вотъ союзное правительство, уступая популярному девизу: «долой невольничество и многоженство», сыграло, въ сущности, въ руку южанамъ. Но войска, шедшія усмирять мормоновъ и смѣстить Юнга съ губернаторства, встрѣтили неожиданное и крайне упорное сопротивленіе. Долго правительственная армія не могла ничего подѣлать съ мормонами, теряла время въ бездѣйствіи, и когда, въ заключеніе, всѣ вожди ея перессорились между собой, мормоны, по совѣту Юнга, уступили и получили полную амнистію. Свою губернаторскую власть Юнгъ добровольно передалъ комисару Кумингу. Вообще президенты Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, всякій по своему, относились къ мормономъ. Фильморъ сдѣлалъ Юнга губернаторомъ, Бухананъ воевалъ съ нимъ. Линкольнъ предпочиталъ не трогать мормоновъ, но когда ему самому понадобилась надежная пограничная стража во время войны сѣвера съ югомъ, онъ пригласилъ мормоновъ, сказавъ при этомъ: «по крайней мѣрѣ, на нихъ я могу смѣло положиться». Президентъ Грантъ не скрывалъ своей нелюбви къ мормонамъ, но когда онъ рѣшился, наконецъ, въ 1875 году посѣтить «Великій городъ» Соленаго озера и лично ознакомиться съ царствующими здѣсь порядками, то онъ уѣхалъ отсюда въ иномъ настроеніи и произнесъ многознаменательную фразу: «меня ввели въ заблужденіе насчетъ мормоновъ». Теперешній президентъ Кливелендъ рѣшительно игнорируетъ мормоновъ. Въ 1862 году мормоны просили зачислить ихъ территорію въ число «штатовъ» союза, но конгрессъ рѣшительно отказалъ имъ и впервые вотировалъ законъ, воспрещающій, подъ

Digitized by Google

страхомъ тюремнаго заключенія, многоженство во всей территоріи Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ. Въ продолженіе междоусобной войны сѣвера съ югомъ, мормоновъ не трогали, а они сами держали строгій нейтралитетъ и не признавали инаго гражданскаго и религіознаго главу, кромѣ Брейгама Юнга. Законъ, вотированный конгрессомъ, остался чистой фикціей. Тогда же мормоны приняли активное участіе въ постройкѣ трансконтинентальной дороги, пересѣкавшей Утаху, и выстроили даже отъ нея вѣтвь къ «Великому городу» на берегахъ Соленаго озера.

Въ 1870 году, конгрессъ *вторично* вотировалъ законъ, заставлявшій мормоновъ—или отказаться отъ полигаміи, или оставить Соединенные Штаты. Мормоны энергично сопротивлялись; Брейгамъ Юнгъ былъ привлеченъ къ суду, но судъ его оправдалъ. Пророкъ умеръ въ 1877 году, доживъ до 78 лѣтъ, и не указалъ себѣ преемника. Послѣ смерти Юнга, палата представителей въ Вашингтонѣ, въ февралѣ 1882 г., снова большинствомъ 199 голосовъ противъ 42 подтвердила билль, воспрещающій полигамію. На этотъ разъ съ мормонами не шутили. Всѣ дѣти отъ полигамическихъ браковъ, съ 1 января 1883 года, объявлены были незаконными. Мормонству былъ нанесенъ рѣшительный ударъ. «Тысячи мормонскихъ женщинъ,—говоритъ Гойнсъ,—убѣжденныхъ, что онѣ ведутъ безупречную жизнь, были теперь объявлены наравнѣ съ послѣдними изъ послѣднихъ. Три тысячи этихъ женщинъ собрались въ храмъ съ цѣлью заявить протестъ. Плачъ и стенанія раздались по всей странѣ. Но все было напрасно. Многіе отцы семействъ были заключены въ тюрьму, разорены пенями, а семьи ихъ пущены по міру. Вся община чуть было не распалась». Въ одномъ лишь 1890 году, въ тюрьму было посажено 1300 мормоновъ. Теперь Утаха включена въ число штатовъ и мормоны, не желающіе отказаться отъ полигаміи, выселяются въ Мексику, въ округъ Шихуахуа, гдѣ ими закуплено уже 50,000 гектаровъ земли. Мормонъ-многоженецъ теперь въ штатахъ бо̀льшая рѣдкость, чѣмъ зубръ на свободѣ, и правы тѣ путешественники, которые говорятъ, что полигамію и бигамію нынѣ скорѣе можно встрѣтить въ Европѣ, нежели среди американскихъ мормоновъ, которые, если вѣрить офиціальнымъ отчетамъ, окончательно отказались отъ многоженства. Эмисары мормонизма пробовали переносить проповѣдь своего ученія и въ Европу, но, кромѣ Швеціи и Норвегіи, серьезныхъ адептовъ нигдѣ не обнаружилось. Принципъ полигаміи мормоны пытались—хотя и тщетно—отстаивать на почвѣ глубокихъ моральныхъ соображеній. Полигамія, прежде всего, по ихъ мнѣнію, соотвѣтствуетъ духу человѣческой природы. То же самое, какъ извѣстно, утверждали такіе люди,

Digitized by Google

какъ Магометъ, Наполеонъ и Шопенгауеръ, рѣшительно не признававшіе, что полигамія сопряжена съ пониженіемъ женщины и неравномѣрнымъ распредѣленіемъ ихъ, т. е. что бѣдняки лишатся женъ, въ то время какъ богачи заведутъ ихъ десятками. По мысли мормоновъ, моногамія въ корнѣ своемъ покоится на лжи, ибо-де мужчинѣ присуща прежде всего по натурѣ любовь къ разнообразію (а женщинѣ?) и выполненіе данной ему миссіи состоитъ въ томъ, чтобы «плодиться и множиться». Моногамія всегда влечетъ за собою вынужденную невѣрность, обусловливаетъ разводъ — этотъ бичъ современной европейской семьи. Полигамія устраняетъ-де оба эти зла. Слѣдовательно, она болѣе морализуетъ, чѣмъ моногамія (?) которую нарушаютъ и безъ того всѣ мужчины. При моногаміи, является всегда масса незаконныхъ дѣтей,—женатый мужчина оставляетъ на произволъ судьбы и любовницу, и дѣтей. Мормоны ссылаются на то, что и Авраамъ, и Іаковъ, и Саулъ признавали полигамію. Нѣкоему любознательному туристу одна изъ обитательницъ «Великаго города» Соленаго озера, въ отвѣтъ на его разспросы, задала такой вопросъ: «Скажите, пожалуйста, какая цѣль брака? Не правда ли, что цѣль его сводится къ размноженію рода человѣческаго и къ правильному воспитанію молодаго поколѣнія? И несомнѣнно, что для достиженія этой цѣли природа устанавливаетъ разобщеніе женщины отъ мужчины въ теченіе извѣстнаго періода времени,—иначе здоровью ея и нравственности грозитъ великій ущербъ. (Та же аргументація, какъ извѣстно, приводится и у Льва Толстаго). Не допускать этого—значитъ признавать женщину простымъ орудіемъ для грубыхъ, матеріальныхъ наслажденій. Но вѣдь это позоръ и оскорбленіе для женщины! Полигамія, наоборотъ, жалѣетъ цѣломудріе женщины и оберегаетъ физическое и нравственное здоровье дѣтей. Не забудемъ, что въ теченіе девяти мѣсяцевъ беременности и въ теченіе 14 — 15 мѣсяцевъ кормленія грудью моногамическій принципъ обрекаетъ мужчину на холостое положеніе и безплодіе, и, наконецъ, не забывайте,—прибавила юная мормонка,—что лишь одна пятая часть людей на земномъ шарѣ исповѣдуетъ моногамію, полигамія же составляетъ удѣлъ остальнаго человѣчества». Ученый туристъ только руками развелъ на эти горячіе, хотя и въ корнѣ ошибочные доводы убѣжденной мормонки.

Всѣ брачныя формальности у мормоновъ сводятся къ двумъ пунктамъ. Для заключенія втораго брака нужно, во-первыхъ, согласіе первой жены и, во-вторыхъ, согласіе пророка-папы. Этимъ все дѣло и ограничивается, причемъ мормоны увѣряютъ, что у нихъ разводъ рѣже, чѣмъ у христіанъ. Мормоническія сожитія бы-

Digitized by Google

ваютъ трехъ родовъ. Во-первыхъ, по типу гарема. Брейгамъ Юнгъ принялъ эту форму сожительства и соединилъ въ своемъ дворцѣ до 20 женщинъ, самъ же проживалъ въ отдѣльномъ домѣ. По другой системѣ, супругъ проживаетъ подъ одной кровлей со своими женами и, наконецъ, по третьей—мужъ на сутки получаетъ квартиру и столъ у одной изъ своихъ супругъ, живущихъ каждая въ особомъ домѣ. Послѣдней системѣ мормоны отдавали рѣшительное предпочтеніе передъ остальными.

Для отличія между собою различныхъ женъ, къ фамиліи мужа присоединяютъ имя супруги (Марія Юнгъ, Александра Юнгъ, Раиса Юнгъ и т. д.) или же даютъ имъ особые нумера: первый, второй, третій и т. д. Говорятъ, что «пророкъ» Юнгъ особенно одобрялъ этотъ мнемотехническій способъ. Про Юнга вообще ходитъ масса анекдотовъ. Такъ, разсказываютъ, что однажды, гуляя по городу, пророкъ увидалъ компанію ребятишекъ, которые дрались и ссорились между собою. Юнгъ подошелъ, рознялъ дерущихся и собственноручно палкой наказалъ одного наиболѣе виновнаго пузыря. Окончивъ операцію, онъ спросилъ его: «чей ты сынъ»? И ребенокъ отвѣтилъ: «I am president Joung's boy» (я сынъ президента Юнга). Въ самомъ дѣлѣ, это былъ одинъ изъ 56 дѣтей знаменитаго человѣка [1]). Резюмируя и подводя итоги, объясняющіе силу и живучесть мормонизма среди такого общества, какимъ является сѣверо-американское, мы видимъ, что, помимо полигаміи, отъ которой мормоны, повидимому, серьезно отказываются, источникомъ ихъ живучести являются слѣдующіе принципы, исповѣдывать которые имъ не препятствуетъ конституція Сѣверо-Американскихъ Штатовъ. Во-первыхъ, они вѣрятъ, что Богъ проявляетъ себя и понынѣ, какъ въ прежнія времена (черезъ посредство природы и въ *спиритическихъ явленіяхъ*), и что онъ посылаетъ и понынѣ на землю пророковъ-проповѣдниковъ, какъ это дѣлалъ въ древнія вре-

[1]) Недавно въ «Tit-Bits'ѣ» сообщалось: что всѣ дѣти знаменитаго президента мормоновъ Brigham Joung'a, какъ сыновья, такъ и дочери, отличаются превосходнымъ здоровьемъ, замѣчательными физическими силами и умственными способностями. Благодаря хорошему воспитанію, ими полученному, многіе изъ нихъ успѣли сдѣлаться выдающимися адвокатами, врачами, архитекторами, инженерами, писателями и пр.—Разсказываютъ также, что одинъ шотландецъ, по имени Watt, хотѣлъ жениться на своей родной сестрѣ; онъ прибылъ съ нею вмѣстѣ къ Юнгу и просилъ разрѣшенія пророка на этотъ бракъ. Пророкъ, которому молодая шотландка очень понравилась, не далъ просимаго разрѣшенія и черезъ мѣсяцъ самъ женился на ней. Однако, спустя нѣкоторое время, убѣдясь, что взятая имъ особа беременна, пророкъ развелся съ нею и разрѣшилъ Watt'у жениться. Такихъ анекдотовъ анти-мормоны сообщаютъ множество.

Digitized by Google

мена. Наконецъ, третьимъ главнымъ догматомъ и, можно сказать, сутью религіи мормоновъ является трудъ. Мормонизмъ прежде всего рекомендуетъ трудъ и считаетъ первой добродѣтелью умѣнье работать. Бѣдныхъ нѣтъ среди мормоновъ, нѣтъ нищихъ, нѣтъ проститутокъ, нѣтъ пьяницъ. На улицахъ въ мормонскихъ городахъ никогда и никто не видалъ пьянаго человѣка, Такъ, по крайней мѣрѣ, было до пріѣзда къ нимъ «джентилей» (такъ зовутъ мормоны христіанъ, не раздѣляющихъ ихъ ученія) и въ городѣ съ 50 тысячнымъ населеніемъ имѣлось при Брейгамѣ Юнгѣ всего лишь пять полисменовъ, да и тѣмъ ничего было дѣлать.

Гражданскіе законы Утахи поражаютъ своей драконовской суровостью. Изнасилованіе наказывается пожизненнымъ тюремнымъ заключеніемъ. Простое обольщеніе, если оно не прикрыто бракомъ, наказуется 20-лѣтнимъ заключеніемъ и громаднымъ денежнымъ штрафомъ. Прелюбодѣяніе также наказуется тюремнымъ заключеніемъ отъ 3-хъ до 5 лѣтъ. Также строги законы о проституціи. За убійство полагается смертная казнь, за поджигательство — 30 лѣтъ тюрьмы. Незаконнорожденныя дѣти пользуются одинаковыми наслѣдственными правами съ законными. Теперь эта статья отмѣнена съ уничтоженіемъ полигаміи. До сихъ поръ мормоны продолжаютъ отдавать десятую часть своихъ доходовъ (деньгами или натурой) въ пользу своей общины, хотя по основному закону они должны были бы отдавать все, за исключеніемъ части, нужной на поддержаніе собственнаго существованія. Теперь, съ пріѣздомъ «джентилей», появились и въ «Святомъ городѣ» мормоновъ всѣ атрибуты современной цивилизаціи, какъ-то: игорные клубы, кабаки и непотребные дома. «Возьмите,—говоритъ Гойнсъ,—вѣру мормоновъ въ живаго, постоянно являющагося въ откровеніяхъ, Бога, вѣру въ святость пророческихъ миссій, въ общеніе съ мертвыми черезъ посредство спиритическихъ манифестацій; прибавьте къ этому строгое уваженіе къ закону нравственности, затѣмъ *изумительное трудолюбіе и стойкость*, повиновеніе власти, громадную энергію въ эксплуатаціи неистощимыхъ богатствъ новаго свѣта, и — что очень важно—примите во вниманіе цѣлый рядъ такихъ замѣчательныхъ дѣятелей, какъ Іосифъ Смитъ, Брейгамъ Юнгъ, Вудрефъ и др., и вы будете въ состояніи объяснить себѣ причину живучести мормонизма и благосостоянія мормонскаго народа». Во мнѣ лично *Salt Lake City* оставилъ никогда неизгладимое впечатлѣніе, хотя всѣ муниципальныя дѣла при насъ уже были въ рукахъ джентилей. Я очень жалѣю, что не могу представить здѣсь имѣющихся у меня превосходныхъ видовъ этого поразительно красиваго города, гдѣ каждый домъ окруженъ тѣнистымъ садомъ и гдѣ сама улица пред-

Digitized by Google

ставляетъ густую чудесную аллею. Первая моя прогулка по городу привела меня въ восхищеніе: такой чистоты и образцоваго порядка я давно не видалъ не только въ Америкѣ, которая вообще чистотой не грѣшитъ, но даже въ такихъ чистоплотныхъ уголкахъ старой Европы, какимъ, напр., является Голландія, гдѣ улицы и дома моютъ, какъ фарфоровую тарелку. На улицахъ ни одного оборваннаго, непричесаннаго и неумытаго ребенка. Дѣти поражаютъ здѣсь своимъ привлекательнымъ видомъ и *всѣ* безъ исключенія ходятъ въ школу. Улицы всѣ широкія, правильныя; по обѣ стороны, по широкимъ спускамъ, обильно струится вода, проведенная съ горъ. Это одна изъ главныхъ заслугъ мормоновъ. До прихода Брейгама Юнга, мѣстность принадлежала Мексикѣ и сильно страдала отъ недостатка прѣсной воды. Юнгъ преодолѣлъ и это неудобство, и снабдилъ городъ чудесной горной водой. Вся ирригація страны — дѣло рукъ мормоновъ. Мормоны долго пользовались монопольнымъ обладаніемъ этой водой, ее давали лишь членамъ братства, а «джентили» не допускались къ этой водѣ. Это было однимъ изъ средствъ, входившихъ въ программу борьбы для недопущенія чуждаго элемента въ страну.

Salt Lake City очень напомнилъ мнѣ «Пульмановскій городокъ», только тотъ гораздо меньше и не такъ живописно расположенъ. Главная улица, такъ называемая Восточная храмовая улица, прямо вывела меня къ хлѣбному полю и вдали вырисовались на небѣ чудныя снѣжныя горы изъ цѣпи Васачъ (Wahsatch). Нѣкоторыя горы достигаютъ здѣсь почти высоты Эльборуса, и вѣчно покрыты бѣлоснѣжнымъ покровомъ. А вотъ сверкнула на солнцѣ и синяя чешуя Соленаго озера. День былъ удушливо жаркій и мы рѣшили закончить нашъ первый бѣглый обзоръ города купаньемъ въ озерѣ.

Озеро это — настоящее море по величинѣ; въ окружности оно не менѣе 300 верстъ; на сѣверо-западѣ глазъ не видитъ ни береговъ, ни горъ, ничего, кромѣ воды, какъ въ океанѣ. Глубина озера ничтожная, нигдѣ нѣтъ болѣе десяти аршинъ, а въ среднемъ не болѣе сажени. На озерѣ имѣется нѣсколько острововъ (9), изъ которыхъ бо́льшій (Antelope-Island) служитъ у мормоновъ своего ро́да громаднымъ скотнымъ дворомъ: островъ имѣетъ 16 миль въ длину и 5 въ ширину. Здѣсь прежде паслись спеціально стада Брейгама Юнга. Мы расположились купаться прямо на берегу, возлѣ небольшаго ручья чистой прѣсной воды. Въ Соленомъ озерѣ рѣшительно нельзя ни потонуть, ни утопиться. Вода такъ плотна, что можно лечь на спину и заснуть. Когда плывешь, то ноги сами выскакиваютъ изъ озера. На 100 частей воды приходится чуть ли не 20

Digitized by Google

частей соли, тогда какъ въ морской водѣ эта пропорція соли меньше въ четыре, пять разъ. По выходѣ изъ воды, все тѣло тотчасъ же покрывается соляными инкрустаціями. Человѣкъ моментально превращается въ какой-то сталактитъ или просто въ соляной столбъ. Чтобы смыть съ себя соль, мы окунались въ прѣсный источникъ, иначе нельзя и принимать ванны Соленаго озера. Въ озерѣ не живутъ ни рыбы, ни молюски. Даже форель, приносимая сюда прѣсными потоками, тотчасъ же погибаетъ. Изъ животнаго царства въ водѣ можетъ жить одна личинка (ephydra) и похожее на рака существо. Зоологи называютъ его artemia gracilis. Милліарды этихъ ракообразныхъ и личинокъ копошатся въ почвѣ береговъ. Нѣсколько лѣтъ какъ мормоны стали добывать соду, которая родится натурально близъ ихъ озера и въ 1892 году было извлечено не менѣе 750 тоннъ этого продукта. Растительное царство также крайне бѣдно и въ водѣ озера живетъ только одна водоросль. Ни лѣса, ни кустарники не растутъ на этой пропитанной содой и солью почвѣ, и за дровами, для топлива, приходится ѣздить далеко въ горы. Когда мы возвращались домой съ купанья, насъ обогналъ тихой рысью почти совершенно голый индѣецъ на бѣлой лошади. Цѣлая корона изъ перьевъ украшала его голову, длинные блестящіе черные волосы разсыпались по плечамъ, тѣло и лицо раскрашены яркой желтой краской. Индѣецъ былъ,—какъ намъ показалось, — вооруженъ съ головы до ногъ; онъ свирѣпо взглянулъ на насъ, что-то пробормоталъ (моя спутница инстинктивно прижалась ко мнѣ) и, не обращая больше на насъ никакого вниманія, скоро скрылся изъ виду. Индѣйцы съ мормонами издавна водятъ дружбу. Еще въ началѣ, когда Брейгамъ Юнгъ привелъ свой караванъ на берега Соленаго озера, было рѣшено, что дешевле обойдется прокормить бѣдняка-индѣйца, чѣмъ вѣчно воевать съ нимъ. Впрочемъ, поселенцы начали было воздвигать вокругъ всего поселенія, въ защиту отъ набѣговъ дикарей, толстую стѣну изъ высушеннаго на солнцѣ ила. Остатки этой стѣны сохранились и по днесь, и мнѣ показывали ихъ, какъ археологическую рѣдкость. Но стѣна не понадобилась, никакихъ набѣговъ не было, и индѣецъ сталъ скоро лучшимъ другомъ мормона, защищалъ его даже отъ «джентилей» и помогалъ вести войну съ союзными войсками.

На другой день, насъ повели въ концертъ, который устроенъ былъ въ знаменитомъ зданіи, называемомъ «Tabernacle»; на устройство этой скиніи, говорятъ, пошло больше драгоцѣнностей, чѣмъ на постройку знаменитаго храма Соломона. Кварталъ, гдѣ расположенъ храмъ,—самый центральный въ городѣ. Храмъ виденъ отовсюду; такъ и чувствуется, что это—центръ всѣхъ из-

Digitized by Google

мѣреній и началъ, духовныхъ и иныхъ. Подъ общественныя зданія въ центрѣ города отведено десять акровъ; тутъ и старая, и новая скинія; тутъ и подземелья, въ которыхъ, говорятъ, происходятъ спиритическіе сеансы; тутъ и знаменитый «Endowment house», въ которомъ совершаются или, вѣрнѣе, совершались таинственные обряды мормонизма. Непосвященнаго, «язычника», туда не допускаютъ вовсе. Любопытное зданіе это заключаетъ въ себѣ множество комнатъ, богатый асортиментъ декорацій, сцену, великолѣпную занавѣсь и всѣ приспособленія для исполненія великой драмы, изображающей сотвореніе міра, паденіе человѣка, появленіе Искупителя, великую ересь и окончательную реставрацію религіи проповѣдью Іосифа Смита. Въ этомъ домѣ производится пріемъ новыхъ членовъ братства, крещеніе ихъ и посвященіе, на манеръ масонскаго, въ различныя степени ордена (президентъ, апостолы, патріархи, совѣтъ семидесяти, епископы, пастыри, учители, евангелисты и т. д.).

Намъ показывали и «Львиный домъ», гдѣ проживалъ знаменитый Брейгамъ Юнгъ, глава церкви «святыхъ послѣднихъ дней». Это—очень изящное трехъэтажное зданіе съ зеркальными стеклами и портиками, съ изображеніемъ «льва» надъ воротами. Эмблема выбрана рѣшительно неудачно, такъ какъ царь звѣрей постоянно довольствуется одной супругой и такимъ образомъ является положительнымъ моногамистомъ. Постройка Табернакула—единственная въ архитектурномъ отношеніи въ цѣломъ свѣтѣ. Это—громадный дворецъ элиптической формы, имѣющій въ длину не менѣе 300 футовъ. Вышина постройки не менѣе 50 метровъ и издали зданіе напоминаетъ гигантскую яичную скорлупу. Вся внутренность состоитъ изъ одной колоссальной залы, въ которой свободно размѣщается до 10 тысячъ человѣкъ. Въ день концерта зала была великолѣпно освѣщена электрическими огнями. Особенно хорошъ былъ хоръ, состоявшій изъ нѣсколькихъ сотъ свѣжихъ молодыхъ голосовъ. Пѣніе идетъ подъ акомпанементъ превосходнаго густаго органа. Но лучше всего намъ понравилась игра на мандолинѣ. Исполнителемъ явился знаменитый Ladies Mandolin Club, который давалъ концерты и на минувшей выставкѣ въ Чикаго. На эстрадѣ появилось 25 молоденькихъ женщинъ, на всѣхъ надѣты были блѣдно-голубыя платья съ короткими широкими рукавами какого-то оригинальнаго покроя. У каждой черезъ плечо шелъ желтый шарфъ и вмѣсто корсажа надѣта какая-то испанская курточка съ погремушками. Дирижировала прелестная миссъ вся въ бѣломъ съ золотомъ. Я и теперь еще вижу передъ собой ея серьезное, блѣдное личико и слѣжу за граціозными движеніями ея хорошенькой ручки. Вообще, глядя на всю эту чин-

Digitized by Google

ную публику, собравшуюся на концертъ, на всѣхъ этихъ хорошенькихъ, со вкусомъ одѣтыхъ, женщинъ, на строгихъ и серьезныхъ мужчинъ въ черныхъ сюртукахъ, просто не вѣрилось, что я нахожусь среди мормоновъ, среди тѣхъ самыхъ несчастныхъ людей, которые, всего какихъ либо тридцать, сорокъ лѣтъ тому назадъ, усталые и голодные, въ рубищѣ явились со своимъ жалкимъ караваномъ въ мертвую пустыню на берега Соленаго озера. Какое рѣзкое превращеніе, какая необычайная живучесть, совершенно сказочная, если судить по мѣркѣ нашей русской жизни!..

Мормоны вдохнули жизнь въ мертвую пустыню и превратили ее въ цвѣтущій оазисъ. Соленая почва оказалась пригодной не только для культуры всевозможныхъ плодовъ, хлѣбовъ и овощей, но и для произрастанія винограда и хлопка. Калифорнійская лоза даетъ здѣсь виноградъ лучшій, чѣмъ въ Калифорніи. Имѣются попытки разводить даже китайское чайное растеніе. Многимъ ли извѣстно поэтическое буддійское преданіе, которое имѣется по поводу происхожденія этого растенія? Знаменитый буддійскій проповѣдникъ Дарма, страшно измученный отъ долгихъ трудовъ, уснулъ въ тѣни придорожныхъ деревьевъ. Когда онъ проснулся, то устыдился своей слабости, а потому, отрѣзавъ себѣ вѣки, бросилъ ихъ на землю. Изъ вѣкъ выросъ великолѣпный чайный кустъ, листочки котораго получили благодѣтельное свойство прогонять сонъ. Мормоны безъ мучительной операціи разводятъ этотъ кустъ, который рекомендовалъ своимъ послѣдователямъ суровый Дарма. Миндальное дерево, сорго и сахарный тростникъ культивируются также съ успѣхомъ въ «Большомъ бассейнѣ». Но главными продуктами все же являются пшеница и кукуруза, а также картофель, ленъ и конопля. Но истинное богатство территоріи — это ея превосходныя пастбища (пучковая трава, или «bunch-grass»), служащія естественной родиной мериносской овцы и кашмирскаго козла, и—наконецъ—изобиліе всевозможной руды. Одинъ изъ мормоновъ увѣрялъ меня, что скоро настанетъ то время, когда народъ «послѣднихъ святыхъ» будетъ соперничать своими издѣліями со знаменитыми аналогичными издѣліями Персіи и Индостана (шали и ковры). Всякой дичи въ «Большомъ бассейнѣ» великое множество, и мы, въ теченіе нашего пребыванія въ Утахѣ, имѣли за столомъ или куропатокъ, или дикихъ курочекъ, которыхъ также много и у насъ на сѣверномъ Кавказѣ. Гремучей змѣи мнѣ такъ и не удалось увидать, хотя не рѣдкость встрѣтить и теперь это страшилище на берегахъ Соленаго озера. Но чего особенно много въ городѣ Соленаго озера—это мухъ. Такихъ огромныхъ, черныхъ, неуклюжихъ мухъ я не видалъ во всемъ свѣтѣ. Это истинно божеское наказаніе! Чтобы

Digitized by Google

избавиться отъ такой мухи, нужно ее убить, иначе она изведетъ васъ своимъ приставаніемъ. Изъ минеральныхъ богатствъ отмѣтимъ прежде всего желѣзную руду, каменный уголь, сѣру, слои селитры и самородную соду. Открытіе богатыхъ серебряно-свинцовыхъ залежей привлекло сюда массу «джентилей», къ великому огорченію мормоновъ, которые были не рады своему богатству.

Мормоны распространили въ Утахѣ лошадь, быка, мула, осла, барана, свинью и весь контингентъ нашихъ птичьихъ дворовъ. Одинъ изъ туристовъ, посѣтившихъ Утаху, нашелъ, что «мормоны—самый промышленный народъ въ цѣломъ свѣтѣ». Вся страна покрыта заводами сахарными, кожевенными, чугунно-плавильными заводами, лѣсопильнями, мукомольнями, ткацкими и бумажными фабриками, маслобойнями, гончарными заводами, картонными фабриками, оружейными мастерскими, шапочными заведеніями и т. д. Здѣсь, какъ въ мѣстѣ, гдѣ сходятся европейскіе работники всѣхъ странъ, нѣтъ и не можетъ быть никакого затрудненія пустить въ ходъ любое торговое предпріятіе, двинуть любую отрасль промышленности.

Въ городѣ мормоновъ мнѣ показывали знаменитую гравюру, которая украшаетъ квартиру почти всякаго «святаго». На гравюрѣ изображенъ тотъ моментъ, когда чернь убила Іосифа Смита, и онъ лежитъ простертымъ, съ раскинутыми руками, на полу своей темницы. По преданію, въ это время къ Іосифу подскочилъ громаднаго роста миссуріецъ, лицо котораго было вымазано сажей; онъ хотѣлъ отсѣчь пророку голову, за которую обѣщано было крупное денежное вознагражденіе. Но когда онъ съ ножемъ въ рукѣ подступилъ къ Іосифу (этотъ моментъ и изображенъ на гравюрѣ) между нимъ и его жертвой упалъ съ неба огонь и вырвалъ ножъ изъ руки убійцы.

Я пробылъ въ городѣ мормоновъ слишкомъ недолгое время, чтобы прочно, т. е. безошибочно, выяснить себѣ, дѣйствительно ли билль конгресса окончательно упразднилъ въ странѣ полигамію, какъ то утверждаютъ офиціальные отчеты, или же билль остается билломъ, а жизнь мормоновъ течетъ своимъ чередомъ. Пользуясь привезенными мною рекомендательными письмами къ одному изъ выдающихся «святыхъ нашихъ дней» К**,—чуть ли не къ современнику Іосифа Смита,—мнѣ удалось узнать отъ него слѣдующее. «Полигаміи болѣе не существуетъ у мормоновъ. Штатъ Утаха до такой степени кишитъ правительственными шпіонами, что рискованно было бы не только взять вторую жену, но сѣсть «обѣдать» за одинъ столъ съ двумя женщинами. Тотчасъ же послѣдуютъ доносъ и арестъ со всѣми удобствами современной американской тюрьмы. Рѣшено покориться, и вожаки мормонизма, связывая съ

Digitized by Google

этимъ вопросомъ глубокое религіозное и соціальное значеніе, уже твердятъ народу, что общеніе съ загробнымъ міромъ, «новое откровеніе» требуетъ отъ нихъ принесенія этой уступки. Такъ хочетъ не только суровый «Вашингтонъ», но и ихъ собственный Богъ».

Найдя этотъ выходъ изъ своего критическаго положенія, нужно было позаботиться о судьбѣ своихъ дѣтей и ихъ матерей. Пришлось объявить своимъ женамъ, что онѣ свободны и могутъ выходить замужъ, если это имъ заблагоразсудится. Что же касается дѣтей, то всѣ сколько нибудь состоятельные мормоны продолжаютъ давать средства не только на ихъ содержаніе и воспитаніе, но и на содержаніе ихъ матерей.

Все же мормоны думаютъ, что имъ грозитъ серьезная соціальная опасность. Уже и теперь они не знаютъ, что̀ дѣлать съ массой одинокихъ женщинъ и куда и какъ ихъ пристроить. Среди этихъ женщинъ, являющихся въ «Великій городъ» Соленаго озера, немало природныхъ американокъ. Это явленіе, вѣроятно, объясняется тяжелыми условіями жизни въ Соединенныхъ Штатахъ. Съ одной стороны, условія заработка для дѣвушки не легки, съ другой—у нихъ велико стремленіе къ комфорту. Американка, ни при какихъ обстоятельствахъ, не возьметъ на себя прислужнической профессіи (горничной, кухарки, няни). Какъ лакейское сословіе рекрутируется спеціально изъ негровъ и пріѣзжихъ изъ Европы эмигрантовъ, такъ и на должность женской прислуги никогда не пойдетъ природная американка и сдѣлается скорѣе женою мормона, нежели горничной. При этихъ условіяхъ, идея равноправности представляется ей менѣе нарушенной.

Брейгамъ Юнгъ понялъ американскихъ женщинъ и прилагалъ всѣ усилія, чтобы и у мормоновъ онѣ не сидѣли, сложа руки. Онъ не только организовалъ для нихъ высшее образованіе, но отдалъ въ ихъ руки завѣдываніе всѣми благотворительными дѣлами. Къ тому же періоду относится возникновеніе въ городѣ мормоновъ всевозможныхъ женскихъ союзовъ и обществъ, съ цѣлью «взаимнаго исправленія», «самоулучшенія», «самообразованія» и т. д. Теперь, по словамъ стараго могикана мормонства, вся трудность соціальной задачи, съ которой тщетно борются старыя христіанскія общества Европы и Америки, падаетъ снова и на нихъ. Главная задача экономической политики—дать всѣмъ и каждому минимумъ средствъ, нужныхъ для приличнаго *человѣческаго* существованія—не поддается рѣшенію при неустройствѣ въ области нравственной политики. А нравственныя основы мормонскаго общества нынѣ, безъ сомнѣнія, совершенно расшатаны, даже разрушены, и шефы современнаго мормонизма безсильны вдохнуть жизнь въ разлагающійся трупъ...

В. Святловскій.

Digitized by Google

ВЪ ЖЕЛѢЗНОДОРОЖНОМЪ МІРѢ.

(Очерки и картинки.)

V.

Прошелъ годъ со времени моего поступленія на желѣзную дорогу. Произошли нѣкоторыя несущественныя перемѣны, которыя, впрочемъ, коснулись и меня. Мнѣ было предложено другое мѣсто—въ канцеляріи управленія дороги, съ окладомъ значительно превышавшимъ тотъ, который я получалъ. Я принялъ это предложеніе тѣмъ болѣе охотно, что время занятій было одинаково.

Съ перемѣной мѣста службы перемѣнились и обстановка, и товарищи по занятіямъ. Я сталъ ближе къ центру желѣзнодорожной дѣятельности; теперь на моихъ глазахъ, какъ въ панорамѣ, развертывалась вся система эксплуатаціи, весь желѣзнодорожный строй.

Управляющій Бугаевъ царилъ здѣсь,—царилъ также, какъ блаженной памяти Китъ Китычъ Брусковъ царилъ въ Замоскворѣчьѣ, въ своихъ каменныхъ палатахъ, за семью замками. Только Бугаевъ дѣйствовалъ открыто, смѣло, нисколько не стѣсняясь ни условіями приличія, ни хоть бы тѣнью легальности. Канцелярія въ его отсутствіе представляла довольно веселое, оживленное мѣсто, куда собирались всѣ начальники службъ и другіе высшіе агенты, собирались, чтобы поболтать, узнать новости и вообще провести время. Комнаты канцеляріи и пріемной были чистыя, свѣтлыя и просторныя. Дышалось легко и свободно, но только до тѣхъ поръ, пока не появлялся Бугаевъ. Тогда все бѣжало по своимъ мѣстамъ, бѣжало со страхомъ, не зная еще, въ какомъ онъ находится расположеніи духа. Это называлось «дисциплиной». Вообще дисциплиной называлось униженіе человѣческаго достоинства во всякихъ формахъ и видахъ. Это униженіе ставилось въ обязанность всякому служащему.

Бугаевъ унижался и преклонялся передъ предсѣдателемъ правленія, смотрѣлъ ему въ глаза, улавливалъ желанія и подавалъ въ случаѣ надобности калоши. Тѣхъ же самыхъ *выраженій чувствъ* онъ требовалъ и отъ подчиненныхъ по отношеніи къ себѣ. Секретарь

Digitized by Google

дѣйствовалъ и поступалъ именно такимъ образомъ, съ невинностью младенца смотря въ глаза своему начальнику.

Секретарь называлъ управляющаго: *онъ*. Нужно было слышать, какимъ тономъ произносилось это «онъ»...

— *Онъ* такъ желаетъ... Въ какомъ расположеніи онъ? Онъ въ правленіи? Я ему скажу... и проч.—Когда происходило на дорогѣ несчастіе: столкновеніе или какой нибудь иной безпорядокъ, тогда закипала необычайная дѣятельность. Всѣ бѣгали съ одного мѣста на другое, искали телеграммы, правила; писали, переписывали, рвали и вновь писали... Разсыльные сбивались съ ногъ. Маленькіе агенты канцеляріи просто дурѣли. *Самъ* кричалъ, рвалъ и металъ. Прибѣгали начальники отдѣльныхъ частей и со страхомъ убѣгали. Секретарь улавливалъ точку, тонъ, на которомъ и успокоивалъ «самого». Тогда стихала горячка.

Помню, я сидѣлъ въ кабинетѣ управляющаго и читалъ ему какую-то бумагу, составленную секретаремъ. Управляющій позѣвывалъ, повидимому, разсѣянно слушая докладъ. Вдругъ онъ оживился.

— Повторите, пожалуйста, это мѣсто,—пригласилъ онъ меня.

Я исполнилъ его просьбу. Бугаевъ побагровѣлъ.

— Потрудитесь позвать ко мнѣ секретаря.

Секретарь Крысинскій не замедлилъ явиться.

— Прочтите, что́ вы написали! Я вамъ какъ приказывалъ изложить это? а?

Онъ швырнулъ докладъ секретарю.

— Я написалъ такъ, какъ вы...

— Молчать! —заоралъ во всю глотку Бугаевъ.—Противорѣчить?!.

Онъ стукнулъ изо всей силы кулакомъ по столу. Я поспѣшилъ вонъ изъ кабинета. Долго я не могъ успокоиться и забыть эту дикую сцену.

Но Крысинскій, какъ ни въ чемъ не бывало, вышелъ изъ кабинета, хотя слегка розовенькій, но улыбающійся, и, обхвативъ меня за талію, спросилъ конфиденціально:

— Что съ «нимъ» такое?

Я поспѣшилъ уклониться отъ интимностей и, кажется, ничего ему не отвѣтилъ. Можете себѣ представить, какая была атмосфера въ канцеляріи послѣ такихъ сценъ, каково чувствовали себя маленькіе люди, которыхъ нужда согнала сюда, въ это мѣсто, гдѣ человѣческое достоинство не стоило ломанаго гроша, гдѣ «дисциплина» существовала для комерческихъ аферъ и гешефтовъ!

Когда я поступилъ въ канцелярію, составъ ея былъ такой: прокутившійся и разорившійся помѣщикъ писалъ безплатные би-

Digitized by Google

леты и разсказывалъ скабрезные анекдоты, причемъ притворялись двери. Это дѣлалось потому, что секретарь не былъ посвященъ въ анекдотическую область, и еще потому, что въ другой комнатѣ сидѣла дама—«журналистка». Подстаршій агентъ, исправлявшій должность контролера, отставной гусаръ, былъ самымъ внимательнымъ слушателемъ анекдотовъ и даже нѣкоторые записывалъ въ особую, хранившуюся у него въ карманѣ, книжку.

Переписчики были молодые люди изъ желѣзнодорожнаго училища, люди еще свѣжіе, интересующіеся не однимъ только желѣзнодорожнымъ міромъ. Эти люди почитывали книги, газеты и не особенно дружелюбно посматривали на кабинетъ управляющаго. Молодость съ ея надеждами и мечтами краситъ всякіе мрачные вертепы. Эти молодые люди, получившіе маленькое образованіе въ желѣзнодорожномъ училищѣ, вели себя прекрасно, — анекдотовъ не слушали, работали усердно и жили между собою дружно. Вотъ весь составъ канцеляріи. Было еще трое разсыльныхъ, изъ которыхъ старшій—довѣренное лицо и любимецъ Бугаева, большой политикъ и порядочный негодяй—Пуговкинъ имѣлъ несомнѣнные доходы. Онъ могъ устроить свиданіе съ «самимъ». Подрядчики видимо уважали *старшаго*, жали ему руки и звали «попить чайку».

Не легко было проводить шесть часовъ въ сутки въ такой компаніи, но ко мнѣ всѣ относились хорошо, какъ къ человѣку, близко знакомому съ предсѣдателемъ и не пользовавшемуся протекціей для того, чтобы «пролѣзть». Теперь, когда я далекъ отъ этого міра, когда свободно и сознательно распоряжаюсь собой и оцѣниваю впечатлѣнія, давно пережитыя, я не могу скрыть передъ собою удивленія, что могъ служить въ этомъ мѣстѣ и не искалъ, не старался перейти туда, гдѣ не было «политики», а была только одна служба, одна работа.

Вѣдь я попалъ въ самый центръ желѣзнодорожной интриги и не бѣжалъ отъ нея, волей-неволей принимая въ ней участіе, безсознательно наблюдая и стараясь выяснить свое положеніе. Работы у меня было мало. Секретарь не посвящалъ меня въ тайны администраціи, Бугаевъ интересовался мной не особенно.

Я знакомился съ желѣзнодорожниками и нерѣдко проводилъ съ ними время. Нашлись «добрые ребята». Выпить, закусить, посмѣяться, достать для знакомаго безплатные билеты—вотъ что связывало небольшой кружокъ, съ которымъ я обѣдалъ и бывалъ въ театрѣ. Это были два бухгалтера, архитекторъ и раздатчикъ жалованья—лицо далеко не послѣднее въ администраціи, персона, у которой можно впередъ «подъ жалованье» взять денегъ. Одно время это была тѣсная компанія, которая, однако, вскорѣ распалась. Бухгалтеры пошли

Digitized by Google

въ гору, архитекторъ былъ упраздненъ по сокращеніи штата, а раздатчикъ былъ просто уволенъ по нижеслѣдующему эпизоду. Бывшій священникъ, добродушный, но недалекій человѣкъ, онъ такъ и льнулъ къ начальству, въ которомъ видѣлъ, что называется, «отца роднаго». Впрочемъ, начальство и поступило съ нимъ вполнѣ «по родственному». Когда рождались у Черняева дѣти, то въ крестные онъ звалъ непремѣнно управляющаго или какого нибудь важнаго инженера. Пили шампанское, играли въ винтъ, больная еще мать радовалась, что супругъ такъ близокъ и хорошъ съ начальствомъ. Чувствовалось общее благополучіе и, конечно, Черняевы были вхожи къ *самому*, гдѣ тоже играли въ карты и проводили время.

Шли годы, прибывали дѣти. Все росло и развивалось; развивались и алчныя потребности Бугаева. Подвернулась выгодная и большая постройка новой линіи. Бугаевъ торжествовалъ, становился на высоту крупнаго подрядчика, былъ у большихъ денегъ... Но объ этомъ послѣ.

У Черняева въ это время умерла жена. Покойницу похоронили, остались дѣти, которыхъ крестили важные инженеры и въ ихъ числѣ Бугаевъ. Черняевъ погрустилъ, поплакалъ, ему сочувствовали, но со временемъ все забылось и Черняевъ одинъ ходилъ къ благодѣтелю Бугаеву играть въ карты и присутствовать на семейныхъ вечерахъ.

Прошло шесть недѣль, прошли три мѣсяца, и у Черняева появились пунцовые галстуки и видъ далеко не неутѣшнаго вдовца.

У Бугаева на возрастѣ была дочь, лѣтъ восемнадцати, невѣста. И вотъ несчастный раздатчикъ жалованья вздумалъ «осмѣлиться» предложить ей руку и сердце... Каково?!. До чего можетъ довести вольномысліе?!. Черняевъ осмѣлился...

Онъ былъ титулярный совѣтникъ,
Она—генеральская дочь...
Онъ робко въ любви объяснился,
Она прогнала его прочь...

Вы помните это, читатель? Съ Черняевымъ было хуже, а именно; «онъ» прогналъ его со службы... да! Бугаевъ такъ разсвирѣпѣлъ, что и слышать не хотѣлъ о своихъ крестникахъ, о томъ, что это дѣло домашнее, а не служебное. Еслибы онъ имѣлъ силу и право, то навѣрно бы за такую неслыханную дерзость сослалъ Черняева въ каторжныя работы лѣтъ на двадцать... Но... онъ только прогналъ его немедленно со службы.

Это былъ фуроръ! Говорили вездѣ, и на линіи, и въ конторахъ. Важные агенты качали головами, а неважные удивлялись «случаю» и еще больше трепетали.

Digitized by Google

Настали для Черняева тяжелые дни; бухгалтеры отъ него отвернулись и прекратили знакомство. Архитектора тоже уволили, какъ не подходящаго къ «дисциплинѣ». Еще и теперь можно видѣть страннаго человѣка съ блѣднымъ лицомъ на вокзалѣ. Человѣчекъ говоритъ о правдѣ, о томъ, что онъ ее добьется. Его никто не слушаетъ—это Черняевъ!

Но я уклонился. Ранѣе я говорилъ, что безсознательно наблюдалъ чуждую для меня жизнь. Вѣроятно, вотъ эти новыя и странныя впечатлѣнія гипнотизировали меня, не давали возможности критически отнестись къ самому себѣ, къ своему положенію. Мнѣ и въ голову не приходило, что и со мной можетъ случиться нѣчто несуразное, нѣчто такое, что̀ заставитъ страдать долго и мучительно. Нравственная безпринципность, самодурство, деньги — вѣдь это сила, положимъ, грубая, но все таки сила, хватающая васъ за горло.

Итакъ, я жилъ и служилъ, приглядываясь. Семья моя радовалась, что я имѣю хорошее мѣсто, занимаю общественное положеніе. Я, конечно, могъ бы «устроиться», но я только наблюдалъ, а не дѣйствовалъ.

Впрочемъ, Бугаевъ вывелъ меня изъ индиферентнаго состоянія. Приближалась весна и наступали выборы новаго директора. Интрига не дремала. Во главѣ ея стоялъ Бугаевъ. Планъ былъ ясный и опредѣленный: на мѣсто сильнаго въ желѣзнодорожномъ мірѣ, своимъ вліяніемъ и акціями, директора правленія Ароматова—посадить «своего человѣчка», ничего не понимавшаго и не имѣвшаго, тайнаго совѣтника (отставнаго) Букетова. И грянулъ бой!.. Закипѣла борьба, и Бугаевъ весь отдался ей: агитировалъ, собиралъ армію акціонеровъ, не спалъ, не допивалъ, не доѣдалъ. Это была, дѣйствительно, натура страстная, жадная, прямолинейная. Собственно говоря, Бугаевъ не былъ уменъ, но ясенъ и прозраченъ, какъ стекло. Цѣли намѣчены опредѣленныя, путь къ нимъ короткій, только идти нужно смѣло, дерзко, уничтожая по дорогѣ противниковъ или покупая такихъ, которыхъ не одолѣть силой и наглостью. Деньги всемогущи! Бугаевъ не понималъ таланта, не стремившагося сдѣлаться капиталистомъ, не понималъ другой дѣятельности, кромѣ стремленія нажить деньги. Деньги и деньги—это его утренняя и вечерняя молитва! Порой въ немъ закипала кровь, но передъ деньгами онъ умѣлъ сдержать и свою необузданную натуру. Гдѣ нужно ползкомъ, готовый на всякую лесть и лакейство, стремился онъ туда, гдѣ рыбѣ глубже, а человѣку лучше. Конечно, у Бугаева были помощники, сподручные. Онъ умѣлъ выбирать для себя людей, преимущественно цѣльныхъ, въ умъ и сердце кото-

Digitized by Google

рыхъ никогда не закрадывались сомнѣніе и хоть тѣнь какого либо добраго чувства. Эти люди работали для Бугаева, не забывая, конечно, и собственныхъ апетитовъ.

Желѣзнодорожный міръ богатъ, очень богатъ «непосредственными» натурами, именно такими, которыя были родственны по духу Бугаеву. Правой рукой послѣдняго былъ одинъ изъ помянутыхъ бухгалтеровъ, котораго Бугаевъ облекъ въ санъ комерческаго агента.

Человѣкъ этотъ былъ просто «золото»... Всегда веселый, съ виду добродушный, готовый всегда выпить и закусить съ «хорошимъ человѣкомъ», Знайкинъ обладалъ обширнымъ кругомъ знакомства въ дѣловомъ мірѣ. Конторы, амбары Китай-города и всякія комерческія учрежденія были ему знакомы; люди, дѣльцы—его пріятели, тѣ, съ которыми онъ выпивалъ и закусывалъ въ «Московскомъ», у Тѣстова и проч. На Знайкина возложена была миссія идти во главѣ имъ собраннаго акціонернаго воинства въ генеральное сраженіе, назначенное на такое-то число.

Въ это время, наканунѣ знаменитыхъ дней общаго собранія, желѣзнодорожная дѣятельность притихла. Бугаевъ не кричалъ, не призывалъ къ себѣ начальниковъ службъ, отклонялъ подписываніе бумагъ и посылалъ секретаря къ замѣстителю. Приходили какіе-то новые люди, совѣщались съ Бугаевымъ въ кабинетѣ и уходили съ таинственнымъ видомъ. Конспирація была въ полномъ ходу.

Однажды управляющій пригласилъ меня въ свой кабинетъ; затворивъ дверь, Бугаевъ сказалъ:

— Вы «нашъ» и должны намъ помочь.

— Въ чемъ дѣло?—спросилъ я.

— Намъ нужны акціонеры... Вотъ вы попросите своихъ знакомыхъ прійти и подать голосъ за нашего кандидата. Акціи мы распишемъ на нихъ. Вы переговорите и скажите ихъ фамиліи.

Бугаевъ говорилъ въ такомъ духѣ, какъ бы это было дѣло обычное, просьба его—самая обыкновенная, а мои знакомые должны быть къ его услугамъ. Мнѣ стало противно и я не зналъ, что отвѣтить. Въ кабинетъ вошелъ начальникъ движенія.

— Я на васъ надѣюсь,—благосклонно пожалъ мнѣ руку Бугаевъ и обратился къ вновь прибывшему.

Признаюсь, я не ожидалъ такого казуса, не думалъ, что меня замѣшаютъ въ грязную исторію.

Рискуя своимъ положеніемъ, я рѣшилъ отказаться отъ подыскиванія «акціонеровъ». Сообщая объ этомъ въ своемъ домашнемъ кругу, я встрѣтилъ со стороны ихъ просьбы «не отказывать Бугаеву, сдѣлать что нибудь по этому поводу,—въ противномъ слу-

Digitized by Google

чаѣ, могу лишиться мѣста, которое съ такимъ трудомъ нашелъ въ теченіе долгаго времени». Что было дѣлать? Къ своимъ знакомымъ съ подобной просьбой я не посмѣлъ и обратиться. Въ домѣ, въ которомъ я жилъ, были, конечно, дворники, люди умные и политичные. Я подумалъ о нихъ и тотчасъ же сообразилъ—вотъ отличные «акціонеры», самые покладливые и невмѣняемые. Переговоривъ со старшимъ дворникомъ, я съ удовольствіемъ получилъ его согласіе и ручательство за товарищей. Просилъ, чтобы они были прилично одѣты и сдѣлали все то, что я имъ скажу, конечно, за условленную плату. Этимъ компромиссомъ я думалъ отдѣлаться отъ Бугаева. Но не тутъ-то было. Управляющій настоятельно просилъ разыскать ему «акціонеровъ» человѣкъ пятьдесятъ или, по крайней мѣрѣ, 25. Напрасно убѣждалъ я его оставить меня въ покоѣ, указывая на отсутствіе знакомыхъ и вообще мое нежеланіе устраивать подобныя дѣла.

Я говорилъ рѣзко, намекнулъ, что брошу мѣсто и уйду со службы. Бугаевъ смѣялся, жалъ мнѣ руку, увѣрялъ, что я могу это для нихъ сдѣлать, что меня «по товарищески» проситъ предсѣдатель. Мы такъ и разстались: я—возмущенный такими предложеніями, а Бугаевъ—веселый, точно увѣренный, что я сдѣлаю то, о чемъ онъ проситъ.

VI.

Я рѣшилъ бросить службу.

Конечно, я такъ бы и сдѣлалъ, но у меня была жена, ребенокъ. Я смутно предчувствовалъ нѣмые упреки, безденежье, тяжелыя сцены и ежедневный вопросъ: что будемъ дѣлать завтра? Я не зналъ, на что рѣшиться, и хотѣлъ уже серьезно переговорить съ женой и отказаться отъ службы. Подыскивать акціонеровъ я считалъ дѣломъ темнымъ, да и не могъ, фактически не могъ, кромѣ двухъ дворниковъ, найти подходящихъ для этого дѣла статистовъ. Мои знакомые и друзья были люди честные, которые, несомнѣнно, не только отказались бы сами, но и меня убѣдили бы бросить это дѣло и не входить въ подозрительныя предпріятія.

Въ раздумьѣ сидѣлъ я вечеромъ дома. Звонокъ. Вошелъ знакомый, давно не бывшій у меня, человѣкъ умный, практичный. Иванъ Ивановичъ Рѣзвый (хотя онъ и былъ похожъ на похоронную лошадь) имѣлъ постоянныя дѣла съ однимъ акціонернымъ, но только не желѣзнодорожнымъ обществомъ.

Рѣзвый жилъ хорошо, смотрѣлъ на жизнь сквозь очки фило-

Digitized by Google

софа. Я разсказалъ ему, что̀ меня смущало и какое Бугаевъ сдѣлалъ мнѣ предложеніе.

— Думаю, Иванъ Ивановичъ, бросить службу, искать чего нибудь другаго.

Рѣзвый засмѣялся.

— Служба вездѣ одна и та же. Люди одинаковые. Въ одномъ мѣстѣ подлости дѣлаются въ такой формѣ, въ другомъ учрежденіи онѣ обставлены иначе... Повѣрьте, я знаю, приглядѣлся.

— Что же дѣлать?

— Не смущаться и не придавать всему тому, что̀ видите, особеннаго значенія. Акціонеровъ имъ нужно—найдите, только потребуйте за это денегъ... Даромъ ничего не дѣлается. Сколько нужно акціонеровъ?

— Что вы, Иванъ Ивановичъ?

— Я говорю серьезно. Хочу васъ вывести изъ непріятнаго положенія. Говорите же, сколько?

— Бугаевъ просилъ двадцать пять...

— Ну, это пустяки. Я думалъ: человѣкъ двѣсти!

Я вытаращилъ глаза.

— У насъ артель съ удовольствіемъ отпуститъ 25 молодцовъ, а если нужно и больше. Цѣна: три рубля съ человѣка. Инструкціи передадите артельному старостѣ. Дѣло обыкновенное...

— Какъ обыкновенное?—удивился я.—Помилуйте, да вѣдь это подлогъ...

— Какой, однако, вы горячій!—перебилъ Иванъ Ивановичъ.—Подлогъ!.. еще скажите какое нибудь страшное слово. Во всѣхъ акціонерныхъ собраніяхъ такіе подлоги дѣлаются... да еще лучше! Можно бороться,—умѣючи, конечно,—даже съ крупными акціонерами. Успѣхъ зависитъ отъ распредѣленія акцій.

Я слушалъ, не понимая этой премудрости, но глубоко сознавая, тѣмъ не менѣе, нечистоплотность акціонерныхъ комбинацій.

— Во многихъ учрежденіяхъ, и у насъ, между прочимъ,—продолжалъ Рѣзвый,—эти дѣла организованы, и имѣются постоянные агенты, которыми правленіе располагаетъ во всякое время, какъ своими лакеями. Назначьте хоть завтра экстренное собраніе, сдѣлайте милость... Сейчасъ чиновнику, завѣдующему акціонерами, сотнягу въ зубы—и конецъ... Инструкцію, конечно... кого выбирать, кому награду, кого или что̀ одобрить, что̀ провалить.

— Вы говорите, Иванъ Ивановичъ, странныя вещи. Чиновникъ, завѣдующій акціонерами? Да что же это такое!.. Это въ родѣ оперетки...

— Оперетки! — воскликнулъ Рѣзвый. — Напрасно изволите

Digitized by Google

смѣяться. Что жь такое—изъ оперетки? И «смотритель штукатурки» тоже изъ оперетки, а посмотрите на администрацію театровъ... Тамъ, батюшка, все изъ оперетки, хотя и занимаются постановкой серьезной оперы. Сегодня онъ смотритель штукатурки, а завтра режиссеръ!.. Штукатурка, батюшка, и акціонерныя манипуляціи—это важныя явленія современной жизни. Штукатурка—это основа... безъ штукатурки дома не строятся.

— Полноте, Иванъ Ивановичъ!.. какіе же у васъ постоянные акціонеры?..

— Какіе?!. всякіе, и старые, и малые, и умные, и глупые... Вы слушайте... Бывали ли вы на берегу Москвы-рѣки?.. Тамъ недалеко отъ Крымскаго моста ютятся маленькіе домики, лачуги, даже безъ штукатурки. Въ этихъ хибаркахъ живутъ люди, и эти люди—акціонеры... Да-съ!.. Живутъ они тихо, голодно, особенно зимой... каждый занимается, чѣмъ Богъ послалъ, дѣлаетъ все, что подвернется... больше поденной, случайной работой живутъ. Но придетъ весна и оживаетъ береговой житель... рѣка—это исконная кормилица для владѣльца хибарки. Рѣка его кормитъ лѣтомъ и даетъ нѣкоторый запасъ на зиму... Не правда ли любопытные акціонеры?!.

Рѣзвый засмѣялся, лукаво и вмѣстѣ съ тѣмъ добродушно посматривая на меня.

— Странныя вещи разсказываете вы, Иванъ Ивановичъ!..

— Странныя!?. Мало вы знаете Москву!.. Точно судите о ней по газетнымъ фельетонамъ. Окраины Москвы очень любопытны. На окраинахъ еще сохранились нравы чуть ли не XVI вѣка... Поживите въ Рогожской, въ Лефортовѣ; встрѣтите, батюшка, такіе типы, что пальчики оближете!.. Вотъ хоть бы береговые акціонеры!.. Они—собственники лачугъ, въ которыхъ жили ихъ дѣды, прадѣды... жили и кормились рѣкой... Едва солнце начинаетъ припекать по весеннему и таютъ снѣга,—акціонеръ ладитъ, чинитъ свою неуклюжую ветхую лодку и ждетъ, когда тронется рѣка; ждетъ половодья... тогда онъ оживаетъ, тогда у него работа, рѣка несетъ всякую всячину: дрова и бревна, и всякія вещи домашняго обихода, захваченныя ледоходомъ... Вотъ куры плывутъ на небольшой льдинѣ. Ловкимъ маневромъ багра акціонеръ прибиваетъ льдину къ берегу и беретъ добычу. Собака съ канурой воетъ, безнадежно поглядывая по обѣимъ сторонамъ берега. Ловкій береговой спасетъ и собаку; и продастъ ее за цѣлковый на собачьемъ рынкѣ, и кануру продастъ. Повторяю, чего-чего не переловитъ по веснѣ береговой обыватель?.. А лѣтомъ?.. Все лѣто кормится онъ рыбой, плаваетъ по рѣкѣ, возитъ за плату кататься на лодкѣ. Все время живетъ на берегу и здоровъ, и доволенъ, и знать ничего не хочетъ... Вотъ ка-

Digitized by Google

кой народъ!.. Когда нужно, нашъ чиновникъ соберетъ такую дружину, объяснитъ, въ чемъ дѣло, выдастъ деньги, кому на одежу, кому на обувь—и конченo!.. Смотрите, какъ дружно держатся они въ собраніи, какъ вотируютъ, точно депутаты... Спросите вашего Ругаева или Бугаева, сколько ихъ нужно, и напишите мнѣ записку—я пришлю. И, выходитъ, со службы вамъ не надо уходить. И дворниковъ своихъ тоже не безпокойте.

Я не зналъ, какъ поступить. Въ самомъ дѣлѣ, очень просто устраиваются всякія пакости. Какъ легко, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, завлечь даже порядочнаго человѣка въ грязное дѣло... Бугаеву я далъ свою карточку и рекомендовалъ обратиться къ Рѣзвому... Бугаевъ поблагодарилъ и хитро прибавилъ: «ну, теперь мы устроимъ дѣлишки»!

Скоро состоялось собраніе и выборы другаго директора... Вслѣдствіе особеннаго, небывалаго многолюдства «акціонеровъ», зала правленія не вмѣщала всего ихъ количества. Пришлось нанять для такого случая особое помѣщеніе. Что тамъ было?.. я не знаю, но выбрали того кандидата, за котораго агитировалъ Бугаевъ.

Въ тотъ приснопамятный вечеръ, въ трактирахъ и нѣкоторыхъ гостинницахъ сидѣли, пили и ѣли цѣлыя кучки разношерстнаго народа... Шумѣли, кричали, требовали... За все платилъ одинъ человѣкъ, ничего не пившій и за всѣмъ наблюдавшій. «Акціонеры» торжествовали побѣду, и гулъ пьяныхъ голосовъ доносился изъ отдѣльныхъ помѣщеній въ общія залы.

Бугаевъ торжествовалъ съ предсѣдателемъ и новымъ директоромъ, котораго *онъ* поставилъ. Онъ побѣдилъ до сихъ поръ несокрушимаго Ароматова. Это былъ первый его успѣхъ въ общественномъ дѣлѣ, успѣхъ, который пророчилъ ему будущность не какого нибудь простаго желѣзнодорожника, вѣчнаго управляющаго и исполнителя велѣній плутократовъ, нѣтъ!.. Бугаевъ стремился ворочать не стрѣлочниками, кондукторами и канцелярскими чиновниками, а милліонами... Тогда—и только тогда—почувствуетъ онъ себя удовлетвореннымъ и счастливымъ. А до тѣхъ поръ нужно работать много и упорно. Богатые люди признали его умнымъ дѣльцомъ, своимъ человѣкомъ, о немъ слегка поговорили на биржѣ.

Повторяю, Бугаевъ торжествовалъ, ему грезились заманчивыя перспективы. Послѣ шумнаго торжества и выпитаго шампанскаго, свѣтлыя мысли осаждали его голову... Да, онъ будетъ богатъ!.. Ложась въ постель, онъ далъ своему «человѣку» пять рублей и посовѣтовалъ ему выпить... «Человѣкъ» съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на барина, блаженно улыбавшагося.

Бугаевъ вспомнилъ свое дѣтство... Вспомнилъ себя гимназистомъ

Digitized by Google

въ бѣдной квартиркѣ, вспомнилъ мать, съ нѣжной улыбкой глядящую на сына во время уроковъ.

— Ты бы легъ, сынокъ, усталъ вѣдь...

— Нельзя, мама, еще не кончилъ задачи...

— Много задачъ-то у васъ...

— Все надо знать, мама. Я инженеромъ буду. Не пойду въ университетъ... инженеры большія деньги получаютъ.

— Хорошо, хорошо,—говорила мать, хотя смутное чувство безпокойства проникало въ ея душу. «Ребенокъ, а все о деньгахъ думаетъ»!

Ребенокъ дружилъ въ гимназіи съ богатыми товарищами, которые къ нему относились хорошо, пользуясь его услугами... Бугаевъ дѣлалъ имъ задачи, исполнялъ разныя порученія. Вспомнилъ Бугаевъ свою юность, вспомнилъ себя студентомъ, когда его идеаломъ были не великіе люди человѣческой исторіи, а грандіозные подрядчики, изъ ничего сдѣлавшіеся милліонерами...

«Бульваръ метлой чистилъ: сторожемъ былъ... а теперь милліоны... А вотъ другой, съ котомкой на плечахъ, на линію пришелъ... въ десятники назначили... а тамъ и рукой не достать... лопатой деньги загребалъ». Еще и еще... Тѣни милліонеровъ-желѣзнодорожниковъ навѣяли на Бугаева сладкій сонъ и видѣлъ онъ себя стоящимъ на насыпи строющейся дороги; подъ нимъ копошились люди съ тачками, лопатами; шла работа, линія выгибалась и уходила туда,—далеко, далеко на сѣверъ... А онъ, Бугаевъ,—главный строитель и подрядчикъ,—обтиралъ потное счастливое лицо, глядя на зеленѣющія поля знойнаго юга... Ему было жарко и онъ разметался на постели.

Бугаевъ, укрѣпившись въ богатомъ правленіи, началъ серьезно думать о постройкѣ новой, «питательной» для Россіи линіи... Наконецъ, мысли его сосредоточились на соединеніи большаго, но бѣднаго города на востокѣ съ центромъ Россіи, съ Москвой... Однажды остановившись на этомъ мыслью, онъ началъ работать упорно, непрерывно... Мало по малу члены правленія заинтересовались постройкой, заинтересовались тѣми выгодами, которыя она принесетъ каждому изъ нихъ... Имѣя связи, начали зондировать почву и негласно производить въ извѣстномъ направленіи предварительныя изысканія... Результатомъ этихъ изысканій появилась ловко составленная записка, въ которой, на основаніи тщательнаго изученія края, и цифроваго, собраннаго на мѣстѣ, матеріала—доказывалась необходимость постройки рельсоваго пути, который проходилъ бы черезъ отдаленныя, но богатыя хлѣбомъ и сырьемъ мѣста... Оживленіе торговли, развитіе промышленности—все сулила

Digitized by Google

эта записка, сулила кисельные берега и молочныя рѣки. Жители, по словамъ записки, спятъ и видятъ, когда пройдетъ около нихъ чугунка, когда они, наконецъ, войдутъ въ общеніе съ Европой... Жажда просвѣщенія, наплывъ чувствъ, наконецъ административное значеніе новой вѣтви—все предусмотрѣно, все зарегистрировано замѣчательной запиской. Само правленіе, по выходѣ Ароматова, дружное и согласное, даже единогласное съ Бугаевымъ, начало мало по малу убѣждаться въ настоятельной необходимости новой дороги... Города, черезъ которые должна пройти чугунка, зашевелились; съ ними завязались сношенія; представители ихъ начали искать «заручки» въ Петербургѣ. Бугаевъ выжидалъ и подыскивалъ людей, которые могли бы способствовать полученію концессіи. Такіе люди были—и ихъ нужно найти.

VII.

Однимъ словомъ, происходило то, что описано Щедринымъ-Салтыковымъ въ его знаменитомъ «Дневникѣ провинціала въ Петербургѣ», когда хлопотали о концессіяхъ: «изъ Пензы въ Наровчатъ, захвативъ по дорогѣ Мокшаны и Инсаръ; изъ Рязани—въ Михайловъ, а тамъ въ Каширу, въ Алексинъ, въ Бѣлевъ, Медынь и т. д.». Вѣроятно, читатель не забылъ тѣхъ соображеній, которыя представлялись щедринскими концессіонерами:

«Это отъ Изюма-то, черезъ Купянку, Валуйки да въ Острогожскъ!.. Да тутъ, батюшка, хлѣба одного столько, что ахнешь! Опять: конопель, пенька, масло, скотъ, кожи! Да ты пойми: вѣдь въ Изюмѣ-то окружной судъ... члены суда будутъ ѣздить, судебные слѣдователи, судебные пристава»! Бугаевъ точно проникся идеями щедринскихъ героевъ, героевъ бѣлозерскаго снѣтка...

«Вонъ Петръ Ивановичъ снѣтокъ бѣлозерскій хочетъ возить... а сооруженія-то, батюшка, какія затѣваетъ! Черезъ Чегодощу мостъ въ двѣ версты—разъ; черезъ Тихвинку мостъ въ три версты (тутъ грузы захватитъ)—два... черезъ Волховъ мостъ—три! По горамъ, по долама, по болотамъ и лѣсамъ. Въ болотахъ морошку захватитъ, въ лѣсу—рябчика!.. Мы всю эту статистику до тла разузнали: гдѣ что родится, гдѣ какое производство идетъ, гдѣ мамура-ягода... гдѣ княжонка-ягода! Гдѣ сырть-рыба, гдѣ сельдь, гдѣ снѣтокъ! гдѣ *мыло* варятъ, гдѣ кожи дубятъ»!

Страннымъ образомъ осуществляются предсказанія великаго сатирика... Бугаевъ и компанія изъ силъ надрываются, доказываютъ, ищутъ человѣка, пропагандируютъ свои идеи, но только не «черезъ

Digitized by Google

Шнейдершу», а путемъ прессы, путемъ передовыхъ статей «уважаемаго профессора-экономиста».

Ѣдетъ Бугаевъ въ Петербургъ и везетъ съ собой эти статьи; не разстается съ ними онъ, какъ Александръ Македонскій съ Гомеромъ. Выучилъ Бугаевъ наизусть статьи о необходимости именно бугаевскаго направленія дороги, а не того, о которомъ слабо заговорили и неумѣло хлопотали представители другихъ городовъ.

Правда, верстъ на 300 ближе можно было бы соединить съ Москвой тотъ отдаленный городъ, который судьбою былъ принесенъ въ жертву Бугаеву, но бугаевская компанія неукоснительно доказываетъ и настаиваетъ, что не въ краткости тутъ дѣло, а совершенно наоборотъ: чѣмъ больше дорога зацѣпитъ городовъ и мѣстечекъ, чѣмъ даже пустыннѣе будетъ ея путь, тѣмъ выгоднѣе для Россіи!!. Однимъ словомъ, пустыня оживится, а населенныя мѣста обогатятся... начнется обмѣнъ товаровъ и идей... Мужикъ скинетъ холщевую рубаху и надѣнетъ ситцевую; откроются фабрики, винокуренные заводы и мужикъ не станетъ зимой лежать на печи да обростать мохомъ, а будетъ работать на фабрикѣ, слѣдовательно наживать деньгу.

Яркая картина маниловскаго благополучія не давала ни минуты покоя Бугаеву, который былъ весь поглощенъ будущею перспективою постройки дороги... Тысячу верстъ чугунки,—ну, хотя бы по 40, по 35,000 на версту... «Уфъ, сколько деньжищъ»! лихорадочно считаетъ милліоны Бугаевъ. «Ну, положимъ, и не особенно оживится пустыня», мечтаетъ онъ—«да мнѣ-то что? чортъ съ ней, и съ тундрой, и съ морошкой... Мое дѣло построить, а тамъ»!.. И Бугаевъ думаетъ уже о другой концессіи. Другую легче заполучить: онъ тогда будетъ уже «извѣстнымъ строителемъ» со связями, съ деньгами... Тогда легко соединить Ледовитый океанъ съ Чернымъ моремъ!

Опять я читаю въ «Дневникѣ провинціала» пророческія строки Щедрина: «Во снѣ мнѣ видится желѣзная дорога отъ Петербурга до устья Печоры. Локомотивъ, пыхтя и свистя, несется въ необозримую даль; болотныя трясины содрогаются, лѣса оглашаются безконечнымъ эхомъ, испуганные звѣри и птицы скрываются куда-то далеко, въ непроглядный мракъ. На поѣздѣ сидитъ жандармъ и какой-то партикулярный молодой человѣкъ. И мчатся эти люди, и день, и ночь, худо спятъ, на-скоро закусываютъ, бѣгутъ, спѣшатъ, какъ будто и нивѣсть какія пріятства ожидаютъ ихъ на устьѣ Печоры. А съ устья Печоры, въ свою очередь, тоже мчится поѣздъ и несется на немъ господинъ Латкинъ со свѣжею печорскою семгою въ рукахъ. И вдругъ въ Устьсысольскѣ ужасное столкновеніе... раз-

Digitized by Google

дается трескъ, громъ; семга вырывается изъ рукъ Латкина и падаетъ обратно въ Печору».

Подлинно, вѣщій сонъ!

Вскорѣ послѣ выбора новаго директора, послѣ хлопотъ и усиленныхъ зондированій, былъ, наконецъ, найденъ «человѣчекъ», который къ будущему акціонерному собранію оборудуетъ постройку. Тѣмъ не менѣе дѣятельность кипѣла страшная. Бугаевъ очень часто ѣздилъ въ Петербургъ, одинъ или съ членами правленія... Секретарь правленія, по прозванію «маска», работалъ, что называется, не на животъ, а на смерть... Писалъ и доказывалъ, доказывалъ и писалъ; въ переписчики къ нему былъ приставленъ секретный человѣкъ... Вообще все дѣло было покрыто тайной; служащіе догадывались,—ихъ любопытство удовлетворялось кой-какими слухами и свѣдѣніями, идущими изъ квартиры Бугаева. «Маска», конечно, безмолвствовала... «Маска» вообще говорила, вѣрнѣе, лаяла (положительно рѣчь ея была похожа на полусердитый собачій лай) очень рѣдко, хотя и достаточно метко... Она, между прочимъ, не любила писателей, относилась съ пренебреженіемъ къ литературѣ и знаете почему?.. Потому что пишутъ плохо, читать нечего, такъ, дрянь какая-то, а не литература... Прямо и рѣзко заявляла «маска», что она можетъ написать лучше нынѣшнихъ и драму, и разсказъ...

Итакъ, дѣятельность кипѣла, но дѣятельность скрытая, кабинетная. Общая же желѣзнодорожная дѣятельность словно затихла. Каждый дѣлалъ свое дѣло безъ шума, потихоньку. Обыденными административными дѣлами Бугаевъ совсѣмъ не интересовался, приходилъ въ управленіе на время, будто мимоходомъ, и мало по малу передавалъ свои дѣла замѣстителю—начальнику ремонта и пути, еще молодому инженеру, нѣсколько холодному, но безусловно честному человѣку.

Честные люди составляютъ, однако, ничтожную каплю въ желѣзнодорожномъ мірѣ и всѣ ихъ хорошія поползновенія разбиваются въ прахъ о крѣпкую организацію,—организацію, которая сложилась десятками лѣтъ. Эта организація имѣетъ въ своей основѣ принципъ: какъ можно меньше платить истинно трудовому элементу и какъ можно больше выдавать дивиденда и наградъ лицамъ и агентамъ, высоко стоящимъ и посвященнымъ въ хитрую механику желѣзнодорожныхъ комбинацій. «Сокращеніе штатовъ»—вотъ чѣмъ характеризуется ловкій администраторъ... Сокращаютъ стрѣлочниковъ, кондукторовъ, сцѣпщиковъ, машинистовъ, возлагая, конечно, непосильную работу на тѣхъ, которые остаются. Доходитъ дѣло до того, что съ поѣздомъ въ 50 вагоновъ ѣдетъ одинъ кондукторъ, машинистъ дремлетъ на паровозѣ, ибо ѣздитъ почти безъ передышки

Digitized by Google

одинъ стрѣлочникъ завѣдуетъ чуть ли не пятью стрѣлками, для управленія которыми онъ долженъ перебѣгать, какъ сумашедшій, съ мѣста на мѣсто... Въ результатѣ—частыя несчастія: тому отдавило ногу, того переѣхалъ паровозъ и проч... Все, конечно, приписывается неосторожности пострадавшихъ, и тѣ, которые мало или вовсе незнакомы съ закулиснымъ міромъ, вѣрятъ, что стрѣлочникъ *самъ* наткнулся на паровозъ, самъ виноватъ въ своемъ несчастіи... За ничтожные 10, 12 рублей въ мѣсяцъ человѣкъ несетъ непосильную работу и ежедневно рискуетъ жизнью!.. И онъ виноватъ!?. Это—желѣзнодорожная логика.

Мнѣ скажутъ, что существуютъ правила, законы, которыхъ должно придерживаться всякое управленіе; скажутъ, что трудъ нормированъ, что кондукторъ долженъ работать столько-то часовъ, стрѣлочникъ тоже... Все это имѣется, все разсчитано, чтобы труженикъ имѣлъ отдыхъ. Но вопросъ въ томъ, исполняются ли на практикѣ эти правила? На это я долженъ отвѣтить категорически: *нѣтъ, не исполняются*, а обходятся почти постоянно. Сокращеніе штатовъ, недостаточность работниковъ въ самыхъ богатыхъ желѣзнодорожныхъ обществахъ—явленіе обыденное. Не смотря на правительственный надзоръ, желѣзнодорожники и въ усъ не дуютъ... Въ экстренныхъ же случаяхъ эти господа всегда выдутъ сухими изъ воды. Штаты сокращены до невозможности, кондукторы заморены непосильной работой. Вдругъ ѣдетъ инспекція... тогда летятъ телеграммы и «по щучьему велѣнью, по инженерному прошенью» являются полные комплекты кондукторовъ. Готово, пожалуйте!! Собраны ремонтные рабочіе и обряжены кондукторами, выдано имъ по 15 к. въ сутки и конецъ!.. И овцы довольны, и волки сыты... Правда, нѣкоторые рабочіе ропщутъ, какъ гласитъ телеграмма начальника дистанціи къ управляющему; ропщутъ, потому что «въ самомъ дѣлѣ рискуютъ замерзнуть» при отсутствіи теплой одежды, но... поропщутъ, да и перестанутъ, особенно, когда замерзнутъ.

Вообще, для огражденія своей хищнической системы, желѣзнодорожники весьма остроумны и идутъ на всякія, большею частію грубыя выдумки... Протестовъ, неудовольствій со стороны мелкихъ служащихъ почти не бываетъ: такъ забиты, обезличены эти послѣдніе. Низкопоклонство, желаніе угодить начальству—вотъ качества, характеризующія кондукторовъ, сторожей и проч... Сознаніе долга, нравственной отвѣтственности отсутствуетъ совершенно. Пассажиръ, если онъ не генералъ и не инженеръ—самый «пустой» для кондуктора человѣкъ, котораго онъ всегда имѣетъ право толкнуть въ бокъ и потребовать билетъ... Чтобы получить отъ желѣзнодорожника любезность и облегченіе, нужно родиться въ сорочкѣ. Больному че-

Digitized by Google

ловѣку, если онъ не пассажиръ I класса, никогда не окажутъ человѣческой услуги.

Мнѣ самому пришлось быть свидѣтелемъ скернаго положенія возвращавшихся съ кавказскихъ минеральныхъ водъ больныхъ и выздоровѣвшихъ пассажировъ. Ѣхали они въ поѣздѣ прямаго сообщенія безъ пересадки. Въ этомъ поѣздѣ было четыре вагона III класса; народа въ каждомъ вагонѣ достаточно, а если принять во вниманіе, что по приближеніи къ Москвѣ пассажировъ прибавлялось, то въ вагонахъ стало и душно, и людно. Но, не доѣзжая до Москвы 200 верстъ, вдругъ распорядились отцѣпить два вагона III класса и прицѣпить взамѣнъ *пустой служебный*... Отцѣпить вагоны съ людьми и прицѣпить пустой, который нуженъ въ Москвѣ для инженера... И что же?!. пассажировъ попросили взять вещи и удалиться изъ вагоновъ прямаго сообщенія—пассажировъ, ѣхавшихъ издалека, уставшихъ и даже больныхъ. Были тутъ женщины и дѣти. Все это кричало, волновалось и спѣшило перемѣститься въ два другіе вагона, которые теперь оказались переполненными и въ нихъ стоялъ положительно стонъ. Мѣстъ не было для всѣхъ... Стояли, кричали, ругались, перемѣщали вещи и проклинали администрацію, положительно издѣвавшуюся надъ путешественниками. Кондукторы весело улыбались. Поѣздъ тронулся и шумъ колесъ заглушилъ недовольство несчастныхъ. По пріѣздѣ въ Москву, «случай» былъ записанъ въ жалобную книгу. Но что жъ изъ этого?.. При хищнической организаціи, такіе случаи представляютъ явленіе обыденное, а жалобныя книги, таинственно запертыя въ спеціальныхъ ящикахъ, хранятъ только нѣкоторыя безобразія желѣзнодорожнаго русскаго строя.

Я говорю: «нѣкоторыя», потому что записать въ жалобную книгу заявленіе—вовсе не легко: надо просить начальника станціи, жандарма; надо ждать, говорить съ ними безъ раздраженія, твердо, а то и не отворятъ и не дадутъ вамъ пресловутой книги, на томъ, напр., основаніи, что вы сами производили шумъ, были въ ненормальномъ состояніи и проч. Не могу здѣсь не вспомнить курьезнаго происшествія съ жалобной книгой... На одномъ изъ поѣздовъ желѣзной дороги ѣхалъ пассажиръ съ безплатнымъ билетомъ,—агентъ другой дороги,—и вмѣстѣ съ пассажирами, возмущенный отношеніемъ желѣзнодорожниковъ «къ случаю», подписался подъ жалобой, обозначивъ свою фамилію, адресъ и родъ занятій, т. е. службу въ желѣзнодорожномъ обществѣ.

Прошло нѣкоторое время, и въ то общество, гдѣ служилъ подписавшійся агентъ, пришла строгая бумага отъ управляющаго дороги, на которой была записана жалоба. Управляющій требовалъ

Digitized by Google

отъ общества немедленнаго увольненія агента, произведшаго на ихъ линіи скандалъ, «кричавшаго громкимъ голосомъ, ругавшагося непозволительно, такъ что всѣ слышали», подзадоривавшаго пассажировъ къ безпорядкамъ и проч... Управляющій просилъ уволить «крикливаго буяна» и сообщить ему объ этомъ.

Обществу оставалось исполнить настоятельную просьбу и, конечно, оно это сдѣлало бы, потому что желѣзнодорожникъ осмѣлился прибѣгнуть къ жалобѣ на собратовъ-желѣзнодорожниковъ... Преступленіе, тяжко караемое въ желѣзнодорожномъ мірѣ. Но... вотъ здѣсь-то и вышла «штука», поставившая въ затрудненіе администрацію злосчастнаго агента. Дѣло въ томъ, что агентъ съ самаго давняго времени былъ лишенъ возможности *говорить*, вслѣдствіе органической болѣзни гортани, и объяснялся только слабымъ шопотомъ, который совершенно пропадалъ при раздраженіи. Тогда отъ агента не было слышно ни звука... А онъ «кричалъ громкимъ голосомъ», кричалъ такъ, что «всѣ слышали». При одномъ представленіи безголосаго агента, кричавшаго во все горло, стало смѣшно даже начальству, которое отвѣтило, что просьбу объ увольненіи исполнить не можетъ, ибо виновный агентъ ни кричать, ни говорить не можетъ. Агентъ—почти глухонѣмой...

Вотъ результаты разслѣдованія жалобы, записанной пассажирами. Эти жалобы производятъ на желѣзнодорожную администрацію раздражающее впечатлѣніе; она всегда старается выгородить себя и своихъ агентовъ и обвинить самого жалобщика. Нѣкоторые пассажиры отлично это понимаютъ и при словѣ «жалобная книга» безнадежно махаютъ руками.

Да, желѣзнодорожники — сила, сила темная, своеобразная! Я имѣю въ виду, конечно, инженеровъ и агентовъ высшаго порядка... Вообще же служить на дорогѣ среднему человѣку трудно и тяжело въ матеріальномъ отношеніи. Жалованье небольшое, рублей 50, 60 въ мѣсяцъ — вотъ средній окладъ средняго чиновника. Кандидатовъ на такія мѣста бездна, причемъ многіе кончили университетъ, хотя послѣдній элементъ не прививается на желѣзной дорогѣ. Причиной этому, кромѣ воспитанности и щепетильности, свойственной образованному человѣку, служитъ отсутствіе юркости и бойкости, которыя такъ характеризуютъ истаго, доморощеннаго агента. Да и по правдѣ сказать, какое отношеніе можетъ имѣть университетъ къ желѣзной дорогѣ?!. Такое же, какъ свѣтлый день къ болотному испаренію.

Я упомянулъ о среднихъ агентахъ, которыхъ значительно менѣе агентовъ низшихъ. Къ категоріи первыхъ принадлежатъ счетоводы, контролеры сборовъ, начальники станцій и другіе. Даже

Digitized by Google

къ этимъ агентамъ отношеніе «завѣдующихъ» крайне безцеремонное... Противорѣчить, смѣть свое сужденіе имѣть—ни! ни!.. «Всѣхъ вонъ прогоню!.. на Хитровкѣ народу много»... — кричалъ однажды «завѣдующій», и онъ былъ правъ. Этому грубому, необразованному человѣку по плечу были именно «хитровцы».

Агенты низшіе—можно сказать—одна воплощенная слеза!.. Къ ихъ числу принадлежатъ конторщики разныхъ категорій, конторщики штатные и нештатные. Вотъ эти нештатные заслуживаютъ особеннаго сожалѣнія. Жалованья получаютъ они 15 р. въ мѣсяцъ, работа отъ 8 утра до 8 часовъ вечера... Работа, т. е. изготовленіе дубликатовъ и пр., большею частію исполняется въ помѣщеніи отвратительномъ, съ ничтожными приспособленіями, иногда на холодѣ, прямо на станціи... Весь посинѣвшій, оборванный, съ одутловатымъ лицомъ, дрожащими руками и бѣгающимъ взоромъ—вотъ типъ конторщика товарной станціи... Это типъ жалкаго нищаго, которому вы смѣло можете дать пятакъ за труды... Дайте, и вы сдѣлаете доброе дѣло... вы въ буквальномъ смыслѣ подадите нищему.

Вотъ разсказъ самого начальника движенія этого богатѣйшаго желѣзнодорожнаго общества, общества, сторублевыя акціи котораго на биржѣ стоютъ 500 р.

— Что я могу сдѣлать, когда на конторщиковъ отпускаютъ гроши... Конторщики нужны, иногда нужны до зарѣзу, а я не располагаю даже 15 или 10 р., чтобы заплатить въ мѣсяцъ...

— Какъ же вы обходитесь?..—заинтересовался я.

— Беру безъ жалованья; даромъ работаютъ мѣсяцъ или два, лишь бы имѣть возможность, хотя бы въ далекомъ будущемъ, получать 15 р.

— Но вѣдь это ужасно!?.

— Пріятнаго мало, но что же дѣлать, когда идетъ сокращеніе штатовъ... Я и самъ человѣкъ, иногда не по себѣ бываетъ отказать, но не свои же деньги я имъ буду платить!.. Согласитесь!..

Я развелъ руками.

— Рвань такая,—продолжалъ начальникъ движенія,—что жалко глядѣть... Вотъ только что былъ у меня экземпляръ, изволили видѣть, съ подвязанной щекой?

— Мнѣ кажется, Петръ Сергѣичъ, объ этомъ слѣдовало бы доложить предсѣдателю... ассигновать сумму... нельзя же въ самомъ дѣлѣ людямъ работать даромъ, — прибавилъ начальникъ товарной станціи. — Я каждый день съ ними мучусь, вѣдь жаль; сколько своихъ денегъ издержалъ: тому рубль, другому три подъ будущее жалованье. Да что я?.. сторожа нѣкоторыхъ кормятъ. Ей богу, прямо изъ жалости... Какъ нибудь это дѣло устроить надо. Движеніе огромное, конторщики нужны...

Digitized by Google

— Не разъ уже говорилъ я объ этомъ въ правленіи,—раздражительно отвѣтилъ начальникъ движенія,—отвѣтъ одинъ: обойдитесь!.. Что же я буду дѣлать?!

— Все это немножко странно!..—недоумѣвалъ я.

— Вы сейчасъ поймете, — заговорилъ начальникъ станціи.— Штаты конторщиковъ у насъ утверждены на годъ; нѣкоторые у насъ получаютъ 25, даже 40 р. въ мѣсяцъ. Лѣтомъ, конечно, народу совершенно достаточно... Но движеніе товаровъ начинается съ сентября и увеличивается зимой; обмѣнъ доходитъ до 700 и больше вагоновъ въ сутки... Работа страшная; безъ конторщиковъ, какъ безъ рукъ... Тогда беремъ «временныхъ» по 15 р. въ мѣсяцъ, нѣкоторые работаютъ безплатно, конечно, думая имѣть постоянное занятіе... Суммы у насъ небольшія... перебиваемся кое-какъ... Но придетъ весна, движеніе стихнетъ, и всѣхъ этихъ временныхъ «нештатныхъ» конторщиковъ мы должны уволить... А съ осени опять начинается та же исторія...

«Хитрая механика» — подумалъ я...—Чѣмъ только живы бываютъ люди»!..

Товаро-отправители и товаро-получатели жалуются на задержки, на безпорядки, и они правы, но на ихъ жалобы никто не обращаетъ вниманія. Желѣзнодорожники прекрасно знаютъ, хорошо ли, худо ли у нихъ, но на лошадяхъ товаръ не повезутъ, не минуютъ ихъ дороги. Администрація къ купцамъ, комерсантамъ относится свысока, почти какъ къ своимъ подчиненнымъ.

Иной погорячится, пошумитъ и увидитъ, что ему еще хуже стало, пошла прижимка... Ну, и смирится: тому сунетъ, другаго попроситъ... Видитъ, что ничего не подѣлаешь! Пробовали жаловаться, да прока мало! Ну, ихъ!..

Впрочемъ, управляющіе мало думаютъ, мало интересуются собственно экономической стороной дѣла и часто, по отсутствію проницательности и упрямству, теряютъ большіе доходы.

Къ Бугаеву пришли скотопромышленники. Доложили. Онъ вышелъ и разговоръ происходилъ при мнѣ.

— Будьте благодѣтелемъ, помогите...

— Въ чемъ дѣло?—важно бросилъ Бугаевъ.

— Времена нонѣ, видишь, пошли такія, что, значитъ, вѣрныхъ людей не стало... Посылать въ степи съ большими деньгами за скотомъ нѣкого. Тыщъ 30 ему въ руки опасливо дать. Слабъ сталъ нонѣ народъ, ослабѣлъ, значитъ... Такъ не можно ли плату за провозъ скота отдавать на мѣстѣ, и вамъ, и за тѣ дороги, значитъ... Деньги мы сполна, безъ задержки!.. Тогда, значитъ, мы въ надеждѣ, что человѣкъ и скотъ захватитъ, и отъ денегъ ему соблазна не будетъ. Слабъ нонѣ народъ-то!.. слабъ.

Digitized by Google

Такъ говорилъ одинъ скотопромышленникъ; другіе, молча, кланялись.

Бугаевъ отказалъ въ ихъ просьбѣ.

И что же? Они обратились къ другой дорогѣ, которая согласилась на переводъ и полученіе денегъ на мѣстѣ. Купцы заплатили за провозъ дороже, потому что живой товаръ пошелъ въ обходъ, не по прямому направленію. Путь дальше, времени на провозъ больше, но зато скотопромышленникамъ спокойнѣе.

Бугаевъ упустилъ скотъ, и дорога потерпѣла огромные, милліонные убытки!..

С. Васюковъ.

(Окончаніе будетъ).

Digitized by Google

Вздохъ.

Въ тѣ минуты, когда *настоящее*
Темной тучею кажется намъ—
И когда наше сердце скорбящее
Неотзывчиво къ прошлымъ мечтамъ,
И когда ничего мы не ждемъ впереди,—
Вырывается вздохъ изъ груди.

Въ тѣ минуты, когда озаряются
Беззавѣтной улыбкой уста—
И когда сны любви навѣваются
И о прошломъ намъ шепчетъ мечта,—
На мечту и на призракъ-любовь
Тихій вздохъ вырывается вновь.

Сердцу, свѣтлаго счастья просящему,
Только вздохъ раздается въ отвѣтъ...
Вздохъ тотъ—горькій упрекъ настоящему
И минувшему тайный привѣтъ.

А. Мейснеръ.

Digitized by Google

ПРАВДА И ЛОЖЬ О ЕВРЕЙСКОМЪ ЗЕМЛЕВЛАДѢНІИ.

II.

Переселеніе евреевъ началось съ того, что могилевскій губернаторъ М. М. Бакунинъ донесъ тогдашнему министру внутреннихъ дѣлъ, графу В. П. Кочубею, что евреи чериковскаго повѣта, въ числѣ 36 семействъ, изъ 96 мужчинъ и 102 женщинъ, просятъ «переселить ихъ въ екатеринославскую, таврическую или херсонскую губерніи въ земледѣльцы, поелику они хорошо знаютъ хлѣбопашество». Для переселенія этихъ еврейскихъ семействъ требовались «подводы и прокормежныя деньги въ дорогѣ», а потому графъ Кочубей запросилъ Бакунина: въ какихъ эти люди «находились доселѣ промыслахъ, исправно ли платили повинности, по какимъ причинамъ обѣднѣли, способны ли они къ земледѣлію, можно ли разсчитывать на ихъ будущее трудолюбіе, благонадежны ли къ возврату ссуды, которыя правительство разсудило бы имъ сдѣлать, и знаютъ ли земли, на которыя хотятъ переселиться?» Изъ объясненія, даннаго самими чериковскими евреями, видно, что они «занимались въ селеніяхъ продажею питей; кромѣ барышей отъ сей продажи, пользовались еще отъ помѣщиковъ безплатными квартирами; производили и мелочную продажу крестьянамъ разныхъ нужныхъ имъ припасовъ, которые закупали въ городахъ оптомъ, дешевле, нежели порознь продаются, а отъ всего этого доставляли своимъ семействамъ пропитаніе; за отказомъ же имъ помѣщиками въ проживаніи и торговлѣ въ деревняхъ,—они принуждены были перемѣститься въ мѣстечки и города, гдѣ надо платить за квартиры, а лишась сказанныхъ промысловъ,—пришли въ бѣднѣйшее положеніе». За чериковскими евреями пожелали переселиться въ Новороссію: 52 мстиславскихъ еврейскихъ семейства, 76—черниговскихъ, 338 — могилевскихъ, и т. д., такъ что къ 1808 году явившихся переселенцевъ изъ разныхъ мѣстъ состояло:

	Семействъ.	Муж.	Жен.	Итого.
На казенномъ счету. .	248	916	713	1629
» собственномъ . . .	46	192	130	322
Итого	294	1108	843	1951

Digitized by Google

Да еще разселившихся «безъ дозволенія, неизвѣстно откуда, набралось до 180 семействъ», которымъ «некогда было свести вѣрный счетъ». Весь этотъ народъ образовалъ колоніи: Бобровый кутъ, Сейдеминуху, Добрую и Израилевку. Евреи переселялись въ Новороссію на весьма удобныхъ для нихъ условіяхъ: ихъ перевозили на казенный счетъ, выдавали имъ на прокормленіе, на первое обзаведеніе, на постройку домовъ, и проч. Слухи и вѣсти о выгодности переселенія, распространявшіеся по всѣмъ еврейскимъ захолустьямъ, съ одной стороны, и приближающійся послѣдній срокъ выселенія ихъ изъ деревень въ мѣстечки и города — съ другой, изо дня въ день, увеличивали число евреевъ, желавшихъ переселиться въ Новороссію. Это обстоятельство вынудило графа Кочубея объявить просителямъ, черезъ губернатора П. И. Сумарокова, уже менѣе выгодныя условія, а именно: желающіе переселиться могутъ сдѣлать это на собственный счетъ, и въ Новороссіи имъ только дадутъ: всѣмъ—на обзаведеніе ссуду, а истинно бѣднымъ—и вспоможеніе. Останавливаясь на главнѣйшей причинѣ переселенія евреевъ въ Новороссію, г. В. Никитинъ указываетъ на жестокость выселенія евреевъ изъ деревень и не жалѣетъ красокъ, чтобы представить картину разоренія невинныхъ и некорыстолюбивыхъ евреевъ отъ запрещенія имъ жить въ деревняхъ. «Невыбравшихся добровольно изъ деревень теперь (въ 1808 году) гнали изъ нихъ силою, пожитки неповиновавшихся уничтожали, осѣдлости ихъ разоряли безъ сожалѣнія!.. Евреи молили объ отсрочкѣ, вопили и стонали, но все было напрасно: ихъ безпощадно выпроваживали подъ конвоемъ крестьянъ и даже солдатъ!.. Ихъ загоняли, точно скотъ, въ мѣстечки и городишки, и тамъ, на площадяхъ, подъ открытымъ небомъ, оставляли размышлять о превратностяхъ судьбы!.. (Почему они прежде не помыслили о превратностяхъ кабацкаго и ростовщическаго ремесла?!) Въ пылу отчаянія, они подавали всѣмъ властямъ, цѣлыми кипами, слезныя прошенія о безотлагательномъ переводѣ ихъ въ земледѣльцы, въ Новороссію, полагая, что тамъ все готово къ ихъ услугамъ». «Во всѣхъ еврейскихъ прошеніяхъ о дозволеніи переселиться въ Новороссію заключается единогласный, отчаянный ропотъ и вопль на безжалостное разореніе просителей, при изгнаніи ихъ изъ деревень», что̀ доводило, дескать, многихъ и до «голодной смерти». Съ другой стороны, г. Никитинъ называетъ «*рѣзкими*» отзывы нѣкоторыхъ губернаторовъ, свидѣтельствовавшихъ о томъ, что «*евреи любятъ только легкую работу—торговать, шинкарить, факторствовать*»; что они «лѣнтяи, привыкшіе надувать всячески христіанъ, бездѣльники, предъ начальствомъ изворотливы, всѣ русскія правила вездѣ обходятъ, повинуются только своимъ

Digitized by Google

кагальнымъ, а тѣ и въ синагогахъ учатъ ихъ пренебрегать русскими законами» и, наконецъ, что «*къ земледѣлію пріучить евреевъ ни въ какомъ случаѣ никогда не удастся*». Изъ дальнѣйшаго изложенія будетъ ясно, могутъ ли быть названы «рѣзкими» эти отзывы губернаторовъ и насколько вѣрны были ихъ заключенія насчетъ неспособности евреевъ къ земледѣлію. Теперь же скажемъ только, что, нѣсколько позже указанныхъ отзывовъ губернаторовъ, Ришельё, завѣдывавшій переселеніемъ евреевъ въ Новороссію, долженъ былъ признать отсутствіе привычки у евреевъ къ хлѣбопашеству и лѣность, вслѣдствіе чего, по словамъ Ришельё, «одни евреи отлучаются торговать въ города, а другіе просто скрываются неизвѣстно куда». Объясняя весь неуспѣхъ перваго опыта приспособленія евреевъ къ земледѣльческому труду неумѣлостью и корыстолюбіемъ русскихъ чиновниковъ, юдофилъ г. Никитинъ утверждаетъ, что министръ внутреннихъ дѣлъ, будто бы «*не желая раскрыть, въ ущербъ служебной репутаціи, истиннаго положенія дѣла* (какъ смѣло распознаётъ г. Никитинъ «сокровенныя» побужденія тогдашняго министра!) внесъ въ комитетъ министровъ представленіе объ остановленіи переселенія на казенный счетъ, по высочайшему повелѣнію, съ тѣмъ чтобы контора на досугѣ: а) разобрала евреевъ и изъ нихъ неспособнымъ или не желавшимъ заниматься земледѣліемъ—выдала бы паспорты для приписки къ сословіямъ, со сложеніемъ съ нихъ, по бѣдности, употребленныхъ на нихъ казною денегъ, и б) остальнымъ объявила бы, что если кто изъ нихъ въ продолженіе года окажется нерадивымъ и не приспособится къ сельской жизни,—тѣ будутъ отосланы на казенныя суконныя фабрики, а тамъ ихъ продержатъ до тѣхъ поръ, покуда отработаютъ числящійся на нихъ казенный долгъ». Напирая особенно на недобросовѣстность чиновниковъ, въ распоряженіе которыхъ дано было 300,000 рублей, ассигнованныхъ на переселеніе евреевъ въ Новороссію, авторъ книжки: «Евреи—земледѣльцы» лишь вскользь упоминаетъ о томъ, что, по дошедшимъ до министерства слухамъ, *евреи преднамѣренно уклонялись отъ землепашества*, единственно въ виду оказываемой имъ казною помощи, какъ деньгами, такъ даже и *наемными рабочими изъ русскихъ* (!?). Дѣло въ томъ, что, по свидѣтельству старшаго товарища главнаго судьи Ланова, обозрѣвавшаго еврейскія колоніи по порученію Ришельё, громадное значеніе въ судьбѣ поселившихся въ Новороссіи евреевъ имѣли «ихъ лѣность и нерадѣніе, *привычка евреевъ къ торговлѣ* (преимущественно къ обманной торговлѣ!) благодаря которой *ихъ тянуло въ ближайшіе города, и они шатались тамъ*, пренебрегая увѣщаніями и даже приказаніями заниматься земледѣліемъ». По сло-

Digitized by Google

вамъ того же г. Ланова, сами евреи объясняли свои неуспѣхи тѣмъ, что «земледѣліе—чуждая для нихъ профессія, но что они непремѣнно желали посвятить себя этому занятію, *еслибы правительство снова снабдило ихъ вспомоществованіемъ*» (!). Многіе евреи чистосердечно признавались г. Ланову, что «*запрещеніе имъ на родинѣ содержать шинки болѣе всего побудило ихъ записываться въ земледѣльцы* (вотъ гдѣ «зарыта собака» по нѣмецкой пословицѣ!), причемъ евреи предполагали, что, пользуясь обѣщанными имъ, при поселеніяхъ на казенныхъ земляхъ, выгодами,—они будутъ размножать рогатый скотъ, *торговать имъ по ярмаркамъ и заниматься по городамъ мастерствами, а посредствомъ наемныхъ работниковъ производить и хлѣбопашество, но отнюдь не ожидали, что ихъ самихъ будутъ принуждать непремѣнно заниматься сельскими работами*» (*В. Никитинъ:* «Евреи-земледѣльцы», 73 стр.). Мы вовсе не думаемъ оправдывать русскихъ чиновниковъ, распоряжавшихся судьбой евреевъ, и готовы вмѣстѣ съ г. Никитинымъ допустить, что извѣстная часть ассигнованныхъ на переселеніе денегъ попала имъ въ карманы, но мы утверждаемъ также, что одна только нужда или недоразумѣніе могли привести евреевъ въ Новороссію и что трудно было ожидать какого нибудь хозяйственнаго благополучія среди евреевъ-земледѣльцевъ. Для полнаго неуспѣха дѣла достаточно было тѣхъ типическихъ особенностей «гонимаго племени», которыя указаны были въ «рѣзкихъ» отзывахъ губернаторовъ. Къ чему же тревожить еще память давно умершихъ чиновниковъ и справедливо ли возлагать на нихъ всю отвѣтственность за неудачу искусственнаго созданія еврейскихъ земледѣльческихъ колоній. Очевидно, занимаясь оцѣнкою историческихъ явленій, г. Никитинъ не былъ чуждъ пристрастія къ «угнетенному израилю», и интересы объективнаго изслѣдованія принесъ въ жертву своей пристрастной точкѣ зрѣнія [1]). Чтобы поддержать основательность нашего упрека, мы сошлемся на предисловіе къ работѣ г. Никитина, гдѣ авторъ вступаетъ даже въ полемику и старается опровергнуть ложное, по его пристрастному мнѣнію, объясненіе неудачи правительства обратить

[1]) Любопытно, что юдофилу г. Никитину открыты были казенные архивы для составленія пристрастной книги о еврейскомъ землевладѣніи; а передъ изслѣдователями безпристрастными и не мирволящими къ рыцарямъ кагала, тѣ же архивы предусмотрительно запирались наглухо. Костомаровъ, какъ извѣстно, за одно намѣреніе разобраться въ дѣлѣ объ употребленіи евреями христіанской крови, подвергся страшной головомойкѣ отъ саратовскаго губернатора, угрожавшаго заслать его, куда Макаръ телятъ не гонялъ. Евреи и ихъ приспѣшники, маскируя наглымъ образомъ истинный смыслъ своего человѣконенавистническаго ученія, хотятъ сочинить и *свою собственную исторію*, не имѣющую ничего общаго съ исторіею документальною. *Ред.*

Digitized by Google

евреевъ въ земледѣльцевъ. На стр. X предисловія г. Никитинъ говоритъ: «сіятельный авторъ (кн. Голицынъ) принадлежитъ къ числу тѣхъ противниковъ евреевъ, которые, рѣшительно не зная, какимъ способомъ евреи превращались въ земледѣльцы,—голословно трактовалъ, *будто бы колонизація не осуществилась исключительно оттого, что евреи всегда избѣгали всякаго физическаго труда, а ухитрялись жить легкимъ заработкомъ отъ всякихъ торгашескихъ операцій.* Евреи, какъ народъ смышленый и непривычный къ земледѣльческому труду—*относились критически* (съ отвращеніемъ, скажемъ мы) къ своей земледѣльческой профессіи, зависѣвшей отъ почвенныхъ и климатическихъ причинъ, часто одолѣвавшихъ всякія человѣческія усилія. Евреи, напрашивавшіеся въ земледѣльцы (*по крайней нуждѣ или по недоразумѣнію*, прибавимъ мы) обязывались, конечно, запастись непоколебимою энергіею въ борьбѣ со всякими, встрѣчавшимися на этомъ поприщѣ, невзгодами и преодолѣвать всѣ препятствія. Но теорія и практика—увы!—весьма нерѣдко находятся между собою въ сильномъ разладѣ, а отсюда и не удивительно, что то же самое случилось при колонизаціи, производившейся и поддерживавшейся, параллельно, самыми суровыми и самыми гуманными способами, едва ли соотвѣтствовавшими цѣли». Но, кромѣ мнѣнія кн. Голицына, на котораго такъ наскакиваетъ усердный г. Никитинъ, мы можемъ привести взглядъ гр. Канкрина, который, тщательно изучивъ еврейскія земледѣльческія колоніи александровскаго уѣзда екатеринославской губ., вотъ что говоритъ о евреяхъ: «*Вѣками оторванные отъ земли, евреи потеряли всякую связь съ нею. Тяжелый, но честный трудъ земледѣльца имъ ненавистенъ*, и не только потому, что онъ требуетъ физической работы, но и потому, что *здѣсь нѣтъ мѣста обману—этой главной основѣ всѣхъ жизненныхъ проявленій быта евреевъ.* Къ землѣ и земледѣльческому труду евреи чувствуютъ какъ бы физіологическое отвращеніе. Измѣнить это чувство въ нихъ—значило бы перевоспитать еврейство, т. е. пересоздать вѣками и подъ вліяніемъ историческихъ событій сложившуюся расу, и *притомъ расу такой замкнутости, до которой не доходила ни одна каста древняго міра.* Торгаши по природѣ, не гнушаясь никакимъ видомъ торговли, *евреи забираютъ въ свои цѣпкія руки все, что только можетъ служить предметомъ торга или наживы.* Базаръ, торговая площадь, ярмарка, торжище—вотъ сфера дѣятельности еврея; здѣсь онъ дома и здѣсь властвуетъ». Наконецъ, мы можемъ привести весьма любопытный документъ—прошеніе депутатовъ отъ еврейскихъ колоній, присланное на имя Голицына, для доклада Александру I. Въ этомъ прошеніи говорится, что «*хлѣбопашество* по-

Digitized by Google

читается *самымъ простымъ занятіемъ*, требующимъ болѣе тѣлесныхъ силъ, нежели изощренности ума, и потому *къ этому занятію* на всемъ земномъ шарѣ всегда *отдѣлялись* такіе токмо люди, кои, по простотѣ своей, *неспособны къ важнѣйшимъ упражненіямъ*, составляющимъ классъ промышленниковъ или купцовъ; симъ же послѣднимъ, какъ требующимъ способностей и образованія, какъ *служащимъ главнымъ предметомъ обогащенія державъ* (??) — во всѣ времена отдаваемо было *предпочтеніе и особенное уваженіе передъ хлѣбопашцами* и всегда, во всѣхъ державахъ, старались еще поощрить, просвѣщать и всемѣрно усовершать людей для торговли и промысловъ, а *не отклонять ихъ отъ оныхъ*. На семъ основаніи евреямъ, яко, по всей справедливости, имѣющимъ отъ природы наиболѣе способностей къ торговымъ оборотамъ—древнее польское правительство даровало всякія права» (причемъ погубило свой народъ,—прибавимъ отъ себя). Далѣе въ прошеніи разсказывается исторія образованія еврейскихъ колоній на югѣ Россіи и рисуется современное ихъ положеніе. «Хотя мѣстное начальство,—читаемъ мы въ прошеніи,—и помогло имъ (евреямъ) построить хижины и снабдило ихъ первоначально земледѣльческими орудіями для хлѣбопашества на ихъ же счетъ, *но поелику они къ этому многотрудному роду занятія, какъ съ давняго* времени не имѣвшіе собственныхъ земель,—*вовсе не обыкли*... то и поставлены были въ совершенную невозможность пропитываться». Далѣе слѣдуетъ указаніе на цѣлый рядъ мѣръ, которыя, по мнѣнію депутатовъ, «возмогутъ улучшить хозяйство, *завести фабрики, дать ходъ ихъ промышленности* и сдѣлать ихъ (евреевъ) полезными какъ себѣ, такъ и казнѣ».

Къ такому же точно заключенію пришелъ и г. Фадѣевъ, старшій членъ опекунской конторы, который высчиталъ, что въ 1825 году пахотной земли было во всѣхъ колоніяхъ лишь 1,708 десятинъ, между тѣмъ какъ по числу ревизскихъ душъ евреи владѣли 30,180 дес., т. е. что количество пахатной земли ко всему пространству относилось, какъ 1:17, а на каждую душу пахатной земли приходилось $^2/_3$ дес. Это *слабое занятіе хлѣбопашествомъ и значительный ежегодный недостатокъ хлѣба представлялись* Фадѣеву разительнымъ явленіемъ, которое, по его мнѣнію, объяснялось тѣмъ, что *евреи по прежнему охотнѣе стремились* къ пріобрѣтенію средствъ ремеслами и промыслами, нежели земледѣліемъ. Фадѣевъ видѣлъ причины слабаго хозяйственнаго обзаведенія и малаго земледѣльческаго успѣха евреевъ—въ *уклончивости ихъ отъ тяжкихъ работъ*, и въ томъ, что, хотя торговля въ селеніяхъ виномъ и была имъ воспрещена,—*они занимались симъ промысломъ въ селеніяхъ*,

Digitized by Google

подъ именованіемъ частныхъ откупщиковъ, повѣренныхъ, надзирателей и пр.». Изъ нихъ часть лишь именовалась земледѣльцами, чтобы *пользоваться долговременною льготою, свободою отъ постоевъ* и прочихъ тягостей, которыя переносили ихъ собратья въ городахъ. По удостовѣренію Фадѣева, «отвращеніе еврейскаго женскаго пола отъ земледѣльческихъ работъ особенно препятствовало утвержденію ихъ благосостоянія». При замужствѣ евреекъ,—ихъ родители заключали съ будущими зятьями условія, чтобы тѣ не принуждали ихъ ни къ тяжелымъ полевымъ работамъ, ни даже носить воду, обмазывать избу, *а нанимали бы для этого работниковъ*».

Не смотря на всѣ неудачи и столь неблагопріятныя для евреевъ заключенія администраціи о пригодности ихъ для земледѣлія, правительство твердо продолжало вѣрить, что земледѣліе лучше всего можетъ обезпечить евреевъ. На этой вѣрѣ построено было и новое положеніе о евреяхъ 1835 года. Хотя новый законъ значительно расширялъ прежнія преимущества евреевъ, переходившихъ въ земледѣльцы, однако прошло нѣсколько мѣсяцевъ послѣ обнародованія «положенія»,—а евреевъ, желавшихъ переселиться въ Новороссію, не оказывалось. Тогда евреямъ предложено было перебраться для занятія земледѣліемъ въ пустопорожнія степи Сибири. Желающихъ переселиться въ Сибирь явилась масса, такъ что отведенной для нихъ въ количествѣ 15,154 дес. земли оказалось мало и гр. Канкринъ довелъ до свѣдѣнія комитета министровъ, что онъ находитъ нужнымъ отвести для еврейскихъ поселеній еще около 13 съ ½ тысячъ дес. Комитетъ одобрилъ это рѣшеніе, но императоръ Николай Павловичъ написалъ на журналѣ: «переселеніе евреевъ въ Сибирь пріостановить». Вслѣдъ за такимъ приказомъ, императору была доставлена записка, составленная Блудовымъ и Бенкендорфомъ, въ которой оба названныхъ лица высказывались противъ водворенія евреевъ въ Сибири. «Сибирь есть край,—говорится въ запискѣ,—гдѣ народонаселеніе почти составлено или, по крайней мѣрѣ, усилено ссылкою людей порочныхъ за преступленія; сей главный способъ населенія Сибири продолжается и нынѣ. *Евреи также не могутъ хвалиться своею нравственностью*; поселяясь въ Сибири,—они не только не будутъ имѣть добрыхъ примѣровъ трудолюбія и хозяйства, но, *умноживъ тамъ число людей съ худыми правилами, будутъ, по всей вѣроятности, продолжать, при бродячей жизни, тотъ же безплодный, одними обманами поддерживаемый торгъ, который сдѣлалъ столько вреда западному краю имперіи*—корчемствовать, разорять и развращать жителей легкимъ удовлетвореніемъ склонностей къ пьянству, мотовству и т. д. Противодѣйствовать сему на столь великомъ пространствѣ, при ма-

Digitized by Google

ломъ населеніи и слабомъ надзорѣ недостаточныхъ и малонадежныхъ земскихъ и городскихъ полицій,—едва ли возможно и, безъ сомнѣнія, гораздо труднѣе, нежели въ иныхъ еврейскихъ губерніяхъ. Съ другой стороны, при самомъ слѣдованіи въ Сибирь почти черезъ всю Россію,—они будутъ изнурены и потеряютъ малое имущество, пріобрѣтенное на прежнихъ мѣстахъ жительства, чрезъ что, оставаясь по необходимости долгое время на содержаніи правительства,—сдѣлаются и въ семъ отношеніи тягостью для него и общества». Какъ только послѣдовало повелѣніе о пріостановкѣ переселенія евреевъ въ Сибирь,—Блудовъ предписалъ всѣмъ генералъ-губернаторамъ и губернаторамъ: никого изъ евреевъ больше туда не отпускать, а отправившихся—задержать тамъ же, гдѣ появятся, впредь до новаго распоряженія. Затѣмъ, когда состоялось повелѣніе о воспрещеніи евреямъ отправляться въ Сибирь,—Блудовъ, чрезъ губернаторовъ же, распорядился всѣхъ евреевъ, остановленныхъ въ пути—немедленно направить въ херсонскую губернію. Между тѣмъ, евреи, большими партіями приготовившіеся идти въ Сибирь и задержанные дома пріостановкою,—узнавъ, что мечты ихъ о будущемъ счастіи разлетѣлись, какъ дымъ,—впали въ совершенное отчаяніе. Массою чрезвычайно чувствительно написанныхъ прошеній Бенкендорфу, Блудову, Киселеву, генералъ-губернаторамъ, даже лично Николаю I, при проѣздѣ черезъ Динабургъ, Вильну и Ковно,—они единогласно объяснили, что, вслѣдствіе приглашенія въ Сибирь, распродали за безцѣнокъ все свое имущество; въ ожиданіи отправки прожили всѣ вырученныя за имущество деньги, впали въ безъисходную нищету, остались безъ крова и хлѣба, и пресмыкались на чужихъ чердакахъ, въ подвалахъ, либо подъ открытымъ небомъ!.. Въ этомъ горестномъ положеніи они умоляли объ отсылкѣ ихъ хоть куда угодно, но въ земледѣльцы, потому что «утвердились въ желаніи избавиться отъ прежней *вѣтряной жизни*». Вслѣдствіе постоянныхъ просьбъ евреевъ, Блудовъ поручилъ состоявшему при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ д. с. с. Комарову, немедленно «взять въ департаментѣ государственныхъ имуществъ свѣдѣнія о пустопорожнихъ казенныхъ земляхъ, отправиться въ Херсонъ, получить изъ казенной палаты нужныя свѣдѣнія и вмѣстѣ съ землемѣромъ обозрѣть всѣ пустопорожнія, при еврейскихъ колоніяхъ, земли, раздѣлить ихъ на участки, избрать пункты для основанія новыхъ колоній—и опредѣлить, сколько именно семействъ новыхъ поселенцевъ можетъ быть водворено на этихъ земляхъ, полагая по 30 дес. на семейство. Изъ обзора земель и колоній Комаровъ вывелъ заключеніе, что полезнѣе всего приселить новыхъ поселенцевъ къ старымъ, какъ опытнымъ уже, единовѣрцамъ, съ тѣмъ

Digitized by Google

чтобы надѣлить послѣднихъ по 40 дес. на семью, а остававшеюся затѣмъ излишнею землей надѣлить новыхъ поселенцевъ по 30 дес. на семью.

Указывая на разные способы лучшаго распредѣленія земли и устройства новыхъ колоній изъ евреевъ, устремившихся было въ Сибирь,—Комаровъ, между прочимъ, заявилъ, что земля, отмежеванная къ колоніямъ и предназначенная для новыхъ поселеній, «содержитъ въ себѣ *черноземъ самаго лучшаго свойства, весьма годный для хлѣбопашества; степи превосходны для сѣнокосовъ и разведенія скотоводства*, а *еслибы евреи занимались порядочно хозяйствомъ*, то по низкимъ берегамъ рѣчки Камянки *могли бы развести лозникъ и камышъ*, столь полезные въ безлѣсномъ краѣ».

Вскорѣ послѣ этого, именно 26 декабря 1837 г., послѣдовало учрежденіе министерства государственныхъ имуществъ, въ вѣдѣніе котораго перешли всѣ еврейскія поселенія. Министерство государственныхъ имуществъ завѣдывало еврейскими колоніями въ теченіе 45 лѣтъ. Не имѣя возможности наблюдать за ходомъ переселенія, гр. Киселевъ отвелъ въ херсонской губ. 8 свободныхъ участковъ въ 49,758 дес. для населенія 1,244 семействъ, и ввѣрилъ управленіе еврейскими колоніями мѣстному начальству и новороссійскому генералъ-губернатору. Въ 1847 г. гр. Киселевъ установилъ хозяйственное распредѣленіе земель въ еврейскихъ колоніяхъ и, чтобы заставить работать всѣхъ евреевъ-колонистовъ, издалъ инструкцію о порядкѣ подчиненія нерадивыхъ евреевъ-земледѣльцевъ ближайшему надзору мѣстнаго сельскаго начальства. Въ этомъ случаѣ министерство государственныхъ имуществъ руководилось тѣмъ соображеніемъ, что «*любовь къ дѣлу есть чувство, можно сказать, чуждое еврею*, но тѣмъ сильнѣе дѣйствуетъ на него страхъ, а чтобы еврейскіе сельскіе старшины, вслѣдствіе учрежденнаго надъ ними надзора, постоянно находились подъ вліяніемъ страха, необходимо въ каждое селеніе назначить сельскаго начальника другаго исповѣданія. И, дѣйствительно, «инструкція» дала надлежащіе результаты, и нерадивыя семейства сразу обзавелись скотомъ, земледѣльческими орудіями, а всѣ евреи-земледѣльцы проявляли удивительное прилежаніе къ земледѣлію и домоводству. Вмѣстѣ съ тѣмъ, по мѣрѣ того какъ увеличивался надзоръ за жизнью колонистовъ и становились строже наказанія за ихъ самовольныя отлучки, за нерадивое веденіе хозяйства и пр., возрастало число еврейскихъ жалобъ, а иногда недовольные евреи даже нападали на строгихъ начальниковъ и избивали ихъ.

Затѣмъ настала освободительная эпоха Александра II, и образованная при немъ комисія для окончательнаго устройства колоній,

Digitized by Google

находя, что всѣ принятыя правительствомъ «искусственныя мѣры не привели къ желаемой цѣли», полагала необходимымъ поставить евреевъ-земледѣльцевъ, свыкшихся уже съ земледѣльческимъ бытомъ, въ одинаковыя условія съ сельскимъ состояніемъ имперіи. Хотя комисія и не считала себя вправѣ касаться вопроса объ отмѣнѣ общихъ для всѣхъ евреевъ ограниченій, тѣмъ не менѣе, она отозвалась, что относительно евреевъ-земледѣльцевъ едва ли умѣстны всѣ эти ограниченія. Къ такимъ же благопріятнымъ для евреевъ заключеніямъ пришелъ и кол. сов. Клаусъ, командированный министерствомъ государственныхъ имуществъ. Г. Клаусъ нашелъ, что число евреевъ-земледѣльцевъ, лично занимавшихся этимъ промысломъ, значительно во всѣхъ колоніяхъ и что вообще евреи и даже еврейки усердно занимаются полевыми работами. Считая правительственную цѣль, преслѣдовавшуюся въ колонизаціи евреевъ на казенныхъ земляхъ, гуманной, а съ государственной точки зрѣнія даже практичной, г. Клаусъ совѣтовалъ,—уже во вниманіе къ потраченнымъ на осуществленіе этой идеи громаднымъ пожертвованіямъ,—приложить возможную заботу къ прочному обезпеченію еврейскихъ земледѣльческихъ обществъ, которыя заключали въ себѣ, по его мнѣнію, *несомнѣнно здоровое ядро дѣйствительныхъ земледѣльцевъ*. Въ заключеніе своего отчета, г. Клаусъ заявилъ «искреннее убѣжденіе въ томъ, что устройство еврейскихъ поселеній херсонской и екатеринославской губерній, на основаніи составленнаго комисіею проэкта, поведетъ къ прочному успѣху поселеній и послужитъ, съ одной стороны, *къ опроверженію весьма распространеннаго мнѣнія, будто бы евреи*, по ихъ племеннымъ свойствамъ, *неспособны сдѣлаться земледѣльцами*, а съ другой стороны—къ оправданію прежнихъ дѣятелей, которые, *не переставая вѣрить въ общечеловѣческія свойства еврейскаго племени*, упорно трудились на пользу еврейской колонизаціи». Впослѣдствіи мы увидимъ, оправдались ли взгляды и надежды г. Клауса и послужили ли современные ему евреи-земледѣльцы—«здоровымъ ядромъ дѣйствительныхъ земледѣльцевъ». Такъ, въ теченіе одного лишь 1875 г.,—какъ это видно изъ отчета, — исключено было изъ земледѣльцевъ: «нерадивыхъ» по херсонской губ. 239 м. и 197 ж. Въ 1880 г. министерство командировало въ колоніи ст. сов. Ивашинцева, для собранія свѣдѣній о состояніи колоній. Г. Ивашинцевъ удостовѣрялъ способность евреевъ къ осѣдлой жизни, къ земледѣлію, и, по его словамъ, еврейскія села «не только не уступаютъ наружностью русскимъ селамъ, но многія даже гораздо лучше и красивѣе послѣднихъ». *Колоніи*, по мнѣнію г. Ивашинцева, *находятся безспорно въ удовлетворительномъ состояніи*, а *евреи-колонисты искренно при-*

Digitized by Google

вязаны къ земледѣлію. Но не таково было мнѣніе о евреяхъ-колонистахъ управлявшаго тогда государственными имуществами херсонской и бессарабской губерній д. с. с. Тихѣева, который полагалъ, что «попытка привлечь евреевъ къ земледѣльческому труду не увѣнчалась успѣхомъ, такъ какъ *въ колоніяхъ преобладали и въ 1881 г. усадьбы изъ одного только жилаго дома, вокругъ котораго* не было и признаковъ хозяйства: ни изгороди, ни помѣщеній для скота, ни хозяйственныхъ построекъ, ни грядки для овощей, или хотя бы одного дерева или куста; исключеній же было весьма не много, *и только благодаря имъ и въ особенности образцовымъ хозяевамъ* (не-евреямъ)—*колоніи напоминали поселенія людей, занимавшихся земледѣліемъ*». Сорокалѣтній опытъ доказалъ, по словамъ г. Тихѣева, что «еврей неохотно зарабатываетъ кусокъ хлѣба тяжкимъ земледѣльческимъ трудомъ, а при складѣ своего ума и способностей,—*онъ легче и лучше обезпечитъ себя инымъ путемъ*» [1]).

«Между тѣмъ,—продолжалъ г. Тихѣевъ,—свыше 130,000 дес., въ теченіе десятковъ лѣтъ, затрачивались непроизводительно, не считая денежныхъ пособій, безпрестанно оказывавшихся для удовлетворенія разнаго рода еврейскихъ потребностей, какъ-то: *на ремонтъ и переустройство синагогъ, бань, колодцевъ, запрудъ, на посѣвъ, на продовольствіе, тогда какъ во всей Россіи нѣтъ ни одного крестьянскаго общества, на которое столь щедро лились бы пособія не только на продовольствіе, но даже на устройство бань*». Устройство быта евреевъ-земледѣльцевъ на общемъ основаніи съ колонистами другихъ національностей, по мнѣнію г. Тихѣева, было бы большою ошибкою, такъ какъ, съ устраненіемъ спеціальнаго о нихъ попечительства, еврейскія колоніи распадутся окончательно: каждый еврей-земледѣлецъ воспользуется правомъ выкупа своего участка, чтобы продать его, *а вырученный капиталъ посвятитъ болѣе ему сродному и выгодному дѣлу*». Такое безпристрастное и вполнѣ компетентное мнѣніе г. Тихѣева встрѣтило, однако, несочувствіе въ министерствѣ государственныхъ имуществъ, и вопросъ о преобразованіи колоній не получилъ и до сихъ поръ окончательнаго разрѣшенія.

Посмотримъ теперь, какую картину представляютъ собою еврейскія колоніи въ дѣйствительности.

А. Котельниковъ.

(Окончаніе будетъ).

---

[1]) Еврейскіе, якобы религіозные, а въ сущности вполнѣ практическіе житейскіе кодексы прямо называютъ земледѣліе—*самымъ невыгоднымъ дѣломъ* и не совѣтуютъ заниматься имъ. Мудрено ли, что евреи, воспитанные на талмудѣ и шулханъ-арухѣ, смотрятъ свысока на земледѣліе, какъ на занятіе, не соотвѣтствующее ихъ призванію всемірныхъ эксплуататоровъ?

Digitized by Google

ГОСПОДИНЪ МИНИСТРЪ.

Романъ Кларетй.

IV.

Гюи де-Лиссакъ жилъ въ улицѣ Омаль, въ маленькомъ флигелькѣ, въ глубинѣ двора. У него, какъ вообще у холостяковъ, все было устроено на холостяцкую ногу. Здѣсь было множество разныхъ ненужныхъ, безвкусныхъ, хотя и дорого стоющихъ вещей, за которыми бѣгаютъ и которыхъ ищутъ съ такою жадностью на всѣхъ покупкахъ и продажахъ разные разжирѣвшіе богатѣи да сомнительныя дѣвицы. Флигелекъ его изобиловалъ всевозможными японскими и китайскими издѣліями, шолковыми портьерами и коврами, баулами въ стилѣ возрожденія, а глиняныя скульптурныя массы красовались на своихъ подставкахъ. У обойщика оказался вкусъ, а у Лиссака деньги; и всѣ украшенія домашней обстановки были очень кокетливы; прелесть этой нѣсколько кричащей обстановки бросалась въ глаза. Конечно, этому жилищу холостяка недоставало чего-то, какой-то домовитости; недоставало любви, страсти, настоящей артистической страсти къ эпохѣ,—къ вещамъ, книгамъ, картинамъ. Въ этомъ сборищѣ рѣдкостей, гдѣ издѣлія изъ слоновой кости, раскиданныя по всѣмъ столамъ, смѣшивались съ бронзой и саксонскимъ фарфоромъ, не было печати артистическаго, оригинальнаго увлеченія. Это свѣтское жилище, со своей бѣлой лакированной кроватью, задрапированной шолковымъ балдахиномъ во вкусѣ Людовика XV, съ вырѣзанными изъ дерева украшеніями, въ видѣ цѣлующихся птичекъ, смутно напоминало жилище какой нибудь модной львицы полусвѣта. Но Гюи повѣсилъ въ разныхъ мѣстахъ сабли изъ Самура, малайскіе ножи, восточные кинжалы въ бархатныхъ пурпуровыхъ ножнахъ и, на зеленомъ фонѣ обивки комнаты, доспѣхи эти, въ

Digitized by Google

перемежку съ шотландскими палашами, придавали нѣсколько воинственный видъ блестящему пріюту бульвардье, пропитанному духами, точно будуаръ хорошенькой дѣвочки.

Этотъ Гюи жилъ парижской безалаберной жизнью, предоставляя своему старому гренобльскому коллегѣ гоняться за политикой и вкушать,—какъ выражался Лиссакъ своимъ обычнымъ тономъ зубоскала,—сладость власти. Что же касается до него самого, то онъ спеціально избралъ для себя Парижъ — всѣ его наслажденія, его удивительныхъ женщинъ, этотъ особый запахъ скандала и рафинированной испорченности, которымъ наполнена вся парижская среда. Онъ безъ малѣйшаго сожалѣнія спустилъ два огромныхъ состоянія, одно за другимъ.

Онъ понюхалъ немножко журналистики, позанялся отчасти финансовыми операціями, поигралъ на биржѣ, поболтался въ клубахъ, испыталъ все и вся, — и улыбки, и острый зубъ — былъ любимъ дѣвицами, подъ угрозами мужчинъ, имѣлъ хорошую родню, былъ достовѣрно благороднаго происхожденія, что̀ давало ему возможность, не марая себя, связываться со всякою богемою, всегда отыскивая вѡ-время или какого нибудь позабытаго дядюшку или любезнаго пріятеля, выручавшихъ его время отъ времени и ссужавшихъ деньгами, когда надо было выпутаться изъ карточнаго долга и изъ разныхъ непріятныхъ случайностей. Въ настоящее время онъ чувствовалъ, что твердо сидитъ въ сѣдлѣ, потому что карманъ его былъ полонъ. Онъ съ восторгомъ смотрѣлъ на жизнь, когда она давала ему возможность весело проводить время. Парижанинъ съ головы до ногъ, пропитанный, такъ сказать, «паризіанизмомъ», какъ нѣкоторые больные морфинизмомъ, онъ судилъ о мужчинахъ по ихъ уму, о дѣлѣ—по успѣху, о женщинахъ—по свѣжести ихъ перчатокъ. Онъ былъ довольно снисходительнымъ человѣкомъ, но съ дьявольски скептическимъ направленіемъ ума и со злымъ языкомъ. Въ свои сорокъ лѣтъ онъ былъ очень живымъ, бойкимъ мужчиной, и даже претендовалъ на то, что въ эти-то именно годы и настаетъ лучшая пора для мужчины, что это-то и есть лучшее время для всякихъ благихъ начинаній, для карьеры. Онъ бралъ жизнь, какъ она есть, справедливо разсуждая, что дождливый и снѣжный день длится не дольше солнечнаго, и что въ концѣ концовъ

Digitized by Google

всякая дурная ночь проходитъ. Покинувъ Водрея, Лиссакъ добрую часть ночи провелъ въ клубѣ на Вандомской площади. Онъ долго игралъ и выигралъ, а, придя домой, уснулъ за моднымъ романомъ, очень добросовѣстно написаннымъ, но страшно скучнымъ. Онъ проснулся поздно, съ тяжелой головой. На окраинахъ оконъ и на крышахъ домовъ, напротивъ него, лежалъ снѣгъ, уныло выдѣляясь на сѣроватомъ, мутномъ небѣ.

— Фу, какая омерзительная погода! Впрочемъ, тѣмъ лучше: не будетъ визитёровъ,—подумалъ Лиссакъ.

— Сегодня я никого не принимаю, — приказалъ онъ лакею.

Въ такой день визиты можетъ дѣлать только тотъ, кто хочетъ занять денегъ. Онъ оканчивалъ завтракъ, обмакивая маленькую серебряную, съ чернью, ложечку въ яйцо, сваренное въ смятку. Возлѣ него стоялъ дымящійся серебряный кованый чайникъ, съ японскимъ рисункомъ; вдругъ, не смотря на отданное имъ приказаніе, слуга подалъ ему клочокъ бумажки, на которомъ было что-то написано карандашемъ.

— Это не заемщикъ, сударь!—проговорилъ слуга.

Гюи сердито взялъ у него изъ рукъ бумажку, думая, не смотря на это заявленіе, найти тамъ имя какого нибудь попрошайки, у котораго даже нѣтъ приличной карточки, и, вставивъ въ глазъ стеклышко, сталъ разбирать мелкій почеркъ на этомъ клочкѣ; затѣмъ съ видомъ изумленія испустилъ восклицаніе: а! ба! тсс! и, вставъ со стула, проговорилъ:

— Попроси войти!

Онъ бросилъ на стулъ свою камчатную салфетку, вышитую русскимъ швомъ, и машинально бросилъ на себя взглядъ въ зеркало, какъ кокетка передъ свиданіемъ; затѣмъ разгладилъ складки своей фланелевой тужурки и поправилъ голубой фуляровый галстукъ, надѣтый на утреннюю сорочку.

Въ тотъ моментъ, какъ онъ оглядывалъ свои туфли изъ красной кожи и подтягивалъ широкіе фланелевые панталоны, поднялась шолковая, затканная золотомъ, портьера—и на порогѣ остановилась женщина, укутанная волнами оранжеваго шолка. Взглянувъ на молодаго человѣка, она звонкимъ, свѣжимъ голосомъ сказала, мило улыбаясь и показывая ослѣпительной бѣлизны зубы:

— Здравствуйте, Гюи!

Digitized by Google

Лиссакъ пошелъ прямо къ ней навстрѣчу, съ протянутыми руками.

Портьера опустилась за ней, и тогда она смѣло вложила свои маленькія, въ шведскихъ перчаткахъ, ручки въ руки Гюи, и съ громкимъ смѣхомъ всматривалась ему прямо въ глаза. Онъ казался нѣсколько удивленнымъ, и смотрѣлъ на нее тѣмъ изучающимъ взглядомъ, какимъ смотрятъ на того, кого давно не видали, а молодая женщина, гордо закинувъ свою головку, повернула лицо къ свѣту и смѣло подставляла себя осмотру.

— Вы меня не ожидали, hein?

— Увѣряю...

— Видно по всему, что вы обо мнѣ позабыли!

Гюи хотѣлъ было наклонить голову и поцѣловать кончики ея пальцевъ, но вдругъ вспомнилъ, что, съ тѣхъ поръ какъ они не видались, проборъ на его головѣ сталъ гораздо шире, и продолжалъ стоять, отвѣчая съ самодовольнымъ видомъ красиваго мужчины:

— Ошибаетесь, я очень часто объ васъ думалъ!

Она кинула бѣглый взглядъ на обстановку кабинета, на карточки въ кокетливыхъ рамкахъ съ подписями, сѣла, положивъ ногу на ногу, и подвинулась поближе къ огню:

— Очень, очень мило тутъ у васъ! Впрочемъ, у васъ всегда былъ хорошій вкусъ, дорогой Гюи, я это знаю.

— Да, но прежде у меня его было больше, дорогая Маріанна,—сказалъ онъ, придавая этой болтовнѣ оттѣнокъ лести.

Маріанна захохотала, передернувъ плечами.

— А что, развѣ вы находите, что я очень перемѣнилась?— вдругъ спросила она.

— Да, помолодѣли.

— О! Я не вѣрю ни одному слову.

— Честное слово, у васъ видъ первой причастницы!

— Боже, какъ возвышенно! — сказала Маріанна, опять засмѣявшись своимъ короткимъ судорожнымъ смѣхомъ. Онъ все смотрѣлъ съ любопытствомъ на нее и ея позу, въ которой она сидѣла у камина. Яркій огонь наводилъ золотисто-розоватый отсвѣтъ на немного блѣдное лицо молодой женщины, оживляя его и придавая ея сѣрымъ глазамъ, маленькимъ и сверкающимъ, видъ раскаленныхъ угольковъ.

Она повернула къ нему въ профиль свою бѣлокурую го-

Digitized by Google

ловку, со вздернутымъ носикомъ, съ подвижными, выразительными ноздрями, съ большими, раздражающе-чувственными губами, манящими къ себѣ. Ея верхняя губка, рѣзко приподнятая, выражала не то презрѣніе, не то вызовъ. Съ ея плечъ соскользнулъ плащъ, отдѣланный потертымъ мѣхомъ, и выдѣлился ея полный бюстъ, плотно обхваченный платьемъ. Пламя заиграло и на ея волнистыхъ, цвѣта расплавленной мѣди, волосахъ. Рѣзкимъ движеніемъ сдернула она съ рукъ шведскія перчатки и нервно мяла ихъ въ пальцахъ. Во всемъ проглядывало въ ней прирожденное изящество манеръ, и вся ея граціозная фигура выкупала нѣсколько затасканный костюмъ. Гюи, привыкшій издавна однимъ взглядомъ опредѣлять матеріальное положеніе людей, угадывалъ что-то неладное въ этой женщинѣ, которую четыре-пять лѣтъ тому назадъ онъ зналъ за прелестную особу, окруженную роскошью и бурно прожигавшую свою жизнь. Теперь же онъ видѣлъ передъ собой какую-то полусгорѣвшую ракету. И это Маріанна Кейзеръ! Изъ всѣхъ женщинъ, которыхъ онъ когда либо встрѣчалъ, эту онъ больше всѣхъ любилъ! Онъ любилъ ее до сумашествія, какой-то безграничной любовью. Маріанна не могла назваться просто дѣвушкой: это была свободная, возмущенная противъ общественнаго строя, куртизанка-дѣвушка, слишкомъ бѣдная для того, чтобъ на ней кто нибудь женился, и слишкомъ гордая, чтобы сдѣлаться содержанкой и подчиниться всей унизительности этого положенія. Сиротою она воспитывалась у своего дяди Кейзера, великолѣпнаго живописца, равнодушнаго ко всему, кромѣ своего искусства, причемъ онъ еще старался о томъ, чтобы оно стояло на извѣстной нравственной высотѣ. Но по своей разсѣянности, довольно непростительной, онъ мало обращалъ вниманія на нравственное развитіе своей племянницы и допустилъ въ ней свободно развиться всѣмъ дурнымъ наклонностямъ и страстямъ, не оказывая ей ни въ чемъ сопротивленія. Она подвержена была страннымъ вспышкамъ гнѣва; она таила въ себѣ несбыточныя пылкія мечты, и въ развращенной средѣ стараго, распущеннаго холостяка-дяди, жила молодой, безпорядочной жизнью безсословной бѣдной дѣвушки, всѣ инстинкты которой направлены были къ роскоши. Она выросла въ странномъ смѣшеніи моделей и пріятелей художника, мастерская котораго была пропитана табачнымъ дымомъ и парадоксами.

Digitized by Google

Когда она была еще маленькой, то забавляла, какъ игрушка, стараго холостяка, который предоставлялъ ей, какъ котенку, свободно бѣгать, скакать и прыгать по диванамъ. Этотъ ребенокъ затоплялъ ему печку и набивалъ табакомъ трубку. По всей мастерской были разбросаны книги. Она прочла ихъ всѣ урывками, съ любопытствомъ, представляя себѣ живьемъ картины, гдѣ обмѣнивались поцѣлуями въ бесѣдкахъ, гдѣ странно шуршали, подобранныя высоко, юбки. Она очень скоро сдѣлалась женщиной, а Кейзеръ никакъ не могъ себѣ представить, что она уже все рѣшительно понимала и обо всемъ могла судить. Этотъ эфемерный мечтатель, отдавшій свою жизнь мистическому творчеству, кисть котораго изображала якобы философскія загадки, туманныя для публики, какъ и его убѣжденія, пребывалъ въ печальной неизвѣстности, что возлѣ него растетъ существо, въ свою очередь, поглощенное химерами, существо, которое манитъ къ себѣ бездна, для котораго нужна не мистическая сторона въ грезахъ:—нѣтъ, ее осаждали заманчивыя видѣнія, раскрывавшія ей тайну соблазна; они потрясали все ея существо и заставляли лихорадочно содрогаться всѣмъ тѣломъ. Еслибъ дядюшка Кейзеръ спустился хотя на минуту съ облаковъ на землю, то онъ замѣтилъ бы въ глубинѣ взгляда Маріанны что-то горячее и странное, а въ движеніяхъ ея что-то лихорадочно-нетерпѣливое. Но онъ мало объ этомъ заботился, этотъ рыжій толстякъ, съ высоты своей «артистической нравственности и эстетическаго достоинства» разсуждавшій о необходимости поднять уровень искусства, дать ему задачу, цѣль, идеалъ, сотворить искусство, такъ сказать, *воспитательное*, морализующее, и спокойно держалъ въ своей мастерской, какъ маленькую дресированную собачку, это бѣдное созданіе, все трепещущее отъ желаній и до мозга костей пропитанное порокомъ.

Одинокая, заброшенная молодая дѣвушка иногда цѣлые дни просиживала надъ какой нибудь книгой, запустивши пальцы въ волосы, блѣдная, съ сухими губами, съ разгорѣвшимися глазами, или, облокотясь о раму окна, по цѣлымъ часамъ мечтательно слѣдила за какимъ нибудь облачкомъ, точно отыскивая въ его формѣ сходство съ какимъ-то видѣніемъ. Мастерская художника выходила на тихую, унылую улицу, по которой раздавались только тяжелые, медленные шаги прохожихъ.

Digitized by Google

Она задыхалась за этой рамой, и горизонтъ, преграждавшій полетъ ея фантазіи, былъ тѣмъ же камнемъ, что̀ перешибаетъ птицамъ крылья. Ахъ! убѣжать бы подальше, скрыться отъ эгоистическихъ, высокопарныхъ разглагольствованій этого Симона Кейзера, и зажить свободной, страстной жизнью тѣхъ женщинъ, которыя любимы и счастливы!

Съ подобными мечтами росла Маріанна. Передъ ней вѣчно торчала, мозоля ей глаза, сѣрая стѣна сосѣдняго съ мастерской дома, съ заколоченными ставнями; для нея жизнь текла одинаково монотонно и лѣтомъ,—когда вся улица становилась сплошной пустыней, потому что сосѣди разъѣзжались по дачамъ,—и зимой, когда надъ головой нависали свинцовыя тучи, передъ глазами мелькали крыши, покрытыя грязновато-сѣрымъ снѣгомъ, а черезъ спущенныя шторы сосѣднихъ оконъ просвѣчивалъ огонекъ, точно красное пятно на замасленной бумагѣ. Тогда Маріанна до глубины души чувствовала горькую пустоту своей жизни, унылую тоску парижскаго одиночества, навѣвающую черные сны, сверлящую сердце, какъ безутѣшное страданіе. И вотъ такимъ-то образомъ выросла настоящей заточницей эта бѣдная Маріанна, рѣдко выходившая изъ дому, и то не иначе, какъ подъ руку съ дядюшкой. Они прогуливались тогда по луврскимъ галереямъ, и тамъ неизбѣжно всякій разъ, остановившись передъ какой нибудь картиной извѣстнаго художника, дядюшка начиналъ громкимъ, ораторскимъ голосомъ свои всегдашнія рацеи, заносился, приходилъ въ экстазъ, увѣряя, что въ произведеніяхъ великихъ мастеровъ такъ и просвѣчиваетъ его манера, его система, его вѣра. И стоило послушать его, когда онъ съ удареніемъ произносилъ эти великія слова: «Моя система»! Маріанна заранѣе уже угадывала дальнѣйшія фразы. «Что̀ всѣ эти фламандцы! Ни больше, ни меньше, какъ живописцы для табакерокъ, безъ идеала, безъ способностей. А Тиціанъ-то? Взгляни на этого Тиціана. Гдѣ же, гдѣ у него мысль? А нравственность? Тиціанъ—продавщикъ свѣжаго мяса, торговецъ изъ мясной лавки. Живописецъ для искательницъ приключеній! Искусство должно быть величественно, должно руководствоваться чувствомъ достоинства, дѣвственности и идеализма, прежде всего». Ахъ, эти слова, сказанныя монотоннымъ, фальшивымъ, педантичнымъ голосомъ! они жгли уши Маріанны, какъ острое впрыскиваніе. Она выносила изъ этихъ

Digitized by Google

прогулокъ угрюмое впечатлѣніе, точно послѣ посѣщенія кладбища, и возвращалась домой съ тяжелой мигренью, съ глухимъ гнѣвомъ противъ судьбы. Она даже больше любила эту мастерскую съ протертыми диванами, съ портьерами, обратившимися отъ времени въ лохмотья. Здѣсь, по крайней мѣрѣ, она была самъ-другъ со своими тайными вожделѣніями, съ боязнью передъ будущимъ. Эта молодая дѣвушка, которая все прочитала, все понимала, слушая разныя грязныя шуточки, раздававшіяся зачастую въ мастерской Кейзера, смахивавшей на кабакъ, вопреки возвышеннымъ спорамъ и толкамъ художниковъ,—эта дѣвственница тѣломъ, въ душѣ которой уже не оставалось ничего дѣвственнаго, часто возмущалась сама противъ себя и тогда съ горечью спрашивала себя: куда въ концѣ концовъ приведетъ ее подобная жизнь? Приданаго за ней никакого. Ея отецъ оставилъ ее нищей. Кейзеръ былъ бѣденъ и весь въ долгахъ. Искать по объявленіямъ мѣста учительницы музыки казалось Маріаннѣ тѣмъ же самымъ, что̀ поступить въ прислугу. О, тѣ, которыя претендуютъ на монтіоновскую премію за добродѣтель,—пусть такъ и дѣлаютъ. Но она ни за что! Ахъ, что за мука—подобная жизнь! Выйти замужъ? но кто на ней женится? Ужь не какой ли нибудь изъ тѣхъ жалкихъ живописцевъ, осаждающихъ мастерскую художника Кейзера, и вторящихъ ему въ его эфемерныхъ теоріяхъ? Вырваться отъ одной богемы, чтобы попасть къ другой, перейти отъ нравственной пытки къ нищетѣ; быть женой одного изъ этихъ философовъ съ сальными волосами... Но, при этой мысли, возмущалось все ея существо. А черезъ открытое окно къ ней врывались въ комнату теплыя испаренія, острый запахъ возрождающейся весны, отъ которыхъ ее начинала бить лихорадка и у нея кружилась голова. Закрывъ глаза, она сладострастно потягивалась на заплатанномъ диванѣ и, подставляя свое прелестное тѣло ласкамъ цѣлующаго ее знойнаго вѣтерка, она безъ конца, безъ конца мечтала... Пробужденіе ея было чѣмъ-то сумашедшимъ, внезапнымъ, какъ ударъ молніи. Все окончилось побѣгомъ. Онъ былъ наконецъ найденъ,—этотъ прохожій изъ улицы Наваринъ. Одинъ живописецъ, болѣе другихъ дерзкій, сталкивавшійся съ ней ежедневно, воспылалъ къ ней страстью, замѣтивъ странный огонекъ въ этихъ сладострастныхъ глазахъ еще нетронутой дѣвушки. Все было сказано однимъ

Digitized by Google

взглядомъ. Встрѣча съ развратникомъ рѣшила судьбу этой дѣвушки. Она пала, не по невѣдѣнію и не изъ любопытства, а въ порывѣ страстнаго гнѣва и какой-то бравады. Такъ какъ она заброшена, безъ матери, безъ семьи, безъ опоры, безъ любви,—такъ и пускай! Она окончательно сброситъ съ себя всякое иго, освободится отъ всякихъ узъ. Она точно взбѣсилась—и убѣжала съ этимъ человѣкомъ. Это былъ хорошенькій мальчикъ, жаждущій удовольствій и обошедшійся самымъ безцеремоннымъ образомъ со своей побѣдой, обративъ Маріанну въ ординарную содержанку. Онъ сдѣлалъ бы изъ нея совсѣмъ уличную дѣвчонку, еслибъ ея недюжинный умъ, сила характера и отвращеніе къ своему сумашедшему порыву, точно также, какъ къ этому свѣжеиспеченному любовнику и къ той пропасти, куда онъ ее толкалъ,—не взяли верхъ. Кейзеръ не выразилъ ничего, кромѣ удивленія, послѣ побѣга племянницы. И какъ это ему не пришло въ голову, что въ ней таится? «О, эти дьявольскія женщины! никто ихъ никогда не знаетъ, даже тѣ, кто ихъ породилъ. Родной отецъ ничего бы не замѣтилъ! А тѣмъ болѣе дядя»!

И онъ скоро замолчалъ, спустившись опять въ свой артистическій міръ грезъ, усыпляя свой гнѣвъ куреніемъ трубки, такъ какъ товарищи все же надъ нимъ подсмѣивались. «Къ тому же, надо брать вещи, какъ онѣ есть,—прибавлялъ живописецъ,—и въ концѣ концовъ Маріанна послушалась голоса природы. Весь міръ долженъ пользоваться безусловной свободой». Это тоже принадлежало къ составу теоріи Симона Кейзера. Маріанна, будучи совершеннолѣтней, могла, какъ ей угодно, распоряжаться своей судьбой, тѣмъ болѣе, встрѣтивъ такое строгое отношеніе къ своему поступку.

— Еслибъ она могла измѣрить всю глубину пропасти,—говорилъ Кейзеръ, куря свою трубку,—то она непремѣнно вернулась бы къ дядѣ. И кто знаетъ? можетъ быть, она вернется и у него всегда отыщется для нея мѣсто, называемое своимъ очагомъ.

— Очагъ твоей трубки!—сказала ему однажды Маріанна.

Затѣмъ Кейзеръ примирился съ этой печальной исторіей, отдавшись «святому искусству»—единственному, которое онъ признавалъ. Тутъ, по крайней мѣрѣ, не можетъ существовать уступокъ. Какое дѣлу свѣту, что эта дѣвушка пошла дурной

Digitized by Google

дорогой, хотя бы она даже была его родной племянницей? Общественная мораль отъ этого нимало не пострадаетъ. А вотъ, еслибъ онъ, Кейзеръ, выставилъ въ публику безнравственную картину, ну, тогда другое дѣло, — это была бы пѣсня изъ другой оперы. «Всегда должно существовать достоинство, чистота искусства, вотъ что»!

И послѣ этого никто уже не слыхалъ, чтобы онъ интересовался дальнѣйшей участью Маріанны. Въ этой жизни, состоявшей изъ разныхъ случайностей, которая все же не была жизнью куртизанки, а жизнью возмутившагося существа, которое за себя мститъ,—Маріанна встрѣтила Гюи де-Лиссака и полюбила его такъ, какъ только могла любить кого нибудь. Гюи забавлялъ ее. Съ нимъ она говорила обо всемъ, предаваясь всякимъ мечтамъ и проэктамъ. И зачѣмъ имъ было разставаться? Они обожали другъ друга. Гюи былъ богатъ или, по крайней мѣрѣ, жилъ богато. Маріанна была весьма изящная любовница, умная и очень женственная. Казалось, въ ней одной соединилось десять женщинъ. Гюи любилъ ее до безумія и съ каждымъ днемъ привязывался къ ней все больше. Она часто совершенно искренно увѣряла его, что до него никого не любила. Что же касается до перваго любовника, то она теперь забыла даже его имя!

У нихъ не было причинъ не жить вѣчно вмѣстѣ; они и жили общей жизнью, вполнѣ счастливые, привлекаемые тѣми же самыми фантазіями, возбуждаемые одинаковыми вкусами. Слѣдовательно, спрашивается, зачѣмъ же имъ было разставаться? Это случилось однако, потому что Гюи рѣшилъ освободиться отъ хорошенькой дѣвушки. Онъ испугался. Она не видѣла конца этой связи, и онъ тоже. Страстишка,—какъ онъ вначалѣ назвалъ свое чувство къ Маріаннѣ, — грозила перейти въ другое чувство и получить названіе: «цѣпи»! Онъ часто серьезно спрашивалъ себя: ужь не жениться ли ему на дѣвушкѣ, прошлое которой было ему отлично извѣстно, но которая до того его обворожила и опьянила, что онъ позабывалъ весь міръ, невольно прощая ей это прошлое?

Дядя Кейзеръ, весь погруженный въ «достоинство искусства» и занятый аллегорической картиной подъ заглавіемъ: «Новѣйшая семья»,—что̀ составляло, по его мнѣнію, страницу искусства, чистаго, мистическаго, соціальнаго, «преобразова-

Digitized by Google

тельнаго»,—забылъ окончательно свою племянницу, между тѣмъ какъ Лиссакъ подвергался иногда искушенію возвратить ее дядѣ. Онъ страдалъ при мысли уступить Маріанну другому. Тогда его ужасъ передъ бракомъ переходилъ въ ревность. И вотъ, въ одинъ прекрасный день, Гюи жестоко порвалъ эту связь. Почувствовавъ себя больнымъ, онъ легъ въ постель; на другой же день утромъ Маріанна пришла къ нему и страстно сказала:

— Теперь я тебя ужь больше не покину. Ты въ опасности, и я должна тебя спасти.—Тогда Гюи почувствовалъ, что погибъ. Его точно ударили кулакомъ по темени и онъ разсудилъ, что если позволитъ поселиться у себя этой женщинѣ, то все покончено съ его свободой и жизнью. Этотъ парижанинъ положилъ себѣ за правило, что мужчина долженъ быть всегда за штатомъ. Онъ страшился этого полубрака, прозваннаго на парижскомъ арго, какъ въ макулатурѣ: «склейкой». И, взявъ на себя рискъ отстоять свою свободу, онъ однажды, во время отсутствія этой сестры милосердія, наскоро уложилъ въ чемоданъ свои вещи и бросился въ фіакръ, весь дрожа отъ лихорадки, щелкая зубами отъ озноба, пробѣгавшаго у него по спинѣ. Приказавъ везти себя на желѣзную дорогу, онъ сѣлъ въ вагонъ и уѣхалъ въ Италію. Маріанна почувствовала живѣйшую сердечную боль послѣ этого неожиданнаго бѣгства. Отъ нея ускользала единственная надежда! Она любила Гюи слишкомъ реально, и всячески желала его удержать. И вдругъ онъ улепетнулъ отъ нея? Но куда же онъ убѣжалъ? Одну минуту она покушалась было поѣхать вслѣдъ за нимъ, но получила письмо, по которому, впрочемъ, догадалась, что Гюи, желая избѣжать съ ней встрѣчи, упросилъ какого-то досужаго пріятеля—бросить въ ящикъ это письмо, обозначивъ въ немъ адресъ города и мѣста, гдѣ его вовсе не было. Играть далѣе роль женщины, преслѣдующей своего любовника, было бы забавно. И она осталась. Сердце ея разрывалось отъ отчаянія, точно она овдовѣла; тогда она вернулась въ улицу Наваринъ, въ родственное лоно, и нашла дядю Кейзера все такимъ же спокойнымъ, передъ картиной: «Современная семья», почти совсѣмъ оконченной.

— Вотъ что, по моему, всего лучше и поучительнѣе изъ моихъ картинъ, — сказалъ онъ ей.—Въ искусствѣ нравствен-

Digitized by Google

ность прежде всего, моя дѣвочка. Ну, теперь присядь тамъ и разскажи мнѣ о твоихъ маленькихъ приключеніяхъ.

Прошло пять лѣтъ,—цѣлыхъ пять лѣтъ,—какъ Лиссакъ не видалъ Маріанны. Ихъ страсть обратилась мало по малу въ дружбу—на письмѣ. Маріанна писала, Гюи отвѣчалъ. Почта исправно передавала обмѣнъ всѣхъ упрековъ, но, какъ на зло, ни съ той, ни съ другой стороны не было сдѣлано ни малѣйшаго поползновенія къ встрѣчѣ; однако, они очень любили другъ друга. И теперь вдругъ, въ это холодное снѣжное утро, появляется опять Маріанна и, дрожа отъ стужи, сидитъ у камина и грѣетъ свои маленькія ножки, подставляя ему для поцѣлуя кончикъ холоднаго розоваго носика. Гюи былъ удивленъ. Съ любопытствомъ, и не безъ страха, смотрѣлъ онъ на эту женщину, которую любилъ, дѣйствительно любилъ до страданія и,—какъ увѣряютъ наивные люди,—до смерти. Онъ старался отыскать въ глубинѣ этихъ маленькихъ глазъ прежній огонекъ, теперь совсѣмъ потухшій. И только подумать, что ради этой женщины онъ рисковалъ своей судьбой, что онъ чуть было не пожертвовалъ ей своимъ именемъ, что онъ оторвался отъ нея съ какой-то бравурной свирѣпостью, что тогда онъ испытывалъ такую боль, точно на куски рѣзалъ свое тѣло, что онъ уѣхалъ въ Италію со страстнымъ желаніемъ забвенія и одиночества... Э! да что говорить? Дѣйствительно, Маріанна была его настоящей любовью, любовью парижанина, скептика и большаго насмѣшника, и онъ пробовалъ, глядя на молодую дѣвушку, оградить себя, вырвавъ изъ своего сердца воспоминанія прошлаго, такъ какъ, противъ его воли, они опять начали его волновать.

Очевидно, Маріанна отлично понимала, что творится на душѣ у Гюи. Она какъ-то странно улыбалась. Глубоко усѣвшись въ двумѣстной козеткѣ, и откинувшись на ея спинку, она закинула назадъ свою бѣлокурую головку и пристально глядѣла на Лиссака боковымъ взглядомъ женщины, кажущимся отъ этого еще пристальнѣе. Онъ чувствовалъ, что изъ подъ полуопущенныхъ вѣкъ на него устремленъ этотъ лукавый взглядъ. Подвижный маленькій носикъ, съ нервно вздрагивающими ноздрями,—выраженіе которыхъ подчеркивалось насмѣшливой улыбкой,—все это напомнило ему давнишнее прошлое.

Digitized by Google

Дрожащіе пальцы наигрывали на ручкѣ дивана, какъ на клавишахъ, какой-то лихорадочный маршъ.

И Гюи, въ изгибахъ этого мягкаго тѣла, въ этихъ насмѣшливыхъ глазкахъ, въ трепетѣ ноздрей, угадывалъ съ своей стороны, что̀ держитъ на умѣ посѣтительница. Онъ глядѣлъ на ея подбородокъ и на то мѣстечко подъ подбородкомъ, къ которому любилъ склоняться лбомъ, или, приложивъ къ нему губы, жадно, — точно пилъ ликеръ,—цѣловать это мѣсто. Въ немъ происходило что-то скрытное. Чувство неудовлетворенной страсти, разбитой любви, вновь поднималось въ его сердцѣ. Она обладала способностью каждый разъ возбуждать въ немъ какое-то особенное волненіе; пикантность и прелесть ея дѣлали обаяніе этой женщины неотразимымъ. Вокругъ Маріанны распространялся острый, очень пріятный ароматъ, давно ему знакомый; Лиссакъ узналъ въ немъ опьяняющій запахъ скошеннаго сѣна. Онъ пока не говорилъ ни слова; она же съ любопытствомъ ожидала, что̀ онъ скажетъ. Немного сконфуженная отъ вопрошающаго взгляда, устремленнаго на нее Гюи, она поникла на мигъ головой, но тотчасъ же оправилась.

— Можно здѣсь курить? — спросила она, открывая портсигаръ изъ русской кожи, со своимъ шифромъ.

— Конечно!—сказалъ Гюи, приложивъ спичку къ наспиртованной губкѣ въ серебряномъ треножникѣ и подвигая ее Маріаннѣ.

Она быстро захватила своими острыми бѣлыми зубками кончикъ папиросной бумаги, потомъ скрутила папироску и приложила ее къ пламени.

Свѣтъ отъ пламени оживилъ ея глаза и окрасилъ слегка розоватымъ свѣтомъ ея блѣдныя щоки, на которыя Гюи смотрѣлъ съ особымъ волненіемъ.

— Это ваше изобрѣтеніе довольно забавно!—сказала она, передавая ему маленькую губку, на которой еще змѣился голубоватый язычокъ пламени. Онъ потушилъ огонь и, невольно поддаваясь трепетному очарованію нахлынувшихъ воспоминаній, пристальнымъ взглядомъ окинулъ Маріанну, окутанную маленькимъ облачкомъ дыма.

— Вы не знаете только одной вещи,—сказалъ онъ,—а именно, что вы не однажды видѣлись мнѣ на углу разныхъ улицъ. Каждая женщина, напоминавшая васъ—то изгибомъ

Digitized by Google

турнюра, то свѣтлою волною волосъ, падавшихъ свободной прядью на норковый воротникъ мантò,—будила во мнѣ былыя воспоминанія, и мнѣ всякій разъ вспоминались вы, дорогая Маріанна... Эти маленькія шляпки съ перьями, подбитыя мѣхомъ, которыя теперь всѣ носятъ, но которыя вы носили и прежде, до наступленія этой моды, на вашихъ бѣлокурыхъ волосахъ! Когда я видѣлъ такую женщину, я сейчасъ же спѣшилъ за ней; но—честное слово!—не ради нея. Незнакомка бѣжала мелкими шажками передо мной, стуча по тротуару каблучками своей стройной ножки, а я продолжалъ ее преслѣдовать, увлеченный иллюзіей, что въ концѣ концовъ она приведетъ меня въ такое мѣсто, которое покажется мнѣ уголкомъ рая. Такихъ фантомовъ, возбуждающихъ любовное воспоминаніе, двигается множество среди бѣла дня по всѣмъ улицамъ Парижа, и не я одинъ,—вѣрьте мнѣ, Маріанна,—испытывалъ при этомъ особаго рода волненіе. Очень многимъ знакомо это чувство. И часто, послѣ такой встрѣчи, глаза мои увлажнялись; но когда это случалось со мной зимою, то я просто приписывалъ это стужѣ. А вы какъ думаете, Маріанна, былъ ли то холодъ, выжимавшій слезы изъ моихъ глазъ?

Маріанна расхохоталась.

— Но вы вдаетесь въ идиллію, мой дорогой Гюи, — сказала она, глядя на Лиссака.

— Это вѣрнѣе меланхолія, ни больше, ни меньше.

— Скажите лучше: элегія. И давно у васъ эти маленькіе припадки невралгіи? Немножко валеріановыхъ капель и немножко хины въ посеребреныхъ пилюляхъ, — вотъ что я вамъ могу посовѣтовать. Навѣрное поможетъ.

— Вы смѣетесь надо мной!..

— Но въ такомъ случаѣ, если воспоминаніе обо мнѣ пробуждаетъ въ васъ такъ много поэтическихъ чувствъ и заставляетъ васъ бѣгать за столькими турнюрами и токами изъ перьевъ,—не было ли бы гораздо проще не садиться въ миланскій поѣздъ, и не спасаться отъ меня, точно отъ кредитора, бѣгствомъ?—Гюи, въ свою очередь, тихо разсмѣялся.

— Ахъ! Это потому... видите ли, я ужь слишкомъ сильно васъ любилъ.

— Знаю я эту любовь! — воскликнула Маріанна, тономъ художника, дѣлающаго возраженія ученику въ мастерской.—

Digitized by Google

Итакъ, ваши комплименты никуда не годятся. Но, кажется, все еще идетъ дождь?

— Что̀ подѣлаешь? можетъ быть, я и былъ глупъ,—возразилъ Лиссакъ.

— Безъ всякаго сомнѣнія, дорогой другъ. Всегда глупъ тотъ, кто стремится убѣжать отъ женщины, которую обожаетъ. Вотъ подобнаго рода феномены, конечно, не часто встрѣчаются на улицѣ!

— Стало быть, Маріанна, вы помните то время, когда на всѣхъ карточкахъ подписывали: «Тому, кого я люблю больше всѣхъ на свѣтѣ»?

— Да,—сказала Маріанна, пуская маленькія колечки дыму въ потолокъ.—Такія слова, въ особенности если они были написаны отъ чистаго сердца, никогда не забываются.

— А вы писали ихъ отъ чистаго сердца?

— Вотъ подозрительность честнаго человѣка!—воскликнула она со смѣхомъ.

— Однако, меня увѣряли потомъ, что въ то же время вы любили еще кого-то.

— Это возможно,—возразила Маріанна съ горечью, — но въ той средѣ и въ той жизни, которыми я жила, меня такъ часто обманывали и покупали, что я волей-неволей должна была воображать, что люблю... когда отдавалась мужчинамъ...

Произнося эти слова отрывистымъ, сухимъ тономъ, точно ударъ хлыста, раздавшимся въ воздухѣ, она невольно вложила въ тонъ своего голоса столько страданія и сдержаннаго гнѣва, что Лиссакъ почувствовалъ себя странно тронутымъ.

Этотъ Гюи,—парижанинъ съ головы до ногъ,—вдругъ ощутилъ въ своей груди совсѣмъ неожиданное чувство, и эта женщина, съ закинутой задорно на спинку кресла головкой, съ дрожащими губами, выпускающими кольца дыма, съ трепетавшими ноздрями, показалась ему теперь совсѣмъ новымъ, невѣдомымъ существомъ, которое явилось сюда ему на соблазнъ. Ея поза отдающейся женщины начинала вызывать въ воображеніи Лиссака скрытые контуры прекраснаго тѣла. Это колыханіе бюста, ласкающее шуршаніе накрахмаленныхъ юбокъ, вмѣстѣ съ неожиданнымъ появленіемъ позабытой любовницы,—воплощались для него мало по малу въ пикантный капризъ, все больше и больше его захватывавшій. А потому горькая

Digitized by Google

нотка, прозвучавшая въ ея голосѣ, въ такой чисто парижской, подходящей къ случаю, обстановкѣ, пробудила его любопытство и затаенную страсть, такъ рѣзко когда-то прерванную. Онъ сидѣлъ на пуфѣ возлѣ Маріанны, стараясь встрѣтиться со взглядомъ молодой женщины и пробуя захватить бѣленькую ручку, которая слегка его отстраняла. Начавъ ласки съ ея руки, онъ сталъ понемногу вкладывать въ свое ухаживаніе обаяніе прежнихъ дней. Но вотъ Маріанна насмѣшливо посмотрѣла ему прямо въ глаза, и тономъ, не обѣщавшимъ ничего въ будущемъ, проговорила:

— О, о! да вы, кажется, принялись за ухаживаніе, дорогой другъ?

Лиссакъ улыбался.

— Ну, это ужь лучше оставьте! Вы хотите повторить жестоко прерванный вами и исчерпанный романъ.

— Но это романъ моей жизни,—глухо проговорилъ Лиссакъ, приближая свои губы къ уху Маріанны.

— Еще больше причинъ не начинать его снова! Знаете ли, есть книги, которыя читаютъ только одинъ разъ, и вотъ почему ихъ, можетъ быть, и не забываютъ!

И она поднялась съ кресла, рѣзкимъ движеніемъ бросивъ окурокъ папиросы въ пламя камина. Затѣмъ, взглянувъ прямо въ удивленные глаза Лиссака своимъ сверкающимъ взглядомъ, она сказала:

— Ахъ, это время, которое вы когда-то называли «капризами Маріанны», надъ чѣмъ мы съ вами немало смѣялись, давно уже миновало. Знаете ли, дорогой Гюи, до чего я теперь дошла? Да, до чего дошла ваша бывшая любовница! До невыносимой, безконечной, черной тоски. Я заживо умираю, и влачу свою жизнь, какъ самое тяжелое бремя. Для меня жизнь—это тиски, изъ которыхъ я не знаю, какъ вырваться. Дни проходятъ для меня совершенно безцвѣтно; люди кажутся мнѣ глупыми, книги приторными; дураки дѣлаются въ моихъ глазахъ уже совсѣмъ идіотами, а умные люди—пустыми. Это—самая ужасная болѣзнь, или ненависть,—какъ хотите, ее назовите,—отвращеніе ко всему банальному и жажда невозможнаго. Жажда, мимоходомъ сказать, неутолимая. Тотъ источникъ свѣжей воды, который утолилъ бы мою жажду, еще не найденъ мною.

Digitized by Google

Она говорила рѣзкимъ, сухимъ тономъ, съ отрывистымъ смѣхомъ, звучавшимъ точно порванныя струны. Выкуривая папиросу за папиросой, она конвульсивно затягивалась, покрываясь облакомъ дыма, или нервно стряхивала ногтемъ пепелъ съ папиросы на коверъ. Растроганный и заинтересованный Гюи, освободившись отъ только что овладѣвшаго имъ искушенія, смотрѣлъ на нее, покачивая головой, точно докторъ, который нашелъ своего паціента хуже, чѣмъ ожидалъ.

— Итакъ, Маріанна, вы очень несчастны,—наконецъ промолвилъ онъ.

— Я-то? Подите вы! Просто устала и все мнѣ опротивѣло. Но чтобы я была несчастна, о, нѣтъ. Въ словѣ «несчастіе» еще есть нѣчто грандіозное. Имъ можно бравировать. Это—громъ. Но дождь, вѣчный дождь, представьте себѣ, нескончаемый дождь съ комьями грязи... Ахъ, бррр! Вотъ что убійственно. А въ моей жизни постоянно идетъ дождь, дождь и дождь!

Вся ея поза, съ дрожащими отъ волненія руками, выражала безисходную тоску, и Лиссакъ начиналъ смотрѣть на нее, какъ на безнадежно больную.

— О, моя жизнь! Что это за жизнь? Этотъ уныло вращающійся жерновъ! Эта вѣчная любовь безъ радости и опьяненіе безъ жажды. Понимаете ли вы, что̀ это такое — вести жизнь авантюристки для такой женщины, какъ я! Съ моей душой, съ моимъ умомъ, съ моимъ интеллектомъ—и отдавать свое тѣло на поруганіе всѣмъ и каждому? На общее поруганіе... такъ какъ, отдаваясь всѣмъ, я избѣгаю одного, а именно настоящаго, постояннаго любовника. О, вотъ чего я всячески избѣгаю, потому что, въ концѣ концовъ, хочу быть сама себѣ госпожей, а не рабой кого-то. Теперь у меня есть только одно удовольствіе...

— Какое?—спросилъ Гюи, тронутый этимъ сильнымъ гнѣвомъ и искреннимъ отчаяніемъ, этимъ невольнымъ горестнымъ воплемъ. Онъ почувствовалъ къ ней глубокую жалость.

— Мое удовольствіе,—отвѣчала она, — состоитъ въ томъ, чтобы пойти и запереться въ моей комнаткѣ, которую я занимаю въ концѣ глухой улицы, возлѣ Ботаническаго сада. Тутъ я принимаюсь за переборку всѣхъ остатковъ моей погибшей жизни; я пересматриваю всѣ свои книги, записочки, разныя бездѣлушки, и это доставляетъ мнѣ какое-то сладострастное

Digitized by Google

наслажденіе. Сказать себѣ, что въ эту мою интимную жизнь никто не осмѣлится ворваться, что тутъ имя мое остается невѣдомымъ, что никто не знаетъ, что я такое на самомъ дѣлѣ, откуда и куда пойду, что я думаю, что люблю и что ненавижу,—все это составляетъ единственную отраду въ моей жизни. Тутъ я запираюсь ото всего міра. Я разсаживаюсь въ своемъ chaise longue и говорю себѣ, что если со мной приключится аневризмъ, ударъ или что нибудь въ этомъ родѣ, никто никогда не узнаетъ, что я за человѣкъ,—никто, никто! А что меня отнесутъ въ мертвецкую или бросятъ въ какую-то яму, это мнѣ рѣшительно все равно. Пускай бросаютъ, куда угодно, это тѣло и эту норковую шапочку съ токомъ изъ перьевъ, которая вамъ такъ часто вспоминается. А! не правда ли, они не очень веселы, эти мои развлеченія? Но, милый другъ, въ нихъ-то и заключаются лучшія минуты моей жизни. Судите, какъ хотите.

Взволнованный Лиссакъ былъ, дѣйствительно, заинтригованъ. Къ нему пришли,—стало быть, въ немъ имѣютъ нужду. Повидимому, вовсе и не стремятся начать съ нимъ сызнова романъ, слѣдовательно, къ нему пришли не за тѣмъ, чтобы затрогивать то, что уже давно брошено и позабыто. Да, но тогда зачѣмъ же пожаловала она къ нему, эта опьяняюще-прелестная женщина, которую Гюи отлично зналъ, какъ вовсе не такую сантиментальную особу, чтобы прійти къ нему только для душевныхъ изліяній, заставляя его въ то же время воспринимать раздражающій ароматъ былой любви, разсѣявшейся быстрѣе, чѣмъ дымъ отъ ея папиросы?

Она опять засмѣялась своимъ болѣзненнымъ, короткимъ смѣшкомъ, повѣряя Лиссаку о своихъ наслажденіяхъ въ одиночествѣ, и затѣмъ, не отводя отъ него своего горящаго взгляда, вдругъ спросила:

— Вы, говорятъ, постоянно бываете по пріемнымъ днямъ у Сабины Марси?

— Да,—отвѣчалъ Лиссакъ,—хоть я и не особенно люблю политическіе салоны.

— Но этотъ салонъ нельзя назвать только политическимъ; онъ скоро сдѣлается и ученымъ, судя по газетнымъ отзывамъ репортеровъ. Говорятъ, что г. де-Розасъ... Ахъ, кстати, скажите, милый Гюи, что вы по прежнему видитесь съ г. де-Розасомъ?

Digitized by Google

Произнося это имя повидимому совершенно равнодушнымъ тономъ, Маріанна слегка склонила голову, чтобы лучше слѣдить за выраженіемъ лица Лиссака, незамѣтно для него. Онъ не сейчасъ же отвѣтилъ, какъ будто размышлялъ: съ какою цѣлью Маріанна заговорила о Розасѣ? Онъ догадывался, что великій кастильскій синьоръ былъ причиной визита къ нему Маріанны.

— Я вижу его всякій разъ, какъ онъ бываетъ въ Парижѣ,—отвѣтилъ онъ черезъ минуту молчанія.

— Въ такомъ случаѣ, вы его скоро увидите, потому что онъ пріѣдетъ завтра.

— Кто вамъ это сказалъ?

— Газеты. Развѣ же вы не читаете газетъ? Онъ возвращается съ востока и г-жа Марси хочетъ устроить для него вечеръ, со спеціальной цѣлью послушать его разсказы о путешествіи. Вотъ такъ будетъ конференція! Немножко важно для такого дикаря, какимъ былъ когда-то г. Розасъ... или его, можетъ быть, намъ подмѣнили?

— Ну, онъ былъ не столько дикъ, сколько скроменъ, что, впрочемъ, одно и то же. Но,—спросилъ Лиссакъ, послѣ нѣкотораго молчанія,—причемъ тутъ Розасъ? Вы мнѣ скажите только навѣрно, пріѣдетъ онъ завтра или нѣтъ?

— Пріѣдетъ. Мнѣ это извѣстно чрезъ газетныхъ репортеровъ; нынче вѣдь отъ нихъ получаются свѣдѣнія о друзьяхъ.

— Итакъ, да будетъ вамъ извѣстно, что я сочла для себя необходимымъ послушать разсказы г. де-Розаса, и потому прошу васъ представить меня г-жѣ Марси на ея вечерѣ.

— Ахъ, такъ вотъ что...—началъ Гюи.

— Да, это самое. Я скучаю. Я брежу востокомъ. Вы помните пустыню Фелисьена Давида, которую я вамъ играла на роялѣ? И я непремѣнно хочу слушать объ его путешествіяхъ. Это заставитъ меня позабыть на нѣкоторое время Парижъ.

— Вы будете его слушать, дорогая Маріанна. Наканунѣ вечеромъ, г-жа Марси просила меня представить ей Водрея. А теперь вы просите меня представить васъ ей... И вотъ я сдѣлался въ нѣкоторомъ родѣ проводникомъ; но мнѣ будетъ очень пріятно провести васъ въ салонъ, который, вѣроятно, покажется вамъ менѣе унылымъ, чѣмъ ваша комнатка тамъ, возлѣ

Digitized by Google

Ботаническаго сада. Да, впрочемъ, что это я болтаю? Вѣдь вы и безъ того были когда-то подругой г-жи Марси?

— Да, я ее встрѣчала нѣсколько разъ, и нашла очаровательной. Она приглашала меня навѣстить ее, но я не рѣшилась... Мой вкусъ къ одиночеству... Моя берлога тамъ...

— А что, уже совсѣмъ воспрещено видѣть ту комнатку?— улыбаясь, спросилъ Лиссакъ.

— Это не запрещено, но довольно трудно. Отъ друзей, однако, у меня нѣтъ никакихъ тайнъ,—замѣтила Маріанна,— только подъ тѣмъ условіемъ, чтобы они дѣйствительно оставались только моими друзьями.—И она сдѣлала удареніе на послѣднемъ словѣ.—Никѣмъ инымъ, какъ друзьями?

— Дружба,—сказалъ Лиссакъ,—это очень хорошо, добродѣтельно и скромно, но...

— Но?

— Любовь?

— Не говорите мнѣ объ этомъ. Это улетаетъ, бррр! какъ ласточки, это убѣгаетъ... ну, хотя бы въ Италію! Между тѣмъ какъ дружба...—и она протянула Гюи свою маленькую ручку, твердую и крѣпкую, какъ сталь.

— Когда вы захотите быть у меня, предупредите. Я вамъ оставлю свой адресъ. Но пусть ко мнѣ придетъ не Гюи, а г. Лиссакъ. Итакъ, рѣшено?

— Я былъ бы нахаломъ, еслибъ отвѣтилъ: да.

Маріанна пожала плечами.

— О! эти мадригалы. Какъ же ты глупъ! Оставь это лучше другимъ. Для меня все это уже старо.—И она, захвативъ руками его поблѣднѣвшее лицо, дружески, по товарищески поцѣловала его въ щеку.

— Ну да, конечно, я тебя любила. А теперь не прогнѣвайся: кромѣ дружбы, не проси ничего другаго.

Ахъ! какъ сильно хотѣлось ему въ эту минуту схватить ее и найти въ ней прежнюю любовницу, не дать ей выйти изъ этой комнаты, прежде чѣмъ она снова не отдастся ему.

Но она уже накинула на плечи свой плащъ и, быстро отворивъ дверь, сказала:

— Итакъ, рѣшено: у г-жи Марси?

— У г-жи Марси. Я вамъ пришлю приглашеніе.

— И я приду за вами. Пусть я буду для васъ добрый

Digitized by Google

малый. А вы меня представите г. Розасу? Посмотримъ, узнаетъ ли онъ меня?

И она захохотала.

— Да, заодно,—такъ какъ вы записались въ проводники,—вы, конечно, представите меня и вашему товарищу Водрею. (Тутъ она очаровательно улыбнулась, показавъ свои хорошенькіе, нѣсколько хищные зубки.) Познакомиться съ министромъ, фу, какъ важно! Можетъ вообще пригодиться. Addio, caro!

И Гюи де-Лиссакъ не успѣлъ сдѣлать двухъ шаговъ къ Маріаннѣ, какъ она уже исчезла. Японская шолковая портьера тихо опустилась за ней и легла на полъ мягкими, широкими складками. Онъ отворилъ дверь. М-lle Кейзеръ была уже въ передней и держалась за ручку выходной двери.

— Въ девять часовъ я буду у васъ,—сказала она издали Лиссаку.

Она сдѣлала ему легкій поклонъ, а лакей побѣжалъ затворить за ней дверь, и въ освѣщенномъ пространствѣ, на лѣстницѣ, еще разъ мелькнулъ и обрисовался ея стройный силуэтъ.

Гюи вернулся къ себѣ въ комнату почти разсерженный. Теперь, когда она ушла, онъ съ шумомъ открылъ окно, и ему показалось, что изъ комнаты вылетѣлъ обрывокъ голубаго дыма отъ папиросы, которую Маріанна только что курила, а вмѣстѣ съ этимъ синеватымъ дымкомъ испарялся ароматъ скошеннаго сѣна, унося съ собой и эту красноперую перелетную птичку, на мигъ появившуюся здѣсь, чтобы опять приковать къ себѣ этого разочарованнаго франта.

Струя свѣжаго воздуха и потоки солнечнаго свѣта наполнили трепещущимъ свѣтомъ комнату. На крышахъ сверкалъ снѣгъ подъ лучами солнца, отливая какимъ-то синеватымъ весеннимъ отблескомъ. Пріятный ароматъ распространился въ оздоровленной атмосферѣ. Гюи глубоко вбиралъ въ себя этотъ воздухъ, смѣшанный съ ароматомъ духовъ и запахомъ папиросы этой женщины. Ему теперь казалось, что съ его отяжелѣвшаго лба сняли нѣчто въ родѣ желѣзнаго обруча. Свѣжій вѣтерокъ какъ будто стиралъ поцѣлуи Маріанны.

— Неужели я вѣчно буду такимъ же ребенкомъ?—спрашивалъ онъ себя. — Вѣдь это она приходила сюда не ради меня, а ради Розаса. Честное слово, я опять попался, хоть въ пору уѣхать, какъ тогда, въ Италію. Но теперь, въ мои

Digitized by Google

годы...—И, слегка разсмѣявшись, онъ закрылъ окно, потому что становилось холодно.

V.

На тротуарѣ бульвара Малербъ, двое полицейскихъ, закутанныхъ въ свои шинели, сдерживали толпу, собравшуюся передъ главнымъ подъѣздомъ дома г-жи Марси. Двойной рядъ любопытныхъ, рискующихъ окоченѣть, смотрѣлъ, какъ къ подъѣзду подкатывали коляски, одна за другой, и изъ нихъ выпрыгивали и всходили на сверкающій огнями подъѣздъ дамы, закутанныя въ бурнусы, и мужчины въ бѣлыхъ перчаткахъ, со спрятанными въ мѣховые воротники лицами.

Затѣмъ коляски дѣлали кругъ и примыкали къ цѣпи другихъ экипажей. Но уже съ часъ, какъ число каретъ все больше увеличивалось; огромная толпа приглашенныхъ, явившихся пѣшкомъ, толкалась у подъѣзда. Затѣмъ поднимались по лѣстницѣ, продолжая курить и болтать. Подъ стекляннымъ навѣсомъ они пріостанавливались и бросали окурки папиросъ. Зѣваки указывали другъ другу на знакомыя лица. Въ кварталѣ говорили, что большинство министровъ приняло приглашеніе. Залы г-жи Марси сіяли всѣми огнями. Всѣ толкались около уборныхъ. Пальто и плащи сваливались въ кучу или вѣшались второпяхъ, кое-какъ, а руки въ бѣлыхъ перчаткахъ тянулись, точно въ театральныхъ проходахъ, за кусочками пронумерованныхъ картоновъ.

— У васъ 113 нумеръ,—сказалъ г. де-Лиссакъ Маріаннѣ, шедшей съ нимъ подъ руку въ блѣдно-голубомъ платьѣ. Она улыбнулась и опустила маленькій кусочекъ картона въ карманъ.

— О, я не суевѣрна!

Она вся точно сіяла. Въ передней передъ нею разступалась толпа, давая дорогу этому прелестному созданію. Ея золотистые волосы падали на бѣлоснѣжныя плечи; шолковая юбка, граціозно обтягивавшая ея пышныя, роскошныя формы, гармонично шелестѣла.

Лиссакъ, съ моноклемъ въ глазу, церемонно подвигался впередъ по залѣ, среди жадныхъ взглядовъ любопытныхъ, точно всасывающихъ и пожирающихъ невыразимо граціозное тѣло хорошенькой дѣвушки.

Digitized by Google

Г-жа Марси стояла на порогѣ салона, прелестная въ своемъ черномъ шолковомъ платьѣ, особенно оттѣнявшемъ ея красоту блондинки, и протягивала всѣмъ руку. Улыбаясь и разсыпаясь въ любезностяхъ, она привѣтствовала хорошенькую г-жу Жерсонъ, пріѣхавшую помогать ей въ пріемѣ гостей. Повидимому, Сабина была въ восторгѣ, что видитъ Маріанну. Она когда-то испытала на себѣ обаяніе этого гибкаго ума. Прошлымъ Маріанны она мало интересовалась. Племянница Кейзера вездѣ была принята, да и какъ могло быть иначе, когда слѣдомъ за ней шествовалъ ея дядя, самъ г. Кейзеръ, разговаривавшій съ какимъ-то шестидесятилѣтнимъ старикомъ, съ бѣлой бородой и кроткимъ взглядомъ. Старикъ снисходительно слушалъ его, думая, можетъ быть, совсѣмъ о другомъ.

— Ахъ, мой милый старинушка Рамель! Какъ я радъ васъ видѣть,—восклицалъ онъ съ театральнымъ оживленіемъ.

— Все дѣло въ томъ, что, при всемъ желаніи, намъ не удавалось видѣться. Что вы подѣлываете, дорогой Кейзеръ?

— Я? работаю, протестую; вѣдь вы знаете, я никогда не шелъ на сдѣлку. Никогда... Достоинство искусства...

Ихъ голоса терялись въ сутолокѣ перваго салона, уже переполненнаго публикой. Сабина взяла подъ руку Маріанну, и Лиссакъ провелъ ихъ въ другую, болѣе обширную залу, всю отливавшую краснымъ свѣтомъ, въ которой стояли въ рядъ кресла передъ какимъ-то пустымъ пространствомъ, долженствовавшимъ изображать сцену, судя по тяжелому, въ широкихъ складкахъ занавѣсу; очевидно, на этомъ мѣстѣ долженъ былъ появиться какой-то ожидаемый актеръ. Почти всѣ кресла были заняты. Хорошенькія личики обѣихъ женщинъ появились при ослѣпительномъ освѣщеніи. Всѣ повернули головы къ Маріаннѣ, когда она вошла. Сабина провела ее очень быстро къ свободному стулу, совсѣмъ близко отъ сцены, съ которой долженъ былъ заговорить г. де-Розасъ.

Г-жа Жерсонъ усѣлась рядомъ съ Маріанной, которая пристально всмотрѣлась своимъ блестящимъ взглядомъ въ голубые глаза этого друга дома, чтобы прочесть въ нихъ тайныя мысли этой женщины. Г-жа Жерсонъ была въ восхищеніи: эта милая Сабина имѣла успѣхъ, огромный успѣхъ. Г-нъ Водрей здѣсь и г-жа Водрей тоже. Тутъ и г. Колларъ, президентъ совѣта, и г. Пишеро, оставшійся въ концѣ концовъ министромъ. Слѣ-

Digitized by Google

довательно, у Сабины налицо трое министровъ и одинъ президентъ совѣта! Сабина просто съ ума сходитъ отъ радости. Подумайте только! г-жа Герцфильдъ, конкуррентка Сабины, никогда не имѣла у себя на вечерѣ больше двухъ министровъ, и только!

Она щебетала, какъ коноплянка, продолжая болтать о томъ, что у г-жи Герцфильдъ салонъ значительно падаетъ. Тамъ только и бываютъ одни подпрефекты, тогда какъ у Сабины и префекты стоятъ на вытяжку въ прихожей.

— Ахъ, еслибъ вы знали, какъ милъ г. Водрей! Какой онъ прелестный болтунъ! онъ отлично пообѣдалъ и выпилъ два бокала.

Маріанна слушала эти разсказы, оставаясь мысленно очень далеко отъ нихъ, и думала только о томъ, когда же передъ ней появится, наконецъ, этотъ знаменитый г. де-Розасъ. Гюи вѣрно угадалъ: эта женщина затѣмъ только и посѣтила салонъ Сабины, чтобы видѣть Розаса, одного только Розаса! Она хотѣла попытать еще разъ свою судьбу. Новая идея... Можетъ быть, послѣдній капризъ... Почему же нѣтъ?

Маріанна дала себѣ слово сыграть въ этой партіи главную игру. Она хорошо помнила этого Розаса, котораго когда-то часто встрѣчала у Гюи. Парижскій кастилецъ, больше парижанинъ, чѣмъ испанецъ, владѣющій одинаково безукоризненно какъ французскимъ классическимъ языкомъ, такъ и argò бульваровъ и кулисъ; большой поклонникъ искусства, собиратель коллекцій; писатель въ свободные часы, но только лично для себя; либералъ, съ богатымъ темпераментомъ, съ обаятельными манерами; неутомимый путешественникъ, видѣвшій все въ тридцать лѣтъ,—Розасъ побывалъ въ Японіи, въ Индіи, пилъ верблюжье молоко подъ киргизскимъ шатромъ, ѣлъ финики вмѣстѣ съ кабилами, умѣлъ разсказывать съ соблазнительной ироніей о своихъ любовныхъ похожденіяхъ, что у другаго вышло бы въ хвастливой формѣ, но онъ вкладывалъ въ свой разсказъ оттѣнокъ презрѣнія и тѣмъ придавалъ ему безспорное вѣроятіе.

Онъ представлялъ изъ себя нѣчто байроновское, съ примѣсью современной разочарованности, вслѣдствіе разныхъ романическихъ злоключеній и ранъ. Въ особенности ей былъ памятенъ тотъ день, когда она вмѣстѣ съ Гюи побывала какъ-то въ квартирѣ герцога, въ улицѣ Лаваль. Его апартаменты имѣли

Digitized by Google

видъ студіи какого нибудь извѣстнаго живописца: все было задрапировано восточными коврами; всюду—обиліе разныхъ бездѣлушекъ, военныхъ доспѣховъ; всюду баснословная роскошь. Его обстановка, по количеству разныхъ предметовъ роскоши и разнообразію ихъ, напоминала караванъ-серай, преданный разграбленію. Хозé предложилъ тогда Маріаннѣ и Гюи кофе, приготовленный на турецкій ладъ, и они, болтая, курили прелестный свѣтло-золотистый турецкій табакъ. За этимъ куреніемъ Хозé продекламировалъ персидскіе стихи, въ которыхъ сравнивалъ ароматъ и цвѣтъ восточнаго табаку съ надушенной прической m-lle Кейзеръ. Часто потомъ, въ свои черные дни, она вспоминала этого рыжаго мальчика съ синими глазами, съ презрительно выпятившейся нижней губой, спрятанной въ золотистую бородку, подстриженную во вкусѣ Карла V. Въ ея воображеніи онъ рисовался раскинувшимся на индусскихъ коврахъ и тянущимъ сквозь зубы монотонную пѣсню, такую же однообразную и медленную, какъ шествіе каравана.

— Не правда ли,—сказалъ тогда Гюи,—что мой пріятель очарователенъ?

— Да, онъ очарователенъ!

— И какъ уменъ, какъ ученъ, какъ забавенъ! Но что лучше всего, такъ это то, что онъ въ концѣ концовъ архимилліонеръ.

Маріаннѣ часто приходило на умъ, что такому человѣку все доступно, что онъ обладаетъ абсолютнымъ могуществомъ, что всевозможныя фантазіи и химеры для него осуществимы. Это чисто золотое дно. Сколько разъ, въ вихрѣ воспоминаній, ей представлялась нѣсколько высокомѣрная улыбка Розаса, приподымавшая выхоленные, приподнятые на концахъ усики и открывавшая эти острые зубы, сверкавшіе ослѣпительной бѣлизной и выглядывавшіе изъ его рыжеватой бородки, точно они собирались вонзиться въ чье нибудь тѣло.

Но гдѣ же это побывалъ теперь герцогъ? У кабиловъ или у мормоновъ? Въ Таити, въ Гренландіи, или у самого чорта? Въ газетахъ писали, что онъ собираетъ новую экспедицію къ сѣверному полюсу. Можетъ быть, онъ былъ у сѣверныхъ морей, среди сплошнаго льда?

Она про себя улыбалась, невольно вздыхая, съ неожиданнымъ для самой себя, но совершенно искреннимъ волненіемъ,

Digitized by Google

полнымъ эгоистическаго сожалѣнія. Ей казалось раньше, что Хозе́ нѣсколько разъ давалъ ей замѣтить особое къ ней влеченіе, но, конечно, онъ дѣлалъ это слишкомъ деликатно, съ той особенной вѣжливостью, съ которою всякій свѣтскій молодой человѣкъ обращается къ любовницѣ своего друга. Ей казалось, что онъ усиленно сдерживаетъ какое-то особое волненіе и точно дѣлаетъ все какіе-то намеки въ разговорѣ съ ней. Тогда Маріанна дѣлала видъ, что ничего не замѣчаетъ. Она любила Гюи или воображала, что любитъ его, что̀ почти одно и то же. Она отвѣчала улыбками на всѣ ухаживанія г. де-Розаса.

«И я, можетъ быть, была глупа! — говорила она себѣ теперь.—Ба! но онъ былъ такой же дурачокъ, какъ и я... Какъ же, скажите... Долгъ дружбы? Ему помѣшалъ призракъ Гюи».

Тутъ она остановилась и съ ея губъ сорвалось невольно: Хозѐ! Жозефъ! Розасъ возбуждалъ досаду этой хорошенькой дѣвушки. Она сердилась на себя именно за то, что поступила честно. Иные чувствуютъ угрызенія совѣсти за свою ошибку, она же, наоборотъ, всегда впослѣдствіи мучилась за сдѣланное ею хорошее дѣло. Она часто думала о герцогѣ де-Розасѣ; также какъ думала ея праматерь Ева о потерянномъ раѣ. Она готова была перевернуть весь Парижъ вверхъ дномъ, обратить все въ прахъ, все уничтожить, только бы сдѣлаться любовницей де-Розаса.

«И, наконецъ, кто же былъ виноватъ? Какъ глупы всѣ нерѣшительные люди»!

И вдругъ, точно противникъ, объявляющій снова войну, опять въ Парижѣ появляется, въ самую критическую пору ея жизни, этотъ самый Жозе́, о которомъ она не переставала думать и который тоже, можетъ быть, вспоминалъ о ней, въ чемъ она и дала себѣ слово убѣдиться. Помощь подоспѣла къ ней такъ неожиданно и съ такой стороны, что Маріанна—суевѣрная, какъ всѣ неудачники,—внезапно возъимѣла надежду.

Какое бы это было счастье для падшей дѣвушки — подняться, чтобы упасть въ объятія герцога! Есть о чемъ похлопотать! Гюи и Сабина встрѣтились на ея дорогѣ, какъ невольные сообщники.

И она, конечно, воспользуется ихъ услугами, точно также какъ услугами де-Розаса. Конечно, она сердилась на этого

Digitized by Google

Гюи де-Лиссака за то, что онъ когда-то такъ глупо бросилъ ее. Но, прежде чѣмъ отплатить ему за это, необходимо воспользоваться его помощью. Да къ тому же месть—такое скучное дѣло! Теперь племянница Кейзера, бывшая любовница Гюи, женщина, которая отдавалась, которой платили; эта дѣвушка, оставшаяся наружно совершенной дѣвственницей, прелестная, граціозная; эта мадонна, съ соблазнительно гибкимъ и стройнымъ тѣломъ, съ невинной улыбкой, съ безумно-пылкимъ взглядомъ,—эта Маріанна была теперь въ двухъ шагахъ отъ этого обольстителя женскихъ сердецъ.

«Если Розасъ любилъ меня когда нибудь хоть на минуту, то полюбитъ теперь совсѣмъ»,—говорила она себѣ.

Въ залѣ было очень душно, но, не смотря на это, Маріанна рѣшила просидѣть здѣсь все время, чтобы герцогъ непремѣнно ее замѣтилъ. Ея кресло было въ первомъ ряду. Горячія капли пота выступали на ея лбу въ этой раскаленной атмосферѣ и по временамъ ей казалось, что она испарится, растаетъ или задохнется. Но она оставалась на своемъ мѣстѣ, со взглядомъ, прикованнымъ къ тому пункту занавѣса, гдѣ должно было появиться блѣдное лицо де-Розаса. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея, сидѣла прелестная молодая женщина лѣтъ двадцати четырехъ. Она казалась царицей вечера,—такое вниманіе было на нее устремлено отовсюду. Это была блондинка, съ яркимъ румянцемъ на свѣжихъ щечкахъ, полныхъ, съ восхитительными ямочками, съ двумя натуральными алыми розами въ пепельныхъ волосахъ. Она казалась не то сконфуженной, не то польщенной оказываемымъ ей всеобщимъ почетомъ, и отъ нея вѣяло немножко провинціальной наивностью. Маріанна услыхала, какъ г-жа Жерсонъ говорила сосѣдкѣ:

— Это жена министра.

— Г-жа Водрей?

— Да, она очень симпатична, не правда ли?

— Восхитительна, и какъ свѣжа!

Тутъ голоса слегка понизились.

— Ужь черезчуръ свѣжа!

— Немножко пахнетъ деревней.

Но какой-то господинъ снисходительнымъ тономъ замѣтилъ:

— Боже! но зато обратите вниманіе, мой милый, ничего

Digitized by Google

кокотскаго! волосы и цвѣтъ лица—ея собственные, это все таки лучше.

Но, какъ ни тихо это было сказано, Маріанна слышала все отъ слова до слова. Всѣ взгляды мало по малу обратились на эту молодую женщину, отъ появленія которой все вокругъ сіяло, какъ отъ лучей восходящаго солнца. Вѣдь она носила имя превознесеннаго судьбою министра. Она дебютировала вмѣстѣ съ нимъ, неся очень весело, безъ малѣйшей позировки, свое бремя славы. Она такъ робко, почти пугливо, улыбалась, точно просила прощенія у всѣхъ остальныхъ женщинъ за свой успѣхъ. Въ группѣ же мужчинъ, недалеко отъ Адріенны и Маріанны, у окна, стоялъ молодой человѣкъ со счастливымъ, сіяющимъ лицомъ. Ему только что подали кресло. Отъ времени до времени онъ взглядывалъ на молодую женщину, точно спрашивая ее, не скучаетъ ли она.

— А гдѣ же г. Водрей?—спросила Маріанна у г-жи Жерсонъ.

— Г. Водрей? Да онъ напротивъ васъ, немного вправо, съ г. Колларомъ. И онъ просто пожираетъ васъ глазами.

— А! вотъ какъ!—замѣтила Маріанна съ равнодушной улыбкой.

И она въ свою очередь взглянула на него. Но уже раньше она видѣла этого изящнаго господина, который пристально смотрѣлъ на нее. Теперь сомнѣнія не было въ томъ, что это и есть г. Водрей. Кромѣ того, онъ былъ еще привлекателенъ тѣмъ, что, повидимому, обладалъ бойкимъ, живымъ умомъ. Когда она недавно проходила подъ руку съ Сабиной къ своему креслу, то услышала нѣсколько ласковыхъ словъ, сказанныхъ имъ на ея счетъ, и улыбнулась въ восторгѣ отъ этого.

А, такъ это г. Водрей? Она часто про него слыхала и читала его рѣчи. Она даже видѣла его портретъ въ окнахъ книжныхъ магазиновъ. Энергичный видъ этого краснорѣчиваго оратора ей очень нравился. Все равно она узнала бы его, потому что онъ имѣлъ большое сходство со своей фотографіей. Изъ всѣхъ взглядовъ, на него направленныхъ, взглядъ Маріанны въ особенности привлекъ его вниманіе. Минуту тому назадъ, Сюльписъ ощутилъ на себѣ обаяніе этой прелестной женщины, когда она прошла мимо него, передъ цѣлымъ строемъ мужчинъ, которые, казалось, раздѣвали ее своими взглядами.

Digitized by Google

При своемъ пристрастіи къ умственнымъ анализамъ и опредѣленіямъ, Сюльписъ никогда и не представлялъ себѣ иначе настоящую куртизанку, со всѣмъ ея непосредственнымъ соблазномъ, проникающимъ, точно тончайшая эфирная эссенція.

Маріанна взглянула на него со смущенной улыбкой, а онъ не отрывалъ отъ нея своихъ глазъ. Но вотъ ея блѣдныя щоки вдругъ вспыхнули яркимъ лихорадочнымъ румянцемъ, когда вдругъ, посреди всеобщей суматохи и шума голосовъ, появился г. де-Розасъ. Онъ имѣлъ очень робкій видъ, когда протянулъ руку Сабинѣ, которая повела его къ сценѣ, какъ будто желая представить всѣмъ сразу.

— Наконецъ-то! ахъ, это онъ!

— Это и есть герцогъ де-Розасъ, не правда ли?

— Да, да, это онъ!

— Онъ просто очарователенъ.

Имя де-Розаса, произнесенное совсѣмъ тихо устами этихъ женщинъ, отдалось въ ушахъ Маріанны, точно громкій призывный звукъ сигнальнаго рожка. Ей показалось, что это прозвучалъ рѣшительный моментъ въ ея жизни. Въ эту минуту какого-то горячечнаго ощущенія, въ ней проснулось суевѣрное чувство, которое бываетъ у всѣхъ игроковъ. Она загадала, что если онъ замѣтитъ ее сейчасъ же, съ перваго взгляда, то, стало быть, онъ не забылъ ея и она можетъ на все надѣяться. «Къ счастью, мужчины забываютъ не такъ скоро, какъ женщины»,—думала она.—«Одни изъ нихъ, покидая насъ изъ сожалѣнія или изъ эгоизма, продолжаютъ потомъ, какъ этотъ Гюи, видѣть все ту же женщину, которую любили въ первые дни молодости. Иные же сожалѣютъ, что упустили случай. Но герцогъ, кажется, не принадлежитъ къ числу этихъ сантиментальныхъ людей». И она рѣшила про себя, что герцогъ непремѣнно на нее взглянетъ. Нагнувшись впередъ, она облокотилась на ручку кресла, склонясь подбородкомъ на правую руку, затянутую въ перчатку, а лѣвой быстро и граціозно, какъ настоящая испанка, принялась обмахиваться вѣеромъ. При этомъ она бросила на герцога взглядъ, полный пламеннаго желанія, вложивъ въ него всю силу своего обаянія. Бываетъ, дѣйствительно, какой-то магнетизмъ въ человѣческихъ зрачкахъ. Герцогъ живо почувствовалъ тайное дѣйствіе этого прикованнаго къ его лицу взгляда и, сдѣлавъ

Digitized by Google

изящный холодный общій поклонъ, поднялъ глаза, чтобы посмотрѣть на весь этотъ цвѣтникъ хорошенькихъ женщинъ, которыхъ собрала для него Сабина; и тутъ Розасу кинулась въ глаза неподвижная фигура женщины, пристально, не отрываясь, на него смотрѣвшей. Въ этотъ же самый моментъ, всѣ остальныя женщины для него не существовали; здѣсь была Маріанна. Хозе де-Розасъ, стройный, худощавый, съ золотисто-красными волосами и бодрый, казался блѣднымъ на красномъ фонѣ занавѣса; въ своемъ бѣломъ галстукѣ на бѣлой груди рубашки онъ напоминалъ собою портретъ кастильянца временъ Филиппа II, одѣтаго по современному. На его черномъ платьѣ новѣйшаго покроя выдѣлялась красная розетка, отдѣланная киноварью. Но какъ бы ни былъ современенъ этотъ покрой, черное платье принимало на этомъ человѣкѣ,—при его грустныхъ голубыхъ глазахъ и приподнятыхъ усахъ,—видъ стариннаго бархатнаго плаща. Красный же орденъ почетнаго легіона на его груди производилъ такое впечатлѣніе, точно у него надѣтъ маленькій крестъ Калатравы. Когда онъ встрѣтился свими холодными глазами съ горячимъ взглядомъ Маріанны, то по меланхолическому лицу испанца пробѣжала улыбка, которая какъ ни была замаскирована и мимолетна, при его почтительномъ поклонѣ въ ея сторону, но была достаточна для того, чтобы по всему тѣлу молодой женщины пробѣжала горячая искра радостнаго блаженства.

— Онъ меня узналъ. И сейчасъ же! Ну, теперь посмотримъ. Очевидно, я не забыта...—и безкровное лицо ея озарилось жизнерадостнымъ, побѣдоноснымъ румянцемъ. Съ вызывающимъ видомъ поднявъ свою смѣлую голову, точно бравируя всѣми взглядами, обращенными на нее, она слушала лектора съ горящими глазами, точно впиваясь въ каждое слово, слетавшее съ его губъ, и раздувая ноздри,—какъ будто вбирала въ себя весь ароматъ востока, пока герцогъ говорилъ своимъ вообще тихимъ, но на нѣкоторыхъ словахъ повышающимся, ласкающимъ голосомъ. Всѣ, затаивъ дыханіе, слушали де-Розаса. Во всей залѣ было слышно только легкое шуршаніе вѣеровъ, точно хлопанье крыльевъ. Онъ же безъ малѣйшей аффектаціи повѣствовалъ о своемъ путешествіи всѣмъ присутствующимъ, какъ нѣкогда разсказывалъ объ этомъ одной Маріаннѣ, своимъ голосомъ, обладавшимъ болѣе итальянской, чѣмъ гортанной

Digitized by Google

испанской, интонаціей. Онъ говорилъ о своихъ воспоминаніяхъ во время пребыванія на берегу Нила: объ унылыхъ караванахъ, о ночахъ и небѣ, усѣянномъ звѣздами, о пѣсняхъ вожаковъ верблюдовъ, монотонныхъ, какъ молитва; о меланхоліи уединенія, о поэтичности этихъ уснувшихъ развалинъ, посреди краснаго песка пустыни. По временамъ онъ цитировалъ въ переводѣ какую нибудь арабскую пѣсню, записанную имъ по слуху въ дорогѣ, звонкую и глубокую, какъ ударъ колокола. Эта пѣсня—длинная, какъ безконечность, въ которой вѣчныя слова любви, сладкія и одинаково волнующія во всѣхъ странахъ міра, принимали характеръ особенно поэтическій, благодаря своимъ семитическимъ созвучіямъ. Въ этихъ пѣсняхъ любовники разсѣивали, точно песокъ морской, свои слезы и радости, воспѣвали цвѣтъ волосъ и глазъ своихъ возлюбленныхъ, требовали отъ умершихъ невѣстъ клятвъ вѣчной любви, сулили женщинамъ, превратившимся въ загробныя тѣни, яркія одежды и цвѣты, которые не блекнутъ отъ времени. Какое-то особое очарованіе проскальзывало въ этомъ разсказѣ кастильца, сохранявшаго даже въ самой Франціи спеціально-поэтическій характеръ своей расы,—этой родной дочери востока. Это было понятно изъ самыхъ пѣсенъ, гдѣ арабы умирали за назареянокъ, гдѣ сыны Магомета жертвовали собою ради дочерей Аисы. И, всякій разъ, поэзія въ его разсказахъ и пѣсняхъ переходила къ любви, уже умершей, изстрадавшейся, съ сердечнымъ отчаяніемъ, съ горестными рыданіями надъ арабами, погребенными подъ песками пустыни.

Казалось, герцогу доставляло бо̀льшее удовольствіе воспѣвать поэзію любви, чѣмъ разсказывать о своихъ путешествіяхъ. Его личность, его стремленія исчезали передъ этимъ страстнымъ любовнымъ завѣщаніемъ изъ поколѣнія въ поколѣніе.

Маріанна вся трепетала, подозрѣвая въ его постоянныхъ разговорахъ о любви намекъ на нее, на его любовь къ ней. Прежде, когда она бывала у него съ Лиссакомъ, не то же ли самое говорилъ онъ, разсѣвшись на своемъ диванѣ и цитируя арабскія пѣсни, съ вѣчными намеками на нее.

Теперь она почувствовала себя помолодѣвшей, точно сбросила съ себя всѣ эти ужасные, томительно длинные годы. Она какъ будто снова очутилась въ его художественно отдѣланной квартирѣ въ улицѣ Лаваль. Но вотъ салонъ г-жи Марси по-

Digitized by Google

немногу пустѣетъ, и она остается почти одна. Она уже воображаетъ про себя, какъ къ ней подходитъ тогда де-Розасъ, шепчетъ ей на ухо что-то нѣжное и ласковое, не обращая вниманія на Гюи. Гюи? Но кто это такой Гюи? Теперь для Маріанны существуетъ только одинъ Розасъ. Развѣ Гюи былъ когда нибудь замѣшанъ въ ея жизни? И она окидывала де-Розаса своими глазами, горящими точно уголья. А Сюльписъ, на котораго она уже не смотрѣла, не отрывалъ глазъ отъ этой женщины. Онъ былъ отъ нея просто въ восхищеніи. Точно какой-то магнетическій токъ исходилъ изъ нея и достигалъ до этого человѣка, совсѣмъ потерявшаго голову и не слыхавшаго ни одного слова изъ разсказовъ г. де-Розаса; мысль его неотступно витала около этой хорошенькой, соблазнительной дѣвушки, сидѣвшей рядомъ съ его женой, что̀ все таки не помѣшало ему сдѣлать между ними сравненіе.

Адріенна была слишкомъ хороша, со своею правильною красотою блондинки, со своимъ кроткимъ, тихимъ личикомъ. Она, пожалуй, была красивѣе этой полурыжей растрёпы, но—странное дѣло!—никогда еще она не казалась ему такой холодной, какъ въ этотъ вечеръ, когда сидѣла въ своей неподвижной позѣ, съ этой вѣчной улыбкой, немного робкой. Сюльпису была отчасти досадна нѣкоторая неловкость Адріенны, подчеркиваемая еще больше развязною граціей, изящной небрежностью и гибкостью движеній безпокойной сосѣдки съ ея матовой блѣдностью, съ причудливымъ очертаніемъ ея чувственныхъ губъ. Это была истая парижанка, со всѣмъ своимъ очарованіемъ, съ этимъ какъ бы врожденнымъ порочнымъ выраженіемъ страстныхъ глазъ, которое встрѣчается въ Парижѣ даже у совсѣмъ невинныхъ дѣвушекъ. Въ эту минуту, до слуха его коснулся отрывокъ изъ разсказа г. де-Розаса о какомъ-то сладкомъ ядѣ, особенно практикующемся у индійцевъ, и онъ невольно подумалъ, что самый сладкій и смертельный ядъ, забирающійся въ тѣло и душу мужчины, — это взглядъ такой женщины... Ему страстно захотѣлось поскорѣе вкусить этого изысканнаго, опьяняющаго яда. Онъ нетерпѣливо ждалъ конца разсказа де-Розаса. Какое ему было дѣло до этихъ разсказовъ о путешествіяхъ, до этихъ арабскихъ пѣсенъ, до всей этой восточной поэзіи и до этого смертоноснаго американскаго яда—курàре?

Digitized by Google

Его мучила мысль: о чемъ могло теперь думать это прелестное созданіе, эта очаровательная Маріанна? Ахъ, что это за хорошенькая дѣвушка! Онъ уже спросилъ объ ея имени. Объ ея дядюшкѣ Кейзерѣ онъ узналъ совершенно случайно. Какой-то живописецъ прислалъ ему однажды свое литографированное сочиненіе о средствахъ морализировать искусство—мыслью. Это и былъ дядюшка Кейзеръ.

Министръ даже пришелъ въ нервное настроеніе, слушая Розаса; нервы его въ особенности заговорили, когда де-Розасъ сталъ о чемъ-то очень пространно разсказывать. Онъ даже не могъ удержаться, чтобы не замѣтить, хотя очень тихо, своему сосѣду, президенту совѣта:

— Не потребовать ли намъ закрытія засѣданія?

Тогда г. Колларъ (изъ Нанта) улыбнулся той дипломатической улыбкой, которая выражала не то одобреніе разсказамъ г. де-Розаса, не то нѣкоторый упрекъ своему коллегѣ Водрею, что ему не хватаетъ солидности. Но герцогъ никого не заставилъ скучать, кромѣ Сюльписа. Его слушали съ восторгомъ. У этого кастильца, съ мрачнымъ, таинственнымъ лицомъ, было прекрасное сочетаніе парижскаго бульвардье съ сантиментальной меланхоліей испанца. Поэтому на его серьезномъ лицѣ малѣйшая улыбка казалась особенно чарующей. Маріанна находила его прелестнымъ, такимъ же, какимъ онъ былъ и раньше, остроумнымъ, деликатнымъ и очень простымъ, съ примѣсью величаваго добродушія. Когда онъ окончилъ свои повѣствованія,—залу потрясъ взрывъ рукоплесканій. Аплодировали даже изъ сосѣднихъ салоновъ, гдѣ тоже его слушали. Но Розасъ сдѣлалъ правой рукой такой жестъ, точно хотѣлъ всѣмъ сказать, что его разсказы не стоютъ ему ни малѣйшаго труда и что онъ принимаетъ похвалы, какъ вполнѣ свободный человѣкъ, а не какой нибудь теноръ, зарабатывающій деньги и почетъ. Онъ проходилъ сквозь толпу молодыхъ людей, окружавшихъ его шумными овціями.

— Ну, наконецъ-то,—проговорилъ Водрей.

Этого момента онъ только и ждалъ. Теперь онъ можетъ подойти къ m-lle Кейзеръ. И онъ побѣжалъ къ Маріаннѣ, чтобы предложить ей руку и сказать нѣсколько словъ. Г-жа Марси въ свою очередь поторопилась конфисковать г. де-Розаса, окруженнаго цѣлой толпой мужчинъ, громко его поздрав-

Digitized by Google

лявшихъ. Не будь этого, Маріанна прямо подошла бы къ нему, какъ она и хотѣла сдѣлать. Но и рукой Водрея не слѣдовало пренебрегать. Новый министръ былъ все таки первымъ лицомъ на этомъ вечерѣ. Она взглянула Сюльпису прямо въ глаза, какъ бы спрашивая, зачѣмъ онъ къ ней подошелъ, и когда онъ, сконфуженный этимъ нѣмымъ вопросомъ, умоляющимъ взглядомъ посмотрѣлъ на нее, она отвѣтила ему обворожительной улыбкой. Маріанна, сіяющая, проходила посреди двойнаго ряда привѣтствій и поклоновъ. И тогда вдругъ она почувствовала точно головокруженіе: ей начинало казаться, что къ ней одной относится все это поклоненіе. Она почувствовала себя созданной для подобныхъ почестей. Про себя она невольно поблагодарила Сюльписа за то, что онъ отличилъ ее отъ другихъ женщинъ и предпочелъ всѣмъ остальнымъ. Но все же она не упускала изъ виду и де-Розаса. И — кто знаетъ?—можетъ быть, это окажется гораздо лучше, если герцогъ самъ ее поищетъ. Она же, между прочимъ, пройдется по всѣмъ заламъ подъ руку съ министромъ. Это былъ тоже въ своемъ родѣ тріумфъ. Сюльписъ, съ своей стороны, любезно и снисходительно принималъ этотъ почетъ, какъ нѣчто должное, и обращался отъ времени до времени къ Маріаннѣ съ нѣсколькими комплиментами, не рѣшаясь начать съ ней сейчасъ же болѣе интимный разговоръ. Передъ залитымъ огнями буфетомъ, сверкающимъ хрусталемъ посуды, съ бокалами, наполненными золотистымъ шампанскимъ, и съ подносами, уставленными фруктами и всякаго рода шербетами и мороженными, Водрей остановился, выпустивъ руку молодой дѣвушки, но не отпуская ея отъ себя. Онъ передалъ ей блюдце съ шербетомъ, взявъ у лакея съ подноса. Возлѣ него постоянно собиралась толпа; многіе взгляды безпокойно искали его взгляда; всѣ на перегонкѝ улыбались ему и кланялись, набрасываясь на него съ тою же жадностью, какъ на фрукты и на мороженое. Но министръ не особенно щедро расплачивался за эти любезности, сосредоточивъ все свое вниманіе на Маріаннѣ; онъ постоянно хлопоталъ о томъ, не надо ли ей чего нибудь, не безпокоитъ ли ея что нибудь, словомъ,—обязался, повидимому, весь вечеръ ухаживать за хорошенькой дѣвушкой. Маріанна, стоя, отвѣдывала шербетъ серебряной вызолоченой ложечкой, и съ чисто женскимъ любопытствомъ наблюдала за этимъ инте-

Digitized by Google

реснымъ государственнымъ дѣятелемъ, предчувствуя его безмолвное признаніе въ любви. Ни одинъ вѣсовщикъ не взвѣшиваетъ на вѣсахъ такъ часто и такъ тщательно неизвѣстную ему монету, какъ женщина, высчитывающая и опредѣляющая стоимость незнакомаго ей мужчины. Маріанна вполнѣ поняла, что произвела сильное впечатлѣніе на Водрея.

Ахъ, этотъ Водрей! Имѣя такую прелестную жену, онъ еще осмѣливается замѣчать красоту другихъ женщинъ и высказывать имъ это, какъ сейчасъ высказалъ Маріаннѣ. Онъ, дѣйствительно, выразилъ это и своимъ взглядомъ, и улыбкой, какъ бы обнимавшими все роскошное тѣло этого обворожительнаго созданія, со сладострастными глазами. Въ этой толпѣ, передъ буфетомъ, почти невозможно было двигаться и даже разговоръ на половину заглушался въ этомъ гвалтѣ, такъ что Водрей и Маріанна невольно придвигались слишкомъ близко другъ къ другу, чтобы слѣдить за нитью разговора, а тогда горячее дыханіе этой женщины и одуряющій ароматъ ея духовъ,—запахъ скошеннаго сѣна, — достигалъ до лица Сюльписа. Онъ съ видимымъ восхищеніемъ глядѣлъ на нее; онъ просто опьянѣлъ отъ близости этихъ розоватыхъ рукъ и плечъ, выходившихъ изъ голубаго шолковаго корсажа, и напоминавшихъ своей розоватой бѣлизной глыбы снѣга, окрашенныя въ розоватый цвѣтъ горячими лучами солнца. Какое-то странное одушевленіе замѣчалось въ ея маленькихъ, лихорадочно сверкавшихъ, страстныхъ глазкахъ, а ея нѣжныя, мягкія ушки были совершенно красны. Притомъ же блескъ отъ свѣчей придавалъ ея волосамъ тиціановскій золотистый оттѣнокъ. Она улыбалась возбужденной, самоувѣренной улыбкой, видимо принимая за должное ухаживаніе Водрея и увѣренная въ своемъ успѣхѣ. Водрей чувствовалъ себя глубоко заинтересованнымъ этой прелестной дѣвушкой, съ трепещущими ноздрями, которая лакомилась шербетомъ, кокетливо слизывая его съ ложечки. Онъ находилъ ее безукоризненно изящной и граціозной,— истинной парижанкой въ этомъ бальномъ нарядѣ, съ ея точно перламутровымъ тѣломъ, предугадывая, что она также прелестна и въ простомъ обыденномъ костюмѣ. Только истыя парижанки обладаютъ способностью придавать всему какое-то особое изящество. Съ лѣвой стороны корсажа у Маріанны красовалась черная бабочка съ распущенными, блестящими, темно-

Digitized by Google

красными крыльями. Водрей безотчетно спросилъ ее съ улыбкой: не оружіе ли это какое?

Она улыбнулась.

— Конечно,—сказала она, — то, что̀ я ношу на корсажѣ, то у меня и на умѣ. Черныя бабочки или голубые черти— какъ хотите, такъ и назовите!

— Вы не составляете исключенія,—сказалъ Сюльписъ:— у всѣхъ женщинъ это такъ.

— Стало быть, по вашему, всѣ женщины нѣсколько... невмѣняемы, или, говоря еще проще, помѣшаны. Не такъ ли, господинъ министръ?

Министръ въ свою очередь улыбнулся и взглянулъ прямо въ лицо Маріаннѣ, глаза которой странно блестѣли изъ-подъ длинныхъ, трепетныхъ рѣсницъ какимъ-то электрическимъ блескомъ, точно у кошки.

— Нѣтъ,—сказалъ онъ,—нѣтъ, но я ставлю имъ въ вину ту искорку, которая поражаетъ по временамъ ихъ мозгъ, и то, что онѣ любятъ голубой цвѣтъ только въ бабочкахъ. Женщины рождены для голубаго цвѣта, или лазореваго, какъ называютъ его поэты, а между тѣмъ онѣ бѣгутъ отъ него, какъ отъ чего-то отвратительнаго. Голубой цвѣтъ... Подите вы! Онъ, по ихъ мнѣнію, хорошъ только для мужчинъ,—для тѣхъ наивныхъ простачковъ, которые руководствуются идеалами въ своей жизни и въ своихъ страстяхъ.

Невольно или умышленно, но онъ подвинулся еще ближе къ этому лукавому созданію, изучавшему и точно ощупывавшему его въ то время, какъ онъ ласкалъ ее взглядомъ, теряя самъ голову возлѣ этого «голубаго», о которомъ онъ трактовалъ съ такимъ изяществомъ, стараясь придать своимъ словамъ оттѣнокъ ироніи, хотя говорилъ совершенно искренно. Она отвѣчала ему тѣмъ же тономъ шутливой ироніи, указывая на свое голубое платье.

— Но, какъ видите, господинъ министръ, не всѣ женщины избѣгаютъ голубаго цвѣта.

— Когда онъ въ модѣ, еще бы! И въ особенности, когда голубой цвѣтъ идетъ къ ихъ красотѣ, также какъ это платье къ вамъ,—тогда, конечно, онѣ его обожаютъ!

— Онѣ любятъ также этотъ цвѣтъ и въ страстяхъ, и вообще во многихъ случаяхъ жизни. Это зависитъ отъ женщины

Digitized by Google

или мужчины,—прибавила она, сверкнувъ своими бѣлыми, острыми зубками и обворожительно улыбнувшись своими свѣжими, розовыми губами. Она перестала лакомиться шербетомъ и положила ложечку на блюдце, отдавъ его лакею. При этомъ ея локоть, твердый и круглый, невольнымъ движеніемъ или, можетъ быть, заранѣе разсчитаннымъ, чуть-чуть задѣлъ щеку и губы Сюльписа, который просто ошалѣлъ отъ восторга и внезапно проникся свирѣпымъ желаніемъ бывалаго бурша—просто на просто обнять и расцѣловать это ослѣпительное, одуряющее, прелестное тѣло. Онъ даже закрылъ глаза, и когда, спустя минуту, раскрылъ ихъ опять, быстро подавивъ въ себѣ налетѣвшій, какъ ураганъ, страстный порывъ,—то снова увидалъ передъ собою Маріанну—съ вѣеромъ въ рукѣ, и когда она опять заговорила съ нимъ, то онъ вдругъ вспомнилъ, что гдѣ-то уже видѣлъ это прелестное лицо.

— Мнѣ помнится, mademoiselle, что я гдѣ-то въ салонѣ уже видѣлъ вашъ портретъ; на немъ вы также очаровательны, какъ и въ настоящую минуту, и даже, сколько я запомнилъ, сняты въ этомъ самомъ платьѣ.

— Да,—отвѣчала она.—Это была даже лучшая картина моего дяди.

— Я находилъ ее прекрасной, пока не увидалъ васъ, но теперь...

Она не хотѣла, чтобы онъ остановился на полуфразѣ, хотя онъ и подчеркнулъ конецъ ея выразительной улыбкой.

— А теперь?—спросила она, складывая губы въ самую очаровательную улыбку.

— А теперь я ее считаю гораздо хуже оригинала...

— Всѣ говорятъ такъ, господинъ министръ, за исключеніемъ, можетъ быть, самого артиста. Я теперь опасаюсь, однако, одного,—чтобы вы не просмотрѣли насквозь это платье... вашего любимаго голубаго, небеснаго цвѣта!

— Я полюбилъ его во сто разъ больше въ этотъ вечеръ,—сказалъ онъ измѣнившимся, взволнованнымъ голосомъ. Она ничего не отвѣтила на это, глядя ему прямо въ глаза, точно желая подчеркнуть, что она все поняла. Онъ стоялъ передъ ней, весь блѣдный.

— Не хотите ли вы быть такимъ же украшеніемъ и моего салона, какъ здѣсь, на этомъ вечерѣ г-жи Марси?—спросилъ онъ глухо.

Digitized by Google

— Съ большимъ удовольствіемъ, господинъ министръ.

Никто не слыхалъ словъ, произнесенныхъ Сюльписомъ, но Маріанна чувствовала на себѣ множество завистливыхъ взглядовъ и, гордо поднявъ голову, не скрывала своего торжества. Въ этой атмосферѣ всеобщаго поклоненія, она въ особенности почувствовала свое обаяніе, свое могущество. Этотъ нескрываемый восторгъ Водрея, это a parte съ нимъ въ огромной толпѣ, все это придало ей особый блескъ, точно тріумфъ новаго министра отсвѣчивался и на ней. Она была полна горделивой радости, и почти забыла уже, что пріѣхала сюда со спеціальной цѣлью видѣть де-Розаса.

Водрей хотѣлъ еще что-то прибавить, когда подошла г-жа Марси, разсыпаясь мимоходомъ въ любезностяхъ передъ своими гостями. Увидавъ Маріанну, она взяла ее за руку.

— Извините меня, господинъ министръ,—сказала она,—но я увожу ее отъ васъ. Ее хотятъ видѣть!

— Кто это?—спросилъ Водрей.

— Г. де-Розасъ.

Водрей взглянулъ на Маріанну. Онъ инстинктивно угадалъ по этому поблѣднѣвшему лицу ту огромную радость, которая по немъ проскользнула, и онъ почувствовалъ какое-то странное неудовольствіе, какую-то почти физическую боль.—И почему это, Боже мой?

Маріанна, улыбаясь, кивнула ему головкой; онъ слегка поклонился ей и долго смотрѣлъ вслѣдъ, пока Сабина уводила ее и пока она не скрылась совсѣмъ изъ виду, затертая бѣлыми платьями и черными фраками. Онъ глядѣлъ почти сердито, сожалѣя, что чего-то не досказалъ этой, совсѣмъ незнакомой ему, женщинѣ. Но вскорѣ его окружили сотоварищи по палатѣ депутатовъ; обступили просители и просто желающіе съ нимъ поговорить; всѣ они уже давно нетерпѣливо ждали окончанія его бесѣды съ m-lle Кейзеръ. Они готовы были даже скорѣе прекратить эту бесѣду, еслибъ не боялись показаться нескромными. Среди разныхъ незнакомыхъ лицъ, окружившихъ его, Водрей искалъ какого нибудь пріятеля, чувствуя себя неловко передъ этой толпой, взявшей его приступомъ. Но вотъ онъ съ радостью увидалъ знакомое лицо одного товарища; это былъ старый, сухощавый человѣкъ, съ бѣлой бородой, очень тщательно расчесанной.

Digitized by Google

— Ахъ, Господи! Да вѣдь это Рамель!—весело вскричалъ онъ.

И Водрей горячо, съ искренней радостью, протянулъ обѣ руки этому шестидесятилѣтнему старцу, съ его круглой сѣдой бородой, производившей впечатлѣніе шолковаго фуляра, обмотаннаго вокругъ шеи; въ своемъ платьѣ стараго покроя онъ былъ пятномъ среди широко открытыхъ модныхъ жилетовъ молодыхъ людей, суетившихся возлѣ министра.

— Здравствуйте, Рамель. Какъ я радъ васъ видѣть!

— И я также,—отвѣчалъ Рамель съ теплымъ, ласковымъ оттѣнкомъ въ голосѣ. Строгое лицо его было добродушно и въ то же время энергично; теперь оно озарилось неподдѣльной радостью.—Я отчасти тоже искалъ васъ здѣсь.

— Правда?

— Правда. Я хотѣлъ пожать вамъ руку; вѣдь я такъ давно васъ не видалъ. И сколько новостей за это время!

— Ахъ, Рамель! Ну, скажите, могъ ли я даже подумать, что буду министромъ, когда приносилъ вамъ мои первыя статьи: «Французскому народу».

— Ба! Кто жь не былъ у насъ министромъ?—замѣтилъ Рамель.—Вспомните только слова Наполеона Бурьеню, при въѣздѣ въ Тюльери: «Вотъ мы тутъ, Бурьень, надо здѣсь удержаться»!

— Это же самое говорилъ мнѣ и Гранэ, когда сообщалъ о новомъ назначеніи.

— Ну, Гранэ сказалъ это не безъ задней мысли, не такъ, какъ я, вашъ давнишній другъ.

— И прибавьте—мой лучшій другъ!—сказалъ Сюльписъ, взволнованно пожимая обѣ руки этого человѣка.

— Тѣмъ больше чести вамъ за эти слова, потому что въ настоящее время у васъ нѣтъ недостатка въ друзьяхъ.

— Вы все такой же пессимистъ, дорогой Рамель!

— Я? Напротивъ, ярый оптимистъ, потому что всѣмъ и всему вѣрю, а, слѣдовательно, вѣрю и въ пошлость себѣ подобныхъ. На этой-то почвѣ я никогда не ошибусь!

— Но какъ вы, эдакій дикарь, очутились на вечерѣ у г-жи Марси?

— Что жь дѣлать? Обручнѣлъ. А главное—я здѣсь потому, что зналъ о вашемъ прибытіи и о г. де-Розасѣ, собирающемся

Digitized by Google

разсказывать о дикаряхъ, а я ихъ люблю. Еслибъ я былъ богатъ и любилъ пользоваться жизнью, то непремѣнно отправился бы путешествовать, а въ концѣ концовъ поселился бы между Монмартромъ и Батиньолями. Не правда ли, я похожъ теперь на черепаху, мечтающую сдѣлаться ласточкой?

— Рамель, дорогой мой! Хотите, я вамъ дамъ занятіе, которое вамъ будетъ вполнѣ по душѣ?

— Съ моимъ-то ревматизмомъ? Нѣтъ, покорнѣйше благодарю, ваше превосходительство,—сказалъ Рамель, разсмѣявшись.—Я уже слишкомъ старъ! Я и прежде-то ничего ни у кого не просилъ, а теперь, въ мои года, мнѣ ужь поздненько начинать попрошайничать.

— Вы вовсе не попрошайничаете. Вамъ сами предлагаютъ.

— Къ тому же, я теперь наслаждаюсь полнымъ far niente. И, скажу по правдѣ, это—самое пріятное занятіе. Право, столько пришлось испытать за всю жизнь, что ужь, кажется, больше и желать нечего!

— Но все таки,—сказалъ министръ,—еслибы всѣ тѣ люди, которыхъ вы одолжали, вздумали бы явиться на вечеръ г-жи Марси, то ея зала оказалась бы для нихъ недостаточно обширной.

— Ба! они объ этомъ позабыли, также какъ и я,—проговорилъ Рамель, тряхнувъ головой и скромно улыбаясь.

Водрей, дѣйствительно, былъ очень радъ, встрѣтивши въ этой чуждой ему толпѣ своего стариннаго пріятеля, который помнилъ его, когда онъ еще впервые посѣтилъ Парижъ, и съ которымъ онъ, изъ провинціальной глуши, переписывался такъ искренно и откровенно, какъ съ роднымъ отцомъ. И между ними, въ самомъ дѣлѣ, замѣчалось умственное и духовное сродство, соединявшія стараго ветерана прессы съ этимъ молодымъ гражданиномъ. Рамель, хотя тоже зналъ горячіе дебаты и лихорадочную борьбу за идеи, но давно бросилъ все это; между тѣмъ какъ у Водрея по прежнему кровь ходила ходуномъ.

— Уже давно наступило то время, съ котораго біеніе моего пульса урегулировалось,—говорилъ онъ.—Горькій опытъ приподнесъ мнѣ эти хинныя пилюли.

Денисъ Рамель былъ ученый. Онъ бралъ жизнь, какъ она есть, безъ энтузіазма, но и безъ горечи. Онъ былъ небогатъ. Проживъ шестьдесятъ лѣтъ на свѣтѣ, послѣ тяжкаго, усилен-

Digitized by Google

наго труда, онъ остался съ такимъ же легкимъ карманомъ, какъ и въ ту пору, когда ратовалъ и дебютировалъ на своемъ жизненномъ пути, съ головой, наполненной горячими бреднями и мечтами. Онъ былъ честнымъ журналистомъ добраго, стараго времени, былъ послѣдователемъ хорошей школы и съ чистою совѣстью велъ любимое дѣло, много читая, много размышляя, до всего докапываясь, не пачкая рукъ и добиваясь всего собственнымъ трудомъ. Мужественно поворачивая тяжелый жерновъ ежедневной общественной жизни и работы, постоянно пополняемой въ теченіе сорока лѣтъ, онъ оканчивалъ свой жизненный путь и, будучи почти на краю могилы, не составилъ себѣ никакого состоянія. Онъ проходилъ равнодушно мимо счастія, и подъ старость лѣтъ былъ въ такомъ положеніи, что ему хоть впору было просить о кускѣ хлѣба.

Согнувшійся, усталый, почти всѣми позабытый, невѣдомый или игнорируемый новымъ поколѣніемъ, которое третировало этого сѣдовласаго энтузіаста, какъ устарѣлаго чудака,—хотя на самомъ дѣлѣ старикъ обладалъ болѣе юной душой, чѣмъ всѣ эти юноши,—онъ смотрѣлъ свысока на вновь появляющіяся, восходящія свѣтила.

— Это меня просто забавляетъ,—говорилъ онъ.

Рамель, въ качествѣ публициста по финансовымъ вопросамъ, присутствовалъ совершенно безкорыстно при основаніи синдикатовъ, при дѣлежѣ акцій, при всякихъ финансовыхъ начинаніяхъ, давая ходъ однимъ, которыя казались ему хорошими, и стараясь затормозить тѣ, которыя считалъ сомнительными. Такимъ образомъ, онъ дѣлалъ другихъ мильонерами, не спрашивая за это ни одного сантима, точно также какъ дѣлалъ министровъ, не получая отъ нихъ наградныхъ лентъ. Ему даже нравилось это сѣренькое занятіе—стряпать великихъ людей. Онъ хорошо зналъ всѣхъ этихъ актеровъ на великой жизненной сценѣ; всѣ они прошли черезъ его руки, вступая на новое поприще смущенными и неумѣлыми, прося его помощи и защиты. Напримѣръ, этому самому государственному дѣятелю, гремящему съ высоты трибуны, онъ составлялъ первыя рѣчи. Онъ выдвинулъ впередъ и члена института, теперешняго представителя національнаго искусства въ виллѣ Медичи; онъ видѣлъ теперь мильонеромъ одного артиста, который когда-то, ободранный, приходилъ къ нему, доби-

Digitized by Google

ваясь его аудіенціи, и бѣгалъ за сборомъ со своими концертными билетами, навязывая ихъ каждому, какъ нищій. Онъ первый прочелъ и одобрилъ стихи поэта, носящаго теперь зеленый мундиръ академика. Онъ первый сказалъ знаменитому артисту-тенору, у котораго теперь свои виллы въ Ниццѣ: «Вотъ это такъ настоящій избранникъ».

И теперь, состарѣвшійся, усталый, немножко насмѣшливый, но крайне деликатный, не входящій ни въ какія сдѣлки съ судьбой, всегда его обыгрывавшей, не допускавшій ни малѣйшаго къ себѣ послабленія, Рамель, когда его спрашивали: почему, въ его годы и съ его талантомъ, онъ не сдѣлался ни депутатомъ, ни мильонеромъ, ни членомъ института, а остался голякомъ, бѣднымъ, какъ Варвикъ? — съ улыбкой отвѣчалъ тономъ человѣка, постигшаго суть премудрости:

— Ба! Къ чему? Все это вовсе не такъ заманчиво! Министры, академики, мильонеры, префекты... ахъ, какъ хорошо я знаю, что это такое. Я вѣдь фабриковалъ ихъ всю мою жизнь. Большинство, что̀ парадируютъ теперь, въ этотъ часъ... эхъ, чортъ возьми! вѣдь всѣ они мною сдѣланы.—И этотъ философъ, удаляясь отъ суеты мірской, отъ всей этой толпы, надъ которой онъ, еслибъ захотѣлъ, то могъ бы господствовать, предпочиталъ оставаться ея судьей и запирался въ своемъ жилищѣ со своими книгами, картинами, со всей своей маленькой коллекціей, собранной понемногу, годъ отъ году. Онъ курилъ у себя трубку, перебирая въ умѣ все прошлое, точно перелистывалъ альбомъ со старыми эстампами, и всякій разъ, при встрѣчѣ съ какимъ нибудь невѣжей, дѣлавшимъ видъ, что не узнаётъ его, или сухо раскланивавшимся съ нимъ съ высоты своего галстука, думалъ про себя:—О, ты не былъ гордъ, когда прибѣгалъ ко мнѣ съ просьбой о поручительствѣ, чтобы сдѣлаться кассиромъ журнала!

Рамель всегда очень любилъ Сюльписа Водрея. Натура этого человѣка казалась ему добрѣе и возвышеннѣе, чѣмъ у другихъ. Водрей никогда не «позировалъ» и, сдѣлавшись министромъ, самъ съ глубокимъ волненіемъ вспоминалъ о времени борьбы. Рамель, старинный редакторъ «Nation Française», былъ ему всегда особенно симпатиченъ; онъ просто имъ восхищался. И вотъ ему, въ свою очередь, захотѣлось выдвинуть изъ темноты этого человѣка, этого шестидесятилѣтняго старца

Digitized by Google

такъ много состряпавшаго великихъ людей. Онъ повторялъ это себѣ, двигаясь тутъ въ суматохѣ, и радостно, съ восторгомъ, глядѣлъ на Рамеля, такъ какъ въ эту минуту ему сильно хотѣлось кому нибудь довѣриться и излить свою душу.

— А ну-ка, Рамель, не согласитесь ли вы быть моимъ главнымъ секретаремъ?

— Нѣтъ, господинъ министръ, —отвѣчалъ Рамель съ добродушной улыбкой, раздвинувшей его сѣдые усы.

— Даже еслибъ вы могли мнѣ этимъ помочь, глубоко меня одолжить?

— Нѣтъ и нѣтъ. Эхъ, мой дорогой Водрей! Право, я большой эгоистъ; вѣдь сколько враговъ у меня тогда появится, сколько завистниковъ! Возьмите лучше Наваррò, — прибавилъ онъ, указывая на изящнаго господина съ тщательно подстриженной бородкой, съ высоко поднятой головой, который съ низкимъ поклономъ шелъ къ Водрею, десятки разъ повторяя все одну и ту же фразу:

— Мой милый министръ, господинъ министръ, мой министръ!..

— Наваррò?

— Но вѣдь онъ, повидимому, такъ къ вамъ расположенъ.

— Вы злы, Рамель! Онъ привязанъ къ положенію, занимаемому извѣстнымъ человѣкомъ, а не къ самому человѣку. Это вообще другъ всѣхъ министровъ. Это одинъ изъ самыхъ заурядныхъ министерскихъ клакеровъ. Онъ аплодируетъ всякому, именующемуся: «ваше превосходительство».

— О, я ихъ тоже хорошо знаю, этихъ клакеровъ!—замѣтилъ старый журналистъ.—Когда министръ стоитъ на высотѣ своего положенія, то они ему хлопаютъ; когда же онъ падаетъ, они же первые топчутъ его ногами.

Водрей посмотрѣлъ на него и расхохотался. «Ахъ, вы, старый газетчикъ!»—сказалъ онъ. «Но, по крайней мѣрѣ (и онъ протянулъ руку Рамелю), вѣдь придете же вы все таки меня навѣстить?

— Конечно.

— И вы живете все тамъ же?

— Да, въ улицѣ Бурсо, на бульварѣ Батиньоль.

— Такъ до свиданія, мой дорогой Рамель. При случаѣ, вы мнѣ не откажете въ своихъ совѣтахъ?

Digitized by Google

— Ни въ моей преданности. Но не ради «положенія»! ахъ, не ради положенія!—отвѣчалъ Рамель, по прежнему шутливо улыбаясь.

Водрей съ наслажденіемъ бесѣдовалъ со своимъ стариннымъ пріятелемъ, хотя въ то же время его охватило свирѣпое желаніе—пойти, разыскать въ этой, все больше и больше наполнявшей залы, толпѣ ту хорошенькую дѣвушку, которая появилась передъ нимъ, какъ богиня желанія, остраго и вмѣстѣ съ тѣмъ какого-то болѣзненнаго въ самомъ своемъ очарованіи, безпокойномъ и возбуждающемъ, какъ перецъ.

Онъ пріѣхалъ къ Сабинѣ Марси только для того, чтобы пройтись по заламъ, передъ всей этой публикой, съ видомъ побѣдителя, точно новый кавалеръ ордена, который охотно показываетъ всѣмъ свою только что пожалованную ленту,—и теперь онъ чувствовалъ себя очень хорошо, радуясь, что пріѣхалъ сюда. Раньше, онъ хотѣлъ появиться здѣсь на мигъ и вскорѣ исчезнуть, чтобы поскорѣе насладиться съ Адріенной возможностью провести время вдвоемъ, въ мирной бесѣдѣ, потому что, съ тѣхъ поръ какъ онъ поселился на площади Бово, эта пріятная возможность все болѣе и болѣе сокращалась. Прежде, бывало, онъ не любилъ вечеровъ и собраній, подобныхъ тому, на которомъ теперь присутствовалъ; онъ только уставалъ отъ этой толкотни, съ трудомъ вынося душныя залы, куда втискивали нѣсколько сотъ человѣкъ, гдѣ онъ долженъ былъ выносить десятки банальныхъ встрѣчъ, гдѣ хозяинъ дома доволенъ и счастливъ, когда у него пропасть народа, точно директоръ театра, пьеса котораго производитъ фуроръ; гдѣ задыхаются въ давкѣ, гдѣ входъ въ залу берется съ бою, гдѣ стаканъ оршаду получается приступомъ, гдѣ происходятъ баталіи изъ-за верхнихъ платьевъ. Онъ приходилъ въ ужасъ отъ этихъ залъ, гдѣ ни о чемъ не разговариваютъ, гдѣ встрѣчаются, не зная другъ друга, гдѣ за сутолокой и грохотомъ, или въ удушающей атмосферѣ, при всеобщемъ молчаніи (если случается концертъ), нельзя обмѣняться ни мыслью, ни словомъ, и даже, при сильной давкѣ, трудно пожать наскоро руку пріятелю. Это было просто чудомъ, что онъ сейчасъ сказалъ нѣсколько словъ m-lle Кейзеръ и Рамелю. Вскорѣ ему такъ опротивѣла вся эта толпа и этотъ вечеръ, что онъ готовъ былъ бѣжать отсюда, сломя голову. Его просто тошнило

Digitized by Google

отъ этой давки. Тутъ были молодые префекты и подпрефекты, въ своихъ бѣлоснѣжныхъ галстукахъ, претенціозные и задумчивые слуги своей карьеры, но не своихъ обязанностей, преданные палатамъ и пріемнымъ, схватывающіе чужія идеи и скрывающіе свою пошлость подъ наружной серьезностью. Салонные демократы, которые не рѣшились бы пожать на улицѣ мозолистую руку рабочаго своей выхоленной гантированной рукой, — толкались возлѣ него, честолюбивыми почитателями, съ улыбкой на устахъ и съ прошеніемъ въ карманѣ. О, какъ онъ предпочиталъ всему этому — скромно побесѣдовать гдѣ нибудь въ уголку съ пріятелемъ, или послушать сонату Бетховена, сыгранную искусными пальчиками Адріенны, когда время проходило такъ пріятно и незамѣтно. Вотъ для чего онъ былъ рожденъ,—по крайней мѣрѣ, раньше онъ такъ и думалъ. Но вдругъ случилось, что этотъ салонъ сталъ ему очарователенъ. Онъ думалъ было отсюда бѣжать—и невольно остался. Дивная дѣвушка, неожиданно появившаяся передъ нимъ въ толпѣ, освѣтила ему этотъ вечеръ и эту толпу радостнымъ сіяніемъ. Теперь онъ сталъ снисходительнѣе. Ему хотѣлось только одного,—это скорѣе, какъ можно скорѣе, разыскать Маріанну, чтобы еще разъ взглянуть на нее.

Кто была на самомъ дѣлѣ эта женщина, — честная или подъ сомнѣніемъ? Ахъ! но кто бы она ни была, это—очаровательная женщина, съ головы до ногъ женщина, десять разъ женщина, это—рафинированная парижанка, развратная даже въ своей дѣвственности и дѣвственная, можетъ быть, въ самомъ развратѣ. Опять таки, загадочнымъ представлялось ему это блѣднорозовое тѣло. Водрей быстро покинулъ буфетъ и пошелъ по залѣ, передъ разступавшейся толпой, ища глазами Маріанну. Мимоходомъ онъ увидалъ Гюи де-Лиссака, сидящаго на шолковомъ, гранатнаго цвѣта, креслѣ и откинувшагося на позолоченную спинку; онъ разговаривалъ съ Адріенной, лѣниво обмахивавшейся вѣеромъ. Увидавъ Сюльписа, молодая женщина еще издали стала улыбаться ему счастливой улыбкой любящей женщины, и, окидывая Водрея восхищеннымъ взглядомъ, точно спрашивала:

— Ты ужь хочешь ѣхать отсюда?—Но онъ прошелъ мимо нея, уклончиво улыбнувшись, и скрылся въ слѣдующей залѣ, между тѣмъ какъ Лиссакъ говорилъ Адріеннѣ:

Digitized by Google

— Итакъ, сударыня, что жь ваше министерство?

— О, не говорите мнѣ о немъ... Я его боюсь. Въ этихъ апартаментахъ мнѣ все кажется, что я не у себя дома. Сказать вамъ мое настоящее ощущеніе? Я представляю себя въ безконечномъ путешествіи, точно я ни одного дня не выѣзжала изъ гостинницы. По настоящему, министры должны были бы оставаться холостяками. Мужья принимаютъ почести, а женщины расплачиваются за нихъ скукой.

— Но, должно быть, въ основаніи этой скуки лежитъ какая нибудь радость, потому что жены очень сожалѣютъ, когда вечеръ приходитъ къ концу и приходится уѣзжать.

— Ахъ, Богъ мой!—воскликнула Адріенна,—вотъ ужь я, кажется, никогда объ этомъ не пожалѣю. Право! Клянусь вамъ.

Она хотѣла,—какъ часто этого хотѣлъ и Водрей,—уѣхать отсюда, и была вполнѣ увѣрена, что Сюльписа задержало какое нибудь дѣло, почему онъ и не торопится уѣзжать. Та зала, куда онъ вошелъ, какъ разъ вела въ салонъ, въ видѣ ротонды, обитый шолковой японской матеріей, освѣщенный венеціанской люстрой. Какой-то инстинктъ сейчасъ же подсказалъ Сюльпису, что тамъ сидитъ Маріанна. Онъ прошелъ въ ту сторону и сейчасъ же увидалъ передъ собой, въ рамкѣ голубыхъ портьеръ, хорошенькую дѣвушку съ герцогомъ де-Розасомъ, котораго она слушала за нѣсколько минутъ передъ этимъ съ такимъ страстнымъ вниманіемъ; теперь, при взглядѣ на нихъ обоихъ, онъ объ этомъ невольно вспомнилъ. Яркій свѣтъ падалъ на плечи и золотистые волосы Маріанны. Герцогъ смотрѣлъ на нее.

Водрей остановился, какъ вкопанный. Онъ ощутилъ какое-то странное, непонятное чувство. Это «съ глазу на глазъ» почему-то ему не понравилось. Она, конечно, замѣтила министра и, можетъ быть, случайно, повернулась къ нему въ полъ-оборота; затѣмъ, взглянувъ на него, она улыбнулась ему и сдѣлала знакъ подойти. Голубая, небеснаго цвѣта, обивка мебели казалась натуральной рамкой для этой прелестной блондинки.

— Господинъ министръ, — сказала она, — позвольте мнѣ представить вамъ моего друга, герцога де-Розаса, который достоинъ назваться артистомъ въ душѣ и не можетъ не любить краснорѣчія, а потому питаетъ къ вамъ большое уваженіе.

Digitized by Google

Розасъ въ свою очередь всталъ, кланяясь министру съ совершенно особой манерой, вовсе не какъ проситель, кланяющійся вліятельной особѣ, а какъ важный господинъ, привѣтствующій человѣка, къ таланту котораго онъ относится одобрительно. Водрей пріискивалъ какое нибудь ласковое слово, которое могъ бы сказать этому человѣку, и никакъ не могъ его найти. А между тѣмъ, еще полчаса тому назадъ, онъ отъ чистаго сердца аплодировалъ де-Розасу, тамъ, гдѣ разсказъ его показался ему особенно пикантнымъ. Но тутъ герцогъ уже показался не пикантнымъ разсказчикомъ, а назойливымъ человѣкомъ, ставшимъ ему поперекъ дороги. Однако, онъ ни малѣйшимъ образомъ не выдалъ своего дурнаго расположенія духа, очень трудно поддающагося анализу, и причину котораго онъ самъ бы не могъ себѣ объяснить. Въ концѣ концовъ, онъ привѣтствовалъ герцога одною изъ тѣхъ банальныхъ фразъ, которыя ни къ чему не обязываютъ. Въ тотъ моментъ, какъ онъ откланивался, намѣреваясь уходить, Маріанна задержала его.

— Итакъ, господинъ министръ,—сказала она, улыбаясь ему со своеобразнымъ изгибомъ капризныхъ губокъ,—вы видите (и она показала ему голубую обивку салона) что есть женщины, которыя очень любятъ голубое.

— Да, вижу... г-жа Марси...—отвѣчалъ Водрей съ подготовленной ироніей, выразившейся, какъ упрекъ.

— Вотъ видите ли,—сказала Маріанна.—Мы бесѣдовали не болѣе пяти минутъ, но я все таки отлично увидала, что у насъ съ вами одинаковые вкусы. Этимъ я очень польщена.

— Я тоже очень доволенъ,—отвѣчалъ Водрей, пораженный пристальнымъ, острымъ, какъ лезвіе, взглядомъ красавицы. Она опять заняла прежнее мѣсто на диванѣ, рядомъ съ Розасомъ, но теперь Водрей охотно прощалъ ей это tête-à-tête (да и то правда, что же ему было тутъ прощать?) Этотъ огненный взглядъ съ ея стороны все загладилъ. Онъ уносилъ его съ собой, какъ солнечный лучъ, весь дрожа еще отъ только что испытаннаго имъ ощущенія. Онъ поспѣшилъ удалиться. Теперь вдругъ онъ почувствовалъ себя очень нервнымъ. Передъ толпой, почтительно разступившейся передъ нимъ съ обычнымъ приниженіемъ, свойственнымъ толпѣ, онъ снова вошелъ въ свою роль министра, поднявъ высоко голову и вы-

Digitized by Google

давливая на своемъ лицѣ офиціальную улыбку. Но въ глубинѣ его сердца образовалась какая-то рана; въ его ушахъ продолжалъ еще звучать вкрадчивый голосъ Маріанны: «У насъ съ вами много общаго» и жегъ ему грудь, какъ горящій факелъ. Подходя къ Адріеннѣ, онъ увидалъ ее по прежнему разговаривавшей съ де-Лиссакомъ. Она преданно улыбалась ему, но эта улыбка почему-то показалась ему холодной. Онъ нагнулся къ ней, подалъ ей локоть и, быстро пожавъ руку де-Лиссака, сказалъ:

— До свиданія. Не такъ ли, Гюи?—И съ этими словами онъ направился въ переднюю, гдѣ всѣ лакеи бросились къ г-жѣ Водрей помочь ей надѣть мантилью, между тѣмъ какъ, пока онъ надѣвалъ свое пальто, громкій, рѣзкій голосъ кричалъ:

— Карету г-на министра!

— Я устала, — проговорила Адріенна, сидя въ каретѣ, — а ты?

— Я? Вовсе нѣтъ. Я совсѣмъ не скучалъ. Тамъ было очень интересно! Да и къ тому же теперь мнѣ надо чаще показываться.

— Я это хорошо знаю,—замѣтила молодая женщина. И она тихо, какъ засыпающее дитя, уронила свою хорошенькую закутанную головку на плечо Сюльписа. Ея маленькія ручки искали руки мужа, чтобы сжать ее подъ мѣхомъ шубки, теплой, какъ гнѣздышко, и пока она, усталая, смыкала глаза, а дыханіе ея становилось ровнымъ, какъ у засыпающей, Сюльпису Водрею опять представились, какъ наяву, подъ яркимъ свѣтомъ люстры, полуобнаженныя плечи Маріанны, — этой прелестной блондинки съ ея чудными глазами, когда она, стоя передъ нимъ, ѣла шербетъ, проводя розовымъ языкомъ по разгоряченнымъ, улыбающимся губамъ.

(Продолженіе будетъ).

Digitized by Google

Элегія.

Не кори ты меня за безсилье
За нѣмую покорность раба;
Виноватъ ли, что мощныя крылья
Мнѣ связала злодѣйка—судьба?..
Было время, и къ свѣту я рвался,
Было время, я пылко любилъ;
Новый міръ мнѣ свѣтло улыбался
И поэзіей душу живилъ...
Въ чуткомъ сердцѣ кипѣли желанья,
Смѣлый умъ не страшила борьба,
Мнѣ невѣдомы были страданья,
И тяжелыя цѣпи раба!..
Но развѣялись юныя грёзы,
Я—ничтожество жизни постигъ:
Взоръ не тѣшатъ душистыя розы...
Гдѣ ты, юность,—плѣнительный мигъ?..
Безграничныя вольныя степи
Замѣнила нѣмая тюрьма,
Мысль сковали незримыя цѣпи,
Грезы сердца—окутала тьма...
Истомленный безсильемъ позорнымъ,
Я влачу свои жалкіе дни...
Обласкай меня словомъ притворнымъ,
Обласкай... приголубь... не вини...
Можетъ быть, снова вѣра проснется,
Въ бой неравный я смѣло вступлю—
И надеждою сердце забьется,
И опять я тебя полюблю...

В. Кобзаренко.

Digitized by Google

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

Сюрпризъ, поднесенный Франціею въ Новый годъ.—Новый президентъ республики.—Исторія переворота и паденія правительства. — Выборы въ Версали.—Случайный президентъ и скандалъ соціалистовъ.—Подвиги анархистовъ.—Критическое положеніе Франціи. — Рѣчь Вильгельма II при открытіи прусскаго сейма.—Имперія и соціализмъ.—Англійская дружба, оказывающаяся пуфомъ.—Переходъ отъ словъ къ дѣлу.—Итальянскія побѣды, прикрывающія финансовый крахъ. — Положеніе сѣверной Америки.—Японско-китайская война.

15-го числа перваго новогодняго мѣсяца, Франція поднесла европейской политикѣ, международнымъ отношеніямъ и цѣлому міру новый сюрпризъ: президентъ французской республики отказался отъ своего званія и вышелъ въ отставку; это было совершенною неожиданностью не только для страны, для дипломатіи всѣхъ государствъ, но и для лицъ, самыхъ близкихъ къ Перье. Ничто совершенно не предвѣщало и не оправдывало такого крутаго переворота. Дѣла шли по обыкновенію плохо, но не грозили никакой катастрофой, министерство держалось съ трудомъ, но за него стояло все таки большинство палаты. Виновницею столкновенія была, впрочемъ, какъ почти всегда и во всемъ, та же палата. Съ мѣсяцъ назадъ, она приняла законопроэктъ объ отчетности желѣзныхъ дорогъ въ Орлеанѣ и южной Франціи. Давно уже ходили слухи о злоупотребленіяхъ въ администраціи этихъ дорогъ, и три главныхъ лица въ ней отданы теперь подъ судъ; но, предвидя обнаруженіе плутней, администрація заручилась благоволеніемъ нѣкоторыхъ членовъ государственнаго совѣта, подѣлившись съ ними незаконною наживою, и задумала приподнести проэктецъ, чтобы суммы ея контролировалъ государственный совѣтъ. Внесенный въ палату докладъ нашелъ въ ней еще больше сторонниковъ, интересующихся только своими личными да мѣстными интересами, и проэктъ былъ принятъ, хотя большинствомъ 20-ти голосовъ, такъ какъ многіе понимали, что тутъ дѣло не чисто. Барту, министръ общественныхъ работъ, о которыхъ никто и не думаетъ во Франціи, заявилъ въ совѣтѣ о незаконности такого закона, но совѣтъ не захотѣлъ выпустить изъ своихъ рукъ

Digitized by Google

новый источникъ взяточничества. Барту вышелъ въ отставку, что̀ еще болѣе пошатнуло и безъ того едва дѣржавшійся кабинетъ Дюпюи, только что потрясенный дѣлами Дрейфуса, Ланессана и Ришара. Дѣло Дрейфуса повредило Франціи и въ международныхъ отношеніяхъ. Этотъ капитанъ, продававшій Германіи планы французскихъ крѣпостей и выкрадывавшій нѣмецкіе секретные документы, увѣрялъ, и при разжалованіи, въ своей невинности утверждая, что черезъ три года убѣдятся въ томъ, что онъ дѣйствовалъ на пользу Франціи; между тѣмъ германскій посолъ въ Парижѣ заявилъ официально, что никакія секретныя бумаги не пропадали въ Германіи, и такимъ образомъ явился неожиданный юридическій фактъ. Французскій военный судъ изъ честныхъ офицеровъ осудилъ къ ссылкѣ человѣка за передачу неизвѣстно чего и неизвѣстно кому какихъ-то таинственныхъ документовъ—новое доказательство тому, какъ блистательно поставлено во Франціи правосудіе. Дѣло Ланессана также возмутительно: этотъ человѣкъ, пользовавшійся почти безконтрольною, королевскою властью въ индо-китайскихъ колоніяхъ, оказался не только крупнымъ мошенникомъ, но и мелкимъ шантажистомъ: служа правительству, онъ писалъ противъ него клеветническія замѣтки и печаталъ ихъ въ парижской газетѣ своего друга Канивэ, проигрывавшаго по 30 тысячъ франковъ въ вечеръ. Друзей посадили, конечно, въ Мазасъ, но вѣдь это были все таки вліятельные члены кабинета. Въ дѣлѣ Ришара кабинетъ былъ, впрочемъ, правъ; этотъ журналистъ до того ругалъ Казиміра Перье, что его принуждены были отдать подъ судъ и присяжные засадили его въ тюрьму; но соціалисты воспользовались случаемъ нагадить министерству и выбрали Ришара на открывшуюся въ это время вакансію депутата. Рѣшеніе вопроса: можетъ ли заключенный въ тюрьмѣ быть депутатомъ?—принадлежитъ палатѣ и Дюпюи одержалъ въ этомъ случаѣ побѣду, заставивъ палату отвергнуть Ришара; но въ дѣлѣ Барту потерпѣлъ пораженіе: оказалось, что законъ желѣзнодорожной отвѣтственности былъ внесенъ въ палату еще бывшимъ министромъ, жидомъ Рейналемъ. Не смотря на это, Дюпюи началъ настаивать, что контроль, порученный однажды государственному совѣту, нельзя отмѣнять, т. е. однажды сдѣланнаго упущенія исправлять не слѣдуетъ. Палата не согласилась съ этой странной казуистикой и отвергла ее большинствомъ 22-хъ голосовъ.

Кабинетъ подалъ въ отставку, тотчасъ принятую президентомъ; ждали перемѣны министерства или распущенія палаты, такъ какъ соціалистская партія явно тормозила въ ней всякій правительственный проэктъ; положеніе дѣлъ вовсе не было ни критическимъ, ни отчаяннымъ. Франціи не разъ приходилось переживать еще и не такія столкновенія. Вдругъ вечеромъ Перье объявилъ министрамъ, что принялъ неизмѣнное рѣшеніе выйти въ отставку. Напрасно убѣждали его не дѣлать этого, не подвергать страну волненіямъ. Онъ настоялъ на своемъ, благодаря, какъ гово-

Digitized by Google

рять, болѣе всего совѣтамъ своей восьмидесятилѣтней матери, должно быть, тонко изучившей политику. Въ манифестѣ о своей отставкѣ, онъ объясняетъ ее, въ надутыхъ и темныхъ фразахъ, нападками радикальныхъ партій лично на него и литературы—на его правительство. Часть общества и печать не согласны съ воззрѣніями Перье, и потому Франція не достойна имѣть его во главѣ своего управленія — странное самомнѣніе! Неужели, принимая постъ президента, онъ надѣялся, что всѣ только будутъ раскланиваться передъ нимъ и исполнять всѣ его желанія? Отъ такого архимилліонера, салоннаго и бульварнаго героя, члена всѣхъ клубовъ, скаковыхъ и акціонерныхъ обществъ, впрочемъ, можно было ждать подобной выходки. Капиталисты—всегда плохіе администраторы; но Перье, конечно, и самъ не ожидалъ, что его позорное малодушіе и бѣгство съ поля борьбы возбудитъ такое дружное, единодушное осужденіе не только во французской, но и въ иностранной печати. «Autorité» говоритъ, что общественное мнѣніе отнесется къ бѣглецу съ неумолимою строгостью, Journal des Débats замѣчаетъ: «въ виду большой опасности, угрожающей Франціи отъ революціонныхъ партій, отъ вялости и бездѣйствія умѣренныхъ, Перье слѣдовало рѣшительно и мужественно продолжать борьбу, еще съ видимыми шансами на успѣхъ, а между тѣмъ, стараясь всегда казаться человѣкомъ съ твердымъ характеромъ, онъ поступилъ, какъ нервная женщина или капризный ребенокъ». По закону, довольно нелѣпому, не дающему возможности опомниться и согласиться въ минуту кризиса, новаго президента выбрали въ тотъ же день; кандидатовъ было только два: радикальной партіи—Бриссонъ и умѣренной—Вальдекъ Руссо; но назначать главою страны личнаго друга Перье было слишкомъ странно. При первой баллотировкѣ, никто не получилъ, для избранія, абсолютнаго большинства голосовъ; больше чѣмъ у другихъ оказалось у Бриссона, меньше у Руссо, еще меньше у морскаго министра Фора—члена кабинета Дюпюи. Чтобы не дробить голосовъ, Руссо отказался отъ кандидатуры и просилъ перенести голоса на его товарища; такимъ образомъ почти случайно, какъ при выборахъ Греви и Карно, избранъ президентомъ республики Феликсъ Форъ, богатый человѣкъ, имѣющій доходу $2^1/_2$ милліона франковъ, но нажитыхъ не наслѣдствомъ и спекуляціями, а честнымъ трудомъ. Кожевенникъ по профессіи, Форъ заработалъ все самъ, основывая заводы, исполняя мелкія административныя должности; о честности его уже не говорятъ, но и Казиміру Перье незачѣмъ было воровать. На высокомъ посту нужнѣе всего твердость характера, и на нее надѣется печать. Соціалисты пришли въ крайнее озлобленіе отъ неудачи своего кандидата и устроили страшный скандалъ на версальскомъ конгрессѣ, произнося ругательства противъ Фора и осыпая Бриссона неистовыми криками восторга. Кричать и шумѣть мы всѣ мастера, но что же доказываютъ подобныя выходки?

Digitized by Google

Анархисты отпраздновали побѣду Фора обычнымъ для нихъ способомъ: ночью въ улицѣ Монсо привратникъ одного дома нашелъ на подоконникѣ жестяной ящикъ; онъ схватилъ его и бросилъ на середину улицы; раздался оглушительный взрывъ, осколками котораго разбиты окна и повреждены зданія; жители, уже спавшіе, выбѣжали на улицу, но никто не былъ раненъ; жестянка оказалась бомбой въ формѣ ящика для бисквитовъ и начинена динамитомъ. Въ минуту взрыва видѣли человѣка, бѣжавшаго отъ бомбы, но не успѣли поймать его; анархисты бѣгаютъ быстро и очень заботятся о сохраненіи своей драгоцѣнной жизни. Въ Аньерѣ былъ тоже взрывъ.

Газеты сознаются вообще, что фактъ отставки Перье не важенъ, но политическое положеніе имѣетъ огромное значеніе, и со временъ буланжизма республика еще не переживала такой опасности. Нельзя больше дѣлать ошибокъ, прикрывать правительственныя плутни, панамскія продѣлки, а главное: нельзя терять времени и не обращать вниманія на общественный и рабочій вопросъ. Народъ находитъ, что всякое положеніе лучше существующаго, а вѣдь это прямой шагъ къ диктатурѣ. Хорошо, что некому захватить власть; всѣ эти государственные люди Франціи—такая жалкая ничтожность, что ни отъ одного изъ нихъ нельзя опасаться покушеній на свободу страны. Прокламація соціалистовъ, въ которой, не смотря на отставку Перье, они продолжаютъ величать его воромъ,—что уже совсѣмъ нелѣпо,—говоритъ, что нравственное оздоровленіе составляетъ положительную необходимость. Казиміръ Перье прямо хотѣлъ быть королемъ республики, на что не рѣшался даже Наполеонъ III. Уже болѣе пятнадцати лѣтъ, почти всѣ вліятельные члены правительства замѣшаны во всѣ темные денежные гешефты и вся администрація состоитъ изъ ихъ креатуръ, которыхъ они по произволу смѣняютъ и назначаютъ, не исключая судебныхъ властей. Честности и правды нѣтъ нигдѣ никакой. Нашъ Journal de St. Pétersbourg говоритъ, что Перье имѣлъ, вѣроятно, весьма серьезныя причины принять такое важное рѣшеніе. Объ оправданіяхъ Перье, оплакивающаго борьбу противъ парламента и общественныхъ вольностей (это повсемѣстныя-то плутни да всеобщій шантажъ и подкупъ—«общественныя вольности?!») журналъ нашъ не высказываетъ своихъ сужденій.

Новый президентъ не пользуется сочувствіемъ парижанъ, хотя къ нему все таки больше расположены, чѣмъ къ Перье, представителю капиталистической буржуазіи. Фора считаютъ представителемъ буржуазіи рабочей, но это несправедливо, такъ какъ онъ не составлялъ изъ ничего своего состоянія; имѣя средства, онъ велъ всегда крупную оптовую торговлю и $2^1/_2$ милліоновъ годоваго дохода простому рабочему никогда не нажить. Радикалы упрекаютъ его даже въ томъ, что онъ началъ свое президентство съ благотворительности, разославъ 20 тысячъ бѣднякамъ и сдѣлавъ значительныя

Digitized by Google

пожертвованія въ разныя учрежденія. Но политическое положеніе его весьма шатко; онъ отклонилъ предложеніе Шальмель-Лакура, рекомендовавшаго ему въ премьеры Вальдека Руссо, но, и обратившись къ радикалу Буржуа, встрѣтилъ большія затрудненія въ составленіи кабинета—такъ мало порядочныхъ людей во Франціи, не замаранныхъ въ злоупотребленіяхъ! Послѣ недѣльныхъ поисковъ и отказа Буржуа, нашелся премьеръ Рибо, управлявшій уже разъ кабинетомъ, человѣкъ сомнительный, но палата изъявила ему довѣріе. Покамѣстъ и этого довольно; онъ тотчасъ предложилъ амнистію, вслѣдствіе которой даже Рошфоръ возвращается въ Парижъ.

Рѣчь Вильгельма II, при открытіи прусской палаты, прошла незамѣченною среди событій переворота во Франціи, между тѣмъ слова императора весьма замѣчательны, какъ по своей сущности, такъ и по обстоятельствамъ, при которыхъ были произнесены. Рѣчь эта совершенно лишена обычнаго заказнаго оптимизма, необходимой принадлежности всѣхъ тронныхъ рѣчей, образцомъ которой явилась послѣдняя рѣчь короля Гумберта, представившаго самую утѣшительную картину экономическаго положенія страны и вслѣдъ затѣмъ разогнавшаго свой парламентъ за то, что онъ позволилъ себѣ разбирать скандальныя жалобы бывшаго министра Джіолити на нынѣшняго премьера Криспи. Безъ всякихъ прикрасъ и смягченій, Вильгельмъ представилъ сейму неутѣшительную картину прусскихъ финансовъ; онъ даже не обѣщалъ поправить дѣла, безъ чего никогда не обходятся тронныя рѣчи; даже въ будущемъ онъ не говорилъ объ исчезновеніи дефицита изъ бюджета, а сельскимъ хозяевамъ, жалующимся на постоянные убытки, обѣщаетъ только посильную помощь правительства, да и то не заявляетъ, что она будетъ достаточною. Въ концѣ рѣчь обращается, конечно, къ содѣйствію сейма противъ революціонныхъ партій и какъ будто сознаётся, что только поддержка парламента выведетъ правительство изъ затрудненій.

Этотъ откровенный пессимизмъ представляетъ новое явленіе; даже канцлеръ Гогенлоэ не давалъ никакихъ обѣщаній и настаивалъ на содѣйствіи палаты. Недаромъ Вильгельмъ посылалъ его къ Бисмарку, чтобы старикъ одобрилъ новую правительственную программу, но что касается до согласія палатъ на борьбу съ соціализмомъ—надежды на это очень шатки. Баварскій депутатъ Сигель говорилъ недавно по этому поводу въ рейхстагѣ: «удивительно! какъ подобные законы вносятся, сто лѣтъ спустя послѣ декларации Фридриха II: «газетамъ слѣдуетъ предоставить свободу». Экстренные законы никогда не достигаютъ цѣли; это доказываетъ бисмарковскій законъ противъ соціалистовъ и, послѣдовавшее затѣмъ, его же путешествіе въ Каноссу. Новый законъ направленъ противъ революціонныхъ происковъ, но всякій прокуроръ съумѣетъ взять васъ за шиворотъ по поводу, не имѣющему ничего общаго съ революціей. Соціалисты, конечно,

Digitized by Google

недовольны, но сказать по совѣсти: кто нынче доволенъ въ Германіи? развѣ графъ Каприви... да и тотъ переѣхалъ въ Монтрё. Революціонныя стремленія—понятія весьма растяжимыя; каждый толкуетъ ихъ по своему, въ нихъ не сходились даже Мадзини и Гарибальди. Пусть не забываютъ слова баварскаго короля Максимиліана II во время столкновенія палатъ съ правительствомъ: «я вижу, что народъ не одобряетъ ни этой политики, ни этой борьбы, а я хочу жить въ мирѣ и потому перемѣняю и политику, и министровъ».

Кромѣ своей экономической рѣчи, Вильгельмъ удивилъ окружающихъ лекціею о флотѣ, прочитанною имъ на банкетѣ; это была настоящая формальная лекція, доказывающая въ императорѣ глубокое знакомство съ морскою наукою и состояніемъ германскаго флота. Лекція была полна такихъ цифръ и подробностей, что всѣ потребовали ея напечатанія, чтобы ознакомить съ нею спеціалистовъ и знатоковъ дѣла. Вильгельмъ объявилъ прямо слушателямъ: «я хочу создать огромный и образцовый флотъ, какъ дѣдъ мой создалъ огромную и образцовую армію». Это хорошо, но гдѣ же на то средства? Опять новые расходы, новые налоги, новое обремененіе народа, и кто поручится, что, за необходимостью новаго огромнаго флота, не явится надобность въ новыхъ огромныхъ крѣпостяхъ, новыхъ пушкахъ и ружьяхъ; на чемъ же остановится этотъ всеподавляющій милитаризмъ? Правда, Вильгельмъ не пускалъ его еще въ ходъ, но вѣдь, имѣя въ своемъ распоряженіи милліоны солдатъ, трудно оставлять ихъ безъ дѣла и не пустить въ ходъ этихъ опасныхъ, хоть и удобныхъ игрушекъ; для чего же тогда и набирать ихъ цѣлые полки? Хорошо миролюбіе, когда все зависитъ отъ прихоти одного лица. Сегодня лицо это разсуждаетъ нормально и логично, а завтра что нибудь подѣйствуетъ на сѣрую оболочку его мозга и гдѣ всѣ надежды на миролюбивое настроеніе?

Вильгельмъ, впрочемъ, дѣйствуетъ всегда прямо и откровенно; такъ, узнавъ, что ему приписываютъ приказаніе снять съ рейхстага надпись: «Германскому народу», онъ протестовалъ противъ этого, но медаль за проэктъ зданія отнялъ все таки у Валлота и отдалъ ее плохой художницѣ. Хорошо въ немъ то, что онъ началъ уступать общественному мнѣнію, но дурно, что онъ не сосредоточивается на главныхъ государственныхъ вопросахъ и разбрасывается по мелочамъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ упорно держится принятаго имъ однажды рѣшенія, хотя бы оно и противорѣчило общему настроенію; такъ онъ упорно стоитъ за новыя мѣры противъ соціалистовъ, которые гораздо спокойнѣе, чѣмъ императоръ, оцѣниваютъ положеніе дѣлъ. Глава ихъ, Либкнехтъ, говорилъ недавно корреспонденту «Фигаро»: «я человѣкъ практическій, а не политиканъ, и особенно ненавижу роль пророка. Когда восторжествуетъ соціализмъ—не знаю, но думаю, что довольно скоро; достовѣрно знаю только одно: что капиталистическій общественный строй распадается съ каждымъ днемъ; всѣ переживае-

Digitized by Google

мые нами нынѣ скандалы—продуктъ нынѣшней общественной организаціи; впрочемъ, буржуазія слишкомъ изнѣжена и развращена, чтобы объявить намъ открытую войну. Собираются насъ преслѣдовать, но неужели то, что̀ неудалось Бисмарку, подъ силу такимъ лиллипутамъ, какъ Гогенлоэ и Микель? Не думаю, чтобы у Вильгельма хватило смѣлости даже для попытки на государственный переворотъ».

Англія все еще продолжаетъ удивляться, что всѣ ея убѣжденія въ дружбѣ и внезапномъ сочувствіи къ Россіи холодно принимаются русской печатью. Кажется, что̀ могло бы быть положительнѣе увѣреній такой лойяльной державы, съ начала 50-тыхъ годовъ вредившей намъ на каждомъ шагу, ставившей намъ препятствія въ каждомъ нашемъ дѣлѣ, осыпавшей насъ низкими клеветами и грубыми оскорбленіями. Воспылала она къ намъ неожиданно пламенной страстью въ лицѣ своего либеральнаго правительства, заявила публично и печатно, что вся ея прошедшая политика по отношенію къ намъ была ошибкою, заблужденіемъ; принесла публичное покаяніе, широко раскрыла дружественныя объятія—и никто не думаетъ бросаться въ нихъ. Schoking! Правда, за словами потребовали и дѣла, и новые друзья благосклонно открыли намъ новые политическіе пути—нѣсколько верстъ снѣжной вершины Памировъ, гдѣ девять мѣсяцевъ не бываетъ никакой растительности, а въ Европѣ — право отвоевывать у Турціи свободный проходъ черезъ проливы нашимъ военнымъ судамъ подъ условіемъ, конечно, впуска такихъ же иностранныхъ судовъ въ наше Черное море. Въ порывѣ усердія, иные офиціозы предлагали намъ чуть не занятіе Константинополя, конечно, на нашъ счетъ и страхъ, но болѣе всего стараясь втянуть насъ въ войну съ Турціей изъ-за основанія армянскаго царства. Интригами, подкупами, всѣми неправдами поднявъ (черезъ своихъ эмиссаровъ) бунтъ въ горной Арменіи и добившись, что тамъ перерѣзали нѣсколько сотенъ христіанъ, англичане начали теперь въ своихъ лондонско-армянскихъ обществахъ самобичеванія и самообвиненія съ участіемъ въ нихъ высшаго англиканскаго духовенства. Епископъ Спайсеръ заявилъ: «мы уничтожили санъ-стефанскій трактатъ и помѣшали Россіи защищать армянъ»; каноникъ Макколь сказалъ: «Англія лишила армянъ покровительства Россіи, а сама для нихъ ничего не сдѣлала». Профессоръ Битъ прибавилъ:—«Англія отвѣтственна за неудачу реформъ, введенныхъ въ 1878 году». Да кто же виноватъ въ этой неудачѣ? Вѣдь не могла же не знать Англія, что турки ровно ничего не сдѣлаютъ для армянъ, какъ не сдѣлали ничего для Македоніи, Болгаріи и вообще всѣхъ христіанъ. Съ 1878 года Англія интриговала противъ насъ въ этомъ вопросѣ, да составляла заговоры противъ Турціи, а теперь требуетъ, чтобы мы вмѣстѣ съ просвѣщенными мореплавателями основывали новое царство на шею себѣ и Турціи; да и какая можетъ быть политическая самостоятельная жизнь у этого племени, нажившаго, правда, въ теченіе вѣковъ, большія богатства мелкою и часто грязною

Digitized by Google

торговлею, захватившаго всю торговлю и промышленность Кавказа и Грузіи и весьма невысоко стоящаго въ культурномъ и нравственномъ развитіи?

Къ тому же дружба къ намъ высказывается только въ лондонскихъ газетахъ, а индійскія и туркестанскія не говорятъ ни слова въ нашу пользу; напр. въ нихъ нѣтъ ни слова объ устройствѣ Памировъ. Англичане стараются, напротивъ, создать изъ слабыхъ ханствъ на южныхъ склонахъ Памировъ—Канжута, Яссина—новые буфера для Индіи. Они поспѣшно и настойчиво устраиваются въ Гилгитѣ, въ 260-ти миляхъ отъ Мургабскаго поста, занятаго нашимъ отрядомъ; они строятъ укрѣпленія, хотя очень любезно относятся къ нашимъ офицерамъ и посылаютъ имъ ящики съ водкой. О томъ, что мы дѣлаемъ въ русскомъ Туркестанѣ, мы узнаёмъ очень мало изъ англійскихъ газетъ и еще меньше изъ нашихъ «Туркестанскихъ вѣдомостей», сообщающихъ запоздалыя свѣдѣнія; такъ, на основаніи договора 1872 года, мы настаивали, чтобы ханства Шугнанъ и Рошанъ на западныхъ склонахъ Памировъ были очищены афганцами, но они опять ихъ заняли въ 1883 году, такъ что въ 1885 мы принуждены были двинуть на Памиръ особый отрядъ полковника Іонина. Только послѣ кроваваго столкновенія при Суметашѣ въ 1892 году, афганцы очистили эти мѣста и мы основали памирскій постъ на правомъ берегу Мургаба, къ югу отъ Заалайскаго хребта. Но положеніе наше въ ханствахъ тяжелое: жители ихъ поминутно обращаются къ намъ съ просьбой защитить ихъ отъ насилій и грабежей афганцевъ, а что же мы можемъ сдѣлать въ чужомъ племени? Прошлой осенью, Іонинъ настоялъ, чтобы афганцы очистили правый берегъ Пенджа; — только занятіе этихъ ханствъ до предѣловъ, признаваемыхъ нашей законной границей, и будетъ единственнымъ средствомъ покончить памирскій вопросъ. Англичане дѣйствуютъ быстро, ни у кого не спрашивая разрѣшеній, не обращая вниманія на переговоры, которые тянутся уже четыре года. Мы, конечно, дѣйствуемъ иначе.

Криспи, чтобы заставить итальянцевъ забыть объ его обвиненіи въ плутняхъ, думаетъ замять ихъ побѣдами въ Африкѣ. Полунезависимый правитель провинціи Тигре, Расмангаша, подстрекаемый негусомъ Менеликомъ, напалъ съ 10-тысячнымъ отрядомъ на Массову, но былъ разбитъ на голову. Гумбертъ послалъ генералу Баратьери телеграмму, называя его побѣды тріумфомъ цивилизаціи надъ варварствомъ. Германскій и австрійскій императоры поздравили Гумберта, хотя лавры и побѣды могутъ только заставить итальянцевъ забыть продѣлки ихъ премьера, а не избавить отъ государственнаго банкротства; вѣрные союзники вѣдь не дадутъ денегъ государству, стоящему на краю финансоваго краха; хуже всего, что эти военные тріумфы возбуждаютъ шовинизмъ въ народѣ, видящемъ даже въ абиссинскихъ событіяхъ—подстрекательство Франціи.

Въ сѣверо-американской республикѣ происходятъ по временамъ явленія, способныя поставить втупикъ человѣка, знакомаго съ положеніемъ

Digitized by Google

дѣлъ въ Европѣ. Хотя до новыхъ выборовъ президента остается еще два года, но газеты уже давно подняли толки о томъ: одержитъ ли побѣду демократическій элементъ, олицетворяемый Клевелендомъ, или республиканскій—Гаррисономъ. Недавно, согласно конституціи, страна выбирала въ палату губернаторовъ городовъ, и, между прочимъ, представителя самаго значительнаго штата Нью-Іорка, и изъ 220-ти демократовъ нынѣшней палаты выбрали вновь только 64. Палата рѣшительно враждебна президенту и ему предстоитъ еще два года ожесточенной борьбы съ нею и съ сенатомъ. Страна недовольна своими правителями, говорятъ газеты. Вездѣ финансовый кризисъ, паника, биржевые крахи, стачки, забастовки, грабежи, пожары, новый тарифный законъ. Демократическіе сенаторы оказались такими же взяточниками, какъ и въ Европѣ, и только,—какъ всегда бываетъ въ Америкѣ,—до послѣдняго времени нельзя было опредѣлить, какая партія возьметъ верхъ. Генерала Коксея провалили самымъ отчаяннымъ образомъ; въ нѣкоторыхъ штатахъ, какъ въ Колорадо, подавали голоса и женщины (первый разъ по введеніи закона объ ихъ равноправности); онѣ обратили демократическій штатъ въ республиканскій и теперь уже это большинство считается въ 120 голосовъ, особенно когда къ нему присоединился Нью-Іоркъ, губернаторство въ которомъ считается предвѣріемъ къ президентству, и гдѣ такъ долго правилъ Клевелендъ. Дѣло выборовъ въ Америкѣ—дѣло денегъ; это ни для кого не секретъ, и газеты откровенно разоблачаютъ: кто сколько истратилъ и кому дано. Въ Нью-Іоркѣ дѣйствовало отчаянно-воровское общество «Тамани», распоряжающееся муниципалитетомъ. Демократамъ удалось только обнаружить чудовищныя злоупотребленія общества.

Отчаявшись въ водвореніи своихъ соотечественниковъ въ сѣверной Америкѣ, жидовскій баронъ Гиршъ объявилъ, что онъ направляетъ ихъ всецѣло въ Аргентину, а вѣдь ихъ въ одномъ Нью-Іоркѣ двѣсти тысячъ; газеты, впрочемъ, умѣренно радуются этому освобожденію, потому что евреи — сила, особенно въ печати. Въ Америкѣ ихъ нахальство — такое же, какъ и во всей Европѣ; здѣсь какой-то жидъ даже напечаталъ огромное ученое изслѣдованіе, доказывающее, что Америка открыта евреями! Въ Огайо выстроили громадную, великолѣпную синагогу, на открытіи которой протестантскіе пасторы братались съ жидами, а одинъ пресвитерьянецъ сказалъ: «такъ какъ евреи и христіане вѣруютъ въ одного и того же Бога (?) то имъ слѣдуетъ сплотиться, чтобы распространить правду», а другой прибавилъ: «да развѣ ужь между нами такая большая разница»?

Но всего любопытнѣе, что при выборахъ новаго губернатора въ Алабамѣ произошла даже революція; послѣ ожесточенной войны, избранъ былъ демократъ Отсъ, но кандидатъ другой партіи, Комбъ, объявилъ, что при подачѣ голосовъ допущены громадныя злоупотребленія и онъ счи-

Digitized by Google

таетъ себя законно избраннымъ. Оба кандидата явились въ главный городъ Алабамы — Монгомери. Оба принесли присягу на званіе губернатора и оба отправились въ Капитолій произносить обычныя рѣчи. Первый присягнулъ Комбъ въ камерѣ мироваго судьи и отправился въ Капитолій, гдѣ бывшій губернаторъ приготовился къ пріему другаго кандидата и сказалъ: «если вы раскроете ротъ въ Капитоліѣ или въ его чертѣ, я велю васъ арестовать». Тогда Комбъ сѣлъ на проѣзжавшую телѣгу съ кукурузой и, отъѣхавъ за черту города, произнесъ рѣчь, доказывая правильность своего избранія, но убѣждая сочувствующую ему толпу не прибѣгать къ насилію; потомъ на своей кукурузѣ поѣхалъ въ городъ. Тогда явился Отсъ, принесъ присягу, произнесъ рѣчь и вступилъ въ управленіе. Такимъ образомъ, въ Алабамѣ теперь два губернатора, и который изъ нихъ уступитъ другому—знаютъ только американцы.

Японско-китайская война представляетъ все тѣ же странныя явленія, разгадки которыхъ придется еще долго ждать. Бомбардируются какія-то невѣдомыя мѣстности, крейсируютъ суда обѣихъ націй, дерутся гдѣ-то отдѣльные отряды, причемъ достается, конечно, больше всего китайцамъ, которые положительно не въ состояніи защищать ни себя, ни своего отечества. Государственное разложеніе этой громадной имперіи очевидно для всякаго, и она не можетъ существовать, по окончаніи войны, въ своемъ прежнемъ замкнутомъ и дикомъ видѣ; часть ея должна перейти къ Японіи, которая вдругъ теперь вздумала торжественно объявить независимость Кореи, хотя только при этомъ условіи европейскія державы допустили войну между двумя представителями желтой расы и участіе европейцевъ въ дальнѣйшемъ устройствѣ судьбы воюющихъ сторонъ положительно необходимо; присутствіе отрядовъ европейскихъ войскъ на востокѣ будетъ настоятельною потребностью. Вотъ куда могли бы сбыть излишекъ своей солдатчины державы, угрожающія ею другъ другу въ Европѣ. У Франціи есть для этого Индо-Китай, Англія и безъ войскъ справляется со своими Индіями, Бирмою, Сіамомъ. Только у Германіи нѣтъ колоній на азіатскомъ востокѣ, но и ей можно найти дѣло въ этомъ обширномъ краѣ; все же тамъ будетъ для всѣхъ націй больше мѣста, чѣмъ въ Европѣ.

НОВЫЯ КНИГИ.

Ежегодникъ императорскихъ театровъ. Сезонъ 1893—94 г.

А. Е. Молчановъ издалъ за сезонъ 1893—94 года новый томъ «Ежегодника императорскихъ театровъ», въ томъ же роскошномъ наружномъ видѣ, полный интересныхъ свѣдѣній и серьезнаго изученія. Въ сборникѣ нѣтъ никакого предисловія, но сказано только, что онъ составляетъ пер-

Digitized by Google

вую книгу «приложенія». Мысль А. Молчанова о раздѣленіи матеріала на изложеніе современныхъ фактовъ и на прошлую исторію театра совершенно основательна и смѣшивать ихъ не слѣдуетъ. Въ настоящемъ выпускѣ помѣщены только три статьи, всѣ онѣ отличаются такимъ глубокимъ изученіемъ дѣла, какое не часто встрѣчается и въ строго научныхъ сочиненіяхъ. Первая статья: «Алексѣй Семеновичъ Яковлевъ», написана по поводу столѣтней годовщины опредѣленія къ театру этого перваго русскаго трагика, прямаго продолжателя громкихъ именъ начала русскаго театра: Дмитревскаго, Шушерина, Шумскаго и др. Авторъ статьи хотя и не выставилъ подъ нею вполнѣ своего имени, но она очевидно принадлежитъ скончавшемуся въ прошломъ мѣсяцѣ, отъ разрыва сердца, знатоку драматической критики и сценическаго искусства Д. Д. Коровякову, автору «Теоріи выразительнаго чтенія», подробно разобранной въ «Наблюдателѣ» годъ тому назадъ. Коровяковъ чрезвычайно добросовѣстно отнесся къ своему труду, перечиталъ все, что было напечатано о Яковлевѣ, а матеріала, не смотря на бѣдность нашихъ драматическихъ пособій, весьма немало. О нашемъ трагикѣ существуютъ обстоятельныя біографіи: Сиротинина, Подшивалова, Булгарина, Р. Зотова, Ф. Кони; кромѣ того, въ запискахъ Жихарева, Вигеля, Аксакова и др. есть много любопытныхъ подробностей о жизни и игрѣ трагика, отъ котораго всѣ эти авторы приходили въ восторгъ. Теперь, на далекомъ разстояніи, когда измѣнились взгляды на драматическое искусство и сценическую декламацію, намъ трудно судить о впечатлѣніи, произведенномъ Яковлевымъ на его современниковъ, но что оно было огромно—это несомнѣнно. Трагикъ умеръ въ цвѣтѣ силъ, въ полной славѣ своего таланта, отъ несчастной болѣзни, сгубившей столько даровитыхъ людей: онъ сильно пилъ въ концѣ своего сценическаго поприща. Чтобы исцѣлить его отъ этой слабости, его женили, но черезъ $2^1/_2$ года семейной жизни, «любовь свела его въ гробъ», какъ говорится краснорѣчиво въ біографіи, приложенной къ собранію его сочиненій. Никакая любовь не сводила его, однако, въ могилу, а погубила проклятая водка, которою съ такимъ увлеченіемъ опивается русскій человѣкъ. Какъ писатель и стихотворецъ, Яковлевъ—ниже критики, но все таки любовь къ поэзіи развилась въ немъ прежде, чѣмъ къ сценѣ, на которой онъ достигъ громкой извѣстности.

Вторая статья сборника: «Русскій театръ при Петрѣ Великомъ», профессора П. Морозова, представляетъ въ сжатомъ, хотя и нѣсколько сухомъ видѣ, картину первыхъ шаговъ нашего драматическаго искусства. Послѣ глубокихъ изслѣдованій Тихонравова, открытій Барсова и др., да и послѣ самой исторіи театра того же г. Морозова, появившейся въ 1889 году,—въ статьѣ мало новаго, но читается она съ интересомъ. Третьею статьею является статья г. Ларош: «Чайковскій, какъ драматическій композиторъ». Почти одновременно явилась отдѣльная біографія

Digitized by Google

этого композитора (В. Баскина) и сравненіе двухъ приговоровъ компетентныхъ лицъ будетъ, конечно, очень интересно для музыкантовъ, такъ какъ обѣ біографіи наполнены спеціальными и техническими подробностями, до которыхъ такая неохотница диллетантская часть публики. Оба біографа благоговѣютъ передъ своимъ предметомъ, хотя у Ларош мы встрѣчаемъ странное признаніе: что онъ «не сочиняетъ почти никогда и къ немногимъ своимъ шалостямъ на нотной бумагѣ относится съ объективною прохладительностью». Эта «прохладительность»—рѣдкая черта въ музыкальныхъ критикахъ, всегда поддающихся искушенію явиться и композиторами,—большею частью, неудачными, тогда какъ въ своей критикѣ они высказывали много дѣльныхъ идей. Къ этому выпуску «Ежегодника» приложено нѣсколько портретовъ, рисунковъ, траурныхъ украшеній театральныхъ залъ и зданій, здѣсь и въ Москвѣ, исполненныхъ съ тѣмъ же художественнымъ совершенствомъ, какимъ отличаются всѣ предшествовавшіе выпуски.

А. Я. Максимовъ. **Наши задачи на Тихомъ океанѣ. 1895.**

Знатокъ нашего дальняго востока, г. Максимовъ издалъ любопытную книгу о нашемъ стремленіи на востокъ. Мы все ждали давно обѣщаннаго втораго тома его изслѣдованій: «На далекомъ востокѣ», но авторъ обратился уже въ другую сторону. Познакомивъ насъ съ типами дальняго востока:—піонерами, китобойцами, корейцами, охотниками, хищниками, золотоискателями, инородцами, бродягами, каторжниками,—онъ обращается въ новомъ своемъ сочиненіи къ политическимъ вопросамъ и изслѣдуетъ наши отношенія къ Китаю, Японіи, Кореѣ. Авторъ не останавливается на легендарномъ движеніи нашихъ казаковъ черезъ всю Сибирь къ Тихому океану. Онъ находитъ, что ни Камчатка, ни Амуръ съ Николаевскимъ портомъ не могутъ удовлетворить государственнымъ нуждамъ имперіи, и является неотложная потребность приблизиться къ Китайскому морю; для этого необходимъ аванпостъ—незамерзаемый портъ. Сахалина и Владивостока недостаточно. Авторъ находитъ, что намъ необходимо имѣть открытую дверь въ Великій океанъ, потому что только съ крайняго востока мы можемъ угрожать англійскимъ колоніямъ и ихъ торговлѣ. Онъ полагаетъ, что мы сталкиваемся съ англичанами во всѣхъ пунктахъ земнаго шара, и видитъ въ этомъ что-то роковое, хотя это не болѣе, какъ придирчивость и недобросовѣстность націи, одинаково недружелюбно относящейся ко всѣмъ державамъ; къ намъ же больше всего, потому что она слабѣе насъ на сухомъ пути и сильнѣе—на морѣ. Что же касается до того, чтобы мы серьезно повредили военному флоту и торговлѣ Англіи, то, даже въ случаѣ самой неудачной для нея войны, ея морскія силы будутъ далеко превосходить наши. Дѣло не въ портахъ южно-уссурійскаго края, а въ томъ, сколько кораблей будетъ защищать ихъ. Говорить, что политическая задача Англіи—«окончательное изгнаніе Россіи съ береговъ Великаго океа-

Digitized by Google

на»—нельзя такъ опредѣлительно. До осуществленія этихъ pia desideria еще очень далеко. Общій выводъ автора состоитъ въ томъ, что онъ желаетъ «отстранить англійскія объятія, которыя скорѣе задушатъ, чѣмъ понѣжатъ». Но «нѣжничанья» мы и не просимъ, а задушить насъ все таки мудрено.

Басни Крылова. Полное собраніе, съ біографіей. 1895.

Къ полувѣковой годовщинѣ смерти великаго баснописца, А. С. Суворинъ выпустилъ въ свѣтъ вполнѣ удовлетворительное полное собраніе басенъ Крылова. Томъ слишкомъ въ 300 страницъ крупнаго, четкаго шрифта, съ подробной, вполнѣ обстоятельной біографіей, портретами Крылова, съ изображеніями его памятника, могилы и съ 27-мью рисунками къ его баснямъ стоитъ 65 коп. Это уже не спекуляція, а цѣнный вкладъ въ исторію книжнаго русскаго дѣла. Намъ, конечно, хотѣлось бы видѣть больше біографическихъ подробностей и коментаріевъ къ баснямъ, для чего могли бы служить изслѣдованія г. Кеневича и др. критиковъ. Въ біографіи хотѣлось бы имѣть болѣе тонкую этическую оцѣнку Крылова, какъ баснописца и человѣка. Любопытно было бы сравнить двухъ кровныхъ русскихъ людей и писателей, какъ Крыловъ и Грибоѣдовъ, статей о которомъ явилось немало въ журналистикѣ по поводу столѣтней годовщины его рожденія. Ни одна европейская литература не представляетъ такихъ самобытныхъ, самородныхъ писателей, представителей народнаго духа въ разныхъ слояхъ, и не только въ извѣстную короткую эпоху, но и обнимающую болѣшой періодъ времени. Типы Грибоѣдова мало измѣнились, со времени ихъ созданія, въ нашемъ среднемъ и чиновничьемъ обществѣ. Крыловскій простолюдинъ съ его здравымъ юморомъ также долго не измѣнится. Басня принадлежитъ, конечно, къ числу первобытныхъ формъ литературныхъ произведеній, но басни Крылова отличаются такимъ своеобразнымъ, исключительнымъ духомъ, что послѣ него уже не многіе рѣшались обращаться къ этому роду творчества. Теперь о баснописцахъ уже совсѣмъ ничего не слышно, да и типы басенъ прежнихъ націй—индусовъ, персовъ, арабовъ—у которыхъ развивался этотъ аллегорическій способъ выраженія мыслей, слишкомъ далеки отъ европейскихъ подражателей, и вовсе ужь не подходятъ къ формѣ русской, особенно крыловской, басни. Та же идея, то же нравоученіе являются у насъ совершенно другими, оригинальными, и сравненіе ихъ съ первоисточниками и съ европейскими подражаніями было бы очень любопытно. Но понятно, что такого труда мы не имѣемъ права требовать отъ чисто популярнаго суворинскаго изданія.

Фабрика. Что она даетъ населенію и что она у него беретъ. *Е. М. Дементьева.*

Авторъ книги—одинъ изъ санитарныхъ врачей московскаго земства—изслѣдуетъ экономическія условія жизни рабочихъ въ трехъ промышлен-

Digitized by Google

ныхъ уѣздахъ московской губерніи: серпуховскомъ, коломенскомъ и бронницкомъ. Трудъ г. Дементьева раздѣленъ на 4 главы, изъ которыхъ въ первой уясняется связь фабричныхъ рабочихъ съ земледѣліемъ, вторая— посвящена выясненію количества работы на фабрикахъ; въ третьей опредѣляется высота заработной платы фабричныхъ рабочихъ и въ четвертой говорится о вліяніи фабрикъ на физическія качества населенія.

Что касается вопроса о связи фабричныхъ рабочихъ съ землею, то г. Дементьевъ приходитъ къ тому выводу, что механическое фабричное производство имѣетъ явную тенденцію отрывать крестьянское населеніе отъ земледѣлія и лишь по очень немногимъ производствамъ фабрики сохраняютъ свой прежній, обычный когда-то для нашихъ фабрикъ, характеръ заведеній, гдѣ населеніе работало лишь въ теченіе того времени въ году, которое остается отъ главнаго занятія земледѣліемъ. Такой характеръ сохраняютъ рогожныя фабрики, на которыхъ рабочіе остаются преимущественно полгода и во всякомъ случаѣ не болѣе 8 мѣсяцевъ. Такой же характеръ сохранили еще мелкія фабрики, стоящія на рубежѣ кустарныхъ заведеній, каковы: мелкія ткацкія, канительныя, фарфоро-живописныя и другія. Но какъ только эти же фабрики расширяются до болѣе крупныхъ заведеній, тотчасъ же начинаетъ замѣчаться вліяніе капитализма: на крупныхъ ткацкихъ фабрикахъ $^1/_4$ рабочихъ уже вовсе не уходитъ на полевыя работы и круглый годъ остается на фабрикахъ. Разсматривая же количество работы на русскихъ фабрикахъ, авторъ приходитъ, на основаніи полученнаго имъ сыраго матеріала, къ весьма печальнымъ заключеніямъ. Именно оказывается, что *нашъ рабочій, поставленный въ худшія санитарныя условія* (тѣснота помѣщеній, качество воздуха въ нихъ, степень чистоты содержанія, качество и количество пищи) *работаетъ значительно больше англійскаго и американскаго фабричнаго*, причемъ обильное количество нашихъ праздничныхъ дней не только не облегчаетъ этого труда, но весьма гибельно вліяетъ на рабочихъ; между тѣмъ какъ въ Америкѣ и въ Англіи трудъ фабричныхъ рабочихъ не только меньше, чѣмъ у насъ, но и болѣе правильно распредѣленъ, въ чередованіи съ отдыхомъ, и по времени года, и по времени дня. Переходя затѣмъ къ опредѣленію высоты заработной платы, г. Дементьевъ находитъ, что у насъ обезпеченіе существованія есть минимумъ, спасающій лишь отъ голода, такъ какъ заработокъ фабричнаго даетъ ему возможность только существовать полуживотною жизнью, и жизнь нашего рабочаго втрое хуже, чѣмъ жизнь рабочаго въ Массачузетсѣ. Совокупность всѣхъ этихъ неблагопріятныхъ условій жизни выражается у нашихъ фабричныхъ рабочихъ вымираніемъ всѣхъ, кто не отличается особою крѣпостью и выносливостью отъ рожденія. Изъ всего изслѣдованія экономическихъ условій жизни фабричныхъ рабочихъ, авторъ заключаетъ, что крестьяне являются по численности главнымъ сословіемъ,

Digitized by Google

входящимъ въ составъ ихъ, такъ какъ остальныя сословія даютъ лишь 8,5%; эти крестьяне, работающіе на фабрикахъ и оторванные отъ земледѣлія, очень нерѣдко недостаточностью надѣла и полнымъ упадкомъ сельскаго хозяйства, образуютъ спеціальный классъ фабричныхъ рабочихъ, хотя и носящій по прежнему свое названіе, но не имѣющій съ крестьянами-землевладѣльцами почти ничего общаго. Оставивъ свои убогія покривившіяся избенки, крестьяне-рабочіе попадаютъ на монументальную фабрику, гдѣ ихъ ожидаетъ физическая и нравственная гибель отъ ночнаго труда, истощающаго до крайности силы рабочихъ, отъ разврата и пьянства. Отдавая фабрикѣ всѣ свои силы и самую жизнь, рабочій получаетъ отъ нея только то, что необходимо для его обезпеченія отъ голодной смерти, въ теченіе тяжкаго и непродолжительнаго его существованія. Результаты плачевные! А г. Иловайскій еще пожаловалъ въ Петербургъ—ходатайствовать о новыхъ льготахъ для русской промышленности, и безъ того успѣшно отрывающей народъ отъ обработки родимой земли, съ тѣмъ чтобы свести его, въ скорѣйшемъ времени, въ сырую землю на чужой сторонѣ...

Книга г. Дементьева читается съ большимъ интересомъ и мы желаемъ ей возможно бо̀льшаго распространенія въ публикѣ. Не только простые читатели, но и многіе изъ нашихъ *компетентныхъ* писателей, нерѣдко представляютъ себѣ фабричную жизнь далеко не въ томъ видѣ, въ какомъ она является въ дѣйствительности. Пора, наконецъ, намъ отдѣлаться отъ ложной мысли, что спасеніе наше—въ распространеніи фабрикъ и что ихъ процвѣтаніе есть вѣрный указатель общественнаго благосостоянія.

Русскіе символисты. Выпускъ 1-й и 2-й. Москва. 1894 г.

«Нисколько не желая отдавать особаго предпочтенія символизму и не считая его, какъ это дѣлаютъ увлекающіеся послѣдователи, «поэзіей будущаго», я просто считаю, что и символическая поэзія имѣетъ свой raison d'être»—такими благожелательными словами напутствуетъ снисходительный издатель первый выпускъ стихотвореній русскихъ символистовъ, предупредительно обѣщая читателямъ, по мѣрѣ накопленія матеріала, выпускать въ свѣтъ «слѣдующіе». Къ счастью, накопленіе матеріала происходитъ довольно туго, и прошлый годъ подарилъ намъ только два тощихъ выпуска—одинъ въ 44, другой въ 50 стр.—неравнаго достоинства. Въ первомъ выпускѣ чаще попадаются стихотворенія, въ которыхъ, среди символическихъ вывертовъ и уродливыхъ сочетаній словъ, можно встрѣтить еще хоть какую нибудь человѣческую мысль; во второмъ—ихъ значительно меньше, а потому второй выпускъ надо считать *лучшимъ*, въ виду того, что онъ полнѣе и *лучше* отражаетъ нелѣпую сущность символизма. Въ чемъ заключаются прелести «русскаго» символизма,—сіяющаго, къ слову сказать, заимствованнымъ свѣтомъ,—читатели увидятъ ниже, а пока мы спросимъ: долго ли будетъ тянуться въ изнервничавшемся обществѣ эта неприми-

Digitized by Google

римая война противъ здраваго смысла, наряду со стремленіемъ къ неестественному и туманному, въ сторону мистицизма и похотливости? О символизмѣ вообще, какъ о поэзіи туманныхъ намековъ и изысканныхъ ощущеній, можно говорить только, какъ о тяжелой болѣзни, которой заболѣло искусство въ концѣ девятнадцатаго вѣка. Вотъ почему, вполнѣ признавая патологическую законность символизма, мы съ ужасомъ взираемъ на его болѣзненные симптомы и съ нетерпѣніемъ ожидаемъ выздоровленія — единственно возможнаго исхода для никогда не умирающаго, вѣчно-прекраснаго и разумнаго искусства.

Что́ касается «русскихъ символистовъ» (размножающихся, по народному выраженію, «какъ блохи изъ пыли»), то о нихъ странно и говорить въ серьезъ. Полное непониманіе природы искусства, дѣтская незрѣлость мысли и возмутительная безграмотность краснорѣчиво говорятъ за себя въ этихъ выпускахъ. Вотъ образчики наудачу: «струны *ржавѣютъ* подъ мокрой рукой...», «черной полоскою крестъ тонетъ *въ* темнѣющемъ фонѣ...»; «я шепчу слова привѣта *для* послѣдняго прости...»; «дай *по* плечамъ отдохнуть змѣямъ *распущéнныхъ* кудрей...» et caetera, не говоря уже о грубыхъ и некрасивыхъ оборотахъ, которыхъ не перечесть. Изъ всѣхъ поэтовъ, украсившихъ своими произведеніями два выпуска «русскихъ символистовъ», только г. Валерій Брюсовъ, какъ версификаторъ, подаетъ кой-какія слабыя надежды, остальные—безнадежно тупы.

Въ заключеніе, для удовольствія читателей, приведемъ въ подлинникѣ одинъ изъ символическихъ перловъ:

Въ гармоніи тѣни мелькнуло безуміе.
Померкли аккорды мечтательныхъ линій,
И громкія краски сгустились угрюмѣе,
Сливаясь *въ напьвъ темно-синій* (?!)

Былое сверкаетъ въ душѣ отголосками;
Въ туманѣ погасшихъ столѣтій зигзаги,
И въ мутной дали очертаньями плоскими
Рисуются отблески саги.

Читатель въ совершенномъ недоумѣніи — «что сей сонъ значитъ»? Если можно говорить о «темно-синихъ напѣвахъ», то почему не потолковать о «водянистомъ огнѣ», о «сухомъ пуншѣ», о «мѣдныхъ операхъ» и «бемольныхъ кастрюляхъ»? Очевидно, для изобрѣтательности символическаго языка нѣтъ предѣловъ.

Лирика и антологія русскихъ поэтовъ. Сборникъ стихотвореній. Изданіе *П. Порфирова*. Спб. 1895 г.

Появленіе умѣло и разнообразно составленнаго сборника стихотвореній, въ которомъ составители руководствовались бы не предвзятыми тенденціями, а только качествомъ матеріала, безусловно желательно въ наше

Digitized by Google

время—сумеречное и переходное, — породившее цѣлую тьму какихъ-то жалкихъ метромановъ и поэтовъ-декадентовъ съ разнузданнымъ воображеніемъ и атрофированнымъ разсудкомъ, облыжно именующихъ себя «провозвѣстниками новаго теченія». Пора открыть, наконецъ, сокровищницу поэзіи предъ читающей публикой и, выбравъ оттуда лучшія вещи, показать, какъ цѣнно ея достояніе. Только слѣпые не увидятъ, насколько велика разница между художественнымъ наслѣдіемъ, оставленнымъ поэтами-предшественниками, и тѣмъ желтымъ пескомъ, который мечетъ на берегъ волна современности и который близорукіе принимаютъ за золотую россыпь. Каждая попытка собрать воедино перлы поэзіи уже сама по себѣ заслуживаетъ если не одобренія, то вниманія, хотя бы эта попытка и не была свободна отъ недостатковъ, неизбѣжныхъ при такой работѣ, гдѣ критеріемъ является индивидуальное представленіе о красотѣ, а выборомъ руководитъ личный вкусъ, обусловленный степенью эстетическаго развитія.

Такою желательной попыткой представляется новый сборникъ стихотвореній подъ заглавіемъ: «Лирика и антологія русскихъ поэтовъ», изданный съ внѣшней стороны очень изящно и очень тщательно—въ корректурномъ отношеніи; а это слѣдуетъ считать несомнѣннымъ достоинствомъ, особенно въ стихотворныхъ сборникахъ. Что касается самого матеріала, то въ сборникахъ подобнаго рода на первомъ планѣ стоитъ вопросъ относительно группировки. Въ предисловіи къ «Лирикѣ и антологіи» составители туманно объясняютъ, что они «расположили пьесы по временамъ года, остальныя же стихотворенія чисто-лирическія и антологическія—старались такъ сгруппировать около нихъ, чтобъ не получилось дисгармоніи и однообразія (?!)». Однако, при обиліи стихотворнаго матеріала, классифицировать стихотворенія «по временамъ года» болѣе, чѣмъ рискованно. Чтобы получить возможность лирическія стихотворенія распредѣлять соотвѣтственно той или иной порѣ года, приходится волей-неволей произвольно навязывать веснѣ—жизнерадостность, лѣту—полноту счастья, осени—тихую грусть, а зимѣ—черную меланхолію. При этомъ невольно возникаетъ вопросъ, куда же отнести стихотворенія антологическія; къ какому времени года, во избѣжаніе «дисгармоніи», причислить «Венеру Милосскую» Фета или «Искусство» Майкова?.. Какъ разрѣшили бы составители подобный вопросъ, мы не знаемъ, такъ какъ ни того, ни другаго стихотворенія въ книжкѣ не отыскалось. Неправильно поставленная классификація оказалась чреватой многими печальными послѣдствіями. Читатель, желающій отыскать весеннее, но грустное стихотвореніе по неволѣ станетъ втупикъ: грустное стихотвореніе слѣдуетъ искать «въ другой опереѣ»—среди «зимнихъ»... Это—вообще; обратимся къ частностямъ: на 253 стр. помѣщено «Зимнее утро» Пушкина, а значительно ниже, на стр. 293, такъ сказать, въ самомъ разгарѣ зимы, читаемъ: «сошлись мы порою *осен-*

Digitized by Google

ней». Къ зимнимъ отнесены также почему-то «*Мухи*» Апухтина, наперекоръ всякимъ законамъ природы. На 233 стр., въ сосѣдствѣ очутились два стихотворенія, изъ которыхъ одно описываетъ лѣтній пейзажъ, а другое—осенній. На 149 стр., въ числѣ «лѣтнихъ» помѣщено такое глубоко пессимистическое стихотвореніе, какъ «Я цѣловалъ ее и въ очи, и въ уста», описывающее прощаніе съ трупомъ возлюбленной. Подобныхъ неточностей можно было бы привести много; къ тому же замѣтимъ, что стихотворенія весеннія, лѣтнія, осеннія и зимнія ничѣмъ ровно не разграничены и читателю приходится отыскивать ихъ наугадъ, по вдохновенію.

Остается еще сказать о выборѣ самого матеріала. Прежде всего, нельзя не отмѣтить того отраднаго явленія, что выборъ производился по первоисточникамъ, а не по предшествующимъ сборникамъ, благодаря чему нѣкоторыя стихотворенія, помѣщенныя въ давно забытыхъ книжкахъ старыхъ журналахъ и отдѣльныхъ сборникахъ, появляются въ «Лирикѣ и антологіи» впервые, возставая такимъ образомъ изъ незаслуженнаго забвенія. Укажемъ хотя бы на упомянутое стихотвореніе Грекова: «Я цѣловалъ ее и въ очи, и въ уста», и Н. Станкевича: «Мгновеніе». Зато такія стихотворенія, какъ «Боязнь» Якубовича, «Да, много было насъ», Павловой, Сонетъ М. Лохвицкой и почти всѣ стихи П. Ковалевскаго, съ большой пользой для сборника, могли бы быть выброшены. Точно также ничѣмъ не объяснимо появленіе имени митрополита Филарета среди именъ поэтовъ. Зачѣмъ, для чего была потревожена тѣнь митрополита? Или составители думаютъ, что перифразъ пушкинской «Жизни» въ самомъ дѣлѣ—«хорошее стихотвореніе»? Преимущественное вниманіе въ сборникѣ обращено, какъ и слѣдуетъ, на корифеевъ нашей поэзіи, хотя, право, большою дерзостью было выбирать изъ стихотвореній Пушкина и Лермонтова — «лучшія». Намъ кажется, что, освятивъ сборникъ двумя шедеврами великихъ поэтовъ, поставленными во главѣ сборника, слѣдовало бы удѣлить больше мѣста внимательно выбраннымъ пьесамъ поэтовъ послѣдующихъ поколѣній, но только *внимательно* выбраннымъ. Въ сборникѣ, напримѣръ, Тютчевъ представленъ не полно, и къ тому же не лучшими своими произведеніями. Весеннее стихотвореніе: «Еще въ поляхъ бѣлѣетъ снѣгъ» можно было бы замѣнить болѣе яркимъ и красивымъ: «Сіяетъ солнце, воды блещутъ»; вмѣсто вычурнаго: «Конченъ пиръ, умолкли хоры», слѣдовало бы помѣстить необыкновенно-поэтичное: «Ночное небо такъ угрюмо»... Для мрачной, философски-отвлеченной поэзіи Баратынскаго вовсе не характерно стихотворенія: «Небо Италіи, небо Торквата», зато прекраснаго и чрезвычайно характернаго для Баратынскаго: «На что вы дни»? въ сборникѣ не оказалось къ нашему великому изумленію.

Обращая вниманіе читателей на этотъ сборникъ, мы надѣемся, что составители, при слѣдующемъ изданіи, обратятъ вниманіе на указанные

Digitized by Google

недостатки и постараются исправить ихъ, въ виду той благой и симпатичной цѣли, которой они посвятили свой сборникъ, какъ противовѣсъ «декадентству»—этому нелѣпому фокусничеству поэзіи, занесенному къ намъ изъ Франціи и самобытно, «до чортиковъ», усвоенному нашими неискусными подражателями.

М. Молло. **Правила адвокатской профессіи во Франціи.** Изданіе Н. П. Шубинскаго. Москва, 1894 г.

Странное впечатлѣніе производитъ прекрасная книга Молло, изданная впервые въ 1842 г. и только теперь, слишкомъ 50 лѣтъ спустя, переведенная на русскій языкъ. Съ одной стороны, воззрѣнія автора кажутся намъ нѣсколько устарѣвшими и даже забавными, когда, напр., въ главѣ объ общихъ обязанностяхъ адвокатовъ, онъ, тономъ законодателя, говоритъ, что адвокатъ долженъ носить всегда черные панталоны и бѣлый галстукъ, и что подъ мантіей его осанка должна представляться всегда серьезной (стр. 16); а съ другой стороны, намъ приходится съ грустью признать, что благородные принципы Молло находятся въ полномъ противорѣчіи съ нравами современныхъ русскихъ адвокатовъ.—Едва ли кто нибудь, приглядѣвшійся къ нашимъ нравамъ, согласится съ авторомъ, что скромность составляетъ одно изъ украшеній современной адвокатуры (стр. 9). Здѣсь невольно вспоминается случай съ однимъ извѣстнымъ адвокатомъ, расхвалившимъ свою же собственную рѣчь въ спеціальной телеграммѣ, адресованной въ одну «дружественную» редакцію, которая и не замедлила воспроизвести злополучную депешу съ подписью ея отправителя.—Не забыла, надо полагать, петербургская публика и того адвоката, который на модныхъ гуляньяхъ появлялся передъ нею въ черкесскомъ костюмѣ, верхомъ, какъ не забыла и процессовъ, въ которыхъ присяжные защитники, къ общему изумленію, очутились на скамьѣ подсудимыхъ. Корпорація присяжныхъ повѣренныхъ находится у насъ если не въ стадіи полнаго упадка, то, по крайней мѣрѣ, въ «стадіи образованія». Въ интересахъ общества и правосудія слѣдуетъ пожелать, чтобы это переходное состояніе скорѣе закончилось, и чтобы единственная у насъ, признанная закономъ, «свободная корпорація» выработала, наконецъ, себѣ принципы, которые, поставивъ ее выше общаго уровня, дали бы ей возможность бороться съ неблагопріятными внѣшними вліяніями, со всеобщимъ стремленіемъ къ наживѣ, съ шаткостью убѣжденій—и съ честью служить исключительно дѣлу правосудія.—Необходимо, чтобы установилось при этомъ болѣе тѣсное общеніе магистратуры съ адвокатурой, чтобы судьи могли смотрѣть на адвокатовъ, какъ на своихъ необходимыхъ сотрудниковъ. Какъ видно изъ книги Молло, во Франціи такое сознаніе единства задачъ адвокатуры и магистратуры уже давно и очень прочно установилось. Такъ напр., старшій предсѣдатель парламента Бельевръ, въ отвѣтъ на повелѣніе Людовика XIV, желавшаго унизить

Digitized by Google

адвокатовъ и разрѣшившаго поэтому прокурорамъ веденіе дѣлъ даже въ въ апелляціонныхъ судахъ, поставивъ на видъ этому гордому и не терпѣвшему противорѣчій королю, что при подобныхъ условіяхъ—«дѣла его подданныхъ будутъ защищаться плохо». И декларація Людовика XIV осталась неисполненной. Остается пожелать, чтобы и у насъ, съ одной стороны, скорѣе поняли всю необходимость существованія свободной корпораціи присяжныхъ повѣренныхъ, безъ которой немыслимо послѣдовательное проведеніе состязательнаго начала въ процессѣ; а съ другой—не превращали эту свободу въ «свободу сутяжничества и гешефтмахерства». Издатель книги Молло, г. Шубинскій очень кстати, въ виду предстоящей реорганизаціи адвокатуры, въ небольшой вступительной статьѣ далъ краткій очеркъ современнаго положенія русской адвокатуры и высказалъ свои пожеланія относительно предстоящихъ реформъ. Полнаго сочувствія заслуживаетъ мысль издателя о созывѣ «періодическихъ съѣздовъ представителей адвокатскихъ корпорацій для обсужденія общихъ сословныхъ вопросовъ», но только прежде слѣдовало бы пожелать, чтобы были открыты совѣты присяжныхъ повѣренныхъ при кіевской, варшавской, одесской, казанской, саратовской и другихъ судебныхъ палатахъ, и введена корпоративная организація и отвѣтственность тамъ, гдѣ ихъ пока еще нѣтъ. Въ общемъ—книга Молло издана очень хорошо, во-время, и заслуживаетъ вниманія всѣхъ интересующихся вопросами адвокатской этики и корпоративнаго устройства.

Digitized by Google

НАШИ ВНУТРЕННІЯ ДѢЛА.

Тяжелыя условія, при которыхъ началось царствованіе Александра III.—Враги Россіи — анархизмъ и реакція.—Какъ воспользовалась реакціонная печать катастрофой 1 марта?—Россія—на пути спокойнаго развитія.—Нужды Россіи и отношеніе къ нимъ правительственной власти.—Государственная роспись доходовъ и расходовъ на 1895 годъ и общіе взгляды министра финансовъ на экономическое состояніе страны въ теченіе послѣднихъ 13 лѣтъ.—Мысль министра финансовъ о разительныхъ успѣхахъ Россіи во всѣхъ областяхъ ея внутренней жизни.—Ошибки нашей экономической и финансовой политики въ прошломъ.—Какія причины привели насъ къ современному земледѣльческому кризису?—Правильно ли распредѣлены различныя государственныя задачи между нашими министерствами?—Какія послѣдствія даетъ неправильное опредѣленіе компетенціи отдѣльныхъ министерствъ?--Основная задача министерства финансовъ—уравненіе податной тяжести между различными классами.—Подоходный налогъ и его исторія въ Россіи.

Императоръ Александръ III вступилъ на престолъ при самыхъ тяжелыхъ условіяхъ: Россія, потрясенная катастрофою 1-го марта, со страхомъ думала о своемъ будущемъ. И было о чемъ подумать! Накопившіеся въ обществѣ неблагонадежные элементы такъ дерзко напоминали о своемъ существованіи, что страшно становилось за общественную безопасность. Рядомъ съ этимъ грозящимъ зломъ, на всѣхъ парахъ неслась реакціонная сила, старавшаяся заподозрить *всю печать* и все *передовое русское общество*,—которое горячо и искренно сочувствовало реформамъ прошлаго царствованія,—въ тайномъ союзѣ съ анархистами. Такой политикой реакціонная печать разомъ достигала двухъ цѣлей: она, во-первыхъ, получала исключительную привилегію на благонамѣренность и патріотизмъ, отрицая существованіе и той, и другаго во враждебной ей печати и въ обществѣ; а, во-вторыхъ—она дискредитировала великія реформы Александра II, подъ которыя подкапывалась съ самаго начала ихъ осуществленія. «Забывъ совѣсть и стыдъ,—писали мы своевременно, — ретроградная печать объединила съ анархистами поголовно всѣхъ, сочувствовавшихъ реформамъ прошлаго царствованія; все, что̀ носитъ въ себѣ задатки улучшенія и дальнѣйшаго развитія, приравнивалось ею къ революціоннымъ стремленіямъ, къ ниспроверженію существующаго порядка и ставилось заурядъ съ государственными преступленіями». Надо сказать откровенно: реакціонная печать, дѣйствовавшая противъ обновившихъ Россію началъ и тщетно хлопотавшая прежде о монополіи благонамѣренности и любви къ отечеству, послѣ потрясающей катастрофы 1-го марта, дѣйстви-

Digitized by Google

тельно затормозила практическое примѣненіе реформъ Александра II и парализовала вліяніе просвѣщенной части русскаго общества,—не имѣвшей ничего общаго съ анархистами,—на ходъ внутренней жизни Россіи. Враги Россіи, дерзнувшіе поднять руку на великаго Царя-Освободителя, оказали громадную услугу другимъ врагамъ Россіи, стремившимся затормозить поступательное ея движеніе. Тяжелыя условія необходимой «усиленной охраны», шумный и страстный азартъ реакціонеровъ печати, общее уныніе и духовная придавленность—были ближайшими результатами кроваваго событія 1-го марта.

Александръ III принялъ Россію разслабленною, изнывающею подъ вліяніемъ внутреннихъ враговъ—анархіи и реакціонной печати; мало этого, значеніе нашего отечества въ глазахъ западной Европы въ то время было не высоко, такъ какъ Россія, державшаяся космополитическаго направленія во внѣшнихъ дѣлахъ, не отличалась самостоятельностью въ международныхъ отношеніяхъ. Императоръ Александръ III радикально измѣнилъ взглядъ Европы на наше государство. Что же касается условій внутренней жизни, то Россія, тринадцать лѣтъ тому назадъ, рѣшительно не напоминала современную намъ Россію. И, въ самомъ дѣлѣ, анархическое движеніе теперь совершенно подавлено, наше отечество живетъ спокойною жизнью, значительная часть нашей печати вполнѣ доказала не только свое несочувствіе, но и рѣшительное презрѣніе къ дикому произволу анархіи; мысли реакціонной печати цитируются у насъ больше для курьеза; наконецъ, возстановлена репутація русской интеллигенціи, этой первой помощницы государственной власти во всѣхъ ея прогрессивныхъ начинаніяхъ.

Теперь, когда Россія снова поставлена на правильный путь спокойнаго и мирнаго развитія, когда въ ней очищена и подготовлена почва для насажденія началъ добра и справедливости,—судьба нашего отечества оказалась въ рукахъ молодаго, полнаго силъ монарха, любящаго Россію также, какъ любилъ ее, въ Бозѣ почившій, незабвенный его Родитель. При всѣхъ этихъ условіяхъ, будущее Россіи представляется намъ свѣтлымъ и утѣшительнымъ. И, въ дѣйствительности, въ современномъ положеніи нашего отечества есть много такихъ условій, которыя невольно вселяютъ не только надежду, но даже увѣренность, что передъ нами стелется благословенное будущее.

Въ судьбѣ самодержавныхъ монархій личность царя имѣетъ вообще громадное значеніе; въ Россіи же государственная власть можетъ сдѣлать больше, чѣмъ гдѣ либо. Она можетъ разрѣшить очень много капитальныхъ вопросовъ безъ насильственныхъ потрясеній, безъ капли крови. Стóитъ вспомнить только 19 февраля 1861 года. Эта великая реформа имѣла у насъ совершенно мирный и законный характеръ, тогда какъ въ западной Европѣ, гдѣ нѣтъ могущественнаго правительства,—нѣтъ и возможности тихо и мирно разрѣшить такіе вопросы огромной государственной важности, какъ, напр., освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, да еще *освобожденіе съ землею*. Для подтвержденія своей мысли, сошлемся хотя бы на извѣстный ирландскій вопросъ, мирное разрѣшеніе ко-

Digitized by Google

тораго встрѣчаетъ столько препятствій въ современной Англіи. Сила русскаго царя имѣетъ твердыя духовныя основанія, которыя зиждутся не на безмолвіи общества и невѣжествѣ народа, а на прочномъ фундаментѣ народнаго міросозерцанія. «Правда нашего самодержавія,—справедливо говорилъ извѣстный русскій публицистъ,—не можетъ и не должна бояться свѣта мысли, развитія умственнаго и духовнаго; она не на недоразумѣніяхъ основана, и не во тьмѣ коренится, а на отчетливомъ и свободномъ убѣжденіи всего народа». Въ представленіи народа царь есть хозяинъ русской земли, онъ—защитникъ слабыхъ, обиженныхъ, угнетенныхъ; онъ — носитель правды и добра. Если народъ видитъ проявленіе несправедливости, жестокости, онъ съ грустью говоритъ: «Эхъ, кабы о всемъ этомъ зналъ царь-батюшка»! Народъ сожалѣетъ, что царь не все знаетъ, иначе въ жизни не было бы, по его мнѣнію, зла и неправды. О томъ же сожалѣетъ и интеллигенція, а потому она и ищетъ спасительнаго свѣта мысли. «Для восполненія недостаточности единоличной власти,—говоритъ тотъ же публицистъ,—въ разумѣніи нуждъ и потребностей народныхъ, необходимо признать за обществомъ свободу мнѣнія, т. е. свободу мысли и слова». Русское государство, русская самодержавная монархія не имѣетъ ничего общаго ни съ азіатскимъ деспотизмомъ, ни съ нѣмецкимъ «полицейскимъ государствомъ», такъ какъ она не только совмѣстима, но и непремѣнно предполагаетъ свободу бытовой и духовной жизни народа: она есть союзъ свободной власти монарха съ свободнымъ мнѣніемъ народа.

Нашъ юный императоръ, руководимый мудростью и той чуткостью къ правдѣ, которая свойственна одной только молодости, прекрасно знаетъ, куда слѣдуетъ вести Россію; но, вѣрный народнымъ идеаламъ, онъ позволитъ, чтобы до него доходило свободное выраженіе дѣйствительныхъ нуждъ и потребностей стомилліоннаго, подчиненнаго его власти, народа,—выраженіе, не искаженное, конечно, своевольною передачею непризванныхъ прожектеровъ...

Главныя современныя нужды и потребности Россіи возникли не со вчерашняго дня: о нихъ писалось и говорилось, онѣ же являлись предметомъ заботъ правительственной власти, а потому намъ кажется весьма поучительнымъ—опредѣлить въ настоящее время какъ главныя нужды внутренней жизни нашего отечества, такъ и характеръ отношенія къ нимъ правительственной власти. Прежде всего, мы,—какъ и обѣщали въ предшествовавшемъ обозрѣніи,—обратимся къ нашей финансовой и экономической политикѣ и покажемъ ея вліяніе на народную жизнь. Съ этой цѣлью мы воспользуемся только что опубликованной росписью расходовъ и доходовъ на 1895 годъ и остановимся на общихъ мысляхъ министра финансовъ, высказанныхъ имъ во всеподданнѣйшемъ докладѣ.

1-го января наступившаго года, опубликованъ всеподданнѣйшій докладъ министра финансовъ о государственной росписи доходовъ и расходовъ на 1895 годъ. По этой росписи доходы вычислены: *обыкновенные*—въ 1.142.957,006 р., *чрезвычайные* (вклады въ Государственный Банкъ на вѣчное время)—2.000,000 р., *изъ свободной наличности казначейства* 69.421,024 р., всего 1.214.378,030 р.

Digitized by Google

Расходы же исчислены: *обыкновенные* въ 1.120.094,938 р., *чрезвычайные*—въ 92.122,783 р., *на вспомогательныя предпріятія*, связанныя съ постройкой сибирской желѣзной дороги, 2.160,309 р., всего 1.214.378,030 р. Такимъ образомъ, сумма ожидаемыхъ обыкновенныхъ государственныхъ доходовъ превышаетъ обыкновенные расходы на 22.862,068 р., которые обращаются на выполненіе части чрезвычайныхъ расходовъ. По сравненію съ росписью на 1894 годъ, обыкновенныхъ государственныхъ доходовъ ожидается болѣе на 138.133,720 р., расходовъ же предположено болѣе на 138.871,988 р. Но при этомъ нужно замѣтить, что къ государственной росписи на 1895 годъ впервые примѣнены установленныя высочайше утвержденнымъ 4-го іюня 1894 года мнѣніемъ государственнаго совѣта правила распредѣленія государственныхъ доходовъ и расходовъ на обыкновенные и чрезвычайные. Упомянутыя правила, по словамъ доклада, сдѣлали возможнымъ строгое разграниченіе чрезвычайныхъ государственныхъ потребностей отъ расходовъ, направляющихся къ удовлетворенію текущихъ требованій государственной жизни, и потому долженствующихъ относиться на обыкновенные источники государственныхъ доходовъ.

Изъ наиболѣе значительныхъ измѣненій, ожидаемыхъ въ доходныхъ поступленіяхъ, противъ росписи 1894 г., заслуживаютъ упоминанія слѣдующія. *По питейному доходу* ожидается увеличеніе на 9.845,000 р. *По сахарному доходу* предположено увеличеніе на 8.651,000 р. *Нефтяной доходъ* увеличенъ на 2.005,000 р., въ виду возрастающаго съ каждымъ годомъ потребленія керосина. *Таможенный доходъ* увеличенъ на 18.336,000 р., въ виду оживленія нашей внѣшней торговли и увеличенія пошлины на хлопокъ. *По пошлинамъ съ паспортовъ* ожидается уменьшеніе на 915,000 р. въ виду преобразованія съ 1 января 1895 г. паспортной системы на основаніи высочайшаго повелѣнія 3 іюня 1894 г. *Сборъ съ пассажировъ и грузовъ* большой скорости, перевозимыхъ по желѣзнымъ дорогамъ, уменьшенъ на 1.500,000 р. за послѣдовавшимъ съ 1 декабря 1894 г. значительнымъ пониженіемъ пассажирскихъ тарифовъ и уменьшеніемъ сбора съ провозной платы по билетамъ I и II классовъ съ 25% до 15%. *Въ пошлинахъ съ застрахованныхъ* отъ огня имуществъ ожидается сокращеніе на 2.000,000 р., въ виду предположеннаго пониженія этихъ пошлинъ. *Пошлинъ разныхъ наименованій* исчислено болѣе на 1.463,000 р. главнымъ образомъ вслѣдствіе предположеннаго установленія сбора съ проходящихъ чрезъ с.-петербургскій портъ товаровъ и увеличеніе за послѣднее время поступленія другихъ пошлинъ. *По мѣсному доходу* ожидается увеличеніе на 5.585,000 р. *Доходовъ отъ казенныхъ желѣзныхъ дорогъ* увеличилось на 73.908,000 р. главнымъ образомъ (на 63.993,000 р.) вслѣдствіе занесенія въ смѣту дохода отъ перешедшихъ въ казну желѣзныхъ дорогъ: николаевской, с.-петербурго-варшавской, московско-нижегородской, риго-орловской, лозово-севастопольской, новоторжской и ржево-вяземской. *По доходамъ отъ казенныхъ заводовъ и складовъ* ожидается увеличеніе на 10.849,000 р., главнымъ образомъ отъ включенія въ роспись дохода отъ казенной продажи вина въ пермской, уфимской, оренбургской и самарской

Digitized by Google

губерніяхъ. *Прибыли отъ участія казны въ доходахъ* частныхъ желѣзныхъ дорогъ уменьшены на 1.963,000 р. *Выкупныхъ платежей* ожидается болѣе на 5.776,000 р. *Обязательные платежи обществъ* желѣзныхъ дорогъ сокращены на 2.605,000 р.

Въ расходахъ замѣчаются слѣдующія измѣненія: *по смѣтѣ святѣйшаго синода* увеличено назначеніе на 1.042,000 р.; въ томъ числѣ на 750,000 р. на улучшеніе быта духовенства и на духовно-учебныя заведенія. *По министерству финансовъ* ассигнованы: 2.502,000 р. на устройство всероссійской выставки въ Нижнемъ-Новгородѣ, 8.840,000 р. на расходы по казенной продажѣ вина въ пермской, уфимской, оренбургской и самарской губерніяхъ 646,000 руб. на окончаніе подготовительныхъ работъ по этому дѣлу и 10.000,000 р. на подготовительныя мѣропріятія по введенію казенной продажи вина въ 25 западныхъ и юго-западныхъ губерніяхъ. *По министерству земледѣлія и государственныхъ имуществъ* кредиты увеличены на 2.545,000 р. *По министерству внутреннихъ дѣлъ* увеличены назначенія: на распространеніе телеграфныхъ линій на 300,000 р., на развитіе почтово-телеграфныхъ учрежденій на 636,000 р., на содержаніе учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ на 498,000 р. *По министерству народнаго просвѣщенія*, между прочимъ, усилены кредиты: на 136,000 р. на потребности университетовъ, на 601,000 р. на постройки, преимущественно для техническихъ и промышленныхъ училищъ, и на 480,000 р., на распространеніе низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній. *По министерству путей сообщенія* общее увеличеніе кредитовъ, за перенесеніемъ расходовъ, производившихся по чрезвычайной смѣтѣ, составляетъ 46.881,000 р.; эксплуатаціонные расходы казенныхъ желѣзныхъ дорогъ увеличены, въ зависимости отъ расширенія сѣти и усиленія движенія, на 45.270,000 р. и на 2.812,000 р. увеличено назначеніе на усиленіе и улучшеніе желѣзныхъ дорогъ. Заносимый въ государственную роспись *фондъ на непредвидимыя экстренныя надобности* увеличенъ на 2.000,000 р. *Чрезвычайныхъ расходовъ* предположено по росписи на 1895 г. на общую сумму 94.283,092 р., болѣе противъ 1894 г. на 46,569 р. Въ томъ числѣ предназначено: на постройку великой сибирской желѣзной дороги 49.816,515 р., на вспомогательныя предпріятія, связанныя съ постройкой этой дороги—2.160,309 р. и на сооруженіе другихъ желѣзныхъ дорогъ—42.306,268 рублей.

Кромѣ исчисленія доходовъ и расходовъ, всеподданнѣйшій докладъ министра финансовъ заключаетъ характеристику истекшаго 1894 года и подводитъ итоги прошлаго царствованія. Что касается 1894 года, то министръ считаетъ его неблагопріятнымъ, такъ какъ «этотъ годъ представлялъ сочетаніе исключительныхъ условій: — повсемѣстно высокаго урожая, обильныхъ запасовъ отъ предшествующаго, также урожайнаго года, и, какъ слѣдствіе этого, низкихъ цѣнъ на всѣ хлѣба. Къ этому еще необходимо прибавить угнетающее дѣйствіе на пшеничный рынокъ новаго поставщика, крайне быстро развившаго свои избытки пшеницы—Аргентинской республики. При этихъ условіяхъ, когда хлѣбныя цѣны достигаютъ такого низкаго уровня, у нѣкоторой части населенія появляется

Digitized by Google

столь угнетенное настроеніе, что обнаруживается даже склонность разсматривать обильные дары неба, какъ источникъ бѣдствія, угрожающаго на многіе годы», «Чрезвычайно низкія цѣны минувшаго года,—говоритъ министръ,—особенно тяжело отражаются на земледѣльческихъ странахъ, поставляющихъ свои избытки на международный рынокъ. Но степень угнетенности положенія этихъ странъ не одинакова въ зависимости отъ ихъ хозяйственно-бытовыхъ условій и общаго уровня экономическаго развитія. Въ этомъ отношеніи, наше отечество занимаетъ своеобразное положеніе среди прочихъ государствъ міра. Нынѣшній уровень хлѣбныхъ цѣнъ весьма неблагопріятно отражается на положеніи нашихъ сельскихъ хозяевъ, такъ какъ низкія цѣны во многихъ мѣстностяхъ не покрываютъ даже издержекъ производства, особенно тягостныхъ для хозяевъ, обремененныхъ ипотечными долговыми обязательствами и нуждающихся въ болѣе или менѣе значительномъ оборотномъ капиталѣ для веденія хозяйства».

Переходя затѣмъ къ выясненію общаго состоянія государства въ теченіе прошлаго царствованія, министръ финансовъ указываетъ на рядъ поразительныхъ успѣховъ, достигнутыхъ за этотъ краткій періодъ времени. «*Во всѣхъ областяхъ*,—говорится въ докладѣ,—*финансово-экономической жизни Россія сдѣлала въ минувшее царствованіе выдающіеся успѣхи*, обнаруживающіеся даже при самомъ бѣгломъ сравненіи положенія вещей въ 1881 году и нынѣ, по прошествіи всего тринадцати лѣтъ. Такъ въ финансовомъ хозяйствѣ, Россія за эти тринадцать лѣтъ весьма значительно подвинулась впередъ, какъ въ отношеніи развитія ресурсовъ страны для удовлетворенія государственныхъ потребностей, такъ и въ смыслѣ укорененія добрыхъ правилъ государственнаго домоводства». Охарактеризовать, хотя бы даже въ общихъ чертахъ, чрезвычайные успѣхи, обнаруженные въ минувшее царствованіе русскою промышленностью, по словамъ доклада, не представляется возможности,—такъ велики эти успѣхи. Въ области податной политики, въ минувшее царствованіе старательно проводилась мысль о соразмѣреніи податнаго бремени съ зажиточностью плательщиковъ. Несомнѣнно, что лишь при такой соразмѣрности дѣлается возможнымъ доведеніе обложенія до той степени напряженія, какая обусловливается объемомъ государственныхъ задачъ, подлежащихъ осуществленію. Что касается сельско-хозяйственнаго промысла, являющагося для громадной массы русскаго населенія основнымъ источникомъ существованія, то правительственныя заботы въ этомъ отношеніи клонились къ распространенію средствъ и урегулированію условій транспортнаго дѣла, къ развитію промышленныхъ центровъ, представляющихъ внутренніе рынки для сбыта сельско-хозяйственныхъ продуктовъ, къ воспособленію землевладѣльцамъ устройствомъ дешеваго долгосрочнаго и краткосрочнаго кредита; наконецъ, для широкаго воздѣйствія на отсталое состояніе сельско-хозяйственнаго промысла учреждено министерство земледѣлія. Въ отношеніи средствъ сообщенія, на ряду съ усиленными работами о распространеніи ихъ, въ минувшее царствованіе ясно обозначилась мысль о необходимости упорядоченія этого дѣла въ интересахъ общегосударственныхъ. Такъ, въ 1887

Digitized by Google

году состоялось принципіальное признаніе тарифнаго дѣла подлежащимъ правительственному руководительству и засимъ произошла передача тарифнаго дѣла въ вѣдѣніе министерства финансовъ. Съ другой стороны, выступила твердая рѣшимость сосредоточить бо́льшую часть желѣзнодорожной сѣти въ рукахъ правительства, дабы устранить отъ этого чрезвычайно важнаго дѣла преобладающее вліяніе частныхъ предпринимательскихъ интересовъ, весьма часто противорѣчащихъ выгодамъ общегосударственнымъ».

Давая общее обозрѣніе государственныхъ мѣръ, предпринятыхъ въ теченіе минувшаго царствованія, г. министръ замѣчаетъ, что «въ основныхъ вопросахъ государственной жизни еще не столь важно примѣненіе тѣхъ или другихъ системъ дѣйствій,—если только онѣ не явно неблагоразумны,—сколько устраненіе шатаній со стороны въ сторону, наносящихъ кровавыя раны государственному организму».

Мы не можемъ признать справедливой ту мысль доклада, что «въ основныхъ вопросахъ государственной жузни еще не столь важно примѣненіе тѣхъ или другихъ системъ дѣйствій,—если только онѣ не явно неблагоразумны,—сколько устраненіе шатаній со стороны въ сторону, наносящихъ кровавыя раны государственному организму». Не рекомендуя, конечно, неустойчивости экономической политики, мы думаемъ однако, что отъ лица, стоящаго во главѣ какого нибудь вѣдомства, мало ожидать постояннаго осуществленія одной опредѣленной программы: отъ него общество вправѣ ждать еще такой программы, которая не только однообразна, и «не явно неблагоразумна», но безусловно согласна съ народными интересами...

На страницахъ нашего журнала намъ не разъ приходилось указывать на недостатки дѣйствующей въ Россіи экономической и финансовой системы, живущей только настоящимъ

Digitized by Google

днемъ и предоставляющей заботы о будущемъ—самому будущему. Правда, что, при такой системѣ, быстрому воздѣйствію какъ будто бы поддаются всѣ стороны народной жизни и получается та радужная иллюзія, которую легко принять за дѣйствительное благополучіе. Но все это едва ли говоритъ въ пользу системы. Россія переживаетъ въ настоящее время довольно тяжелую минуту: возрастающія потребности государственной жизни не могутъ удовлетворяться на счетъ доходовъ отъ земледѣлія; а *новыхъ надежныхъ источниковъ для податнаго обложенія пока нѣтъ.* Останавливаясь передъ этимъ грустнымъ фактомъ, мы невольно обращаемся къ исторіи послѣднихъ 30-ти лѣтъ и находимъ въ ней причину современнаго тяжелаго состоянія. Великимъ законодательнымъ актомъ 1861 года десятки милліоновъ русскихъ крестьянъ получили личную независимость, хозяйственную самостоятельность и земельные надѣлы. Освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, какъ извѣстно, было произведено на выгодныхъ для помѣщиковъ основаніяхъ. Между тѣмъ, въ настоящее время мы замѣчаемъ одинаковое разореніе, какъ помѣщиковъ, такъ и крестьянъ. Помѣщичье хозяйство пало, не смотря на все покровительство, которымъ оно пользовалось въ послѣднее время, потому что помѣщику трудно было приспособиться къ новымъ условіямъ хозяйства, и онъ, въ большинствѣ случаевъ, оказался неподходящимъ къ роли кулака, которую ему пришлось играть, когда былъ ликвидированъ крѣпостной строй, а у помѣщичьяго класса отнятъ всякій земельный кредитъ. Кромѣ того, помѣщику недоставало, конечно, сельско-хозяйственныхъ знаній, разсчетливости и яснаго представленія вообще о правильномъ веденіи хозяйства. Въ деревнѣ, какъ извѣстно, помѣщикъ былъ замѣненъ «разночинцемъ», который, скупивъ помѣщичьи земли, выступилъ въ той роли дѣльца-эксплуататора, на которую оказался неспособнымъ дворянинъ. Не будучи земледѣльцемъ, разбогатѣвшій разночинецъ обратился въ крупнаго землевладѣльца и занялся не сельскимъ хозяйствомъ, а *торговлей землею.* Не чувствуя никакой любви къ земледѣлію, разночинецъ, замѣнившій собою дворянина и

Digitized by Google

расширившій свои владѣнія не только на счетъ дворянскихъ, но и крестьянскихъ земель, внесъ въ эту тихую и мирную промышленность торгашескія начала и взялъ въ тяжелую кабалу все деревенское населеніе. Кромѣ кулака-разночинца, на судьбу крестьянъ имѣли рѣшительное вліяніе и другія обстоятельства, вслѣдствіе которыхъ, вмѣстѣ съ помѣщичьимъ, разорилось и наше крестьянское хозяйство. Стоитъ вспомнить только, что крестьяне, при освобожденіи, лишались значительной части земли, находившейся въ ихъ фактическомъ владѣніи, потеряли право на пользованіе помѣщичьими выгонами и лѣсами; были обременены увеличенными подушными сборами и косвенными налогами, а также выкупными платежами, которые, вмѣстѣ съ другими, превосходили доходность надѣловъ; наконецъ, для крестьянъ навсегда исчезла помощь помѣщика, которая нѣкогда являлась къ нимъ во время голода и другихъ несчастій. Такимъ образомъ, основной источникъ государственныхъ финансовъ—земледѣліе—послѣ 19 февраля 1861 года, мало по малу оказался въ самыхъ ненормальныхъ условіяхъ, вслѣдствіе чего не только ухудшилось экономическое состояніе подавляющаго большинства русскаго населенія, но и государственный бюджетъ мало по малу лишился своей надежной опоры. Правда, правительству нашему казалось, что національное благосостояніе обусловливается процвѣтаніемъ крупной промышленности и торговли, а потому оно всѣми силами старалось покровительствовать *развитію крупныхъ торгово-промышленныхъ предпріятій*, но изъ этого покровительства, какъ извѣстно, ничего не вышло: крупная торговля и промышленность не создали сколько нибудь значительной поддержки государственнымъ финансамъ. Между тѣмъ, послѣ уничтоженія крѣпостнаго права, государство почувствовало крайнюю потребность въ увеличеніи своихъ денежныхъ средствъ. Оно и понятно. Съ 1861 года, Россія, вступивъ на путь обновленія, должна была не только развить свои военныя силы, но и улучшить пути сообщенія, преобразовать суды, создать мѣстное управленіе, народное образованіе и пр., и пр., а для всего этого нужны были, прежде всего, деньги. И вотъ, — за

Digitized by Google

отсутствіемъ другихъ крупныхъ источниковъ обложенія, — увеличившійся государственный бюджетъ обрушился всей своей тяжестью на мужицкія плечи. Не удовлетворенные своимъ земельнымъ надѣломъ, подъ бременемъ непосильныхъ податей, крестьяне чувствовали большую потребность въ землѣ, а такъ какъ земледѣльческая промышленность оставалась единственной крупной отраслью народнаго труда, то въ Россіи образовался *ненормальный болѣзненный спросъ на землю*, благодаря которому цѣны на нее возрастали съ каждымъ годомъ, и увеличеніе ихъ (къ восьмидесятымъ годамъ) достигло нѣсколькихъ сотъ процентовъ своей первоначальной величины. Всѣ эти условія привели, въ послѣднее время, къ полной убыточности земледѣльческаго промысла и доказали, что намъ некуда уже идти далѣе по этому пути. И, въ самомъ дѣлѣ, какую пестроту и какія глубокія противорѣчія заключаетъ въ себѣ экономическая жизнь Россіи! Наряду съ рѣшительнымъ покровительствомъ крупной фабрично-заводской промышленности, разоряющимъ сельское населеніе, идутъ серьезныя заботы о земледѣльческой промышленности, кустарныхъ промыслахъ—этихъ антагонистахъ крупнаго производства; — рядомъ съ воспособленіемъ мелкому землевладѣнію, идетъ усиленная поддержка крупнаго землевладѣльческаго хозяйства; рядомъ съ существенными жертвами, приносимыми крестьянскому хозяйству, рядомъ съ заботами о поднятіи производительности народнаго труда, мы находимъ полное игнорированіе интересовъ народнаго образованія и вопіющую несправедливость нашей податной системы. Трудно рѣшить, долго ли еще придется Россіи жить въ такихъ ненормальныхъ условіяхъ, но мы думаемъ, что одною изъ главныхъ причинъ такого тяжелаго положенія слѣдуетъ признать—неправильное распредѣленіе государственныхъ задачъ между различными министерствами.

Что касается до министерства финансовъ, то мы постараемся выяснить, какъ неблагопріятно отражается на экономическомъ

Digitized by Google

состояніи Россіи неправильное включеніе въ число предметовъ вѣдомства этого министерства такихъ вопросовъ, которые непосредственно касаются задачъ другихъ министерствъ. Начать съ того, что въ министерствѣ финансовъ сосредоточены не только фискальныя задачи, но и экономическія, вслѣдствіе чего министерство финансовъ, какъ спеціально фискальное учрежденіе, имѣетъ полную возможность приносить интересы экономическіе въ жертву фиску. Завѣдуя торговлей и заводско-фабричной промышленностью, министерство финансовъ видитъ народное благосостояніе въ процвѣтаніи торговли и промышленности, такъ какъ преобладающее значеніе въ нашемъ государственномъ бюджетѣ имѣютъ косвенные налоги, поступленіе которыхъ стоитъ въ прямой зависимости отъ размѣровъ торговли и промышленности. Заботясь о развитіи торговли и фабричной промышленности, министерство финансовъ ставитъ ихъ въ привилегированное положеніе, чрезъ что несправедливо увеличивается податное бремя, лежащее на другихъ отрастяхъ промышленности, а главное—на земледѣліи. Оно и понятно: торговля и промышленность поручены заботливости самого министерства финансовъ, а земледѣліе является для него чуждымъ, такъ какъ земледѣльческая промышленность находится въ другомъ министерствѣ. Такъ, еще недавно, при пересмотрѣ основаній торгово-промышленнаго обложенія, министерство финансовъ было больше озабочено устраненіемъ пестроты въ системѣ обложенія, чѣмъ введеніемъ въ эту систему дѣйствительно справедливыхъ началъ, начертанныхъ финансовой наукой и выработанныхъ финансовой практикой. Между тѣмъ, предстоящій пересмотръ законовъ, относящихся до обложенія торговли и промышленности, вполнѣ достигнетъ своей цѣли только тогда, когда онъ лишитъ крупную торговлю и промышленность, вспоенныя и вскормленныя подъ кровомъ таможеннаго тарифа, тѣхъ безобразныхъ льготъ, которыми пользовались онѣ, благодаря несовершенству нашего фискальнаго законодательства. Устраненіе вопіющихъ недостатковъ нашего промысловаго обложенія должно бы, по нашему мнѣнію, явиться глав-

Digitized by Google

ной задачей высочайше учрежденной комисіи В. И. Ковалевскаго, и нужно надѣяться, что у насъ, вопреки желаніямъ купечества будетъ наконецъ принята *система обложенія, соотвѣтствующая оборотамъ*, какъ болѣе близкая къ подоходному налогу, и будетъ устранена старая *патентная система*. Дѣло въ томъ, что пересмотръ промысловаго налога предпринятъ съ цѣлью облегченія податнаго бремени, лежащаго на земледѣліи, и лишенія нашей избалованной торгово-промышленной среды ничѣмъ не заслуженнаго ею привилегированнаго положенія. Эта цѣль никоимъ образомъ не можетъ быть достигнута при сохраненіи «патента», какъ свидѣтельства, дозволяющаго за извѣстную плату заниматься извѣстнымъ промысломъ, такъ что имъ уравниваются платежи съ промышленныхъ заведеній, весьма однородныхъ по характеру, но весьма различныхъ по своимъ оборотамъ. Патентъ не можетъ уловить и предусмотрѣть всѣхъ разновидностей промысловъ, а потому и цѣна его въ большинствѣ случаевъ не соотвѣтствуетъ торгово-промышленнымъ свойствамъ предпріятія, являясь иногда весьма высокой для мелкой торговли и слишкомъ ничтожной—для крупной. Все вышеизложенное убѣждаетъ насъ, насколько пристрастенъ взглядъ министерства финансовъ на экономическіе вопросы. Возьмемъ, однако, другой примѣръ. Съ 1883 года, у насъ учрежденъ крестьянскій банкъ, въ виду ясно обозначившагося обезземеленія крестьянъ и желанія правительства — обезпечить землею подростающее поколѣніе. Считая обезпеченность крестьянъ землею залогомъ государственнаго благоденствія и надежнымъ средствомъ противъ развитія у насъ величайшаго зла — безземельнаго пролетаріата — наше правительство взяло на себя задачу большой государственной важности — земельное устройство крестьянства — и создало спеціальное кредитное учрежденіе «для облегченія крестьянамъ всѣхъ наименованій способовъ къ покупкѣ земли въ тѣхъ случаяхъ, когда владѣльцы земель пожелаютъ продать, а крестьяне — пріобрѣсти оныя». Казалось, что крестьянскій банкъ, учрежденный для удовлетворенія насущной

Digitized by Google

нужды крестьянъ въ землѣ и для поднятія благосостоянія крестьянской массы, по своей идеѣ, долженъ былъ бы непремѣнно находиться въ вѣдомствѣ министерства земледѣлія, какъ главы аграрной политики въ странѣ; между тѣмъ, въ дѣйствительности крестьянскій банкъ приравненъ къ простымъ кредитнымъ учрежденіямъ и подчиненъ министерству финансовъ. Можно ли не видѣть въ этомъ страшной аномаліи и даже какой-то насмѣшки надъ цѣлями банка? Да вѣдь въ крестьянскомъ банкѣ финансовая сторона находится рѣшительно на заднемъ планѣ и совершенно стушевывается передъ *народно-хозяйственными задачами*. И, въ самомъ дѣлѣ, крестьянскій банкъ призванъ къ поземельному устройству крестьянскаго населенія, къ улучшенію крестьянскаго быта чрезъ расширеніе крестьянскаго землевладѣнія; онъ не простое ипотечное учрежденіе, дѣйствующее ради своихъ комерческихъ прибылей; его дѣятельность нельзя подчинять правиламъ частныхъ кредитныхъ учрежденій; онъ руководствуется не однимъ комерческимъ взглядомъ на свое дѣло—заботой о вѣрности и своевременности возврата ссудъ, объ обезпеченіи послѣднихъ цѣнностью земли и пр.,—а соображеніями народнаго интереса. Слѣдовательно, для крестьянскаго банка тяжелъ и неудобенъ надзоръ министерства финансовъ. Какъ учрежденіе, призванное поднять благосостояніе народа, крестьянскій банкъ долженъ въ подробности ознакомиться съ условіями отдѣльныхъ покупокъ крестьянами земли, съ ихъ выгодностью, съ предполагаемымъ устройствомъ хозяйства на пріобрѣтаемой землѣ, соотвѣтственностью количества покупаемой земли рабочимъ силамъ покупателей и пр., и пр. Такое вмѣшательство банка въ условія покупки вызывается не желаніемъ его обезпечить себѣ возвратъ ссуды, а, главнымъ образомъ, обязанностью его предотвращать убыточныя покупки для крестьянъ. Изъ этого намъ кажется очевидной необходимость подчиненія крестьянскаго банка министерству земледѣлія, и чѣмъ скорѣе совершится эта передача банка изъ финансоваго вѣдомства,—тѣмъ лучше.

Есть еще одинъ предметъ, неправильно отнесенный въ вѣдомство министерства финансовъ, это—частное желѣзнодорожное хозяйство. Всякому ясно, что завѣдываніе рельсовыми путями вообще является лишь частью общаго управленія путями сообщенія, между тѣмъ въ Россіи желѣзнодорожное дѣло разбито на двѣ части—частное и казенное — причемъ первое выдѣлено изъ предметовъ вѣдомства путей сообщенія. Но этого мало. Министерству финансовъ поручено даже завѣдываніе комерческою частью казенныхъ желѣзныхъ дорогъ, причемъ на это же вѣдомство возложено веденіе тарифной части казенной сѣти. Такимъ образомъ, въ Россіи не только отдѣльно вѣдаются частныя и казенныя дороги, въ двухъ отдѣльныхъ, взаимно равноправныхъ и самостоятельныхъ учрежденіяхъ, но и существенные вопросы всего желѣзнодорожнаго хозяйства—установленіе для желѣзнодорожныхъ перевозокъ порядковъ и тарифовъ, наиболѣе соотвѣтствующихъ интересамъ страны—сосредоточены въ министерствѣ финансовъ, а не путей сообщенія. Не говоря уже о томъ, что такое распредѣленіе административныхъ задачъ рѣшительно не отвѣчаетъ требованіямъ стройности и цѣлесообразности,

Digitized by Google

замѣтимъ, что оно ведетъ еще и къ большимъ невыгодамъ для государства. Дѣло въ томъ, что финансовое вѣдомство, какъ мы старались показать выше, склонно смѣшивать интересы русскаго государства съ интересами крупной русской торговли и промышленности, а потому его вліяніе на желѣзнодорожныя ставки легко можетъ привести къ стѣсненію хотя бы сельско-хозяйственной промышленности. Кромѣ того, для всякаго непредубѣжденнаго человѣка ясно, что теперь самое главное въ завѣдываніи желѣзнодорожной сѣтью—это казенное желѣзнодорожное хозяйство, которое, образовавшись у насъ лѣтъ 15 тому назадъ, должно прійти къ полному поглощенію частныхъ желѣзныхъ дорогъ. Въ настоящее время, какъ извѣстно, въ частномъ завѣдываніи находится лишь самая незначительная доля желѣзнодорожной сѣти, поэтому и теперь уже вполнѣ возможно, чтобы государство давало направленіе и тонъ всему желѣзнодорожному хозяйству. Это направленіе тогда только будетъ полезнымъ и дѣйствительнымъ, когда оно будетъ сосредоточено въ одномъ лишь вѣдомствѣ и когда, слѣдовательно, будетъ устранена двойственность нашей желѣзнодорожной политики. У насъ теперь (въ особенности съ назначеніемъ новаго министра) стоитъ на первой очереди вопросъ о реформѣ министерства путей сообщенія, и мы считаемъ умѣстнымъ выразить пожеланіе, чтобы наша желѣзнодорожная политика сосредоточилась въ этомъ преобразованномъ министерствѣ. Къ сказанному прибавимъ, что когда министерство путей сообщенія дѣйствительно станетъ во главѣ ввѣреннаго ему дѣла, то оно несомнѣнно вспомнитъ и о нашихъ заброшенныхъ и забытыхъ водныхъ путяхъ, весьма важныхъ для экономической жизни Россіи. Громадное богатство далъ намъ Богъ,—писала одна газета,—богатство, какого не имѣетъ вся остальная Европа въ совокупности,—*около 50 или 55 тысячъ* верстъ сплавныхъ и судоходныхъ рѣкъ въ одной только европейской Россіи! Что же мы сдѣлали съ этими своими богатствами? Съ тѣхъ поръ какъ было приступлено къ развитію сѣти желѣзныхъ дорогъ, на водяные пути мы не обращали никакого вниманія. Они были даже взяты какъ бы въ подозрѣніе, что не только не нужны, а вредны, потому что отвлекаютъ-де грузъ отъ желѣзныхъ дорогъ! Когда же впослѣдствіи выяснилось, что, по роду преобладающихъ въ нашемъ народномъ хозяйствѣ грузовъ и по дешевизнѣ водяныхъ фрахтовъ, для насъ не менѣе важны водяные пути сообщенія, чѣмъ желѣзныя дороги, то наши главныя рѣки оказались уже въ невозможномъ состояніи. Наше равнодушіе къ богатѣйшимъ воднымъ путямъ выражается еще и въ томъ, что наши рѣки съ ихъ особой промышленной жизнью представляютъ богатую и почти совсѣмъ нетронутую область для всякаго рода изслѣдованій и описаній. Въ отечественной литературѣ чувствуется полный недостатокъ въ дѣльныхъ трудахъ, трактующихъ о водныхъ путяхъ сообщенія и достаточно вѣрно и полно знакомящихъ съ ними публику. Въ водяныхъ путяхъ Россія имѣетъ такое благо, какого не имѣетъ ни одно государство Европы и которое даже теперь, при полномъ неустройствѣ, сберегаетъ странѣ громадныя суммы.

Все вышеприведенное убѣждаетъ насъ, что современное рас-

Digitized by Google

предѣленіе предметовъ управленія и задачъ между министерствами, являясь иногда весьма серьезнымъ зломъ, нуждается въ тщательномъ пересмотрѣ и измѣненіи. Въ настоящее же время, неправильное разграниченіе компетенціи отдѣльныхъ вѣдомствъ служитъ одной изъ важныхъ причинъ господства у насъ ложной политики, т. е., политики, не соотвѣтствующей интересамъ народа и государства.

Такимъ образомъ, мы можемъ сдѣлать тотъ выводъ, что рядомъ съ ложной финансовой политикой замѣчается еще и излишнее расширеніе дѣятельности нашего финансоваго вѣдомства на счетъ другихъ министерствъ. Между тѣмъ, министерство финансовъ, не выходя даже изъ круга своихъ прямыхъ задачъ, могло бы найти себѣ вполнѣ подходящее дѣло—облегчить податное бремя, лежащее на земледѣльческомъ классѣ, и возможно равномѣрнѣе распредѣлить податную тяготу между различными классами населенія. Такъ, у насъ совершенно забыта мысль о введеніи подоходнаго налога въ Россіи, возникновеніе которой относится еще къ началу нынѣшняго столѣтія. Затѣмъ, съ освобожденіемъ крестьянъ, былъ уже открыто поднятъ вопросъ о подоходномъ налогѣ, и правительство чувствовало настоятельную потребность во внесеніи бо́льшей равномѣрности и справедливости въ нашу податную систему, для чего и была образована податная комисія. Эта комисія,—какъ извѣстно,—отнеслась отрицательно къ мысли о введеніи податнаго налога въ Россіи, и выработанный ею проэктъ введенія подворнаго налога и поземельной подати былъ переданъ на обсужденіе земствъ. Общій отзывъ почти всѣхъ земствъ клонился къ признанію неудовлетворительности нашей податной системы, причемъ земства высказались за уничтоженіе различій между податными и неподатными сословіями и *за обложеніе всѣхъ подданныхъ государства налогомъ, пропорціональнымъ ихъ платежнымъ силамъ.* О необходимости коренной податной реформы въ Россіи, въ смыслѣ введенія подоходнаго налога, наравнѣ съ земскими учрежденіями, согласно высказались и административныя учрежденія, именно губернскія по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, а также многіе губернаторы, такъ какъ уже въ началѣ 70-хъ годовъ была безспорно признана несостоятельность господствовавшей системы податей и необходимость перенести часть налоговой тягости съ низшихъ классовъ населенія на классы болѣе состоятельные, путемъ введенія подоходнаго налога. Проэкты поземельнаго и подворнаго налоговъ, выработанные податною комисіею, не были приняты министерствомъ финансовъ, которое точно также отвергло и мысль о подоходномъ налогѣ. Съ тѣхъ поръ вопросъ о подоходномъ налогѣ такъ и замеръ въ министерствѣ финансовъ, и только при Н. Х. Бунге, благодаря введенію у насъ: обложенія дохода съ процентныхъ бумагъ, 3% сбора съ акціонерныхъ и т. п. предпріятій, раскладочнаго сбора и пошлинъ съ имуществъ, переходящихъ безмездными способами, мы нѣсколько подвинулись по пути осуществленія принципа подоходности въ налогахъ, Въ настоящее же время, когда платежныя силы обычныхъ плательщиковъ нашихъ государственныхъ налоговъ рѣшительно истощены, а потребность государства въ денежныхъ средствахъ уве-

Digitized by Google

личивается съ каждымъ годомъ,—министерству финансовъ слѣдуетъ вспомнить о подоходномъ налогѣ, какъ о дѣлѣ не только близкомъ этому министерству, но и весьма полезномъ для государства. Подоходный налогъ тѣмъ и хорошъ, что, какъ единственно справедливый, онъ не ведетъ къ ухудшенію положенія разоренной части населенія, которая попадаетъ въ разрядъ неплательщиковъ, а привлекаетъ тѣ группы населенія, которыя или совсѣмъ уклонялись отъ обложенія, или облагались въ недостаточной мѣрѣ.

На этомъ мы закончимъ разсмотрѣніе «итоговъ» прошлаго и выраженіе «пожеланій», поскольку и то, и другое касается финансовой и экономической дѣятельности государства. Намъ остается теперь выяснить: что въ послѣднее время сдѣлано нашимъ правительствомъ для духовной жизни народа.

Digitized by Google

ФОНОГРАФЪ.

(Фельетонъ «Наблюдателя»).

И СМѢХЪ, И ГОРЕ.

(Литературныя и общественныя замѣтки).

Проснувшіяся вожделѣнія «гонимаго племени».—Усиленная агитація противъ «черты еврейской осѣдлости».—Справка о пользѣ еврейской равноправности на западѣ Европы.—Антисемитизмъ во Франціи и его представители изъ разныхъ слоевъ общества.—Сарсэ, Андріё, Дрюмонъ и Рошфоръ.—Современные храмы «Золотаго Тельца».—Ихъ жрецы и поклонники.—Парижскій биржевой соборъ на Place de la Bourse.—Наше маленькое капище на Васильевскомъ Островѣ.—Игра на «повышеніе» и «пониженіе» дивидендныхъ бумагъ.—Биржевые «зайцы» и «пижоны».—Предостереженіе министерства финансовъ.—Попытка отличить биржевой азартъ отъ нормальнаго повышенія цѣнъ.

I.

Кто о чемъ,—а евреи мечтаютъ объ уничтоженіи ненавистной имъ «черты осѣдлости», мѣшающей распространить жидовскую культуру на всю европейскую и азіатскую Россію, «отъ финскихъ хладныхъ скалъ» до Тихаго океана и среднеазіатскихъ степей. И какая, подумаешь, грандіозная перспектива раскроется предъ очами этого паразитнаго племени, если гг. Слонимскій, Волынскій, Стасюлевичъ, Гуревичъ, Нотовичъ, «докторъ» Ландау, мукомолъ Лавровъ, нео-католикъ Влад. Соловьевъ, желѣзнодорожникъ Меккъ, субсидируемый журналистъ г. Авсѣенко, «труженикъ пера», г. Песковскій, «тюрьмовѣдъ» В. Никитинъ (вѣроятно, по тюрьмамъ познакомившійся основательно съ еврейскимъ вопросомъ) и другіе «публицисты»—ихъ же имена ты, Іегова, вѣси!—охлопочутъ гонимому израилю право свободнаго вторженія во всѣ грады и веси россійской имперіи. Вотъ гешефтъ-то пойдетъ во всю ивановскую; вотъ затрещатъ вывороченные на изнанку карманы проклятыхъ «гоевъ» (сирѣчь, всѣхъ не-евреевъ); вотъ какая контробанда и проституція, вотъ какое ростовщичество и спаиванье народа разольются широкимъ, неудержимымъ потокомъ по всему лицу земли русской!! Уклоненіямъ евреевъ отъ воинской повинности уже не будетъ конца; въ судахъ уже днемъ съ огнемъ при-

Digitized by Google

дется искать не «цибулизованнаго» адвоката; въ торговлѣ пропадутъ всѣ нефальсифицированные продукты; въ прессѣ плюнешь—такъ попадешь на еврейскаго публициста, весьма плохо маракующаго въ русской грамотѣ, но отлично знакомаго съ цѣною разныхъ газетныхъ publicités. Жидовскіе кабаки, дома терпимости, склады контробандныхъ товаровъ, газетныя лавочки, съ продажей «расчиточно и на выносъ», возникнутъ, какъ изъ-подъ земли, и въ Семирѣченской области, и въ Забайкальѣ, а жидовскія биржи угнѣздятся даже на Чукотскомъ носу, не то что на Вшивой горкѣ... Какая умопомрачительная и духъ захватывающая картина: израиль, покоряющій «подъ нози своя» громаднѣйшее государство въ мірѣ; израиль, диктующій ему премудрые законы талмуда и шулханъ-аруха!

Кто пробудилъ у евреевъ эти позатихшія было вожделѣнія; кто нашепталъ имъ надежды на пришествіе новаго мессіи, который изведетъ ихъ изъ черты осѣдлости и отдастъ имъ на грабежъ злополучнаго русскаго обывателя?—этого они, конечно, не скажутъ; но ихъ мессія уже стучится въ нашу дверь, запертую со стороны сѣверо-западнаго и юго-западнаго края, подобно Ванѣ въ «Жизни за царя», и кричитъ зычнымъ гласомъ: «отворите!» Посмотримъ, однако, отворится ли запретная дверь и не поторопилась ли еврейская и еврействующая братія праздновать побѣду кагала,—кагала, хотя официально и отмѣненнаго, но блюдущаго донынѣ, въ лицѣ своихъ раввиновъ, интересы пасомаго стада? Ничего подобнаго не замѣтно покуда, не смотря на слезныя ламентаціи нѣкоторыхъ еврейскихъ газетъ и на ихъ пламенное желаніе—своротить рѣшеніе «проклятаго вопроса» съ того правильнаго пути, на который онъ былъ поставленъ покойнымъ государемъ; наоборотъ, идутъ слухи совсѣмъ противоположнаго характера: объ уничтоженіи «казеннаго раввината» (этому раввинату посвящена была особая статья г. Тембе въ № 1-мъ нашего журнала за прошлый годъ), объ отмѣнѣ спеціально-еврейскаго «коробочнаго сбора», о закрытіи «хедеровъ», этихъ спеціальныхъ питомниковъ еврейскаго духа, и пр., и пр.,—словомъ, о полномъ *разоруженіи* злобнаго племени, до сихъ поръ страдающаго упорной «маніей величія», до сихъ поръ обзывающаго «скотскимъ сѣменемъ» все остальное человѣчество и до сихъ поръ воюющаго не на животъ, а на смерть съ основными началами европейскаго общежитія.

Кагаловъ нѣтъ, и ихъ послѣдніе остатки (въ остзейскомъ краю) упразднены недавнимъ закономъ. Но ихъ нѣтъ только на бумагѣ! Всю суть ихъ обязанностей, какъ «государства въ государствѣ», исполняетъ раввинъ, этотъ непогрѣшимый папа еврейскаго ордена, этотъ глава и руководитель еврейской общины въ вопросахъ, гораздо чаще имѣющихъ соціально-политическій, а вовсе не вѣроисповѣдный и не обрядовый характеръ.

Digitized by Google

Моисеевъ законъ,—который исповѣдуютъ въ его чистотѣ только одни караимы,—или совсѣмъ изгнанъ, или загрязненъ до неузнаваемостн въ талмудѣ, и божество, въ новѣйшемъ еврейскомъ вѣроученіи, является только пособникомъ раввинской власти, находясь къ ней въ чисто подчиненныхъ отношеніяхъ. Раввинъ, по талмуду, «*обладаетъ монаршею властью надъ богомъ*» (имя такого талмудическаго бога не слѣдуетъ даже и писать съ большой буквы); «что раввинъ захочетъ, то богъ обязанъ дѣлать непремѣнно». *Волшебство опасно* для талмудическаго бога, но не для раввина, который не боится и адскаго огня. *Не богъ благословляетъ раввина, а раввинъ—бога* [1]). Очевидно, что покуда здравствуетъ и главенствуетъ въ еврейской общинѣ этотъ не только богоподобный, но выше бога стоящій раввинъ, власть кагала надъ каждымъ отдѣльнымъ членомъ общины остается во всей своей прежней силѣ. Поэтому особая комисія, учрежденная при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ въ 70-хъ годахъ, совершенно справедливо утверждала: «Не смотря на уничтоженіе кагаловъ, *у евреевъ остается много средствъ для національнаго обособленія*. Даже въ законодательныхъ актахъ, послѣдовавшихъ за 1844-мъ годомъ (годъ *бумажнаго* уничтоженія кагаловъ) *не видно особой настойчивости къ устраненію этой обособленности*. Въ 1845 году возстановленъ существовавшій особый сборъ съ шабашныхъ свѣчей *на содержаніе собственно еврейскихъ училищъ*; учреждена *раввинская комисія* при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ для разрѣшенія мнѣній и вопросовъ, относящихся къ правиламъ еврейской вѣры (мы уже доказали въ свое время, что казенный раввинатъ всего менѣе занятъ вопросами вѣры и что, вообще, казенный раввинъ—вовсе не духовное лицо). Въ 1852 г. евреямъ предоставлено имѣть *особые цехи*; они несутъ государственныя подати и повинности *отдѣльно отъ христіанъ*, для чего составляютъ изъ себя собранія, *центромъ которыхъ становятся синагоги* (съ казеннымъ раввиномъ во главѣ); *коробочный сборъ*, которымъ обезпечивается отчасти поступленіе казенныхъ сборовъ съ евреевъ, *остается въ рукахъ еврейскихъ выборныхъ*; *третейскій судъ* [2]) (*бетъ-динъ*) *продолжаетъ дѣйствовать на талмудической почвѣ. Уничтожено собственно названіе кагаловъ, но значеніе коллегіи старшинъ едва ли не остается прежнимъ*».

Еще сильнѣе и категоричнѣе отзывался о пресловутомъ «коробочномъ сборѣ» бывшій кіевскій генералъ-губернаторъ,

[1]) О талмудѣ см. двѣ статьи въ «Наблюдателѣ» 1891 г. (№№ 4 и 5).

[2]) Этотъ еврейскій бетъ-динъ обязанъ, между прочимъ, слѣдить за тѣмъ, чтобы евреи въ своихъ дѣлахъ *не смѣли обращаться къ суду коронному* и не дерзали являться свидѣтелями, со стороны христіанина, противъ единовѣрца. («Хошенъ-га-Мишпатъ», § 26 и 28).

Digitized by Google

просвѣщенный князь А. М. Дондуковъ-Корсаковъ, предлагавшій или отмѣнить совершенно этотъ спеціально-еврейскій сборъ, замѣнивъ его другимъ налогомъ, или, во всякомъ случаѣ, вырвать изъ рукъ всемогущей синагоги. «Слѣдуетъ сознаться,—говорилъ кн. Дондуковъ въ своей официальной запискѣ,—что коробочный сборъ, *существующій внѣ правительственнаго надзора* (рѣчь была заведена о томъ, чтобы предоставить этотъ сборъ въ полное распоряженіе еврейскихъ общинъ) сохранитъ всѣ тѣ же неудобства, ту же тяжесть, тѣ же злоупотребленія, и *даже будетъ служить причиной бо́льшаго обособленія евреевъ*, если онъ перейдетъ изъ вѣдѣнія правительства въ распоряженіе самихъ обществъ... *Зная евреевъ, можно съ увѣренностью сказать, что они ни въ какомъ случаѣ не откажутся отъ коробочнаго сбора*, что они желаютъ только *освободить его отъ правительственнаго надзора и отъ употребленія на уплату недоимокъ* (для чего и установленъ, главнымъ образомъ самый сборъ), что они непремѣнно усилятъ этотъ сборъ, будутъ употреблять его на свои еврейскія надобности... и даже *для разныхъ вредныхъ цѣлей, какъ ходатайства по общимъ еврейскимъ дѣламъ* (изъ этого сбора, какъ извѣстно, была дана милліонная взятка для устраненія отъ должности министра юстиціи—врага евреевъ Г. Р. Державина). Противъ этого евреи возражаютъ, что правительству и жителямъ другихъ исповѣданій нѣтъ дѣла до того—упразднятъ ли евреи совершенно этотъ сборъ, или оставятъ его для своихъ надобностей; что это—*частное домашнее дѣло самихъ евреевъ* (хороши «домашнія» дѣла евреевъ, направленныя къ развращенію общества и чиновничьяго круга!). При всей кажущейся справедливости такого возраженія, невозможно, однако, съ нимъ согласиться. «*Еврейство—іудаизмъ — не есть только религіозное вѣрованіе: оно есть особое законодательство* (совершенно вѣрная мысль, которую мы *и пропагандируемъ съ самаго основанія нашего журнала*, подкрѣпляя ее историческими фактами и подлинными цитатами изъ еврейскихъ законовъ), — законодательство, которое *сопровождаетъ еврея во всей его жизни*, касается его семейныхъ, имущественныхъ и общественныхъ правъ и обязанностей; *освобождаетъ еврея отъ повиновенія общимъ государственнымъ законамъ*»...

Въ то же время Я. Соловьевъ (впослѣдствіи сенаторъ, одинъ изъ самыхъ почтенныхъ дѣятелей по освобожденію крестьянъ) возставалъ противъ составной части коробочнаго сбора,—а именно налога на «кошерное» (особеннымъ образомъ приготовленное) мясо,—съ точки зрѣнія свободы вѣроисповѣданія, такъ какъ многіе евреи, преимущественно бѣдняки, давно жалуются на этотъ налогъ, а русское правительство не имѣетъ ни малѣйшаго основанія «принимать на себя заботу объ обя-

Digitized by Google

зательномъ соблюденіи еврейскимъ населеніемъ его религіозныхъ обрядностей, не посягая на свободу совѣсти, такъ какъ и между евреями есть такіе, которые не употребляютъ вовсе кошернаго мяса».

Итакъ, съ точки зрѣнія здравой государственной политики, преслѣдующей въ Россіи, прежде всего, интересы русскаго населенія,—всѣ учрежденія, искусственно замыкающія евреевъ въ какую-то особенную человѣконенавистническую группу, должны быть разрушены, а самимъ евреямъ предстоитъ затѣмъ доказать свою способность къ производительному труду, свою готовность исполнять, наряду съ русскими, всѣ свои гражданскія обязанности. Теперь же они просятъ равноправности, такъ сказать, «въ кредитъ», оставаясь въ принципѣ тѣми же врагами современнаго культурнаго общества, и только эксплуатируя его въ свою личную пользу. Такого кредита—при полной возможности, даже неизбѣжности надувательства съ еврейской стороны—наше правительство, конечно, оказывать не станетъ...

Однимъ изъ козырей въ еврейской игрѣ противъ «черты осѣдлости» служила, и теперь еще служитъ, ссылка на примѣръ западной Европы, гдѣ евреи давно, молъ, пользуются равноправностью съ другими гражданами. Но при этомъ израильскіе шулера забываютъ упомянуть, что французское правительство, сгоряча «эмансипировавшее» евреевъ во время первой революціи, сто разъ потомъ могло пожалѣть о несвоевременности такого шага. Уже при Наполеонѣ I, правительство вынуждено было защищать противъ варварской эксплуатаціи со стороны этихъ новоиспеченныхъ «французскихъ гражданъ»—крестьянское населеніе Эльзаса и Лотарингіи. Чѣмъ дальше, тѣмъ больше обострялась вражда между кореннымъ населеніемъ Франціи и пришлымъ израильскимъ элементомъ, присосавшимся съ недоброю цѣлью ко всѣмъ выдающимся отраслямъ общественной и экономической жизни. Въ настоящее время,—по признанію даже такого друга семитовъ, какъ Франциск Сарсэ,—*«мощные протесты противъ еврейства исходятъ отъ людей убѣжденныхъ и честныхъ, и свидѣтельствуютъ о неоспоримомъ настроеніи общественнаго мнѣнія всей Франціи, крайне озлобленнаго противъ семитизма»*. Что это вѣрно,—можно подтвердить примѣрами, взятыми съ двухъ противоположныхъ полюсовъ французскаго общества. Вотъ вамъ, съ одной стороны, католикъ Дрюмонъ; а съ другой—радикалъ и «непримиримый» Рошфоръ. Во всемъ другомъ они расходятся, обо всемъ другомъ спорятъ ожесточенно, но къ еврейскому племени относятся съ одинаковымъ неодобреніемъ.

Въ минуту, когда мы пишемъ эти строки, во Франціи нѣтъ человѣка популярнѣе Рошфора, только что вернувшагося на родину изъ своего вынужденнаго изгнанія и съ энтузіазмомъ

Digitized by Google

встрѣченнаго громадною массою французскихъ гражданъ, все таки видящихъ въ немъ патріота, хотя и крайняго образа мыслей. И вотъ что говорилъ не такъ давно о евреяхъ этотъ защитникъ свободы во всѣхъ ея возможныхъ и невозможныхъ видахъ: «*Мы вполнѣ понимаемъ, что Россія гонитъ евреевъ отъ себя.* Впрочемъ, въ Россіи они и безъ того находятся въ постоянной опасности: почти всѣ бунты крестьянъ происходятъ отъ того, что *они не даютъ себя грабить сынамъ израиля*, которые безпощадно разоряютъ деревни, гдѣ поселяются. *Насъ только безпокоитъ*, что эти угнетенные, массой, бѣгутъ къ намъ, чтобы устроиться во Франціи... Будьте увѣрены, что какъ бы ни были евреи жалки и грязны въ настоящую минуту, не пройдетъ 3—4 лѣтъ, какъ они сдѣлаются собственниками и безусловными хозяевами тѣхъ мѣстностей, гдѣ они высадятся. До Ватерлоо, отецъ Ротшильдовъ торговалъ старымъ желѣзомъ въ какой-то лавчонкѣ, а теперь *его внуки держатъ въ своихъ когтяхъ Францію, Австрію и Италію*». Насчетъ традиціоннаго предательства этихъ людей безъ отечества, сомкнувшихся въ разбойничій станъ ради одной гнусной цѣли—наживы во что бы то ни стало,—котирующихъ на биржѣ всякіе «принципы» и героическіе подвиги, Рошфоръ разсказываетъ историческій фактъ, какъ «*эти подлые жиды*» (извиняемся предъ нашей либерально-еврейской прессой за перепечатку этого непарламентскаго выраженія французскаго «интрансигента»!) по изгнаніи Наполеона изъ Россіи, *выбрасывали на улицу французскихъ плѣнныхъ и больныхъ, предварительно обобравши ихъ до нитки.* Наконецъ, онъ предвидитъ, что жидовскій «*разбой*» въ Алжирѣ поведетъ рано или поздно къ такой же народной расправѣ, къ какой привелъ уже въ разныхъ мѣстахъ Европы.

Въ то же время, совершенно независимо отъ Сарсэ, Дрюмона и Рошфора, бывшій умѣренно-республиканскій депутатъ—и, одно время, парижскій префектъ полиціи—Андріё прочелъ цѣлую лекцію объ успѣхахъ антисемитизма во Франціи, причемъ всю вину этого движенія возложилъ на самихъ евреевъ. «Многіе слои общества,—говорилъ этотъ свѣдущій въ еврейскомъ вопросѣ лекторъ,—которые прежде не питали никакихъ непріязненныхъ чувствъ къ евреямъ, теперь относятся къ нимъ враждебно, потому что *евреи все болѣе и болѣе стремятся играть въ государствѣ неподобающую роль.* Люди религіозные считаютъ ихъ, не безъ основанія, одними изъ главныхъ виновниковъ гоненія на христіанскую религію; люди свободно мыслящіе возмущаются и серьезно встревожены тѣмъ, что *евреи, которыхъ не особенно много во Франціи* (никакъ не свыше 300,000) *занимаютъ съ каждымъ годомъ все больше и больше мѣстъ въ администраціи.* За послѣднія 15 лѣтъ, во Франціи

Digitized by Google

не было ни одного министерства, въ которомъ не отводилось бы портфелей евреямъ. *Это обусловливается преимущественно тѣмъ, что правительство находится почти въ полной зависимости отъ банкировъ».*

При такихъ условіяхъ, понятно,—по словамъ Андріё,—что евреи становятся ненавистными во Франціи, тѣмъ болѣе, что «равноправность» послужила имъ только къ тому, чтобы лучше укрѣпиться въ своей старой позиціи—«государства въ государствѣ».

Вотъ вамъ подлинные голоса изъ той Франціи, которая раскрыла впервые свои объятія «гонимому племени» и... отогрѣла у себя змѣю на груди. Эти голоса, конечно, были *замолчаны* въ свое время нашею либерально-еврейскою прессою, и ихъ не найдешь ни въ «Новостяхъ», ни въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ», ни въ «Вѣстникѣ Европы», ни въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ», ни въ «Русской Мысли». Не встрѣтишь ихъ также и въ нѣкоторыхъ якобы-консервативныхъ журналахъ и газетахъ, «охраняющихъ», прежде и больше всего, жидовскую эксплуатацію и закрывающихъ глаза на всѣ коллективныя безобразія евреевъ-стачниковъ. «Гражданинъ», поругивая иногда «для проформы» евреевъ, предлагалъ однако допустить ихъ разселеніе по всѣмъ русскимъ деревнямъ,—чего имъ только и нужно!

Если же во Франціи сравнительно ничтожный процентъ еврейства вызвалъ такое жгучее негодованіе за сто лѣтъ своей «равноправности», то понятно, что изъ другихъ странъ, болѣе густо населенныхъ семитами—изъ Галиціи, Венгріи и Румыніи—слышатся уже непрерывающіеся стоны и проклятія коренного населенія по адресу наглыхъ и прожорливыхъ паразитовъ. Можно представить себѣ, какихъ «дѣловъ» натворилъ бы у насъ равноправный израиль, отродившійся на нашихъ пажитяхъ въ угрожающемъ количествѣ — до 6 милліоновъ душъ!

II.

Для наступленія того всемірнаго господства червонца, о которомъ мечтаютъ евреи-маньяки, современные банки и биржи представляютъ, конечно, самыхъ непобѣдимыхъ и всесокрушающихъ «боевыхъ коней». Недаромъ евреи, по своей—культивированной вѣками—хищнической природѣ, издавна пристроились къ этимъ главнымъ артеріямъ политической и общественной жизни. Сидя въ центрѣ громадной, вселенской, банковско-биржевой паутины и свободно перебѣгая по всѣмъ нитямъ этого заколдованнаго круга, еврей-паукъ чувствуетъ себя, какъ въ родномъ гнѣздѣ. Это и есть его настоящее идеальное отечество, ниспосланное ему судьбою взамѣнъ давно утраченной

Digitized by Google

реальной Палестины! Здѣсь онъ владыка, совершенно не отвѣтственный передъ своими подданными; отсюда его повелѣнія разсылаются во всѣ концы міра и съ первобытною почтою, и по телеграфнымъ проволокамъ, и по телефонамъ. И попробуй кто нибудь его ослушаться или ему прекословить. Вѣдь нынче,—благодаря, главнымъ образомъ, той же еврейской культурѣ,—лишеніе состоянія гораздо ужаснѣе «лишенія живота»! Вѣдь живота—въ особенности пустаго—хладнокровно лишаютъ себя очень многіе, но лишаться туго набитаго кошелька—о! какая это танталова мука, какое безъисходное отчаяніе! Что̀ представляетъ собой современный лиллипутъ «конца вѣка», если къ торричелліевой пустотѣ его головы и сердца прибавить еще пустоту кармана? Даже меньше нуля—отрицательная величина... Приманкой рубля, этихъ людишекъ можно держать въ такомъ повиновеніи и заставить продѣлывать такіе рабскіе курбеты, что передъ ними и ползанье на четверенькахъ нашихъ старинныхъ шутовъ можетъ показаться боярской осанкой.

Весьма естественно, что, стремясь ко всемірному порабощенію во имя «Золотаго Тельца», равноправные евреи прежде всего постарались овладѣть такими грандіозными твердынями, какъ парижская биржа и французскій государственный банкъ. И въ сто лѣтъ своей равноправности они, дѣйствительно, овладѣли ими, а черезъ нихъ диктуютъ свою волю и даже свои капризы не одному только французскому правительству. Такъ напр., за «гоненіе на евреевъ» парижскій Ротшильдъ (выведенный подъ именемъ Гундермана въ романѣ Золя: «Власть денегъ») провалилъ нашу 3% металлическую конверсію. Что же касается до самой Франціи, то Гундерманъ-Ротшильдъ, держа ее «въ своихъ когтяхъ», по выраженію Рошфора, въ сущности давно уже производитъ тамъ la pluie et le beau temps, дергая банковскими и биржевыми нитками—своихъ показныхъ маріонетокъ на политическомъ и журнальномъ поприщахъ. Года два тому назадъ, при обсужденіи вопроса о государственномъ банкѣ во французской палатѣ депутатовъ, обнаружились такія некрасивыя стороны еврейской гегемоніи (начиная съ ростовщическихъ 20—25%, зашибаемыхъ Ротшильдомъ на свой акціонерный капиталъ) что ихъ никакъ не могъ замазать своимъ продажнымъ краснорѣчіемъ подручный парижскаго креза—нынѣ отошедшій уже ad patres—Бюрдо. Тутъ же, по спопутности, сдѣланы были обличительныя историческія справки, изъ которыхъ оказывалось, что въ «восшествіи на престолъ» Наполеона III-го по ступенькамъ, облитымъ кровью, домъ Ротшильда принималъ самое теплое участіе, ссудивъ узурпатора 25-ью милліонами, необходимыми для coup d'état. Но тотъ же Ротшильдъ не былъ такъ добръ къ Гамбеттѣ, напрягавшему всѣ свои силы въ борьбѣ съ нѣмецкимъ нашествіемъ, и

Digitized by Google

швырнулъ ему только маленькую субсидію, которой не удовольствовался бы, пожалуй, и капитанъ Копѣйкинъ.

Настоящій дворецъ некоронованныхъ, но наслѣдственныхъ монарховъ Франціи, Ротшильдовъ,—это и есть великолѣпное зданіе парижской биржи на Place de la Bourse. Въ этомъ дворцѣ, въ извѣстные часы дня, кипитъ жизнь и движеніе. Храмъ «Золотаго Тельца», куда стекаются его жрецы и поклонники, наполненъ криками, возвѣщающими о поднятіи и паденіи всякаго рода бумажныхъ цѣнностей; здѣсь создаются громадныя состоянія и здѣсь же они лопаются, какъ мыльные пузыри. Тутъ прошли всѣ основныя и дополнительныя акціи знаменитой «Панамы», всѣ безчисленные займы Аргентинской республики, занимавшей громадный павильонъ на послѣдней парижской выставкѣ 1889 года, и потомъ со стыдомъ обанкротившейся. Милліонные крахи чередуются здѣсь съ милліонными барышами. Человѣческое корыстолюбіе, разожженное до бѣлаго каленія еврейскими опекунами биржи, страсть къ легкой наживѣ, отвращеніе къ тяжелому производительному труду—такъ и рвутся изъ всѣхъ глазъ, такъ и носятся въ воздухѣ, потрясаемомъ кликами радости, воплями отчаянія и рычаніемъ мести кому-то и за что-то... Пессимистъ, полюбовавшійся на этотъ денежный «бой быковъ», на этотъ свальный грѣхъ современнаго капитализма,—съ еврейской окраской преимущественно,—найдетъ на парижской биржѣ кучу матеріала для оправданія своего безнадежнаго пессимизма. Оптимистъ же можетъ горько разочароваться въ своихъ розовыхъ надеждахъ на человѣчество...

III.

По примѣру своихъ заграничныхъ соплеменниковъ, прибравшихъ къ рукамъ все «денежное обращеніе» въ Европѣ, евреи завели и у насъ тѣ же самые порядки: — ту же банкократію, безъ содѣйствія которой не можетъ двинуться на фондовомъ рынкѣ ни одна дивидендная бумага, ту же биржевую игру на «повышеніе» (la hausse) и «пониженіе» (la baisse). Гдѣ еврей, тамъ и биржа; гдѣ биржа—тамъ и еврей.

Вслѣдъ за грандіозными храмами «Золотаго Тельца» на берегахъ Сены, Темзы и Шпрее, возникло небольшое, сравнительно, капище и въ устьѣ Невы, на Васильевскомъ островѣ, у Дворцоваго моста. Конечно, это только слабая пародія на тѣ могучіе двигательные центры денежнаго царства, но—toutes les distances réservées—и богослужебный ритуалъ, и составъ жрецовъ, и кругъ воздѣйствія нашего капища опредѣляются тѣми же типическими чертами, что̀ и въ великолѣпномъ соборѣ на Place de la Bourse. И цѣли операцій, и ихъ пріемы, и вся маклерская повадка—одни и тѣ же. Сегодня судорож-

Digitized by Google

ные голоса выкрикиваютъ необычайные барыши, предстоящіе къ полученію по акціямъ такого-то промышленнаго предпріятія; завтра (а, пожалуй, и въ тотъ же день) такіе же голоса, но принадлежащіе другимъ глоткамъ, сулятъ этимъ акціямъ всяческое пониженіе и чуть ли не окончательный крахъ. На слабыя головы биржевыхъ «зайцевъ» и «пижоновъ» и тѣ, и другіе слухи, провозглашаемые съ увѣренностью вожаками биржи, дѣйствуютъ оглушительно, и цѣнность различныхъ акцій и облигацій, въ одинъ биржевой сеансъ, можетъ и соскочить, и привскочить на нѣсколько десятковъ и даже на сотни рублей. Сегодня, въ 11 часовъ утра, васъ увѣряютъ съ божбою и клятвою, что кассы «Общества истребленія таракановъ» трещатъ отъ непомѣрныхъ дивидендовъ, которыхъ даже и не умѣстить въ неглубокіе карманы акціонеровъ, а къ закрытію биржи присягаютъ уже въ томъ, что это общество—наканунѣ гибели и само будетъ уничтожено, по исполнительному листу, вмѣстѣ со своими тараканами. То идутъ въ ходъ закладные листы «Деревни Проплеванной», то невѣроятно повышаются облигаціи «Черкесско-кабардинскаго земельнаго банка». За кулисами всей этой игры на повышеніе и пониженіе стоятъ, невидимые простымъ смертнымъ, жрецы «Золотаго Тельца» и опытной рукой направляютъ движеніе въ ту или другую сторону. Вотъ они «накачали» сегодня цѣну акцій «Архангельскаго винодѣлія» или «Тамбовскихъ серебро-свинцовыхъ розсыпей», а завтра уже спустили ихъ, по бѣшеному курсу, легкомысленнымъ зайцамъ и пижонамъ. И такъ двигается ежедневно это маховое колесо биржевой игры, подъ которымъ хрустятъ и въ порошокъ стираются большія и малыя «сбереженія» охотниковъ до легкой наживы. Оно и въ самомъ дѣлѣ соблазнительно: купилъ, напр., какой нибудь счастливчикъ акціи «Брянскаго металлическаго завода» по 200 р за штуку, въ маѣ 1894 г., а въ декабрѣ того же года продалъ ихъ по 420!! Или: захватилъ въ удачный моментъ акціи «Днѣпровскаго пароходства» *(перваго* или *втораго* — теперь все едино) по 130 р., и получилъ за нихъ черезъ полгода 200 р. Конечно, это уже не то, что̀ львиная доля Брянскаго завода, но, при болѣе умѣренныхъ апетитахъ, барышъ также не маленькій. Слухомъ земля полнится. Эти слухи объ удвоеніи и утроеніи капитала за одинъ годъ, циркулируя въ массѣ публики, взбудораживаютъ въ ней алчные инстинкты, помрачаютъ умственныя способности—и лѣтописи «денежнаго обращенія» на с.-петербургской биржѣ, наряду съ двумя-тремя счастливыми случаями,—обыкновенно выпадающими на долю и безъ того богатыхъ людей, хорошо знакомыхъ съ биржевой механикой,—наполняются массою недочетовъ, крупныхъ проигрышей и окончательныхъ разореній.

О вредѣ биржевой игры, объ ея растлѣвающемъ вліяніи

Digitized by Google

на общество, говорено было такъ много и краснорѣчиво, что намъ трудно прибавить къ этому что нибудь новое и болѣе убѣдительное. Евреи знаютъ, что̀ дѣлаютъ, завладѣвая этой игрой и втягивая въ нее довѣрчиваго и беззащитнаго «гоя». Но радикально запретить биржевую игру было бы, по крайней мѣрѣ, также трудно, какъ напр., и игру картежную. Попробуйте-ка изгнать изъ россійскихъ «клубовъ», «кружковъ» и «общественныхъ собраній» винтъ, мушку и баккара! Чѣмъ другимъ, а ужь зеленымъ-то полемъ мы ни въ какомъ случаѣ не пожертвуемъ, и если въ нашей тихой, безпробудной лужѣ возможно еще какое нибудь серьезное оживленіе и, пожалуй, смятеніе,—то это именно по поводу проскрипціи любезнаго винта. Еще труднѣе справиться съ биржевой игрой, захватывающей такую огромную—міровую—сферу.

Тѣмъ не менѣе, возможно было бы, наконецъ, отличить въ биржевой игрѣ рискованный *азартъ* отъ правильныхъ оборотовъ, подобно тому, какъ это различіе проведено уже между *азартными* и *комерческими* карточными играми.

Подобною задачею задалось, повидимому, наше министерство финансовъ, которому принадлежитъ честь многихъ очень хорошихъ начинаній—отъ развитія сельско-хозяйственнаго кредита до выдачи «литературныхъ» пенсій включительно. По крайней мѣрѣ, почти на дняхъ (12 января) это почтенное вѣдомство, въ виду цѣлой оргіи «повышенія», творившейся на петербургской биржѣ, сочло нужнымъ выступить изъ своей хладнокровно-наблюдательной позиціи и дать заигравшимся спекулянтамъ внушительное *предостереженіе*. «Съ нѣкоторыхъ поръ—гласитъ офиціальная замѣтка въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» — на нашихъ денежныхъ рынкахъ производятся весьма оживленныя сдѣлки съ нѣкоторыми акціями и другими цѣнными бумагами частныхъ компаній и учрежденій, причемъ цѣны на многія изъ этихъ бумагъ, сильно колеблясь изо дня въ день, въ общемъ, подымаются все выше и выше. *Склонное къ повышенію настроеніе рынка оправдывается въ извѣстной мѣрѣ общимъ ходомъ дѣлъ. Но въ немалой степени явленіе это, а равно рѣзкія колебанія цѣнъ, несомнѣнно зависятъ отъ* **азартной игры** *упомянутыми бумагами*. Министерство финансовъ нисколько не заинтересовано въ томъ, каковъ будетъ, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, конечный исходъ изъясненнаго положенія вещей, такъ какъ онъ не касается ни казны, ни держателей правительственныхъ или гарантированныхъ правительствомъ процентныхъ бумахъ. Но въ интересахъ той части *падкой на легкую наживу публики*, которая, не будучи достаточно знакома съ биржевыми дѣлами, вовлекается въ игру,—министерство финансовъ считаетъ своимъ долгомъ предупредить, что въ игрѣ этой, въ громадномъ большинствѣ случаевъ,

Digitized by Google

въ концѣ концовъ *она явится страдающей и потерпѣвшей стороной*».

Итакъ, *азартная* биржевая игра громогласно отличена министерствомъ финансовъ отъ повышательнаго «настроенія рынка, оправдываемаго общимъ ходомъ дѣлъ». Для перваго предостереженія достаточно и этого. Во второмъ предостереженіи можно пойти далѣе, а по третьему—прикрыть совершенно нѣкоторые виды и способы биржевой игры, съ одной стороны подходящіе къ картежному азарту (какъ напр., такъ называемыя «сдѣлки на срокъ») а съ другой—къ предусмотрѣнному закономъ «распространенію *ложныхъ слуховъ* съ корыстною цѣлью»...

Ефимъ Простосердовъ.

Digitized by Google

Изъ записной книжки.

I.

Когда гнилой мукой насъ дума угощала,
То русскій вышелъ самъ въ отставку отъ скандала;
Полякъ же съ гоноромъ остался, сколько могъ,
Пытаясь тщетно оправдаться,
Чтобы съ управой не разстаться;
А нѣмецъ къ ней съумѣлъ такъ присосаться,
Что силой указать пришлось ему порогъ.

II.

На «попечительства о трезвости»—такъ ложенъ,
Обманчивъ радужный разсчетъ!
Въ нихъ русскій человѣкъ охотой не пойдетъ,
Пока кабакъ вездѣ въ конецъ не уничтоженъ.
Ну, а у насъ такой исходъ
И не въ крови, и не возможенъ.

III.

Кажется, къ намъ возвращается вѣянье дѣдово:
Дума совсѣмъ отказалась почтить юбилей Грибоѣдова!!.
Что жь! пусть надъ геніемъ русскимъ кулакъ потѣшается,
«Горя», какъ съ Чацкимъ, вѣдь съ нимъ никогда не случается,
Какъ же онъ можетъ покаяться?

Старый Поэтъ.

Digitized by Google

СОДЕРЖАНІЕ № 2-го

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКАГО ЖУРНАЛА

«НАБЛЮДАТЕЛЬ».

Стран.

I. Изъ разсказовъ: «Концы и начала». («Дэнди»). А. Михайлова. 11
II. Жизнь. Стихотвореніе М. М. Гербановскаго. . . 27
III. Новыя умственныя теченія въ современной Германіи. А. С. Трачевскаго 28
IV. Амурскіе лихачи. (Изъ воспоминаній туриста). С. Фл. левскаго 54
V. Мери. Стихотвореніе К. Бальмонта 55
VI. Современный анархизмъ и его теоретики. В. В. Чуйко. . 75
VII. Свѣту больше! Историческій романъ Д. Л. Мордовцева . 99
VIII. Наша періодическая печать и сельское хозяйство. Д. Райскаго 146
IX. Встрѣча. Стихотвореніе Л. Афанасьева 165
X. Расплата. Романъ В. Свѣтлова 166
XI. Венеціанки. Романъ миссъ Брэддонъ 217
XII. Эпоха увлеченій. (Изъ воспоминаній русскаго гарибальдійца). Н. А. Попова 249
XIII. Спутникъ человѣка. Стихотвореніе В. К. Булгакова . . 282
XIV. Наша журналистика. К—скаго 284
XV. Изъ американской жизни. (Путевыя впечатлѣнія). В. Святловскаго 301
XVI. Въ желѣзнодорожномъ мірѣ. (Очерки и картинки). С. Васюкова. 318
XVII. Вздохъ. Стихотвореніе А. Мейснера 339
XVIII. Правда и ложь о еврейскомъ землевладѣніи. А. Н. Котельникова. 340
XIX. Господинъ министръ. Романъ Кларети 350
XX. Элегія. Стихотвореніе В. Кобзаренко 398

Современное обозрѣніе.

XXI. Политическая хроника. 1
XXII. Новыя книги 10
XXIII. Наши внутреннія дѣла 21
XXIV. Фонографъ. (Фельетонъ «Наблюдателя»). 1) «И смѣхъ, и горе». (Литературныя и общественныя замѣтки). Ефима Простосердова. 37
2) Стихотворенія: Стараго Поэта. 49

Digitized by Google

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

1) Редакція проситъ гг. подписчиковъ изъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ нѣтъ почтовыхъ конторъ, обозначать въ своихъ адресахъ *ближайшее почтовое мѣсто*, куда можно было бы точно направлять книги журнала. Въ противномъ случаѣ, Редакція *не можетъ ручаться за исправную доставку журнала* и не принимаетъ на себя никакихъ хлопотъ по сношенію съ петербургскимъ почтамтомъ. 2) Если журналъ своевременно не получается подписчикомъ, Редакція, въ виду скорѣйшаго удовлетворенія жалобы, покорнѣйше проситъ заявлять объ этомъ *не позже полученія слѣдующей книги*, такъ какъ Газетная Экспедиція, на основаніи почтовыхъ правилъ, позже этого времени жалобъ не принимаетъ. При жалобѣ должно быть приложено удостовѣреніе мѣстной почтовой конторы, что книга, дѣйствительно, не доставлена по адресу. Жалобы должны присылаться *непосредственно* въ Главную Контору. Утраченный не по винѣ Редакціи экземпляръ высылается вторично подписчику за 1 руб. 50 коп. 3) При перемѣнѣ адреса, необходимо присылать *старый печатный адресъ* или же его нумеръ и, при каждомъ заявленіи, прилагать *пять семикопѣечныхъ почтовыхъ марокъ* за напечатаніе новаго адреса. Перемѣна адреса должна быть получена въ Конторѣ *не позже 20-го числа* каждаго мѣсяца, чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу. 4) При перемѣнѣ городскаго адреса на иногородный, уплачивается 2 руб.; при перемѣнѣ же иногороднаго на городской—1 р. Перемѣны адресовъ сообщаются исключительно въ Главную Контору Редакціи. 5) Лица, обращающіяся съ разными запросами въ Редакцію, благоволятъ прилагать почтовыя марки для отвѣтовъ. 6) Редакція проситъ присылать рукописи не иначе, какъ *четко* переписанными. Рукописи, признанныя неудобными къ напечатанію, хранятся не болѣе полугода и, по истеченіи этого срока,—если не будутъ потребованы обратно,—уничтожаются. Мелкія статьи менѣе 100 листовъ писчей бумаги и стихотворенія вовсе не возвращаются. По поводу доставляемыхъ стихотвореній, Редакція не вступаетъ *ни въ какую переписку съ авторами*, хотя бы и были приложены марки для отвѣтовъ. Для возвращенія обратно рукописей иногороднымъ, должны быть приложены почтовыя марки, соразмѣрно стоимости пересылки заказной бандеролью. Рукописи, доставленныя безъ опредѣленія условій гонорара, считаются безплатными или оплачиваются по усмотрѣнію Редакціи. Рукописи должны быть присылаемы въ Редакцію *заказными* (а не простыми) *письмами* и *бандеролями*. Рукописи, принятыя *безъ указанія срока помѣщенія*, печатаются *исключительно* по назначенію Редакціи. По усмотрѣнію Редакціи, рукописи подвергаются сокращенію и измѣненію. Статьи неизвѣстныхъ Редакціи авторовъ, за которыя гонораръ не былъ потребованъ *въ теченіе полугода со времени напечатанія*, признаются безплатными. 7) Контора открыта съ 1-го октября по 1-е мая—отъ 12 до 4 часовъ пополудни, въ остальное же время года—до 3 часовъ, *кромѣ праздничныхъ и воскресныхъ дней. Пріемъ въ Редакціи—по четвергамъ, отъ часу до двухъ*. 8) Объявленія для напечатанія въ журналѣ принимаются съ платою: за страницу—25 руб., за $^1/_2$ стр.—13 руб., и за $^1/_4$ стр.—7 р. 9) Конторы газетъ и журналовъ, печатающихъ наши публикаціи, приглашаются доставлять свои счеты въ Редакцію *не позже полугода со дня напечатанія:* иначе теряется возможность контроля надъ правильностью уплаты. 10) *Всякія денежныя выдачи въ Главной Конторѣ производятся только одинъ разъ въ мѣсяцъ*: **5-го числа, отъ часу до 3-хъ пополудни.** Если это число приходится на праздникъ или воскресенье, то выдачи отлагаются до слѣдующаго дня. *Авансы за рукописи, хотя и принятыя, но не напечатанныя въ журналѣ, не допускаются.*

ОТКРЫТА ПОДПИСКА, НА 1895 Г., НА ЛИТЕРАТ.-ПОЛИТИЧ. ЖУРНАЛЪ

ГОДЪ XIV. **„НАБЛЮДАТЕЛЬ“** ГОДЪ XIV.

Вступивъ въ четырнадцатый годъ своего существованія, журналъ издается подъ прежней редакціей, въ томъ же *прогрессивно-національномъ* направленіи.

«НАБЛЮДАТЕЛЬ» выходитъ ежемѣсячно, 1-го числа, **безъ предварительной цензуры**, книгами отъ 25-ти до 30-ти печатныхъ листовъ. Подписная цѣна: **за годъ** безъ доставки **12** руб.; съ доставкою въ С.-Петербургѣ **13** руб; съ пересылкою внутри Россіи **14** р.; за границу—**17** руб. **За полгода**: безъ доставки—**6** руб.; съ доставкою—**6** руб. **50** коп.; съ пересылкою въ Россіи—**7** руб.; съ пересылкою за границу—**9** руб. **За три мѣсяца**: безъ доставки—**3** руб.; съ доставкою и пересылкой въ Россіи—**3** руб. **50** коп.; за границу—**5** руб.

Вслѣдствіе допущенія редакціею подписки на три мѣсяца безъ возвышенія платы, **разсрочка подписной суммы сохраняется только для гг. служащихъ** (по мѣсяцамъ и третямъ года) за поручительствомъ гг. казначеевъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ Главной Конторѣ, С.-Петербургъ, Пушкинская улица, № 11 (близъ Невскаго просп.) и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

Редакторъ-Издатель **А. П. ПЯТКОВСКІЙ.**

GENERAL BOOKBINDING CO.
74 18GHV 13 040 P 2 6573
QUALITY CONTROL MARK
Digitized by Google

Типографія Главнаго Управленія Удѣловъ, Моховая, 40.

Digitized by Google

Digitized by Google